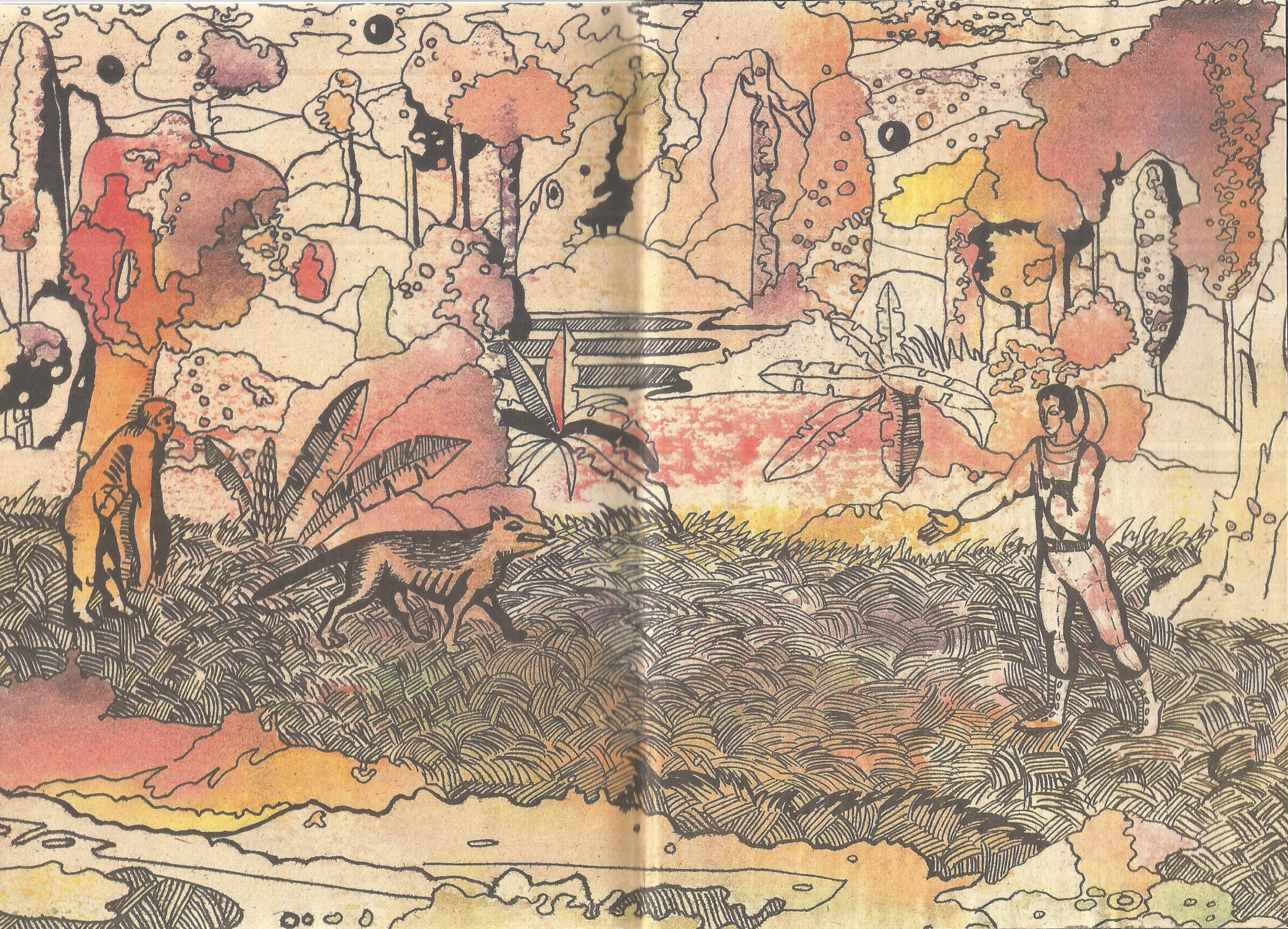
БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

НЕЗЕМНЫЕ СОСЕДИ

НЕЗЕМНЫЕ СОСЕДИ

НЕЗЕМНЫЕ СОСЕДИ

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ДЕТЕКТИВ

ФАТА МОРГАНА

ФАНТАСТИКА

•

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

•

ДЕТЕКТИВ

Чед Оливер

НЕЗЕМНЫЕ СОСЕДИ

Брайян Олдисс

ДОКЛАД О ВЕРОЯТНОСТИ А

Филип К. Дик

УБИК

Ноэль Роже

НОВЫЙ ПОТОП

НЕЗЕМНЫЕ СОСЕДИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ

Нижний Новгород
Издательство
«ФЛОКС»
1992

ББК 84.7США; 84.4Вл; 84.4Фр
Н 44

Художник
П. ЗАСУХИН

Неземные соседи. Фантастические романы. Пер. с англий-
Н 44 ского Х. Иванова, И. Невструева, П. Зотова и с французского Б. Рынды-Алексеева.— Н. Новгород, издательство «Флокс», 1992.— 528 с.

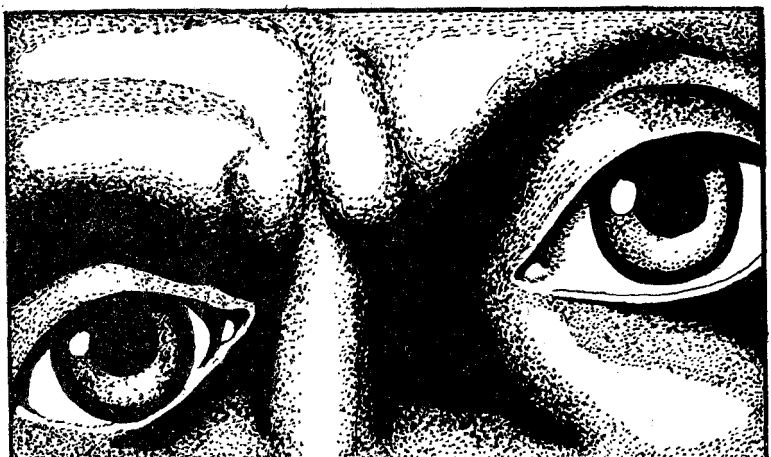
ISBN 5-87198-002-3

В сборник вошли произведения, ранее не известные советскому читателю — романы американских фантастов Чеда Оливера «Неземные соседи» и Филипа К. Дика «Убик», прославленного англичанина Брайана Олдисса «Доклад о Вероятности А» и французского писателя Ноэля Роже «Новый потоп», написанные в самых разных жанрах — космической и философской фантастики, а также «романа катастроф».

Н $\frac{4703040100—005}{Д\ 40(03)—92}$ Без объявл. **84.7 США; 84.4 Вл; 84.4 Фр.**

ISBN 5-87198-002-3

© Составление, перевод, оформление. Издательство «Флокс», 1992

Чед Оливер

НЕЗЕМНЫЕ СОСЕДИ

ПЕРЕД КОНЦОМ

Высоко над качающимися кронами деревьев, образующими крышу мира, пылало жгучее белое солнце.

В прохладной тени леса одиноко сидел голый мужчина, привалившись спиной к своему дереву и прислушиваясь к вздохам деревьев вокруг.

Теперь он стар, и мысли его полны забот.

Он поднял длинную правую руку и вытянул ее. Вольмэй все еще был силен, а мышцы его тверды и упруги. Он все еще мог взбираться на деревья и падать сверху на мощные нижние ветви, чувствуя, как ветер упруго бьет ему в лицо.

Рука опустилась.

Состарилось не только его тело; оно-то как раз и не играло большой роли.

Нет, его гнетут мысли. В самом деле, во всем какая-то горькая ирония! Мужчина всю жизнь работает и учится, чтобы однажды прийти к согласию с самим собой, когда все то, что должно быть сделано — уже сделано, на все вопросы даны ответы, все сны истолкованы. И тогда...

Он покачал головой.

Он теперь один, но ведь большинство людей одиноки. Его дети покинули его, но это хорошие дети, и он может прийти к ним, когда захочет. Его спутница уже больше не знает его, когда весна заставляет кровь быстрее бежать по жилам; но все именно так, как и должно быть.

Впереди уже немного жизни, и жизнь уже не кажется ему такой ценной, как в прошедшие солнечные годы.

Он поднял взгляд на проплывающее мимо пятно в голубом небе, которое можно было видеть сквозь красные листья деревьев. Вольмэй прошагал длинную дорогу жизни так, как должен был прошa-

гать, и знал то, что должен был знать. Он не удивился — хотя все было так неожиданно — и совсем не испугался.

Все же оставалась какая-то странная неудовлетворенность.

Может, это груз лет, подумал он, нашептывающий ему; ведь говорят же, что старые люди живут наполовину во сне.

Может, это от той самой неожиданности, что появилась в небе, как сверкающее серебром Нечто...

Во всяком случае, что-то в нем осталось неудовлетворенным и незаполненным. Ему казалось, что жизнь в чем-то его обманула, чего-то лишила. Что-то вызывало боль и давило на сердце.

Что же это может быть?

Вольмэй закрыл свои черные глаза и попытался погрузиться в сны. Тогда к нему пришла бы их мудрость, такая прекрасная. Но он знал, что ему приснится; он уже не ребенок...

Большое белое солнце описывало клонящуюся вниз послеполуденную дугу.

Ветер улегся, и деревья затихли.

Голый человек видел сны.

И, может быть, ждал...

ГЛАВА I

— Свобода воли? — Монт Стюарт тихо засмеялся и дернул себя за бороду.— Что, черт возьми, вы хотите этим сказать?

Студент, неосторожно выбравший антропологию в качестве своей профессии, вынужден был приложить большие усилия, чтобы сдержать страстный, возбужденный поток слов, но это ему все же удалось.

— Свобода воли? — эхом повторил он и бесцельно помахал рукой.— Так это же... э-э... да вы же сами знаете!

— Да, я знаю.— Монт Стюарт резко откинулся назад в своем вращающемся кресле и направил указательный палец на возбужденного молодого человека.— А вот знаете ли это вы?

Студент — его звали Холлоуэй — видимо, не привык, чтобы его знания ставили под сомнение. Он на мгновение задумался и попытался дать правильный ответ:

— Я думал, мы имеем способность выбирать и определять свою судьбу.

Монт Стюарт запыхтел, взял в руки человеческий череп, лежавший на его письменном столе, и покачал державшуюся на пружинах челюсть.

— Слова, мой друг, слова.— Он поднял свои кустистые брови.— Какая у вас группа крови, мистер Холлоуэй?

— Группа крови, сэр? Нулевая, я думаю.

— И когда вы выбрали себе эту группу? До того, как ваша мать зачала вас, или после?

Холлоуэй оторопел.

— Я не желаю...

— Я вижу, что у вас каштановые волосы. Вы их подкрашиваете или выбрали понравившийся вам наследственный тип?

— Это нечестно, доктор Стюарт. Я не хотел...

— Что вы не хотели?

— Я не имел в виду, что свобода воли имеет отношение ко всему. Я думал о выборе, который мы делаем в повседневной жизни. Вы знаете...

Монт Стюарт вздохнул, отыскал в ящике письменного стола свою трубку и зажал ее зубами. Его надежды, что студенты будут учиться думать, были давно лелеемой иллюзией. С Холлоуэем можно было начинать прямо с нуля.

— Я вижу, Холлоуэй, что на вас рубашка с галстуком, широкие брюки и пара башмаков. Почему вы сегодня не надели набедренную повязку и мокасины?

— Но, сэр, в конце концов...

— Ваше присутствие на моей лекции говорит мне, что вы студент Университета Колорадо. Если бы вы родились аборигеном Австралии, вы бы вместо этого изучали тайны чуринги — не правда ли?

— Вполне возможно, но точно так же...

— Вы уже ужинали, Холлоуэй?

— Нет, сэр.

— Вы не считаете, что могли бы сегодня выбрать себе на ужин квашеное кобылье молоко с кровью?

— Нет, не думаю. Но мог бы — не правда ли?

— Но как же вы смогли бы сделать это так далеко от Казахстана? Вы когда-нибудь задумывались над тем, что вера в свободу воли — в первую очередь вопрос культуры, в которой вы случайным образом выросли? Вам когда-нибудь приходило в голову, что вы считаете невозможным понятия, не входящие в круг понятий вашей культуры, и что ваша теперешняя вера в это ни в коей мере не зависит от вашей свободной воли? Вам когда-нибудь приходило в голову, что всякий сделанный вами выбор — неизбежный продукт мозга, который вы наследовали, и продукт всего того, что случилось с этим мозгом за время, в течение которого вы живете в созданной не вами культуре?

Холлоуэй казался растерянным.

Монт Стюарт встал. Он был невысоким, но жилистым мужчиной. Холлоуэй тоже встал.

— Мистер Холлоуэй, вам понятно, что дистанция между нами

обусловлена культурой — что мы, будь мы представителями другой культуры, стояли бы или ближе друг к другу, или, наоборот, дальше? Приходите ко мне через четырнадцать дней, и мы поговорим об этом подробнее.

Холлоуэй попятился к двери.

— Большое спасибо, сэр!

— Не за что.

Дверь за Холлоуэем закрылась, и Монт Стюарт улыбнулся. Несмотря на устрашающую бороду, его улыбка казалась юношеской. Он развлекался. Конечно, каждый полуобразованный дурак мог спорить о свободе воли, но Холлоуэя назвать таким нельзя — даже если он только что казался таким. Во всяком случае, из парня можно кое-что сделать, если отучить необдуманно болтать и заставить думать. Монт уже не раз наблюдал за превращением всему удивляющегося студента первого семестра в уверенного в себе ученого, умеющего правильно ставить вопросы.

Монт любил свои занятия и свою репутацию ужасного чудовища. Открытие студента с настоящими способностями являлось для него такой наградой, выше которой он ставил только сенсации о разгадке культурных процессов или проблемы генетики народов. Монт любил свою работу и был непревзойденным профессионалом в своей области.

Он поднялся к проектору. Монт был удивительно опрятный мужчина, несмотря на некоторую небрежность в одежде. Короткие черные волосы, аккуратно причесанные, компенсировали несколько взлохмаченный вид выпирающей вперед широкой бороды. Ясные серые глаза смотрели светло и весело, и хотя он выглядел как раз на столько лет, сколько ему и было — без года сорок,— в нем задержалось что-то юношеское.

Он включил проектор, чтобы проверить материал к завтрашней утренней лекции студентам первого семестра. В воздухе без всякого экрана возникло трехмерное изображение фигуры — старый мистер Неандерталец с надбровными утолщениями и плоским затылком. Монт выключил проектор, снова отправив хомо неандерталенсис в третий межледниковый период.

Желудок дал знать, что пора отправляться домой. Он закрыл свой прокуренный рабочий кабинет и на лифте поднялся на крышу здания антропологического факультета. Это было не самое большое здание в университетском городке, но уважение к антропологии к 1991 году возросло настолько, что ее уже не могли, как раньше, разместить в импровизированном сарае. Прохладный воздух Колорадо освежал; забравшись в вертолет и поднимаясь в воздух, Монт чувствовал себя превосходно.

Он летел на средней скорости, не спеша, наслаждаясь видом

покрытых снегом гор и прозрачным светом стоящего на западе солнца. Для среды это был прекрасный и легкий день. Раздражительность Монта в значительной степени основывалась на том, что другие люди в большинстве своем были не в состоянии вникнуть в его идеи. Ему нужен был толчок, он жил этим. То, что он относился к первым четырем-пяти специалистам в своей области, для него не стоило и ломаного гроша; его занимали новые проблемы. Если он к своему удовлетворению решал какую-либо из них, то сразу терял к ней интерес. Он ценил необычные точки зрения по той простой причине, что жизнь казалась короткой, чтобы проводить ее в скуке.

Монт медленно опустил вертолет на крышу своего дома, со вкусом построенного из камней и брусьев в предгорьях, и удивился, увидев стоящий рядом с гаражом чужой вертолет. Он вышел из кабины и оглядел его. Это был дорогой зеленый «кадиллак» с регалиями ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ на обоих боках.

ЭТО МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ ИНТЕРЕСНЫМ, подумал он.

Верхняя дверь дома открылась, и Монт Стюарт торопливо зашагал вниз, спеша узнать, что случилось.

* * *

В комнате, в любимом кресле Монта сидел мужчина и угощался скотчем с содовой. И то, и другое, по убеждению Монта, выдавало интеллигентного человека. Увидев вошедшего Монта, гость встал, и Монт тотчас же узнал его, хотя никогда не был с ним знаком; его жесткое лицо и серебристо-седые волосы благодаря телевидению были знакомы каждому человеку.

— Вы — Марк Хейдельман,— сказал Монт и протянул руку.— Приятная неожиданность. Я — Монт Стюарт. Может быть, вы мне писали, а я не получил письма?

Марк Хейдельман крепким рукопожатием потряс протянутую руку.

— Я тоже очень рад, мистер Стюарт. Нет, я не писал, я просто ввалился к вам домой. Для дипломата несколько неуклюже, но мой визит абсолютно секретный. Вы меня простите, как только узнаете причину моего прихода. Я позволил себе разыскать вас дома, так как это касается не только вас, но и вашей жены. Вообще-то, она очень красивая женщина.

Монт снова попросил его сесть и пододвинул кресло для себя.

— Так это официальный визит?

— Вообще-то, да. Мы хотим попытаться поручить вам совершенно необычное задание.

Монт схватил свою трубку, набил ее и свирепо сосал до тех

пор, пока она как следует не раскурилась. Он, конечно, знал, что Марк Хейдельман был правой рукой Генерального секретаря Объединенных Наций, то есть, крупным зверем. Со времени давно прошедших дней почти легендарного Дага Хаммаршельда, когда ООН далеко не в такой, как сейчас, степени была само собой разумеющейся частью повседневной жизни на всей Земле, Генеральный секретарь считался важнейшим человеком в мире.

— Я полагаю, вам нужен антрополог.

Хейдельман улыбнулся.

— Нам нужны вы.

В комнату вкатился сервомех и привез поднос с двумя новыми порциями скотча и содовой. Это не был настоящий робот — лишь кар на колесах с различными приспособлениями,— но Монт и Луиза приобрели его не так давно и очень гордились им.

Монт взял свою рюмку и поднял ее.

— Итак, Марк, в чем дело?

Хейдельман покачал головой.

— Ваша жена сказала мне, что вы терпеть не можете серьезных дискуссий до еды, и я буду придерживаться этого. Кроме того, я приглашен на жаркое, и буду очень расстроен, если мне придется улететь, не попробовав ее фирменного блюда.

Монт улыбнулся. Теперь стало понятно, почему Хейдельман считался лучшим дипломатом в мире. Он излучал обезоруживающий шарм, и в нем не было ничего ни елейного, ни притворного.

— Но вы можете хотя бы намекнуть? Тайны меня раздражают.

— Вы можете получить целую массу первоклассных язв желудка, пока все закончится. Один из наших кораблей, наконец, вытянул самый главный приз.

Монт почувствовал поднимающееся возбуждение. Он вскинул свои лохматые брови.

— Вы имеете в виду...

В это мгновение в комнату из кухни вошла Луиза. Она, как всегда, выглядела свежей и привлекательной; ее красивые карие глаза сияли, и она была причесана по последней моде. К тому же на ней было платье, которое ей больше всего шло, заметил Монт — верный признак, что гость ей понравился. После восемнадцати лет супружеской жизни Монт все еще считал свою жену восхитительной. Она и была главной причиной того, что он считал себя счастливым человеком.

— Господа, жаркое готово,— сказала она и поцеловала Монта в лоб.— Монт, я едва сдерживаю любопытство!

— Я тоже! — ответил Монт.

Они прошли в столовую, расположенную в пристроенном к дому крыле. Было довольно холодно, поэтому пришлось задвинуть крышу, но сквозь стекло ясно были видны звезды.

Как цивилизованные люди, они сосредоточили все свое внимание на одной из часто недооцениваемых радостей жизни: жарком из настоящей говядины. Жаркое было достаточно прожарено, каждый кусочек с нежно-розовой полоской посредине. К жаркому был подан хрустящий гарнир, сыр и горка картофельного пюре, но жаркое, конечно, было самым главным.

Хейдельман не прерывал еду профессиональными разговорами, да Монт и сам не мог оторваться от произведения чудесного поварского искусства Луизы, чтобы завести разговор. Он дождался, пока они снова не уселись в гостиной и сервомех не привез им кофе.

— О'кей,— сказал он.— Я сыт, и мы можем перейти к делу. Расскажите о большом призе, который вы упомянули.

Хейдельман кивнул.

— Надеюсь, что все это не покажется вам слишком мелодраматичным, но я должен обратить ваше внимание на то, что все рассказанное мной должно сохраниться в строжайшем секрете. Я знаю, что могу положиться на вас.

— Ну давайте же, говорите! — нетерпеливо сказал Монт.— Считайте, что все предисловия уже позади. В чем дело?

Хейдельман сделал глубокий вдох.

— Один из наших космических кораблей-разведчиков открыл планету с человеческими существами! — сказал он.

* * *

Монт подергал себя за бороду.

— Человеческие существа? Какого вида? И где?

— Может, вы дадите мне договорить? Я постараюсь быть кратким.

— Хорошо, хорошо. Но не избегайте подробностей!

Хейдельман улыбнулся.

— Не так уж много подробностей мы и знаем. Как вы понимаете, развитие космических полетов позволило...

Монт нетерпеливо встал.

— Не эти подробности, черт побери! Мы и сами знаем об экспедициях к Центавру и Проциону. Так что же там с этими человеческими существами? Где они и какие?

Хейдельман допил свой кофе.

— Их обнаружили на девятой планете системы Сириуса. Это примерно в восьми с половиной световых годах от Земли. Может быть, я немного поторопился, назвав их человеческими существами, но внешне они чертовски похожи на людей.

— И вы сумели завязать с ними отношения? — спросила Луиза.

— Нет. Мы, конечно, не могли рассчитывать, что обнаружим там людей, но все космические корабли имеют на такой случай приказ быть сдержанными и очень осторожными. У нас лишь несколько фотографий и магнитные записи разговоров на их языке...

Монт тут же поймал его на слове, как кошка воробья.

— Вы говорите: на их языке? Осторожнее — и шимпанзе могут устроить такой спектакль, что это может выглядеть как разговор, вовсе не являясь таковым. В каком смысле вы применили это слово?

— Ну, кажется, они говорят так же, как и мы. Они не ограничиваются звуками и криками, болтают между собой совсем по-человечески. Мы синхронизировали несколько магнитных записей и киносъемок, и некоторые из них кажутся примером того, как родители что-то внушают своим детям. Этого достаточно?

Монт опять упал в кресло и достал из кармана свою трубку.

— Я бы сказал, что этого достаточно. После этого я считаю их людьми. Как с остальной культурой — я имею в виду, удалось ли узнать что-нибудь еще?

Хейдельман наморщил лоб.

— В этом-то самое смешное, Монт. Люди с корабля-разведчика работали очень тщательно, но не смогли обнаружить ничего такого, чего я мог бы ожидать. Ни городов, ни чего-либо подобного. Даже никаких домов — если не считать ими пустые стволы деревьев. Ни земледелия, ни промышленности. Они даже не носят одежды и, кажется, обходятся даже без самых примитивных орудий труда.

— Никаких? А оружие? Ни каменных топоров, ни деревянных дубинок?

— Ничего! Они бегают нагишом и ничего при себе не носят. Если они лазают по деревьям...

Монт чуть не выронил свою трубку.

— Вы шутите? Вы хотите мне сказать, что это плеченогие, прыгающие по деревьям?

— Но они действительно лазают по деревьям. Конечно, они ходят и по земле — причем у них совершенно прямое положение тела, но ужасно длинные руки...

Луиза от удовольствия засмеялась.

— Покажите нам снимки, Марк! Мы больше не вытерпим.

— Да, это будет, наверное, лучше всего.— Хейдельман улыбнулся; он знал, что теперь оба крепко сидели на крючке.— Снимки в моем «дипломате».

Монт посмотрел на коричневый портфель, лежавший на столе в гостиной, с таким вожделением, какого не ощущал давно. Он сам себе казался Дарвином, высаживающимся на самый важный из всех островов.

— Ради всего святого! — сказал он.— Покажите нам снимки!

ГЛАВА 2

Там было пять объемных фотографий. Хейдельман подал их им без всяких объяснений. Монт быстро их просмотрел, чтобы сначала продумать общее впечатление, а затем начал изучать одну за одной.

— И да, и нет! — бормотал он про себя.

Снимки, очевидно, вырезанные из фильма, в смысле ясности оставляли желать лучшего. Они были немного размытыми и до удивления ничего не говорящими. Как будто фотоаппарат высунули из окна и щелкнули наугад.

И все же это были увлекательнейшие снимки, какие Монт когда-либо видел.

— Посмотри на эти руки! — сказала напряженно Луиза.

Монт кивнул и попытался привести в порядок свои мысли. Так много можно было увидеть на этих пяти снимках, так много нового, странного и все-таки такого знакомого.

Ландшафт был успокаивающим, и трудно было воспринимать человекоподобные фигуры в правильной перспективе. В нем не было ничего гротескного, но в формах деревьев и прочих растений было что-то ненастоящее. Цвета тоже были странными. Кора деревьев голубоватая, а листья скорее красные, чем зеленые. Слишком много ярко-коричневых и голубых пятен, будто сумасшедший художник дико прошелся кистью по полотну.

Солнце, которое можно было видеть на двух снимках, сияло искрящейся белизной и занимало в небе слишком много места.

«Странно напоминает леса в детских иллюстрированных книжках,— подумал Монт.— Деревья не похожи на настоящие, а цветы таких пастельных расцветок встречаются только во сне».

— Это люди,— сказала Луиза.— Точно, Монт!

Да, да. Это люди. Как легко это выговорить! Только — что такое человек? По каким признакам мы узнаем его, когда видим? Сможем ли мы когда-нибудь быть совершенно уверенными?

Говоря поверхностно, да — это люди. В любом случае они относятся к млекопитающим. Но ведь и древний неандерталец был человеком. И даже *питекантропос эректус* принадлежал к роду *хомо.*

Что такое человек?

У Монта зачесались руки; он страстно желал получить несколько костей вместо этих размытых снимков. Как, например, по этим дурацким снимкам определить объем черепа? Череп должен иметь массивные кости; горилла имеет большую голову, но ее мозг почти на тысячу кубических сантиметров меньше человеческого.

На кого они похожи?

Общим впечатлением была, конечно, «человечность»,— но насколько справедливо это впечатление? Эти люди — если их можно так назвать — были прямоходящими двуногими, и формы их тела не слишком отличались от человеческих. Ноги на самом деле очень походили на человеческие, хотя большой палец, кажется, стоял под прямым углом к остальным. Руки чудовищно длинные, настолько длинные, что даже у стоящей прямо особи они едва не доставали до земли. Но люди стояли совершенно прямо, и в них не было ничего от осанки обезьян. Тела безволосые и довольно стройные, кожа цвета меди, но бледнее.

Лица? Нет, невозможно предположить, что при виде их земные девушки вскричали бы от восторга, но, возможно, и они не сочли бы земных девушек такими уж прекрасными. Лица казались достаточно человеческими — длинные и узкие, с довольно мощными скулами и глубоко посаженными глазами. Их зубов Монт не видел, но, очевидно, они не выпирали вперед. Волосы светлые и очень короткие — как пух.

На них не было никакой одежды, но двое мужчин разрисовали себя вертикальными полосами — по красной и голубой полосе на каждой стороне груди.

Ни у одного из этих людей не было никакого оружия.

Монт не видел ни орудий труда, ни жилищ. Один из мужчин стоял перед большим деревом, в котором, кажется, была глубокая полость, но ее трудно было разглядеть.

На одном из снимков был ребенок пяти-шести лет, если использовать земные мерки. Он висел на ветке, держась одной рукой, и широко улыбался. Под ним стояла женщина и, казалось, бранила его — впечатление от матери и ребенка было таким сильным и знакомым, совсем земным.

Но конечно же, отношения мать-дитя часто кажутся человеческими даже у обезьян.

Монт осторожно положил фотографии на стол.

— Теперь мне обязательно надо выпить! — сказалон.

* * *

После того, как робот, убрав со стола и вымыв посуду, смешал по точным указаниям Монта скотч и содовую и принес в гостиную, Монт начал прохаживаться взад и вперед. Он закурил вместо трубки сигарету — верный признак того, что он глубоко погружен в себя.

— Мне не все ясно,— сказал он.— Вы считаете, что они не за-

нимаются земледелием, но охотиться они тоже не могут, так как у них нет оружия. Чем же они живут?

— Разве они не могут питаться дикими плодами, кореньями или чем-нибудь подобным? — спросил Хейдельман.

— Думаю, могут.

— Обезьяны ведь этим и живут, верно? — спросила Луиза.

— Конечно, но ведь это обезьяны, если ты не станешь называть человека высокоразвитой обезьяной. Марк говорит, что у них есть свой язык, а ни одно животное на Земле, кроме человека, не имеет языка. Можно ожидать, что у них есть и своя культура; культура и язык взаимосвязаны, как яичница и ветчина. Но я еще никогда не слышал ни об одной группе людей, которые бы не пользовались никакими орудиями труда. Даже примитивнейшие народы Земли использовали палки, короба и тому подобное. Или это самые примитивные люди, которых когда-либо обнаруживали, или...

Луиза засмеялась.

— Монт! Никогда бы не поверила, что когда-нибудь услышу от тебя такое! После всех твоих замечаний по поводу лиц примитивных суперменов...

— Дело в том,— серьезно сказал Монт,— что «примитивный», наверное, многозначное слово. Мы, кажется, знаем, что оно обозначает на Земле — культуру без письменности и городов. Здесь все именно так, но как это можно применить к человеку с другой планеты? Мы совсем ничего о них не знаем и можем сильно ошибиться, если собираемся подойти к ним с нашими мерками. Что же касается суперлюдей — я сомневаюсь, что это понятие имеет какой-то смысл. Человек — это суперобезьяна или что-то совсем иное? Эти люди могут быть в чем-то совершенно отличны от нас, и все же не «супер» — если ты понимаешь, что я имею в виду!

Хейдельман пригубил свой стакан.

— Конечно! — сказал он.— Единственная возможность узнать правду — пойти туда и посмотреть!

— Да, да,— Монт задавил сигарету в пепельнице и взял новую.— Вы сами хотите услышать от нас, или я должен подождать, когда меня об этом попросят?

— Вас об этом уже просят! Разве не ясно? Мы хотим, чтобы вы возглавили научную экспедицию на Сириус-IX — и чем скорее, тем лучше. Мы хотели бы, чтобы первые контакты с этими людьми завязал опытный антрополог, чтобы, по меньшей мере, избежать наихудших заблуждений. Что вы об этом думаете?

— Значит, все выглядит таким образом! — Монт присел на спинку кресла; он чувствовал себя так, будто ему только что подарили бессмертие.— Черт побери, конечно же, я хочу! Самые хищные динозавры не удержат меня! Но, мистер Хейдельман, несколько вопросов я хотел бы выяснить прямо сейчас...

Хейдельман улыбнулся.

— Я знаю, что вы имеете в виду, и вы можете об этом не беспокоиться. Мы знаем, как это важно для вас, и готовы предоставить вам какие хотите права. Вы можете быть абсолютно самостоятельным и решать те научные задачи, которые сочтете нужными. Мы только требуем, чтобы вы сделали все возможное для создания мирных отношений с населением Сириуса-IX и подробно сообщили нам обо всем после вашего возвращения. Вы должны будете сделать предложения по поводу того, что считаете необходимым, и иметь решающий голос во всех подготовительных мероприятиях. Вы можете выбрать людей, с которыми хотели бы работать. Мы предоставим вам космический корабль под командованием адмирала Йорка. Это надежный человек. Он доставит вас на место и будет отвечать за вашу безопасность. Но общение с туземцами полностью в ваших руках. Вашим единственным начальником мог бы быть только Генеральный секретарь. Ваш гонорар оплатит ООН, а также вам предоставят отпуск в университете. Ваша жена может лететь с вами; после знакомства с ней я не могу советовать вам покинуть ее на три года. Подробности мы сможем обсудить позднее. Как вам это нравится?

Монт был почти оглушен.

— Это звучит слишком прекрасно, чтобы быть правдой. Конечно, тут еще есть кое-какие закавырки...

— Есть. Мы до сих пор ничего не знаем об этом народе. Это, конечно, очень нелегкое задание, и оно вполне может оказаться в высшей степени опасным. Я не хочу преуменьшать опасность — там на карту может быть поставлена ваша жизнь!

Монт пожал плечами. Он вообще-то недешево ценил свою шкуру, но остаться сейчас дома — это немыслимо. Он не оскорбил Луизу, не спросив ее мнения, ведь он знал ее так хорошо, что слова были излишни.

— Я еще никогда не была в космосе,— сказала Луиза,— даже на Луне. Не хотелось бы умереть, не покинув Землю хоть один раз.

— Как долго все это будет? — спросил Монт.

— Это зависит от вас. Чтобы добраться до системы Сириуса, кораблю с новым двигателем потребуется немного меньше одиннадцати месяцев. Если вы проведете на Сириусе-IX год, то примерно через три года вы сможете снова вернуться на Землю — естественно, если все будет хорошо! Мы считаем, что все это время сможем продержать дело в тайне. Мне нет нужды объяснять вам, что начнется, если вдруг об этом станет известно раньше времени.

— Простите мое невежество — почему?

Марк Хейдельман улыбнулся.

— Вы не слишком разбираетесь в политике, Монт. Это было бы величайшей сенсацией всех времен и народов. Как только об этом

станет известно, каждое правительство, имеющее в своем распоряжении хоть один космический корабль, пошлет его к этой планете. Всякая возможность научной экспедиции полетела бы ко всем чертям! Этих людей бесцеремонно начали бы исследовать, миллионы раз прогнали бы перед телекамерами — или как недоразвитых дикарей, или как опасных чудовищ. Это может привести к взрыву, ведь никогда не знаешь, что произойдет, когда народ впадет в ярость. Мы не можем себе этого позволить. Сначала нужно получить точную и достоверную информацию.

— А что произойдет, когда вы будете иметь точную и достоверную информацию — *если,* конечно, вы ее получите?

— Это зависит от того, что вы обнаружите. В конце концов, эти люди действительно могут быть опасными. Мы избрали вас для этого задания, зная, что вы действительно деловой человек и будете придерживаться фактов.

— Но ведь это невероятная ответственность, вы же знаете!

— Я вам уже говорил, что вы заработаете на этом деле не одну язву желудка. Если вы работаете в ООН, это вам обеспечено. Работа там состоит не только из приемов с коктейлями и нежной дипломатии.— Хейдельман вдруг показался Монту очень усталым.

Наблюдая за ним, Монт начинал понимать проблемы, с которыми тому приходилось иметь дело. Дело с Сириусом, каким бы критическим оно ни было, было лишь одним из гигантской серии взаимосвязанных и никогда не кончавшихся кризисов. Оно, должно быть, уже потребовало гигантской предварительной работы за письменным столом, прежде чем было предложено Монту. При этом никуда не исчезли вопросы о том, что предпринять против настойчивых стремлений Бразилии продолжать испытания ядерного оружия; как уладить пограничные конфликты между арабами и израильтянами; как предотвратить демографический взрыв в Китае и Индии...

Луиза зазвенела стаканами с новой порцией напитков и умело перевела разговор в более спокойное русло. Она спросила Марка о его юношеских футбольных успехах, и Хейдельман благодарно посмотрел на нее.

Монт обнаружил, что Марк разделяет его увлечение рыбалкой, и они торжественно поклялись друг другу попытаться выбраться вместе половить форель в Бивер-Крик, когда Монт вернется с Сириуса-IX.

Когда, наконец, около двух часов ночи Хейдельман распрощался, они были хорошими друзьями.

Пока робот гремел и суетился, занимаясь уборкой, Монт беспорядочно носился по дому, чересчур возбужденный, чтобы заснуть. Его собственная комната вдруг начала казаться ему совершенно

чужой. Он потрогал книги, стоявшие вдоль стен, внимательно рассмотрел несколько картин, которыми так гордился, обошел, оглядывая, яркие ковры работы индейцев навахо, лежавшие на красном каменном полу.

Всего несколько таких коротких часов назад его жизнь была уютной, будущее радостным и заранее известным, а вот сейчас с характерной для его жизни внезапностью все вдруг стало новым и незнакомым...

Луиза нежно обняла его.

— Пойдем, посмотрим на него! — сказала она тихо.

Он сначала не понял, потом кивнул.

Они бок о бок подошли к большому окну и раздвинули шторы.

Они смотрели в даль над черными силуэтами гор Колорадо, в зимний звездный блеск. Монт почувствовал, как по телу жены прошла короткая дрожь.

— Он там,— сказал он и показал пальцем.— Смешно, но я сейчас вспомнил даже название созвездия: *Большой Пес*.

— Хотела бы я знать, в каком созвездии живем мы.

— Никогда бы не поверил, что такое возможно, в самом деле! После открытий экспедиций к Центравру и Проциону казалось невероятным, что где-то еще, кроме Земли существуют человеческие создания. Совсем недавно я читал статью — помнишь, я об этом говорил? — в которой возможность независимого развития людей где-то еще оценивалась вероятностью менее, чем одна миллионная. По теории...

— Неужели ты забыл, что сам обычно говорил о теориях?

— Я помню. Но все-таки, это странное чувство.

Он крепко обнял жену.

Она вдруг показалась ему бесконечно дорогой — даже если сам он не испытывал страха. Для него она была единственным живым существом в этой бесконечной и равнодушной Вселенной.

Странное и более, чем странное. Свет, посредством которого возникли фотографии, что я видел около часа назад, достигнет Земли еще только лет через семь. Это так далеко, так далеко...

— Я рад, что ты будешь со мной, старушка,— сказал он спокойно.

Она поцеловала его.

— Тебе придется идти намного дальше Сириуса, если ты вздумаешь от меня отделаться! — прошептала она.

Они долго стояли у окна, за которым открывался вид в ночь.

Сириус был виден очень отчетливо.

Ведь он был самой яркой звездой в небе.

ГЛАВА 3

Как готовится экспедиция, задача которой завязать первый контакт с чуждой культурой вне Земли? Монт не знал этого.

В некотором смысле это была слишком сложная задача для Монта, он ведь не мог просто натянуть сапоги, нахлобучить тропический шлем и с блокнотом в руках отправиться в путь. Также невозможна была и другая крайность — он не мог взять с собой каждого, кто проявил бы интерес к этой проблеме. Во-первых, для их переброски понадобился бы весь космический флот. Во-вторых, если всю орду исследователей напустить на, по-видимому, довольно примитивную культуру, то это было бы гарантией того, что вообще никакой работы сделано не будет.

Итак, он решился на самую малую, насколько это было возможно, экспедицию. Он возьмет с собой людей, которые необходимы ему для первопроходческой работы и которые смогут оставить все остальные специальные проблемы на потом. Он сам себя уговаривал, что пришел к этому на основе практических соображений — что до известной степени так и было. Но все же у него оставалось какое-то глубоко спрятанное раздражение по поводу великих и всеобъемлющих исследовательских планов. По своему богатому опыту он знал, что привлечение к решению задач большого количества мозгов ни в коем случае не гарантирует успеха.

Он сам был одиночкой современной антропологии, и его главной областью было открытие закономерностей в культурном развитии. Но он не ограничивался только этим. Подгоняемый, с одной стороны, чувством нетрадиционного, с другой — прочной верой в свои способности, он стал авторитетом в биологической антропологии и генетике народонаселения.

Ему, очевидно, необходим языковед. Все это дело буквально кричало о необходимости привлечения самого лучшего из исследователей языков, какого только можно отыскать. Поэтому Монт подавил свои личные чувства и выбрал Чарли Йеняке. Чарли был угрюм и неуклюж. У него было удивительное обыкновение долго носить свои рубашки, пока запах от них не становился невыносимым. Но, несмотря на это, он был блестящим лингвистом. Если кто и сможет решить загадку языка туземцев в такой спешке, то только Чарли. Странно и смешно, какими бывают парадоксы в человеческих отношениях: Хелен, жена Чарли — куколка, маленькая, хрупкая, красивая и необыкновенно очаровательная. Хелен и Луиза хорошо ладили друг с другом.

Ральф Готшалк из Гарвардского университета был, вероятно, лучшим из молодых биоантропологов и знал о приматах, обезьянах и полуобезьянах, по крайней мере, не меньше, чем любой другой из современных ученых. С учетом сходства туземцев с гиббонами,

Ральф непременно должен быть там, и Монт охотно брал его с собой. Ральф — мужчина огромного роста с нежнейшей душой, какую только встречал Монт,— был отличным игроком в покер и необыкновенно умным собеседником. Ральф тоже был женат, на загадочной женщине, Тине, которую он, уезжая куда-либо, всегда оставлял дома.

Если все пойдет по плану — а Монт в это верил! — настоятельно необходимы будут и психологические исследования. Работы Тома Стейна в этой области оказали на Монта большое впечатление. Когда они познакомились лично, это впечатление только усилилось. Том был высоким и худым, раньше времени облысевшим, с бледно-голубыми глазами за толстыми стеклами очков. Даже застенчивость не могла скрыть его острый, как бритва, аналитический ум. С женой они были неразлучны. Джеймс Стейн была не особенно привлекательной, довольно низенькой, толстой женщиной, но с веселым характером. Она была первоклассной поварихой, что может оказаться весьма практичным.

Наконец, Монт хотел взять с собой Дона Кинга. Дон был археологом, научным одиночкой с горячей головой. Монт, к сожалению, не слишком любил Дона — да и немногие могли его любить,— но решил, что его присутствие будет своеобразным стимулятором. Он мог сыграть роль хорошего возбуждающего средства, так как не признавал сразу никаких чужих идей и больше всего любил спорить. Он был почти вызывающе красивым, высоким, хорошо сложенным, с песочными волосами, а одевался всегда так, будто должен был фотографироваться для журнала мод. Марк Хейдельман сомневался в необходимости брать Дона, так как туземцы Сириуса-IX не имели орудий труда, но Монт был уверен, что Дон что-нибудь обнаружит. С одной стороны, нужно точно установить, изготавливались ли орудия труда в прошлом; с другой — нельзя было полностью полагаться на фотографии.

Итак, пятеро мужчин, чтобы исследовать мир!

Дерзко? Конечно, но еще никогда маленькие люди не добивались чего-то великого, робко придерживаясь мелочных правил.

* * *

Корабль казался большой металлической рыбой, живущей в космосе и никогда не знавшей берега. Он был собран на орбите вне Земли и не знал другой родины, кроме глубин космоса.

Монт, Луиза и все остальные были пересажены на один из спутников ООН, а оттуда перешли на борт корабля. Корабль пролетел мимо Луны на обычном двигателе, чтобы затем создать гиперполе, которое позволит ему перешагнуть световой барьер.

По международному соглашению все космические корабли назывались именами видных борцов за мир. Этот корабль имел официальное название «Ганди», но так как это был второй корабль, предпринимавший длинное путешествие к системе Сириуса, экипаж окрестил его «Сыном Сириуса». Как-то, спустя месяца три после старта, кто-то вспомнил, что Сириус называют еще и Собачьей Звездой, что привело к появлению массы шуток, в которых значительное место занимало словосочетание «сукин сын».

Монт и Луиза обнаружили, что сборы в путешествие к Сириусу были такими же мучительными, как и в любое другое путешествие. Возникали те же самые проблемы: что взять с собой, а что оставить дома, сдавать дом внаем или нет. Та же нервозность, то же возбуждение. Мелочи заели настолько, что они даже попытались перенести отлет на каникулы между двумя семестрами.

Наконец отлет освободил их от всех земных обязанностей, а полет к спутнику ООН оказался именно таким, каким они его представляли. Звезды казались настолько близкими, что невольно верилось, будто их можно схватить руками, а черная бездна космоса представлялась чем-то материальным. Чувство это было подобно тому, какое возникает при первой поездке на корабле, когда стоишь на палубе, ветер овевает лицо, и тебе кажется, что ты видишь новый таинственный мир, в котором могут случиться любые неожиданности.

Но как только они вошли в корпус гигантского стального космического корабля, все изменилось. Они быстро заметили, что путешествие к Сириусу ни в коем случае не из ряда сенсаций. Адмирал Йорк командовал надежным кораблем и исключал возможность непредусмотренных опасностей со спокойной рассудительностью, которая ничего не оставляла без внимания и корректировала ошибки еще до того, как они случались. Пассажирам было не на что смотреть и нечего делать.

Монт понял, что если рассуждать правильно, то полет в космическом корабле был наименее интересным видом путешествия. Он сделал открытие, которое до него делали миллионы людей: что, например, полет в большом самолете доставляет намного меньше удовольствия, чем полет в маленьком, и что вообще никакое путешествие в самолете не сравнится с поездкой верхом по красивой местности или плаваньем на каноэ по чистой, бурной реке. Чем необыкновеннее способ путешествия — космический корабль, подводная лодка и так далее — тем больше приходится страдать от среды. Чем больше специализирована искусственная среда, тем меньше контакт с внешним миром.

Гиперполе, окружавшее корабль, должно быть невероятно захватывающим, но его нельзя было ни увидеть, ни почувствовать или пощупать. Весь ощущаемый мир был внутри корабля — довольно постный мир из серых металлических стен, и кажущихся хрупкими

лесенок, и прохладного, безвкусного воздуха, шипевшего во влажно блестящих трубах и непрерывно циркулирующего под сводами корабля, ставшими для путешественников вселенной.

Одиннадцать месяцев в замкнутом пространстве могут показаться большим, очень большим сроком. Хорошо, что была хоть какая-то работа.

ГОЛОСА

Монт привалился к холодной стене крошечной, похожей на сундук каюты, которую Чарли Йенике оборудовал в звуковую студию, задумчиво почесал бороду и прислушался к звукам, доносившимся из динамика, пытаясь уловить в них хоть какой-нибудь смысл.

Видимо, это было невозможно. Голоса звучали достаточно почеловечески; ему казалось даже, что он слышит слова, произносимые мужскими и женскими голосами, а иногда будто бы прослушивался детский лепет. Но записанные с помощью микрофонов первой экспедиции к Сириусу звуки не имели для него никакого смысла. Они исходили от людей, отделенных от него чудовищной пропастью. Они были от него дальше, чем неандертальцы периода последнего оледенения.

— Что-нибудь получается, Чарли?

Чарли Йенике повернулся на табуретке и пожал плечами. Монт почувствовал, что Чарли очень хочется сплюнуть, но тот сдержал свою неделикатность.

— Выйдет ли из этого что-нибудь? Я там же, где был неделю назад, а это значит, что у меня ничего нет! Дай-ка, я покажу тебе кое-что.

— Пожалуйста.

Йенике, двигаясь необычайно ловко, установил проектор, покрутил какие-то ручки, подключая динамики.

— У меня тут кусок фильма, к которому, кажется, подходят несколько фраз,— бормотал он.— Ты сам увидишь, что я имел в виду.

В воздухе возникло хорошее, четкое трехмерное изображение. Туземец-мужчина выпал из дерева — отчетливо слышен был удар, когда он приземлился,— и подошел к другому голому мужчине, стоявшему на прогалине. Звукозапись была удивительно хорошей; Монт слышал даже прерывистое дыхание первого. Потом он что-то сказал второму. Разобрать было трудно, так как звуки его языка совершенно отличались от всех языков, которые Монт когда-либо слышал. Другой мужчина мгновение помолчал, потом издал какой-то своеобразный свист. Оба пошли прочь и исчезли в лесу.

Чарли отключил микрофоны.

— Мило, да? Это почти самое лучшее, что у нас есть. Я основательно все проработал и сейчас мог бы без труда повторить, что сказал этот парень. Но что, черт побери, это означает?

— Тебе нужен словарь.

— Да. И ты сейчас мне его подскажешь, верно?

Монт осторожно сменил позу. При той искусственной тяжести, которой так гордился адмирал Йорк, его могло швырнуть об стену, если не рассчитывать каждое движение.

Он понимал трудности проблемы, перед которой стоял Чарли. Даже у изученных культур эта проблема представляет собой крепкий орешек.

Предположим, в холле отеля встретились два американца и по какой-то причине заговорили на языке, который незнаком третьему, тайно их подслушивающему. Один смотрит на второго и что-то говорит.

Что?

Он может сказать:

— Джо! Как здоровье? (Здоровье в американской культуре предмет повышенного интереса, но ведь неизвестно, как к этому относятся на Сириусе-IX).

Он мог бы также сказать:

— Джо! Как здоровье жены и детей? (Где-нибудь в другом месте это могли быть жена и дети).

Но, возможно, он сказал:

— Джо, старый конокрад! Чем занимаешься, малыш? (Подобные шутки так же часты в Америке, как и в других местах).

Или он говорит:

— Джо, выйдем! Я хочу дать тебе по морде!

Без подсказок, которые дает знакомая культурная система, голоса с Сириуса-IX были ничем — только голосами. Звуки без смысла. Ведь просто невозможно приземлиться на планету, подойти к первому встречному туземцу и сказать:

— Приветствую тебя, о мужчина, брат мой! Я пришел с той стороны неба, сверху, и полон желания принести тебе все блага цивилизации. Идем! Пойдем рука об руку к свету мудрости...

— От этого можно свихнуться! — сказал Чарли и закурил.

— Ты можешь что-нибудь посоветовать?

— Только одно — продолжать работу. Вероятно, нам придется попытаться общаться с ними без слов. Если тогда ты как можно быстрее выучишь их язык, то это все, чего мы от тебя ждем. Могу я тебе помочь еще чем-нибудь?

Йенике улыбнулся, показав при этом совершенно желтые зубы.

— Да, ты можешь исчезнуть отсюда и не мешать мне работать.

Монт сдержал ответ, вертевшийся у него на языке. Он хотел сохранить покой и мир, даже если ему было тяжело.

— Ну, тогда до скорого.

Он пригнулся, чтобы выйти через низкую дверь.

— Монт?

— Да?

— Не обижайся на меня. Большое спасибо, что зашел!

— Не стоит благодарности.

Он с некоторым облегчением закрыл за собой дверь.

Голоса зазвучали снова. В холодной тишине корабля они воспринимались слабо. Они смеялись, были серьезными, задорными, недовольными.

Он осторожно шел вдоль площадки, и его некоторое время преследовал странный шепот, занимая его мысли.

Звуки другого мира...

Голоса.

Громадная комната отдыха, формой напоминающая яйцо, была обставлена удобными столами и креслами. На стене висела впечатляющая картина обнаженной женщины. Тут же был своего рода бар, и чистый воздух, пробивающийся сквозь облака табачного дыма, делал уютнее типичную обстановку всех подобных помещений.

В комнате можно было видеть две четко разделенные группы. Члены экипажа образовали тесный, шумный круг у бара. Ученые, как обычно, сидели у углового столика и дискутировали. Монт не сомневался, что экипаж считал их такими же чужими, как и то, что они должны были найти на Сириусе-IX, и иногда он сам соглашался с этой точкой зрения.

— Ерунда! — сказал Дон Кинг и, стараясь не сделать морщин на брюках, положил ногу на ногу.— Совершеннейшая ерунда!

Том Стейн заморгал своими светло-голубыми глазами за толстыми стеклами очков и ткнул костистым пальцем в археолога.

— Для тебя всегда все слишком просто. Ты так долго скоблил свои наконечники стрел и глиняные черепки, что теперь думаешь, будто можешь объяснить все на свете. По-моему, ошибочно считать этих людей чересчур примитивными, не будучи совершенно уверенным в этом.

Дон одним глотком проглотил свою рюмку водки.

— Ты видишь проблему там, где ее вовсе нет — так же, как и наш старина Монт. В любой культуре есть какие-то постоянные величины. Мы уже давно вышли из того времени, когда можно было всерьез утверждать, что культура — это лишь бессмысленное нагромождение взаимосвязанных признаков: обрывков и лохмотьев, если использовать злополучное выражение Льюиса. Примитивная технология означает низкий культурный уровень — а мы ведь еще даже не знаем, есть ли вообще что-нибудь подобное на Сириусе-IX. До сих пор доказательств этому я не видел. Может случиться, что мы будем иметь дело с примитивным племенем охотников и собира-

телей. Почему мы должны считать их более сложными, чем они есть на самом деле?

Монт довольно попыхивал своей трубкой.

— Это как раз то, над чем я ломаю голову. Насколько они сложны?

Дон не клюнул на приманку, а лишь отмахнулся — его любимый трюк.

— В известном смысле, это достаточно сложно. Для Хейдельмана и ООН все это может казаться милым и умным, но что они об этом знают? Вы ведь, конечно, читали официальные указания, по которым мы должны работать. Они требуют, чтобы мы завязали отношения с туземцами Сириуса-IX. По этому поводу можно только расхохотаться! Как, черт побери, завязывают отношения в таком мире, как Сириус-IX?

Ральф Готшалк зашевелился в кресле всем своим громадным телом. Он заговорил неожиданно тихо, но его слышал каждый:

— Я считаю, что Дон прав. Насколько нам известно, на Сириусе-IX нет никакой общей культуры, а лишь тысячи изолированных групп. Если бы пятнадцать тысяч лет назад среди африканских бушменов приземлился космический корабль — мог бы он завязать контакты с *землянами?* Совершенно невероятно!

Монт пожал плечами.

— Мы все знаем, что для начала достаточно завязать отношения хотя бы с *единственной* группой. Хейдельман это тоже знает. В любом случае, мы должны быть осторожны. От того, что мы предпримем на Сириусе-IX, зависит слишком многое.

— Почему? — поднял брови Дон Кинг.

Монт и сам задал бы этот вопрос, не будь он руководителем группы. Теперь же он сделал попытку объяснить это.

— Не говоря уж о такой вероятности, что мы можем откусить больше, чем в силах прожевать, мы должны согласиться, что со времен Кортеса и его банды произошел кое-какой прогресс. Мы не можем уже пронестись на полных парусах в незнакомую гавань и кинуться к кормушкам.

— Хотел бы я надеяться! Может быть, я сейчас буду немного циничным, но я подвергаю сомнению такой ход мыслей. Мы считаем себя цивилизованными, а это значит, что мы достаточно многого достигли, чтобы, например, позволить себе роскошь возвышенных философских рассуждений. Но могу поспорить, что если мы когда-нибудь попадем в действительно серьезную передрягу, мы быстро откатимся назад — туда, откуда начинали: зуб за зуб, око за око! Таковы уж люди.

— Может быть, нам еще представится возможность проверить это,— сказал Монт.

Ральф Готшалк встал, более, чем когда-либо напоминая гориллу.

— Я пошел работать, господа.

Монт присоединился к нему, оставив бесконечные споры Дону и Тому Стейну.

Двое мужчин шли по космическому кораблю, чтобы уже в который раз проработать данные первой экспедиции.

* * *

Когда Монт вернулся в свою крошечную каюту после уже неизвестно какого разговора с адмиралом Йорком об их намерениях на Сириусе-IX, Луиза, свернувшись, лежала в постели и читала книгу. Роман назывался «Луна в огне» и был одним из бестселлеров последнего времени.

— Ну, как тебе эта дикая штучка?

Луиза, в довольно смелого покроя шелковой ночной рубашке, которую Монт подарил ей год назад на Рождество, улыбнулась в ответ.

— А не отправиться ли нам лучше на Луну, дорогой?

Он рассмеялся и присел на край кровати.

— Я думал, что ты внизу — возишься с растениями в гидропонном танке.

— Да, я была там целый час,— сказала она и откинула назад свои длинные гладкие черные волосы.— Но это не имеет почти ничего общего с настоящим садом — ты не находишь? Слишком много химии, как будто цветы выращивают в лаборатории. Мне очень жаль наши розы, Монт. Глупо, да?

— Не думай, Луиза.— Он обнял ее и пощекотал бородой ее щеки.— Три года — большой кусок жизни, а ты творила со своими цветами чудеса. Смешно, но тут начинаешь сожалеть обо всем!

— Я знаю. Иногда я вспоминаю наши пикники в горах. Помнишь, как ты однажды поймал много форели в Бивер-Крик? И как быстро набежали тучи! И как дождь барабанил по крыше вертолета! Мне кажется, самое плохое в космическом полете то, что тут не бывает смены погоды.

— У тебя тут мало радостей, верно?

Она быстро сменила тему. Она разделяла его воодушевление Сириусом, и ей не на что жаловаться.

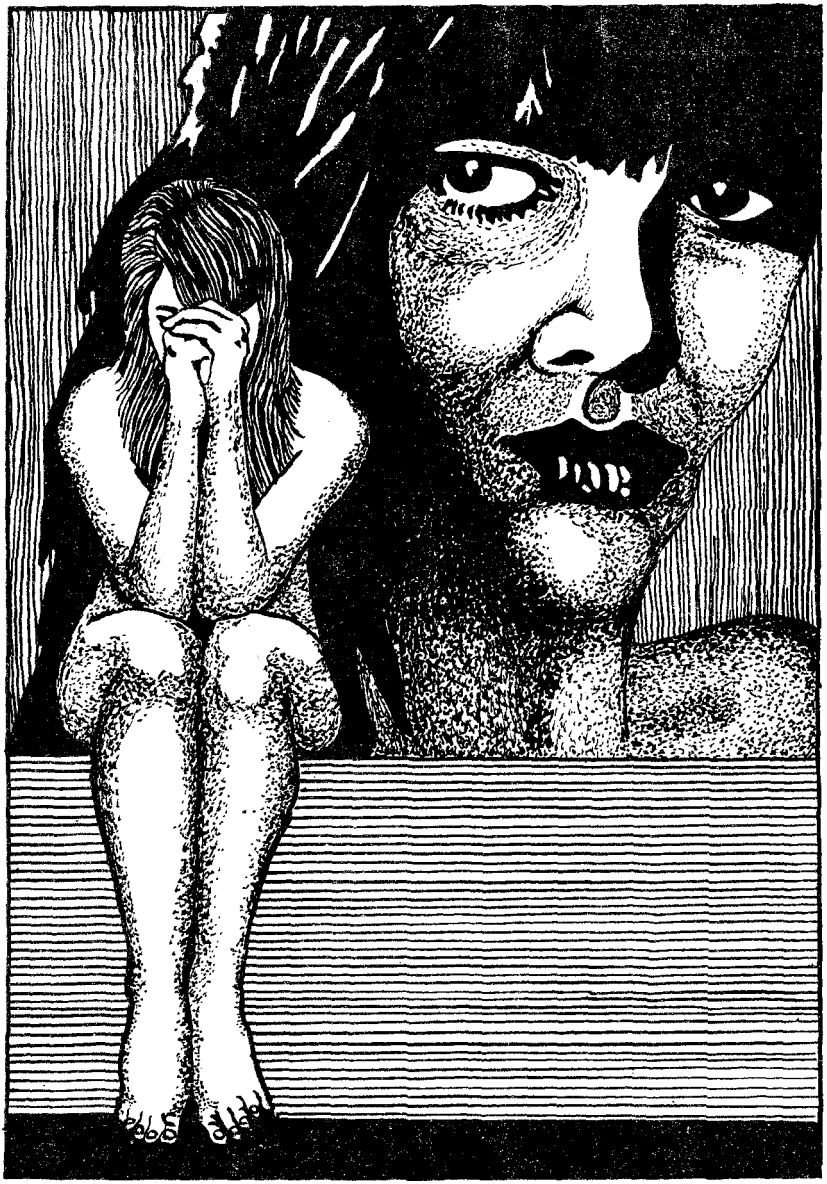
— Что хотел тебе сказать адмирал Йорк?

Монт немного помедлил.

— Не слишком много. Он умный, деловой парень. Мы обговаривали спасательные мероприятия на случай необходимости.

Вдруг они оба осознали окружавшую их холодную серую сталь и громадную пустоту снаружи.

Монт подумал о детях, которых у них никогда не было. Луиза потеряла двоих при родах, и врачи категорически не советовали ей

больше беременеть. Он знал, что Луиза тоже подумала об этом. Они оба не раз горевали об этом.

Луиза крепко прижала его к себе.

— Ты будешь осторожным, Монт?

— Конечно, Лу!

— Терпеть не могу, когда женщины ведут себя глупо, но ведь ты — единственное, что у меня есть. Я не вынесу, если потеряю тебя!

Он поцеловал ее и почувствовал, как дрожат ее губы.

«Все всегда сводится к одному,— подумал он.— *После всех проблем и битв, всех забот и триумфов — мужчина и женщина одни во всей вселенной. Без нее я — ничто. Без нее вселенная — пуста».*

Потом он еще подумал: *«Монт, ты сентиментальный дурак. Но — к черту! Мне так нравится!»*

— Мне тоже,— сказала Луиза, благодаря своему многолетнему опыту прочитав его мысли.

* * *

Монт проснулся в темноте искусственной ночи. Луиза спала рядом. Ему приснился плохой сон. Пижама взмокла от пота.

Он тихо лежал, уставившись открытыми глазами во тьму.

Может, меня сводит с ума корабль? А может, этот холодный мертвый воздух, шепчущий в трубах, или вечная вибрация двигателя, или несоответствующая земной сила тяжести? А может, это та серая сталь, что нас окружает...

Нет!

Хватит, Монт!

Ты знаешь, что это!

Конечно, он знал. Чуждые формы жизни, открытие в системах Центавра и Проциона — нет, не они вызывали у него головную боль, когда он читал об этом. Они были действительно чуждыми, настолько отличными от человеческих существ, что никакого конфликта не могло быть. Если формы жизни так тотально отличаются друг от друга, ни одной из них нет дела до другой. Но если они похожи...

Вдруг ему показалось, что они избегали касаться главной проблемы и делали вид, будто ее не существует. Для будущих отношений, как до сих пор казалось, не играло большой роли, имели ли жители Сириуса-IX развитую культуру. Самым решающим было другое, то, что они люди.

Единственное создание, которого всегда боялся человек — это сам человек. Так было до сих пор и, наверное, будет всегда.

С одной стороны, Монт собирался познакомиться с жителями другого мира.

С другой стороны — и это было точно так же реально — человек собирался познакомиться с другим человеком, который может стать либо его другом, либо злейшим врагом.

ГЛАВА 4

Монт обнаружил, что масса хорошо известных тебе фактов может быть тебе совершенно безразлична, если ты живешь на другой планете. Вот, например:

Сириус в двадцать шесть раз ярче земного Солнца и в два с половиной раза плотнее. Его температура 19 700 градусов по Фаренгейту. У него есть спутник, белый карлик, который облетает его за пять лет. Карлик в двадцать раз дальше от Сириуса, чем Солнце от Земли. У Сириуса двенадцать планет, и девятая, на удаленной эллиптической орбите, похожа на Землю, как тезка, если не как близнец. В ее атмосфере на пять процентов больше азота и немного меньше кислорода, чем в земной.

На обратной стороне были такие явления, которые невозможно было предотвратить, если они разом обрушиваются на тебя.

Сириус — гигантская, бушующая, ослепительной белизны печь в небе. Если не быть достаточно осторожным, он обожжет кожу с невероятной быстротой. В течение десяти дневных часов тягостно жарко; воздух влажный, и через десять минут рубашка прочно прилипает к спине. Сила тяжести — особенно после проведенных в космическом корабле месяцев — немного великовата, поэтому кажется, что при каждом шаге к подошвам башмаков прилипают тяжелые комья глины. Для землян в воздухе что-то кажется ненормальным; долго свербит в носу и першит в горле. Луга очень красивые, но они повсюду неровные — постоянно то поднимаешься вверх, то опускаешься вниз. Повсюду репейники и колючки, рвущие одежду и кожу. Большие леса, растущие у подножья крутых гор, мрачны и тихи, а красноватые листья на деревьях напоминают осень в кошмарных снах. На горизонте стоят грязно-серые тучи, и ветер доносит тихие перекаты грома.

Монт смахнул мокрым рукавом заливавший глаза пот и попытался покрепче ухватить мокрыми ладонями свое ружье. Он уже две недели находился на Сириусе-IX и, по его мнению, ничего не достиг. Хотя он уже видел туземцев собственными глазами, но знал о них сейчас не больше, чем на Земле перед отлетом. Легче было пропутешествовать через световые годы, подумал он, чем от разума одного человека к разуму другого.

Впервые в жизни он понял, что культура и образ жизни могут быть чем-то совершенно необычным — чем-то, чему на Земле нет никакого эквивалента. Ничто из его прошлого опыта не могло под-

готовить его к пониманию настоящей жизни на Сириусе-IX. Пробираясь сейчас с Чарли Йенике сквозь густую траву, он думал о том, что записал в свой блокнот вчера вечером. (Он вел два блокнота, официальный и личный. Официальный до сих пор оставался совершенно пустым).

Страшно видеть, как мало мы знаем и как стеснены нашим ограниченным опытом. Всяческие истории и научные наблюдения всегда подчеркивали странности и исключения чужих миров, но живые существа на этом драматическом фоне существуют совсем как земные люди, независимо от того, какой бы странной ни была их внешность. (Или они живут, как общественные насекомые, что сводится в конечном счете к тому же). Все гусеницы, октоподы, рептилии и лягушки имеют специальные системы на уровне викингов или зулусов. Никто, казалось, не понимал, что и культура может быть чуждой, более чуждой, чем планета из кипящего свинца. Можно встретить кого-нибудь, кто выглядит, как человек, и является человеком, и ничего не узнать ни от него, ни о нем...

Чарли чихнул.

— Здесь можно сделать бизнес на носовых платках.

Монт прищурился и попытался посмотреть вдаль сквозь завесу окружавшей их травы.

— Проклятье! Мне кажется, мы опять его потеряли.— Он поднял взгляд на паривший над ними большой серый шар-разведчик и сказал в микрофон на запястье:

— Как дела, Эс? Здесь внизу ничего не видно.

Тихий голос техасца Эса Рейда, пилота шара-разведчика, прозвучал успокаивающе:

— Он все еще там, где был, сэр. У кромки леса. Вы идете прямо на него.

— Спасибо! Продолжайте наблюдать! — Монт выключил прибор и сосредоточился на том, чтобы убирать с дороги скрытые в траве колючки. Болела шея, а глаза воспалились. Небо, к счастью, закрыли облака, но все равно было невыносимо душно. Он не был оптимистично настроен в отношении того, что намеревался сделать. Он уже дважды пытался завязать отношения с туземцами — Монт уже начинал ненавидеть эту фразу! — и ничего не добился.

Все же оставалась надежда, что двое людей, идущих пешком, не испугают туземца. Старик, которого они обнаружили, казался любопытнее остальных...

— Это убийство! — сказал Чарли.

— Бремя землян,— пробормотал Монт. Сегодня ему больше

хотелось бы иметь рядом Ральфа Готшалка, но на случай, если туземец вдруг заговорит, необходим был языковед. Монт изо всех сил старался быть с ним любезным и дружелюбным.

Он продолжал продираться сквозь густую голубую траву и непрерывно говорил, чтобы хоть чем-нибудь заполнить тишину.

— Уже давно, Чарли, антропологам не приходилось бродить таким образом — на ощупь в темноте. Всегда были какие-нибудь промежуточные этапы, посредники или кто-то, кто хоть что-нибудь знал. Я кажусь себе одним из тех выброшенных на чужой берег испанцев, где они обнаружили толпу индейцев, которых никогда до этого не видели.

— Я бы предпочел индейцев. Они, по крайней мере, с той же планеты, что и мы. Один из этих испанцев стал вождем, знаешь? — Чарли снова принялся чихать.

Неожиданно заросли травы кончились, и они оказались перед темными деревьями. Монт остановился и внимательно осмотрел местность. Он не видел туземца, которого они искали — но им надо было идти до леса еще добрую сотню метров.

Он включил радио.

— Эс?

— Немного влево, потом прямо.

— Хорошо, спасибо! — Монт опять отключился.— Ты готов, Чарли?

— Я отправился на эту прогулку не для улучшения пищеварения.

Монт глубоко вздохнул и инстинктивно захотел вставить в зубы свою трубку. Конечно, об этом не могло быть и речи. Если на Сириусе-IX нет похожих на табак растений, туземцы могут не слишком приветливо встретить человека со струящимся изо рта дымом.

Держа оружие наготове, они бодро зашагали вперед.

— Внимание! — вдруг прошептал Чарли.— Я его вижу!

Мужчина стоял прямо у кромки леса, наполовину скрытый тенью деревьев. Он, не двигаясь, смотрел на них.

— Идем, идем! — сказал Монт, не останавливаясь.— Будь справа и позади меня, но оружие использовать только в случае прямой угрозы нападения на меня. И ради Бога, попробуй хоть выглядеть полюбезнее.

Он направился прямо к мужчине, не замедляя и не ускоряя шагов. Сердце молотком стучало в груди. Вот он уже в двадцати метрах... в пятнадцати...

Так близко он не подходил ни к одному туземцу.

Абориген стоял как вросший в землю и смотрел на Монта широко раскрытыми глазами. Его медно-красная кожа влажно блестела;

светлый пух волос насквозь просвечивался лучами солнца; руки почти доставали до земли. Абориген был совершенно голым, а грудь его разрисована вертикальными полосами.

У него не было никакого оружия.

Десять метров...

Монт остановился. *«Проклятье!* — подумал он,— *это человек! Когда стоишь вот так прямо перед ним, в этом не остается никаких сомнений».*

Он положил свое оружие на землю и поднял руки ладонями вверх, показывая, что они пусты.

Мужчина отступил на шаг. Его черные глаза сверкнули. «Он довольно стар,— подумал Монт,— хотя мускулы его тверды и упруги на вид. Он кажется испуганным, растерянным и неуверенным, а лицо выдает внутреннюю борьбу. Темные, глубоко посаженные глаза кажутся печальными и все же странно живыми...»

«Не убегай! Пожалуйста, не убегай!»

Монт порылся в сумке, которую нес с собой, и вынул маленький кусок сырого мяса и пучок красных ягод. Мясо он взял в правую руку, ягоды в левую и протянул это мужчине.

Старик молча посмотрел на протянутую пищу и потер ладонями ноги.

Монт сделал еще один шаг навстречу.

Мужчина тут же отступил на шаг и почти спрятался за гигантским деревом с голубой корой.

Монт застыл, все еще держа руки вытянутыми и не зная, что делать дальше. Если бы он мог поговорить с ним...

Монт наклонился и положил мясо и ягоды на землю, махнул Чарли, вместе с ним отступил на десять шагов, и они стали ждать. Прошла минута — она показалась им вечностью — мужчина не двигался.

Потом он неожиданно свистнул. Два свистка — длинный и короткий. Так, как обычно подзывают собаку.

Но ничего не произошло.

Мужчина свистнул снова, на этот раз требовательнее.

И успешнее. За деревьями послышался визг и шорох сухих листьев.

Из-за деревьев выскочил зверь и остановился рядом с мужчиной, распространяя вокруг себя сильный запах. Ростом он был около ста двадцати сантиметров; грязно-серый мех, под туго натянутой кожей вырисовывались крепкие мышцы. Уши прижаты к голове. Зверь посмотрел на двух чужаков, оскалил зубы и злобно зарычал.

Монт не шелохнулся. Зверь был похож на волка и, видимо, мог передвигаться быстро. У него была длинная голова и мощные челюсти. Монт инстинктивно понял: этот способен убить! При виде его становилось так же неуютно, как при виде гремучей змеи.

Волкоподобный зверь принюхался и снова зарычал.

Старик свистнул еще раз.

Зверь, почти прижавшись к земле, начал медленно двигаться вперед, непрерывно рыча и обнажая острые зубы. С губ капала слюна. Он смотрел на Монта желтыми глазами.

У куска мяса зверь на мгновение застыл, потом опять стал приближаться.

Монт почувствовал, как по ребрам побежал пот.

Старик шагнул вперед и снова свистнул, на этот раз будто сердито. Зверь, помедлив, остановился, продолжая рычать. Потом он повернулся, схватил мясо и поплелся назад к дереву, подле которого стоял туземец. Тот ласково похлопал его по голове и кивнул. Зверь с мясом в пасти исчез среди деревьев. Он не ел мясо, а осторожно и крепко держал его своими зубами.

Туземец очень медленно подошел к ягодам и взял их правой рукой, испуганно поглядывая на Монта.

Монт глубоко вздохнул. Теперь или никогда! Он указал на себя и сказал как можно отчетливее:

— Монт.— Потом указал на Чарли и сказал: — Чарли.

Мужчина стоял с ягодами в руке, ничего не отвечая. Его взгляд блуждал от одного к другому, ни на ком не останавливаясь. Казалось, он нервничал. Один раз он бросил короткий взгляд на серый шар, паривший над ними.

Монт попробовал еще раз, указал на себя и повторил свое имя.

Мужчина понял, чего от него хотели, Монт был в этом уверен, но ничего не говорил. Казалось, он пришел к какому-то ужасному решению.

Действительно, он совершенно неожиданно повернулся на одной ноге и пошел в лес. Через несколько секунд он уже исчез за деревьями.

— Подожди! — крикнул Монт.— Мы же ничего тебе не сделаем, черт побери!

— Попробуй свистнуть! — саркастически посоветовал Чарли и опустил свое оружие.

Монт сжал кулаки. Он вдруг почувствовал себя таким одиноким, когда исчез туземец, единственным в этом мире, далеком, очень далеком от его собственного. Кожа снова ужасно зачесалась.

Он посмотрел вверх. Небо уже закрывали большие серые тучи, а раскаты грома становились все ближе. Зигзагообразная ветвистая молния ударила куда-то в лес. В воздухе повис тяжелый запах дождя.

Монт принял быстрое решение. Он не хотел позволить туземцу уйти. Он вызвал шар-разведчик и быстро продиктовал сообщение о случившемся.

— Насколько велик лес, Эс? — спросил он.

— Он не очень широк, сэр, немного больше полумили. Но в длину тянется в обе стороны почти на две мили до ближайшего просвета.

— Мы пойдем за ним следом в лес. Следуйте за нами как можно ниже, прямо над кронами. Если он выйдет по другую сторону леса, немедленно дайте мне знать. Держите нас в поле зрения, и если мы вызовем, вы знаете, что вам нужно делать!

— Да, босс. Но поднимается сильная буря, и...

— Я знаю. Будьте внимательны!

Монт отключил радио и погладил бороду.

— Он идет совсем спокойно, Чарли. Это значит, тут одна дорога.

Чарли посмотрел на сгущавшиеся тучи и не проявил никакого воодушевления.

— А что, если он заберется на дерево?

— Ну и что с того? — нетерпеливо спросил Монт.— Разве ребенком ты никогда не играл в Тарзана?

Чарли упер ладони в широкие бедра и пытался сообразить, всерьез ли Монт намеревался преследовать туземца по деревьям. Он не пришел ни к какому определенному выводу, вероятно, потому что Монт сам был уверен в том, что он мог бы сделать, а что нет.

Монт поднял свое оружие и направился в лес, где исчез туземец. На миг ему показалось, что он слышит визг зверя, но потом он решил, что это ему померещилось.

Под деревьями было так жарко, что перехватывало дыхание, а удивительные формы папортников и кустарников пробуждали впечатление иллюзорности этого мира. Под плотными лиственными кронами было очень темно. Монту показалось, что он отгорожен от всего остального мира, как будто зашел за невидимую стену.

Высоко над ними загремел гром, и черно-голубые ветви гигантских деревьев дико закачались.

— Смотри! — сказал он.— Это дорога!

Это была только узкая, извилистая тропинка через лес. В одном месте, где опавшие листья были разворошены до самой сырой земли, можно было разглядеть свежий отпечаток — рисунок голой человеческой ступни, большой палец которой похож на большой палец человеческой руки. Дорога казалась тропинкой в родном земном лесу — не менее мрачном и зловещем.

Но все вокруг было тихо. Даже птицы замолкали при их приближении, и нигде не двигалось ни одно живое существо.

Монт не стал раздумывать над этим, а лишь следил за тропинкой.

* * *

Они едва успели пройти метров двести, как холодным, мокрым кулаком ударил ураган.

Сквозь деревья прошла настоящая стена ветра, а с невидимого неба донеслись металлические раскаты грома.

Подгоняемый ветром дождь заколотил по деревьям и превратился в множество водопадов, мгновенно пропитавших землю.

Монт, опустив голову, продолжал идти вперед, слушая доносившиеся сзади проклятия Чарли.

Дождь был прохладным и приятно освежал разгоряченную кожу; буря так очистила воздух, что Монт снова мог свободно дышать. Несмотря на рвущий нервы грохот, он чувствовал себя лучше, чем раньше. Перестало свербить в носу, и даже его будто набитое наждачной бумагой горло уже не было таким шершавым.

Он непрерывно внимательно осматривался вокруг, но трудно было разглядеть что-либо, кроме потоков дождя, истекающих водой кустов и еще более потемневших от воды стволов деревьев. Гром гремел, не переставая, и так сильно, что невозможно было разговаривать. Высоко над ними качались и стонали на ветру громадные ветви.

Монт промок до нитки, но ему было все равно; откидывая падавшие на глаза мокрые волосы, он продолжал идти вперед, сосредоточившись на том, чтобы ставить одну ногу перед другой и внимательно смотреть вперед.

Света еще было достаточно, но он был серым и безрадостным, почти таким же угнетающим, как и дождь. Призрачный свет от теперь уже полностью скрывшегося солнца, в котором чувствовалась гроза приближавшейся темноты.

Вон там!

В стволе гигантского дерева справа от дороги, странно напоминавшего калифорнийское красное дерево, было большое, черное отверстие, похожее на пещеру.

Из этого отверстия парой черных глаз, в дождь, смотрело меднокожее лицо.

Монт поднял руку.

— Он там! — крикнул он.

Чарли подошел к нему; его твердое лицо было едва узнаваемо сквозь скатывающийся по нему потоками дождь.

— Давай схватим его и возьмем с собой. Потом, когда подсохнет, можно будет попытаться с ним подружиться.

Монт с улыбкой покачал головой. Может, они чего-нибудь и добьются таким способом, но это будет довольно жалким началом. Он стоял на воющем ветру, растерянно размышляя о том, как разъяснить туземцу, что у них нет никаких плохих намерений.

Он еще никогда так отчетливо не осознавал, как чудовищно важен и необходим язык. С самого начала и до сих пор он едва ли стал ближе этому человеку в дереве.

Чарли выделил несколько фраз языка туземцев и приблизительно расшифровал их значение; по крайней мере, он считал, что расшифровал. Но ни одна из этих фраз не подходила к данной ситуации, если, конечно, Чарли правильно их перевел. Это вовсе не было ошибкой первой экспедиции; они правильно установили свои камеры и микрофоны.

Дело было в том, что в повседневном общении обычно говорили совсем не то, что было нужно сейчас. Человеку в течение многих лет могла не прийти в голову мысль сказать: «Я — друг». Можно было бы прожить — если бы это было возможно — несколько жизней и никогда не сказать ничего подходящего к данному моменту. Например:

— Я человек с другой планеты и хотел бы с тобой поговорить.

Наиболее подходящая для их ситуации фраза, которую перевел Чарли, гласила:

— Я вижу, ты уже проснулся, и теперь пора поесть.

Но она показалась Монту не слишком многообещающей.

— Почему он не приглашает нас к себе? — крикнул Чарли.— Он же нас видит!

— Я не нуждаюсь в приглашении. Давай просто войдем и поглядим, что произойдет.

Монт направился к дереву.

Старик глядел на него большими глазами. В этих глазах, подумал Монт, виден опыт долгой жизни, и весь этот опыт совершенно чужд земным людям. Мужчина, казалось, принадлежал не только чужому времени, но и другому миру; существо лесов, дикое и пугливое, возможно, готовое в любое мгновение обратиться в панику...

— Чарли, ну попытайся что-нибудь!

Чарли сложил ладони рупором и издал серию странных звуков; они чем-то даже напоминали пение, хотя голос звучал совсем не музыкально.

— Я вижу, ты уже проснулся, и теперь пора поесть,— сказал он или считал, что сказал.

Старик отпрянул в глубь своего дупла с удивленно отвисшей нижней челюстью.

Монт приблизился еще на шаг.

Тут старик неожиданно выскочил.

Он очень ловко, несмотря на свой возраст, вывалился из своего приюта и поковылял к лесу, размахивая в воздухе своими длинными руками. При этом он пробежал мимо Монта так близко, что едва не задел его. Потом он неожиданно проворно взобрался на дерево, обхватывая руками ствол и упираясь ступнями в мокрую кору. Добравшись до первой прочной ветки, он повис на ней, бросил вопросительный взгляд на обоих чужаков и ловко запрыгал с ветки на

ветку, пользуясь руками, как крючьями, и раскачивая свое тело на этих руках по захватывающей дух дуге.

Спустя несколько секунд он исчез в листве деревьев.

— Вот это Тарзан, да?

Монт стоял под проливным дождем, начиная уставать от долгой игры в прятки.

Чарли осмотрел темное дупло.

— Может, эта штука вовсе не пустая,— сказал он.

— Надеюсь!

— Только после тебя, дружище. Помни о волке.

Монт подошел к дереву и шагнул в дупло.

ГЛАВА 5

Полость в стволе дерева была наполнена острым запахом, но Монт чувствовал, что в ней никого нет. Он посветил, и это подтвердило его ощущение. Комната действительно была пуста.

Более того, это была самая пустая комната, какую он когда-либо видел.

Он прошел дальше внутрь, освобождая место Чарли, и вот они уже оба стоят в сухом дупле, пытаясь понять, что же они видят и чего не видят.

Вся внутренность гигантского ствола была пустой и образовывала камеру диаметром около трех с половиной метров. Примерно в трех метрах над их головами шахта-труба перекрывалась гладкой древесиной, отражающей свет фонаря.

Они стояли под ровным сводом, образованным в живой древесине. Пол был из дерева, коричневого и изношенного, и такого пористого, что стекающая с их одежды вода тут же просачивалась сквозь него, не успевая собраться в лужи. Ярко-желтые, как будто сосновые, стены были безупречно чистыми.

В одной из стен была своего рода полка, ненамного больше простой зарубки в дереве. На ней лежал тот самый кусок мяса, что утащил похожий на волка зверь, и пучок красных ягод.

Все!

Ни какой бы то ни было мебели, ни кресла или стола и никаких украшений на стенах. Не было ни орудий труда, ни оружия, никаких горшков, бутылок или корзин, вообще ничего.

Комната была совершенно пустой. Никакого признака людей, которые ею пользовались.

Просто большая дыра в стволе дерева, примитивная, грубая, не будившая никаких впечатлений. И все же...

Монт пристально осмотрел стены.

— Никаких следов долбления или резки.

— Да, действительно. Они гладкие, как стекло. Никаких признаков, что эта дыра была выжжена.

— Но, как же, черт возьми, он сделал эту пещеру?

— Может быть, она просто такой выросла?

Монт покачал головой.

— Сомневаюсь. Я никогда еще не встречал пустой ствол, который бы выглядел таким образом. А ты?

— Тоже. Но, вообще-то я видел не так уж много пустых деревьев.

Снаружи потоком продолжал падать с неба дождь и завывал ветер. Дерево представляло приятное убежище, дупло казалось надежным и прочным, как будто пережило уже много бурь и непогод.

Но как человек мог жить тут и оставить так мало следов своего существования?

— Может, он вовсе здесь не живет,— рассуждал Монт.— Может, это всего лишь его временный лагерь, случайное укрытие.

Чарли пожал плечами. Вокруг его глаз лежали темные тени, и он выглядел очень усталым.

— Я бы сказал, что у этого народа вообще нет материальной культуры, мой друг, но это не имеет никакого смысла. Знаешь, на что все это похоже? На логово животного!

— Может быть, но мои чувства говорят мне, что это не логово. Нет ни костей, ни каких-либо других отходов. Я вообще не уверен, что это действительно естественным образом выросшее дерево.

— Тогда, может быть, сверхъестественным.

— Мне кажется, оно намеренно сформировано так.

Чарли вздохнул.

— Если они умеют заставить дерево расти так, как им хочется, почему же они не могут обрабатывать куски кремня? Сумасшествие! Эта дыра меня нервирует, Монт. Нам лучше исчезнуть отсюда и совать свой нос только в те дела, где мы можем хоть что-нибудь понять.

Монт задумался. Очевидно, туземец сюда не вернется. Ждать нет смысла. Но ему все же не нравилась мысль уйти просто так. Он начинал казаться сам себе ненужным, и это было новым для него чувством. Оно мешало ему.

Он залез в свой узел, достал нож из хорошей стали и положил его на полку к мясу и ягодам.

— Ты думаешь, это правильно? — спросил Чарли.

Монт потер бороду, которая снова начала зудеть.

— Не знаю. А как ты думаешь?

Чарли не ответил.

— Нам нужно что-то делать, а мне любопытно, что этот парень станет делать с этим по-настоящему обработанным инструментом.

Я прикажу установить здесь съемочный аппарат и микрофоны, пока он не вернулся. Может, нам посчастливится что-нибудь увидеть.

Он включил радио и поговорил с шаром-разведчиком. По голосу казалось, что Эс чувствовал себя не очень хорошо, удерживая шар над деревьями в такую бурю, но серьезной опасности не было. Монт продиктовал подробное сообщение о случившемся и назначил место встречи на краю леса.

— Пошли! — сказал он и шагнул в дождь.

Было уже довольно темно, и лес казался мрачным и таинственным. Дождь смягчился до нежного плеска воды, и гром доносился уже издалека, будто из другого мира. Они продирались сквозь мокрую листву, пока снова не отыскали тропу. Свет карманного фонаря слабо освещал заросли.

Монт устало шагал по тропе; мокрая одежда липла к телу. Он совсем выдохся — не столько от физического напряжения, подумал он, сколько от осознания своего промаха. Ночной воздух после удушливой дневной жары был свежим и прохладным, и это немного помогало ему.

Он думал о том, что леса ночью похожи. И этот лес в темноте казался уже не таким чужим. Деревья как деревья — качающиеся от ветра, черные тени, с которых все еще капает вода. Время от времени он бросал взгляд на покрытое тучами небо и однажды даже увидел звезду. Если немного постараться, можно представить, что он идет по ночному лесу на Земле, может быть, возвращаясь с рыбалки, и скоро войдет в деревню, где горят огни и из какого-нибудь ресторанчика доносится музыка.

Спокойно, малыш! Ты чертовски далеко от Земли!

Ему трудно было привыкнуть к этому миру. Сириус-IX — это лишь название и даже меньше того; оно казалось ему каким-то неподходящим. Хотелось бы знать, как называют этот мир туземцы. И какие имена они дают другим вещам. Без имен мир особенно странен и чужд. Имена могут околдовывать, превращать неизвестное в знакомое.

Усталый Монт вдруг почувствовал решимость, какой он никогда в себе не знал.

Когда-нибудь он узнает все эти имена — или умрет, пытаясь их узнать.

* * *

Выдержки из записной книжки Монта Стюарта:

Уже четырнадцатую ночь я на Сириусе-IX. Лагерь вокруг спокоен, и Луиза уже спит. Я ужасно устал и все-таки никак не могу уснуть.

Всю жизнь я верил, что если правильно задавать вопросы, ответы сами прыгнут в лицо. В той, другой жизни, я все время втолковывал это студентам. (Космические путешествия — хорошее средство от самоанализа. Сейчас я кажусь себе страшно глупым и очень хотел бы знать, не был ли я и дома слишком высокого о себе мнения.)

Но сейчас мне кажется, что я уже могу сформулировать верно некоторые вопросы. Они сами собой разумеющиеся:

Что делал в лесу тот мужчина, которого мы преследовали? Если он живет в этом пустом дереве — то один ли? Ведь везде в других местах человеческие создания живут группами, семьями, кланами, бандами, племенами, народами — названия не играют никакой роли. Одинокий человек — это что-то исключительное. К тому же он не единственный здесь; мы видели других. Где та группа, к которой он принадлежит? Что это за группа?

Чего эти люди боятся? Первая экспедиция не сделала ничего такого, что могло бы их обеспокоить. Вероятно, они просто еще никогда не видели таких, как мы,— а мы никогда не давали никакого повода считать себя опасными. Я уверен, что старику хотелось поговорить с нами, он лишь не смог себя пересилить. Почему? Большинство примитивных народов, впервые знакомясь с другим человеческим видом, в знак любви приводят своих девушек или, наоборот, встречают копьями и стрелами. Эти же вообще ничего не делают.

Или я что-то проглядел?

Или они просто боятся?

Почему у них нет ни оружия, ни орудий труда? Я не смог найти ничего похожего. Так же мало нашел при раскопках и Дон Кинг. Каков же ответ на все это? Неужели они настолько примитивны, что даже не умеют обрабатывать кремень? Тогда они примитивнее, чем человек на Земле миллион лет назад!

Почему у них длинные обезьяньи руки? Почему они прыгают по деревьям, если не хуже нас могут передвигаться по земле? Связано ли это как-то с отсутствием орудий труда. Или мы действительно имеем дело с народом разумных обезьян? Если это так — как это соотносится с тем, что они несомненно имеют свой язык? (Вопрос: Разумная обезьяна, имеющая свой язык,— это человек? Где провести границу? Или это надо рассматривать метафизически? Если это обезьяны — каким образом, по мнению ООН, мы должны завязать с ними отношения?)

Что может означать волкоподобный зверь, которого мы видели? Мы с Чарли видели, как туземец свистом подзывал животное и как этот зверь взял мясо и унес. Потом мы снова обнаружили это мясо в пустом дереве. (Проблемы: Кто собирался его съесть — человек или зверь? Вообще-то обезьяны не едят мяса.) Человек этот, каза-

лось, владел этим животным, которое мы назвали бы хищником. Судя по всему, это хищник приручен. На Земле человек одомашнил собаку только после того, как уже почти миллион лет пользовался орудиями труда. Есть ли здесь еще какие-нибудь одомашненные животные?

Как же все-таки быть с пустым деревом? Естественно ли оно таким выросло, или туземцы умеют как-то влиять на его рост? Если они в состоянии делать это, почему они не занимаются земледелием?

Вот некоторые правильные вопросы.

Я жду, что мне в лицо прыгнут ответы.

* * *

Два дня спустя горшок закипел.

Сначала туземец вернулся к своему пустому дереву и нашел нож.

Потом Ральф Готшалк и Дон Кинг обнаружили на дереве захоронение.

Наконец, Том Стейн, круживший с Эсом на шаре-разведчике, нашел целую деревню, в которой жила, по крайней мере, сотня туземцев.

Монт не знал точно, что, по его мнению, должен старик делать с ножом; он бы не слишком удивился, даже если бы тот проглотил его. Они с Луизой стояли перед телеэкраном и внимательно наблюдали, как старик впервые после их ухода вошел в свое дупло.

Дупло было таким же спартанским, как всегда,— ничего не изменилось. Нож все еще лежал рядом с куском мяса и ягодами. Думая сейчас о вероятном состоянии мяса, Монт порадовался тому, что телекамера не передает запахов.

Старик остановился посредине дупла и осторожно вгляделся в полумрак. Его нос совсем по-человечески сморщился; он взял мясо и выбросил наружу. Потом снова подошел к полке и начал разглядывать нож, подарок, который должен был представляться ему в высшей степени странным.

Он взял нож в руки и неловко подержал его между большим и указательным пальцами, как держат за хвост мертвую рыбу. Потом поднес нож к носу, понюхал его, взял за рукоять и осторожно потрогал пальцами другой руки лезвие. При этом он что-то тихо пробормотал про себя, так что микрофон не уловил звука, и наморщил лоб.

Потом туземец подошел к стене и воткнул нож острием в дерево, снова выдернул, опять осмотрел и срезал со стены щепку.

— *Мерк купраи,*— сказал он отчетливо. Монт впервые услышал его голос. Он был низким и приятным.

— Чарли говорил, что *мерк* — своего рода слово-связка,— про-

шептал он Луизе.— Оно примерно означает «это...» То есть он имеет в виду, что нож — это *купраи*, что и должно его обозначать.

— Что бы это ни значило,— сказала Луиза,— в любом случае нож произвел на него большое впечатление.

Голый туземец печально покачал головой, опять бросил нож на полку и больше не удостоил его ни единым взглядом. Потом зевнул, выпрямился и вышел из дыры. Телекамера показала его спину прямо перед деревом. Старик сел на освещенное солнцем место и тотчас уснул.

— Проклятье! — выругался Монт.

Луиза передернула плечами и моргнула своими карими глазами.

— Мерк купраи,— сказала она.

— Иди к черту, любовь моя!

Она быстро поцеловала его.

— Ты сегодня совсем сник. Выше голову! Надо верить! Подумай о том, что каждый день...

Он улыбнулся.

— Хватит об этом!

Тяжело, как горилла, протопал Ральф Готшалк. Лицо его пылало, и на нем сияла улыбка до ушей. Так как Ральф был не похож на тех людей, которых возбуждала всякая мелочь, то, должно быть, подумал Монт, он нашел не только недостающее звено, а всю цепь.

— Монт, у нас кое-что есть!

— Чудесно! И что же?

— Черт побери! Захоронение со скелетом!

Его возбуждение было таким заразительным, что Монт лишь с большим трудом сдержал себя. Какой смысл терять голову?

— Где? Вы его еще не трогали?

— Конечно, нет! Неужели я выгляжу таким глупцом? Но ты должен это увидеть! Мы с Доном нашли его около часа назад, не дальше четверти мили от лагеря. Оно на дереве.

— Ты совершенно в этом уверен?

— Конечно, уверен! Я забрался туда и все подробно рассмотрел. Настоящее погребение на дереве! Могу тебе сказать: нижняя челюсть массивная, но под черепными костями уйма места для мозгов. Это в самом деле...

— Кроме костей в гнезде еще что-нибудь есть?

— Совершенно ничего. Ни горшков, ни сковородок, ни копий — ничего! Только кости. Но дай мне час на подробное исследование этих костей, и я расскажу тебе массу сведений об этих людях.

Луиза положила свою ладонь на руку Монта.

— Пойдем, Монт, сходим туда.

— Да, я должен посмотреть это собственными глазами,— согласился Монт.— Показывай, Ральф.

Ральф повел их, что-то тихо бормоча про себя, сначала сквозь

палаточный лагерь, потом через поляну в лес. Он перешел на нетерпеливую трусцу, и Монт удивился подвижности этого громадного человека, которому, казалось, не мешали ни повышенная сила тяжести, ни изнуряющая жара, в то время как сам он сильно страдал от этого.

Дон Кинг ждал их рядом с гигантским деревом. Монт вытер стекающий на глаза пот и почти рассердился, увидев, что Дон был таким же опрятным и подтянутым, как всегда.

— Привет, Дон! Ральф сказал мне, что вы с ним нашли погребение?

Дон показал вверх.

— Вон там, шеф! Видишь на толстой ветке ту штуку, похожую на гнездо? Нет, на другой стороне — прямо у ствола.

— Я вижу,— сказала Луиза.

Монт наконец разглядел тоже. Удивительно похоже на гнездо очень большой птицы, хотя было выстроено большей частью из древесной коры. Он пожевал нижнюю губу. Если бы потрогать это руками...

— Ну, Монт, что ты на это скажешь?

Монт вздохнул.

— Ты знаешь, что я могу сказать, Ральф. Ничего не выйдет! Нам нельзя трогать эти кости!

Дон Кинг тихо выругался.

— Это же первый мало-мальский дельный след, который мы нашли, что ты имеешь против?

Монт упер руки в бедра и выпятил нижнюю челюсть. Длительные неудачи в работе постепенно совсем запутывали его.

— На тот случай, если ты еще ничего не слышал об этом,— сказал он принужденно спокойно,— мы должны изо всех сил стараться держаться дружественно с этими людьми. Осквернение одного из их захоронений едва ли станет верным шагом к этому!

— Боже милостивый! — простонал Дон.— Потом ты мне, вероятно, расскажешь, чьей матери эти кости!

— Необязательно. Они могут быть и чьего-то отца, но у меня ни малейших сомнений в том, что за ними постоянно наблюдают. Я тоже охотно бы завладел этими костями, и все же мы их не тронем — во всяком случае, сейчас. Когда-нибудь до этого, возможно, и дойдет, но пока еще не время. Пока я не приму другого решения, кости останутся там, наверху. Понятно?

Дон Кинг ничего не сказал, но выглядел очень рассерженным.

— Мне кажется, он прав,— медленно сказал Ральф.— Мы иногда забываем, что могут значить для некоторых такие кости. Ты помнишь о том дурне, который когда-то хотел купить тело после погребения? Это было в Мексике. Он сам чуть не сыграл в ящик.

— Сумасшествие! — сказал Дон.

Даже Луиза выглядела разочарованной.

— Пойдемте в лагерь,— сказал Монт.— Эти кости от нас не убегут. Уж они-то точно будут лежать там, пока не придет их время.

— А когда оно придет? — спросил Дон и провел ладонью по песочным волосам.

— Я дам тебе об этом знать,— свирепо ответил Монт.

Ввиду его не слишком хорошего настроения приземление шара-разведчика с большими новостями именно в это время оказалось большой удачей. Обычно сдержанный Том Стейн выпрыгнул из него, возбужденный не меньше, чем Ральф обнаружением захоронения.

— Мы с Эсом нашли целую толпу этих,— сказал он.— Примерно в десяти милях отсюда. Не меньше сотни. Должно быть, это главная деревня в этой местности. Они живут в пещерах. Мы видели и детей. Что вы на это скажете?

— Чудесно, Том! — сказал Монт.— Может, там мы чего-нибудь добьемся. Если такая толпа будет перед нами в куче...— Он на несколько мгновений задумался.— Завтра мы возьмем шар-разведчик и приземлимся посреди этих пещер. Мы должны заставить этих людей заговорить!

— Привет, Дженис! — крикнул Том своей жене.— Ты слышала, что я нашел? Целую толпу этих...

Монт улыбнулся.

Дело начинало трогаться с мертвой точки.

* * *

Чужая желтая луна высоко поднялась над темным пологом крон деревьев, и ее оранжевый свет отбрасывал на палатки резкие черные тени.

Монт впервые в жизни понял старое выражение «находиться под негласным наблюдением». Именно так он себя чувствовал сейчас. Он знал, что лагерь окружен глазами — испытывающими, наблюдающими, оценивающими и разглядывающими их. Это не было так уж неприятно, кроме того, он ведь сам этого хотел. Главной причиной того, что они разбили лагерь посреди поляны, была мысль дать возможность туземцам Сириуса-IX наблюдать за ними и оценивать их. Он только надеялся, что аборигенам понравится увиденное.

Ральф Готшалк сидел, прислонившись спиной к пню, и бренчал на гитаре. Они с Доном Кингом — у того был удивительно приятный голос — пели отрывки из разных старинных песен: «Джон Генри», «Когда моя голубая луна снова становится золотой», «Роза Св. Антония», «Пушечное ядро из Уэбаша».

Как правило, они не знали полностью ни одной песни, и их репертуар был довольно разнообразен, но не завершен.

Приятно было слушать старинные песни; они являлись связующим звеном с родиной. Песни каким-то образом делали всю атмосферу странно успокаивающей. Все казалось знакомым и одновременно удивительным и новым — танцующее пламя костра, далекие звезды, поющие голоса... Сколько мужчин и женщин собиралось вокруг походных костров и пело песни с тех пор, как появились первые люди? Может быть, в принципе, такие мгновения служили для людей определенным мерилом: никто в такую ночь не мог поверить, что человек плох по своей природе!

А туземцы Сириуса-IX? Есть ли у них свои песни, что они поют?

— Прекрасно! — сказала Луиза, разделяющая его настроение.

Монт встал со своего ложа, подошел к ней, обнял и поцеловал. Они ни о чем не говорили; все важные слова были уже сказаны за прошедшие долгие годы, и теперь им не нужны были никакие слова. Их любовь стала такой большой частью их жизни, что означала естественную, не вызывающую сомнений силу.

Утром он позаботится о пещерах, туземцах и прочих проблемах и заполнит этим рабочие часы.

Сегодня ночью у него была любовь Луизы — и этого достаточно.

ГЛАВА 6

Серый шар плыл в небе, как странный металлический пузырь в глубинах чужого моря. Плавильная печь белого солнца Сириуса развеяла утренний туман и сделала небосвод таким безупречно чистым и голубым, как будто все это было создано буквально в последнюю ночь.

— Это там! — сказал Том Стейн и показал вниз.— Видите? Они как раз выходят.

Эс Рейд без всякого приказа направил шар-разведчик вниз. Далеко внизу Монт увидел панораму, как будто перенесенную сюда из мрака времен. Между скальными стенами выцветшего коричневого цвета тянулся залитый солнцем каньон; его дно образовало ложе серебристо сверкающей реки. Берега ее окаймляли красновато-зеленые заросли кустов.

В верхней части каньона, недалеко от пенящегося водопада, лежал неровный склон из серых и коричневых скал, усеянный, как оспинами, черными дырками.

Это были пещеры, и из одной, как увидел Монт, поднимался вьющийся дым — первое увиденное им свидетельство того, что туземцы пользовались огнем.

Он отчетливо видел людей; сверху они казались игрушечными солдатиками в миниатюрном мире. Перед пещерами и на обрывистых тропинках, извилисто ведущих к реке, Монт видел мужчин

и женщин, детишек, плещущихся в реке. Эти люди должны были видеть шар-разведчик, но не обращали на него никакого внимания.

— Неплохо смотрится, верно, Чарли?

Языковед улыбнулся.

— Только бы они захотели хоть что-нибудь сказать!

— Садитесь! — сказал Монт Эсу.

— Где?

— Как можно ближе к этому утесу. Попытайтесь никого не раздавить, но дайте им почувствовать напор воздуха. Я же по горло сыт простым разглядыванием.

Эс оскорбился.

— Я припаркуюсь рядом с их крайним домом.

Серый шар-разведчик опустился вниз.

Они почти задели скальную кромку и приземлились у самых выходов из пещер. Монт открыл люк и выбрался наружу. Коричневые стены каньона оказались выше, чем смотрелись сверху; они, как горы, вздымались вверх. Голубое небо казалось очень далеким. Монт услышал журчание реки и почувствовал нежный ветер. Он подождал, пока выберутся остальные и присоединятся к нему.

Вдруг его охватило ощущение несоответствия. Но не мир вокруг и не туземцы казались ему чужими, а он сам. Том, Чарли, Эс с их неуклюжими руками и такой же неуклюжей одеждой. Этот их серый металлический шар в долине среди скал, воды и буйной растительности казался чудовищем...

Туземцы никак не реагировали на их появление. Они не приближались, но и не убегали. Они останавливались там, где находились, стояли и смотрели.

Что с ними случилось? Неужели они вообще не знают любопытства? Монт уже начинал сомневаться в ценности всего своего предыдущего опыта и знаний.

Я, крупнейший специалист-антрополог! С таким же успехом я мог появиться здесь в виде гусеницы!

Наконец от одной из пещер по тропинке спустился ребенок, показал рукой на шар-разведчик и засмеялся — тоненьким, восхитительным смехом. Люди опять задвигались и пошли по своим делам. Некоторые подходили к Монту так близко, что он мог бы потрогать их, и все же ему казалось, будто он смотрит на них через гигантскую, непреодолимую пропасть. Он их просто не понимал, не понимал ничего из того, что они делали. Туземцы ничего не имели, жили в пещерах и пустых деревьях. Все, чем они занимались, казалось ему бессмысленным и бесцельным. Они, казалось, чувствовали себя безмятежно и — что еще хуже — казались совершенно равнодушными.

Однако почему-то не возникало впечатления их примитивности. (Он понимал, что «примитивность» — двуплановое слово, но мог

думать только в выражениях и понятиях, которые знал.) Скорее, они были далекими и совсем чужими, стояли где-то за границей его понимания. Они жили в мире, где предметы имели другую ценность.

Туземец, намного старее того, которого они преследовали на пути к пустому дереву, спустился по тропинке и остановился невдалеке от шара-разведчика. Он, жмурясь, смотрел на них печальными глазами, немного наклонясь вперед — так что мог опираться на свои длинные руки. Морщинистая кожа на лице дрябло свисала. Потом подошли две молодые женщины и остановились рядом с ним. Ребенок засмеялся снова и толкнул одну из большеглазых девочек.

Монт глубоко втянул в себя воздух. Он сам себе казался плохим актером, который вышел из-за кулис, взмахнул соломенной шляпой, начал играть свою роль и вдруг обнаружил, что зрительный зал пуст.

Во всяком случае, люди, казалось, не боялись. Они не были такими пугливыми, как тот туземец в деревне. Может быть, подумал Монт, они разделяют человеческое свойство: в толпе люди храбрее.

Монт подошел к старику, тот наморщил лоб, продолжая, прищурившись, смотреть. Монт поднял руки, чтобы показать, что его ладони пусты.

— Монт,— сказал он и указал на себя.

Старик что-то пробормотал и замолчал.

Монт попробовал еще раз.

— Монт!

Старик задумчиво кивнул и потянул себя за ухо.

— Ларст,— сказал он отчетливо.

О небо! Он заговорил!

Чарли вытащил свой блокнот и записал это единственное, драгоценное слово фонетическими знаками. Монт широко улыбнулся и попытался выглядеть максимально дружелюбным.

— Чарли,— сказал он и указал на Чарли.— Том, Эс.

Старик опять кивнул.

— Ларст,— повторил он и вздохнул.

И вдруг — невероятно! — он начал показывать на все подряд: на пещеры, на реку, небо, детей, женщин и всякий раз называл обозначение — медленно и терпеливо, как будто объяснял непонятливому ребенку урок. Его голос был слабым и дрожащим, но каждое слово можно было ясно понять. Монт сначала повторял слова по-английски, потом отошел в сторону, предоставив беседовать дальше Чарли Йенике.

Чарли работал быстро, решительно настроившись предельно использовать этот удобный случай. Он перепроверял слова и фразы, записывая их так быстро, как только позволяла его шариковая ручка. Он систематизировал словарь, исходя из слов, знакомых ему по

магнитным записям. Старик, казалось, был немного ошеломлен такой скоростью, но продолжал терпеливо говорить.

Том Стейн с двумя детьми-мальчиками проманеврировал по тропинке вниз к реке и, повернувшись к ним, показывал фокусы. Мальчики внимательно и с любопытством наблюдали за ним. Том проделал целый ряд трюков и испробовал все, чтобы подружиться с ними.

Монт был так возбужден, будто только что нашел знаменитый Розеттский Камень[1], который сделал возможным чтение египетских иероглифов. Он пытался придерживаться научных правил. Начинай с вождя, сколько раз он внушал это своим студентам?! *Установи, кто имеет власть, и продолжай работу сверху вниз.* О'кей! Чудесно! Только — кто же здесь вождь?

Он огляделся. Ларст, стоящий на пороге старости, вряд ли был таковым. Так же маловероятно, чтобы кто-то из детей. Женщины всякий раз отступали назад, как только он собирался подойти поближе — одна даже покраснела. Трудность была в том, что многих туземцев вообще не волновало их присутствие, и нельзя было определить, в какой степени это относилось к тому или другому. Он подумал, что вообще трудно классифицировать людей, которые не носят никакой одежды. Может быть, какую-то роль играют полосы на груди?..

Он обошел вокруг, пытаясь зарисовать в свой блокнот план пещерной деревни. Люди не пытались ему помешать, но он все же счел за лучшее не входить в жилища, а лишь отметил расположение пещер и сделал краткое описание туземцев, которых находил перед каждой из них. Он сделал также несколько снимков, и это, кажется, совсем не мешало туземцам.

Во всяком случае, контакт установлен!

Это было главным; все остальное потом.

Он снова занялся своей работой, забыв обо всем на свете. Большое белое солнце описывало свою дугу на небе, и черные тени на дне каньона становились все длиннее...

* * *

Неожиданно Монту показалось, что он получил предупреждение. Это не было предчувствием какой-то угрозы, чем-то особенным, драматичным. Просто его кольнуло неприятное чувство.

Много позже он тысячу раз говорил себе, что должен был подумать об этом раньше. Он ходил с блокнотом и камерой по пещерной деревне и первым мог бы это понять. То, что он наконец-то дорвал-

[1] Розеттский камень — базальтовая плита 196 г. до н. э. с параллельным текстом на греческом и древне-египетском языках. Расшифрована Ф. Шампольоном. *(Прим. перев.)*

ся до настоящей работы с туземцами, настолько увлекло его, что он перестал ясно соображать. Мозг его был одурманен обилием впечатлений.

Расхолаживало, конечно, и то, что до сих пор за все проведенные на Сириусе-IX недели у них не было никакого повода для беспокойства. Человеческий разум вообще охотно обманывается совершенно теряя, порой, способность анализировать, так как восстает против мысли, что что-то хорошее может вдруг кончиться. Если до сих пор царил мир, то так будет всегда...

Довольно странно — не человек вернул его к осознанию действительности, а зверь, который сидел около одной из пещер и, очевидно, грелся на послеполуденном солнце. Монт сделал снимок, а потом рассмотрел животное вблизи. Оно определенно не было родственником могучему волкоподобному животному, которого они видели в лесу.

Это было не крупнее белки, с голым, как у крысы, хвостом; довольно короткое и толстое тело было покрыто красно-коричневым мехом. В ветвях местных деревьев оно могло быть практически незаметным. Большая и плоская голова с острыми, как у лисы, ушами. Чудовищно большие, как блюдца, глаза.

Многое в нем навевало мысль о лемурах-кобольдах, но кобольды были исключительно ночными животными, а этот здесь, казалось, не мог даже прыгать. Но, во всяком случае, лемуры-кобольды из всех животных, которых Монт помнил, более всего походили на этих.

Это было первое животное, увиденное Монтом в деревне, и его мысли перескочили на волкоподобного хищника, которого он видел в лесу. Странно, подумал он, почему в деревне не видно ни одного из них? Только тогда ему в голову пришла мысль; ему показалось странным, что...

Он вдруг вздрогнул и похолодел...

Вот оно! Вот что было неправильным в этой деревне! Вот что мешало ему и мучило сейчас.

Он быстро пошел через деревню к остальным, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не побежать сломя голову. Он спешил к Чарли и Ларсту, которые все еще говорили друг с другом. Старик, сейчас выглядевший действительно очень древним, видимо, совсем выдохся, но продолжал отвечать на вопросы Чарли.

Монт тронул лингвиста за плечо.

— Чарли!

Чарли даже не обернулся.

— Некогда, черт побери!

— Это очень важно, Чарли!

— Оставь меня! Еще часок с этим парнем, и...

Чарли медленно и неохотно распрямил свои затекшие члены

и повернулся. Под глазами его лежали черные тени, а рубашка взмокла от пота.

— Что такое?

— Подумай хорошенько! Ты сегодня видел хоть одного мужчину?

Чарли преувеличенно вздохнул.

— Ты ослеп? А с кем я до сих пор разговаривал? С лошадью?

— Я имею в виду молодых мужчин, а также мужчин средних лет. Ты видел кого-нибудь?

Чарли удивленно потряс головой.

— Нет, кажется, нет. Но...

— Нет! Мы идиоты. Здесь только женщины, дети и старики!

Лицо Чарли вдруг побледнело.

— Но ты же не думаешь, что...

Монт уже больше не терял времени.

— Эс! — резко сказал он.— Немедленно идите к шару и вызовите лагерь. Быстро, Эс!

Пока Эс шел к шару-разведчику, Монт подбежал к Тому, который все еще развлекал группу ребятишек своими фокусами, и присел возле него.

— Том, постарайся не подавать виду, но мне кажется, у нас возникли трудности. В этой деревне нет ни одного крепкого, боеспособного мужчины! Эс уже вызывает лагерь.

Том уставился на него, позабыв об обрывках бинтов в руках.

— Дженис,— прошептал он,— она в лагере...

Эс выглянул из двери шара и крикнул:

— Мне очень жаль, сэр! Лагерь не отвечает!

Трое ученых сразу забыли о деревне. Они все разом понеслись к шару. На бегу Монт все повторял мысленно одно и то же слово:

Дурак! Дурак! Дурак!

Эс поднял шар в воздух, едва они успели взобраться в него, и на предельной скорости повел его сквозь уже опускавшуюся тьму.

ГЛАВА 7

Костер не горел — это Монт обнаружил прежде всего. Серая поляна спокойно лежала в свете первых звезд. Ничто не двигалось. Все казалось безжизненным, как позабытые в джунглях руины, а палатки... с ними что-то было не в порядке...

Монт заставил себя говорить спокойно:

— Облетите лагерь, Эс, и включите прожектор.

— Ради Бога! — шептал Том Стейн.— Ради Бога!

Монт почувствовал холод в желудке. Он открыл рот, не издавая ни звука; руки тряслись.

Палатки были изорваны в клочья. Вся поляна была усеяна обломками — горшками, посудой, обрывками одежды, складными стульями и блестящими консервными банками. Посреди всего этого лежало нечто бесформенное и неподвижное.

Монт был человеком своего времени; он еще никогда в жизни не переживал того, что, должно быть, случилось там, внизу. Но он мог предположить резню. Бойню! Это была бойня! Слово из прошлого, не имевшее ничего общего с той жизнью, которую он знал.

Ему едва не стало дурно, но для собственных переживаний просто не было времени.

— На посадку! — крикнул он.— Приготовить оружие!

Шар с глухим стуком грохнулся о землю. Эс включил верхние прожектора и тоже схватил револьвер. Мужчины кинулись через люк.

Держась подле друг друга, они шли вперед. Первый обнаруженный ими труп принадлежал одной из волкоподобных бестий. Грязно-серый мех почернел от крови, а белые клыки и в смерти все еще угрожающе скалились; желтые глаза смотрели в пустоту. Монт отодвинул труп в сторону.

Следующий труп был такого же зверя; голова его была разбита чуть не на куски.

Третий труп, лежащий лицом вниз, был телом Хелен Йенике. Спина ее была изорвана; пальцы вцепились в землю, как будто она искала там защиту. Чарли перевернул тело и взял его на руки. Он сухо и сдавленно всхлипнул.

Хелен была всегда такой красивой и ухоженной; Монт впервые увидел ее со смазанной помадой и свисающими на глаза волосами...

Монт, Том и Эс пошли дальше. Следующим они нашли Ральфа Готшалка — или то, что от него осталось,— окруженного четырьмя волками. Громадный, нежный Ральф все еще сжимал в руках ружье. Испачканное кровью лицо застыло в маске невероятной для него злости и ненависти. Один из мертвых зверей все еще сжимал зубами искалеченную ногу Ральфа. Монт разжал челюсти и оттолкнул зверя ногой.

Они пошли через поленья потухшего костра к палаткам.

Последней они нашли Луизу.

Она лежала в грязи, с окровавленным ножом в руке, и казалась меньше, чем Монт ее представлял, маленькой, раздавленной, хрупкой. Он поднял ее и погладил по черным волосам, не замечая крови. Он стоял, держа жену на руках, и прислушивался к доносящимся через поляну всхлипываниям Чарли. Она была такой легкой, совсем невесомой...

Ему вдруг вспомнилось событие давно прошедшего времени в другом мире. Она растянула ногу в горах Колорадо, и ему пришлось нести ее до вертолета.

— О Боже! — говорил он тогда.— Ты весишь целую тонну!

Она засмеялась и сказала:

— Ты стареешь, Монт.

Стареет? Да, теперь он постарел.

Он сел, не выпуская ее из рук. Он уже не мог больше думать. Кто-то положил ему на плечо руку — Эс. Монт почувствовал смутную благодарность за тепло, что давала ему эта рука в ужасном и холодном мире. Он трясся от холода, и ему так захотелось, чтобы снова разожгли костер. Луиза так любила костер.

— Она ушла! Ее больше здесь нет!

Смешно! Кого нет здесь? Она же здесь...

Том Стейн, как безумный, носился взад и вперед. Почему он не сядет? Что с ним?

— Монт! Дженис нет! Может, она еще жива!

Монт медленно и с большим трудом заставил себя вернуться к действительности. Казалось, он был глубоко под водой и рвался вверх, к свету. Но света не было. Он ничего не чувствовал.

— Монт! Мы должны ее найти!

Монт нежно опустил Луизу на землю и встал. Лицо его было белым, как мел. Он оглянулся. Мир продолжал существовать.

— Кого нет еще?

— Дона. Может быть, они ушли. Надо их искать!

— Да. Надо их искать.— Монт повернулся к Эсу.— Вызовите корабль, он должен быть готов взять нас на борт. Том, возьми ружье и стреляй в воздух. Может, они услышат.

Обрадованный тем, что нужно что-то делать, Том понесся к оружию, которое выронил во время поисков.

— Делай каждые десять секунд по выстрелу,— добавил Монт.

Том начал стрелять.

Монт медленно подошел к Чарли Йенике.

— Нужно разжечь костер. Холодно.

Чарли посмотрел на него невидящими глазами.

— Идем, Чарли!

Чарли встал и безмолвно кивнул.

Они вместе начали разводить огонь — горе сблизило их сильнее, чем что-либо в их прошлом счастливом мире.

На краю поляны Том Стейн стрелял через каждые десять секунд.

* * *

Ничто не указывало на то, что Дон и Дженис были где-то поблизости; и вдруг они возникли из леса, как две тени. Том едва не застрелил собственную жену, прежде чем узнал ее.

— Почему вы не кричали? — спросил он сердито.— Почему вы не стреляли, чтобы дать нам знать, что вы живы?

Потом он обнял жену и прижал к себе, как будто она тонула, и только он один мог спасти ее.

— Ты жива! — повторял он.— Ты жива! Ты не ранена? Ты жива! — Он был так потрясен, что даже забыл поблагодарить Дона Кинга за ее спасение.

Дон мало походил на того обычно безукоризненно выглядевшего мужчину, каким он был всего несколько часов назад. Одежда его была изорвана, а песочные волосы почернели от грязи. Из зияющей на левом плече раны текла кровь, а сам он все еще дрожал от возбуждения.

Дон присел к огню, подпер голову ладонями и, не глядя на Монта и Чарли, спокойно сказал:

— Мне очень жаль. Ужасно жаль. Я сделал все, что мог. Когда я схватил Дженис и убежал, они все уже были мертвы.

Монт присел с ним рядом.

— Тебя никто не винит. Мы рады, что ты жив. Как все случилось, Дон?

Дон по-прежнему не смотрел на них. Он глядел в огонь и говорил бесцветным голосом, будто описывал что-то, что случилось с кем-то другим и когда-то очень давно.

— Было уже далеко за полдень. Мы ничем особым не занимались, ждали вашего возвращения. Мы с Ральфом шутили о том, что пойдем к дереву с захоронением и попытаемся что-нибудь разнюхать.— Он сплюнул в огонь.— Вдруг из леса вылетела стая этих проклятых волков. Они напали на нас; мы даже не успели понять, что случилось. Это был кошмар! Все произошло так быстро, что мы даже не начали по-настоящему обороняться. Они, казалось, нападали главным образом на женщин, но я не знаю, почему. И все время рычали, как бешеные. Среди деревьев я видел нескольких туземцев, но они не участвовали. Они только наблюдали. Они не пытались и помочь нам — мне показалось, что это они послали бестий, хотя это и бессмысленно. Мы схватили оружие и делали все, что могли, Ральф даже задавил одного голыми руками. Но их было слишком много. Я застрелил двоих, которые бежали за Дженис, и Ральф крикнул мне, что нужно бежать. В таком хаосе было трудно ориентироваться. Я схватил Дженис и понесся в лес, не представляя, что еще можно сделать. Эти бастарды видели меня и лучше меня лазили по деревьям. Я знал, что чудовища шли по нашему следу и не оставляли нам никакого шанса. Вдруг я вспомнил о захоронении на дереве, вероятно, потому, что я незадолго до этого говорил о нем с Ральфом, и мы побежали туда. Это была правильная мысль, хорошо, что она пришла мне в голову. Нам повезло. Мы вскарабкались к проклятому гнезду и уселись в него. Туземцы долго ходили вокруг

нас, но ничего не сделали. Может быть, это священное место или что-то вроде этого. Псы нас преследовали, и я настрелял их целую кучу — по меньшей мере, десять или двенадцать. Потом у меня кончились патроны, а вставить запасной магазин не было времени. Через некоторое время звери убежали, и туземцы тоже исчезли. Когда я услышал выстрелы, мы спустились сюда. Вот и все. Боже мой! Что случилось в деревне? Кто-то из вас изнасиловал дочь вождя или что-нибудь вроде этого?

— Ничего не случилось! Совершенно ничего!

Чарли Йенике только покачал головой; на слова у него не хватило сил.

Монт встал, избегая смотреть на тело Луизы.

— Вы связались с кораблем, Эс?

— Да, сэр. Они готовы. Адмирал Йорк просит дать световые сигналы. Вам он попросил передать...

— К черту адмирала Йорка! Послушайте, Эс... Нам нужно взлетать дважды, верно? Дженис полетит первым рейсом с... нужно удалить ее отсюда. Том, конечно, полетит с ней, и Дон тоже.

— Я останусь здесь с вами,— сказал Дон.

Монт не обратил на него внимания.

— Когда высадите их, вытащите отсюда нас. Мы с Чарли позаботимся о мертвых. Располагайте временем, Эс, им уже спешить некуда.

Эс помедлил.

— Могут вернуться звери, Монт.

— Да. Я на это надеюсь.

Эс посмотрел на него, а потом вместе с остальными пошел к шару-разведчику. тот почти сразу бесшумно поднялся в звездное небо и исчез.

Монт и Чарли сидели у костра с оружием в руках — одни с мертвыми. Ночь вокруг них была совершенно беззвучной. Было тепло, но оба дрожали, как от озноба.

— Ну, Чарли?

— Да. Надо покончить с этим.

Они встали и разрезали обрывки палаток. Потом сделали то, что нужно было сделать.

Не сговариваясь, они сначала вместе завернули Ральфа.

А потом каждый сделал то, что еще мог сделать для своей жены.

* * *

Покончив с этим, они снова разожгли костер. Сырые дрова шипели и стреляли искрами, пока их наконец не охватил огонь, и оранжево-красное пламя ударило высоко в небо. Монт не совсем

понимал, зачем им такой большой костер — кого-то или что-то отпугнуть или привлечь? Он был уверен, что Чарли этого тоже не знал.

Монт сидел спиной к огню и наблюдал за черным краем леса. Казалось, он вдруг начал видеть неестественно четко; он отчетливо различал каждую ветку. И слух его обострился, он ощущал малейшие движения листьев, насекомых, ползущих в лесу по земле, и далекий зов невидимой птицы. Он знал, что в критические мгновения чувства обостряются, но эта острота была намного сильнее, чем он считал возможным. Он неосознанно отметил этот факт какой-то частью своего мозга, который сейчас не функционировал, и как-то вскользь удивился своей необычной бдительности.

— Почему они так поступили, Монт? Что нам делать теперь с ними? — хрипло спросил Чарли.

— Я тоже не знаю. Мне кажется, мы были очень осторожны. К черту — может, вовсе не было никакой причины.

— Причина есть всегда!

— Да? Я спрашиваю себя, действительно ли это так.

Чарли больше ничего не сказал, и тишина стала гнетущей. В такую ночь все же лучше помогать друг другу словами. Когда молчишь, невольно начинаешь думать, а как только подумаешь о...

— Мне кажется, мы сделали глупейшую из ошибок,— медленно проговорил Монт.— Мы вообразили, что если у нас нет злых намерений, то и они должны по отношению к нам ощущать то же самое. Мы пришли к каннибалам со своими молитвенниками, а они засунули нас в котел. Нам следовало быть осторожнее.

— Они казались мне такими застенчивыми и пугливыми. Неужели это только маска? Но откуда нам было знать, Монт? *Откуда?*

— Какой смысл теперь упрекать себя, после случившегося?

— И все же я виноват! О Боже, я ушел и оставил ее здесь одну...

— Перестань, Чарли! — хрипло сказал Монт.— Я больше не могу.

Опять воцарилась тишина. Они грелись теплом костра и ждали возвращения шара-разведчика. Ночь вокруг была чужой и таинственной...

Они почувствовали это одновременно.

— Монт!

— Да. Вон там!

Они вскочили с оружием в руках. Свет был не слишком ярким, и сначала они ничего не увидели. Но оба с уверенностью могли сказать, что где-то меж деревьев сидел туземец и наблюдал за ними. Они даже чувствовали, где он примерно был.

Монт был холоден, как лед. Он прищурил глаза и ждал.

— Вон он! — хрипло прошептал Чарли.

И Монт теперь тоже увидел его, высоко вверху, где ветви становились реже, туземец вырисовывался на фоне более светлого неба.

Большой мужчина смотрел в их сторону; свои длинные руки он поднял над головой, держась за ветки.

Он даже не пытался прятаться. Он просто стоял там и наблюдал за ними, как будто в этом мире не было ничего более естественного.

И тут в Монте что-то сломалось. Как будто перерезали туго натянутую проволоку, и в нем, как бурлящая лава, поднялась ненависть.

Он не думал и не хотел думать. Он просто пошел. Его удивило, как это было легко, что за спокойные у него ладони и как четко он все видел. Ему даже не нужно было задерживать дыхание.

Он поднял ружье; оно было легким, как перышко. В визире появился неподвижно стоящий туземец.

Монт нажал на курок. Ружье толкнуло его в плечо, и в темноту ударил огненный язык, но он ничего не слышал. Пуля попала туземцу в живот.

Мужчина скорчился и схватился за живот. А потом начал падать. Все тянулось неожиданно долго. Он, крича, падал с ветки на ветку, пока не рухнул на землю.

Монт и Чарли подбежали к нему. Туземец лежал на спине, обхватив тело длинными руками. Глубоко сидящие глаза были расширены от боли и ужаса. Он попытался было что-то сказать, но изо рта хлынула кровь.

Монт хотел броситься на него, но Чарли оттолкнул его в сторону.

— Он мой! — прошептал он.

И Чарли Йенике убил туземца прикладом.

Они оставили его лежать и пошли назад, к высоко и ярко пылавшему костру. Никто не произнес ни слова.

Когда серый шар-разведчик спустился с неба и сел, Эс помог им внести на борт мертвых. Это заняло немного времени.

Шар стартовал и начал подниматься вверх, к космическому кораблю. Монт глядел вниз, на костер на поляне, пока не потерял его из виду.

Потом вокруг них была только ночь, только большая и пустая ночь и далекие, холодные звезды. Он закрыл глаза. Внутри тоже была ужасная пустота и ледяная боль потери.

Боль за все, чем он был, но уже никогда больше не сможет быть.

ГЛАВА 8

Похороны были милосердно короткими и торжественными, но Монту они все же показались какими-то варварскими. Он участвовал в них наполовину в каком-то оглушении, и мысли его постоянно уходили в сторону. Как это все было бы противно Луизе...

— Если я умру,— как-то сказала она в те солнечно-яркие дни,

когда смерть для них была лишь словом, и оба думали, что будут жить вечно,— не надо никаких печальных песен и плачущих родственников. Я хочу, чтобы меня сожгли, а мой пепел развеяли в цветущих садах, где он принесет хоть какую-то пользу. Ты позаботишься об этом, Монт, да?

— К сожалению, я не смогу этого сделать,— шутя сказал он тогда.— Я уже пообещал тебя в жертву богу Солнца.

Богу Солнца!

Сириусу?

В жертву...

Небольшое утешение, подумал он, хотя «утешение» — не самое подходящее слово. Теперь ее тело в наспех сделанном гробу перемещается в космосе, в чудовищной межзвездной пустоте.

Может быть, она рухнет когда-нибудь на солнце. Конечно — на чужое солнце, в пылающую домну, но все-таки солнце. Может быть, она хотела этого...

Он все еще не мог поверить, что ее нет. Он не пытался обмануть себя: она мертва, и его разум принял этот факт. Он не мог утешать себя безумной идеей свидания на небесах. Но вера — из области чувств, и, хотя он знал, что Луиза летит в гробу где-то в космосе, он прислушивался, чтоб услышать ее голос, ждал, что она войдет в дверь, удивлялся, что ее все еще нет — именно сейчас, когда она так ему нужна.

Это было невыносимо. Он избегал каюты, где они когда-то вместе жили, и приходил в нее только тогда, когда пытался заснуть. Многие люди находили утешение в бутылке, если хотели что-то забыть, но ему не хотелось бы такого забытья, да это и не помогло бы. Алкоголь только усиливал то, что он чувствовал; так с ним было всегда.

Но были случаи, когда он вынужден был заходить в ее каюту. Тогда он ложился на ее кровать — один, в темноте. Еще он рассматривал ее платья и книги, которые она читала, и вдыхал запах ее косметики, следы которой все еще витали в крошечной каюте.

И тогда он понимал, что она ушла от него навсегда!

* * *

Адмирал Йорк сидел за полированным письменным столом и выглядел так, как будто ему было неудобно. Он был высоким и худым, седые волосы коротко подстрижены. Даже сидя, он, казалось, сохранял служебную позу, хотя никогда не был чрезмерным формалистом. У него были теплые карие глаза и нежная улыбка. Монт считал его превосходным офицером. Он был вежлив; но эта вежливость не делала их разговор легче.

Монт осознавал чрезвычайный внешний контраст между ними. Его костюм не сидел так, как должен был сидеть; он похудел, очень похудел. Борода неухожена, под глазами темнеют полукружья теней. Монт стал твердым, тверже, чем когда-либо раньше, слишком твердым, чтобы гнуться. Он скорее сломается.

Конечно, не все проявлялось внешне, и он был этому рад, Он по-прежнему оставался Монтом Стюартом независимо от того, что чувствовал. Но и ему было как-то странно неловко, как школьнику, которого вызвали к директору. Он не принадлежал этому пространству, этой комнате. Жужжание воздухопроводов и пресный металлический запах корабля мешали ему. После теплой, возбуждающей атмосферы Сириуса-IX воздух казался холодным и мертвым.

— Выпьете, Монт?

— Да, пожалуй.

Адмирал Йорк налил по порции виски и пригубил свою. Монт выпил одним глотком. Адмирал обстоятельно раскурил сигарету, чтобы дать Монту время расслабиться. Монт, не желая его разочаровать, достал из кармана трубку и тоже закурил. Вкус табака был тем же; по крайней мере хоть это не изменилось.

Адмирал Йорк занялся стопкой напечатанных на машинке листов бумаги на своем столе. Монт знал, что там было четырнадцать страниц с его подписью на последней.

— Ну, Монт?

— Вы прочли это. Там — все. Мне больше нечего сказать.

Йорк откинулся назад в своем кресле и уставился на свою сигарету, будто именно она была самым интересным в этом мире.

— Вам, конечно, ясно, что я ответственен за безопасность экспедиции. Поэтому большая часть вины за случившееся внизу — на мне.

Монт вздохнул.

— Вы глупец, Билл, так не считайте дураком меня. Все решения в отношении туземцев принимал я. Я постарался изложить это по возможности яснее в своем сообщении — случай, если в будущем вдруг возникнут какие-то вопросы. Вы ни в чем не виноваты!

— Может быть. Но я буду виноват, если теперь случится что-нибудь еще, и именно поэтому больше ничего не случится! Теперь мы знаем, что делать.

— Мы действительно это знаем?

Йорк пожал плечами.

— Послушайте, Монт, я не собираюсь устраивать вам трудности. Я знаю, что вы перенесли ужасный шок. Пожалуйста, поверьте мне: если бы я мог как-то вам помочь, я бы сделал это.

— Я знаю, Билл.

— Ничего не поделаешь, но я сам не могу действовать так, как

мне хотелось бы. На мне ответственность командующего, и я вынужден делать то, что считаю наилучшим.

— И...

— И я возвращаюсь вместе с кораблем назад, на Землю, Монт. Я не хочу допустить нового кровопролития. С этого момента решения должны принимать более высокие авторитеты.

— Вы имеете в виду Хейдельмана?

— Я имею в виду Генерального секретаря. Конечно, вы представляете ситуацию, в которую мы сами себя поставили, не хуже меня, правда?

Монт пососал свою трубку. Он почувствовал, как задрожали его руки и рассердился.

— Вы считаете, что у нас не получилось? Что все было напрасным? Что мы просто дали тягу?

Йорк отвел взгляд в сторону.

— А разве не так? Ну, подумайте сами! Вы не можете туда вернуться. Вы же сами должны это понимать! С самого начала было достаточно плохо, а теперь туземцы напали на нас и убили наших людей. И, возможно, еще хуже то, что вы убили туземца. Я не упрекаю вас за это — на вашем месте я бы, возможно, сделал то же самое. Но где-то все-таки должна быть граница. Мы пришли сюда не для того, чтобы начинать войну.

— Зачем же мы сюда пришли?

— Это ваше дело. Не мое. Моя задача — доставить вас сюда и обратно. И я намерен это сделать.

— Как прекрасно, как благородно! Может быть, вы даже получите за это орден.

— Не надо сарказма. Я пытаюсь разумно вам объяснить. Вы толстолобы, а не я. Всегда легче искать виновных среди начальства.

Монт встал.

— К черту — срываю на вас зло! — Он устало посмотрел на Йорка.— Как вы думаете, каково мне? Моя жена погибла. Ральф тоже. И Хелен. А я, я провалил самое большое задание, какое когда-либо получал. Вы когда-нибудь считали себя неудачником? Я до сих пор никогда! Я всегда думал, что могу сделать все. Может быть, раньше мне слишком легко удавалось; я не знаю. Теперь я по самую макушку в дерьме. Но я не лодырь. Я еще не сдался!

— Но что вы сможете *сделать?* Я занимаюсь исследованием космоса, но было бы смешно, если бы вы захотели пожертвовать собой во славу антропологии. Вы рассуждаете сейчас непоследовательно...

— К черту антропологию! Вы считаете меня глупцом? От этого зависит слишком многое, и вы это знаете! Если мы сдадимся сейчас, то больше, может быть, вообще не будет шанса. Следующая экспедиция, которую сюда пришлют — если дело вообще дойдет до

следующей экспедиции! — будет, может быть, военной. Вы этого хотите?

— Нет. Этого я не хочу.

— О'кей. Я испортил первую попытку. Теперь моя задача — опять привести все в порядок. Я собираюсь выполнить эту задачу — вот и все.

— Я не могу допустить, чтобы вы снова поставили других в опасное положение.

— Конечно. Но кто, по-вашему, будет в опасности? Кораблю ничего не угрожает — сюда им не добраться. Дженис, разумеется, должна оставаться здесь, и я не хотел бы, чтобы Том тоже еще раз спускался вниз. Дон, мне кажется, так и так не захочет. О Чарли я не знаю — это его дело. Но *я* могу вернуться!

— Один?

— Почему бы и нет? Самое плохое, что может случиться — я тоже погибну. Но что с того?

— Монт, я удивляюсь вашему мужеству. Но я пережил это уже тысячу раз — мужчина теряет жену и считает, что наступил конец света. Это не так! Вы еще молоды...

— Глупости! Я *должен* вернуться! Нужно разобраться с самим собой — и смерть Луизы тут ни при чем! Представьте себе, что вы получили важное военное задание и потерпели поражение в первой же перестрелке. Вы повернете и побежите домой?

Йорк помолчал.

— Может быть. Если увижу, что все безнадежно...

— Но вы этого не знаете! И мы тоже не знаем, что на самом деле произошло там, внизу. Теперь мы достаточно разбираемся в их языке, чтобы беседовать с ними. У нас же есть некоторый прогресс. Смотрите — на вас нет никакой ответственности. Ведь ясно, как черным по белому, что отношения с туземцами — мое дело. Мы хотели остаться здесь на год, и мне нужен этот год. Вы просто не можете приказать мне лететь домой, пока для корабля нет никакой опасности. Случившееся ничего в этом не меняет. Мы должны попытаться еще раз!

Йорк опять наполнил стакан Монта и пододвинул его.

— Успокойтесь! Что вы предлагаете? Спуститься вниз с вашим ружьем и начать стрелять?

Монт сел и выпил свое виски.

— Я клянусь вам, что убитых больше не будет. Даже при самообороне.

Йорк посмотрел на него и кивнул.

— Я вам верю. Но чего вы хотите добиться? Должен ведь у вас быть хоть какой-то план?

Монт стал горячо говорить:

— Да, есть. Я хочу добиться доверия. Я хочу знать, что за всем

этим кроется. Если я пойму это, я смогу вести с ними переговоры. Я создам Хейдельману мирные отношения, если даже погибну сам.

— Это не план. Это ультиматум. Мы не можем доверять этим туземцам. Они доказали это. Нам нужно подумать о своей безопасности.

Монт улыбнулся.

— Звучит знакомо, Билл. Это старый путь, который никуда не ведет. Я не доверяю ему. Он не доверяет мне. Тогда не лучше ли сбросить ему на голову бомбу побольше, прежде чем он сбросит на меня? Вы снова хотите начать с этого? Неужели это должно стать первой встречей с разумными существами вне Земли?

— Вы давали им все возможности быть гостеприимными! — Лицо Йорка покраснело.— Вы так старались, и чего добились? В этом нет никакого смысла. Я не могу допустить, чтобы вы вернулись и дали себя убить. Ответственность за это — на мне!

Монт опять улыбнулся; он почувствовал себя намного лучше.

— Не думал, что для вас это так много значит.

— Оставьте это! Я настолько иду вам навстречу, что даю вам неделю времени. К концу этой недели я хочу видеть план. Предупреждаю: вы должны будете убедить меня в его пригодности! Мне нужен план, который бы гарантировал вашу безопасность! План, который мы могли бы показать дома и который бы давал абсолютную уверенность, что не будет ранен больше ни один туземец — безразлично, с какими бы добрыми намерениями это ни произошло! Я хочу видеть его в письменном виде!

— Не слишком ли многого вы требуете?

Адмирал улыбнулся.

— Как говорит пословица: вы сами хотели постелить себе постель — ну, так вам в ней и спать.

Монт встал и протянул руку. Йорк пожал ее.

— Вы пошли мне навстречу, Билл. Большое спасибо! Я этого не забуду!

— Если все провалится, не забудет никто. В любом случае, желаю вам удачи! И попытайтесь сначала выспаться.

— Спать? У меня есть время спать?

Монт повернулся и вышел.

Он торопливо пробежал по металлическим лестницам. Он был бодр, как никогда в последнее время. Ему нужно составить план. Он шел к Чарли Йенике.

ГЛАВА 9

Чарли он нашел там, где и рассчитывал: тот сидел на корточках над своими записными книжками у магнитофонов в холодной, похожей на ящик комнате, оборудованной для лаборатории лингвисти-

ческих исследований. Он был так погружен в работу, что не сразу обратил внимание на вошедшего к нему Монта. Монт смотрел на него сейчас совсем другими глазами. До той самой ночи у костра на кровавой поляне Сириуса-IX между ними всегда была какая-то антипатия. Видимо, без глубоких причин — они просто не подходили друг другу. Судьба же захотела потом, чтобы именно с Чарли Йенике они пережили трагедию.

Ту трагедию, когда они убили туземца! Монт понимал это не хуже Чарли. Они никогда до этого не видели его. Они не знали, что тот делал или собирался сделать. Но если приходишь вечером домой и находишь свою жену убитой, то ведь не идешь, в конце концов, на улицу и не стреляешь в первого попавшегося, думая, что эта жертва ничем не хуже любой другой. Может быть, в ту ночь они оба полуобезумели, но это не оправдывает их перед самими собой. Как тогда сказал Дон Кинг: *«Мы считаем себя достаточно цивилизованными, как будто мы многого достигли, чтобы позволить себе роскошь возвышенных философствований. Но спорю: если мы когда-нибудь действительно попадем в серьезную передрягу, мы быстро скатимся назад, туда, откуда начали — зуб за зуб, око за око! Таковы уж люди».*

Монт вспомнил, как самоуверенно он тогда говорил о прогрессе, этике и тому подобном.

Внешне Чарли не производил особого впечатления. Низенький, толстый, вечно растрепанный и наполовину лысый. Все обычные достоинства у него отсутствовали; он плохо одевался, редко менял белье, не обладал шармом и не имел ни малейшего представления о пустячных разговорах, которыми цивилизованные люди скрашивали часы скуки. Но несмотря на это, в Чарли было что-то необыкновенное; Монт понял это, наблюдая сейчас за ним в работе — какое-то достоинство и цельность, которые были редки у его современников. Ну так уж выпали кости, подумал Монт, что он мог говорить с Чарли так, как, например, было бы невозможно с Доном Кингом или даже с Томом Стейном.

Наконец Чарли почувствовал, что сзади кто-то стоит, обернулся и вопросительно поднял брови.

— Я говорил с Биллом Йорком. Он хочет лететь к Земле.

— Могу себе представить. Он в самом деле так и сделает?

Лингвист поискал сигареты, нашел одну и закурил.

— Ну, давай, рассказывай!

Монт набил трубку и уселся на жесткий, с прямой спинкой стул. Шум воздуха в трубках казался очень громким. Смешно, но Чарли, это, кажется, не мешало. Он вдруг спросил себя, почему Чарли по-прежнему так усердно работает. Чтобы не думать о Хелен? Работа как успокоительное — недостаточно убедительно. Он, Монт, тоже не знал, почему продолжал работать. Смешно, но себя он понимал

не больше, чем Чарли. Так почему же он надеется понять туземцев Сириуса-IX?

— Ларст тебе помог?

— Да, во многом.

— Достаточно, чтобы ты смог с ними говорить?

— Надеюсь. У меня и до этого была масса слов, а старый дурень подарил мне, так сказать, ключ ко всему этому. Странный язык, но теперь я немного могу на нем говорить.

Монт почувствовал большое облегчение. Это аргумент, который нужен ему для Йорка — это мостик к цели!

— Как они называют свою планету?

— Это трудная история. У них есть для этого слово — Валонка, но оно обозначает также любую другую совокупность, мироздание, весь свет. Они думают как-то не по-нашему и очень непросто найти обозначение для каждой вещи и каждого понятия. Самих себя они называют *мердози,* народ. А этих проклятых волкоподобных зверей — *мердозини.* В грубом переводе это означает, кажется, «охотники для народа». Интересно, правда?

— Это мне ясно. А что-нибудь еще значительное ты обнаружил?

— Одно из слов, которым Ларст обозначал самого себя, означает: «Человек, который достаточно стар, чтобы весь год оставаться в деревне». Что ты об этом думаешь?

Монт наморщил лоб.

— Это должно значить, что более молодые мужчины не остаются все время в деревне. А это значит...

— Да. Когда ты сообразил, что там не было ни одного молодого мужчины, ты оказался очень близок к догадке об их образе жизни. Но это не должно непременно означать то, что мы думали — что они в военном походе или что-то подобное. Нападение на лагерь, возможно, никак не связано с необходимостью их отсутствия. Может быть, они большей частью живут в деревьях, как тот мужчина, с которым мы тогда хотели поговорить.

— Но они все же должны *иногда* приходить в деревню.

— По-видимому. Вокруг носилось достаточно ребятишек.

— Ты имеешь в виду, что у них есть регулярные сезоны спаривания или что-то подобное?

— Не знаю. Может быть, но мне кажется, что, учитывая прочие их обычаи — это немного притянуто за волосы.

— Но ведь это необязательно может быть обусловлено биологическими причинами. Человеческие существа всегда горазды на комические вещи. Может, это культурное табу. Ты допускаешь такое?

Чарли загасил сигарету.

— Во всяком случае, это многое объяснило бы. Например, нападение на лагерь.

— О боже! Вот оно! — возбужденно воскликнул Монт и встал.— Как мы могли быть такими глупыми? Страшно подумать, что это я, так сказать, спровоцировал...

— Но ты же ничего не знал!

— Но я сделал самое ужасное, что только можно было сделать. Я устроил лагерь на поляне, я хотел, чтобы они могли наблюдать за нами и видеть, какие мы есть. И наши женщины все время были с нами. Мы их выставили на всеобщее обозрение. А потом пошли в деревню, где были их женщины...

— Но ты же не мог этого знать!

Монт опять сел.

— И это я, великий антрополог! Любой дурак сделал бы все намного лучше! Я должен был лучше знать это! Сразу же после посадки мы обнаружили самое строжайшее табу их культуры! Это было то же самое, как если бы они приземлились в Чикаго и тотчас же ясным днем начали спариваться прямо на улицах!

— Об этом можно поразмыслить, но не может быть, что все дело только в этом.

— Нет, но, по крайней мере, есть след. И он кажется совсем небезосновательным, Чарли. Я думал когда-нибудь объяснить эту культуру! Теперь я знаю, как это сделать.

Чарли снова закурил.

— Итак, ты опять пойдешь к ним?

— Да. Мне еще надо убедить Йорка, но я возвращусь обязательно!

— Дон не пойдет с тобой. И Йорк не разрешит Тому и Дженис еще раз покинуть этот корабль.

— Мне все равно. Я пойду один.

— Я с тобой.

Монт посмотрел на него.

— Ты не обязан, Чарли.

— В самом деле?

— Ты знаешь, как это опасно. Я вовсе не уверен, что вернусь живым, если говорить честно.

— Да? А кто хочет вернуться живым? И зачем?

Монт вздохнул. На это он ответить не мог.

— Мы оба спятили. Но до этого нам надо заявиться к Биллу Йорку с планом. С очень *разумным* планом!

— Да, конечно. С разумным!

— Итак, давай, попытаемся. У тебя какие-нибудь идеи есть?

Чарли улыбнулся как будто с облегчением.

— Несколько. Я боялся, что ты отправишься один и оставишь меня здесь. Что касается меня, у меня есть убедительный план.

Монт подтащил свой стул поближе к столу, и они сдвинули головы.

Немного позже один из членов экипажа, проходя мимо, был удивлен громким смехом за закрытой дверью лаборатории Чарли Йенике.

* * *

Выдержки из записной книжки Монта Стюарта:

Я потерял всякое чувство времени.

Конечно, я знаю, какая сегодня дата. Мне достаточно только взглянуть на календарь. Но время не имеет для меня никакого значения.

Мне кажется, будто Луиза ушла только вчера. Это единственное, что у меня было в прошлом. Бывает, боль становится невыносимой, бывает, она вдруг проходит. Вот единственные две даты в моем календаре.

С моим официальным дневником почти невозможно работать. Я пишу в этом, личном, потому что могу думать не абстрактными выражениями вроде «Объединенных Наций» и «первых контактов с неземной культурой». Речь идет только о личном.

Я уже давно задавал себе вопросы о населении Сириуса-IX. Или я должен сказать, о мердози с Валонки? Мне кажется, что сейчас я получил несколько ответов; значит, вопросы были правильными. И, как обычно, я стал задавать все больше вопросов.

Что же я сейчас знаю?

Я знаю, почему тот мужчина был тогда в лесу один. У мердози есть своего рода сезон спаривания. В основном мужчины живут в лесу одни и лишь в определенное время приходят в пещерную деревню к женщинам и девушкам. Для этого есть биологические причины или определенный ритуал, вероятнее всего, и то, и другое. Вопрос: Что, черт возьми, мужчины делают в этих пустых деревьях? Вопрос: Как женщины и дети в деревне управляются одни?

Мердози боятся нас, и я все еще не знаю, почему. Конечно, мы нарушили могущественное табу — были с нашими женщинами в неположенное время. Но это объясняет не все. Они напали на нас, так как боялись нас — в этом я уверен. Но с другой стороны, они пытались не замечать нас, не трогать нас. Почему?

Очевидно, между людьми и волкоподобными тварями существуют очень тесные отношения — между мердози и мердозини. Мердозини — это охотники для людей. Казалось, они зависят друг от друга. Можно ли это назвать симбиозом? Но слово все равно не устраняет проблемы. Легко понять, что делают эти звери для туземцев — они охотятся и охраняют их. Но что делают для зверей туземцы? Что имеют от этой сделки мердозини? Их отношения должны быть

очень древними. Но как они зародились? Каким образом туземцы покорили этих животных? На Земле собака, вероятно, одомашнилась, как только начала держаться вблизи человека, который позволял ей брать отходы пищи. Но здесь так быть не могло, так как туземцы получают пищу — или, по крайней мере, часть ее — от мердозини.

Я убежден, что все эти загадки как-то связаны с тем, что у туземцев нет орудий труда. Мы так привыкли судить о народах по орудиям труда и оружию, которыми эти народы владеют, что не имеем, так сказать, образца рассуждений, на случай, если этих орудий труда и оружия нет. Изготовление орудий, кажется, заложено в природе человека. В данной культуре они отсутствуют, и поэтому мы ее не понимаем. Мы не способны ее понять, но она существует.

Какой же она может быть? Может, в ней есть такие богатства что ускользают от нашего понимания?

Но надо полагать, что им знакомо понятие орудий труда. У них даже есть слово, обозначающее какой-то вид орудия: куправи. Старик знал, для чего служит нож, но это не произвело на него впечатления. В нашей культуре есть много понятий, которые мы употребляем не часто. Сколько я слышал болтовни о том, что неважно, выигрываешь или теряешь, если только участвуешь в игре, заняв правильную позицию. Попробуйте-ка объяснить это футбольному тренеру! Или человеку, детям которого нечего есть!

Что нам остается делать, если у нас отнять все орудия труда и все внешние формальности нашей цивилизации?

И что есть у мердози?

* * *

Серый шар-разведчик опустился из холодной тьмы космоса в теплое голубое небо.

Он приземлился на поляне, где обугленные поленья от костра показывали, что тут раньше горело.

Открылся люк, и в зной дня выбрались двое. Они двигались медленно и неловко, так как были в скафандрах, предназначенных совсем для другой цели. Они напоминали неуклюжих роботов и, казалось, держали в руках запасные головы.

Были выгружены припасы; шар снова поднялся в воздух и исчез в небе.

Оба были без оружия.

Мгновение они смотрели на темный, тихий лес, окружавший их. Они ничего не слышали и не видели. Они не боялись, но сознавали, что вступили во враждебный им мир.

Тяжело и неловко, из-за жестких доспехов, они начали разбивать лагерь.

Вокруг, в гигантских деревьях, двигались длиннорукие тени, наблюдали и ждали.

ГЛАВА 10

Монт смахнул с ресниц едкий пот — нелегко, когда руки в перчатках космического скафандра — и, прищурясь, посмотрел на солнце. Белый огненный шар висел над вершинами деревьев, будто совсем не желая опускаться за горизонт. Его свет, казалось, превращал листья в пламя и отбрасывал полосы теней на поляну.

Этот полдень показался ему самым длинным в его жизни. Несмотря на проделанные везде отверстия для воздуха, в скафандре все равно было жарко и душно. Казалось, он стоит в двух лужах пота, и слабый бриз, овевающий его влажное лицо, делал жару еще невыносимее. Монт представлял себе — и вздрагивал при этом — каково будет, если он наденет еще и шлем.

Но никакой другой возможности не было.

Горло горело, как воспаленное, но нос дышал легко. Странно, подумал он, как по-разному все проявляется в разных мирах. Но так как теперь он знал ландшафт и даже название планеты, он вдруг начал замечать чужой запах. Даже если бы он был слепым, по запаху он понял бы, что находится не на Земле.

Он ощущал резкий запах прокаленного солнцем каньона и гор из коричневого камня, запах серебристой реки и деревьев. Он вдыхал аромат незнакомых цветов и других растений, резкий запах животных. Он чуял вещи, незнакомые ему, безымянные и чужие.

Странное ощущение чувствовать запахи, не вызывающие никаких воспоминаний!

— Суп готов,— сказал Чарли, выглядевший в своем толстом скафандре еще гротескнее, чем обычно.— Ешь, пока горячий.

— Мне бы лучше холодного пива.

— Нам надо есть. С пустым желудком невозможно быть героем.

Монт взял термос, протянул Чарли и неловко выхлебал горячий суп с говядиной. Стоя, по той простой причине, что есть в таком костюме было не просто. После супа он отхлебнул из походной фляжки холодной воды и с удивлением почувствовал, что ему стало немного лучше.

Сириус стоял теперь за кронами деревьев, все еще заливая небо ярким светом. На горизонте тянулись темные облака с красными краями. Было еще жарко, но уже подул вечерний бриз.

Они разожгли на поляне костер, и скоро дрова затрещали и за-

шипели, вздымая в небо столб дыма. Мужчины разбили палатку и приготовились.

— Ты их видишь? — спросил Монт.

— Нет. Но я их чувствую. Они сидят вокруг, на деревьях.

— Тогда наступило время для твоей речи — ты не находишь?

— Может, ты лучше поговоришь сам? Ты владеешь их тарабаршиной не хуже меня.

— Не совсем так. К тому же ты ораторствуешь лучше меня.

— Но это же бесполезно, ты сам знаешь.

— Может быть, но мы должны попытаться.

Чарли на негнущихся ногах обошел вокруг костра и посмотрел на деревья. За его спиной трещал костер. Почему-то он совершенно не соответствовал всему этому миру.

Краснолистый лес молчал, ждал, наблюдал, прислушивался.

Чарли глубоко вдохнул и начал свою речь:

— Мердози!

Никакого ответа, но его никто и не ждал.

— Мердози!

Опять из лесу не донеслось ни звука. Медленно опускалась ночь.

— Мердози, послушайте меня! Мы пришли без злобы на вас! У нас нет оружия!

Монт одобрительно улыбнулся; Чарли действительно хорошо овладел языком туземцев.

— Мердози! Мы пришли на Валонку, чтобы завязать с вами дружбу. Мы не хотели причинить вам зла. В нашем незнании мы совершили много ошибок. Мы просим за это прощения! Мердози тоже совершают ошибки. С вашей стороны было неправильно натравливать на нас мердозини. Мы очень страдали, но были неправы, когда убили вашего человека. Эта поляна запятнана кровью — и вашей, и нашей. Все позади. Мы не хотим больше мертвых. Мы больше никогда никого не убьем. Мы только хотим мирно поговорить с вами.

Лес молчал. Одно из поленьев рассыпалось дождем искр.

Чарли поднял тяжелую руку.

— Послушайте меня, мердози! Мы предлагаем вам еще одну возможность. Мы должны доверять друг другу. В нашем мире, по ту сторону неба, происходило много несправедливостей, так как народы не доверяли друг другу и никто не хотел сделать первого шага. Это было ошибкой. Тут — то же самое. Мы делаем шаг первыми. Мы пришли с миром. Мы доверяем вам. Мы смыли кровь с наших рук. Выходите, сядьте с нами рядом у этого костра, и давайте поговорим как мужчины с мужчинами!

Не ответил ни один голос; ничего не шелохнулось.

— Мердози! Мы выучили ваши слова и говорим на вашем языке. Вам не нужно ничего бояться. Дружба должна принести нам

всем только выгоды. Разве вы не думаете о нас так же, как мы думаем о вас? Разве вы не хотите дать нам возможность, точно так же, как мы даем ее вам? Неправильно, если человек прячется, как зверь! Выходите! Придите, и мы поговорим друг с другом, как люди!

Никакого ответа! С таким же успехом он мог бы разговаривать с деревьями. Он медленно опустил руку, подошел к Монту, стоящему у палатки, и печально посмотрел ему в глаза.

— Ну? — спросил он и закашлялся.

— Все хорошо, Чарли. Мы знаем, что это была попытка на авось, верно? Но мы должны были попытаться и попытались.

Чарли запыхтел.

— Мы сошли с ума, и они тоже. Вся эта история дурацкая. Нам надо было лететь к Земле и забыть, что вообще существует этот Сириус-IX!

— Ты мог бы забыть?

— Может быть. Я мог бы попытаться.

Монт рассмеялся.

— Я хочу тебе кое-что сказать, Чарли. Мне, вероятно, легче остаться здесь, чем вернуться на Землю. Это правда! Но и твое предложение заманчиво. Я мог бы вернуться на Землю и предложить ООН образцовый доклад. Бесстрашный антрополог возвращается со звезд и заявляет: Туземцы — кровожадные дикари, и я советую уничтожить их для блага человека. Не правда ли, это было бы блестяще?

— Может быть, именно это тебе и следует сказать! — трезво ответил Чарли.

— Но есть и другой вариант, который тоже наверняка встретили бы аплодисментами. *Туземцы — бедные, глупые дураки и не ведают, что творят. Поэтому я рекомендую сверхумным землянам взяться за их воспитание, чтобы сделать их разумными созданиями, от которых была бы хоть какая-то польза Вселенной. Каково, а?*

— Звучит очень знакомо. Глупо, но знакомо!

— Самое печальное, что многие люди только поприветствовали бы такое решение. Смешно, но многие были бы рады сыграть роль Бога.

Чарли хотел сказать еще что-то, но передумал, взял кусок дерева и бросил его в костер.

— Как ты думаешь, мы продержимся ночь? — спросил он.

— Может быть.

— Тогда давай попытаемся. Я бы охотнее подружился с чертом, чем с мердози.

— С чертом наши шансы, может, были бы даже лучше. В конце концов, черт — это продукт нашей собственной культуры, возникший пару тысяч лет назад. Он один из нас. Он говорит на нашем языке, и с ним можно иметь дело.

— Ну его к черту! — Чарли ухмыльнулся.

— Правильно. Ты готов?

— Да.

— Тогда надевай шлем, а я посмотрю, крепко ли он сидит.

Чарли взял блестящий шлем, оглядел его, глубоко вздохнул, поднял его над головой и надел. Шлем с громким щелчком опустился на скафандр, и Чарли замкнул застежки, удерживающие его.

Монт тщательно проверил посадку шлема. Тот сидел прочно и надежно. Монт надел свой шлем и тоже застегнул его. Все внешние шумы стихли. В первое мгновение ему стало страшно, что он задохнется, но тут же он почувствовал, что внутрь устремился воздух. Специально приспособленные для новой цели скафандры имели дыхательные отверстия, так что воздух подавался не из баллонов.

— Все в порядке? — спросил он в свой микрофон. Голос звучал гулко.

Чарли нагнулся и слегка прижался к его шлему.

— О'кей! — Голос показался Монту каким-то жестяным.— Кажусь себе сардиной в масле.

— Эта ночь может быть безумной.

— Да. По крайней мере, не умрем от скуки.

— Тут внутри можно изжариться!

— Это идея!

Они помолчали; говорить больше было не о чем. У Монта было странное чувство, будто его тело принадлежало кому-то другому. В скафандре было жарко. Тишина давила. Казалось, исчез весь мир...

Бок о бок, как два тяжелых, неповоротливых чудовища, которые заблудились, оба заползли в палатку и улеглись на полевые кровати.

— Я попробую поспать,— сказал Чарли.

Монт ничего не ответил. Он пристально глядел в таинственную темноту и пытался ни о чем не думать.

Снаружи взошла полная желтая луна. Звезды равнодушно смотрели на оранжевый костер на маленькой поляне. Где-то, очень далекий и невидимый, парил в темноте корабль, который доставил их с Земли сюда.

Монт почувствовал себя в скафандре так одиноко, как еще никогда в своей жизни.

Он закрыл глаза.

И терпеливо ждал.

* * *

Они явились из ночи и безмолвия, как он и ожидал. На больших мягких лапах, с огненными глазами, пылающими в темноте палатки.

Он видел, как они пришли. Он не спал.

То, чего он видеть не мог, он легко представлял: грязно-серый, прилизанный мех с тугими пучками мышц под ним, сухая голова с сокрушительными челюстями, стекающая с губ слюна. Они, как призраки, скользнули внутрь.

Их запах наполнил палатку и перехватил дыхание.

Это были они, волкоподобные бестии, убийцы, мердозини.

Они пришли, чтобы опять убивать.

— Чарли!

— Да,— донесся металлически звучащий голос.— Я вижу их.

Он ничего не чувствовал, но видел, как они обнюхали его кровать и как другие тени скользнули к Чарли.

Монт лежал очень тихо, пытаясь сдерживать дыхание. Сердце дико колотилось в груди. Из всех пор струился пот. Он ждал, не шевеля ни единым мускулом. Кошмар? Да — таким и должен быть кошмар! Ужасная тишина и черные тени смерти.

Это были те же самые бестии, что убили Луизу. И Хелен Йенике, и Ральфа Готшалка.

Это был ужас лихорадочного кошмара.

Потом они напали.

Внезапно они оказались на нем. Он не мог ни видеть, ни пошевелиться. Кровать под их весом проломилась, и он упал на пол. Они почти задавили его, а вонь от них чуть не задушила его.

Он ждал и боролся с паникой. Они не могли ему ничего сделать — он крепко держал это в мыслях. *Они ничего с ним не сделают!* У них космические скафандры. Если ты достаточно надежно защищен от любого нападения, не надо бояться. Скафандры настолько прочные и жесткие, что мощные зубы и челюсти не в силах их разорвать. Туземцы пренебрегают оружием. Очень хорошо! Тогда пусть попробуют вскрыть банку без консервного ножа!

Он ничего не чувствовал, а только слышал, как Чарли дышит в свой микрофон. Ничего невозможно было видеть; один из зверей лег на лицевое стекло. Монт хотел пошевелиться, и не смог. Должно быть, они почти все навалились на него.

Вонь была ужасной. Чувство времени исчезло. Его охватил страх. Не закроют ли они все дыхательные отверстия? Вдруг ему уже не хватает воздуха? Нет ли в его скафандре слабых мест, которые они смогут обнаружить и добраться своими острыми зубами до его тела? Может, придет кто-нибудь из туземцев и откроет его шлем?

Если бы он мог хоть что-нибудь видеть!

Вдруг через воздушный фильтр проник какой-то шум. Или он вообразил себе это? Вой, рычание, слюна ярости...

— Чарли!

— Я слышу тебя.

— Ты можешь двигаться?

— Нет.

— Сколько времени уже прошло?

— Не знаю.

— Если они вообще никогда не прекратят?..

— Расскажи мне, что тогда будет. Успокойся, Монт! Ты же сам задумал эту прогулку, малыш.

Монт почувствовал, что краснеет от стыда. Неужели он не выдержит? Что с ним случилось?

Если бы он мог хоть пошевелиться!

Вдруг ему *очень захотелось* пошевелиться. Он переоценил свои силы; ему больше не выдержать это состояние заживо погребенного. Он попробовал поднять руку, и ему это не удалось. Нельзя было даже согнуть колени, не говоря уже о том, чтобы сесть.

Монт едва не закричал, но подавил крик. Собрав силы, он вдохнул вонючий воздух. Ему *нужно* пошевелиться, и ни одна вонючая тварь не сможет ему помешать! Он вдруг почувствовал в себе сверхчеловеческие силы.

Сейчас!

Он повернулся всем своим телом и откатился в сторону. Свободен! Он поднялся на ноги, пошатываясь, вышел из палатки, таща на себе бестий.

Он видит! Костер еще слабо горел, и луна заливала поляну серебристым светом. Бестии навалились на него со всех сторон, набрасываясь снова и снова. На худых боках играли мышцы; губы в бесполезных попытках прорвать его скафандр сочились кровью.

Монт дико засмеялся.

— Ну, черти! Идите, попробуйте!

— Монт! Что ты делаешь?

— Не беспокойся!

— Монт, подумай о...

— Не беспокойся, я сказал! — прорычал он, как безумный.

Бестии прыгали на него, пытаясь ухватить его за защищенное металлом горло и перегрызть его. Он уже не думал о том, чтобы выдержать и вытерпеть. Скафандр делал его неуклюжим, но он вдруг почувствовал в себе такую силу, о какой даже не подозревал. Руки двигались, как поршни паровой машины.

Он схватил одну из бестий, рванул ее вверх и что было сил ударил кулаком в рычащую морду. Как только он выпустил ее, она рухнула камнем и больше не двигалась.

Он схватил другую и ударил о ближайшее дерево. Нагнувшись в своей тяжелой броне, он, задыхаясь, схватил следующую и швырнул ее в пылающие угли костра. Взлетел сноп искр. Животное несколько раз перевернулось и бросилось в лес.

Из груди сам собой рвался безумный смех. Он схватил горящее

полено и размахивал им, как косой. Полено обо что-то ударилось, и он обрадовался.

— Монт!

Кто-то крепко обхватил его сзади; он попытался стряхнуть его с себя, но это удалось не сразу. Освободившись, он повернулся и замахнулся поленом.

Перед ним в лунном свете стоял Чарли и размахивал руками.

— Они ушли! — кричал он.— Они ушли! Брось полено, дурень! Что ты собираешься делать?

Монт постоял, понемногу успокаиваясь. Руки вдруг отяжелели, налились свинцом; он выпустил полено. Поляна была пуста. Он успел разглядеть лишь одного мердозини, как раз исчезающего среди деревьев.

— Идиот! Они же не могли нам ничего сделать! Неужели ты уже не помнишь, о чем мы договорились...

Голос! Ему нужно отделаться от звука этого голоса.

Он поднял дрожащие руки, открыл застежки шлема, сорвал его с головы и жадно вдохнул свежий воздух.

Что-то в нем взорвалось. Он прислонился к камню; ему стало невыносимо плохо. Он не мог пошевелиться; да и не хотел.

Чарли, спотыкаясь, подошел к нему и положил на плечо руку в перчатке. Монту хотелось сбросить ее, но не было никаких сил.

Чарли взял из его рук шлем и опять надел на голову. Снова все стихло, кроме хриплого, тяжелого дыхания. Чьего дыхания? Его? Чарли?

Он снова услышал жестяной голос.

— Если ты снова снимешь этот колпак, получишь камнем по голове. Что это на тебя нашло?

— Не знаю. Действительно не знаю.

Он едва держался на ногах. Чарли отвел его в палатку. На костюме Чарли вспыхнул луч света. Монт увидел, что его кровать совершенно изломана и сама палатка превратилась в лохмотья.

В нем опять начала подниматься ярость. Он радовался, что ему пришлось обороняться и отбиваться — неважно, по плану или нет. Он надеялся, что убил хоть нескольких из них. В глубине сознания он понимал, что был не прав, но сейчас это его совсем не беспокоило.

На них нападали бестии — или нет?

— Ложись, Монт! Этой ночью они уже наверняка не вернутся.

Голос Чарли звучал устало и отчаянно.

Что с ним случилось?

Или причина во мне самом? Что со мной?

Он лег на спину среди обломков палатки, не зная, как он туда попал. Как хорошо лежать вот так!

Он совершенно выдохся.

— Чарли? Мне очень жаль, Чарли! Что-то со мной странное...

Голос Чарли доносился как из многокилометровой дали:

— Тебе надо поспать! Поговорим об этом завтра.

— Да, мне надо поспать...

Он закрыл глаза.

Секундой позже он заснул.

И только тогда все началось по-настоящему!

ГЛАВА 11

Сон?

Монт не был уверен, что это был сон, хотя обычно он чувствовал это довольно отчетливо. Если сон был радостным, он им наслаждался. А если это был один из тех ужасных снов, поднимавшихся из темных глубин подсознания или происходящих от чрезмерно плотного ужина, он заставлял себя проснуться.

«*Это только сон,*— обычно думал он.— *Проснись! Покончи с этим!*» Он открыл глаза, ощущал рядом с собой теплое тело Луизы, и все опять было хорошо.

Но сейчас его сон был очень четким и реальным. Он снова был дома, в далеком прошлом. По какой-то причине он убил человека и зарыл его в лесу. Прошло много лет, и никто не подозревал в убийстве его. Он уже сам едва помнил об этом — так глубоко он спрятал эту тайну в своем сознании. Вдруг однажды охотник нашел истлевшую руку, торчащую из земли, и откопал труп. Череп назвал имя убийцы.

Они пошли за ним. Все пропало. Тайна раскрылась.

Это только сон! Проснись! Покончи с этим!

Он пытался вырваться из сна. Конечно, это был только сон! Типичный сон виноватого. Фрейд писал об этом и объяснял это.

Он вздрогнул и открыл глаза.

И ощутил рядом теплое тело Луизы.

Нет — этого не может быть!

Ведь Луиза была мертва! Она не могла быть здесь. Она была холодной, о, такой холодной...

На нем космический скафандр, верно? Как же он мог почувствовать теплоту ее тела?

Сон?

Монт застонал, еще не зная, спит или нет. Он пытался вспомнить. Он лежал в палатке с Чарли, Чарли Йенике. И на них нападали волкоподобные звери с желтыми глазами. Почему? Что они сделали?

Ждать!

Они вернулись еще раз, из особо глубокой тьмы перед рассве-

том. Он слышал топот их лап в палатке и чуял их запах. Они навалились на него и рвали его грудь.

Он пытался пошевелиться, и не смог. Как будто накрепко приколотый к земле. Хватал широко раскрытым ртом воздух, которого все больше не хватало. Он попытался откатиться, но не смог сдвинуться ни на сантиметр.

Они не доберутся до меня. В своем скафандре я в безопасности.

Он успокоился. В безопасности!

Но что там тихо вошло в палатку? Что за длиннорукая, нагая тень? Она скользнула над ним, улыбаясь. Отстегнула застежки его шлема и стянула его.

Монт пронзительно вскрикнул.

Его накрыла темная волна.

Далекий голос говорил в его ухо:

— Монт! Лежи тихо! Тебе никто ничего не сделает! Будь внимателен!

Он широко распахнул глаза. Над ним склонился робот. Он узнал его лицо.

Чарли!

В палатку врывался серый утренний свет.

Он еще жив.

После трех чашек кофе он все еще дрожал.

Он стоял спиной к костру, хотя знал, что это бессмысленно. Он не мог почувствовать тепло костра сквозь космический скафандр, да и утренний воздух не был по-настоящему холодным. Туманным и влажным — да, но Сириус был сильнее, чем созданный руками человека огонь. Он поднимался за толстыми, серыми облаками и воздух становился тяжелым и гнетущим.

Покрасневшие глаза смотрели устало, борода превратилась в колтун. «Борода,— мелькнуло у него в голове,— не слишком подходит к шлему скафандра». Он спал не больше двух-трех часов и был смертельно уставшим.

Мозг тем временем снова заработал; вернулась его способность размышлять, и Монт был благодарен ему за это. Никогда еще Монт Стюарт не сомневался в себе, но сейчас он потерял уверенность. Он больше не понимал ни себя, ни своих действий.

Эти сны... если это были только сны. Они его тяготили.

— Я этого не понимаю,— сказал он.

Чарли выглядел так, будто не спал совсем. Он хлебал ложкой свою утреннюю кашу из консервной банки.

— Ты, должно быть, сходишь с ума,— сказал он.

Монт криво улыбнулся.

— Мне кажется, человек не очень разумная тварь. Так как мы решили вести себя мирно и дружественно, мы полагали, что туземцы поведут себя по отношению к нам так же. Они этого не сделали.

И еще мы полагали, что я всегда буду действовать логично. Я этого тоже не сделал.

— Почему? Мы произнесли нашу большую речь; у нас был план. Мы знали, что мердозини нападут на нас, но не смогут ничего сделать. Нам оставалось только ждать, пока они уйдут. Мы доказали наши добрые намерения — мы не хотели им ничего сделать, даже если они напали на нас. Ты все спутал и начал с ними бороться. Если мы не способны ни на что лучшее, нам надо прекратить эту историю.

Монт выплеснул в костер остатки кофе.

— Мне очень жаль.

— Прекрасно, чудесно! Ему жаль! А что нам теперь делать? Послать им в качестве компенсации подарок?

— Не знаю. Что ты посоветуешь?

— Ты великий гений! Вся эта идея твоя! Вот и расскажи мне, что должно быть дальше!

Монт потер усталые глаза и посмотрел вверх, на деревья вокруг поляны.

На самом деле у него теперь вообще не было никаких идей, только твердая решимость. Он слишком выдохся, чтобы думать.

— Ты, наверное, хочешь сегодня получить орден за хорошее поведение? — спросил он раздраженно.— Какая муха тебя укусила?

Чарли с отчаянием поднял руку.

— Он испортил наш единственный шанс, а потом спрашивает, какая меня укусила муха!

Монт повернулся и посмотрел на него.

— Я же извинился. Я тоже не супермен. И делаю ошибки. Не знаю, что на меня нашло, но я точно знаю, что все полетит ко всем чертям, если мы начнем ссориться!

Чарли тяжело присел на бревно и уронил подбородок на ладони.

— Все в одну кучу. Эти проклятые скафандры. Ужасный воздух. Вся эта вонючая планета. Я не спал всю ночь. Мне все казалось бессмысленным. Не знаю, зачем я здесь. С таким же успехом я мог находиться в корабле. Просто у меня пропало всякое желание!

Монт медленно кивнул.

— Уйти слишком просто. Кажется, и на самом деле нет никакой логичной причины продолжать все это. Я понимаю.

— Почему же мы тогда не уходим?

— Даже на это я не знаю ответа. Но только ужасно тяжело сдаваться после неудачи, Чарли. Уйти легко, но ведь потом будем жалеть об этом всю жизнь.

— Большое спасибо, добрый философ! Теперь все ясно, как чернила.

— Может быть, тебе лучше прилечь и немного поспать? Я останусь на вахте. Разговорами мы ничего не добьемся.

Чарли устало поднялся.

— Не могу сказать, что у меня большое желание снова толкать голову в этот проклятый шлем.

— И все-таки сделай это!

— Конечно.— Чарли странно посмотрел на него, но ничего больше не сказал, взял шлем и исчез в палатке.

Монт молча стоял в серой утренней мгле. В воздухе пахло сыростью, как после дождя. Он оглядел деревья, но не заметил ничего подозрительного.

Его мучила какая-то неясная мысль, но он никак не мог ее поймать.

Он стоял, молча уставившись перед собой.

К полудню, когда поверхность Сириуса-IX превратилась в парящие джунгли и Монт уже едва не плавился в своем космическом скафандре, появились тучи. Вскоре поляна превратилась в болото.

Дождь лил с неба таким потоком, что не видно было даже леса вокруг поляны. Он был чуть прохладнее воздуха, и Монт почувствовал себя свежее.

«Должно быть, это волшебный дождь,— подумал он,— *который смывает все плохое и очищает мир. И меня тоже. Если бы он дал мне возможность забыть все...»*

«Что забыть? — Он покачал головой.— *Я уже не понимаю даже себя. Я уже не могу ясно мыслить.*

Заболел? Я, наверное, заболел. Но чего же мне не хватает?»

Он долго стоял в льющем потоками дожде, прежде чем уйти в палатку.

Монт услышал тяжелое дыхание Чарли и увидел, что тот лег спать без шлема. Если вернутся мердозини, это опасно. Он подошел к постели Чарли.

Внезапно Чарли вскочил с дикими глазами.

— Ты! — Он трясущимся пальцем указывал на Монта.— Уходи прочь!

Монт услышал свои собственные слова. Это определенно был его голос, но он показался чужим, как будто на магнитофонной записи.

— Твой шлем! — сказал его голос.— Нельзя спать без шлема!

Чарли пошатывался; бесформенный скафандр мешал ему. Он хрипел.

— Прочь отсюда! Исчезни! Теперь я знаю тебя! Тебе больше не удастся дурачить меня!

— Тебе нельзя спать без шлема.— Почему он повторяет одно и то же?

— Не трогай мой шлем! Пусть лежит!

— Тебе нельзя...

— Заткнись! — Чарли попытался отступить, но в палатке было слишком тесно.— Это ты во всем виноват. Во всем! Без тебя я не вернулся бы сюда. Без тебя мы не наделали бы столько глупостей. Без тебя Хелен была бы жива!

Слова острым ножом врезались в мозг Монта.

— Чарли, я тоже потерял жену...

— Умно! Очень умно! Вне всякого сомнения! Ты хотел избавиться от нее, грязный убийца!

— Чарли...

— Убирайся! Исчезни! Я тебя предупреждаю!

Монт хотел отойти, но стоял, как вкопанный. Если бы он мог ясно мыслить и освободиться от давления, приковавшего его к месту!

— Я больше не вынесу! — Чарли согнулся и стал похож на отвратительное доисторическое животное.— Я больше не вынесу!

— Подожди, Чарли! — Чарли? Нет, это не тот Чарли Йенике, которого он знал!

И вдруг бывший Чарли Йенике напал на него! Первый яростный прыжок сбил Монта с ног, и он тяжело ударился оземь. Чудовищно сильные руки сомкнулись на его горле. Чарли зарычал, как дикий зверь.

— Я убью тебя! Убью! Убью! –

Монт рванулся и изо всех сил ударил Чарли в висок. Руки на его горле разжались. Монт одним рывком столкнул лежавшее на нем тело, вскочил и пнул Чарли ногой.

Чарли закричал таким истошным голосом, что Монт был не в силах его выносить. Он опустился на колени рядом с Чарли, схватил его за горло и сдавил.

Крик прервался.

— Ты назвал меня убийцей, ты, жалкая тварь?

Он сдавил крепче. Глаза Чарли полезли из орбит.

Потом Монт услышал голос, свой второй голос, что-то тихо нашептывающий.

Назови меня убийцей...

Жалкая тварь...

Он оторвал руки от горла Чарли, как будто их обожгло огнем.

Боже мой, что наделал?

— Чарли! Чарли!

Чарли хватал ртом воздух и растерянно оглядывался вокруг измученным взглядом — Монт еще никогда такого не видел — взглядом, который одновременно выдавал, что Чарли совершенно нормален душевно.

— Помоги мне! — хрипло прошептал Чарли.— Пожалуйста, помоги мне!

Монт приподнял его, ухватил поудобнее под мышки и поставил на ноги.

— Чарли, я не понимаю, что случилось! Я ничего не соображал. Надо уходить отсюда! Прямо сейчас! Сию минуту!

— Да, помоги мне...

Они вместе, покачиваясь, вышли из палатки под серые потоки дождя. Они не знали, куда шли и зачем. Они потеряли все, даже надежду.

Они знали только, что должны уходить отсюда прочь.

Быстрее, пока не поздно.

Как два бесформенных чудища, они, спотыкаясь, брели сквозь дождь, бежали, падали, ползли в истекающий водой темный лес и исчезли в нем.

Там, где только что страдали два землянина, теперь лежала пустая поляна, на которую потоком лил дождь.

Пустая поляна, погасший костер и два забытых шлема...

ГЛАВА 12

Бежать!

Монт чувствовал удары пульса в висках. Вдыхаемый воздух опалял, обжигал, иссушал легкие; грудь вздымалась с тяжелым хрипом. Он спотыкался, падал, заставлял себя подниматься и бежать дальше.

Бежать!

У него не было цели. Он бежал прочь от проливаемой насквозь дождем поляны, прочь от длинноруких теней мердози и волкоподобных бестий, крадущихся в ночи.

Он бежал от самого себя.

Бежать!

Древний лес вокруг него превратился в непроницаемую стену; ему нужно к воздуху и свету. Прутья, ползучие растения и заросли кустов хватали его за сапоги. Он почти не видел. Даже свинцово-серое небо было невидимым. На всем свете не осталось ничего, только сумасшедшее бегство и бессмысленный приказ бежать дальше и дальше, всегда, вечно.

Он неясно чувствовал, что за ним движется другое тяжелое тело, слышал топот сапог по грязи и полузадушенный хрип.

Вперед, Чарли! Не сдаваться! Дальше!

Он вырвался из леса в полусвет исчезающего дня. Сквозь завесу серебристого дождя он увидел коричневую, вздувшуюся реку. Она прорывалась меж крутых скалистых берегов и пенилась, натыкаясь на скалы. Вода была черной, как грязное масло; только у скал в воз-

духе взлетала пена и белыми хлопьями падала на воду. Шум реки, казалось, заполнял весь мир.

Реку надо было пересечь. Это было чудовищно важно для него — попасть на другой берег. Но как? Плыть в космическом скафандре? Не может быть и речи — он камнем пойдет на дно. Даже без него ему не переплыть такой сильный поток.

Он остановился и упал на колени, хватая ртом воздух. Чарли, качаясь, вышел позади него из-за деревьев и, хрипя, пластом упал на землю.

Нужно отыскать способ переправиться!

Он каким-то чудом снова поднялся на ноги и медленно пошел вверх по реке, всматриваясь в воду. Сквозь дождь просвечивали в воде камни. Шум воды наполнял воздух. Каждый атом в нем знал только одну цель:

Беги!

Перейди реку!

Он шел дальше, прищурив глаза от дождя. Ставший бессмысленным скафандр он тащил на себе, как черепаха свой панцирь.

Вон там! Он прищурился. Впереди река становилась шире, так как берега стали глинистыми. Из пенящейся воды вздымались большие обломки скал, образуя цепочку между берегами. Река неслась с бешеной скоростью, но была неглубокой. Он мог перебраться от одного камня к другому — если не соскользнет и не оступится...

Ну, этого он не допустит.

Он не оглядывался; он просто был уверен, что Чарли шел сзади. Его сапоги захлюпали по мокрой глине, и он взобрался на ближайшую скалу. Поверхность была такой скользкой, что ему пришлось рвануть вперед, чтобы не упасть. Шум вокруг стоял невероятный. Река, казалось, рычала в злобной ярости.

Он карабкался, как доисторический зверь, он прыгал с камня на камень. Он едва замечал, куда ступал; его тащила бушующая, невыносимая сила, владевшая его телом. Он проклинал эти скалы, хватался за них руками, постоянно соскальзывал, яростно пинал их ногами.

У самого берега он упал. Там было мелко, но вода покатила его, как деревяшку. Наконец ему удалось выползти на твердую почву. Он выдержал, пересек реку. Чтобы встать, сил у него не было.

Вдруг он услышал чей-то истерический крик. Монт повернулся и увидел неуклюжую фигуру Чарли, исполнявшую на камне что-то вроде танца на канате. Он должен был ему помочь, хотя сам едва мог пошевелиться. Монт с трудом пополз по глине к воде и вытянул руки. Когда Чарли соскользнул с последнего камня и упал в воду, Монт схватил его и вытащил.

Чарли лежал лицом вниз в желтой глине и конвульсивно вздра-

гивал. Постепенно он успокоился, поднял грязное лицо и попытался улыбнуться Монту.

— Нам удалось! — прошептал он.— Я все еще не могу поверить.

Монт глубоко вздохнул; его демон гнал его дальше.

— Нам нельзя здесь оставаться.

— Здесь или где-то еще, но мы сделали это!

— Нужно найти сухое укрытие. Лучше всего пещеру.

— Зачем?

Монту уже надоел этот спор. Разве Чарли не видит, что им надо идти дальше, прочь от реки? Разве он не понимает, что им обязательно...

Обязательно — что?

Монт медленно выпрямился. Часть его сознания удивлялась что он вообще еще может стоять, в то время как другая часть знала, что его тело обладало таким тайным резервом сил, в существование которых не поверил бы ни один человек.

Мгновение он неуверенно покачивался взад и вперед. Несмотря на дождь, ему было жарко.

Видимо, меня бьет лихорадка. Но что такое лихорадка? Слово, а слова мне не помеха.

— Хватит, Чарли! — сказал он.— Вставай!

— Я не могу.

— Можешь! Вставай! Это недалеко.

— Мы выдохлись.

Монт наклонился, схватил Чарли под руку и поднял на ноги.

Нельзя оставаться здесь!

Чарли покачал головой.

— У меня нет сил.

— Есть. Попробуй.

Монт повернулся кругом и пошел прочь. Он сосредоточился на том, чтобы только переставлять одну ногу за другой. Он не смотрел назад, он о чем-то думал.

Он шел по высокой траве и чувствовал, что местность пошла на подъем. Далеко впереди сквозь завесу дождя виднелся высокий, темный горизонт.

Горы.

Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем он добрался до первого холма; время потеряло всякое значение. Возможно, он странствовал под этим чужим небом вечно.

Стало уже довольно темно, а дождь все продолжался. Монт увидел перед собой отвесную скалу и в ней совершенно черное пятно. Как ворота.

Пещера?

Он улыбнулся. Он не знал, что ему не хватало, теперь это ясно — пещеры! Вот он ответ!

Это *должно* быть ответом!

Монт вскарабкался по извилистой тропинке вверх по скальной стене, слыша сзади Чарли. Он добрался до входа в пещеру, нагнулся и, не останавливаясь, вошел в нее. Внутри было совсем темно, но тепло и сухо.

Теперь он в безопасности. Он почему-то почувствовал это.

Монт шагнул дальше внутрь, упал на пол, нашел плоский камень, подложил его, как подушку, под голову и закрыл глаза.

Ему показалось, что круг замкнулся.

Чарли, хрипя от усталости, упал рядом с ним. Разум Монта пытался объяснить, почему нельзя засыпать, но безуспешно.

Ему все было безразлично.

Он лежал в этой безопасной пещере, защищавшей его от внешнего мира.

Он уснул.

* * *

Странные, дикие сны не вернулись. Монт спал тяжелым сном полностью истощенного человека. Постепенно дыхание его выровнялось, морщины на лице разгладились; мышцы успокоились.

Проснувшись, он видел перед входом в пещеру золотистый туман. Солнце взошло, дождь кончился. Даже в пещере воздух пах свежестью и ароматами. Он долго лежал, не двигаясь и наслаждаясь сознанием, что жив.

Нет, даже более, чем жив. Не только жив, но чувствует себя обновленным. Прошла вечерняя лихорадка. Он чувствовал себя очищенным и счастливым. Это была, наверное, самая старая и глубокая человеческая радость: *«Я болел, теперь опять здоров. Я стоял на краю темной бездны, но отошел от нее»*.

Здоров! Монт всегда считал это само собой разумеющимся и никогда не верил, что он мог сойти с ума. Другие люди — да. Но не он!

Что же с ними произошло? Неужели они провели на Сириусе-IX только две ночи? Казалось, эти немногие часы вечности тянулись больше всей остальной жизни. Он даже не мог их ясно припомнить. Все казалось какой-то запутанной неразберихой...

Над всем этим встало что-то загадочное, напор, угроза, что-то неестественное, каким-то образом связанное с непонятными мердози, волкоподобными зверями и темными тенями.

Монт тихо встал, стараясь не потревожить Чарли, прошел к выходу из пещеры и вышел наружу.

Белое пекло Сириуса будто ударило его горячими лучами. Все же тепло и яркий свет манили его. Он наслаждался голубым небосводом, омытой дождем зеленью травы, темнеющей краснотой на де-

ревьях, овевающим лицо свежим воздухом. Даже далекая река казалась сейчас мирной и спокойно бежала меж желтых берегов. Вода, как зеркало, блестела на солнце.

Он оглядел себя и попытался пригладить спутанную бороду. Одежда была вся в комках высохшей глины. На левой штанине он увидел зубчатый разрез. Перчатки были изорваны и задубели от грязи. Тело казалось влажным и липким.

Он медленно стянул скафандр. Это было нелегко и заняло много времени, пока костюм, как сброшенная змеиная кожа, сморщившись, лег на скалу.

Потом он снял остальную одежду и разложил на камнях для просушки. Жара была невыносимой, и через некоторое время ему пришлось уйти в тень. Он знал, что Сириус быстро обожжет кожу до волдырей, если неосторожно подставиться под его лучи.

Теперь неплохо бы принять ванну. Ванна, это благословение цивилизации. Ванна, хороший завтрак и холодный напиток.

Ну — для этого будет время. Сначала надо отделаться от скафандра. Монт с отвращением посмотрел на него. Идея космического скафандра, казавшаяся ему на корабле такой убедительной, была ошибкой. И одновременно похожей на все ошибки, которые он совершал. Как можно завязать отношения с людьми, если наглухо изолироваться от них?

Надо мыслить иначе и прокладывать новые пути, переосмыслить все заново на ясную голову.

Он сел на камень, подпер подбородок ладонями и посмотрел на панораму внизу. Невероятно, что в такой красоте может существовать что-то отвратительное.

Должен быть ответ на этот вопрос, ключ, открывающий загадку Сириуса-IX. Путь, которым он должен идти, который ведет не только к пониманию мердози, но и к тому, чтобы быть понятным для них...

Вдруг раздался отвратительный звук.

Монт очнулся от своей задумчивости и вскочил.

В пещере кричал Чарли.

ГЛАВА 13

На мгновение его охватло отчаяние. Он надеялся, что Чарли тоже переборол кошмар. В одиночестве он был жалок и беспомощен. Тогда задача, стоящая перед ним, будет ему не по силам. Он не продвинется ни на шаг.

Ужасный крик не прекращался. Невозможно было разобрать ни слова: совершенно нечеловеческий, животный крик ужаса.

Монт пригнулся и вошел в пещеру. Теперь в нее проникало до-

статочно дневного света, чтобы можно было ясно видеть. Чарли лежал на спине, вытянув над головой толстые руки и сжав их в кулаки. Потное, грязное лицо исказилось, губы дрожали.

Крик заполнял пещеру.

— Проснись! Тебе все приснилось! Все в порядке. Ты в безопасности. Проснись!

Крик оборвался. Чарли открыл глаза, взгляд которых выражал ужас и безымянный страх.

— Все в порядке, Чарли. Это я, Монт. Тебе все приснилось. Успокойся, парень!

Чарли смотрел на него, понемногу начиная узнавать, потом опустив руки, потряс головой и облизал губы.

— Все позади, Чарли. Забудь! Видишь, как светит солнце?

Чарли уставился на голого Монта. И вдруг улыбнулся.

— У нас тут что? Колония нудистов? Теперь я точно знаю, что сошел с ума!

Монт облегченно засмеялся. Кажется, Чарли в своем уме.

— Просто я не могу больше выносить этот проклятый скафандр. Выходи из пещеры и тоже снимай свой. Тебе сразу станет легче.

Чарли не двигался.

— Ну, пошли! Надо подумать о еде...

Чарли опять начал дрожать и, казалось, втягиваться в свой скафандр, как черепаха в панцирь. Монт положил ему на плечо ладонь.

— Бояться нечего. Выбрось все из головы! Возьми себя в руки.

— Нет!

— Не сдавайся, старик! Только посмотри на солнце...

— Проклятое это солнце! Что оно может значить? Это не наше солнце!

— Что с тобой? Я же хотел тебе помочь...

Чарли часто задышал и закрыл глаза.

— Я пытался убить тебя, Монт. Ты разве забыл?

— Мы оба сошли с ума. Они как-то на нас подействовали, мы в этом не виноваты. Разве ты не понимаешь?

— Слова! — Чарли опять открыл глаза и затравленно огляделся.— Боже мой! Что я видел, что мне приснилось! Неужели я в самом деле такой?

— Конечно, нет!

— Но ведь это все лезло из моего сознания! Оказывается, там скрывается такое, что страшно поднять крышку! Мы хотели убить друг друга! А ты говоришь, все в порядке! Глупости! Мы оба сошли с ума!

— Может быть. Но твои рассуждения нам не помогут. Надо бороться!

— Бороться! Против чего? Против теней? Снов? Этой планеты? Против нас самих? Исчезни! Оставь меня одного! Я вообще больше ничего не хочу делать! Никогда!

— Выходи! На свежем воздухе тебе будет лучше.

Чарли засмеялся — горьким, пустым, прерывистым смехом.

— Свежий воздух! Смешно!

— Черт побери... я же хочу тебе помочь, Чарли! Мы здесь одни. Нам нельзя сдаваться. Слишком многое поставлено на карту!

— Ерунда! Нам надо было сдаться еще до того, как мы начали. Хелен мертва. Луиза мертва. Ральф тоже мертв. И мы скоро умрем! И за что? К черту этих мердози! Они не такие, как мы, и никогда такими не будут! Это чудовища!

— Ты противоречишь сам себе. Идем...

Во взгляде Чарли вдруг скользнула хитрость.

— Нет. Там они. Везде, вокруг. Я чувствую это. Они позади меня и в моей голове.

Монт видел, что Чарли все еще толком не сориентировался.

— Я был снаружи и все внимательно осмотрел. Мы совсем одни.

— Говорю тебе, я чувствую их! Неужели ты думаешь, что от них можно уйти, перебравшись через реку? Это их мир, а не наш! Мы пропали.

Монт в отчаянии искал убедительные доводы, которые подействовали бы на Чарли, и не находил.

Чарли вздохнул, снова закрыл глаза и впал в глубокую депрессию. Он бормотал, шептал, плакал.

— Нехорошо! Я ни на что не годен. Что я видел... я болен... так болен...

— Может быть, вызвать на связь корабль? — спокойно спросил Монт.— Так дальше нельзя... это для тебя слишком. Наверное, лучше всего...

— Нет, нет! Я не хочу возвращаться... только не туда! Я не могу оставить тебя здесь. Дай мне немного успокоиться... подумать... самому...

Монт встал.

— Тебе надо поесть, и я попробую добыть что-нибудь.

— Не ходи туда! Не бросай меня! Останься!

— Но ведь нужно добыть чего-нибудь поесть,— решительно сказал Монт.— Подожди, я скоро вернусь.

Чарли снова заплакал.

Монт вышел на солнце и натянул на себя нагретую на солнце высохшую одежду. Потом отцепил от скафандра фляжку и повесил на пояс, стараясь не слышать безутешные рыдания в пещере.

Он пошел вниз по тропинке, к зеленому миру.

* * *

Высокая трава вокруг него шелестела на ветру, а в свежем очищенном после дождя воздухе стоял сладковатый аромат. Местность полого спускалась к реке; небо было прозрачно-голубым. После всего, что было уже позади, Монт вдруг ощутил надежду и уверенность.

Но как же, черт возьми, ему добыть чего-нибудь поесть? С водой просто — достаточно было только наполнить в реке фляжку. Оружия у него нет. Ему очень не хотелось снова идти к поляне, чтобы взять там несколько банок консервов, хотя, видимо, ничего другого ему не остается. Можно попробовать построить ловушку, но эта работа требовала времени, и успех был сомнителен.

Вдруг он вспомнил, что Ральф пробовал красные ягоды и нашел их вполне съедобными. Если бы они попались ему сейчас... Но можно ли прожить только на ягодах... Корнях? Рыбе?

Он продолжал свой путь к реке и наслаждался этой прогулкой. Мир Валонки уже не казался ему чужим; он даже был прекрасен, если к нему привыкнуть. Планеты вообще не должны казаться чужими, по крайней мере, те, на которых можно передвигаться без искусственного подвода воздуха. Проблемой было их население. Намного легче приспособиться к вещественному миру, чем к чуждым живым существам.

Монт вышел из высокой травы и увидел реку в ослепительном сиянии солнечного света — спокойно и мирно несущую свои воды, совсем не похожую на дикий поток, каким она была вчера вечером. Он лег на берег и, наклонившись к воде, напился. Вода была чистой и прохладной. Он набрал фляжку и вдруг ему так захотелось, чтобы табак и трубка, оставленные в палатке, были с ним. Сейчас он охотно закурил бы. Несмотря на пустой желудок, он вполне удовлетворился бы выкуренной трубкой. Монту всегда нравилась открытая местность, любой ландшафт, еще не испорченный цивилизацией — что же ему еще желать, кроме чистой реки, голубого неба и теплого солнца?

Теперь он чувствовал себя совсем уютно.

В реке должна быть рыба; видимо, она держится в темных местах у скал. Если сделать что-то вроде удочки и взять в качестве приманки насекомое или ягоду...

Вдруг он вспомнил о птицах. Наверное, будет нетрудно найти гнездо и выпить несколько яиц... Монт улыбнулся. Если бы это было все, что нужно для жизни! Досыта есть, вдоволь пить, костер для обогрева, крышу от дождя...

Почему люди так усложняют свою жизнь? Почему бы не сидеть просто на солнце, рыбачить и посасывать трубку?

Он не знал, почему. Но он не был и настолько прост, чтобы

всерьез принимать свой сон. Монт предполагал, откуда взялся этот сон: он был реакцией на пещеру, из которой он только что ушел, фантазией о «добрых старых временах», которых никогда не было. Этот сон маскирует какую-то действительность, может быть, даже некоторую мудрость. Но ведь у него самый обычный человеческий мозг, и он не мог по своему желанию включать или выключать его.

Луиза мертва. В пещере плачет Чарли. Он, Монт, не справился со своим заданием. Впереди много работы, и он должен делать все, что в его силах.

Он встал и застыл. Это было прекрасное создание, похожее на косулю, со светло-коричневым мехом в белых пятнах. Красивое животное — и беспомощное.

Оно подняло взгляд и, не двигаясь с места, посмотрело на Монта нежными, влажными глазами. Кажется оно не боялось; оно тут же принялось обгладывать нежные побеги кустарника, росшего на берегу реки.

Наверное, решил Монт, животное приняло его за туземца. Ветер дул Монту навстречу, и животное не чуяло запаха и не ощущало разницы. Туземцы охотились только с мердозини...

Если бы поймать его, свернуть шею или оглушить ударом камня...

Монт сделал шаг к животному; оно с любопытством посмотрело на него. Монт приблизился еще немного, стараясь не делать резких движений. Животное замерло и дернуло ушами в его сторону.

Монт затаил дыхание. Еще пятнадцать шагов. Десять.

Животное отступило назад, фыркнуло, повернулось и потрусило прочь по высокой траве. Оно не убегало, а лишь держалось на равном расстоянии.

Монт вдруг почувствовал, как он голоден. И перед ним бежит куча мяса! Он захватил камень размером с бейсбольный мяч. Подойти бы поближе...

Монт перешел на бег, стараясь делать это как можно тише. Животное не оглядывалось, но тоже увеличило свою скорость, и расстояние осталось прежним. Монт решил, что единственный шанс — неожиданно прыгнуть. Он покрепче сжал камень и...

Уже собравшись прыгнуть, он увидел его.

Монт оказался не единственным охотником за этим животным. Тесно прижимаясь к земле, к нему кралась одна из волкообразных бестий.

Монт вгляделся сквозь траву. Как можно быть таким легкомысленным? Без скафандра он беззащитен и беспомощен — как и это маленькое животное. Но бестия, кажется, вовсе не интересовалась им; она полностью сосредоточилась на косуле.

Маленькое животное совсем не замечало, что происходит вокруг. Мердозини, как молния, беззвучной тенью метнулся к своей добыче. Большие белые клыки перервали горло, и струя крови уда-

рила в морду убийцы, окрасив ее красным. Через секунду все было кончено.

В ту же секунду из травы вышел туземец и свистнул. Монт удивленно вытаращил глаза. Он знал этого туземца. Старик, высокий, обнаженный с красными вертикальными полосами на груди. Кожа на солнце казалась медной, короткие гладкие волосы, как золотистая пена. А глаза, эти темные, будто измученные глаза... Монту не забыть их никогда.

Это был тот же самый мужчина, с которым они впервые после посадки на Сириусе-IX пытались завязать контакт. Старик, который убегал из своего пустого дерева, когда они хотели поговорить с ним... Давно ли он здесь? Что он здесь делает, на этой стороне реки?

Туземец отозвал волкоподобного зверя. Тот взвизгнул и потерся спиной об ногу старика. Старик рассеянно похлопал зверя по голове, наклонился, взял мертвое животное и взвалил на плечо. Монт ясно видел из своего укрытия в траве, как по медной коже потекла красная кровь.

Старик и волк бок о бок пошли прочь по высокой траве.

Они направлялись точно к утесу, где была пещера. Случайность? Они шли просто в том направлении? Монт считал такое совпадение невероятным.

Он торопливо размышлял. Сейчас нельзя делать никаких глупостей и ошибок! Старик не представлял для них большой опасности, пока был один. И перед волкоподобным зверем они были, наверное, в безопасности, пока тот под контролем старика. Если Монт покажется, он, возможно, спугнет старика, а этого ему не хотелось.

Он подождал, пока они удалятся, потом встал и осторожно пошел следом.

Он продвигался сквозь зеленый мир под белым солнцем.

В нем просыпалась новая надежда.

Он шел вслед за стариком и зверем. Каждый шаг приближал его к скале у подножья гор, где была пещера. Пещера, в которой его ждал Чарли.

ГЛАВА 14

Старик бодро шагал со своим грузом вперед; мышцы его тела упруго пружинили. Он не останавливался для отдыха. Зверь плелся рядом с ним, время от времени забегая на несколько шагов вперед.

«Человек с собакой,— подумал Монт.— Человек и его собака с добытой косулей. Как хорошо смотрелась бы эта сцена на Земле!» С точки зрения психологии, это был опасный, ложный вывод, который, тем не менее, имел право на существование. При поверхностном рассмотрении кое-кому, кто там никогда не был, могло бы по-

казаться, что жизненные формы на Сириусе-IX совершенно похожи на земные. Но это была одна из тех обманчиво-логических идей, имевших единственный недостаток: они были ошибочными. Одним из важнейших фактов эволюции в теориях, на которых сформировался Монт, как ученый, был принцип параллелизма и конвергенции. Жизненные формы, миллионы лет развивавшиеся изолированно, часто были ошеломляюще схожи. Он считал совершенно определенным, что и человек развивается не из одного корня, а из многих, не связанных друг с другом. Таким образом существовал питекантроп на Яве, в Китае и Африке и в то же самое время жили неандертальцы. Возможно, жизнь внутри такого типа, как млекопитающие, тоже развивалась параллельно, причем безразлично, где происходило это развитие. Может быть, близнецовый механизм и естественный отбор гарантировали постоянство выживания некоторых основных типов: рыб и птиц, черепах и кроликов, бабочек и людей. Может быть, на всех землеподобных планетах можно найти людей, представляющих лишь вариации одного большого плана великого мастера...

Чуждые? Конечно, формы жизни на разных планетах могли быть непохожими и удивительными. Монт встретился с этим сам. Но важнее то, что формы различались не только в нюансах, в отдельных оттенках?

Например, старик, что вон там, впереди, шагает под солнцем с добычей на плече. Пропорции его тела иные, чем у Монта, но разве это важно? Загадка в чем-то другом. Почему он делает то, что делает? О чем он думает? Что заставило его убить животное и тащить его к пещере?

Что он делает?

Подожди, малыш! Подожди!

Старик, не останавливаясь, шел к пещере. Несомненно, местность ему знакома, и их убежище не настолько безопасно, как ему представлялось. Монт отстал еще немного, чтобы не быть замеченным. Ему хотелось посмотреть, что сейчас произойдет. Он напряженно вслушивался, но Чарли ничем себя не выдавал. Спит?

От камня к камню, от выступа к выступу, Монт быстро карабкался на скалу. Он придерживался левой стороны, чтобы попасть на площадку выше входа в пещеру.

Затаив дыхание, он прокрался вперед и посмотрел вниз. Старик стоял на скале прямо перед пещерой. Зверь, повизгивая, обнюхал скафандр. Старик сбросил косулю с плеча у входа в пещеру, постоял, отошел на несколько шагов, сложил свои длинные руки на разрисованной киноварью груди и глубоко вздохнул.

А потом заговорил. Его голос дрожал. Очевидно, старик боялся, он решил сделать то, что привело его сюда. Он говорил медленно и отчетливо, тщательно подбирая слова. Монт понимал его без труда.

— Чужаки! Я говорю вам, как когда-то вы говорили мне. Я принес вам в подарок пищу, как вы когда-то дарили мне. Меня зовут Вольмэй. Много плохого было с тех пор, как вы говорили мне. И виновата в этом больше всего моя трусость. Настало время начать все снова. Я говорю вам свое имя: Вольмэй. Хотите ли вы говорить со мной?

Никакого ответа. Чарли молчал.

Монт внутренне чертыхнулся. Вот он шанс, которого они ждали. Разве Чарли не видит? Лучше всего самому показаться на глаза старику и крикнуть ему. Но если это его испугает...

— Чужаки! Вы здесь? Я еще раз говорю вам свое имя: Вольмэй. Я принес вам пищу. Я один. Вы больше не хотите говорить со мной?

Слова! Сначала землянин звал мердози. Потом Вольмэй звал землян. И никто не ответил. Мост через пропасть не переброшен.

Ну, Чарли! Дай ему шанс!

Старик стоял один на краю скалы. Горы перед ним, небо над ним. Теплый ветер шептал в тишине.

— Чужаки! Нелегко старому человеку думать иначе, чем его народ. Я одинок и не очень храбр. Вы не хотите со мной говорить?

Молчание. Потом шум.

Движение.

Из пещеры вывалился Чарли. Он кричал, как безумный. Его скафандр затвердел от грязи; лицо исказила злобная гримаса. В руках он держал большой камень.

Прежде чем Монт успел что-то предпринять, Чарли бросился на старика и сбил его с ног. Он вскочил ему на грудь и ударил камнем. Старик откинул голову набок; камень задел плечо и оставил кровавый шрам.

Волкоподобный зверь зарычал и, прижавшись к земле, закружил вокруг них. Старик что-то крикнул ему и махнул рукой, отгоняя подальше. Чарли поднял камень, чтобы ударить еще раз.

Времени для раздумий не оставалось. Монт спрыгнул вниз из своего укрытия, упал, прополз вперед, схватил Чарли за руку и вывернул ее.

— Проклятый дурак! Отпусти его!

— Он хотел убить нас! Держи его! Не давай уйти!

Чарли повернулся, вырвался из захвата Монта и начал пинать старика ногами, пока тот не потерял сознание. Зверь рычал и скалил клыки.

Монт вскочил на ноги, ударил Чарли кулаком. Он попал в нагрудную пластину скафандра и едва не сломал себе запястье. Чарли покачнулся.

— Перестань! Он пришел, чтобы помочь нам!

Чарли, дикими глазами глядя на Монта, покачал головой и опять поднял камень.

— Уходи! Держись от меня подальше! — Он повернулся к беспомощному туземцу.

Монту показалось, что ему снится кошмар, в котором он борется с самим собой. Но он знал, что ему делать.

— Оставь его в покое! — сказал он спокойно.— Иначе я вынужден буду тебя убить!

Чарли замер, сделал шаг к Монту и остановился. По потному лицу пробежало выражение чрезвычайной растерянности. Камень выпал у него из руки.

— Нет,— сказал он.— Я не могу... не знаю...

Он сдавленно всхлипнул, повернулся и побежал прочь, не разбирая дороги. Удивительно, как он не упал.

— Чарли! Вернись!

Чарли пронесся дальше, вниз со скалы, не останавливаясь ни на секунду, и скрылся в высокой траве.

Монт не знал, что делать. Не обращая внимания на зверя, он опустился на колени рядом с Вольмэем. Старик открыл глаза и задрожал от ужаса.

— С тобой все в порядке? — спросил Монт, мучительно подыскивая слова на языке туземцев.— Мне... очень... жаль. Мой друг... он болен...

— Я знаю. От этого я не умру.

— Я должен идти за ним, вернуть. Ты дождешься меня?

— Всегда кончается печально! — Старик тоже говорил медленно.— Я очень старался!

— Да, да! Я тебя понял. Еще не поздно...

— Кто может знать? Мне снился тяжелый сон, и мы оба все делали неправильно. Мы не можем доверять друг другу. Мой сон сказал мне, что надо попытаться еще раз, но с тех пор, как пришли вы, мои сны так странны.

— Вольмэй, ты дождешься меня? Правда?

— Мне было нелегко прийти сюда. Я не знаю... я попытаюсь...

Монт погладил старика по плечу.

— Мы благодарим тебя за то, что ты сделал. Я скоро опять буду здесь. Подожди меня!

Монт больше не мог ждать. Чарли болен, и кто знает, что он натворит.

Он оставил старика и понесся вниз по тропинке в зеленый мир, где исчез его друг.

* * *

Монт нырнул в высокую траву. Легко идти по следу тяжелых сапог Чарли — даже если для этого не было необходимости. Он знал, куда ушел Чарли, он знал это точно, как никогда.

Монт не стал тратить время на крики. Слишком поздно для слов, и надо экономить силы. Он ослаб от голода. Нервная энергия, поддерживавшая его до сих пор, начала истощаться.

Он весь покрылся потом, пока добрался до реки, и сразу увидел Чарли: неуклюжую фигуру на скале посреди реки. Потрясенный, сломленный человек, полузадохнувшийся в тяжелом скафандре, смотрит на холодную чистую воду.

Почему он ждал меня? Трудно умирать одному?

— Чарли! Не делай этого! — В шуме реки голос был совсем тихим.

Чарли Йенике оглянулся и ничего не сказал.

Монт начал карабкаться к нему на скалу.

Чарли улыбнулся — тихой, странно мирной улыбкой — и прыгнул. Он камнем пошел вниз. Его тотчас же вынесло потоком наверх, он неловко заколотил руками по воде, будто пытаясь плыть.

Монт нырнул вслед за ним, понимая, что все бессмысленно. Течение было слишком быстрым. Он плыл изо всех сил, но без всякой надежды.

Чарли снова ушел под воду и исчез.

Монт вглядывался в холодную зеленую глубину, оставаясь под водой до последней возможности, пока легкие едва не разорвались. Потом нырял еще. Чарли не было. В реке были водовороты и бездонно-глубокие места.

Он нырял снова и снова, пока оставалась хоть ничтожная надежда, борясь с рекой. Потом поплыл против течения к берегу и выбрался из воды, хватая ртом воздух. Река выглядела невинной и спокойной. Чарли нигде не было видно.

Монт почувствовал себя опустошенным, выжатым и совершенно беспомощным.

То, что он сделал, совсем вымотало его. Он попытался вспомнить прежнего Чарли — неуклюжего неухоженного мужлана, совершенно поглощенного работой. Он был внутренне чист, этот маленький смешной парень, похожий на пингвина.

Но тот Чарли был теперь далеко. Умер. Когда? Несколько дней назад? Или несколько лет? Больной, испуганный, отчаявшийся человек, бросившийся в реку, был не Чарли, а кем-то другим, не вынесшим взгляда в глубины своего собственного «я».

Это я привел его сюда. Я всех привел сюда — Чарли, Луизу, Хелен, Ральфа.

И вот я один.

И я тоже стал другим...

Монт поднял взгляд в безоблачное небо. Где-то там, вверху, еще кружил космический корабль. Гигантский корабль, пересекший бездну между мирами. Корабль, в котором люди его племени ждали его, чтобы вернуться домой.

Монт повернулся спиной к реке и пошел прочь. Он смертельно устал. Белое солнце клонилось к вершинам гор. Было тихо и очень жарко.

Старик исчез. И волкоподобный зверь тоже.

Убитое животное лежало на месте.

Монт вздохнул и заставил себя снова спуститься вниз за дровами. Потом перед входом в пещеру разжег маленький костер и зажарил кусок мяса. Шипел стекающий в огонь жир. Запах жарившегося мяса был приятным. По крайней мере, хоть это не изменилось.

Он ел, пока не насытился. Затем встал на край скалы и долго смотрел, как на Валонку ложилась тень ночи.

Потом выпил из фляжки глоток воды и залез в пещеру.

ГЛАВА 15

Сияя всходило солнце.

Воздух затек в пещеру, и Монт сразу, без всякого перехода, проснулся. Он открыл глаза и в ту же секунду почувствовал себя свежим и бодрым.

И все же, как всегда, для начала мне нужны три чашки крепкого кофе!

Он вышел из пещеры и вобрал в себя красоту утра.

Вокруг белого круга солнца занавесом висели облака и, как радуга, переливались разными цветами, бросая свет на ландшафт внизу — живой зеленый, огненно-красный, бездонно-черный. Горы блестели, как стекло.

Монта наполнило приятное тепло.

Он опять собрал дрова и разжег новый костер, выпил из фляжки большой глоток воды и отрубил от туши большой кусок мяса. В качестве топора он использовал острый камень, которым и срезал с мяса шкуру, а потом поджарил кусок на завтрак. Мясо было жестким и сочным.

Поев, он отыскал камень, который можно было использовать в качестве молотка, и выдолбил им из другого камня мало-мальски подходящий топор. Рассмотрев свое творение, Монт невольно усмехнулся. Он делает успехи! К черту — разве он не в каменном веке? Еще неделя, и он вступит в бронзовый век!

Он обработал то, что еще осталось от мяса, нарезал узкими и тонкими полосками и разложил вялиться на солнце. Потом спустился на луга, собрал горсть красных ягод. Он выдавил их сок на мясо, растопил немного жира, что смог собрать, и полил им мясо. И довольно улыбнулся. Возможно, это не самый лучший пеммикан, какой бывает на свете, но его хватит, чтобы продержаться несколько дней.

Это все, что ему нужно.

Потом Монт сел, скрестив ноги, перед пещерой и долго смотрел на равнину внизу. Время настало! Теперь или никогда!

Он отключил все остальные мысли и думал только о проблеме, стоящей перед ним. Теперь у него есть все необходимые факты. Все факты, которые он когда-либо мог надеяться получить. Все части головоломки собраны, и их нужно лишь правильно сложить.

Только с чего ему начинать?

Хотелось подумать основательно, шаг за шагом.

Должен быть ключ!

Может, ему стоит начать с Марка Хейдельмана, который первым рассказал ему о Сириусе-IX? Было ли это началом? Нет, надо уйти в прошлое еще дальше. К первым дням человечества на планете Земля!

Вдруг он вскочил и огляделся.

Да я слепец, слепец. Вот же оно — прямо передо мной!

Да.

Пещера.

Огонь.

Каменный топор.

Он взял кусок камня, из которого сделал топор, и крепко сжал его, так что побелели суставы.

Каменный топор.

Начало.

Ключ!

* * *

Выдержки из записной книжки
Монта Стюарта:

Мой дневник выглядит так, будто его вытащили из могилы. Чудо, что еще держатся листики. Мне кажется, то, что я тут пишу, никто никогда не прочтет, но почему-то для меня это не имеет никакого значения. Или имеет? Тягу выговориться, наверное, чувствует каждый человек.

Я сейчас возбужден. Мне кажется, я вижу ответ и должен попытаться его записать. А потом, может быть...

Если рассматривать в правильной перспективе, это не так уж трудно. Кажется, коридор времени можно обозреть назад достаточно далеко. Небо! Ну, разве не смешно, что человек что-то полжизни учит, а потом — если наступает время — совершенно не находит этому применения? Каждый семестр в своих вводных лекциях я объяснял: «Если вы хотите правильно понять людей, вы должны вернуться к самому началу. Письменные сообщения существуют только последние несколько тысячелетий, а ведь человеку уже по-

чти миллион лет. Вот туда вам и надо вернуться, к самым первым началам...»

Начала?

Откуда мы знаем историю земного человека? Как нам распутать его прошлое?

Мы откапывали его орудия труда. Каменные орудия.

Каменный век.

Мезолит.

Неолит.

Это так нам знакомо, что мы даже не задумываемся над этим. Кто усомнится в основах своей культуры? Все кажется естественным и неизбежным.

С самого начала, как только человек стал человеком, он создал орудия труда. С ними он жил, охотился, защищался и выражал себя.

Когда земной человек создал первое орудие труда, он одновременно определил и свою судьбу. Все позднейшее было лишь следствием этого акта творения: копья, гарпуны, луки и стрелы, плуги, колеса, искусство письма, города, самолеты, бомбы, космические корабли...

Таким был путь земного человека.

Но был ли он единственно возможным?

Что случилось бы, если бы человек никогда не сделал этого первого шага?

Если бы он пошел совсем другой дорогой?

Если бы ему никогда не пришла идея создать то самое первое каменное орудие?

Посмотрите на мердози с Сириуса-IX. Они выбрали другой путь.

Но какой?

Что они сделали? Какую технику использовали? Какие основополагающие факты сделают их понятными?

Важно: они находятся в тесных отношениях с животными своего мира с мердозини и тварями с глазами-блюдцами, что похожи на лемуров.

Важно: вполне возможно, что они в какой-то степени влияют на рост растений. Полые деревья, например, кажутся выросшими такими совсем не случайно.

Важно: земляне, кажется, привели их в полную растерянность. Они ошеломлены, испуганы. Они напали на землян, сначала мердозини, потом...

Важно: они влияли на разум землян и свели Чарли с ума. Пока земляне спали, они внушали им болезненные видения, вероятно, проникая в их сны.

Важно: самым запутанным в отношении их культуры был факт, что невозможно было ничего о них узнать. Отсутствовали всякие видимые признаки.

Важно: что пытался объяснить этот старик, Вольмэй? «Мы сделаем, что должны сделать. Мы не можем доверять друг другу. Мои сны сказали мне, что нам нужно попытаться еще раз, но с тех пор, как вы пришли, мои сны стали такими странными...»

Сны.

Да, но разве нет параллелей этому у многих примитивных народов Земли? Разве они не верили в сны? Разве не использовали сны как средство заглянуть в будущее, придать смысл своей жизни? Разве не рассматривали их, как источник глубочайшей мудрости! Разве ирокезы не знали понятие подсознания задолго до Фрейда и не считали, что болезни вызываются противоречием между подсознанием и разумом?

А не считаем ли мы сами сны символами и не занимаем ли по отношению к ним такую же позицию, как мердози по отношению к орудиям труда?

Мердози выработали для человеческой личности другую точку зрения. Они обратились внутрь ее и открыли какие-то скрытые от нас возможности человеческой души. Они работали с символами, снами, видениями.

Телепатия? Нет, не совсем. Скорее, они овладели техникой передачи чувств. Это могло бы объяснить их господство над животными. И объяснить, что произошло с Чарли и со мной.

А может быть, здесь больше, чем это, намного больше? Это должно пронизывать все аспекты жизни. Они должны обладать возможностями, которых мы не можем даже представить.

Но тем не менее, они были людьми — не сверхлюдьми, не идеализированными созданиями нашего воображения. Они просто другие.

Их вид предполагал, несомненно, известные выгоды, более тесную связь с их сородичами, внутреннее созвучие со всем живым, душевную уверенность и мир. Но эта построенная на снах культура зависела от статичности общества. Пока ничего не меняется, этот вид функционирует — все сны растолковываются, на них можно полагаться и доверять их приказам.

Но что, если они, например, начнут видеть сны о космических кораблях?

Или о чужаках с оружием?

Или о мужчинах и женщинах с удивительными обычаями?

Не явится ли это потрясением культуры, основанной на неизменности? Что делать, если сны больше не дают ответов?

Появление чужаков должно было вызвать холодное отвращение. Оно должно было потрясти самые основы всего их существования. Как можно доверять этим чужакам, если они не предлагают ничего, кроме слов?

Слов недостаточно.

Отношений недостаточно — они могли стать даже роковыми. Заверений в дружбе недостаточно.

Я знаю, что нужно делать.

Путь ясен.

Но могу ли я верить себе? И всем вещам, что сделали меня тем, что я есть?

* * *

Но сдаваться сейчас нет смысла. Это должно быть сделано, и первый шаг надо сделать ему.

Монт провел в пещере еще одну ночь и как следует выспался. Потом он вышел в сияющее утро, поел немного пеммикана, который сам себе сделал, и запил его водой. Теперь он готов.

Он чувствовал какую-то симпатию к маленькой пещере, ставшей для него своего рода символом. По его убеждению было два в корне различных вида людей — один, который чувствовал себя склонным к равнинам, а другой, что находил покой только в горах. Если бы Монт смог прожить свою жизнь снова, то он провел бы ее в горах, где чистый воздух и чувствуешь себя ближе к небу.

Он посмотрел на луга внизу, спускающиеся к речному берегу. Здесь, наверху, несмотря на все случившееся, было спокойно. И воздух менее резок, чем внизу, и не так раздражал горло.

Его взгляд упал на раздавленные части скафандра, все еще лежавшего на краю скалы, и он усмехнулся. Скафандр наверняка ему больше не понадобится.

Монт пошел вниз по тропинке, к реке.

Подумав о выбранной им самим роли человека судьбы, он невольно улыбнулся. Конечно, он не идеальный человек для такой роли, но кроме него нет никого, кто бы сыграл ее. И от этого зависело больше, чем судьбы Валонки и Земли. Это могло оказать влияние на историю всей Вселенной.

Он пожал плечами. Слишком много требовалось от одного-единственного человека, но в конце концов все всегда сводится к тому, что решать должен кто-то один...

Жаль, подумал он вдруг, что нельзя остаться голым. Это могло бы стать убедительным символом.

Но, к несчастью, он ни в коем случае не мог находиться под этим солнцем без одежды. Она ему необходима.

ГЛАВА 16

Монт без происшествий перебрался через реку и направился к поляне, где был их с Чарли лагерь. Он удивился, найдя его таким же, каким они его покинули. Ему почему-то казалось, что лагерь

должен измениться точно также, как внутренне изменился он сам. Тот ужасный дождливый день... он, должно быть, на миллионы лет в прошлом, и относится к другому веку.

Монт оставался на поляне ровно столько, сколько понадобилось, чтобы отыскать трубку и табак. Трубку он немедленно набил и закурил, наслаждаясь ароматным дымом. Если бы ему пришлось стоять у стенки на расстреле, он бы и тогда попросил о том, чтобы выкурить последнюю трубку.

Все это было очень странно, так же странно, как сама жизнь. Еще совсем недавно он избегал курить, боясь испугать туземцев. Но сейчас, когда он направлялся к ним, трубка уже не играла больше никакой роли.

Кое-чему за это время он научился.

Внешние проявления ничего не значат!

Монт вошел в лес. Вокруг него сомкнулись большие деревья, что-то, казалось, нашептывая, но это его совсем не беспокоило. Он искал место, где так давно он впервые увидел Вольмэя, предложил ему пищу и познакомился с первым мердозини.

Он нашел темную тропинку меж деревьев, где тогда гремело эхо дождя и ветра.

Он нашел пустое дерево.

Перед ним сидел Вольмэй; его голое тело поблескивало на солнце, пробивавшемся сквозь ветви. Старая голова склонилась на полосатую грудь. Он спал.

Снилось ли ему что-нибудь?

Монт подошел поближе, Вольмэй зашевелился и открыл глаза.

— Привет, Вольмэй!

— Монт! Я только что произносил твое имя, мне приснилось, что ты придешь.

— Ты меня не дождался.

Вольмэй улыбнулся.

— Я ждал здесь.

— Я пришел, как только смог.

— Да. Я знал, что придешь. Я желал, чтобы ты пришел. И все-таки я не знаю...

— Что?

— Хорошо ли это. Я старик, и уже не могу ясно думать. Мне уже ничего не приходит в голову. Мне очень жаль... других.

— Все в прошлом.

— Возможно.— Вольмэй наморщил лоб, и лицо его прорезали глубокие морщины.— Мне жаль всех других. Ведь я лишь одинокий мужчина.— Он казался очень усталым.

— Мы похожи, ты и я. Мы оба пытались сделать самое трудное. Нелегко действовать в одиночку. Намного легче плыть по течению, правда?

— Бывает время, когда надо плыть против течения. Мне стыдно, что потребовалось столько времени, чтобы осознать это. Я боялся.

— Но ты приходил ко мне. А теперь я пришел к тебе.

Старик вздохнул.

— Этого мало.

— Да, нам вдвоем с этим не справиться. Я пришел, чтобы предложить себя.

Старик встал и испытующе посмотрел на Монта своими черными, печальными глазами.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Иногда войны выигрывают не в бою. Люди моего народа открыли эту истину задолго до того, как я родился. Иногда битву можно выиграть только жертвой.

— Это странная идея.

— Вольмэй, твой народ может читать мои мысли, верно?

— Если ты этого захочешь. Против твоей воли они не могут.

— Я *хочу* этого. Я сам предлагаю вам себя. Я не стану ничего прятать или утаивать. Вы должны точно знать, кто я и какой я.

— Как ты можешь нам доверять после того, что мы сделали? Я не могу тебе ничего обещать. Я не знаю, что с тобой будет.

Монт сел перед пустым деревом, набил трубку свежим табаком и разжег ее.

— Мы пришельцы, а это ваш мир. Будет правильно, если меня проверят перед вашим судом, как был бы проверен ты, если бы пришел в наш мир. Я заранее принимаю ваш приговор!

Старик сел рядом.

— Другого выбора у тебя бы и не было.

— Я уже сделал свой выбор.

— Не знаю... мы ведь такие разные...

— Разве? Я уже думал об этом. Но так или иначе — теперь действуют силы, которых не сдержать никому из нас. После того, как оба наши народа однажды встретились, они уже никогда не смогут совершенно разделиться. Мы стоим у истока длинной истории, до конца которой нам не дожить. Если мы доверяем друг другу — мы можем стать друзьями. Если нет, нам придется быть врагами!

— Может быть, ваша ошибка в том, что вы пришли сюда.

— Кто знает. Может, твои внуки когда-нибудь будут благодарны нам за это.

— Все очень необычно. Почему вы пришли? Это должно было быть очень долгим и трудным путешествием.

— Почему ты видишь сны средь бела дня? Почему ты живешь в пустом дереве? Мы такие, какие есть! Мой народ неудержим

в стремлениях, Вольмэй, он всегда был таким. Для нас звезды — это вечный зов. Ты понимаешь?

— Звезды? — Вольмэй улыбнулся.— Иногда тихими ночами я взбираюсь высоко на дерево и смотрю на них, и меня удивляет...

— Значит, ты меня понял?

— Я не совсем в этом уверен. Ближе всего к звездам я себя чувствую, когда я один, не двигаюсь, и ветер гладит мое лицо. Значит, к звездам можно быть еще ближе.

— Не знаю. Как тебе объяснить...

— Да. Слова — ничто. Но я должен тебя спросить еще о чем-то, Монт.

— Я попытаюсь ответить.

— Как ты можешь доверять самому себе? Ты ведь не знаешь себя — как же ты собираешься узнать, что увидит в тебе мой народ? Твои сны...

— Другой дороги нет.

Вольмэй внимательно посмотрел на него.

— Да, мы можем надеяться. Ты пережил нападение на твой разум — у тебя хватило сил противостоять ему. Это удивительно! В тебе что-то кроется, нечто, что помогает тебе, и потому я надеюсь.

— Хотел бы я знать, что это!

— Хорошо, когда мужчина знает себя. Но мой народ тебя боится. Им будет очень трудно не найти в тебе *ничего* плохого. Понимаешь?

— Да. Мы все боимся друг друга.

— А ты теперь уже не боишься?

— Страшно боюсь! Но еще больше боюсь не сделать этой попытки.

— Я бы не хотел стать причиной твоих неприятностей.

— Ты же сказал, что другой возможности нет.

— Это верно.

— Тогда ты должен доставить меня в деревню и все им объяснить. Или, если сейчас подходящее для этого время, доставь меня к мужчинам.

Вольмэй с интересом посмотрел на него.

— Ты многое о нас узнал!

Монт почувствовал странную гордость, как будто услышал комплимент своему профессионализму.

— Очень хорошо! — Старик, прищурившись, посмотрел вверх, на кроны деревьев, как будто пытался сосредоточиться, и с минуту молчал.

Монт проследил за его взглядом и увидел маленькое красно-коричневое животное, прятавшееся в ветвях и не сводившее взгляда своих большущих глаз с Вольмэя. Через мгновение зверек исчез.

— Я послал им сообщение,— сказал Вольмэй.— Все будет готово.

— Благодарю тебя.

Старик встал и подошел к дереву.

— Теперь мы чего-нибудь поедим, а потом поспим. Пойдем завтра утром.

* * *

Они пришли в деревню к вечеру. Белое солнце стояло еще довольно высоко над деревьями, будто медля продолжать свой путь. Выраставшие из воды скальные стены каньона, как грязные, старые зеркала, отражали его свет. Водопад в конце каньона был оазисом прохлады, а серебристая река на дне ущелья казалась знакомой и зазывающей.

Казалось, все было, как тогда, и в то же время совершенно иным. На этот раз у реки не играли дети и ни один взрослый не бегал бесцельно взад и вперед.

Над деревней висела атмосфера напряженного ожидания, смешанная со страхом и злобой.

Мердоэи разожгли на возвышающемся краю скалы большой костер и собрались вокруг высоко вздымавшегося огня — голые тела сомкнулись, темные глаза пристально смотрели.

Монт шел за Вольмэем вверх по извивающейся тропинке. Он не смотрел в эти внимательные глаза. Он смотрел себе под ноги и бодро шагал вперед.

Он казался себе нагим, всеми брошенным и одиноким.

Он не находил ничего, что могло бы его поддержать. Он был беспомощным.

У него не было ни защитников, ни знаний, ни разума.

Он шел на суд к чужим судьям и чужим присяжным, ничего не зная об их мере правоты и неправоты, вины и невиновности. Он даже не знал, что он сделал и чего не делал. Он не знал, чем он был.

С ним перед этим судом стояли все люди Земли. Кто он такой, чтобы выступать представителем целого мира? Конечно, есть много людей лучших, чем он...

Но если действительно знать все, что можно было знать о землянах — пригласили бы его тогда в свой дом?

Он прошел мимо горящих взоров и встал у костра спиной к огню. Было очень жарко. Монт не знал, долго ли выдержит это.

Молодой мужчина с вертикальными голубыми полосами появился перед ним и протянул ему тыквенную бутылку с темной пахучей жидкостью.

— Выпей это! — сказал он.— Выпей это, чтобы твоя душа открылась перед нами.

Монт поднес бутылку к губам и выпил все, что в ней было. Жидкость напоминала крепкое вино.

За его спиной полыхал огонь. Круг глаз сужался и сужался.

Небо начало вращаться.

Я не хочу ничего скрывать. Я хочу впустить их. Я хочу, чтобы они все узнали, увидели, почувствовали...

Черная тьма и яркий свет смешались.

Глаза.

Они были в нем, в его душе, и внимательно смотрели.

ГЛАВА 17

Стук.

— Кто там?

— Я.

Смех.

ЧТО СО МНОЙ ПРОИСХОДИТ, КТО Я?

Я Монт Стюарт. Если разум конфронтирует с чем-то новым, он пытается это хотя бы разумно объяснить...

Вопрос: Это то, что ты скрывал в себе всю свою жизнь?

Ответ: Да. Мне стыдно. Всегда было стыдно.

Смех.

Вопрос: Ты не знал, насколько это ничтожно и неважно?

Ответ: Да, не знал.

Вопрос: Ты знаешь так много и так мало. То, что ты хотел нам назвать — это имена? Иуда? Писарро? Наполеон?

Ответ: Это некоторые из имен.

Вопрос: Эйнштейн? Толстой? Ганди?

Ответ: И это тоже они.

Картина: Ужасное грибовидное облако.

Вопрос: Это водородная бомба?

Ответ: Нет. Атомная. Ее применяли дважды.

Картина: Молодой пес с большими круглыми глазами вертит хвостом.

Вопрос: Мердозини?

Музыка.

Вопрос: Что это?

Ответ: *Лебединое озеро. Диксиленд-Уанстэп. Шехерезада.*

Вопрос: Что такое антропология?

Ответ: Учение о человеке.

Хохот.

Вопрос: Зачем ты пришел на Валонку?

Ответ: Мы ищем людей, подобных нам.

В о п р о с: Зачем?

О т в е т: Я не знаю. Мы сами хотим найти причины этого. Может, потому что Вселенная чудовищно велика, а человек мал.

В о п р о с: Мы вам нужны?

О т в е т: Мы это окончательно решили. Но это же так волнующе...

В о п р о с: Как музыка?

О т в е т: Как музыка.

В о п р о с: Зачем ты куришь трубку?

Смех. *Его* смех.

В о п р о с: Что такое другой мир?

О т в е т: Земля — другой мир.

В о п р о с: Где Земля?

Картина: Звезды, как светлячки в глубокой ночи. Пустое, темное пространство. Круглые, зеленые плавающие острова между белыми облаками.

О т в е т: Очень далеко отсюда.

В о п р о с: Были ли в твоем мире когда-нибудь раньше люди, подобные нам?

О т в е т: Нет, не было.

В о п р о с: А люди, которые жили не так, как вы?

О т в е т: Да.

В о п р о с: Почему ты называешь их примитивными?

Хаос. Тарзан, качающийся на лиане. Выглядывая из пещеры, почесывается неандерталец. Одетый в шкуры человек, глубоко под землей рисующий что-то на скальной стене при свете факела. Индеец молится солнцу. Выползает на лед, чтобы умереть, старый эскимос.

В о п р о с: Что стало с этими людьми на твоей Земле?

О т в е т: Некоторые убиты, загнаны, как звери. Другие упрятаны в резервации. Были и другие изменения.

В о п р о с: С нами будет так же, если твой народ придет сюда?

О т в е т: Нет! Нет! Я в это не верю!

В о п р о с: Почему?

О т в е т: Мы изменились; мы стали взрослее.

В о п р о с: Действительно?

О т в е т: Есть законы!

В о п р о с: Это слово мы знаем! Кто создает законы?

О т в е т: Мы.

В о п р о с: Что такое прогресс? Твоя голова полна этим.

О т в е т: Я не знаю. Слово. Медицина. Этика. Космические корабли...

В о п р о с: Как же это может быть, если ты не знаешь самого себя, если внутренне пуст?

Пожатие плечами.

В о п р о с: Ты удивляешься своему народу?

Пауза.

О т в е т: Иногда.

В о п р о с: Ты считаешь свой народ хорошим?

О т в е т: Иногда.

В о п р о с: Когда?

О т в е т: На это нет ответа. Мы несовершенны. Мы стараемся делать, как лучше. Мы пытаемся стать такими!

В о п р о с: Ты удивляешься нашему народу, мердози?

О т в е т: Иногда.

В о п р о с: Когда?

О т в е т: Когда вы выходите из себя. Когда вы на что-то решаетесь.

В о п р о с: Когда мы такие, как вы?

О т в е т: Возможно. Но я же совсем вас не знаю. Чего не знаешь, тому нельзя удивляться. Вы же прятались от меня!

В о п р о с: А если что-то понимаешь, тоже удивляешься?

О т в е т: Не обязательно. Но если действительно понимаешь, то сочувствуешь и, возможно, даже любишь.

В о п р о с: Или ненавидишь?

О т в е т: И это тоже возможно.

В о п р о с: Ты хотел бы понять наши души, заглянуть в нас?

О т в е т: Конечно! Да! Но я еще не все рассказал о своем народе. Я только начал. Вы ведь нас еще не знаете. Я не рассказал вам о Платоне и бейсболе, поэтах и пиве, Цезаре и Скалистых горах, о художниках и аптеках, о науках...

В о п р о с: Ты ошибаешься. Мы все это видели в тебе — просто ты не понимаешь. Не все наши вопросы были в словесной форме. Теперь мы тебя знаем.

О т в е т: Но вы еще, наверное, не знаете по-настоящему мой народ! Может быть, я был для этого недостаточно...

В МОЙ МОЗГ ПРОНИКАЕТ НОЖ. ВСЕ ИЗМЕНЯЕТСЯ, Я УМИРАЮ...

ПОДОЖДИ!

ВЕРНИСЬ!

ВСЕ ПРОШЛО. ВСЕ ПРОШЛО.

НЕТ!

ВСЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ...

* * *

Я стою на крыше мира. Вокруг меня красные и зеленые листья. Легкий ветер холодит лицо. Чистый и приятный от запаха многих живых существ воздух. Надо мной выгнулось гигантское небо. Белое и близкое солнце.

В высоких ветвях гнездятся коричневые и желтые птицы, они поют о радости жить.

Ничего не изменилось. Здесь царит безграничный покой. Он царил всегда, с начала времен, и будет царить всегда.

Я рухнул вниз. По моим жилам несется кровь. Я улыбаюсь — и кто не улыбался бы?

Я лечу сквозь прохладный воздух, хватаюсь сильной рукой за ветку. Она прогибается под моим весом, но я качаюсь по широкой дуге взад-вперед и так быстро, что едва могу дышать. Левой рукой я крепко держусь.

Я отдыхаю на узловатой ветке между небом и землей. В небольших темных углублениях в дереве стоит вода. И достаточно пищи: голубые яйца в красивых круглых гнездах, красные ягоды на колючих кустах, пчелиные соты, полные меда.

Во всем царит человек. Здесь он находит силу. Здесь родятся хорошие сны.

Здесь не нужно думать, анализировать. Достаточно чувствовать и быть.

Здесь он — не одинок, он часть всего, что его окружает. Он соучаствует в гармонии неба, цветущей земли и высоких деревьев. Он принадлежит текущим с высоких гор хрустальным рекам, оранжево-красному костру, согревающему ночь, и шепчущему в колышущейся траве ветру.

Я люблю эту землю и благодарен за то, что она мне подарена.

* * *

Солнце и луна вместе создали мердози и подарили им Валонку. Сон?

Я мужчина, а мужчина половину своей жизни проводит с открытыми глазами, а другую половину — в снах. И то, и другое тесно связано.

Мужчина не может жить без снов; и сон тоже не может существовать, если его некому пережить.

Как прекрасно увидеть сон и освежиться им. В снах мудрость. Мои сны говорят мне правду и объясняют, чего я желаю на самом деле.

Иногда, конечно, сны мне не совсем ясны, но они должны быть истолкованы.

Есть мердози, которые очень ловки в толковании снов. Дважды в год мы видим сны все вместе...

Менять в этом что-либо опасно. Если не придерживаться старого образа жизни, сны начинают путаться, и уже не знаешь, что истинно, а что ложно.

Умнее всего принимать мир таким, каким он нам дан. Наша жизнь всегда была приятной.

Все же...

Иногда сны странны. Есть сны-желания, рассказывающие о незнакомых землях.

Есть беспокойные сны, после которых мужчина несчастен и чувствует, что ему чего-то не хватает.

На такие сны лучше не обращать внимания.

Лучше всего оставить все, как было, всегда и навеки.

Не спрашивай меня...

* * *

Я — юноша.

Я жил в деревне с женщинами и стариками и играл у реки. Я рассказывал взрослым не все свои сны, так как стыдился их. Мне кажется, я был счастлив, но иногда бывает время...

Я видел, как в деревню приходили мужчины, и чувствовал висевшее в воздухе напряжение. Иногда я наблюдал...

Я видел, как мужчины опять уходили в большой лес, и я так желал уйти вместе с ними.

Пришло и мое время! Я уже почти мужчина.

Они разожгут на краю скалы над рекой большой костер и соберут там нас — четырех юношей и четырех девушек. Мы будем вместе пить, а старшие будут читать мои мысли. Надеюсь, они увидят не все!

Когда мы станем взрослыми, нас приведут к «месту», четырех юношей и четырех девушек, и оставят нас там одних до тех пор, пока мы уже не будем юношами и девушками.

Ренна видела меня во сне. Я это знаю, она сама рассказывала мне об этом.

Я едва могу дождаться!

Я хочу стать мужчиной!

Позднее, намного позднее я смогу уйти в большой лес и подыскать себе дерево...

* * *

Я вижу это.

Я пришел с неба в шаре из металла, который приземлился на поляне. Я выхожу наружу на воздух Валонки. Мне хочется чихнуть.

Какой же я странный с моими короткими руками, в смешной

одежде и с ружьем в руках! Я прячусь, полный недоумения. Мой разум холоден.

Я — чужак.

Я иду в лес, не глядя вверх, на крышу мира. Голова моя полна планов, проектов, мыслей.

Я — другой.

Я иду к мердози. Я — что-то новое для них, что-то незнакомое и опасное.

Чего я хочу — с моим холодным, закрытым разумом?

Чего я хочу добиться своими словами — словами, которые не более, чем просто слова?

Я — изменение.

Они должны меня бояться. Они не могут доверять мне.

Но я иду, иду, иду...

Уходи, уходи!

Я иду, я иду...

* * *

Стук.

— Кто там?

ТЕМНОТА!

ГЛАВА 18

Монт Стюарт открыл глаза.

Сначала он растерялся, потом почувствовал под собой что-то твердое, дотянулся туда рукой и коснулся скалы. Он сел и прищурил глаза. Его мутило, он чувствовал слабость. Справа виднелось что-то яркое...

Конечно! Он был в одной из деревенских пещер. Во время допроса он потерял сознание...

Монт внезапно разом вспомнил все.

Он вскочил, подбежал к выходу из пещеры и выглянул. Деревня вокруг лежала во сне, странно прекрасная в первом бледном утреннем свете. Бормотал серебристый водопад, стеклянной лентой извивалась река.

Он был на границе дня и ночи.

И не чувствовал ни страха, ни забот, ни неуверенности. Ему уже не нужно задавать вопросы.

Он знал!

Не заглянул ли он в их души, как они в его? Теперь он знал решение мердози так же хорошо, как они сами.

Он был свободен.

Более того: он выиграл — выиграл для себя их всех.

Он был удивлен таким исходом, хотя сейчас это казалось само собой разумеющимся. Он был удивлен и горд. Горд за себя, за свой народ, горд за мердози. И был благодарен за такое подтверждение небесполезности своей жизни.

Всю свою жизнь он был убежден, что между людьми всегда возможно взаимопонимание. Многим ли людям было суждено получить такое драматическое подтверждение всему тому, чему они всю свою жизнь учили и во что верили?

Участь?

Непросто было решить вопрос, «виновен или невиновен». Что такое преступление? Что такое закон?

Это вопрос точки зрения.

Мердози признали в нем мужчину, человеческое существо, которое нельзя назвать ни совсем злым, ни совсем хорошим. Но они знали и эту разницу и принимали ее во внимание.

Может быть, для них было бы лучше никогда не знать землян. Но земляне пришли, и мердози решились признать этот факт.

Они любили свой мир таким, каким он был, но у них хватало ума признать, что и сами они ни в коем случае не совершенны. Им тоже нужно еще многому учиться — так же, как людям. Это будет стоить времени, но они были готовы попытаться. Они не знали, куда может привести их новый путь, но если этим путем идут все люди, он должен быть правильным.

Монт долго стоял, ожидая нового дня, и наблюдал, как одна за другой бледнеют звезды.

Мердози заглянули ему в сердце и душу и поверили ему. Но как будет с его собственным народом? Что он сделает с Валонкой в ближайшие годы? Может ли он доверять людям Земли?

Если мердози доверяли другим — надо ли тогда сомневаться ему?

Впереди еще столько работы!

Он спустился по тропинке на дно каньона, оставив позади себя спящую деревню. Ему не надо рассказывать им, куда он идет и зачем — они уже знают.

Монт зашагал вдоль бормочущей реки.

И когда большое белое солнце вспыхнуло за горами, он исчез среди деревьев.

* * *

Далеко за полдень он добрался до маленькой поляны. Разорванные палатки еще стояли. Блестящие шлемы скафандров еще лежа-

ли там, где были брошены. На месте костра валялись обугленные поленья.

Несмотря на жару, Монт дрожал. Он был здесь не один; он был окружен внимательными глазами, глазами живых и глазами мертвых. Им овладели два разных вида воспоминаний — его личных и мердози.

Он был исследователем, ступившим на чужую незнакомую землю, и одновременно туземцем, наблюдавшим за этим исследованием, боявшимся его и размышлявшим о нем.

Монт присел на камень и уронил подбородок на ладони. Проблема была той же, что прежде — завязать отношения с чужим народом. Только раньше другим народом были мердози, а теперь это его собственный народ.

Его народ...

Его охватил приступ тоски по родине, сильнее, чем когда-либо раньше. Здесь был не его мир, и этот мир никогда им не станет. Он желал знакомых ландшафтов, хотел солнца, а не этой белой печи в небе.

Он сделал свое дело — или еще нет? Они не могут требовать от него большего. Ему нужно только вызвать космический корабль и лететь домой.

Домой — самое прекрасное слово в любом языке! Опять увидеть блестящие снега Скалистых гор, горные луга весной, книги на стенах его рабочего кабинета. Выпить чашку дымящегося кофе, спать в своей постели, вести умные мужские разговоры! А кто позаботится о цветах, что посадила Луиза?

Но это еще не все. Он стал бы знаменитым, великим человеком, героем, ему завидовали бы, как первому в своей области.

Монт встал, набил трубку и принялся за работу. Он немного поправил опустошенные палатки, развел костер и приготовил завтрак. Потом настроил диктофон и углубился в раздумья.

То, что он сейчас надиктует, было самой важной работой всей его жизни, может быть, самым важным из всего, что когда-либо диктовалось или записывалось.

Он попытался вспомнить людей, которых ему надо убедить своими, возможно, недостаточно вескими доводами. Адмирал Йорк — не тот человек, которого легко убедить. Том Стейн и Дженис — их воспоминания о мердози были вовсе не приятными. Дон Кинг, циник, который вряд ли поверит снам. Марк Хейдельман. Генеральный секретарь.

Кроме них были многие другие —политики, газетчики, эксперты.

Что он сам подумал бы о мердози, если бы никогда не был на Сириусе-IX?

Монт представил, как он сидит в своем рабочем кабинете, чистый и ухоженный, со скептическим взором. К нему врыва-

ется студент, весь переполненный удивительной историей о мердози. Он почти услышал сарказм своего комментария.

Снаружи стемнело, он включил лампу и без всякого выражения уставился на диктофон. Как ему изложить свои переживания, чтобы его не приняли за идиота, за романтического глупца? Как сделать понятным размер жертвы, что принесли мердози, приняв чужаков? Как сделать понятными меньшие жертвы, что должен принести народ: сдержанность, ум, скромность?

Он мог рассказать свою историю только с максимальным мастерством и надеяться, что правда пробьет себе дорогу и убедит.

Это была очень простая история.

В ней нет никаких сверхлюдей, никаких зверских дикарей, никаких чудовищ.

Были только люди, которые выбрали себе немного другой жизненный путь, человеческие существа, в чем-то более, а в чем-то менее ушедшие вперед, и которые не были ни лучше, ни хуже.

Он считал это хорошей историей, историей обещания, историей начала. Но написать ее конец он не мог. Это сделают другие люди на Земле.

Монт принялся диктовать.

* * *

На эту работу ушло два дня.

Потом он осторожно положил запись на складной столик рядом с диктофоном. Свою измятую записную книжку он положил сверху.

Он ничего не скрыл, не утаил.

Монт дождался часа, в течение которого шар-разведчик ежедневно был готов к его вызову, и вызвал его.

Он говорил быстро, объясняя Эсу, что он сделал и где лежит материал, что он намерен делать сейчас и что он здоров.

В заключение он выразил несколько просьб: табак, пищу, одежду, и отключился, не дожидаясь ответа. Он бы не вынес звука знакомого голоса Эса — слишком он напоминал бы о родине.

Ему пока нельзя домой. Пока.

Возможно, он вообще не вернется домой.

Если он вернется на корабль, адмирал Йорк никогда не разрешит ему снова уйти на Валонку. Монт знал, что тогда будет нетрудно убедить его в том, что он сделал свою работу и ничего больше не нужно.

При этом его работа еще вообще не начиналась. Он только-только начал. Недостаточно поверхностно подружиться с народом. Нужно создать мост симпатии, настоящей дружбы и настоящего

взаимопонимания. Этим мостом должен стать он сам. Больше никого не было.

Однажды корабль с Земли вернется.

К тому времени он должен быть готов.

Монт переоделся и набил карманы табаком. Больше ничего он с собой не взял. Он вышел из палатки, пересек поляну и вошел в лес.

Ни разу не оглянувшись назад.

Меж ветвей тут и там были открытые места, сквозь которые можно было видеть голубое небо, но он избегал смотреть вверх. Он не хотел увидеть спускающийся шар-разведчик. Не хотел вспоминать о большом корабле — его единственной связи с родиной.

Он шел к пустому дереву, где ждал его Вольмэй. Им надо просмотреть много снов.

ПОСЛЕ НАЧАЛА

Прошло четыре года.

Четыре долгих, деятельных года. Хотя Монт полностью погрузился в одну культуру, он все же представлял, что в это время происходит в другой. Кораблю понадобится одиннадцать месяцев, чтобы добраться до Земли. Обратный полет займет еще одиннадцать месяцев. Значит, у людей Земли было два года и несколько месяцев, чтобы сделать выводы.

К каким же выводам они пришли и каким способом?

Статьями, расчетами или открытыми дебатами? Или тайными совещаниями ООН?

Ну — это не играло большой роли.

Определенно было одно — люди с Земли должны вернуться.

Как они вернутся и с какими намерениями...

В этом все дело, и это была проблема, которая много дней и ночей не давала Монту покоя.

Странными были эти четыре года. С одной стороны, напряжение и возбуждение исследователя новой, незнакомой культуры. Теперь он понимал настроение людей, первыми увидевших руины городов майя, скрытые гробницы Древнего Египта, эскимосских шаманов. С другой стороны, одиночество, совершенно особая форма одиночества, которую ощущает человек, полностью отрезанный от своих соплеменников. Он никогда не сможет полностью принадлежать мердози, он мечтал о Земле, хотя уже не был в полной мере землянином.

Всякая перемена тяжела.

Он нашел новых друзей и среди них самым примечательным был

Вольмэй. Но Монту все равно не хватало его старых друзей, мужчин и женщин, среди которых он проводил свою жизнь раньше. Потеря Луизы все еще причиняла сильную боль.

Может быть, он состарился, вошел в тот возраст, когда человек ищет связь со своим прошлым, хочет замкнуть круг жизни.

Но и тяжелый кризис был позади.

Теперь он удивлялся тому, что не думал об этом раньше. Кризис был неотделим от его положения. Когда мердози проверяли его разум, его душу, они увидели там больше, чем его личность, его характер и характер народа. Они увидели возможность своего собственного разрушения и новый вид познания.

Орудия труда и оружие всегда были для них признаком слабости. Но, столкнувшись с землянами, они не могли не осознать своих собственных слабостей. Они поняли преимущества, даваемые оружием — точно так же, как Монт понял преимущества техники чтения мыслей и передачи чувств. Если объединить и то, и другое, можно овладеть такой силой, больше которой и желать невозможно.

Некоторые из молодых мердози начали экспериментировать. С помощью своего разума и знаний они были в состоянии мгновенно перепрыгнуть через тысячелетия развития. Конечно, они не могли строить ракеты с атомными боеголовками — Монт и сам не мог этого. Но ведь и лук со стрелами был оружием.

Это делало положение намного критичнее. Стрела могла убивать так же, как пуля или бомба. А смерть вызывает жажду мести. Если бы до этого дошло, жизнь Монта была бы умалена до печальной шутки.

Четыре странных и полных забот года...

Со смешанными чувствами Монт весенним днем наблюдал появление космического корабля.

Гигантский корабль, казалось, заполнил небо, закрыл солнце и не делал никаких попыток стать невидимым.

Демонстрация силы?

От корабля-матки отделялись посадочные шары и спускались вниз. Монт насчитал двадцать. Они сверкали на солнце как губительные металлические пузыри.

Вот они приземлились.

Монт подавленно смотрел, как начали выходить солдаты.

* * *

Они построились рядами, как игрушечные солдатики на параде. Позади них стояли шестеро мужчин в гражданском. По крайней мере, хоть это обнадеживает, подумал Монт. Он многое отдал бы за хороший бинокль.

Вольмэй, как всегда, устало улыбнулся.

— Они пришли освободить тебя от чудовищ, мой друг.

— Выглядит похоже.

— Что будем делать?

— Поговори с остальными, Вольмэй, и скажи им, чтобы они вели себя спокойно и набрались терпения. Объясни им, что это какое-то недоразумение.

— Я это и собираюсь сделать. А ты?

Монт пожал плечами.

— Если у них твердые намерения, то я сдамся и позволю им освободить меня.

— Один?

— Мне кажется, так будет лучше.

— А они выслушают, что ты им собираешься рассказать?

— Выслушают. Если у них нет приказа немедленно стрелять, как только они что-нибудь увидят.

— Будь осторожным.

— Да.

— Всего хорошего. Мы будем ждать.

Монт сунул в зубы пустую трубку, вышел из-под защиты леса и направился к солдатам.

* * *

Солдаты увидели его и остались стоять щитом перед шестерыми гражданскими.

Монт упер руки в бока, глубоко вздохнул и посмотрел на них сверху вниз — сам оборванный, худой, бородатый, с ледяным взором.

— Освободите территорию! — сказал он.

Один из солдат чихнул.

Вперед вышел полковник.

— Будьте разумны, сэр! Вы проделали массу работы. Но у нас приказ, который...

— Великолепно! — Монт разозлился еще сильнее.— Если мне позволено сказать, полковник: мы обойдемся здесь без ваших слонов в посудной лавке. Мердози — там, в лесу, и они наблюдают за каждым движением. Они настроены дружественно, и даже больше — они нам доверяют. Поэтому вы должны приказать вашим солдатам убраться.

Офицер покраснел, изо всех сил стараясь сохранить позу и достоинство, но все же неожиданно чихнул.

— У меня приказ...

— Минутку, пожалуйста! — Сквозь строй солдат протолкался высокий гражданский. Волосы его были более седыми, чем помнил

Монт, но улыбчивый взгляд не изменился.— Монт, это в самом деле ты?

— Боб! — Монт захохотал и ударил его по плечу.— Боб Коттен! Последний раз я видел тебя...

— На конгрессе в Денвере, верно? Давно! Мужик, ты похож на призрака! Что они с тобой сделали?

— Какое у тебя тут задание, Боб?

Боб Коттен ухмыльнулся,

— Ну... я новый шеф-антрополог для контактов с туземцами. Так сказать, твой наследник.

— Пост можешь занять. Парень, я рад тебя видеть! Ты не можешь убрать отсюда эту проклятую армию? Все в порядке, если только ваши солдаты ничего не натворят.

— Ты в этом уверен?

— Да. Хочешь иметь в трех экземплярах за моей подписью?

— Необязательно! Мне достаточно твоего слова. Но тебе еще придется поговорить с важными чинами.

— Кого ты еще притащил? Генерального секретаря?

— Не его самого. Он прислал пять человек комиссии. Они получили высокопарное название — Комиссия Внеземных Связей — но вполне в порядке. По человеку из Соединенных Штатов, России, Англии, Китая и Индии. Они не доставят тебе хлопот, если ты разумно поговоришь с ними. Но из-за того, что здесь случилось, я, понятным образом, не хочу снова рисковать.

— Я же сказал тебе, что все в порядке! — Монт повернулся к офицеру.— Если полковник будет так добр, чтобы отодвинуть свое войско немного назад...

Офицер протянул руку.

— Конечно, сэр! Я рад, что мы нашли вас, доктор Стюарт!

Монт взял его руку и пожал.

— Я сожалею, что был так резок, полковник. Приглашаю вас за это на выпивку.

Полковник улыбнулся и, не удержавшись, опять чихнул.

— Да, мне это понадобится.

Боб Коттен повел его к пятерым ожидавшим мужчинам.

Они улыбнулись ему.

Монт почувствовал, будто с его плеч сняли тяжелый груз, и едва не заплакал от радости.

Теперь все будет хорошо.

* * *

Позднее, тем же вечером, состоялась первая встреча двух групп, как раз на той поляне — недалеко от дерева Вольмэя.

Внешне это была не слишком драматическая встреча. Но на самом деле, подумал Монт, в двух мирах были только два человека, которые могли до самого конца оценить то ужасное, что здесь произошло.

Одним из них был он сам.

Вольмэй был другим.

Теперь они стояли бок о бок и наслаждались представлением. Оба вынуждены были подумать о другой встрече, которая так живо стояла перед их глазами, как будто случилась только вчера, и которая — если посмотреть с другой стороны — была в прошлом на целый век.

Вольмэй стоял там, застыв от страха. Монт подходил к нему с куском мяса в одной руке и ягодами в другой.

— Монт,— сказал он тогда и показал на себя.

Теперь все было так просто.

Монт привел Боба Коттена и комиссию ООН к поляне. Они были невооружены и без солдат. Люди мердози ждали их; свои луки и стрелы они забросали в кусты.

Один из мердози вышел вперед и потряс руку индийца, сияя от радости, что он может показать свое знание земных обычаев.

— Мой народ приглашает тебя! — сказал он по-английски.

— Мы пришли с миром,— сказал индиец, гордый тем, что может сказать эту фразу на языке мердози. Магнитные записи и записки Чарли оказались очень полезными.— Я хотел бы предложить тебе мою дружбу.

Все совсем просто.

Ничего особенного.

Монт посмотрел на Вольмэя, и старик прищурился в ответной улыбке.

Брайян Олдисс

ДОКЛАД О ВЕРОЯТНОСТИ А

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Г., который ждет

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Однажды в январе, во второй половине дня, погода демонстрировала свою полную бесхарактерность. Мороза не было, ветра тоже; деревья в саду стояли неподвижно. И дождя не было, и человек, его предсказывающий, едва ли был прав, во всяком случае, до наступления ночи.

Облака густой пеленой заволокли небо. Солнце не показывалось. Где кончались сумрачные тени, определить было невозможно. Единственное окно, находившееся на северо-западной стороне, тускло отражало свет. И только однажды пролетавший через сад голубь нарушил недвижность, на мгновенье отразившись в оконном стекле. В доме ни звука, ни движения; все замерло.

Г. жил не в доме, а в деревянном бунгало, расположенном в саду. Одно из его окон выходило на северо-западную сторону дома. Жилище Г. состояло из одной комнаты; пять метров в длину, четыре в ширину. Оно возвышалось над поверхностью земли на четырех кирпичных столбах. Передняя и задняя стены бунгало были сделаны из досок, расположенных вертикально; доски боковых стен прибиты параллельно земле. Крыша тоже была деревянная и покрыта шифером. Листы шифера держались на гвоздях с большими шляпками, трещины вокруг которых, разбегаясь по крыше, покрывали ее причудливыми узорами. В бунгало было два окна. Оба располагались в передней стене, по обеим сторонам от двери. Это была единственная дверь. Закрывалась она очень неплотно. Рамы на окнах были без переплетов; стекла сплошные, прозрачные. Рамы и дверь когда-то были покрашены белой краской. И хотя от грязи и времени краска потускнела, она еще неплохо держалась. Все остальное, за исключением крыши, было выкрашено в желтый цвет. Эта краска оказалась нестойкой; во многих местах она облупилась, обнажив деревянную стенку. Находившаяся между окнами дверь болталась.

Ключ всегда находился в замке с внутренней стороны; хотя замок давно не действовал, потому что дверные петли заржавели, а дерево сгнило. Чтобы закрыть эту дверь, Г. всегда требовалось много усилий. Мысль о том, что мистер Мэри случайно увидит его спящим, заглянув в бунгало, Г. совсем не нравилась. Иногда, когда Г. с силой закрывал дверь, ключ вылетал из замочной скважины и падал на половичок под дверью.

Прошло приблизительно два года, как Г. поселился в бунгало. За это время ключ выпадал из двери по разным причинам. В то время, как мистер Мэри приглашал рабочих для постройки бунгало, он говорил своей жене: «Это для тебя. Это будет твой летний домик». Бунгало расположилось фасадом к северо-западной стороне дома; но не прямо, а под углом в двадцать градусов в юго-восточном направлении, на расстоянии десяти метров от дома. Дом как бы заслонял собой бунгало.

Даже в первые январские дни, когда солнце светило ярко, оно никогда не благоволило к летнему домику и освещало лишь верхнюю часть его окошек. Но и этот скромный рацион солнечного света становился еще меньше, когда солнце заходило за дымоход, и тень его падала на бунгало. И все же солнечные лучи проникали в комнату бунгало. Они падали на коврик, расстеленный на полу, и на край кушетки, на которой спал Г. Когда солнце заглядывало в бунгало, Г. никогда не лежал на кушетке.

Кушетка стояла вдоль северной стороны бунгало. Напротив, у стены, стояла маленькая печь древней конструкции, работающая на керосине. Рядом — стул, на котором Г. просиживал каждый день. Одна из ножек стула была короче остальных, и при желании можно было даже покачаться. Когда-то, очень давно, этот стул стоял в большом доме. Он был сделан в стиле «круглая спинка», потому что ее перекладины радиально расходились из центра и напоминали спицы рулевого колеса автомобиля. Спинка состояла из пяти спиц; одна из них была давным-давно потеряна, поэтому мистер Мэри приказал убрать стул из дома в бунгало. Стул был сделан незадолго до первой мировой войны, о чем свидетельствовала надпись на обратной стороне стула: 1912 год. Г. однажды увидел эту запись и запомнил ее.

Когда Г. сидел на стуле, он обычно рассматривал вещи внутри своей комнаты. Таких предметов было немного, но все они были знакомы ему. Все они, как и плита, были изготовлены очень давно, и только оцинкованное ведро выглядело новым. Все эти вещи когда-то давно принесла сюда жена мистера Мэри, и только одна или две из них принадлежали Г. лично.

Некоторые вещи имели прямую или косвенную связь с тем периодом времени, который Г. провел в бунгало. Например, часы, которые Г. купил на часть зарплаты еще в то время, когда мистер Мэри

платил ему понедельно. Часы были круглые, с двенадцатью арабскими цифрами на циферблате и парой стрелок. Маленькая стрелка указывала на нижний кружок цифры восемь, а большая застыла между девятью и десятью. Уже одиннадцать месяцев стрелка находилась все в том же положении, сохраняя угол в сорок градусов. Когда Г. останавливал взгляд на часах, он развивал целую теорию, чтобы доказать, что часы работают, но все же неохотно проверял свое предположение, продувая часовой механизм.

Еще одной вещью, имевшей прямое отношение к жизни Г. в бунгало, был календарь за прошлый 19... год. Он указывал на девятое февраля. Г. понимал, что дата была неверна. Над отрывной частью календаря висела картинка, наклеенная на ту же основу, что и отрывные листочки. Глядя на календарь, Г. рассматривал двух мужчин, стоящих на краю ущелья. Один из них, чернобородый, указывал тростью на ущелье; другой держал в руках шляпу и, казалось, разглядывал трость собеседника, а не ущелье. На переднем плане картинки ущелье было завалено камнями, сломанными деревьями, валунами огромных размеров; на заднем плане ущелье окрашивалось в пурпурный цвет. Там же, повыше, летела птица, широко расправив крылья. Картинка впечатляла, но вид пропасти, окрашенной лучами солнечного света, освещавшего фигуры мужчин и ущелье, не пугал. Казалось, именно лучи солнечного света смягчали изображенное и не давали мужчинам сорваться вниз.

Еще одним памятным предметом была первая страница газеты «Дейли...» за ... апреля прошлого года. Г. приколол этот газетный листок и картинки к деревянной стене кнопками по две штуки на каждый предмет. Но позднее он добавил еще по две штуки снизу, потому что исходящая от стен сырость пропитывала бумагу, и та скручивалась вверх. Г. бережно хранил эту страницу, потому что считал ее самой интересной из ранее прочитанных им страниц из газет. Центральный заголовок сообщал: «Сильный пожар уничтожил линкор в Южной Гавани». Это известие о пожаре, от которого никто не пострадал, сопровождалось фотоснимком, сделанным с воздуха. На нем был виден корабль, закутанный в густые клубы дыма. Однажды, когда Г. был маленький, его дядя взял его с собой посмотреть на этот корабль.

На следующей странице заголовок гласил: «Зегенгайс под арестом». Из последней колонки можно было узнать о забастовке на машиностроительном заводе. Пониже можно было прочесть новости на более жизненные темы: «Митси Таборн выбирает себе четвертого супруга», «Нехватка рыбы вызвала рекордный рост цен», а также здесь помещалась статья, которая интересовала Г. как садовода. В ней речь шла о том, как человек из штата Нью-Йорк с интересом наблюдал за своим шлангом в пятьдесят футов, который он включил, чтобы полить сад. Этот шланг разрыл всю землю и выкор-

чевал все цветы сильным напором воды, и никто не осмелился подойти и выключить его.

Между газетной страницей и картинками, висевшими на стене, и стулом стояло оцинкованное ведро и старая керосиновая плита. С другой стороны от стула, рядом с кушеткой, находился бамбуковый стол, тоже очень старый.

А еще в комнате стоял буфет для посуды цвета натурального дерева, в котором Г. хранил свои туалетные принадлежности и прочие мелочи: книга Хьюга Уолпола «Собор», несколько рулонов бинтов, скомканный носовой платок, принадлежащий жене мистера Мэри, перочинный нож, пару очков, принадлежащих дяде Г., несколько свечей и веревку. Здесь же Г. хранил несколько камней причудливой формы, найденных в саду, белого фарфорового кота, на животе которого было выведено название приморского города, и еще несколько безделушек. Среди них — белая банка из-под табака, в которую Г. однажды попытался поселить ящерицу, и коекакая галантерея.

Слева от некрашенного шкафа, в передней стене, располагалось окно; левее от него висело зеркало, 15 на 30 сантиметров, вправленное в раму из мореного дерева, в прошлом, по-видимому, очень дорогое. Это зеркало было привешено таким образом, что с помощью его, сидя на стуле, Г. мог видеть часть сада, которая не была видна из окна.

Эта часть сада находилась на юге. В зеркале отражался западный угол дома с бетонной дорожкой вокруг него. Были видны и некоторые участки сада: овощные грядки, фруктовые деревья и узкая полоска клумбы. Эти участки разделялись живой изгородью, которая казалась расщепленной на кусочки из-за малых размеров зеркала. Впервые взглянув на него, можно было ничего не разобрать, а если и разобрать, то многого не понять из причудливых отражений.

Пришедший в этот дом впервые смог бы увидеть вдалеке, как живая изгородь отделяла сад от соседних владений пожилого бакалавра, чьи предки когда-то построили маяк в Южном полушарии. Можно было посмотреть на грядки спаржи, расположенные между задней стеной дома и старым каменным флигелем. В передней стене старого флигеля было круглое окошко. Г., сидя на стуле, регулярно рассматривал это окно, белую стену флигеля, голубя, очень часто сидевшего около флигеля, и другие многочисленные мелочи, а также пол собственной комнаты.

На полу лежали два половика, связанные из тряпичных веревок. Они давно уже потеряли свой первоначальный вид и цвет, совсем вытертые ногами. Так как дождя не было, Г. взял один из половичков и вынес его на улицу. Занявшись вытряхиванием половичка, Г. заметил жену мистера Мэри, которая прогуливалась от черного хода дома до его ворот. Это означало, что она пройдет через дорож-

ку между бунгало и домом в метрах двадцати от Г. Она видела его, он видел ее.

Г. продолжал вытряхивать половичок; выцветшие оранжевые и зеленые полоски ковра взлетали и падали у него перед глазами то открывая, то загораживая идущую миссис Мэри. С каждым взмахом рук Г. она становилась все ближе и ближе.

Когда она подошла как можно ближе, находясь в двух метрах от ворот, Г. прервал свое занятие и посмотрел на нее сквозь облако пыли, висевшее между ними в воздухе:

— Когда рыбная ловля плоха, цены на рыбу поднимаются.

— Сейчас рыбы достаточно.

— Разве рыба сама будет ждать, чтобы ее поймали?

— Мой поставщик обеспечивает своих клиентов круглый год.

— Даже если кругом изобилие, то почему рыбу предпочитают всем остальным продуктам?

— В ней содержится много витаминов, как говорит мой поставщик.

И хотя, разговаривая, она замедляла шаг, все же ни на секунду не остановилась и не повернулась в сторону Г. Дойдя до ворот, жена мистера Мэри стала рассматривать засов на калитке. Калитка скрипела, роняя на землю крупинки ржавчины. Миссис Мэри вышла на улицу, закрыв калитку на задвижку снаружи. Ворота были почти в два метра высотой, вверху облицованные осколками стекла.

Домоладосса пробежал глазами несколько страниц доклада.

— Жена мистера Мэри,— произнес он.— Мы думаем, что она может оказаться ключом к решению нашего вопроса. Я хотел бы знать, что еще говорится о ней в докладе.

— В докладе идет речь о многих вещах,— ответил Мидлакемела.— Тот континуум, который мы рассматриваем,— мистер Мэри и его супруга,— давайте назовем его «Вероятность А». Мы знаем, что он тесно связан с нашим континуумом, который я бы назвал «Объективность Х». Но, тем не менее, глядя даже поверхностно, Вероятность А обнаруживает определенные устои, которые резко отличаются от наших. Поэтому считаю нашей первейшей задачей изучение этих отличий.

Домоладосса вздохнул. Он одновременно восхищался и ненавидел осторожный и расчетливый ум своего подчиненного.

— Согласен. Скорость потока времени Вероятности А кажется отличной от нашей. Но все же у нас есть приборы, позволяющие определить и получить абсолютные измерения, несмотря на существующие между нашими континуумами различия,— он подозрительно взглянул на Мидлакемелу.— Тебе не приходило в голову,

что наша конгруэнтность с Вероятностью А может быть временной? А через неделю она исчезнет опять.

— Ну и что?

— А то, что мы можем остаться совсем одни в вероятностной космовременной вселенной. Или через некоторое время окажется, что мы ошибались; мы обнаружим, что существует подобие между нами и какой-нибудь другой Вероятностью, например, Z, где некоторые факторы опять-таки совпадают с нашими явлениями. Мы просто не знаем.

— Пожалуй, стоит продолжить чтение доклада.— Мидлакемела был из тех людей, которые всегда добиваются повышения.

В тот день не было ни мороза, ни ветра. Деревья в саду стояли неподвижно. Позади деревянного бунгало проходила длинная каменная стена, обозначавшая северо-западную границу сада. Буковые деревья были посажены в линию, идущую из глубины сада почти до деревянной хижины. Там росло старое огромное дерево. Его широко раскинутые ветки касались стен и крыши бунгало. В саду все замерло. На той стене дома, что была обращена к бунгало, находилось единственное окно, расположенное в южном углу сада.

Г. быстро повернулся и уловил мгновенное движение занавески, которое было едва заметно, но никого не увидел. Больше занавеска не шевелилась. Г. прикрыл рот рукой и потер его. Затем он отвернулся, взял половичок и понес его в бунгало, расстелил его на полу комнаты. Вскоре он вновь появился в проеме двери, неся второй коврик. Г. начал его вытряхивать с тем же усердием, что и первый. Облако пыли взметнулось перед ним. Занимаясь половичком, Г. искоса поглядывал на окно в белой высокой стене дома.

Черно-белый кот воровато пробирался через заросли живой изгороди, отделяющие клумбу от дома. Кот высоко задрал хвост. Г. сразу же перестал трясти свой коврик и ласковым голосом позвал кота, но тот только мяукнул в ответ.

Г. вернулся в бунгало, положив принесенный коврик на первый. Разогнув спину, Г. подошел к некрашенному буфету, открыл его дверцы и достал оттуда маленький кувшин, в котором он обычно держал молоко. Г. подошел к двери, открыл ее и показал кувшин коту. Кот быстро изменил свое направление.

— Что-то ты сегодня рано вышел на прогулку. Кувшин еще пуст, но я пойду наполню его. А ты пока заходи,— сказал Г. коту.

Кот с достоинством вошел в дом, прошелся по чистым дорожкам и запрыгнул на кушетку. Г. прикрыл дверь, надавив на нее плечом, поставил кувшин обратно в буфет, подошел к кушетке, взял кота на руки. Черно-белые кошачьи лапы свисали.

— Ты, своенравный хорошенький котик, скажи, чем она зани-

малась сегодня? Как ты думаешь? — Г. перенес кота на стул, сам сел рядом лицом к окну. Кот повозился, устраиваясь поудобнее, наконец заурчал. Кончик его хвоста был белый.— Ты никогда мне ничего не скажешь. Видит бог, ни слова.

Г. легонько шлепнул кота. Сам повернул голову к окну; он скользил взглядом по видимому участку сада. Глядя в левое окно, Г. видел часть садовой стены без ворот. Наконец жена мистера Мэри появилась в левом окне, шагая по бетонной дорожке, проложенной от ворот вокруг дома к черному ходу. Она смотрела прямо перед собой. На мгновенье миссис Мэри исчезла из виду, затем снова появилась, теперь уже в правом окне. Сейчас было видно ее лицо. Затем она скрылась за оконной рамой. Г. быстро подался вперед, так что кот чудом удержался на его коленях, вцепившись в штаны. Теперь женщина была видна в зеркале, висящем у окна. Она двигалась к углу дома, и видна была со спины. Можно было разглядеть ее пальто и каштановые волосы поверх воротника. Она завернула за угол дома и исчезла из виду. В зеркале отражался теперь пустынный сад.

Г. выпрямился, взял кота за лапы и осторожно начал отцеплять его когти от штанов. Прокашлялся, затем снова стал поглаживать кота.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда в тот день начался дождь, стрелки часов Г. упорно показывали на без десяти минут восемь. Дождь плавно изливался из нависших облаков и становился слышимым только тогда, когда капля ударялись об оконное стекло бунгало.

Г. рассматривал черно-белую репродукцию картины, висящую справа от буфета из некрашеного дерева. На картинке, вставленной в рамку из лакированного дерева, была изображена сельская местность. Пасущиеся овцы, сено, сложенное в стога. На переднем плане парень, наверное, пастух, ухаживал за девушкой. Девушка смотрела на него с сомнением. Кругом росли цветы. Девушка держала на руках ягненка.

— Да, были дни хорошие... когда... Сегодня я уже не тот... Да, нехорошо.

Рассматривая репродукцию, Г. даже невольно открыл рот, взгляд его замутился.

А дождь все продолжался. Вода косо стекала по стеклу, когда Г. встал со стула, на котором он долго сидел, глядя в окно. Он видел только угол дома и больше ничего.

Г. наблюдал за окном дома. Это было кривое окно, прикрытое занавесками кремового цвета. Сквозь окно была видна часть комна-

ты, которая, насколько Г. знал, принадлежала мистеру Мэри, хотя тот туда никогда не входил.

Почти прямо возле окна, почти вплотную к дому, подходил маленький забор, образуя маленький сырой уголок сада. Когда-то очень давно Г. пробовал там вырастить что-нибудь, но все эти его попытки заканчивались неудачно. У стены дома трава привяла, на ее месте разросся папоротник. Всматриваясь в слепое от дождя окно, Г. все же смог увидеть отдельные ростки. С дождем пришла темнота. В январе темнота рано опускается на землю. Стекла в окнах бунгало отходили от рам; замазка рассохлась и растрескалась, но все это случилось еще и потому, что, когда вставляли стекла, их очень неровно обрезали. По этой причине дождь очень скоро начал просачиваться сквозь щели внутрь бунгало. Когда совсем стемнело, стало совершенно непонятно, течет ли дождь по одной или по обеим сторонам стекла.

Все внутри комнаты погрузилось во тьму. На календаре остались видны только двое мужчин, пропасть исчезла. Кушетка, казалось, изменила свои очертания. И буфет превратился в какой-то невиданный объект. Даже керосинка, которую зажег Г., разделила дверь на четыре мерцающих панели и придала комнате мистический вид. Круглые отверстия, сделанные в верхней части лампы, распределяли свет по стенам удивительными пятнами.

Немного времени спустя, когда комната погрузилась в неизвестность, окна, казалось, начали светлеть и излучать свет; затем они превратились в два едва заметных пятнышка, и человек очутился в своем собственном мире.

Г. задвигался; правой рукой он провел по лацкану своего пиджака до верхней пуговицы. Пиджак был очень стар, его полы давно уже обтрепались, верхняя пуговица была обтянута кожей, которая с годами тоже обтрепалась. Г. вспомнил, что ее пришивал еще его дядя. Г. продел пуговицу в петельку на левой стороне пиджака. Он поднялся со стула, нечаянно споткнувшись об оцинкованное ведро. Подняв ведро, он поднял его на место, сам же снова вернулся к стулу.

Спустя некоторое время Г. услышал звенящий стук ударов по металлу. Вскоре в темноте звук повторился еще раз, еще и еще. Затем замолчал, будто для того, чтобы чуткое ухо Г. смогло уловить едва заметное изменение тона звука. Звуки продолжались, паузы между ними увеличились и, наконец, совсем смолкли. Звуки эти очень напоминали дождевые капли, падающие в металлическое ведро.

Г. сидел на своем обычном месте, откинувшись на стуле, опершись спиной на оставшиеся четыре планки. Он вытянул ноги перед собой, руки его были свободно опущены. Пальцы его левой руки нащупали неровность на внутренней стороне сиденья стула; Г. распознал вырезанную дату изготовления стула — 1912 год.

— Рада ли рыбка, когда ее вылавливают? — спокойно произнес он вслух.

Дождь продолжал медленно источать слезы. Налетел ветер, заставляя капли воды разлетаться в разные стороны. Снова порыв ветра. И верхние ветки дерева, растущего за бунгало, терлись о черную стену.

Бунгало все больше наполнялось разными звуками, но шум падающих капель в металлическое ведро был все еще слышен. Низкий тон ударов наконец напомнил Г. о том, что ведро почти наполнилось. Г. встал, подошел к ведру, ухватился за него, осторожно поднял, потащил к выходу. Остановившись у двери, он прислушался; капли продолжали падать с потолка на пол. Г. дернул дверь. Она быстро открылась, и порыв свежего воздуха ударил ему в лицо. Воздух был влажный. Спустившись на одну ступеньку, Г. взял ведро за край и за дно, перевернул его. Вода сплошным потоком вылилась на траву.

Первый этаж дома был совсем темным; только в одном месте, где находилась спальня мистера Мэри, поблескивал тусклый свет. Эта часть дома была освещена уличным фонарем. Сумрачный свет отбрасывал косую тень в сторону дома. Свет тускло мерцал на гранях битого стекла, которым были облицованы ворота, и на каплях воды, дрожащих на заборе.

Г. взглянул на дом и вернулся в бунгало вместе с ведром. Он с силой захлопнул дверь. Ключ вылетел из замочной скважины и упал на пол. Не торопясь, Г. поставил ведро в угол на место. Чистый металлический звон вновь наполнил комнату.

Подойдя к буфету, Г. открыл одну из его дверок и заглянул внутрь. Он искал свечку со спичками. Нащупав рукой, вытащил их из дальнего угла. Свеча наполовину прогорела. Г. с трудом чиркнул спичкой, ощущая, как головка мягко скользит по отсыревшей коробке. Наконец спичка вспыхнула слабым огоньком. Г. поднес спичку к фитильку. Когда свечка разгорелась, он поставил ее на место и начал заваривать чай. В маленький чайничек он засыпал горсть чайных листьев из зеленого пакетика. Еще добавил немного сгущеного молока из банки. В крышке банки виднелись две двухдюймовые дырочки. Достав жестяную кружечку, он опустил ее в ведро с дождевой водой, наполнил, затем вылил в чайник с заваркой и сгущеным молоком. Проделав то же самое еще раз, он вытер дно чайника тряпкой и поставил его на керосиновую печь. Затем он задул свечу, закрыл буфет и вернулся на стул, прихватив с собой кружку.

Множество звуков наполнило комнату; шум ветра, преодолевающего разные преграды за окном, удары капель о стекло, заставляющие его вибрировать, тяжелый скрип самого бунгало и приглушенный звук дрожащих от ветра и дождя листов шифера на крыше.

Щель в крыше издавала свои звуки, которые материализовались в удары тяжелых капель о ведро. Старое дерево терлось ветвями о западную стену дома, создавая свое неповторимое звучание. Через некоторое время прибавился еще один — новый звук. Вначале очень тихий, но все же Г. уловил его сразу, потому что ждал его. И ощутив его, не выпускал из внимания, пока звук не стал громче и громче. Он подбодрил Г.

В то же время тонкая струйка пара вырвалась из расколотого носика чайника, который при тусклом свете плиты походил на птичий клюв. Струйка пара и новый звук одновременно росли. Первый становился громким и настойчивым, другой вырастал как бы в линию, продолжая кривую от чайного носика и превращаясь в облако.

Сначала Г. делал вид, что не замечает призывов своего чайника. Только тогда, когда тот начал подбрасывать свою крышку, освобождаясь от лишнего пара, Г. подошел к нему. Сняв чайник с плиты, он отлил часть содержимого себе в кружку. Поставил чайник для удобства рядом с правой ногой, на случай, если ему захочется еще чая. Приготовление чая заняло достаточно много времени. Но Г. никуда не торопился. Он выпил кружку несладкого чая. С удовольствием налил себе другую. Чай уже остыл, но он пил его так же медленно. Он выплеснул остатки чая в ведро, которое было уже наполовину полно водой. Поставил кружку назад в буфет между пакетом с чаем и банкой сгущеного молока. Затем Г. вымыл руки и лицо в ведре с водой. Несколько капель упало ему за шиворот с потолка, пока он умывался.

Взяв ведро за ручку, он направился к двери и открыл ее. Ветер и дождь вновь пахнули ему в лицо свежестью и влагой. Обхватив ведро руками, он вылил воду прямо на ступеньки. Г. вошел в дом, захлопнув дверь так плотно, как это было возможно. Часто, в очень плохую погоду, ветер дул во все щели так, что становилось невыносимо холодно.

Вновь поставив ведро на место, Г. пошел в другой конец комнаты и сел на край дивана. Развязав шнурки ботинок и освободив ноги, он уже было собрался лечь, когда непроглядная темень ночи изменилась каким-то странным образом, и это заставило Г. выглянуть на улицу из ближайшего окна.

С того места, где он сидел, сквозь текущие по стеклу ручьи он видел лишь часть дома — западный угол — и расплывчатое пятно сада позади дома. Когда Г. припал к стеклу, он увидел маленькое окошко той комнаты, в которую он никогда не входил, спальню мистера Мэри, в которой зажегся свет. Г. увидел, как чья-то фигура появилась в оконном проеме.

Фигура резко выделялась на светлом фоне окна. Уличный фонарь призрачно освещал окно, однако между окном спальни и ок-

ном бунгало разлилась непроглядная темень, которая и мешала Г. рассмотреть все детали. Человек в окне поднял руки и одним быстрым движением задернул занавески, оставив лишь одну узкую полосу света на самом верху окна. Но вскоре исчезла и она. Больше разглядеть окно было невозможно. Г. подождал чуть-чуть, не отходя от окна:

«Какой-то довольный обыватель».

Он вернулся к дивану, снял штаны, аккуратно сложил их и положил на пол. Забрался на диван. Там лежали три одеяла. Он удобно устроился под ними. Г. укутал ноги, положил руки под голову вместо подушки и закрыл глаза. К этому времени дно ведра уже наполнилось водой, стекающей с крыши. Поэтому металлический звук ударов сменился более неясным звуком текущей воды. Г. некоторое время лежал, слушая звуки. Когда ведро наполнилось, вода потекла через верх. Она собралась в лужу около ведра и растекалась затем ручейком в северо-западном направлении. Бунгало было построено на четырех каменных столбах, поэтому между полом и землей было свободное пространство. Правда, некоторые столбы немного просели, поэтому бунгало было наклонено одним углом к каменному забору с деревянными воротами. Именно этот наклон и позволял воде ручейками бежать из бунгало. Вода в комнате бежала по полу до тех пор, пока не остановилась около передней стены, некоторое время двигалась вдоль нее, пока не исчезла в небольшой дырке в полу. Вода появилась на ступеньках бунгало.

— Некоторые факторы надо было бы исследовать, когда прибудет оборудование,— энергично заявил Мидлакемела.

— Доклад составлен очень тщательно, но все же здесь упущены некоторые детали. Температура внутри и снаружи, например.

— Кипение чайника Г. Вероятность А.— совершенно новый континуум — нельзя ничего утверждать с определенностью. Законы нашей вселенной могут не совпадать с законами их мира.

— Согласен. Но все же, что меня интересует больше всего,— психологическая структура восприятия этих людей; Г., миссис Мэри, другие могут быть совершенно чужими для нас, несовместимыми с нашей психологией. Они могут выглядеть гуманоидами, но не быть ими.

Мидлакемела был меньше всего заинтересован в этом вопросе. Он промолчал, но, взглянув на часы, сказал:

— Пора идти. Нас ждет Губернатор. Вам что-нибудь нужно?

— Нет, я буду дальше изучать доклад.

Мидлакемела прошел вдоль большой комнаты, ступая по размеченной дорожке.

Его начальник погрузился в чтение доклада. Он продвигался

вперед, опуская описания отдельных эпизодов жизни Г., пока не достиг наконец описания следующего дня, того момента, когда Г. выливал очередное ведро набежавшей воды.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Поскольку после прошедшего ночью дождя дорожки, выложенные бетонными плитами, были относительно чистыми, вода, выплеснутая Г. из ведра, оставила на дорожке чистый бесформенный развод.

Рассмотрев замысловатую фигуру водяного пятна, Г. повернулся направо. Он увидел угол дома, вокруг которого шла бетонная дорожка, изгородь, которая отделяла газон от овощных грядок в одном месте, фруктовый сад от овощных грядок в другом, цветочные грядки от фруктового сада в третьем, и, наконец, весь участок от владений соседа, чей отдаленный предок когда-то давно построил маяк в Южном полушарии. Г. смотрел на грядки спаржи, лежащие между задней стеной дома и старым каменным сараем. Он увидел домашнего голубя, чье имя, как и подозревал Г., было Х. Рядом виднелись ветки фруктовых деревьев, в то время стоящих без листьев. Это были редкостные и прекрасные сорта: сливы — «Виктория», «Конкордия»; яблони — «Канадский Ранет», «Коттенхемский Колокольчик». Г. смотрел в сторону солнечных часов, выполненных в виде обнаженного мальчика, и увидел сороку, сидящую у него на голове. Чуть-чуть повернув голову, Г. увидел ряд груш, растущих в глубине сада вдоль стены, которая соединялась с другой стеной, выходящей на улицу почти до самого старого дерева позади бунгало. Какие-то птицы летали и сидели на ветках груши и даже пели. Но Г. не видел ни одной живой души.

Когда он резко повернул голову налево, то как бы он ни старался, он не мог уловить ничего, что могло бы ему подсказать, что из спальни мистера Мэри кто-то пристально на него смотрит.

Вернувшись в бунгало, он поставил ведро. Ухватившись за дверную ручку, он с силой нажал на нее. Она закрылась. Г. пошел по бетонной дорожке в северном направлении от пятна, оставленного водой, которую он вылил из ведра. Г. шел по направлению к боковым воротам, которые в последний раз были выкрашены коричневой краской. Это было за шесть месяцев до того, как Г. устроился на работу к мистеру Мэри. Г. открыл калитку в воротах и вышел на дорогу.

Дорога вела на северо-восток. Она была широкой, окаймленной тротуарами. Поверхность дороги была рыхлой. Вдоль дороги по обеим сторонам стояли каменные стены, облицованные осколками стекла, которые блестели. Кое-где располагались частные пивовар-

ни или магазины, в которых можно было купить билет для поездки на машине в другой город. Здесь также можно было купить большие теплицы, сделанные из железа и стекла, в которых росли цветы и всякая зелень. Напротив дома было кафе; в дальнем конце дороги — юго-восточном — виднелся крест из белого мрамора, за крестом — низкое здание с колоннами, которое служило железнодорожной станцией. Оттуда доносился звук поездов.

Г. остановился возле поста службы уличного освещения и прислушался к шуму железной дороги. Одновременно он огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что дорога свободна и нет автомобилей. Удостоверившись в этом, Г. перешел дорогу и направился в кафе.

Над входом висела огромная вывеска, на которой разными шрифтами было написано: «Станционный смотритель Дж. Ф. Ватт. Бакалея. Кафе. Закусочная».

Дж. Ф. Ватт в этот момент боролся с какой-то машиной, издающей грохот всякий раз, когда она подбирала с пола очередную кучу мусора. Он был слишком занят, чтобы позволить Г. пройти. Г. кое-как проскользнул между ним и внушительным шкафом, набитым книгами в ярких обложках, и сел за маленький квадратный столик, покрытый клетчатой скатертью. Г. узнал эту ткань. Он положил руки на стол, усаживаясь поудобнее на высоком деревянном стуле. Г. вдруг вспомнил, как однажды его дядя сел на такой же стул, и он сломался. Г. не видел, как это случилось, но дядя рассказал ему об этом случае. Дядя тогда очень смеялся по этому поводу.

Усердно работая, Дж. Ф. Ватт толкал машину в дальний конец магазина; там он ее выключил и поставил за кассу, где и исчез сам вместе с машиной, прикрыв маленькую дверь и оставив Г. одного.

Через окно кафе был виден фасад дома. Г. тщательно его рассмотрел.

Чтобы попасть к двери, нужно было подняться по двум ступенькам. Над дверью висел козырек, поддерживаемый двумя колоннами. Справа и слева от двери располагались два окна. Правое окно, ближнее к боковым воротам, было из гостиной, левое — из кабинета мистера Мэри. На втором этаже было три окна: справа над гостиной — окно из комнаты мистера Мэри, среднее над дверью — окно спальни мистера Мэри. Первое окно справа было маленьким и выходило на северо-западную сторону дома, которая была видна из бунгало. Крайнее окно слева было окном спальни жены мистера Мэри. На нем висели желтые шторы. Над этими окнами, которые казались одинаковыми, хотя были поменьше, чем на первом этаже, проходила крыша. Края крыши были украшены резными камнями. Сама крыша — покрыта голубой черепицей. Где-то посередине находилось слепое окно. Оно выходило на чердак. Чуть повыше этого окошка располагался флагшток длиной около метра. Он был пуст. Г. никогда не видел, чтобы на флагштоке висел флаг.

Слева от дома была разобрана часть кирпичной стены сада для того, чтобы оставить место для гаража. Дом и гараж строились из разных материалов. Гараж отличался от дома и по стилю. Большие плиты шифера, усиленные арматурой, формировали три стены, четвертая — передняя — представляла собой две двери из легкого материала. Над дверями были устроены два маленьких окошка с решетками. Два точно таких же располагались на задней стене.

Таким образом, со своего поста Г. мог наблюдать одновременно за семью окнами дома мистера Мэри. Пока ничего любопытного Г. не замечал.

Дж. Ф. Ватт наконец выбрался из своего закутка и закрыл дверцу старой афишей. Он хранил эту машину где-то в глубине своих владений. Он принес поднос, поставил его на стол, застеленный скатертью в клеточку, произнес дежурную фразу, приглашая Г. к разговору:

— Снова забастовка на автомобильном заводе.

— Они говорят, что условия труда плохие.

— Условия труда всегда были плохие.

— Пожалуй, ты прав. Это цена, которую мы вынуждены платить за прогресс — плохие условия труда и жизни. Это похоже на перебои с рыбой.

— Что ты имеешь в виду? Пикша — прекрасная рыба, правда, ловят ее браконьеры.

— Когда рыбы не хватает, цены на нее поднимаются.

— Ну попробуй, попробуй этой пикши.

— Кофе превосходный.

— А пикша?

— Замечательная. Выловлена в самое время и отменно приготовлена. Ты занят?

— Я не видел жену мистера Мэри нынешним утром.

— Может быть, это из-за забастовки?

— Почему?

— Ну, потому что опять забастовка на автомобильном заводе из-за плохих условий труда.

— При чем тут это?

— Да шатаются тут всякие по улицам. Ей, наверное, поэтому не хочется выходить.

— А, понял, что ты имеешь в виду.

— Да, шатаются всякие по улицам.

Оба они взглянули на пустынную улицу. Дж. Ф. Ватт не двинулся с места, пока Г. не закончил есть. Он продолжал стоять у стула и тогда, когда Г., закончив, подвинул стол вперед, чтобы встать. Г. направился к двери, открыл ее и вышел на тротуар. Посмотрев по сторонам и удостоверившись, что дорога свободна, он перешел ее,

направляясь к воротам коричневого цвета. Калитка была открыта точно так же, как он ее и оставил.

Г. вошел во двор и направился к бунгало. Подойдя к двери, он налег на нее плечом, толкнул и вошел в комнату. Ключ валялся на полу; между дверным косяком и ковриком в желто-оранжевую полоску. Г. вошел в комнату, не нагнувшись за ключом.

Домоладосса задумался: «Мы должны решиться. Наверное, существует способ связи с Вероятностью А. Мы должны решить — я должен решить — насколько эти люди способны вступить в контакт с человечеством».

Он снова взглянул на доклад. Ему необходимо было знать все об остальных обитателях дома. Чем они занимаются? Что думают о жизни вообще?..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Когда Г. вошел в бунгало и закрыл за собой дверь, из-за угла дома показался С. Он шел по бетонной дорожке к воротам, тщательно переступая через трещины в плитах. Подойдя к воротам, он открыл калитку, вышел на улицу, закрыв ее за собой. С. постоял немного на тротуаре, глубоко вздохнул несколько раз, посмотрел направо и налево. Мимо него медленно проехала машина со спущенной шиной и исчезла в направлении белого мраморного креста. С. перешел дорогу.

Он вошел в кафе напротив дома. В нем было пусто. Слева от двери стоял маленький стол, покрытый красно-белой скатертью, рядом с ним — деревянный стул, на который и сел С. С. посмотрел в окно дома напротив. Он заметил, что одна из штор в верхнем окне была неаккуратно задернута и висела как-то криво. Но никаких движений в окне он не заметил.

За кассой магазина была маленькая дверь, загороженная рекламным плакатом, приглашающим посетить цирк, что однажды заезжал в этот город. В представлении участвовала «ДЮЖИНА НЕУКРОТИМЫХ ДИКИХ ЛЬВОВ». Дверь открылась, и оттуда вышел человек. На подносе он нес завтрак.

Этот человек обошел кассу, подошел к С. Он поставил поднос с тарелками на стол. С. посмотрел на кусок пиццы, поправил его так, чтобы он лежал строго посередине фарфоровой тарелки, затем повернулся к человеку, который принес поднос.

— Без сомнения, сегодня на Таити прекрасное утро.

— Что-что?

— Я сказал, сегодня на Таити прекрасное утро.

— А-а-а... Опять забастовка на автозаводе.

— А рыба выглядит превосходно.

— Условия там плохие, говорят.

— У вас замечательный вкус.

— Да, отличный кусок пикши.

— Почему же они бастуют?

— Условия плохие, говорят.

— Просят повышения зарплаты, наверное. Что она говорит об этом?

— Не знаю. Не видел ее сегодня. Она боится выходить на улицу. Кто знает, что за народ здесь сейчас болтается.

— Странно. Я никого не видел.

— Разве?

— Улица пуста, как эта тарелка.

— Хм... Наверное, еще рано. Пожалуй, где-то в обед появятся.

— Может быть. А рыба превосходная.

Хозяин ничего не ответил. Он стоял за стулом, на котором сидел С., положив руки на его спинку и глядя на дорогу через окно кафе.

С. посмотрел на дорогу. Затем на дом напротив.

Был виден только фасад дома. Он представлял собой симметричную картину; одно окно слева от двери и одно окно справа от двери. Сама дверь была выкрашена ярко-зеленой краской, над ней было сделано веерообразное окошечко, разделенное на сегменты. К двери вели две крутые ступеньки, а сверху висел козырек, поддерживаемый двумя колоннами.

На втором этаже было три окна, выходящих на улицу; среднее как раз над входной дверью, а над ним, выше, было и маленькое, проделанное в крыше. В завершении всего — флагшток, укрепленный рядом. Правда, флага на нем не было.

Самое верхнее окно вело на чердак. Из трех окон пониже первое слева было из спальни миссис Мэри, два остальных — из спальни мистера Мэри. На первом этаже окно слева от входной двери было из кабинета мистера Мэри, справа — из гостиной.

Все было тихо.

— Да, что-то сегодня все слишком спокойно.

К юго-востоку от дома, фасадом к дороге, был расположен гараж. Расстояние между ним и домом было несколько метров. И хотя гараж был построен значительно позднее, чем дом, на нем тоже лежал некоторый отпечаток убожества. Он был собран из асбестовых плит и бетонных балок, усиленных арматурой. Двойные двери из легкого металла занимали практически всю переднюю часть гаража. Над ними было сделано маленькое окошечко с решеткой. Его поверхность была разделена двумя железными прутьями на маленькие квадратики. В одном из них не было стекла. Крыша гаража была собрана из гофрированных металлических листов.

— Говорят, когда улов рыбы уменьшается, цена на нее растет.

— Да, люди не настолько честны, насколько они должны быть. Мне очень нравится пикша.

— Ага, пикша — хорошая рыба.

С. отодвинул от себя стол, чтобы встать. Он обошел вокруг большого шкафа, набитого книгами в ярких обложках, открыл окно. С. вышел на улицу. Какой-то мужчина с шарфом на шее торопливо шагал по тротуару, неся на плече велосипед. Велосипед был зеленый, шины его — спущены. Мужчина прошел мимо, ничего не говоря. С. подождал пока он исчезнет из виду, затем перешел дорогу и направился к воротам. Он открыл калитку и вошел внутрь.

Закрыв за собой калитку, он защелкнул щеколду и пошел по бетонной дорожке, стараясь не наступать на трещины. Слева от него был дом, к которому он направлялся. Дорожка проходила справа от дома, по правую руку стояло бунгало. Он посмотрел в ту сторону краешком правого глаза и заметил какое-то движение от окна к двери. Посмотрев вперед, он заметил белого кота, убегающего прочь в западном направлении через солнечные часы, сделанные в форме обнаженного мальчика. Кот пролез сквозь живую изгородь, отделяющую газон от овощных грядок, и спрятался в капусте. Голубь, которого звали Х., тяжело слетел с другой стороны капустной грядки и, сделав еще два круга, улетел, хлопая крыльями, в направлении каменного сарая за домом.

С. перескочил через лужу, разлившуюся по дороге, и, не замедляя хода, дошел до западного угла дома, завернул за угол и только затем сбавил шаг.

В задней стене дома, точно посередине, был сделан черный ход. У его двери и заканчивалась бетонная дорожка. Не дойдя до двери метров двух, С. повернул направо, ступив на узкую тропинку, проложенную в траве. Тропинка раскисла после ночного дождя. Заметив приближение С., воробей вспорхнул и перелетел на изгородь в глубине сада. Дорожка вела еще к одной, посыпанной гравием. Она отходила прямо от дома. Вдоль этой дорожки и шел С. Теперь задняя стена находилась точно позади старого каменного здания; справа росла живая изгородь, окаймляющая тропинку с гравием, слева располагались три длинных рядка с бороздками между ними. Это были грядки спаржи. Дорожка, посыпанная гравием, проходила вплотную к грядкам. Гравий был мелкий, сильно втоптанный в землю. Сквозь него пробивались вездесущие сорняки, цветущие даже в это время года.

Грядки спаржи и тропинка из гравия вели к двухэтажному каменному строению. Камень со временем приобрел мягкий желтоватый цвет; большая часть стен была увита плющом, поднимавшимся из земли во многих местах. Плющ доходил до водосточных желобов на крыше. Само здание было построено из камня и дерева; ниж-

няя часть фасада была почти вся из дерева. Здесь были расположены крепкие тяжелые двери. Их верхние петли погнулись, и низ ушел в землю. Наверху, в дверях, были сделаны маленькие квадратные окошки, в большинстве которых не было стекол. На их месте стояли кусочки фанеры. Те стекла, которым все же удалось сохраниться, были покрыты слоем паутины — результат работы многих поколений пауков. Дерево, из которого были изготовлены двери, стало похоже на кожу слона; погода и время сморщили и покоробили их.

Выше дверей начиналась каменная кладка и шла до самой крыши. Лишь в одном месте кладка прерывалась пыльным и круглым окном, разделенным на девять частей, центральная из которых была круглой. Под самой крышей виднелись девять круглых дыр, проделанных в кладке. В одной из них сидел голубь по имени Х. Увидев С., он соскользнул с крыши и, тяжело хлопая крыльями, перелетел на другую сторону дома.

В одну из больших дверей была врезана поменьше, не более полутора метров в высоту. Дойдя до каменного дома, С. взялся за ручку меньшей двери, потянул за нее и открыл. Перед тем как пройти внутрь, С. остановился и посмотрел назад.

Задняя стена дома находилась метрах в тридцати пяти; дом был расположен на более высоком месте, чем старое здание, куда вошел С. С этого места были видны пять окон, кроме маленького окошка, закрытого бутылочным стеклом в центре двери черного хода. Одно из тех окон было открыто — нижнее окно слева от двери. Это было окно кухни, сквозь него можно было увидеть голову жены мистера Мэри, хлопочущую по хозяйству.

Заторопившись, С. вошел в здание, прикрыл дверь и накинул петлю, привязанную к двери на толстый гвоздь, вбитый рядом с дверью в старое дерево, из которого была сделана большая дверь.

Читая доклад, Домоладосса ощущал некоторую привилегированность своего положения. Неделю назад он и миллионы его соотечественников жили в мире единственно видимой вероятности. Внезапно другой континуум проявил себя. Кто знает, может таких вероятных миров существуют миллиарды? А он был одним из первых, кто имел возможность ознакомиться с докладом о Вероятности А.

Одновременно он ощущал некоторую тревогу, читая доклад. Этот дом, старое здание, куда вошел С.— все эти вещи настолько банальны, что никогда не взглянешь на них дважды в обычной жизни. Но обычна ли жизнь в Вероятности А? Одинакова ли с их континуумом та первооснова, из которой состоит Вероятность А? Если да, то не делает ли это ее еще более непонятной и опасной?

Вероятность А. Миллиарды вероятностей. Боги были не просто гениями, они были сумасшедшими.

На столе Домоладоссы стояла фотография его жены. Он посмотрел на нее с нежностью. Как бы сложилась жизнь, если бы они не встретились... Затем он вновь вернулся к чтению доклада.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Пространства внутри каменного здания было достаточно для того, чтобы разместить в нем собственный выезд, какой имели состоятельные люди до изобретения автомобиля. Вдоль стены, по правую руку, размещалось несколько скамеек, у задней стены — несколько старых бочек из-под бензина; слева от стены стояли мотокосилка для стрижки газона и различная садовая утварь. Кроме того, внутри здания хранилось несколько коробок, старая мебель, жестяной кофр с инициалами Х. С. М., нанесенные с помощью трафарета, ржавая птичья клетка, садовая тележка, кухонная плита, старый велосипед со спущенными шинами, связка мешков, керосиновая горелка, несколько длинных труб и много всякой всячины, валяющейся на полу вдоль стен здания, особенно в юго-западном углу. Там же находилась деревянная лестница, ведущая в комнату наверх. С. подошел к лестнице и начал подниматься по ней, осторожно и быстро ступая по ступенькам. Перекладины были старые и сгнившие и в любой момент могли обломиться.

Осторожно ступая, он поднялся на второй этаж: сначала макушка, затем глаза сравнялись с уровнем пола, и, наконец, он показался весь, возвышаясь над полом верхней комнаты, сделанным из старых, потрескавшихся от времени дубовых планок. Но он не только потрескался, но и был кривой; в некоторых местах планки расходились, открывая щели в два пальца толщиной, кое-где нарушив рисунок, планки вылезали, изогнувшись дугой и возвышаясь над остальными. Эти выступавшие места выделялись на общем фоне пола своей желтизной.

Сделав пять-шесть шагов по комнате, С. остановился, затем медленно опустился на колени. Теперь он мог выглянуть из маленького круглого окошка, состоящего из девяти секций. Прижавшись к окну, С. потянулся правой рукой к нише в кирпичной кладке и извлек оттуда подзорную трубу. Это была очень старая вещь. С. купил ее месяцев пятнадцать до того, как мистер Мэри его уволил, в лавке у антиквара, старика с прыщавым носом. В сложенном виде подзорная труба была в длину всего лишь пятнадцать сантиметров. С. хранил ее в кожаном футляре. На меньшем колене трубы было выгравировано 22Х, что означало, что подзорная труба способна увели-

22X ©
S

чить размер рассматриваемых объектов в двадцать два раза. На конце меньшей трубки был окуляр. С. поднял трубу и приложил ее к правому глазу. Направив трубу на объект перед домом, он закрыл левый глаз и посмотрел в подзорную трубу.

Теперь он обозревал мир через пять толстых стекол; четыре составляли оптическую систему, а пятым было оконное стекло. Лучи солнца, проходя сквозь стекла, как бы добавляли больше яркости этому миру.

С. не мог рассматривать все вокруг одновременно. Широта его взгляда была ограничена диаметром входной линзы телескопа.

С. немного подвинул трубу в сторону. Красное облако поплыло у него перед глазами. С. прикрыл телескоп рукой: облако приобрело форму пятен, расположенных вертикально и горизонтально. С. снова взглянул в трубу, перевел ее на заднюю стену дома. На мгновенье задержался над дверью взглядом, различив окошко из зеленого бутылочного стекла, затем направил трубу налево, рассматривая кирпичную кладку и, наконец, остановился на кухонном окне.

Это окно отличалось от других в доме. Все они имели деревянные рамы, а это — железную. Окно было очень длинным, разделенным на три части. Каждая часть состояла из шести секций. Секции по бокам могли открываться — центральная же оставалась неподвижной. Боковые имели предохранительные металлические стойки, чтобы не разбиться. Правая секция в настоящий момент была открыта и опиралась на предохранительную стойку.

С. скользнул взглядом по окну, вернулся обратно и нашел то, что искал. Темнота теперь окружала все вокруг маленького участка каменной кладки, части металлической рамы открытого окна, казавшегося кривым сквозь трубку подзорной трубы, и маленького уголка кухни.

Внутри этого маленького уголка, видимого для С., виднелась небольшая фигура жены мистера Мэри. Слегка искаженная большим количеством стекол и расстоянием, ее фигура была полузакрыта голубой занавеской снизу от подоконника до правого запястья. Левое плечо и грудь были четко видны. На миссис Мэри была белая кофточка, сверху передник, завязки которого проходили через плечи. Может быть потому, что фартук весь выцвел от долгой носки, а может быть, по какой другой причине, цвет его казался очень странным и непонятным, по крайней мере, через стекло подзорной трубы.

Можно было разглядеть и ее левую руку; она двигалась то назад, то вперед, что-то доставая из кухонной раковины. Иногда появлялась в поле зрения и ее правая рука или другая часть тела — она поворачивалась, открывая то плечо, то локоть, то правую грудь. Рукава кофточки были закатаны по локти, С. мог видеть ее голые руки. Сквозь стекла они казались темно-розовыми.

Лицо женщины рассмотреть было очень трудно, взгляд ее был опущен. Она занималась предметами, которые, по всей видимости, находились в раковине. Вдруг она, как бы невзначай, подняла голову, посмотрев по сторонам, раза три обернулась, будто чувствуя чей-то взгляд и задумчиво посмотрела в сад, дав рукам возможность передохнуть. Тогда С. смог бегло рассмотреть черты ее лица. И хотя волосы ее были уложены небрежно, они все же разделялись прямым пробором посередине; где оканчивался этот пробор, определить было невозможно, так как волосы с затылка были зачесаны наверх и закреплены маленькими металлическими заколками на макушке. Несколько прядей выбились из прически; одна из них свисала на правое плечо, касаясь завязок фартука, слева несколько коротко остриженных кудряшек закрывали висок и, выбиваясь из-за уха, касались щеки. На макушке волосы казались каштановыми, но на концах прядей и особенно на концах выбившихся локонов приобретали золотистый оттенок. Поэтому невозможно было в целом понять, какого цвета были волосы женщины.

Брови казались гораздо темнее, они были очень прямыми и широкими. Веки выглядели очень тяжелыми. С такого большого расстояния, даже имея богатое воображение, определить, какого цвета были глаза, казалось невозможным. Иногда они были того же цвета, что и волосы, иногда — еще темнее. Движение зрачков было очень плавным, часто едва заметным из-под тяжелых век. Из-за большого расстояния было трудно разглядеть переносицу, но стало ясно, что она невысока. Нос казался едва заметным; он плавно переходил в маленькую пуговичку, создавая в целом приятное впечатление.

Ниже носа, под верхней губой, бледной и ненакрашенной, выступала пухлая нижняя губа; уголки рта мягко врезались в щеки. Подбородок был округлым, твердым, красивым и решительным; морщинки появлялись на щеках, когда женщина опускала голову вниз. Ее скулы были широкие и крепкие. Кожа лица казалась свежей и имела более привлекательный цвет, чем на руках, насколько это мог определить С. через подзорную трубу. Хотя в целом лицо можно было назвать обычным и даже скучным, оно обладало такой подвижностью, что иногда ускользало из поля зрения. Ее взгляд скользил повсюду — то по окну, то обращаясь к предметам, находящимся в раковине, а затем поворачивался к соседней полке. Голова тоже была очень подвижна; женщина поворачивала ее то вправо, то влево, а иногда и вверх, когда она устало выглядывала из окна в сад, когда ее внимание привлекал прилетевший с крыши старого каменного здания голубь, усевшийся на ветку яблони. Раза три она повернулась, чтобы убедиться, что на кухне никого, кроме нее, нет. Руки женщины находились в постоянном движении, занимаясь различными делами; вынимали предметы из мойки, ставили

их на полку или на выступ стены рядом. Временами левая рука поднималась к левой щеке, которую женщина наклоняла навстречу, чтобы убрать волосы или почесать щеку. Волосы часто выбивались из-под заколок на макушке.

Когда все предметы были убраны на свои места, женщина отошла от раковины в глубь кухни, где из-за недостаточного освещения разглядеть ее было трудно даже через трубу.

Когда С. убрал телескоп, она появилась в нижнем левом окне дома, что напротив грядок спаржи. С. моргнул, потер закрытый глаз рукавом и снова приложил телескоп к правому глазу.

Теперь его взгляд бездумно бродил взад и вперед вдоль кухонного окна с металлической рамой, левая часть которого была открыта и опиралась на металлические стойки. С. внимательно разглядывал кухню в надежде снова увидеть женщину.

Но она находилась в глубине комнаты, и даже тень не выдавала ее присутствия. Чем она занималась, разглядеть было невозможно. Она подошла к столу, став вновь видимой сквозь центральную секцию кухонного окна, разделенного еще на шесть частей. Теперь С. рассматривал женщину сквозь шесть слоев стекла; четыре в подзорной трубе, одно — центральное стекло, составляющее девятую часть всего окна на втором этаже каменного здания, которое до того, как мистер Мэри купил его, было каретным сараем, и шестое — закрытое окно кухни. Женщина подошла к ближней от С. стороне стола, приблизившись к окну настолько, что можно было рассмотреть, как она вытирает руки белым полотенцем. Это полотенце висело на уровне груди, и оно постоянно двигалось, так как женщина вытирала руки. Все еще занимаясь руками, она подошла к правой секции кухонного окна, которая была закрытой, и оперлась локтями на расположенную возле мойки полку: она все продолжала вытирать руки. Трудно было рассмотреть грудь, которая выделялась из-под передника, надетого поверх вязаной кофточки, и который она еще не сняла. Женщина вплотную приблизила лицо к окну, и ее было хорошо видно.

Из-за того, что лицо было несколько наклонено вперед, доминирующей чертой был нос. Он был похож на пуговицу; он был розовый, точно такого же цвета, как и щеки. Ее высокие скулы были достаточно широки, придавая лицу приятную округлость. Лишь к подбородку лицо слегка заострялось, сам же подбородок казался чуть выдвинутым вперед.

Женщина стояла, опершись руками о полку и сжимая в руках белое полотенце, закрывавшее часть ее лица и правую руку. Неровная структура ткани полотенца контрастировала с гладкой кожей ее щеки. Верхние кости скул, скрытые, но угадываемые, создавали впечатление, что глаза ее широко поставлены. Это впечатление усили-

вали веки, прикрывающие глаза. Черты ее лица можно было назвать мясистыми, но это впечатление исчезало, когда женщина двигалась.

И сейчас лицо снова было в движении; оно находилось как раз в центре обзора подзорной трубы — рот в центре круга.

Рот двигался, губы двигались. Нижняя губа казалась пухлой, хотя в движении она растягивалась и становилась нормальной. Ее губы были видны через шесть слоев стекла; первый — квадратное стекло, составляющее девятую часть круглого окошка в верхней части старого каменного здания, второе — открывающееся, но сейчас закрытое, и четыре линзы подзорной трубы. Губы приблизились к стеклу так, что от теплого воздуха стекло запотело, а черты лица стали неразличимы. Человек, смотрящий в подзорную трубу, смог различить движения языка и увидеть белые зубы, появляющиеся из-под нижней губы, когда рот раскрывался широко.

Голова тоже двигалась в такт движениям рта вверх-вниз. Прическа женщины растрепалась. Спереди волосы были разделены тонким пробором посередине, забраны назад и чем-то скреплены. Выбившиеся пряди были кое-как закреплены на макушке тонкими металлическими заколками — теперь же прическа растрепалась совсем, как после сильного ветра. Волосы были темно-каштановые у корней и золотистые на концах. Справа, у шеи, свесился золотистый локон; он крутился вместе с движениями головы. Глаза были широко раскрыты, век почти не видно. Ресницы оказались бледно-золотистыми.

Домоладосса сделал пометку на полях доклада карандашом: «Она пела.»

Он хотел добавить: «Она была счастлива». Но удержался, так как это могло увести расследование далеко от сути дела. Затаив дыхание, он думал о счастье этой одинокой женщины, о том счастье, которое однобокость доклада как бы скрывала. Ему показалось, будто только что прочитанный абзац был очень эротичен, и он задумался, как воспримет это Губернатор. Затем он продолжил чтение доклада.

Одним быстрым движением женщина отвернулась от окна. Она прошла через кухню вдоль стоявшей мойки, подняв голову так высоко, что черты ее терялись при тусклом освещении. Казалось, что рот ее все так же находится в движении в такт движениям мышц шеи и лица, хотя все эти детали тоже угадывались с трудом. Женщина уходила в глубь дома, делая ритмичные шаги, от которых ее плечи то поднимались, то опускались. Одновременно она вытянула руки в стороны на уровне плеч, производя ими волнообразные дви-

жения; в правой руке она все еще держала белое полотенце. Она обернулась по часовой стрелке на 360 градусов, продолжая волнообразные движения руками. Снова пройдя по кухне, только в обратном направлении, она появилась в третьей секции кухонного окна, которое было открыто, и исчезла из виду.

С. опустил трубу. Он посмотрел сквозь пыльное окно, разделенное на несколько секций, большинство которых было затянуто паутиной, которую пауки уже устали плести и покинули. С. уставился на стоявший метрах в тридцати дом. Он смотрел на нижнее левое окно кухни, которое было открыто. Он моргнул несколько раз, потрогал большим и указательным пальцем левой руки переносицу. В окне кухни опять кто-то появился. С. поднял подзорную трубу вновь к правому глазу, левый закрыл. Держа трубу на уровне глаз левой рукой, правой С. направил его в другую сторону, пока не коснулся локтем рамы. Опершись левым локтем в нижний край подоконника, С. попробовал заставить руку не дрожать. Он скользнул взглядом по грядкам спаржи, пересек дорожку и газон, взобрался по каменной кладке и, наконец, достиг открытого окна кухни.

Женщина была едва видна, находясь где-то в глубине кухни и стоя спиной к окну. Она обвязала себя белым полотенцем. Кисти рук она скрестила за спиной, и, соответственно, видимые зрителю, они теперь казались еще розовее. Ее пальцы были заняты завязками передника — они развязали их, опустили концы и коснулись плеч; там они занялись еще одной завязкой, охватывающей ее шею, подняли высоко завязку и убрали передник куда-то в сторону.

Взгляд С. задержался на открытой секции окна. Единственное, что он видел отчетливо, был угол стола, позади которого лежали тени. С. перевел взгляд направо, изучил входную дверь черного хода с ее маленьким окошком, застекленным зеленым бутылочным стеклом, скользнул наверх, затем снова вниз, справа налево, разглядывая подоконники трех окон на втором этаже в том порядке, в котором они шли; окно ванной, окно в центре — из свободной спальни, другое окно тоже из спальни и тоже из свободной. Во всех трех окнах он не заметил никаких движений. С. опустил подзорную трубу вниз.

Он моргнул и потрогал переносицу большим и указательным пальцами левой руки. Обеими руками он сжал концы трубы так, что все три части вошли одна в другую, превратившись в отрезок трубы, длиной не более пятнадцати сантиметров. С. взял чехол и аккуратно вложил туда подзорную трубу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

С. стоял наверху; он положил руки в карманы, вынул их оттуда, зачем-то отряхнул колени, снова положил руки в карманы. Зевнул и моргнул.

Пол в комнате был сделан из деревянных пластин, преимущественно двух цветов. В тех местах, где пол прогибался вниз, дощечки были темными, там, где они выгибались вверх, преобладал светло-желтый фон, отполированный к тому же подошвами ботинок; впечатление от пола было приблизительно таким же, как от волос жены мистера Мэри. С. прошелся по комнате, сделав приблизительно десять шагов, пока не остановился перед лестницей со старыми деревянными ступеньками, ведущей из комнаты на нижний этаж.

Квадратная крышка люка, тоже из дерева, лежала напротив дальней стены комнаты. С. ухватился за нее рукой и приподнял ее; затем, примерившись, опустил ее на место; ступеньки лестницы исчезли из виду.

Возле того места, где крышка лежала, когда люк был открыт, находилось маленькое квадратное окошко, расположенное в полуметре от пола. Хотя стекло его было пыльным и грязным и треснувшим, сквозь него кое-что можно было увидеть, если бы наблюдатель опустился к нему. Оно выходило на участок сада, заросший старыми кустами, которые тянулись до самой живой изгороди, отделявшей сад от другого участка. Из четырех сторон квадратного земельного надела, принадлежавшего мистеру Мэри, только эта сторона позади старого каменного здания не имела каменной стены. Живая изгородь поднималась на метр с четвертью от земли. По другую сторону располагались владения одинокого мужчины, чьи предки по материнской линии построили маяк где-то в Южном полушарии; говорили, что это достижение архитектуры было признано выдающимся. С. посмотрел сквозь окошко на улицу. Он выпрямился, зашагал взад и вперед по комнате.

Так ходить было возможно только посередине комнаты. Наверху проходили деревянные балки, поддерживающие крышу старого здания; между ними виднелись оранжевые квадратики черепицы. В тех местах, где черепица была уложена неровно, в комнату пробивались лучи дневного света. Вдоль двух длинных стен комнаты крыша спускалась к полу до расстояния полутора метров. Все стены комнаты были выбелены когда-то очень давно; во время последнего ремонта они были оклеены светло-оранжевыми обоями с нарисованными букетами цветов, огромными, как суповые тарелки, и как бы вставленными в специальные углубления в стене. Большая часть этих обоев отклеилась или была оторвана. В таких местах сквозь слой белил проступали очертания кирпичной кладки. Когда до побелки кто-нибудь дотрагивался, она отваливалась и распадалась на облачко пыли.

Задняя или юго-западная стена комнаты вверху пересекалась с несущей балкой крыши. Место пересечения стены и балки увидеть

было невозможно, так как в этом месте была сооружена маленькая голубятня. Подобраться к ней можно было только с помощью восьми ступенек, сделанных специально для этой цели. Только один голубь по имени Х. жил теперь в этой будке, задняя стенка которой была забрана решеткой, чтобы птицы не могли попасть в комнату. Центральная балка поддерживалась в трех местах наклонными вертикальными деревянными опорами; последние проходили в полутора метрах от пола. Расхаживая по комнате, С. с привычностью обходил их, нагибая голову или отступая в сторону, не останавливаясь и не вынимая руки из карманов.

Рядом с поперечной балкой, почти вплотную к черепице, стояла печь на металлическом листе, сверху донизу покрытая решетками, дверцами, крышками, рукоятками, набалдашниками, горном. Здесь же находились поддувало и кочерга; слюдяное окошко было размером не более окуляра телескопа. Верхняя крышка украшена орнаментом в виде монограммы из надписи «Сенториал 1888». Монограмма занимала всю поверхность крышки.

От задней стенки отходила труба толщиной в человеческую руку. Верхний конец ее был защищен от дождя специальной металлической крышкой, установленной сверху, и проходил через всю крышу — поэтому весь дым, образующийся в печи, выходил наружу.

Позади печи, на том же металлическом листе, лежали разносортные куски дерева; расколотые на щепу толстые чурбаны, сухие ветки груши, бамбука, ободранная кора, старый упаковочный ящик с двумя гвоздями, торчащими из него, и несколько обломков из дерева, в которых угадывались остатки старой мебели. Между ними валялся топорик.

Пройдясь по комнате, С. обошел вокруг печки около десяти раз, столько же раз избежал столкновения с балками, поддерживающими крышу, но ни разу не замедлил шаг и не вынул руки из карманов своих фланелевых штанов. Наконец он подошел к бревну возле окошка, из которого открывался вид на заднюю стену дома, и уселся на бревно. На нем имелось бесчисленное множество следов топора. Большинство рубцов было не более пяти сантиметров в длину. В тех местах, где надрезы пересекались, кора отходила, обнажая треугольники светлой древесины.

Кроме печки и бревна в комнате находилась еще кое-какая мебель.

Одним из предметов обстановки был подвешенный между первой и второй балками, которые находились под наклоном, плетеный гамак. На концах гамака переплетенные веревки сходились к металлическому кольцу; эти кольца цеплялись за гвозди, глубоко вбитые в первую и вторую балки. Из гамака свисали углы двух одеял и матрас, набитый смятыми газетами и связанный садовой веревкой.

Еще одним предметом обстановки была цепь полок и перегоро-

док, стоявшая вдоль юго-восточной стены, по левую руку от С., сидевшего на бревне спиной к круглому окошку, из которого был виден дом. Эти полки использовались когда-то для различных приспособлений по уходу за голубями и голубятней — круглые черные шарики из хлебного мякиша, сменные насесты, маленькие пронумерованные колечки, сделанные из какого-то металла вроде олова.

Некоторые из приспособлений все еще хранились на полках, но большую часть полок занимали вещи, принадлежавшие С. Среди них были: старомодная подставка для ночника, цилиндр, две пустые банки из-под варенья, дыхательный ингалятор, статуэтка ломовой лошади, голова которой была отбита; пара ножниц, коллекция обстриженных ногтей, хранившаяся в пепельнице, мышеловка, часть скелета длинноухой летучей мыши, найденная во время экспедиции в нижнюю комнату, дорожный чемодан, купленный в день, когда мистер Мэри дал С. должность своего секретаря, правая ножка стула, изъеденная жучком, перьевая ручка, сделанная из разноцветного пластика, термос, латунная коробочка, катушки. Здесь же лежали: китайский фонарик, на котором была нарисована рожица чертика; завернутая в бумагу книга, на истрепанной обложке которой можно было прочесть: «Пингвин» — для путешественников»; три грецких ореха; боковое зеркало автомобиля с разбитым стеклом; еще одна пустая банка из-под варенья; зонтик, сверху которого лежала соломенная шляпка с разноцветными лентами; овальный металлический медальон с миниатюрой, изображающей сцену из «Жития человека божьего»; а также прокомпостированный автобусный билет; расческа со сломанными зубьями; замысловатый железный ключ; пачка из-под сигарет; талон на обед; еще одна банка, на этот раз с остатками варенья; жестяной шарнир; маленькая чашка с нарисованными цветами, в которой стояли бритва, помазок, ложечка и тряпка; кусок зеленого мыла тоже лежал рядом. Здесь же находилась и чашечка в сине-белую полоску и пакетик чая; эмалированная чашка без ручки, медный крокодил длиной восемь сантиметров; небольшой склад продуктов и домашней утвари и несколько книг: «Настольная книга машинистки»; «Нижняя точка»; «Отверженные» Виктора Гюго; «Посмертные записки Пиквикского клуба» без обложки; «Беременность — концепция деторождения»; первый том книги Шпенглера «Закат Европы»; «Игрушки и возраст»; «Жизнь для бога»; «Первые шаги в Библию»; «Введение в химию»; «Введение в философию»; «Понимание бога»; «Практика секса»; «Путеводитель по Англии»; «Мои Альпы» М. Мид и журнал «Для мальчиков» за август 19...

Все эти книги давно запылились. Пыль походила на пудру высокого качества; местами она лежала очень тонким бело-оранжевым слоем.

С. достал журнал «Для мальчиков» и уселся с ним на бревно. Он начал читать фрагменты из «Тайны Серой Мельницы». Прочитав первые две колонки, он отложил журнал, положил его открытым на пол. Опустился на колени и выглянул в открытое окошко.

«С.— наблюдатель, С.— секретарь, правда, бывший,— в нем было что-то хищное. Он гораздо опаснее, чем Г.,— думал Домоладосса.— Но как можно понимать сейчас положение вещей? А может, этот непонятный мир, Вероятность А, настолько сложен, что в нем отсутствует понятие греха? Или, может, у бога миллиарды других миров, словно лежащих в детской кроватке, в которой он пробует различные комбинации греховности или непорочности».

Размышляя, Домоладосса рассматривал настольную фотографию своей жены. С помощью специальных устройств, вмонтированных в раму за фотографией, за Домоладоссой наблюдали Определители.

В тот момент на дежурстве было четверо Определителей. Они стояли, вглядываясь в экран, на котором был виден Домоладосса, сидящий за столом и читающий доклад.

— Он выглядит совсем как мы.

— Очевидно, это мир наибольшей сообусловленной синхронизированности.

— Но мы не знаем ключа к шкале.

— К шкале?

— Он может быть не больше моего пальца, а может быть и размером с дом.

— Продолжайте наблюдения. Его внутренняя вероятностная сфера может в любую минуту исчезнуть, как облако пара.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

С.— наблюдатель

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Определители стояли на склоне, молча рассматривая миражи в воздухе, которые являлись отображением только что открытого нового мира. Мираж в воздухе отражал мужчину, которым и был Домоладосса. Он удобно расположился в кресле, полностью поглощенный докладом. Домоладосса был настолько же увлечен чтением, насколько Определители — наблюдением над ним. Жена была мгновенно забыта, как только Домоладосса занялся описанием действий человека по имени С., который в тот момент сидел на полу и разглядывал заднюю дверь дома через подзорную трубу.

Перед дверью — каменные ступеньки. У них были две черты, два признака: один — временной, другой — постоянный. Постоянный располагался справа, временной — слева.

Постоянной чертой ступеньки была металлическая решетка с кованым орнаментом — она была предназначена для чистки обуви. Концы ее были загнуты вверх и извивались, как шеи дракона: через подзорную трубу было невозможно разобрать, действительно ли орнамент решетки изображал головы драконов. На другом конце ступеньки стояла бутылка молока. Она была пуста, молоко уже выпили: сквозь нее виднелась кирпичная кладка дома — туманно и размыто. В то время, как С. разглядывал сквозь подзорную трубу молочную бутылку, тонкий луч света коснулся ступеньки, скользнул по бутылке, отчего стекло заиграло разными цветами радуги. В то время падающий лист попал в предел виденья трубы, мелькнул и исчез в темноте, которая всегда окружала мир, ограниченный пределами подзорной трубы.

Опустив пониже трубу, С. моргнул и выглянул из окошка. Рассеянный солнечный свет наполнял сад. Он прошел сквозь пыльное и затянутое паутиной стекло окна под острым углом, и, все больше

слабея, коснулся рамы и нескольких кирпичей слева от С. Если бы С. высунулся из окошка и посмотрел на южный угол дома, он бы увидел солнце, выглянувшее из-за облаков. Но вместо этого С. снова взял подзорную трубу в руки и поднес к правому глазу, снова направляя его на дом.

Пустая бутылка из-под молока стояла слева от каменной ступеньки, чуть-чуть ниже задней двери и в центре поля зрения трубы. Затем центр медленно переместился на кнопку звонка у двери, повыше; затем налево по кирпичной стене к открытому окну ванной комнаты; скользнул по стене к окнам двух пустых комнат и снова вернулся вниз, к дверной ступеньке, мимо которой проплывала тень облака, загородившего солнечные лучи. Это было единственным движением, замеченным С. во время своего исследования.

Постепенно центр обзора перемещался в сторону от дома, направо. Взгляд С. натолкнулся на заднюю стену гаража, выстроенного из бетонных столбов и шиферных листов. В задней стене гаража была дверь. Над ней, точно посередине, располагалось окошко. Оно имело квадратную форму и разделялось на четыре части: в одной из таких частей стекла не хватало. Взгляд С. не задержался на гараже и двинулся дальше.

Минуя гараж, С. скользил взглядом все дальше и дальше, пока в поле зрения не попала каменная стена, проходящая позади гаража и обозначающая юго-восточную границу владений мистера Мэри. Повыше над стеной поднимался купол церкви: подзорная труба не давала такого усиления, чтобы различить все детали купола — он выглядел размытым пятном.

С. убрал трубу от глаза, моргнул. Большим и указательным пальцем левой руки потрогал переносицу. Взяв трубу в левую руку, он почесал затылок, потер глаза и опять взял трубу правой рукой: направил ее на дом.

Взгляд его упал на жестяные желоба для сбора воды, установленные по кромке крыши. По обеим сторонам крыши, на углах, желоба упирались в вертикальные дренажные трубы. С. задержался взглядом на левой трубе, перевел его левее и вниз, вдоль пустых окон спален, двигаясь медленно, чтобы не упустить ни малейшего движения в них. Достигнув следующего окна — ванной — С. остановился. Все, что можно было различить там — сквозь мутное окно — лампа с коротким мягким абажуром. Ванная была темна и разобрать цвет абажура было невозможно. С. не заметил там никаких признаков движения.

Он перевел трубу немного вниз, в поле ее зрения попало большое окно гостиной, которое С. принялся пристально изучать, но так и не заметил там ничего интересного. Труба теперь была переведена на заднюю дверь. Молочная бутылка по-прежнему стояла слева от нее, на каменной ступеньке. С. посмотрел на окно кухни. Правая

секция его была открыта для проветривания. Через нее был виден край стола.

На нем, полускрытый от взгляда наблюдателя оконной рамой, стоял какой-то предмет, напоминающий корзину. В кухне никаких движений С. не заметил.

Убрав трубу, С. положил ее рядом с собой на полу. Она еще не была сложена. Он обеими руками потер глаза. Взглянул на дом сквозь центральную секцию круглого окошка.

Он увидел только пустую бутылку из-под молока, стоящую на ступеньке возле задней двери. Он не мог разглядеть даже очертаний предмета, который напоминал корзинку и стоял на столе в кухне. Тишина во всех окнах дома. С. подобрал журнал «Для мальчиков» за август 19... и положил его на бревно, испещренное многочисленными зарубками. С. сел на бревно и стал читать третий эпизод из сериала под названием «Тайна Серой Мельницы», начав чтение с последней строчки второй колонки: «Сжимая руку Тома, Фрэнк Мастер указал на открытую дверь».

Последнее предложение следующей страницы, прочитанное С., выглядело так: «Несмотря на мучившую его жажду, он без сожаления смотрел на утекающую воду».

На этом месте С. и прекратил чтение, положив открытый журнал рядом с собой на пол. Ногтем большого пальца он поковырял в зубах нижней челюсти. Занимаясь этим, он внимательно огляделся.

От верхней балки крыша опускалась в двух направлениях к боковым стенам комнаты. Почти вся поверхность потолка и боковых стен была оклеена обоями оранжевого цвета, на которых были нарисованы большие букеты цветов: казалось, что они росли прямо из стены. Во многих местах сырость обесцветила обои, покрыв их темными размытыми пятнами с потеками в некоторых местах. Кое-где они отклеились. Там, где они отошли от стены, проглядывали кирпичи, покрытые слоем белил. Последний раз стены белили много лет назад, и теперь белила рассыпались в пыль при малейшем прикосновении, как пыльца с распустившихся цветов. Там, где они совсем осыпались, пыль была бледно-оранжевой. Такого же цвета пыль осела на пол и на различные вещи С.

Кое-где С. даже пытался немного украсить комнату. На задней стене, в полуметре от пола, было расположено окно. Прямо над ним С. наклеил большой рекламный плакат, приглашающий в воздушное путешествие на самолете бельгийской авиакомпании. Название самой авиакомпании было срезано, и единственная надпись, оставленная на плакате, читалась: «Добро пожаловать на Таити». Выше этих слов располагалась фотография пляжа, покрытого золотистым песком, исчезающего в туманной дымке моря. По берегу росли высокие пальмы, увитые лианами, белые волнорезы уходили далеко в море: над пляжем кружила большая чайка. Небо было голубым, безоблач-

ным, оно занимало почти половину всего плаката. На песке, под ярким пляжным зонтиком, лежали двое молодых людей: мужчина и женщина. Эта фотография была сделана сверху (может быть, с бельгийского авиалайнера, заходящего на посадку): поэтому лиц молодых людей видно не было: они были коричневыми от загара, и только полоски ослепительных белых зубов различались на фоне бронзовых лиц. Плакат был покрыт тонким слоем оранжевой пыли, похожей на первоклассную французскую пудру.

На гвозде, вбитом в балку над головой С., висела другая картина, выполненная в художественном стиле, и резко отличающаяся от броской красоты плаката. Эта репродукция была вставлена в простую грубоватую деревянную раму с металлическим крючком позади, на котором она и была подвешена к балке.

Она представляла собой черно-белую репродукцию известной картины. К раме был приклеен кусочек бумаги, на котором было написано: «У. Г. Хант «Наемный пастух». На репродукции были видны две фигуры в лучах заходящего солнца. Левый персонаж был наемным пастухом, чье стадо овец паслось невдалеке. Пастушок поймал муху и показывал насекомое девушке, которая была изображена сидящей на земле с ягненком на руках. Пастух стоял рядом и, казалось, хвастался своей добычей. Но, наверное, потому, что девушка с ягненком на руках уже избавилась от части своей одежды, суть их прошлых, настоящих и будущих отношений выглядела весьма двусмысленной. Девушка поглядывала через плечо: ее взгляд тоже казался двусмысленным. Губы ее были бледны: нижняя губа была чуть-чуть пухлой, слегка оттопыренной, веки опущены, когда она косилась на своего любовника. Иногда С. казалось, что девушка относится к пастуху с открытым пренебрежением, а временами — со всей услужливостью, на которую она была только способна.

Посмотрев немного на картину, С. повернулся к окошку, опустился на колени и выглянул наружу. Бледный дневной свет заливал зимний сад. С. окинул взглядом грядки спаржи и посмотрел на дом. Совсем недалеко от задней двери лежало что-то маленькое и белое.

Справа от круглого окошка кладка была прервана в одном месте, образуя маленькую нишу. Не отрывая взгляда от дома, С. протянул правую руку вверх и дотянулся ею до ниши: его разжатые пальцы нащупали только холодные камни кирпичной кладки.

«Где же...»

Отведя взгляд от дома, С. повернулся, чтобы заглянуть в нишу, но тут заметил, что его подзорная труба лежит на полу возле самого окна. Он поднял ее, приложил окуляр к правому глазу и, держа инструмент обеими руками, направил его в сторону дома.

В поле зрения попали бетонные стойки и шиферные стены гаража: он перевел трубу правее — в поле зрения попали кусты, угольный бункер, построенный у южного угла дома, затем большие окна

гостиной и зеленая задняя дверь. С. остановился: в центре поля зрения теперь находилась бутылка, теперь уже она была полна молоком и закрыта крышечкой из белой фольги.

Подзорная труба не двигалась: в центре окуляра находилась бутылка молока, также были видны и ступеньки из серого камня, и кусок каменной кладки стены, разделенной вертикальными и горизонтальными линиями швов между кирпичами. В верхней части окуляра виднелся угол зеленой двери — эта задняя дверь была плотно закрыта. Цвета, пропущенные через четыре линзы, были блеклыми и скучными. На ступеньке, справа на краю поля видимости, лежал сухой листик: сквозь трубу он казался черным. Все остальное находилось за пределами видимости подзорной трубы и было невидимым для С.

Молочная бутылка имела покатые бока. Она была наполнена молоком: уровень жидкости находился в двух сантиметрах от крышки из фольги. Бутылка стояла на ступеньке. Ступенька была грязно-серого цвета, и с такого расстояния невозможно было рассмотреть структуру породы, из которой она была сделана. На границе видимости, то есть там, где круг трубы разделял мир на видимый и невидимый, возникал хроматический эффект: ободок из нескольких ярких цветов, разделявших поле видимости и черноту. Ступенька была неровной, и поэтому бутылка стояла накренившись. Крышечка из белой фольги находилась сантиметрах в десяти от левого нижнего угла задней двери. Дверь по-прежнему была закрыта.

Некоторое время спустя сухой листик зашевелился на ступеньке и проскользил по направлению к бутылке. Пожалуй, он был не столько черным, сколько темно-коричневым, и выглядел совершенно бесформенным. Теперь он лежал точно под углом задней двери, на пересечении линий косяка и основания двери. Круг слегка сместился, так что щель между косяком и дверью проходила точно посередине. Молочная бутылка теперь стояла слева, недалеко от границы видимости.

Круг начал дрожать: С. опустил подзорную трубу, не складывая и положил ее на пол возле круглого окошка. Он потер глаза руками, затем заложил руки за голову, скрестив пальцы на затылке. Откинув голову назад, С. зевнул, при этом широко раскрыв рот. Он наклонился вперед, снова подобрал трубу и приложил окуляр к глазу.

Голые грядки спаржи, полоска газона промелькнули через окуляр. Снова появилась бутылка с молоком. Движение прекратилось: бутылка сместилась немного влево, уступив место щели между косяком и дверью: под ней, на ступеньке лежал бурый сухой лист. Немного погодя лист соскользнул со ступеньки и исчез в темноте.

Спустя некоторое время щель между косяком и дверью увеличилась: круг видимости пришел в движение, поймав человеческую ногу, мелькнувшую между дверью и косяком. Нога, обутая в полуса-

пожок из коричневой кожи на широкой подошве, остановилась на ступеньке. Это была странная нога. Ее укрывала легкая голубая юбка. Край юбки касался колена: он слегка изгибался и казался более четким, особенно когда в поле зрения появилась рука. Это была левая рука: на ее четырех пальцах были надеты кольца, которые блестели и сверкали, когда рука двинулась вдоль края юбки вниз и взяла бутылку с молоком за горлышко. Рука подняла ее вверх до уровня колена, которое вздрогнуло при прикосновении. Затем бутылка исчезла из наблюдателя. Аккуратный полусапожок сдвинулся с места и исчез со ступеньки за открытой дверью. Дверь вскоре закрылась, оставив только вертикальную щель между косяком. С. смотрел на пустую грязно-серую ступеньку.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Правой рукой с грязными ногтями С. почесал переносицу. Затем потер лицо и моргнул.

Он сидел на дощатом полу старого каменного здания, поджав под себя ноги и опершись рукой на стену, примыкающую к круглому окну. Постепенно его голова все склонялась назад, пока, наконец, не оперлась на стену. В том месте, где стена была выбелена, от прикосновения к ней остатки извести крошились на волосы С. Правую руку С. держал у лица, прикрыв ею глаза.

Немного спустя С. пошевелил ногами, сменив позу. Правая рука осталась на месте, прикрывая глаза и частично закрывая нос. Левой рукой С. опирался о пол, перенося частично вес тела на руку. Постепенно все тело больше и больше наклонялось на левую руку, до тех пор, пока не пришлось изменить позу совсем: левая рука С. двинулась вверх по стене: найдя точку опоры под круглым окошком, она остановилась. Теперь локоть касался деревянной рамы, в то время как рука свободно болталась в воздухе. Правая рука по-прежнему прикрывала глаза.

Через какой-то промежуток времени правая рука опустилась вниз к груди. Наконец С. открыл глаза и посмотрел перед собой.

Снаружи старого каменного здания доносился какой-то вибрирующий и скрежещущий звук. Этот звук шел от деревянной коробки в верхней части здания прямо перед головой С. Звук становился все громче и настойчивее, по мере того как голубь по имени Х. протискивался в маленькое отверстие, сделанное специально для голубя. Некоторое время С. сидел, уставившись в потолок, никак не реагируя на этот шум. Вдруг он поднял правую руку и потер щеку тыльной стороной ладони.

С. медленно обвел комнату взглядом, остановился на картине, висящей на ближайшей к нему наклонной балке.

«О Жаннетт... Если бы только я смог сделать так, чтобы ты все поняла...»

Репродукция представляла собой черно-белое изображение мужчины и женщины на фоне солнечного заката. На заднем плане виднелось стадо овец и кукурузное поле, купающееся в солнечных лучах. На переднем плане, на берегу, покрытом цветами, были изображены мужчина и женщина: в их позах и жестах сквозила какая-то двусмысленность. Женщина, точнее, деревенская девушка, в руке держала два больших яблока: еще два больших яблока лежали рядом на земле. На коленях у девушки сидел ягненок. Могло показаться, что девушка кормит ягненка или, по крайней мере, пытается его кормить.

Вторая фигура, казалось, отрывала ее от этого занятия. Это был молодой пастух, одетый во фланелевую куртку и брюки фасона столетней давности. Он фамильярно наклонился через плечо девушки: его щека касалась ее волос, которые длинными и пышными потоками сбегали с плеч.

Уделив некоторое время рассматриванию картины, С. поднялся на ноги и вплотную подошел к репродукции. Теперь он изучал ее, приблизившись к ней в упор. Он подышал на стекло: фигуры скрылись в дымке — затем поднял левую руку и начал очень осторожно протирать участки стекла.

Теперь все мельчайшие подробности четко проступили на репродукции сквозь чистое стекло. На переднем плане двое молодых людей расположились на цветущем лугу: их тела образовывали перевернутую букву «V», где головы находились в основании этой буквы. Пастух был виден слева, наклонившись и вытянувшись вперед. Девушка с ягненком на коленях сидела справа, слегка откинувшись назад. Чтобы не упасть, она опиралась на правую руку, откинутую за спину.

И хотя девушка делала вид, что отодвигалась от молодого пастуха, поза ее была такова, что, похоже, что она была не прочь принять игру, предложенную им.

«Интересно, позволила ли она ему... или, может быть, только собирается... может, она...»

Такая двусмысленность вряд ли могла быть разрешена путем скрупулезного изучения картины, так как в целом эта картина скорее ее создавала, чем старалась разрешить. Точно так же дотошный исследователь не мог бы решить окончательно, что хотел изобразить автор: то ли он намеренно нарисовал персонажей именно таким образом, чтобы показать двусмысленность их отношений, либо он пытался создать картинку, лишенную всяких толкований скрытого смысла, но, к сожалению, не преуспел в этом, создав творение, полное недомолвок, двусмысленности и намеков.

Можно было бы до бесконечности рассуждать о том, насколько

пастух желал сблизиться с девушкой или просто был увлечен полученным трофеем. Наклонившись вперед и осторожно зажав в руках слепня, он протягивал руку через ее плечо к лицу. Может, он показывал эту муху для того, чтобы иметь повод для более близкого знакомства (хотя принятая им поза указывала на совсем другое), или он был настолько увлечен своей находкой, что ни о чем больше и не думал (хотя выражение его лица свидетельствовало о противоположном). Последнее утверждение было наименее правдоподобным, так как постоянное общение пастухов с природой делало их невосприимчивыми к ее удивительным проявлениям, и они редко становились энтомологами. Но, с другой стороны, пойманный пастухом слепень представлял собой не совсем подходящий повод, чтобы привлечь внимание девушки и завоевать ее благосклонность, так как врожденное предубеждение против насекомых могло взять верх в чувствах простой деревенской девушки.

Но, в любом случае, муха девушке, определенно, не нравилась, она отвернулась от нее то ли из чувства брезгливости, то ли из желания приблизить лицо к пастуху, по-прежнему опираясь на левую руку и пребывая в сомнениях.

— Очень плохо,— заметил Домоладосса.— Это педантичное и длинное описание глупой картины, висящей в конюшне, мне не нравится. Более того, это описание уже встречалось где-то в докладе. Зачем же повторять его еще раз! Тем более, я сомневаюсь, что картина имеет какое-то отношение к тому, что нас интересует.

— Вы так думаете? — безразлично произнес Мидлакемела.

— Я уверен в этом! А вы нет?

Мидлакемела вздрогнул и склонил голову. Через минуту он извинился и направился в офис Губернатора.

— Есть новости?

— Нет, сэр. Но мы обнаружили только что проявившуюся любопытную деталь. Домоладосса, правда, не придает ей никакого значения, но, мне кажется, этому следует уделить внимание.

— Рассказывай.

— Это картина, висящая на гвозде в комнате второго этажа старого каменного здания, где прячется С. Судя по ее описанию, это, может быть, та же картина, которую Г. повесил у себя в бунгало. Прежде описание этой картины уже было в докладе, но очень сжато и в общих словах. Сейчас мы получили очень полное и подробное описание этой картины. Но мне кажется очень странным тот факт, что одну и ту же картину вывешивают в двух местах одновременно.

— Я не понимаю, что такого странного вы нашли в этой картине. Что на ней изображено?

— Пастух и его подружка, несомненно, в очень щекотливом положении. Мы все проверили. Оказалось, что она была нарисована У. Г. Хантом и называется «Наемный пастух».

Губернатор почесал нос:

— Никогда не слышал о таком.— Он вызвал адъютанта и приказал ему принести энциклопедию. Через минуту адьютант вернулся, неся в руках огромный фолиант: открыл его и хорошо поставленным голосом начал громко читать.— Уинкель Генри Хант (1822—1887). По происхождению немец, родился в России, в Санкт-Петербурге. С раннего возраста проявил большие способности в живописи и науке. Профессиональную деятельность начал как эксперт по химии: все свободное время посвящал живописи и охоте на медведей. В раннем периоде творчества сильно влияние Фюзели... Широко известны написанные им портреты композиторов Газирского и Бородина, с которыми был дружен. Ему принадлежало открытие оксида хантрина (1850): наиболее известные картины: «На ступеньках Зимнего Дворца» (1846), «Смерть Атиллы» (1849), «Наемный пастух» (1851). Был женат на графине...»

— Достаточно,— произнес Губернатор.— Ты прав, Мидлакемела. Художник существует как в нашем вероятностном континууме, так и в континууме Вероятности А. Значит, это только начало, но все же продолжение следует, я надеюсь. Ну, а почему Г. и С. имеют копии одной и той же картины... загадка...

Лицо девушки было овальным и лишено всякой оригинальности: оно не было даже привлекательным. Ее большие глаза были широко поставлены и полускрыты тяжелыми, даже отечными веками. Широкие брови, не знающие искусства макияжа, нависали над глазами. Нос был коротким и мягким и заканчивался маленьким утолщением, но в целом был достаточно привлекательным. Рот девушки гармонировал с носом: пухлая нижняя губа придавала ему несколько интригующее выражение: казалось даже, что он дрожит. Хотя, судя по картине, девушка не выглядела ни испуганной, ни смущенной поведением пастуха. А ее взгляд еще больше усиливал это впечатление: может быть, он передавал выражение ленивого презрения, с другой стороны, он с одинаковым успехом мог бы выражать чувственность.

Невозможно было представить, что автор мог бы создать еще один вариант этой же картины, переместив его во времени хотя бы на пять-десять минут вперед — это были бы вымышленные минуты на вымышленной временной шкале, так как искусство имеет очень мало общего с часами — по сравнению с первой картиной. И тогда исчезли бы наверняка все сомнения, потому что парадокс этой картины именно в этом и заключался: она изображала всего лишь

мгновение на своей временной шкале. Пожалуй, можно было бы создать картину, изображающую молодого пастуха и девушку пятьдесят минут спустя, хотя и она бы выхватила всего лишь мгновенье из общего потока времени. По сравнению с предыдущим моментом на первой картине второе изображение могло бы многое прояснить. Так, например, пастух мог бы оказаться на некотором расстоянии от девушки, возле своих овец: тогда сразу стало бы ясно, что молодого пастуха интересовало не столько обладание девушкой, сколько ее реакция на пойманное им насекомое. Глаза девушки выражали бы тогда ленивое отвращение, а не благосклонность. Или на второй картине могло оказаться, что тепло летнего дня подействовало на молодых людей в определенном направлении, и природные инстинкты взяли верх. Тогда выражение глаз девушки передавало бы не только ее хитрость, но и определенную готовность: кроме того, вторая картина могла бы показать овец, забредших на кукурузное поле и ломающих сочные стебли, и примятые цветы, и траву на берегу реки, ведь пастух и девушка стали любовниками: их тела сблизились — нижнюю губу, пухлую и бледную целовали бы грубые губы пастуха.

Но вымышленная картина остается вымышленной: а существующая в одно и то же время остается загадочной и дающей пищу для многочисленных раздумий.

С. отвернулся в сторону, зевнул, широко раскрыл рот. Он снова начал прогуливаться вдоль комнаты: обойдя все балки, он дошел до дальнего угла комнаты. Только тогда, когда его щека поравнялась с уровнем крыши, он вернулся назад к передней стене.

Прекратив все хождения взад-вперед, С. уселся на бревно, лежащее на полу, откуда он мог наблюдать сквозь круглое окошко, состоящее из девяти частей: центральная часть его была квадратной и выходила на заднюю стену жилого дома, стоящего метрах в тридцати пяти за пустыми грядками спаржи.

Домоладосса сидел за столом, внимательно изучая доклад о Вероятности А.

За этим занятием его и застал Мидлакемела, вернувшийся в сопровождении Губернатора, ответившего спокойным кивком на приветствие Домоладоссы.

— Не беспокойтесь, меня интересует больше всего ваше мнение, так сказать, первые впечатления.

Сквозь фотографию жены Домоладоссы, стоявшую на столе, четверо Определителей наблюдали за этой сценой — они забеспокоились. Старший, по имени Чарлок, сказал:

— Тот, вошедший в кабинет, очень похож на первого человека, которого мы обнаружили в этом измерении, как только была откры-

та соотнесенность нашего и того миров. Похоже, они и не подозревают о нашем существовании.

Самый молодой из всех присутствующих, Корлесс, с чувством воскликнул:

— Что же, мы остаемся без работы до тех пор, пока наши мыслители не изобретут какой-нибудь способ связаться с ними. Я все же склонен думать, что проявления этих феноменов основаны на разнице размеров: сейчас мы видим нечто на субатомном уровне, возможно, это не является проявлением темпорального искривления пространственно-временной инфраструктуры.

Чарлок медленно стал спускаться к подножию холма. Корлесс последовал за ним. Их обоих захватила волна интеллектуального возбуждения, вызванная «видением на холме». Вопреки этому в душе они оставались спокойными: пожалуй, такое соотношение может измениться с появлением приборов, способных в дальнейшем связаться с обитателями этого причудливого мира.

Спустившись с холма, они вызвали робот-самолет, сели в него и, указав адрес, продолжили беседу.

Изображение самолета занимало весь экран в огромном зале одного из научных центров Нью-Йорка. Группа людей, среди которых некоторые были в военной форме, наблюдала за ходом передачи.

Конгрессмен Сэдлер повернулся к своему спутнику:

— Вот такие дела, Джо! Наконец мы прорвались сквозь последнюю стену — последнюю из обнаруженных нами — пока не отыщется другая, не менее крепкая, чем эта.

— Множество миров...— пробормотал Джо. Как радиоинженер, он чувствовал, что должен согласиться с этим: но в тот момент в его мозгу всплывали только обрывки торжественных и рифмованных фраз.

Не подозревая о том, что за ним ведется наблюдение, Домоладосса протянул Губернатору следующую часть доклада.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Некоторое время спустя какое-то движение отвлекло С. от наблюдения за домом и заставило его посмотреть налево. Там за темными ветками яблони виднелось деревянное бунгало, в дверях которого появилась фигура человека. В руках он держал коврик, полосы которого давно выцвели. Человек начал выбивать половичок. Даже на таком расстоянии можно было увидеть, что голова человека повернута влево, в сторону коричневых боковых ворот, видных ему и скрытых от наблюдателя западным углом дома. Со стороны ворот вдруг появилась еще одна фигура — пухлая и расплывчатая — и остановилась в нескольких метрах от человека, который вытряхи-

вал коврик. Человек полной комплекции запахнул на себе вокруг пояса широкое пальто вишневого цвета: в руках у него был зонтик. Из-под пальто то появлялись, то исчезали одетые в чулки ноги в высоких ботинках. С этого расстояния можно было разглядеть, что у этого человека была большая голова, седые волосы, собранные на макушке в пучок. На голове его была маленькая шляпка, украшенная затейливым орнаментом.

Постояв немного и поговорив о чем-то своем, эти люди разошлись. Человек с выцветшим ковриком в руках повернулся и пошел к деревянному бунгало. Он вошел в него и закрыл за собой дверь. Обладательница пышной фигуры направилась в сторону западного угла дома, ступая по бетонной дорожке без остановок, пока не дошла до задней двери, выкрашенной в зеленый цвет. Здесь она на секунду остановилась для того, чтобы постучать сжатыми пальцами в одну из планок двери: не дожидаясь ответа, открыла дверь и вошла внутрь, плотно прикрыв за собой дверь.

С. оставался на том же месте, наблюдая и ждя чего-то. Его взгляд метнулся от закрытой двери к открытому окну кухни. Вскоре пухлая фигура женщины показалась в окне. Она была занята тем, что снимала с себя пальто. Издалека С. смог все же рассмотреть, что под пальто на ней был надет белый передник.

Теперь она иногда мелькала в окне кухни. Дважды она выходила на ступеньки задней двери: в первый раз, когда несла ведро для угля к бункеру справа от окон гостиной: поставив его на землю, она вынула совок и с его помощью начала выгребать уголь со дна бункера, наполняя им ведро. Издаваемый при этом звук доносился до старого каменного здания через ветки деревьев и пустые грядки спаржи. Во второй раз женщина появилась с помойным ведром в руках. С ним она прошла вдоль задней стены дома, мимо угольного бункера, в северо-восточном направлении, и С. отчетливо увидел четыре белых завязочки на спине: она пересекла газон и подошла к дверям гаража, собранного из асбестовых плит, усиленных бетонными столбами. Женщина вошла внутрь, некоторое время ее не было видно. Затем она снова появилась с ведром в руках. По тому, как она прошла обратно через газон мимо угольного бункера и окон гостиной, держа ведро в напряженной левой руке, под углом около тридцати градусов, можно было сделать вывод о том, что женщина пошла в гараж, чтобы наполнить ведро, и несла его обратно полным.

С. отвернулся от окошка. У его ног лежал журнал «Для мальчиков». Он был издан еще в те времена, когда С. был младенцем. Страницы его пожелтели от времени. Он был раскрыт на странице с картинкой, на которой изображался бородатый мужчина с вытаращенными глазами: он стоял в проеме дверей, а позади него, в пустой комнате, лежал мальчик со связанными руками и ногами. На нем

была школьная шапочка. Сверху над картинкой была надпись: «Тайна Серой Мельницы».

Подобрав журнал, С. принялся за чтение рассказа. Прочитав несколько фраз, он скользнул взглядом с одной страницы на другую. Наконец он наткнулся на предложение: «Несмотря на мучившую его жажду, он без сожаления смотрел на утекающую воду». Продолжая чтение с этого места, С. перелистнул страницу. Там жирным шрифтом было напечатано: «Хотите знать, кто попал в ловушку на Серой Мельнице? Не пропустите наш следующий выпуск!» С. закрыл журнал и положил его рядом с собой на бревно. Он выглянул через окошко, но не заметил ни малейшего движения ни в саду, ни в окнах кухни. Он прервал свои наблюдения и молча уставился в пол.

Доски пола были очень неровные, темно-коричневого цвета. Концы досок выступали над поверхностью пола, особенно в тех местах, где гвозди повылезали из дерева: от этого пол в этих местах казался совсем светлым. В щелях между досками темнела грязь.

Временами С. выглядывал в окно. Если ничего не привлекало его внимания, он снова смотрел на пол подолгу. Для развлечения он проводил взглядом воображаемую границу в комнате или просто взглядом делил ее на части.

Вскоре, посмотрев в окошко, он заметил, что кто-то приближается к его дому. Он встал на колени, всем телом прислонился к кирпичной стене с тем расчетом, чтобы можно было снова выглянуть в окно. По направлению к дому шла женщина с пышной фигурой. В руках ее была корзина, в которой виднелось что-то зеленое. Женщина пересекла газон перед задней дверью, дошла до узкой грязной дорожки, проложенной вдоль грядок спаржи по самой их кромке. Эта дорожка была почти полностью закрыта ветвями фруктовых деревьев, растущих вдоль северо-западной стороны старого каменного здания, и прежде, чем закончиться у кучи мусора, проходила мимо живой изгороди, отделявшей владения мистера Мэри от соседей. Чтобы подойти к этой куче, нужно было пройти по грязной тропинке до старого каменного здания и обогнуть его западный угол. На расстоянии трех метров от этого угла женщина остановилась и взглянула наверх, на маленькое круглое окошко, в верхней части фасада здания, над двустворчатыми воротами.

— Ты наверху? Эй, просыпайся, это я! Эй, ты у себя?

— Где он?

— А-а... Значит, ты все-таки там! Спускайся вниз! Я думала, что ты спишь.

— Он в доме.

— Он у себя в кабинете, за закрытой на ключ дверью, с карандашом в руке и Бог знает какими мыслями в голове.

— Я не спал... А ты уверена в этом?

— Я это знаю наверняка. Почему ты не спускаешься вниз? Я думала, ты спишь.

— А она?

— У меня была кое-какая работа. А она ходила за покупками. Она была в пальто, с зонтиком и сумкой.

— Хороша... Да?

— Очень, особенно этим утром. Впрочем, все сегодня одеты с иголочки. Так ты спустишься или нет?

— Уже иду.

С. пошел в другой конец комнаты: он наклонился, ухватился рукой за крышку люка и поднял ее, открыв лаз. Он поставил крышку возле задней стены, в которой было проделано окошко в полуметре от пола. Старая лестница пошатывалась и скрипела, когда С. спускался на первый этаж. Наконец его нога коснулась булыжников, которыми был вымощен пол на первом этаже. Освещение было очень плохим, свет казался тусклым; его лучи проникали сквозь щели в воротах, сквозь пыльное окошко, затянутое паутиной.

В одной из половинок ворот, в левой по отношению к С., стоящему к ним лицом, была маленькая дверь — около полутора метров высотой.

— Ну, выходи же, наконец-то. Дай я посмотрю на тебя, а то не видела целый день.

— Ты вгонишь себя в могилу раньше времени.

В старых воротах, вблизи от маленькой дверки, был вбит большой гвоздь. На этот гвоздь накручен обрывок веревки. Другой конец шнура был пропущен сквозь ручку маленькой дверцы, чтобы она не открывалась. С. скинул веревочную петлю с гвоздя и толкнул дверь — она открылась.

Он моргнул и высунул голову наружу. Посмотрел на дом, потом на полную женщину.

— Так ты выйдешь, наконец? Или, может, ты думаешь, что я тебя буду ждать целый день?

С. переступил порог и направился к женщине.

Ее огромное тело состояло, казалось, из многих взаимозависимых округлостей. Фигура С. казалась нагромождением прямых линий. Непосвященному наблюдателю могло бы показаться удивительным, что настолько по разному сложенные тела могут обладать одинаковыми скелетами.

Женщина была одета в серое платье, поверх него повязан белый фартук, закрепленный с помощью двух тесемок, завязанных на шее, и двух, завязанных на талии. Прическа женщины представляла собой пучок волос, собранных на затылке с помощью вельветового шнурка. Волосы ее были серо-желтыми, лицо бледное, с нездоровым румянцем на щеках. Ее глаза, светло-синие, как море, оттенялись темными кругами.

— Ты уверена, что он работает?

— А что ему делать по утрам? Он все время пишет, пишет и пишет, даже, когда ты пьешь его кофе.

— Ему не нужен новый секретарь?

— Что... После тебя? Нет уж... Кстати, как ты себя чувствуешь? У тебя нездоровый вид. Нет, ты действительно дурак, потому что попусту тратишь время.

— Перестань, Ви, прошу тебя.

— А разве я что-то сказала? Но мне кажется, что если бы у всех появились глупые идеи и все кинулись бы их осуществлять, то где бы мы сейчас были.

— Говорят, что опять забастовка на рыбоперерабатывающем заводе.

— Сейчас? Кто же это тебе сказал? Нет, ты действительно очень плохо выглядишь. Посмотри на себя!

— Ватт мне сказал об этом.

— Какой это завод?

— Об этом ты лучше у него самого спроси. Он мне сам рассказал.

— Не стоит верить всему, что говорит тебе Ватт. Ведь он вечно что-то путает.

— Наверное, это рыбоконсервный завод.

— Не будь дураком; нет же такого завода, по крайней мере, здесь поблизости.

С. посмотрел вниз на свои ботинки: они были покрыты серой пылью. Он стоял на гравии, втоптанном в землю.

— Ты принесла мне что-нибудь?

— Мне не следовало бы этого делать. Я просто дура, раз поступаю так.

Откинув несколько листов капусты, прикрывавших содержимое ведра, женщина достала оттуда пачку газет. Она передала ее в руки С. Тот сделал шаг вперед, взял сверток, все так же искоса поглядывая на женщину.

— Здесь половина пирога со свининой. Мне, наверное, не надо было делать этого... кто знает.

— Ты очень добра ко мне...

— Давай не будем все начинать снова. Что делаю — то делаю. А почему бы тебе не прийти принять ванну?

— Что-о? В то время, как он сидит у себя в кабинете? Ведь он же пристрелит меня.

— Не говори ерунды. Он не выходит из своего кабинета до самого обеда.

— Да не нужна мне ванна. Только представить себе, как я крадусь, чтобы войти в дом. К тому же, может, она сама захочет застать меня в это время, в ванне...

Женщина засмеялась.

— Все вы, мужчины, на один манер. Пойдем, ты же так любишь мыться.

— Он убьет меня, если увидит!

— Ну, тогда ладно. Я не могу стоять здесь целый день. У меня, в отличие от некоторых, есть работа.

— Принеси мне немного керосина для лампы. Ну, пожалуйста, Ви...

— Да, я всегда говорила, что все мужчины одинаковы. Ладно уж, неси свою лампу. Почему бы тебе самому не сходить за ним?

— Ты же знаешь, почему...

Женщина подождала, пока С. скроется за маленькой дверцей в воротах старого каменного здания, и поспешила по грязной дорожке, нагибая голову, чтобы не зацепиться волосами за ветки деревьев. Затем она завернула за угол и вылила содержимое эмалированного ведра на кучу. Потом она вернулась на то место, где разговаривала с С., и подождала, пока тот вынес лампу. Лампа была очень старая и называлась «Летучая мышь». С. передал ее женщине.

— Когда смогу, тогда и принесу. У меня еще очень много дел. Она приказала к обеду сделать запеканку с говядиной. А сейчас она ушла за анчоусами для нее.

— Ну, до свидания. Спасибо за пирог.

— Да, дура я... вот кто.

С. стоял и наблюдал за четырьмя завязками, сходящимися на спине. Она удалялась в сторону жилого дома. Белое ведро, теперь пустое, резко выделялось на темном фоне стены дома. Ведро женщина несла в правой руке. Она подошла к задней двери черного хода, поднялась по ступенькам и прошла внутрь. Как только дверь за ней закрылась, С. повернулся и пошел к себе. Войдя в старое каменное здание, он закрыл дверь, набросил петлю на вбитый гвоздь и медленно полез по лестнице вверх на второй этаж.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Как только С. добрался до своей комнаты, он первым делом взял крышку люка и перетащил ее на середину комнаты. Бумажный сверток, который он принес, он положил на одну из полок, расположенных вдоль юго-восточной стены, рядом с медным крокодилом. На уровне груди между двумя поперечными балками, при помощи двух металлических колец, надетых на вбитые в балки гвозди, был подвешен гамак. По обеим сторонам гамака свисали углы двух серых одеял, обвязанных по краям с помощью садовой бечевки. С. положил руки на гамак, присел, согнув ноги в коленях, и осторожно запрыгнул в гамак.

Когда он улегся, он подождал, пока гамак перестанет раскачи-

ваться, затем сел и развязал шнурки ботинок. Сначала он снял правый, затем — левый; аккуратно поставил их на пол, доски которого из-за своего неровного расположения создали причудливую игру теней, напоминавшую копну женских распущенных волос. Оба ботинка стояли рядом, соприкасаясь носами и образуя угол в девяносто градусов. У правого ботинка отваливалась подметка. Она сильно износилась и была обтрепана по бокам. Нос правого ботинка совсем расклеился. Оба ботинка стояли рядом на светло-желтой доске, выступающей над уровнем пола. С. долго рассматривал свою обувь, затем доски пола, на которых они стояли. Потом он отвернулся.

Вместо подушки под голову С. приспособил себе старого, давно выброшенного плюшевого мишку, у которого первоначально не хватало только обоих ушей и глаза. От времени игрушка сильно изменилась: потерялись передние и задние лапы, об их существовании напоминали сейчас лишь темные дырки по бокам игрушки, из которых торчала шерсть. С. приспособил себе остатки старой игрушки под подушку, подкладывая под голову то место, где раньше был живот: тогда голова мишки возвышалась над головой С., осматривая единственной глазницей помещение и охраняя сон С.

Взглядом С. изучал потолок, состоящий из грубых балок и уложенных на них черепичных плиток. Многие плитки потрескались и сдвинулись со своих мест: свет пробивался сквозь щели между черепицей тонкими нитями, постепенно рассеиваясь и превращаясь в белые волны, которые были достаточно яркими. Взгляд С. становился все более рассеянным: веки опускались все ниже, и наконец он заснул.

Один раз он во сне повернулся, опустил голову к правому плечу. Это движение заставило медведя, служившего С. подушкой, тоже немного опустить свою голову. Дыхание С. стало совсем медленным, глубоким, с присвистом из-за того, что С. дышал через рот. Издаваемые им звуки были явственно слышны в тихой комнате.

Проснувшись, С. посмотрел на печь, стоявшую возле центральной поперечной балки. Она была черного цвета, несмотря на то, что всякие дверки, окошки, задвижки были покрыты толстым слоем серой пыли. С. опустил свои ноги в носках с гамака и осторожно опустился на пол в нескольких сантиметрах от ботинок. Затем он уселся на пол и принялся обуваться. Завязал шнурки. Встал, прошелся по комнате к маленькому круглому окошку, разделенному деревянными планками на девять частей, одна из которых — центральная — была квадратной. Опустившись на пол, С. начал свои наблюдения.

Внизу и спереди располагались грядки спаржи: три длинных борозды, на которых ничего не росло, кроме вездесущего бурьяна. Вплотную к грядкам с одной стороны прилегала дорожка, посыпанная гравием, с другой стороны проходила тонкая тропинка. Дорож-

ка с гравием также проходила мимо невысокой живой изгороди. По дорожке мирно прохаживался длинношеий голубь по имени Х., поворачивая при каждом шаге свою голову то вправо, то влево. За грядками спаржи располагался большой газон, перейдя который можно было попасть во фруктовый сад. А перед газоном, на более поднятом и сухом месте, чем старое каменное здание, названное предыдущими владельцами каретным сараем, стоял большой каменный дом с огромными окнами, стекла которых ярко блестели при солнечных лучах. На втором этаже справа находилось окно ванной комнаты. Но за окном была пустота, освещенная дневным светом, потому, что в ванной было два окна: другое, невидимое, располагалось за углом, с юго-восточной стороны, откуда сейчас и светило солнце. Поэтому в ванной было светло. Слева от этого окна располагались еще два от двух свободных комнат, в которых никто не жил. С. моргнул, зевнул и перешел к изучению окон нижнего этажа. Прямо под окнами пустующих комнат находилось длинное окно кухни, состоящее из трех частей. На подоконнике, с внутренней стороны окна, в среднем проеме, стояла консервная банка — солнечный свет играл на ее боках. Крайние секции окна были открыты. В кухне тоже никого не было. Рядом с окном кухни была задняя дверь. Большой кот с черно-белой шерстью лежал на ступеньке перед дверью, греясь на солнце; дверь была закрыта. Слева от задней двери черного хода находилось окно гостиной — длинное, до самой земли, чтобы, открыв его, можно было бы выйти в сад. В этой комнате, как и в ванной, имелось второе окно, спрятанное от наблюдателя за юго-восточным углом дома. Свет, попадающий через эти окна, помог различить чью-то фигуру, полускрытую от С. стенами дома; эта фигура крутилась вокруг стола, чем-то занятая.

С. отвернулся от окна, прошелся в другой конец комнаты, обходя три наклонные балки, поддерживающие черепицу, мимо печки и висящего гамака. В другом конце комнаты в полу был проделан люк, крышка которого была сколочена из того же дерева, что и пол, хотя немного более гладкого. С. поднял крышку и по скрипящим от его тяжести ступенькам спустился вниз. Он очутился в сумрачной и пыльной комнате, пол которой был вымощен булыжником и усыпан разным барахлом. С. прошел мимо деревянной скамейки, штабеля досок, газонокосилки, множества разнообразных ящиков, сломанной мебели, старого треснувшего умывальника, установленного на подставке, жестяного кофра, на котором масляной краской были выведены буквы «ГСМ», садовой тележки и старой птичьей клетки. Кроме того, здесь валялось множество других предметов, включая охапку садовых инструментов, брошенных у стены. С. подошел к деревянным двустворчатым воротам, которые заменяли северо-восточную стену старого каменного здания: петли этих ворот погну-

лись, и поэтому нижние кромки касались земли; некоторые доски были выломаны, и свет широким потоком врывался внутрь здания.

В левой половинке ворот была маленькая дверца. С. подошел к ней и слегка приоткрыл. Просунув голову в щель, он взглянул на северо-восточный угол дома, вблизи которого проходила грязная тропинка, ведущая из сада к мусорной куче. В этом месте росло дерево с толстым и угловатым стволом, увитое плющом от корней до конца веток. Рядом с деревом стоял укрепленный на небольшом столбике штормовой фонарь.

Открыв дверцу еще шире, С. переступил через порог и направился к штормовому фонарю; идя, он все время оглядывался по сторонам. Иногда он посматривал на дом. В гостиной он заметил какое-то движение. Кто-то следил за ним, спрятавшись за занавеской из окна гостиной.

Не доходя до фонаря, С. повернулся кругом и двинулся обратно к двери, не раздумывая, вошел внутрь и начал пробираться к лестнице мимо брошенных и забытых вещей. Вот задняя стена, скрипучая пошатывающаяся лестница, ведущая в комнату наверх. С. поднялся по ступенькам, пролез через люк в комнату, закрыл за собой крышку. Вытянув голову, С. принялся снова обходить комнату, по-прежнему избегая столкновений с поперечными балками, пролегающими от стенки к стенке; пройдя мимо печи, на одной из заслонок которой была выгравирована надпись «Сенториан 1888» — слова располагались по окружности — и мимо гамака, натянутого между балками.

Круглое окошко, рассеченное двумя вертикальными и двумя горизонтальными планками на девять частей, центральное из которых имело квадратную форму, было проделано в стене, обращенной к задней стенке жилого дома. Опустившись на колени, С. вытянул правую руку вверх по каменной кладке, нащупав нишу. Он пошарил в ней рукой и извлек оттуда сложенную подзорную трубу пятнадцати сантиметров в длину в кожаном футляре. Футляр совсем истерся от времени и стал очень мягким. С. высвободил подзорную трубу из футляра и обеими руками потянул за концы трубы. Она начала удлиняться пока не пришла в рабочее положение. Подзорная труба состояла из трех трубок, входящих одна в другую: в самой маленькой трубке находился окуляр. Разместив трубу так, что ее конец находился между планками, делящими окошко на девять частей, С. приложил правый глаз к окуляру.

Поворачивая левой рукой, в которой он ее держал, трубу, С. направил ее на жилой дом. В окуляре появилась каменная кладка, похожая на рыбацкую сеть. С. передвигал трубу до тех пор, пока не добрался до большого окна гостиной. Внутри можно было разглядеть часть стола, накрытого белой скатертью, и некоторые предметы сервировки на нем. Комнату сплошным потоком заливал яркий

свет. Свет врывался не только через огромное окно, но и через другие, находящиеся на юго-восточной стороне дома. Такое освещение давало возможность разглядеть висящие портьеры зеленого цвета, которые прикрывали окно. Еще можно было заметить, что одна из портьер свисала как-то неестественно, а за портьерой — ногу в черном ботинке и темных брюках. Пожалуй, внимательный наблюдатель заметил бы и плечо и левую сторону лица. Впрочем, детали разглядеть было очень трудно, но все же С. показалось, что он видит руку, сжимающую портьеру, в том месте, где он раньше заметил плечо.

Резкость начала падать, рука у С. задрожала, заставляя трубу метаться вдоль окна гостиной вверх, к окну ванной комнаты, вниз, к газону, и опять к окну гостиной.

Отведя окуляр трубы от глаза, С. опустил левую руку, дав ей возможность немного отдохнуть. Но, подождав немного, он снова приложил трубу к глазу. Тотчас он заметил, что левая портьера приняла нормальное положение. Никаких других изменений ему больше не было видно. Вздохнув, он опустил трубу в самый низ, под окно у самой стены.

— Да, Ви, если только ты сказала ему...

С. поднялся с колен, он отряхнул штаны. Удостоверившись, что его фигура не видна из его маленького окошка, он осторожно попытался выглянуть наружу.

«Я не знаю, что мне делать».

По синему небу плыли редкие облака. Крыша дома была покрыта голубой плиткой, по краям же она была выложена камнем, словно удерживающим плитки от падения. Центральная балка была усилена такими же камнями, на обоих концах украшена резными каменными урнами. Широкая дымовая труба, состоящая из шести бочкообразных блоков, возвышалась над крышей. Чуть ниже уровня крыши по краям пролегали водосточные желоба. В каждый угол дома были вделаны дренажные трубы; в этих местах водосточные желоба сходились, посылая воду в трубы, которые, в свою очередь, отправляли ее на землю. Каменная кладка задней стены прерывалась пятью окнами и дверью. Три окна располагались на втором этаже, два остальных — на первом. На втором этаже правое окно было в ванной комнате. Под ним находилось окно-дверь, открывающееся изнутри и позволяющее выходить прямо в сад. По обеим сторонам его висели тяжелые портьеры: они не шевелились, ни правая, ни левая. Наверное, за ними никого не было. Это была гостиная. Часть комнаты, которая была видна наблюдателю, казалась пустой. Окно-дверь было разделено на шестнадцать частей — через них никого не было видно.

Другое окно на первом этаже выходило из спальни. Единственное, что отличало его от остальных окон, было то, что оно имело

стальную раму, разделенную на три секции. Крайние секции окна были открыты. Внутри можно было различить фигуру в белой одежде, которая двигалась туда и обратно.

«Я не знаю, что мне делать».

Иногда фигура в белом исчезала из поля зрения, но все же большую часть времени ее можно было наблюдать в глубине помещения. Когда она исчезала в ту часть кухни, которая не была видна наблюдателю, о ее присутствии можно было догадаться по едва заметным признакам. Только раз она вышла из кухни, и все замерло.

С. прищурил глаза.

Ноги С. стали дрожать, и ему пришлось опуститься на пол следующими частями тела: правой ягодицей, внешней стороной бедра, правым коленом, внешней стороной икр и правой ступней; в то время как его левая нога, приняв идентичное правой ноге положение, также касалась досок пола. С. взглянул на свои ботинки. Они были покрыты пылью. Правым плечом С. прислонился к стене возле круглого окошка.

С. смотрел перед собой в угол; там наклонные балки пересекались со стеной старого каменного здания. Там передняя стена была оклеена обоями с рисунком в виде букетов цветов. Вверху, возле балок, обои отклеились. Они свисали грязными, бесцветными лохмотьями, выделяясь на фоне уцелевших листов. Паук, облюбовавший этот грязный угол, оплел серой паутиной остатки обоев.

Повернувшись в другую сторону, С. посмотрел через окошко на улицу. Начинаясь где-то под окном, из которого наблюдал С., или немного левее того, бежала дорожка, посыпанная гравием вплоть до самого дома. Вдоль нее росла живая изгородь: она была сильно запущена, а в одном месте, в нескольких метрах от дома, кусты совсем высохли. Позади засохших кустов крался черно-белый кот. Он очень мягко ступал по земле, низко опустив мордочку и прижав свои маленькие ушки. Задняя часть его тела была поднята намного выше головы и поддерживала хвост, который методично отклонялся то в правую, то в левую стороны. Взгляд кота был устремлен на полметра вперед к дорожке, посыпанной гравием. Именно в этом месте сидел домашний голубь по имени Х. Он коряво передвигал ногами, подметая дорожку пышным хвостом. Как у большинства птиц, его ноги были красными; на одной из них закреплено алюминиевое кольцо. Тело голубя было покрыто белыми и серыми перьями.

С. заметил некоторое движение в одном из окон жилого дома. Женщина в белой одежде вышла из кухни. Затем ее силуэт показался в окне гостиной. Она крутилась вокруг стола. Затем она исчезла и снова появилась на кухне, мелькнув в левой секции окна.

Тут С. увидел на кухне еще одну фигуру. Она сидела, не двигаясь, в центре кухни, облокотившись на стол. С. смог рассмотреть только ее верхнюю половину. Она была одета в голубую шерстяную

кофту с пуговицами и без воротника. Ее волосы частично скрывали часть лица. Лицо было повернуто к женщине в белой одежде, которая крутилась по хозяйству. Женщина в голубом кардигане встала и подошла к другому краю стола. Это место было ближним к окну. С. мог видеть, как она, заложив руки за спину, прислонилась к трубе, проходившей в углу кухни. Не отрывая взгляда от окна кухни, С. потянул руку вверх, нащупывая нишу. Но пальцы нащупали только холодный камень. С. приподнялся и заглянул в нишу; подзорной трубы там не было. С. посмотрел вокруг: труба лежала там, где он ее оставил — у стены под окошком. С. подобрал ее и направил на окно кухни. Настраивая трубу, С. успел заметить толстого голубя, переваливающегося при каждом шаге по усыпанной гравием дорожке. Позади него, в полутора метрах, частично скрытый живой изгородью, подкрадывался кот с черно-белой шерстью и прижатыми ушами.

Приставив окуляр трубы к правому глазу, С. направил его к столу кухонного окна. Сквозь среднюю секцию окна он увидел голову женщины: женщина смотрела вдаль. Между ее головой и глазом наблюдателя располагалось стекло кухонного окна, стекло маленького круглого окошка в старом кирпичном здании, которое когда-то давно использовалось как каретный сарай, и четыре линзы подзорной трубы.

Ее волосы волнистыми прядями сбегали вниз, а на макушке была маленькая шляпка, украшенная каким-то орнаментом. Правую руку она вытащила из-за спины и теперь покачивала ею из стороны в сторону.

Рядом с ней, возле окна, видимая наблюдателю, стояла полная женщина. Она была повязана белым передником и стояла, скрестив руки на груди. Ее губы время от времени двигались.

Женщины меняли месторасположения. Их перемещения были видны сквозь окно. Женщина в белом переднике подошла к левой стене кухни и нагнулась. Когда она выпрямилась, С. увидел в ее руках большое блюдо. Поставив это большое блюдо на стол, женщина снова подошла к левой стене, снова нагнулась. Вторая женщина подошла к столу с подносом. Она поставила блюдо на поднос. На блюде можно было различить какие-то желто-коричневые предметы. Женщина с золотисто-коричневыми волосами взяла поднос и понесла его куда-то вглубь. Было видно, как она исчезла в дверном проеме кухни.

С. посмотрел правее, оставив окно кухни. Он скользил взглядом по стене дома, по зеленой двери с окошком из бутылочного стекла. Двигаясь таким образом по кирпичной кладке стены, он достиг окна гостиной, по бокам которого висели зеленые портьеры.

В поле зрения подзорной трубы появилась женщина с золотисто-коричневыми волосами, неся перед собой блюдо на подносе.

Она подошла к углу комнаты, повернулась и поставила поднос с блюдом на стол. Затем снова исчезла из поля зрения. Почти одновременно с ней в гостиную вошла женщина полного сложения, неся в руках другой поднос. На нем было несколько тарелок. Подойдя к столу, она расставила тарелки по столу. Стол был накрыт белой скатертью; возле стола, со стороны окна стоял стул. Его ножки были изогнуты, спинка — тоже. На другом конце стола С. смог заметить еще один стул, точно такой же, как и первый.

Расставив все тарелки на столе, женщина повернулась в угол комнаты, куда она уже подходила, взяла два подноса и очень быстро удалилась из комнаты.

В гостиную вошел мужчина, одетый в темный костюм. За ним шла женщина с золотисто-коричневыми волосами, собранными в пучок на затылке. Подойдя к окну, мужчина взглянул в сад. На какое-то мгновенье его взгляд попал в окуляр подзорной трубы, в которую смотрел С. С. дернул рукой, как бы избавляясь от неожиданного встречного взгляда, которого не желал. Но вскоре вновь направил подзорную трубу на большое окно гостиной.

Шесть слоев стекла отделяли наблюдателя в старом каменном здании от мужчины в гостиной. Не задерживаясь у окна, мужчина в темном костюме взялся рукой за спинку стула, стоящего у окна, и, пододвинув его к столу, сел за стол. Женщина повторила его действия, сев с противоположной стороны стола. Стол располагался таким образом, что фигура мужчины закрывала женщину. Мужчина сидел спиной к окну. Он взял в руки столовый прибор. Его челюсти задвигались.

Не складывая трубы, С. отложил ее в сторону. Он почесал нос двумя пальцами, потер глаза. Затем посмотрел в сторону дома сквозь свое окно. В кухонном окне он увидел, что полная женщина сидит за столом перед открытой секцией окна. Белого передника на ней уже не было: насколько С. смог разглядеть, не пользуясь подзорной трубой, на ней было платье. Склонившись над столом, женщина ела.

— Они принимают пищу в доме,— сказал Губернатор.

— Верно,— согласился Домоладосса,— обычный обед, такой, как всегда. Да и кто знает, отличается их биологическая основа от нашей или нет. Кто может сказать с уверенностью, будто то, что им нравится, телятина, например, не будет ядом для нашего организма?

— Да; мы еще очень многого не знаем о них.— согласился Губернатор.— Единственное пока, что мы можем делать,— скрупулезно описывать каждый их шаг.

— Если бы мы могли получить информацию более простым

прямым способом,— воскликнул Мидлакемела,— если бы нам удалось попасть внутрь дома мистера Мэри!

— Она является ключом к разгадке тайны. Я чувствую это,— сказал Домоладосса.

За ним наблюдали двое Определителей, стоявших на склоне холма. За ними, в свою очередь, вела наблюдение группа людей в Нью-Йорке.

Джо Гроулет просидел за своей работой в кабинете пять часов и чувствовал себя немного уставшим. Повернувшись к конгрессмену Садлиеру, он сказал:

— Ну что же, так оно и есть на самом деле. Наш робот-самолет материализовался в другом мире, где по счастливой случайности мы натолкнулись на группу людей, таких же, как мы, изучающих иной мир, мир, в котором его обитатели, за которыми наблюдают, изучают доклад, полученный из другого мира.

— Я бы сказал, что мы натолкнулись на необычное явление — отраженно-искривленный эффект пространства-времени, до сего дня неизвестный.

— Может быть. А может быть и так, что ключ к разгадке природы лежит в докладе. Точно! Предположим, что этот доклад поступает из некоторого действительно реального мира. В этом случае те, кто читает доклад, и те, кто следит за ним со склона холма, и мы, наблюдающие всех тех ребят,— не настоящие миры... Эхо раскатывается все дальше... звучит пугающе, не правда ли?

Конгрессмен сказал:

— Мы должны доверять только фактам, а не предположениям. Слава Богу, не нам решать, какой мир реален, а какой-нет.

Облачность усилилась. Солнце стало совсем тусклым и мрачным. Сухие листья носило ветром по грядкам спаржи, толстый голубь хлопал крыльями, затем тяжело взлетел и уселся на невысокую живую изгородь вдоль дорожки. Немного подальше от наблюдателя черно-белый кот вылез из-за корня куста, за которым он прятался, и гордо прошествовал по направлению к дому, высоко задравши хвост. Белый кончик хвоста колыхался в такт его движениям. Голубь сорвался с изгороди и неуклюже полетел в сторону фруктовых деревьев.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Крыша над верхней комнатой старого каменного здания имела вид перевернутой буквы «V»: деревянные балки, сходившиеся вверху, были покрыты оранжевой черепицей. Пространство между бал-

ками было оплетено паутиной, покрытой толстым слоем серой пыли. В дальнем конце комнаты находилось маленькое окно, поднятое на несколько сантиметров от уровня пола. Две вертикальные балки разделяли комнату на три части. Свет в комнате был очень тусклым. Между двумя балками, расположенными вертикально, висел гамак. Он был сделан из парусины и подвешен за веревки. По бокам гамака свешивались мешки, связанные садовой бечевкой, концы одного или двух одеял и голова игрушечного медведя. Нос игрушки был обозначен черным кусочком шерсти, пришитым посередине головы игрушки. Рта у медведя не было, но зато сохранился один глаз желтого цвета, смотревший вниз на С.

С. поднялся на ноги и переложил игрушку так, что она свешивалась из гамака. Сделав это, С. подошел к одной из наклонных балок, на которой висела картина. Краем рубашки С. зацепился за раму картины, и ему пришлось сделать шаг назад, чтобы освободиться. Картина начала покачиваться в стороны.

Это была черно-белая репродукция. Хотя она и находилась под стеклом, тем не менее и белые и черные краски поблекли. На картине были изображены мужчина и женщина, которые слегка касались друг друга. Одежда мужчины указывала на то, что он был пастухом. На женщине была кофта, наброшенная поверх юбки. И все же нельзя было сказать, что она полураздета. Пастух откровенно не обращал внимания на вверенных ему овец. Все его стадо разбежалось по кукурузному полю. Его внимание было полностью поглощено девушкой. Трудно определить, насколько его старания заинтересовать собой девушку были встречены доброжелательно, ибо так же трудно было определить, выражал ли ее взгляд презрение или томное ожидание.

Пастух протягивал девушке пойманного слепня, чтобы она его рассмотрела. Но девушка отвернулась от него, и было невозможно понять, как он собирается в дальнейшем вернуть расположение девушки: если предположить, что пастух оставит попытки заинтересовать девушку мухой, и, отпустив ее, он сосредоточится на другом способе завоевания сердца девушки, а именно, погладит рукой ее волосы или подарит ей несколько комплиментов, или будет, наконец, продолжать показывать ей слепня и в то же время предложит ей лекцию по природоведению с тем, чтобы завоевать ее внимание, что в дальнейшем приведет к более тесному знакомству при известных обстоятельствах.

Ситуация была в определенном смысле явно вызывающей, как для пастуха, так и для наблюдателя. Если, например, девушка была замужем за работодателем пастуха, то ситуация в этом случае резко ухудшалась: неправильно поняв выражение глаз девушки, пастух мог схватить руками ее русую голову и даже более того — с некоторым успехом попытаться поцеловать ее в пухлые губы. В то время

как глаза ее способны выражать не только призыв к близости, но и внутреннюю свободу. Тогда не исключена ситуация, что она пойдет к своему мужу и все ему расскажет, навлекая на бедного пастуха множество неприятностей. Попав в такое трудное положение, пастух не сможет решить, призналась ли девушка сама или ее принудили. Но, в любом случае, пастух непременно потеряет работу и будет болтаться между небом и землей, как потревоженный дух витает над оскверненной могилой.

— Еще одна дискуссия по поводу творчества Гольмана Ханта!— воскликнул Подавитель Архивов, он же — председатель суда присяжных.

Он мягко прошелся по мрачноватой комнате, подошел к женщине, находящейся в состоянии транса, и положил ей руку на плечо: это заставило ее немедленно приступить к отчету. Когда ее мелодичный голос затих, председатель словно ожил. Один из многих присутствующих, носивший звание Подшивателя Искажений, дотронувшись до лампы, сказал:

— Мне, кажется, что этот Гольман Хант и его работы несколько субъективны, как и мир, в котором существует Странствующая Девственница. Я взял на себя смелость приказать своему слуге принести копии его работ, вызывающих всеобщие разногласия. Сейчас эта картина здесь. Имаго!

Мужчина в потертом вельветовом костюме вышел откуда-то из глубины комнаты, неся огромное полотно, которое он поставил перед присяжными. Каждый из них с разной степенью заинтересованности принялся рассматривать картину.

— Как вы видите,— сказал Подшиватель,— Странствующая Девственница предоставила нам то, что мы в какой-то степени принимаем как отчет о незначительном и полузабытом произведении искусства. И поэтому я хотел бы подчеркнуть только банальный символизм картины: пастуха, со свисающей с плеча бараньей шкурой, возможно, обозначающей супружескую измену, или эту девушку, держащую в руках, кроме яблок, книгу в матерчатом переплете под названием «Нижняя Точка Х», свидетельствующую об ее умственном развитии или о...

Председатель знал, насколько многословен Подшиватель. Обезличиватель Печалей прервал его:

— Признав, что существует некое совпадение... э-э-э-э, что вселенная, описанная Девственницей, содержит полотно, которое существует в нашей собственной вселенной,— широко известное полотно художника с маленького английского острова, и я очень удивлен, Подшиватель, как вы на этом основании можете делать вывод о том, что эта вселенная обладает такой же степенью актуальности,

как и сама картина. Мы знаем, что она существует, но уверены ли мы, что существует сама вселенная? Нет! Очень возможно, что Девственница в своем отчете описывает какой-то свой мир, который не может быть ни реальным, ни действительным, только потому, что он содержит какие-то внешние проявления.

— Тогда как насчет Домоладоссы и этого Гроулета? Что вы скажете, уважаемый Обезличиватель? — спросил Подавитель.

— Почему, сэр... Как, сэр! Да все они представляют собой всего лишь один из способов, придуманных нашей уважаемой Девственницей для подтверждения своего вымысла. И мы должны признать это: все эти персонажи, как и сам мир — плод ее воображения.

Мотиватор Воображения встал из кресла, подошел к картине и спокойно начал свою речь:

— Давайте не будем все так усложнять: верить или не верить Девственнице; иначе мы уйдем неизвестно куда от предмета обсуждения. Странствующая Девственница снабдила нас определенными сведениями о вселенной, понятия и явления которой не только неизвестны, но и не могут быть осознаны ею самостоятельно. Сейчас я вам все объясню и докажу.

К нашему счастью Подшиватель Искажений — один из немногих, кто является дилетантом в искусстве. Я довольно давно знаком с этой картиной и должен сказать — что может не понравиться нашему коллеге — ее место в истории развития живописи весьма значительно. Эта картина вобрала в себя все предрассудки и муки Викторианской эпохи: например, такие, как отношение к природе и моральные ограничения. Она же включает, а точнее, демонстрирует, насколько художники того времени приговорены к заключению в нем, из-за чего они не могли развить новых идей, даже до уровня теории. Эти живописцы стали мастерами Неразрешенности, стоящими перед дилеммой: условность всего, пауза перед разрешением, или, с другой стороны, время бедствия, мостик понимания между настоящим и прошлым. Большинство великих художников того времени в своих работах представляют идею заточения человеческого существования во временной структуре, которая и не дает им возможности шагнуть назад; поэтому они по своей сути были приверженцами слабости.

«Наемный пастух», как и другие шедевры того времени, по результатам последних исследований, представляет собой психодинамическую драму замкнутого временного кольца, хотя она и выполнена в репрезентационной манере, по канонам моды того периода времени. И это вовсе не случайно, что С. изучает сущность картины, как бы соотнося свое собственное положение с ситуацией, изображенной художником.

Теперь Странствующая Девственница настаивает именно на этой трактовке картины, но ведь согласитесь, такая интерпретация

абсолютно чужда нашему миру и поэтому не может явиться плодом ее размышлений; а это означает, что ее доклад подвергся корректировке извне, мистером Мэри или, скажем, его женой, она иногда мне кажется очень решительной особой, то есть теми, кто действительно существует в пределах вселенной, упомянутой в отчете, и настаивает на своем собственном понимании вселенной. А это доказывает и подлинность существования другого мира, а также абсолютную честность Девственницы, господа присяжные.

— Все это глупости,— воскликнул Обезличиватель, но Судья Доводов поддержал Мотиватора:

— Мне нравится логика ваших рассуждений. И я согласен с ней, господа. Это у нас время не является основой. Но не доказывает ли отчет Девственницы тот факт, что в другом мире время *может иметь определенное значение, и подтверждение тому — провал Времени в Марианской вселенной, как мы ее назвали? А угроза темпорального коллапса в нашей вселенной? Ведь она тоже вписывается в теорию временного кольца. Так что, думаю, вопрос решен. Подавитель, прочтите молитву нашей Странствующей Красавице с указанием продолжать исследования.*

Бумага под картиной была усеяна коричневыми точками, пол под ней — очень грязным. Ботинки стояли в пыли. С. обмахнул их правой рукой. Поводя из стороны в сторону плечами, он подошел к полкам, расположенным возле стены, у которой висел гамак. На них С. хранил все свое имущество: пустые банки из-под варенья; банку с зернами для гороха; крышку чайника, на которой лежал патентованный ингалятор; здесь же была оставлена ножка стула; пластиковая перьевая ручка; испорченный термос; латунная ручка от выдвижного ящика; пустой кошелек из свиной кожи; книга в матерчатом переплете «Нижняя точка Х», обложка которой покоробилась и загнулась кверху, открывая коричневого цвета страницы; соломенная шляпка фасона «лодочник», обвязанная красной и голубой лентами; зонтик с ручкой в виде лисьей головы; два медальона, покрытых тонким слоем эмали с надписью на ней: «Осторожно — Злая Собака», надпись была сделана черной краской; здесь же валялись различные продукты и некоторые другие предметы, среди которых были: бело-голубая чашка и непочатая банка сардин; маленький латунный крокодил; завернутый в газету пирог со свининой; фарфоровая чашечка без ручки; принадлежности для бритья, лежащие на дне стаканчика с нарисованными на нем цветами; засушенный скелет длинноухой летучей мыши без одного уха; железный ключ; старый теннисный мячик без ворса; игрушечная лошадка без головы; мышеловка с насаженным на гвоздик кусочком сыра. Большинство предметов было покрыто толстым слоем пыли. С. взял

бумажный сверток и залез вместе с ним в гамак. Завернувшись в одеяло и расправив подстилку, состоящую из мешков, набитых старыми бумагами, С. развернул сверток и осторожно взял половину пирога, который оказался разрезанным на две части посередине так, что была видна начинка — мясо и сваренное вкрутую яйцо. С. держал половину пирога в правой руке, а левой — оставшуюся часть и газету, в которую пирог был так аккуратно завернут.

С. положил оставшуюся часть пирога на полку, взял газету, разгладил ее и начал читать. Эта страница была посвящена рецензиям на новые книги: первая заметка в левом верхнем углу гласила: «Этика Общения» и начиналась следующим образом: «С кажущейся неизбежностью каждая отрасль общественного знания развивает свои собственные специальные концепции». Дожевав последний кусок пирога, С. вытер руки о газету и бросил ее на пол.

Пристроив поудобнее голову на подушке, С. начал изучать трещины в наклонных балках крыши, на которых держались куски черепицы. Он лежал на спине.

— Эй, ты у себя? Спускайся! Я сейчас ухожу домой!

С. сел в гамаке. Посмотрев сначала направо, а затем налево, С. слез с гамака и подошел к окну. На улице было пасмурно; тучи снова залепили все небо. С. увидел грязную тропинку, пролегающую вдоль грядок спаржи и газон перед домом. На дорожке стояла полная женщина, одетая в просторное бежевое пальто и в шляпке с приколотыми к ней искусственными цветочками. В левой руке женщина держала корзину. Правой рукой она махала С.

— Я говорю, что у меня дома много дел и я ухожу. Вот твоя лампа, спустись и забери ее, пока не начался дождь.

— А где они?

— Без малейшего понятия. Я все выстирала. А они сейчас сидят в гостиной и пьют кофе. Да, если дождь застанет меня на полдороге к дому, я не удивлюсь.

— Он носит пистолет с собой?

— Ну, не говори глупостей. Спускайся и забирай свою лампу. Я ее наполнила.

— Большое спасибо.

— Так ты спустишься или нет?

— Поставь лампу под дверь.

— Если мистер Мэри узнает, что я таскаю у него керосин, у меня будут большие неприятности. Ты сам знаешь, что он за человек. Так ты выйдешь прежде, чем я уйду, или нет?

— Да, сейчас. Я ведь спал.

— Все ясно. Как тебе понравился пирог? Лично я просто объелась. Сейчас начнется дождь.

— Уже иду.

— Я ухожу. До завтра.

— Ви, он видел меня сегодня утром.

— Это ведь его сад, его дом. Ну ладно, я пошла.

Она повернулась спиной к старому зданию и зашагала по дорожке мимо грядок спаржи, с корзинкой в левой руке.

Дойдя до газона, она свернула направо и пошла к гаражу, который был сделан из бетонных столбов и асбестовых плит. В задней стене гаража была дверь; она открыла дверь и вошла внутрь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В потолке гаража было проделано квадратное отверстие, ведущее на чердак. К этому отверстию была приставлена лестница. Женщина посмотрела туда и сказала:

— Я только зашла взять зонтик. Вот тебе кусочек тортика.

— Я не знаю, что бы я без тебя делал.

— Тогда спускайся и бери его. Или, может быть, оставить его на скамейке? Все вы, мужчины, не желаете хоть немного позаботиться и поухаживать за собой.

— Ты вечно куда-то спешишь, Виолетта. Я спускаюсь.

— У меня много дел. Судя по всему, собирается дождь. Я только сейчас вспомнила, что забыла свой зонтик. Когда-нибудь я забуду где-нибудь свою голову.

— Неужели можно забыть такую вещь, как голова? Ну хорошо. Где мой тортик?

Мужчина, низкорослый толстяк, в одних носках слез по лестнице. Он расплылся в улыбке, не сходившей с его лица, пока не встретил ответную улыбку.

— Так где же мой торт, Виолетта? Давай же быстрее его сюда. Я же не могу здесь стоять так все время. Кое-кто из нас человек чрезвычайно занятый.

— Да я и не собираюсь больше выслушивать дерзости. Здесь небольшой кусочек — они даже не заметят пропажи.

— Ну я не думаю, что он придет искать его сюда, даже если и заметит пропажу.

— Хватит болтать. Когда-нибудь вы его доведете.

— А как она?

— Что «она?»

— Не прикидывайся, будто не понимаешь. Она спрашивала обо мне сегодня утром?

— Я не сорока, чтобы разносить все сплетни. Можешь больше ни о чем меня не спрашивать.

— Отлично! Я повезу ее туда!

— Да замолчишь ты или нет, несчастный! Вы меня в гроб вгоните: все трое. Все, я ухожу.

— Я повезу ее. Я часто сижу в машине и представляю себе, как я ее повсюду вожу. Это помогает убить время. Куда угодно, мадам Жаннет? Прогулка по Винздору, Гилфорду, Чичестеру? Да, сегодня прекрасный день для прогулки на машине. Вам удобно?

— Честно, мне кажется, что ты сумасшедший.

— Садись. Я отвезу тебя. А ты все время торопишься.

— Я еще хочу пройтись по магазинам. Джордж уже, наверное, волнуется за меня. Надо не забыть мой зонтик, а то уйду... Ты, да еще за рулем машины. Уж лучше я пойду пешком, пока не пошел дождь.

— Ну, тогда до завтра. Спасибо за торт.

— А почему бы тебе отсюда не убраться, пока что-нибудь не случилось?

— Ладно, увидимся завтра, Виолетта.

Задняя стена гаража, лестница, приставленная к ней. Сжимая в руке кусок торта, Ш. медленно полез наверх, на чердак, где он жил. Он занимал небольшое пространство между крышей и потолком.

Губернатор, Домоладосса и Мидлакемела смотрели друг на друга с удивлением.

— Ситуация очень необычная,— сказал последний,— я бы сказал, этот мир не совсем совпадает с нашим; отклонение на несколько градусов. Даже имена и названия мест, которые мы знаем, звучат как-то совсем чуждо.

— А их поведение! — добавил Губернатор.— Давайте все проясним. Вот дом, напротив — кафе, где, по всей вероятности, никто не платит за услуги. На территории дома находятся: деревянный летний домик сбоку, старая конюшня сзади и гараж с другой стороны. Мы знаем, что в домике более или менее постоянно находится бывший садовник, а в старой конюшне — бывший секретарь, а теперь оказывается, что есть и бывший шофер, прячущийся в гараже! Это просто невероятно!

— Да, невероятно! — повторил Домоладосса,— и в то же время очень любопытно! Если бы нам, хотя бы мельком, удалось выяснить мотивы их поведения... Вы заметили, что все трое проявляют определенный интерес к жене мистера Мэри. Я снова хочу сказать, что она — ключ к решению нашей проблемы.

— Мне это кажется странным,— сказал Мидлакемела.

— А по-моему, это выглядит зловеще,— сказал Губернатор.

— Ну хорошо. Прошу прощения — я должен идти,— Домоладосса встал.— Я уже опаздываю, а сегодня — говядина.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Дом и наблюдатели

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пообедав, Джо Гроулет чувствовал себя посвежевшим. Он пришел к точному выводу: их робот попал не в иное измерение или куда-нибудь в этом роде, а вступил в некую сверхъестественную сферу мыслительного сообщения. Такое заключение полностью удовлетворяло Джо. Устройство реального робота было основано на сложных математических посылках, и могло случиться так, что здесь, наконец, и была найдена связь между умственной сферой и физической. Джо вернулся в комнату и посмотрел на стенной экран.

Чарлок и Корлисс поднимались по склону холма. Оба они надели плащи, так как небо было затянуто тучами, и моросил мелкий дождь. Они улыбались.

— Мы согласны с этим утверждением. Здесь действительно образовалась течь в структуре вселенной. Эта величина должна быть бесконечно малой, иначе мир будет разрушен. Из чего следует, что через эту дырку мы видим субатомный мир, и оказывается, он очень похож на наш.

— Ну, это всего лишь вопрос размеров,— сказал Корлисс,— кто знает, может, и на нас...— он замолчал. Умозаключение показалось ему настолько неожиданным, что было очень трудно произнести его вслух.

Они остановились на гребне холма, глядя на картину в небе. Изображение поступало через фотографию в рамке, стоящую на столе. Они увидели Домоладоссу, возвращающегося с обеда.

За обедом Домоладосса пришел к следующему выводу: мир Вероятности А был ключом к другим вероятностным мирам, находившимся за ним. Раз решена проблема снятия физического экрана, разделяющего миры, значит, есть возможность личного посещения мира Вероятности А. Домоладосса сел за стол и взялся за доклад, стремясь выяснить, чем занимается Ш. у себя на чердаке над гаражом.

Даже стоя в самом центре чердака, в той точке, где потолок достигал наибольшей высоты, Ш. не мог выпрямиться в полный рост. Он, нагнувшись, подошел к передней стене, где было врезано маленькое окошко в форме квадрата со стороной в пятьдесят сантиметров. Две пересекающиеся планки разделяли его на четыре квадрата. Три этих квадрата были покрыты грязью и пылью, на месте четвертого — пустота. Окошко было глухим и никогда не открывалось. Подоконник располагался в трех четвертях метра от пола. Ш. подошел к окну и присел на корточки, так что его взгляд проник сквозь окно далеко наружу.

В правой руке он держал кусок торта, который кусал.

Ш. посмотрел на дорогу. Она пролегала в юго-восточном направлении. На другой стороне дороги находился широкий тротуар, по которому шел высокий человек в черной накидке и серой фетровой шляпе. На некотором расстоянии сзади двигались двое мужчин, с носилками, на которых лежал велосипед со спущенными шинами. Рама велосипеда была залита кровью.

Поверхность дороги выглядела темной и ухабистой. По ней ехали автомобили; четыре из них с прикрепленными к радиаторам черными креповыми лентами.

С обеих сторон дорогу ограждал забор, поверху которого были вмурованы осколки битого стекла, или шли остро заточенные металлические штыри, словно копья, устремлявшиеся в облака. То здесь, то там располагались клумбы, у владельцев которых можно было купить красивые цветы. Здесь же располагались частные пивоваренные заводы или клиники, где люди забывали свои печали, и даже кафе. Кафе стояло напротив гаража, окошко в гараже не открывалось.

В кафе было две витрины, по обеим сторонам входной двери. Снаружи стояли лотки с овощами, апельсинами, рулонами тканей, газетами. Над дверью висела вывеска «Станционный смотритель Дж. Ф. Ватт. Бакалея. Кафе. Закусочная». В витрине стояло множество товаров. Хозяин кафе Дж. Ф. Ватт находился внутри помещения; он молча смотрел в окно на дорогу.

«Все не так уж плохо, Виолетта».

Под окном лежал какой-то самодельный инструмент. Он был собран из шести цилиндрических жестяных консервных банок, каждая длиной около десяти сантиметров. Банки были вставлены одна в другую, образуя трубу длиной около сорока четырех сантиметров. В днище верхней и нижней банок были проделаны круглые отверстия, так, что кусочки жести удерживали два зеркала — одно вверху, одно — внизу трубы. Эти зеркала были установлены под углом в сорок пять градусов по отношению друг к другу. По бокам трубы, напротив зеркал, были вырезаны квадратные отверстия такого же размера, что и зеркала. Любой, кто смотрел в отверстие в нижней

части трубы, мог увидеть в зеркальце отражение предметов, попавших в зону видимости верхнего отверстия. Этот инструмент назывался перископом.

Ш. подобрал перископ и просунул его в верхнюю левую часть окошка, как раз в ту, где не было стекла. Он сидел слева от окна, по-турецки поджав под себя ноги. Вставив перископ в окно, он повернул его в одном направлении, затем в другом. В определенный момент он остановился и посмотрел в нижнее отверстие. В зеркале отображалась часть улицы, не видимая невооруженному глазу.

В перископе отражался восточный угол дома, ближайший к гаражу, а также участок забора, отделяющий участок мистера Мэри от улицы. Повернув перископ в одну и в другую сторону, Ш. получил полную картину фасада жилого дома и каменного забора, которым он был обнесен.

Конечно же, изображение было весьма относительным, и требовало тщательного изучения и правильного осмысления.

Устройство позволяло увидеть сразу лишь кусочек изучаемого пространства. Ш. изучал переднюю часть жилого дома. Его изображение было слегка искажено, особенно по краям поля видимости, и поэтому единственными предметами, четко различимыми, были: изогнутый каменный козырек под крыльцом, поддерживаемый двумя каменными колоннами, две каменных ступеньки крыльца, на краях которых и стояли эти колонны.

Наискось от крыльца, вдоль дороги, проходил тротуар. По нему шел человек, неся в руках камеру от велосипедного колеса. Ш. не трогал перископ, поэтому сначала в зеркале появилось изображение одной руки, затем носа, затем появилось и все тело. В этот момент человек поравнялся с входной дверью. Его ноги исчезли почти сразу, затем постепенно исчезла камера, потом и весь человек.

Когда он прошел, тротуар оказался совсем пустым.

В одном месте стены, заметном сквозь перископ, была видна ниша, за которой опытный наблюдатель мог усмотреть боковые ворота в стене у дальнего угла дома. Из этой пустоты вдруг появился раскрытый зонтик, за ним — пухлая женщина в светлом пальто, несущая в руках корзинку. Ее внешность была искажена многочисленными зеркалами перископа: она теперь казалась высокой и стройной.

Она повернулась в юго-восточном направлении, вгляделась в даль, словно что-то ища, и пошла туда вдоль тротуара. Перископ двигался за ней, стараясь держать ее постоянно в поле зрения, насколько это возможно.

Полная женщина, которая благодаря перископу казалась теперь высокой и стройной, посмотрела в сторону кафе и помахала кому-то зонтиком, как будто в знак приветствия.

«Что скажет Джордж, когда увидит тебя любезничающей со старым Ваттом? Он посадит тебя под замок! Вот что он сделает!»

Женщина подходила все ближе и ближе к гаражу, и ее очертание принимало все более естественную форму; теперь можно было разглядеть в подробностях ее фигуру и одежду, волосы, шляпку с искусственными цветами, которые были приколоты к шляпке — голубые, розовые, желтые, похожие на подснежники. Волосы собраны в пучок на затылке. Теперь в зеркале перископа была отчетливо видна голова. Желтые волосы, собранные в узел, были прижаты шляпкой с искусственными цветами. Вскоре в зеркале появилось бежевое пальто; сначала верх, затем к нему прибавились серединка и полы и, наконец, изображение женщины стало занимать все поле зрения перископа. Она шла по тротуару с зонтиком в одной руке и с корзинкой в другой, теперь уже удаляясь от наблюдателя.

«Видишь, никакого дождя и нет. Нечего было так беспокоиться».

Ш. убрал перископ внутрь чердака и положил его рядом с окном. Отойдя от окна, он сел, поджав под себя ноги, согнув их в коленях так, что коленные чашечки находились на уровне его глаз. Положив руки на колени, а подбородок на скрещенные кисти, Ш. закрыл глаза и задумался.

Расстояние между ним и окном в задней стене гаража, которое выходило в сад, составляло пять с половиной метров. Слева от Ш. стояла узкая лодка, похожая на каноэ. Она была выкрашена в светло-голубой цвет. На носу лодки белой краской было написано «Летун». Специальные подставки из дерева удерживали лодку от падения. Ее сиденья были выпуклыми, а внутреннее пространство заполнено смесью древесных стружек, старых бумаг и тряпок, накрытых маленьким куском просмоленной парусины. Парусина обветшала и потрескалась. Один ее конец зацепился за борт лодки. Все на чердаке было покрыто слоем пыли, выглядевшим толстым посередине и немного тоньше — по краям. Пол был сложен из мелких досок и разделен на четыре части. Первые два метра пола от окна были цельными. Остальная часть пола представляла собой деревянные щиты, которые можно было в любой момент снять, чтобы вытащить крупные предметы; лодку, например.

Вдоль другой стены чердака, справа от Ш., лежала куча картонных коробок из-под различных товаров: мыла, зубных щеток, консервов. Теперь они служили Ш. вместо шкафа, вмещая в себя все его вещи. Возле коробок стояла пара черных ботинок, недавно начищенных до зеркального блеска. Они резко контрастировали со старыми рваными и грязными носками, надетыми на ноги.

Картонные коробки были закрыты. На верхней лежала книга в мягком переплете. Обложка была яркой. Книга называлась «Город убийц». На ней был изображен мужчина, балансирующий на деревянной доске, проложенной между крышами двух домов-небос-

кребов. В каждой руке он держал по пистолету. Он стрелял в четырех мужчин, которые, по-видимому, его преследовали. Один из них держал в руке ствол огнемета, пытаясь поджечь доску. Ш. взял книгу и открыл ее. Это был сборник комиксов. Первый эпизод назывался «Среди мертвых». Ш. начал рассматривать один рисунок за другим.

Просмотрев две страницы, он закрыл книгу и забросил ее в самый угол чердака одним взмахом руки. Книга упала точно в месте пересечения ската крыши и пола, подняв облако пыли. Крыша гаража была сделана из легких листов металла. Для придания им жесткости их сделали рифлеными. Через равные промежутки листы были скреплены заклепками.

Чердак был тускло освещен. Легкий шум начал заполнять его, постепенно возрастая. Дождь лился, как из ведра, барабаня каплями воды по наклонной крыше гаража. Дождь усилился — усилился и звук, наполнявший чердак. Вода сбегала по обоим скатам крыши, попадая в водосточные желоба, подвешенные по кромке. Желоба оканчивались на углах гаража, где были установлены трубы. Вода, попадая из желобов в трубы, гремела и булькала. Все эти звуки на чердаке были отчетливо слышны. Внутри чердака было сухо.

«Старуха была права насчет дождя».

Поднявшись на ноги и сгорбившись при этом, Ш. направился к окну в задней стене. Открыть его было невозможно. Оно было маленьким и квадратным, разделенным на четыре части двумя планками. Три части были застеклены — одного стекла не хватало. В открытый квадратик окна залетали крупные капли дождя. Под окном в пыли валялась дощечка, вырезанная по размерам недостающего стекла, которая как раз была предназначена для того, чтобы закрыть пустующее место. Ш. подобрал ее, сдул с нее пыль и вставил на предназначенное для нее место.

Ш. выглянул из окна.

«Очень даже неплохой дождь!»

Предметы снаружи словно растворились в потоках низвергающейся воды. Она струилась по стеклу, открывая на миг едва видимый просвет, через который что-то можно было разобрать, но лишь на мгновенье, а затем просвет исчезал.

Слева сад был отгорожен каменной стеной, верхний край которой был усыпан осколками битого стекла. Эта стена ограничивала владения мистера Мэри с юго-востока. Она отделяла сад от двора, в котором жил импортер и торговец бананами. Эта стена пересекалась с живой изгородью, принадлежавшей холостяку, один из предков которого (по отцовской линии) построил маяк где-то на побережье Африки или Южной Америки. Точка, в которой пересекалась каменная стена с живой изгородью — это был южный угол сада — была скрыта от окна в задней стене гаража зарослями кустарника, окаймляющего декоративный бассейн.

Немного подальше, размытая густой пеленой дождя, виднелась низкая ограда, пересекающая газон, тянувшийся вдаль. С другой стороны газона пролегала грязная тропинка, ведущая к старому каменному зданию.

Несмотря на то, что дождь усилился, и контуры старого здания — бывшей конюшни — были нечеткими, дом можно было легко рассмотреть. Когда Ш. впервые использовал чердак гаража в качестве убежища шесть месяцев тому назад, старое здание утопало в зелени растущих вокруг него фруктовых деревьев по самую крышу. Сейчас здание казалось голым и неприкрытым.

«У него, должно быть, здорово льет сейчас. Крыша не сможет долгое время выдерживать напор дождя. Уверен, что вода течет сейчас прямо на голову».

Фасад бывшей конюшни был скрыт темнотой опустившегося вечера и стеной непрекращающегося дождя. Но все же, кое-что и теперь можно было разобрать. На втором этаже находилось маленькое круглое окошко. Под окном находились большие ворота, в левой створке которых была и дверь поменьше. Ворота были темными и серыми.

«Лучше он, чем я».

Домашний голубь по имени Х. сорвался из ниши в стене старого каменного здания.

Он неуклюже описал круг, махая крыльями так, что они при каждом взмахе касались друг друга то вверху, то внизу. Х. исчез. Дождь продолжался. Вода текла по стеклам окна, закрывая собой весь мир.

Время от времени Домоладосса отрывался от чтения доклада, чтобы сделать пометку в блокноте, лежащем у него на столе вместе с фотографией жены. Собирая всю новую информацию, он аккуратно наносил все новые детали на свою схему в блокноте.

— Эта проблема общечеловеческая,— пробормотал он. Домоладосса хотел быть первым посетителем нового мира.— Я направлюсь прямо к миссис Мэри, когда у меня будет больше информации о ней.

Дождь барабанил по крыше гаража. Крыша, собранная из листов тонкого металла, звенела под ударами тысяч падающих капель. Она протекала. Через одинаковые интервалы на ее поверхности находились ряды болтов. Болты соединяли металлические листы, которые служили защитой крыше. Большинство болтов и навинченных на них гаек проржавели, и лишь некоторые из них оставались серыми — обыкновенного стального цвета. Они начали блестеть.

В зависимости от того, падал на них свет или нет, они то вспыхивали, то угасали.

На мерцающих концах болтов образовывались водяные капли. Свет, пробиваясь из окна, которое невозможно было открыть, многократно отражался в каплях, падающих с крыши. Капли воды ловили свет, и, как бы вобрав его в себя, сияли и переливались маленькими искрами. Одна за одной капли падали на пол чердака.

«Похоже на то, что дождь и не собирается стихать! Боже, как бы я хотел... э-э... все равно!»

Капли беспорядочно падали одна за другой. Вода с разной быстротой собиралась у каждого болта. Она падала затем с присущим только ей темпом. Каждый раз казалось, что упавшая с болта капля последняя, и что воды больше нет, но вскоре снова точка увеличивалась, по-прежнему храня внутри себя свет, и, наконец, падала, срываясь под собственной тяжестью. С одних болтов капли падали раз в минуту или даже реже, с других — намного чаще.

Несмотря на шум капель воды о внешнюю сторону крыши, Ш. отчетливо слышал, как сорвавшиеся сверху капли разбивались об пол.

О скорости, с которой падали капли с того или иного болта, можно было судить по полу. Под теми болтами, которые медленно собирали воду, пол был просто сырым; а под другими, с которых капли срывались одна за другой, образовались целые лужи. Они были бесформенными, потому что каждая капля, попадающая в нее, создавала цунами в миниатюре. С ростом количества и размера луж изменялся и звук падающих капель. Из скучных и мрачных ударов он постепенно переходил в живой и звонкий звук.

На четвереньках, двигая руками и ногами, Ш. перебрался на другую половину чердака. Для этой цели он избрал дорогу точно посередине чердака, потому что в этом месте было меньше всего капель.

Перебравшись туда, он сел и прислонился спиной к стене рядом с окошком. Поджав к себе ноги так, что его колени находились на уровне плеч, он охватил ноги руками, а подбородок положил на колени. Он сидел, насвистывая мелодию, которая называлась «Свистящий Рафаил».

Вдоль боковой стены чердака, справа, стояло несколько упаковочных ящиков, выставленных в ряд. В них Ш. хранил свои вещи. Снаружи на ящиках еще сохранились названия тех предметов, для которых они были предназначены: консервы, масло, фрукты. Всего ящиков было пять. Они стояли там, где крыша не протекала. Лужи собрались за ящиками, в том месте, где треугольная крыша почти соприкасалась с полом.

У другой стены лежала остроносая лодка, выкрашенная в светло-голубой цвет. Она была из дерева и стояла на специальных под-

ставках, тоже деревянных. На носу лодки белой краской было написано «Летун». Эта лодка занимала почти всю длину чердака.

Лодка была довольно узка, и поэтому ее можно было поставить так, чтобы вода не затекала вовнутрь. Лишь в одном месте, где-то посередине, капли попадали на дно лодки, но это место было закрыто куском просмоленной парусины, лежащим поперек лодки. Капли попадали на поверхность парусины и плавно стекали на пол. Внутри лодки лежали разные тряпки, одеяла, древесная стружка и кусок парусины сверху — для предохранения от сырости.

Ш. перестал свистеть. Приподняв подбородок, он оглянулся, почесал правой рукой спину. Затем он вернул руку в прежнее положение, подбородком оперся о колени. Он снова принялся свистеть.

Справа и спереди от того места, где сидел Ш., стояли пять картонных ящиков с вещами. Перед ними и позади них собирались лужицы. Эти лужицы явно покушались на целостность пылевого покрова, поглощая его. В некоторых лужицах плавали пушинки и травинки. Лужи тоже были разные. Большие были шире и длиннее маленьких. Самые маленькие были мельче и уже, чем лужи средних размеров. Самые большие лужи образовывались под теми болтами, с которых чаще стекала вода. Меньшие лужи — под болтами, с которых капли падали медленно. Болты были вкручены в крышу. Лужи образовывались на полу. От них пол становился сырым.

Ш. закрыл глаза и перестал свистеть.

Он открыл глаза и повернул голову направо, затем налево. Зевнул, широко открыв рот. Моргнул.

В дальнем конце чердака располагалось квадратное окно, разделенное на четыре части. По трем уцелевшим стеклам сбегала вода, искажая внешний мир за окном. С того места, где сидел Ш., он мог увидеть только размытый кусок стены; остальное казалось смешением цветов — зеленого, коричневого, серого.

Справа от Ш. стоял ряд из пяти картонных коробков. Их окружало множество луж. Много сил приложила природа, чтобы создать эти маленькие грязные скопления жидкости.

Встав на колени, Ш. подобрался к крайнему ящику, проползая таким образом весь чердак. На этом ящике виднелась этикетка, сообщавшая, что когда-то в нем хранилась свиная тушенка. Ш. нагнулся и открыл коробку, заглянул в нее. Одновременно он видел и несколько деревянных планок, валяющихся возле коробки.

Из коробки Ш. вынул жесткую кепку с лакированным козырьком. Держа ее в левой руке, он обтер козырек рукавом правой руки. Эту кепку ему выдали, когда он поступил на службу к мистеру Мэри, то есть тринадцать месяцев назад. Ш. надел кепку, заправил торчащие волосы. Слегка распрямив спину, он отдал честь, дотрагиваясь рукой до козырька сжатыми пальцами правой руки.

— Докладываю о готовности, сэр. Все в порядке. Можем отправляться в любую минуту.

Опустив руку, Ш. повернулся к дыре в полу чердака. Подойдя к люку, он опустил в него ноги, поставил их на верхнюю ступеньку лестницы.

Лестница была прикручена болтами к задней стене гаража. По ней Ш. быстро спустился вниз. Теперь он стоял на полу гаража.

Гараж был тускло освещен. Свет проникал сквозь люк наверху, через который Ш. спустился. Лучи проникали и через маленькое окошко, расположенное в северо-западной стене; в него был виден жилой дом. Из-за небольшого расстояния между домом и гаражом — полтора метра — свет был очень слабым. В обеих створках ворот были проделаны отверстия, закрытые армированным стеклом. И хотя через них ничего нельзя было рассмотреть, некоторое количество света все же просачивалось в гараж.

Почти все пространство гаража занимал черный автомобиль, произведенный в Великобритании. И, хотя он был окрашен эмалевой краской, дававшей слабые блики, казалось, что автомобиль больше поглощает света, чем его отражает. Шины автомобиля были спущены. Он стоял на ободах.

— Доклад изобилует мельчайшими деталями! — сказал Мидлакемела, читая доклад из-за плеча Домоладоссы.

Домоладосса ничего не сказал в ответ. Доклад передавал то состояние скуки, которое полностью овладело Ш. В гараже витал всепоглощающий и безразличный взгляд Ш. И теперь только они — Домоладосса и Мидлакемела — могли подвергнуть все предметы обстановки двойной проверке. Именно теперь им предстояло определить, что представляло ценность. До тех пор, пока они не сделают этого, новый мир будет для них бесполезен. Надо было найти путь, после появится все остальное.

Конечно, Домоладосса не знал, что подвергается точно такой же оценке со стороны Определителей, наблюдающих за ним со склона холма. Определители же в свою очередь были под контролем наблюдателей из Нью-Йорка. За теми, в свою очередь, следили двое молодых людей и мальчик, которые находились в пустом товарном складе, в растерянности наблюдая за изображением.

— Что это, папа? — спросил мальчик.

— Я думаю, мы открыли машину времени или что-нибудь в этом роде,— ответил отец. Он поднялся вперед. Этим людям был виден Домоладосса, читающий доклад, потому что в Нью-Йорке на экране застыло изображение склона холма, на котором стояли двое мужчин, разглядывающих небо.

Кроме окон и автомобиля, стоящего посередине, в помещении ничего больше не было. Двустворчатые двери гаража закрывались на небольшой металлический замок; кроме того, каждая половина фиксировалась на щеколды сверху и снизу. Возле дверей у стены, ближайшей к дому, стоял цельный деревянный ящик. От него к выключателю, вмонтированному в стену на уровне плеч, шел провод в гибкой изоляции. От выключателя провод тянулся к электропатрону, висящему над машиной. В него была ввинчена лампочка.

Задняя стена гаража включала три составляющие: первой была дверь, ведущая в сад, сейчас — закрытая. Дверь была металлической. На ее внутренней стороне имелась ручка, снаружи тоже. Кроме того, в замочной скважине торчал ключ. В верхней части двери виднелась небрежно сделанная черной краской надпись 12А. Рядом с дверью стояла деревянная лестница, прикрученная болтами к бетонному столбу. Эта лестница вела на чердак. За лестницей вдоль всей задней стены, стоял столярный верстак, оснащенный тисками и козлами для расщепления древесины.

На верстаке находилась канистра с плотно закрытой пробкой. Под канистрой на полу лежал маленький металлический лист, на котором стояла воронка. Вокруг расплылись керосиновые лужи. Овальную поверхность верстака занимали столярные и слесарные инструменты, а также запасные части автомобиля.

В стене, обращенной к дому, имелось только одно окошко, открывающееся вверх.

Противоположная стена была глухой и состояла из асбестовых плит, укрепленных бетонными стойками.

Пройдя вдоль стены, Ш. подошел к машине со стороны водительского места, открыл дверцу и сел за руль. Сиденье водителя было обтянуто серой кожей. Ш. устроился на нем поудобнее; он протянул руку, чтобы достать ручку дверцы, и захлопнул ее.

Окна машины были закрыты.

Шум дождя был почти неразличим. Редкие, но регулярные удары по крыше машины означали, что вода из луж на чердаке просачивается сквозь потолок и попадает внутрь самого гаража на крышу автомобиля.

— Куда бы вы хотели отправиться в такой прекрасный день, мадам? Расстояние — не препятствие. Не хотите ли съездить в Брайтон?

Гримасничая, Ш. включил зажигание, нажал кнопку стартера. Поставив ногу в носке на акселератор, плавно нажал педаль. Выжав сцепление, переключил ручку на первую скорость. Взявшись обеими руками за руль, осторожно повернул его. Левой рукой перевел переключатель скоростей на вторую скорость. Улыбнувшись в сторону заднего сидения, он сказал:

— Надеюсь, мадам выбрала сегодня маршрут? Торквай? Вирджиния-Уотер? А как насчет Хенли-на-Темзе или Края Озер?

Ш. перевел вторую скорость на третью, а затем сразу же на четвертую. Он сильно нажал на газ ногой в носке. Ш. держал руль двумя руками, выставив оба больших пальца вперед, и смотрел прямо перед собой на закрытые двустворчатые двери, в которые почти упирался капот машины.

— Как вам нравится, мадам? Чудесный день, не правда ли? Неужели вы не рады, что поехали одна, без мужа? Может быть, мадам пожелает сделать остановку на природе, чтобы немного отдохнуть на траве? Мадам выглядит так привлекательно, когда лежит раскинувшись!

Его рот широко раскрылся, брови поднялись вверх, доставая волос. Наклонившись вперед, Ш. резко дернул руль вправо, наклонился телом в ту же сторону, так, что его плечо уперлось в дверцу. Медленно возвращаясь в начальное положение, Ш. тыльной стороной ладони вытер лоб. Он сбросил скорость до второй, затем снова переключил на четвертую. Вскоре на его лице заиграла легкая улыбка. Он повернулся назад.

— Прошу прощения, дорогая... Я должен следить за дорогой, мадам. Мы чуть не сбили эту старуху. Еще несколько сантиметров, и она отправилась бы на тот свет.

Повернувшись обратно, Ш. почувствовал усталость. Держа руки на баранке, он опустил лицо к рукам и почесал таким образом подбородок. Затем он снял с педали правую ногу, согнул ее в колене, положил на левое бедро. Проделал он все это, не глядя.

В таком положении Ш. начал насвистывать свою любимую мелодию. Некоторое время спустя он переменил позу, при этом снова начал свистеть. Теперь он вытянул ноги вдоль своего сиденья и сиденья пассажира и, опершись спиной о дверь, все еще держал правую руку на рулевом колесе. Левой рукой он толкнул фуражку, так, что она сползла ему на глаза, козырьком закрыв нос. Левая рука оставалась запрокинутой за голову:

— Убирайся отсюда! Ищи работу где-нибудь в другом месте — на побережье, на юге. Одним словом, ты больше не работаешь здесь. Можешь идти!

Пальцы левой руки забарабанили по боковому стеклу. Ш. согнул ногу в колене. Освободив свою руку, он положил ее на колено согнутой ноги.

— Здесь такая скука. А может, остаться еще немного? В конце концов, ты видишь ее каждый день. Боже, для чего нам жизнь дана?

Вытянув шею, Ш. выглянул в открывающееся маленькое окошко в стене, ближней к дому. Он увидел юго-восточную часть дома. Треть каменного пространства занимала каменная кладка, остальное было частью окна. Вытягивая шею, насколько это было возмож-

но, Ш. увидел водосточную трубу, отражение которой он первый раз увидел в окне. Это было окно туалетной комнаты на втором этаже. Оно было частично скрыто потоками воды, которые стекали по стеклу гаража.

Сев ровно, Ш. опустил левую ногу вниз, правую поджал под себя. Он обернулся к заднему сиденью. Его руки лежали на спинке водительского сиденья, на них упирался подбородок. Ш. отрешенно смотрел назад. Темнота внутри машины лишь усиливалась массивностью задних сидений.

— Не давай им себя согнуть, парень. Сволочи! Все сволочи! Теперь уже слишком поздно. Ты унижен, унижен. И все же Монте-Карло, Ницца, почему бы и нет?.. Никто не вспомнит. Разве что старая Виолетта...

Подняв голову, Ш. освободил правую руку и опустил ее вниз. Он погладил ею материал обивки. Пальцами левой руки Ш. барабанил по спинке сиденья. Он бессмысленно свистел, уставившись на рисунок материи, которой было обито заднее сиденье.

«Больше нет причины здесь околачиваться».

Ш. открыл дверцу машины и опустил ноги на пол. Под задними колесами машины разлилась небольшая лужица. Вода, стекающая с болтов, скрепляющих железные листы крыши, падала на пол чердака, образуя лужи. Она просачивалась сквозь потолок и попадала на крышу автомобиля. По заднему стеклу машины проходили влажные полоски-ручейки, по которым бежала вода, капая с крыши. Ручейки повторяли очертания автомобиля и сходились точно над задним колесом. Вода капала на бетонный пол, собираясь в лужу под серой тощей шиной лопнувшего колеса.

Ш. обошел лужу, направляясь к лестнице у задней стены гаража. Положив левую руку на одну из перекладин лестницы, он уперся в бок правой рукой. Он стоял и слушал. Затем он сделал два шага вперед и открыл металлическую дверь, на которой было написано черной краской: 12А.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дождь кончился.

С земли доносился мелодичный звук бегущей воды. Небо над садом почти очистилось, лишь изредка появлялись мелкие облака.

Травяной газон, ограниченный с одной стороны клумбой с кустами роз протянулся в сторону сада. У газона сидел голубь, что-то подбирая на земле. Шагая вперед, он смешно вытягивал голову и переваливался с боку на бок.

Клумба с розовыми кустами была разбита около каменного забора. Забор тянулся по всему саду и пересекался с живой изго-

родью. С другой стороны сада располагались насыпные цветочные грядки. Деревья в саду были очень стары, но высоки и ветвисты. За ними виднелось старое каменное здание. Нижняя часть его была закрыта перекошенными деревянными воротами. Над ними на втором этаже было расположено маленькое круглое окошко. В окне было чуть заметно движение.

Подняв правую руку, Ш. сжал пальцы в кулак и погрозил им в сторону каменного здания. За окном все замерло.

Южный угол дома закрывал от взора большую часть сада. Несколько окон, расположенных в юго-восточной части дома, были видны из гаража. Ш. принялся изучать эти окна. Но в них отражалось только небо и серые облака. Тучи еще не рассеялись полностью; день подходил к концу.

Внизу, на первом этаже, находилось большое широкое окно. Сквозь него Ш. была видна гостиная; в данный момент — часть стола и у противоположной стены — сервант. Над сервантом висела картина. Деталей Ш. разглядеть не мог. На подоконнике стояла фарфоровая статуэтка собаки, изготовленная в Китае. Ш. мог ее рассмотреть во всех подробностях. Собака сидела на задних лапах, поджав передние, всем своим видом выражая просьбу. По краям окна свисали зеленые гардины. Можно было рассмотреть еще одно окно, выходившее на юго-западную сторону: точнее, всего лишь часть окна. Свет, падающий от него, отражался на полированной крышке стола так четко, что Ш. мог различить даже отражение оконной рамы.

Сквозь оба окна гостиной Ш. мог увидеть ту часть сада, которая была от него скрыта самим домом. Правда, так едва ли можно было что-либо хорошо разобрать, кроме контуров фруктовых деревьев и живой изгороди, отделяющей владения мистера Мэри от участка бакалавра, чей предок по отцовской линии стал известен тем, что построил маяк где-то на побережье Африки или Южной Америки.

Одно из окон второго этажа на юго-восточной стороне дома принадлежало спальне миссис Мэри. Там было еще одно окно с видом на деревянное бунгало.

Окно, которое разглядывал Ш., имело матовое застекление. Внизу, на первом этаже, располагалось еще одно окно, закрытое точно таким же стеклом — окно туалета. Рядом с ним проходила водосточная труба.

Дальше возле южного угла дома находилось другое окно, сквозь которое можно было угадать помещение — ванная комната.

Собственно, в ванной находилось два окна: одно выходило к гаражу, другое — в сад. В окне можно было увидеть голубые занавески, часть абажура, висевшего над потолком. Абажур казался голубым, но Ш. не был уверен в этом. Второе окно Ш. не видел, но дога-

дывался о его существовании по полоске света, проходившей по потолку ванной с юго-запада. Ванная комната была пуста.

«Она не могла никуда уйти в такой дождь».

В газоне копошился домашний голубь. Увидев его, черно-белый кот, прячась за живой изгородью, обежал открытое пространство газона и оказался от него в полутора метрах. Прижавшись к самой земле, кот подкрадывался к голубю: морда опущена к передним лапам, уши прижаты к затылку. Голубь расправил крылья и взлетел.

В гостиной стало заметно какое-то движение; Ш. повернул голову в ту сторону и посмотрел в окно. В комнату вошла женщина с темно-желтыми волосами. Она была одета в домашнее платье из коричневого твида. Подойдя к столу, она очутилась между окном и столом, встала в профиль к Ш. Она стояла не более чем в двух с половиной метрах от Ш., отделенная от него только тонким оконным стеклом. Вдруг она резко повернулась и посмотрела в окно — и увидела Ш.

Ш. смотрел на нее. Ее рот был слегка приоткрыт. Ни Ш., ни женщина не двигались... Наконец Ш. поднял руку в приветственном жесте, слегка склонил голову. Он не упускал ее из виду.

Женщина поспешно бросилась из комнаты. Ш. показалось, что, убегая, женщина что-то выкрикивала, потому что черты ее лица исказились. Ш. вернулся в гараж и захлопнул за собой дверь.

Он стоял за дверью, играя защелкой. Затем подошел к лестнице и стал по ней взбираться на чердак. Возле люка располагалось небольшое окно, которое не открывалось. Оно делилось на четыре части двумя перекрестными планками: три секции были застеклены, в одной место стекла занимала доска. Ш. убрал ее и положил на пол.

Под окном лежал самодельный перископ. Он был сделан из дюжины консервных банок, соединенных в одну трубу сорока пяти сантиметров длиной. В верхней и нижней части трубы были вырезаны круглые отверстия. Там же были закреплены два зеркала под углом в девяносто градусов друг к другу. Нижняя банка могла вращаться вокруг своей оси. Подняв перископ, Ш. приготовился выставить его наружу через незастекленную секцию окна. Сделав это, он навел перископ на окно гостиной и посмотрел в зеркало.

Мужчина в темном костюме выглядывал из-за зеленой портьеры. Его взгляд был прикован к окну гаража. В руках он держал винтовку.

Ш. спрятался за угол, не отрывая глаз от изображения в зеркале перископа. Мужчина не шевелился, двигались только его глаза. Ш. держал в руках перископ, мужчина — винтовку.

Откуда-то со стороны газона донесся пронзительный визг

и шум. И мужчина с винтовкой и Ш. с перископом повернулись в ту сторону: на газоне прыгнувший из засады кот поймал голубя. Голубь пытался вырваться, хлопая крыльями и пронзительно крича. Черно-белый кот сидел на спине своей жертвы. Мощное хлопанье крыльев испугало кота. Это и освободило голубя, который вырвался из лап кота, оставив ему пучок перьев. Двигаясь боком, голубь бешено махал крыльями и поднялся наконец в воздух. Кот прыгнул еще раз. Его лапы коснулись жирного тела голубя. Невероятным усилием голубю удалось увернуться от кота и снова не попасться ему в лапы. Поднявшись на задние лапы, кот яростно бил по воздуху, стараясь схватить голубя. Голубь же умудрился ударить кота крылом по носу. Это совсем было охладило пыл охотника. Опустившись на четыре лапы, кот уже собрался бежать, но, падая, он задел за кольцо на ноге голубя, и голубь со страшной силой свалился коту на голову. Испуганный кот подскочил вверх, схватил голубя и наступил на него всеми четырьмя лапами. Наклонил голову к горлу добычи. Голубь слабо трепыхался. Схватив голубя зубами за крыло, кот поволок жертву по газону. Голубь все-таки продолжал борьбу, страстно желая освободиться.

Мужчина с винтовкой в руке исчез. Все еще сжимая в руках перископ, Ш. прошел на середину гаража, постоял там, сгорбившись, затем подошел к стене и сел к ней спиной. Он подобрал под себя ноги, опершись на них руками. Подбородок лежал на кистях рук.

«Надо убираться из этого проклятого места. На юг. Нет ни единого шанса...»

Через некоторое время он подошел к окну и посмотрел на улицу.

Небо опять затянулось тучами, и не было видно ни малейшего просвета. Пасмурным и хмурым казалось небо, серой и скучной — дорога. Через дорогу Ш. увидел забор с блестевшими наверху осколками бутылок, усеянный заточенными, как копья, металлическими прутьями. Забор оберегал от посягательств частную собственность: пивоваренные заводы, теплицы, клиники. Точно напротив гаража находилось кафе с освещенными витринами. В одно из окон Ш. увидел стол, покрытый скатертью в бело-красный квадратик, и человека, стоявшего у окна со сложенными на груди руками. Он смотрел через дорогу на дом.

Ш. облизал губы. Отвернувшись от окна, он потянулся назад, достал перископ, вставил его в окно так, что верхний край перископа оказался над крышей. Ш. мог видеть, что творилось в юго-восточной части дома. Он посмотрел в нижнее зеркало. В нем появилось изображение маленького окна спальни миссис Мэри.

«О Боже! Вот она... Тебе везет!..»

Женщина сидела у окна, склонив голову на руки, прикрыв глаза ладонями. Она все еще была одета в домашнее платье из коричневого твида. Ее плечи вздрагивали. Она убрала руку от лица и полезла

в карман платья, о существовании которого Ш. догадывался, хотя и не видел. В одном из зеркал была трещина. Она искажала изображение женщины, разрывая его на два отдельных куска. Достав маленький платочек, женщина поднесла его к глазам, приложила к носу. Плечи ее по-прежнему вздрагивали. Прядь волос из прически упала ей на шею. Она находилась не более чем в двух метрах от перископа.

«О Боже, ты плачешь... Как бы я хотел, чтобы ты плакала из-за меня, а не из-за этого... Ну, вот и сам... Улыбчивый Мальчик».

Позади женщины появилась фигура мужчины в темном костюме. Он положил руку ей на плечо. Она смахнула руку со своего плеча. Он протянул к ней руки. Губы его двигались; рот открывался и закрывался. Он улыбался. Вдруг она резко повернулась к нему. Скулы у нее были широкие и высокие. Когда женщина начинала говорить, кожа на лице волнообразно двигалась в такт движениям рта. Губы двух лиц теперь двигались одновременно. Мужчина хмурился. Щеки его пылали. Глаза были словно налиты кровью. Когда он подошел ближе еще на шаг, женщина все так же внезапно отвернулась от него, еле сдерживая сотрясавшие ее рыдания.

Мужчина в темном костюме обхватил ее за плечи; женщина все продолжала вздрагивать. Ш. показалось, что мужчина начал кричать, хотя до него не донеслось ни звука. Женщина подняла сжатые в кулаки пальцы над головой и бессильно уронила их на колени. Вскочив со стула, она рванулась к окну, прижалась лбом к стеклу, на котором вмиг образовалось дымчатое пятнышко от ее дыхания. Мужчина в темном костюме пожал плечами и вышел. Женщина никак не прореагировала на его уход.

Рука Ш. онемела; он убрал перископ в комнату, переложил его из правой руки в левую. Правую кисть он зажал под мышкой левой руки. Он опять выставил перископ наружу. На улице стало еще пасмурнее и темнее. Только потому, что женщина сидела на очень близком расстоянии к окну, Ш. мог видеть ее сквозь свой аппарат.

Сдвинув фуражку с лакированным козырьком на затылок, Ш. выглянул наружу. На улице зажглись огни. По дороге не спеша проехал автомобиль. Над его крышей неоновым светом зажигалась надпись «Диггер». Шины автомобиля были приспущены. Когда машина проехала, через дорогу прошел человек, которого Ш. узнал сразу. Это был мужчина в темном костюме.

Мужчина в темном костюме пересек дорогу. Когда Ш. его увидел, он сходил с тротуара, почти незаметного из окна гаража. Левое плечо мужчины четко освещалось светом уличного фонаря, расположенного у другого угла дома, между его стеной и каменным забором, который разделял улицу и владения мистера Мэри.

На середине дороги Ш. видел его гораздо хуже, так как свет от фонаря еле доставал того места, а другой фонарь, на противопо-

ложной стороне, был еще слишком далеко. Только когда мужчина в темном костюме пересек три четверти дороги, попал в круг света, образованного фонарем у кафе, Ш. снова увидел его более-менее отчетливо. Свет из окон кафе Дж. Ф. Ватта заливал тротуар. Фигура мужчины, освещенная спереди огнями витрин кафе, а сзади уличным фонарем, казалась фигурой циркового конферансье, стоящего в центре освещенной арены.

Мужчина открыл дверь кафе и вошел внутрь. Теперь Ш. видел его сквозь большую витрину. Он подошел к кассе, и стенд с товарами, расположенный в витрине, загородил его от Ш.

Согрев правую руку, Ш. перехватил ею перископ, не вынимая его из отверстия в окне. Это отверстие он специально сделал летом, когда только начал прятаться на чердаке. И оно приносило больше пользы, чем вреда, так как заодно давало доступ свежему воздуху на душном чердаке с металлической крышей. Ш. настроил перископ, но стал смотреть не в него, а в окно.

Мужчина в темном костюме отошел от кассы. За кассой стоял Дж. Ф. Ватт, ухватившись за нее обеими руками. Он смотрел, как покупатель выходит. Посетитель вышел в темноту улицы, на ходу запихивая маленькую красную коробочку себе в карман. Когда мужчина оказался недалеко от того места, где он становился недосягаемым для перископа, Ш. посмотрел в зеркало.

Искажения, возникающие из-за несовершенства прибора, сказались на облике мужчины. Он выглядел непомерно высоким, в то время как его лицо сплющилось на одну сторону. Ногами, напоминающими спички, он выписывал замысловатые фигуры. Он вышел на тротуар и исчез из поля зрения перископа.

«Если он ее отравит, то сам скоро последует за ней. Я об этом позабочусь. Это же змея в человеческом обличье! Как она могла с ним жить!»

Ш. собирался было убрать перископ из окна гаража и уже потянулся к окну, чтобы сделать это, как заметил, что снаружи кто-то появился. Ш. снова приник к зеркалам перископа.

Там появилось изображение кирпичной кладки. На ней были видны несколько темных пятен. Одно из них опытный наблюдатель мог распознать — боковые ворота. Из них вышел мужчина в помятом пиджаке. Ш. четко видел его лицо, так как проходил между уличным фонарем и наблюдателем. Когда он смотрел через дорогу, его лицо было полностью освещено.

«Интересно, готов он к этому или нет?»

Мужчина в помятом пиджаке перешел дорогу. В руках он нес маленький белый кувшин, который, судя по тому, как мужчина с ним обращался, был пуст. Ш. оторвался от перископа и начал следить за ним непосредственно из окна. Мужчина зашел в кафе и подошел к кассе. Ш. видел, как он разговаривает с Дж. Ф. Ваттом.

Время от времени он исчезал из поля зрения, как бы прячась то за посетителем, то за стопкой товаров в витрине. Затем Ш. увидел, как он вылез из-за кассы и направился к маленькой двери. Эта дверь находилась прямо за кассой и была закрыта когда-то очень ярким плакатом. С большого расстояния невозможно было увидеть, что было на нем изображено.

Через некоторое время владелец кафе снова появился в холле, неся в руках какой-то белый предмет, который передал посетителю. Тот повернулся и направился к двери. Вышел на улицу. Лампы из окон кафе ярко освещали тротуар. Когда мужчина пересек дорогу и очутился в непосредственной близости от гаража, Ш. увидел, что в руках человек несет кувшин, который обычно предназначается для молока. Он очень осторожно нес его перед собой, держа обеими руками за горлышко. Он подошел к забору и исчез из поля зрения Ш.

«Убийца! Я знаю, что он способен на все!»

Ш. не смотрел в сторону, где только что прошел человек в помятом пиджаке с кувшином молока в руках. Крепко держа перископ в правой руке, он выставил его наружу, за окно. Повернув прибор, Ш. установил его вертикально, чтобы можно было наблюдать через окно крыши за частью дома, невидимой из данной точки невооруженным глазом.

Произведя все эти манипуляции, Ш. посмотрел в окуляр перископа. Вновь в зеркале аппарата появилось изображение окна спальни миссис Мэри на втором этаже дома. Оно было темным. Пылающие отсветы закатного неба придавали предметам внутри комнаты мрачные очертания.

В окне Ш. увидел сидящую на стуле женщину с темно-желтыми волосами. Она спокойно и задумчиво смотрела в окно. На плечи ее была наброшена кофта. Женщина переменила позу, уперев локти в подоконник, а лицо положила на сцепленные кисти рук.

Ш. сдвинул кепку с лакированным козырьком на затылок одним движением левой руки. Его правая рука, выставленная наружу, начинала замерзать.

Через окно было видно, что женщина вдруг встрепенулась и резко обернулась назад, как будто услышала шум за своей спиной. В комнате включился свет: очень яркий и неожиданный, исказив черты лица женщины. Она отвернулась и закрыла лицо руками.

За ее спиной появился мужчина в темном костюме. В руке он держал стакан. Грани стакана тускло поблескивали. Стакан приблизительно на четверть был заполнен какой-то мутной жидкостью. Внезапно изображение стакана увеличилось до размеров самого мужчины, а голова женщины удлинилась, став очень узкой.

Мужчина протянул руку вперед и положил ее на плечо женщины. Женщина инстинктивно дернулась, оторвав голову от рук, на которые она опиралась. Ш. зашевелил правой рукой, державшей

перископ, чтобы изменить его положение. Он увидел, что мужчина отступил на шаг, почти полностью скрывшись из виду. Его левое плечо и часть головы стали невидимыми для наблюдателя. Так как лампа находилась у него за спиной, невозможно было разглядеть выражение его лица. Вдруг он сделал еще один шаг вперед и вытащил руку из кармана. Он размахнулся и ударил женщину по лицу. Женщина вскинула руки и быстро откинулась назад. Мужчина отошел в глубь комнаты, став невидимым для наблюдателя. Волосы женщины растрепались и висели спутанными прядями. Затем она исчезла из поля зрения. В комнате никого не было видно, только яркий свет, пробиваясь сквозь стекла, достигал окна гаража.

«Кто-то должен отомстить ему».

Изображение залитой светом спальни миссис Мэри дрожало в зеркалах перископа. Правая рука едва слушалась своего владельца. Ш. с трудом втянул руку внутрь комнаты, едва не выронив перископ. Он положил перископ на пол под окном. Сев рядом, он подобрал к себе ноги, положил руку на колени, а другую спрятал под мышку, стараясь согреть ее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Некоторое количество света все же проникало на чердак гаража... Сквозь квадратное окошко в противоположной стороне чердака пробивался свет непогасшего неба. Отсюда была видна часть кирпичной кладки забора, отдельные деревья за границей владений мистера Мэри. В небе ярко-пунцовые лучи света пронизывали облака, указывая путь заходящего солнца.

Внутри чердака можно было различить всего лишь некоторые предметы. Слева от того места, где сидел Ш., лежала узкая лодка, накрытая куском просмоленной парусины; слабый солнечный луч играл на ее лакированном боку, отражение распадалось на причудливые блики, наполнявшие темнеющее пространство чердака проблесками жизни.

С другой стороны стоял ряд картонных коробок, в темноте чердака казавшихся черными. Только одна из них, находившаяся рядом с Ш., была слегка отсвечена бледным лучом, падающим с противоположной стороны улицы от витрин кафе. На полу тускло блестели лужицы.

К одной из картонных коробок была приколота цветная репродукция известной картины. В тусклом свете едва можно было разглядеть изображение, символически противопоставлявшее мужчину и женщину, в которое художник вложил альтернативное разрешение конфликтной ситуации: мирное и успешное развитие отношений или полный их разрыв. Эта двусмысленность еще более усили-

валась скудностью освещения, которое четко выделяло только лица и сидящего на руках у девушки ягненка — все остальное в темноте оставалось загадкой.

Положив красно-белую трубку телефона на аппарат, Президент раздраженно сказал:

— Эта чертова картина Гольмана Ханта с ее пастухами, девушкой и прочей ерундой действует мне на нервы. Г. ее имеет, у С. она есть, теперь выясняется, что и у Ш. она тоже есть. Ради бога, Бейнис, что это может значить?

Начальник СК5 ответил:

— Мы проверили фамилию Гольман Хант по нашему ведомству. Он был одним из наших агентов. Убит во время операции в Риге, восемь или девять лет тому назад. Вы продолжаете считать, что этот доклад касается какого-нибудь конкретного места на нашей планете?

— Снимите фотокопии с картины, разошлите их всем нашим агентам. Нам придется установить координаты места, нарисованного Хантом. Пусть ваши люди обследуют каждый сантиметр, хотя я не представляю, где его можно найти. Но мне ясно, что в нем — ключ к решению всей нашей проблемы. Все. Действуйте, Бейнис!

Странствующая Девственница продолжала отчет о том, как Бейнис, склонив голову в поклоне, вышел из комнаты, не забыв закрыть за собой дверь. Снаружи его ждали четверо: двое в военной форме и двое в штатском. При появлении Бейниса штатские вскочили и, подбежав к нему вплотную, спросили:

— Ну, как дела шеф?

— Неважно, ребята. Опять неприятности. Снова подняли вопрос о секретном секторе Ханта... Ну ладно. Теперь, может быть, кто-нибудь вспомнит о его последнем задании в Риге.

Поднявшись, Подавитель Архивов слегка дотронулся до плеча Странствующей Девственницы, прервав ее отчет.

— Приношу суду свои извинения. Девственнице нужен отдых. Определить точно, кто такие Президент и Бейнис, мы не сможем никогда. Это другое измерение временного кольца.

Подшиватель встал со своего места и сказал:

— Я надеюсь, все вы теперь достаточно хорошо осведомлены, чтобы сделать собственные определенные выводы...

Чердак был тускло освещен. Ш. долго сидел не двигаясь, уставившись в направлении ряда коробок, время от времени бормоча что-то себе под нос.

«Кто-то действительно должен отомстить ему».

Ш. встал на колени, вынул правую руку из-под мышки, согнул ее и подобрал лежащий на полу перископ. Он был сделан из шести цилиндрических консервных банок, слабо поблескивавших в неярком свете. Удерживая перископ правой рукой, он просунул его в нижнее левое отверстие окошка, возле которого он стоял на коленях. Верхний край перископа находился над скатом крыши, и Ш. мог видеть часть дома, скрытую крышей гаража. Ш. сдвинул фуражку с лакированным козырьком на затылок и посмотрел в нижнее зеркало перископа. Слегка переменив положение правой руки, он навел перископ на освещенное окно в юго-восточной части дома. Желтые занавески висели по обеим сторонам окна. Через него была видна задняя стена комнаты. Она была оклеена обоями. Рисунка Ш. разобрать не мог. Комната была пуста. По теням, которые падали от окна, можно было установить, что источник света находился не на потолке, а где-то сбоку. Возможно, это был ночник, висевший на стене. Ш. не видел ничего, что могло бы указывать на присутствие человека.

Ш. неотрывно смотрел в окно гаража на освещенную комнату. В зеркале перископа отражалось только само окно и оклеенная обоями задняя стена комнаты.

Ш. убрал правую руку внутрь чердака, а с ней и самодельный перископ. Зажав под мышкой кисть правой руки и перископ одновременно, Ш. встал на ноги и, сгорбившись, прошел к противоположной стене чердака. Здесь он поставил перископ на пол под маленькое квадратное окно и снял с головы фуражку с лакированным козырьком. Подошел к ближайшему картонному ящику и открыл его. Бросил фуражку внутрь и закрыл ящик.

Взяв в руку перископ, он вернулся к окну. Оно было квадратным, разделенным на четыре части двумя перекрестными планками: в нижней левой секции стекла не было. Ш. просунул перископ в это отверстие и, установив его вертикально, получил возможность наблюдать, что творится с другой стороны крыши, в юго-восточной части дома, иначе неразличимой.

Взглянув в зеркало, Ш. увидел изображение кирпичной стены дома. Одно легкое движение руки, и в зеркале появилось окно с желтыми занавесками. В небе не было видно ни малейшего движения. Из окна на фасаде гаража можно было рассмотреть окно почти прямо. Но с этого окна, в задней стене гаража, у которого сейчас находился Ш., окно спальни миссис Мэри было видно под острым углом. Теперь Ш. видел только одну занавеску и неопределенного цвета боковую стену комнаты.

«Они должны быть все еще там. Наверное, он ее успокаивает».

Вдруг он уловил в комнате какое-то движение. Появилась чья-то тень. Она протянулась через всю комнату. Окно тотчас же стало темным. Прижавшись лбом к оконному стеклу гаража, Ш. закрыл

глаза. Через минуту он открыл их и снова взглянул в зеркало перископа. Ему понадобилось некоторое время, чтобы вновь разглядеть очертания окна. Освещение в комнате больше не включалось.

Ш. вновь вытащил перископ внутрь чердака и положил его рядом с окном. Подошел к квадратному отверстию в полу чердака: сквозь отверстие виднелась приставленная к нему лестница, прикрепленная болтами к бетонному перекрытию. Ш. спустился по лестнице. Там стоял черный автомобиль, занимая собой почти все пространство гаража. Пахло бензином и чем-то затхлым. Возле лестницы была дверь, ведущая в сад. Она была закрыта.

Ш. открыл дверь и выглянул наружу. В саду было почти совсем темно. Падающий свет выделял лишь неясные очертания деревьев. За открытой дверью, в юго-западном направлении, стояла каменная стена. Верхняя часть ее едва заметно поблескивала, так как она была облицована осколками стекла, которые, улавливая угасающий дневной свет, создавали этот мерцающий звездный блеск. В дальнем конце стены тьма поглотила все. Глядя в северном направлении, за ветками яблонь и груш Ш. различил старое каменное здание. Его острая крыша одиноко возвышалась над садом, над неясной массой земли вокруг. Под крышей Ш. разглядел маленькое круглое окошко, сквозь которое выбивался тонкий дрожащий лучик света.

«С тобой все ясно, толстяк. Ты думаешь только о себе, больше ни о ком. Ничего... Как-нибудь...»

Жилой дом, стоящий по правую руку от Ш., мрачно возвышался безжизненной глыбой: все огни погашены. Оконные стекла отражали тусклые огоньки ночного неба. Ш. заметил, что окно гостиной слегка освещено. Но это не было похоже на тусклый свет ночи, проникающий в комнату через два окна: одно — напротив Ш., другое — с другой стороны дома. Некоторое время Ш. стоял, наблюдая за окном гостиной.

Он не пошел к дому. Он двигался медленно, осторожно ступая по земле, прочь от гаража, вдоль стены дома, глядя на окно гостиной. Двигаясь так, Ш. получал все более полную картину внутреннего убранства комнаты. Там никого не было: только свет, попадая в комнату через два окна, отражался от полированной крышки стола, создавая иллюзию внутреннего освещения.

Стоя в одних носках, Ш. почувствовал, что трава влажная, и сырость пропитала носки насквозь. Возле своей ноги Ш. увидел какие-то светлые клочья. Присмотревшись внимательно, он узнал в них перья голубя. Пройдя несколько шагов вперед, Ш. наконец смог определить, откуда еще свет поступает в гостиную. В углу комнаты имелась дверь. Она была полуоткрыта: свет врывался в щель между косяком и дверью. Со своего места Ш. смог увидеть коридор и все, что в нем находилось. На полу лежала темно-красная дорожка.

У стены стоял сундук из темного дерева. Он был наполовину скрыт за дверью. На стене, над сундуком, висела картина в раме. На ней было изображено что-то в красных тонах, а что конкретно, Ш. разобрать не мог. В коридоре тоже было пусто, до уха Ш. не доходило ни малейшего звука.

Небо все темнело, становилось чернее и монолитнее. Сад погрузился во мрак. Только освещенная из коридора гостиная и маленькое круглое окошко бывшей конюшни, где дрожал маленький огонек, выделялись на фоне сплошной тьмы.

Продолжая идти вдоль дома, Ш. вернулся к себе в гараж. Дверь в задней стене была распахнута. Он вошел внутрь и захлопнул ее за своей спиной.

Внутри гаража стоял автомобиль, который, казалось, впитывал в себя свет, как губка. Ш. стоял возле лестницы, положив правую руку на ступеньку. Затем он поднял ногу и рукой ухватил ступню. Нога в носке, как и сам носок, была мокрая и холодная. Согрев пальцы одной ноги, Ш. переменил положение. Подняв правую ногу, он обхватил ее левой рукой. Она была тоже мокрая и холодная.

Ш. опустил ногу на бетонный пол и постоял так немного, держась обеими руками за лестницу.

Затем Ш. повернулся и, нащупывая дорогу перед собой руками, двинулся в обход машины. Возле заднего колеса его правая нога попала в лужу. Двигаясь так, чтобы юго-восточная стена находилась у него за спиной, Ш. прошел к воротам гаража. Они были закрыты новым замком с реверсионным механизмом. Половина ворот, дальняя от дома, была закрыта на две щеколды: у основания и на самом верху. Ш. подошел к другой половине, повернул замок и слегка приоткрыл ворота. Затем, застопорив механизм замка рычажком, чтобы тот сам не закрылся, Ш. выскользнул из гаража.

Стоя на тротуаре, Ш. рассматривал дорогу. Слева от него находился дом, переднюю стену которого освещал уличный фонарь. Справа, в нескольких шагах от него, стоял еще один фонарь, за ним еще один, и так далее. Каждый следующий фонарь, согласно законам перспективы, располагался все ближе к предыдущему, а где-то вдали они сливались в одну светящуюся цепочку. По дороге от железнодорожной станции проехала машина. В ней сидело четверо человек. Ш. подождал, пока она проедет.

На другой стороне дороги стояло кафе. Его витрины ярко освещались. В них располагались различные товары, которые можно было приобрести у хозяина кафе. Сквозь левое окно Ш. мог разглядеть стол, накрытый скатертью в красно-белый квадратик.

Ш. перешел дорогу, подошел к кафе и, открыв одну из двойных дверей, вошел внутрь. Там он повернулся налево и приблизился к столу, который он облюбовал еще с улицы. Возле стола стоял деревянный стул. Ш. выдвинул стул и сел.

За кассой, оперевшись руками о машинку, стоял мужчина. Ш. махнул ему рукой. Человек ответил легким кивком и вышел из-за кассы. Подошел к двери за кассой. К ней был приколот плакат, приглашающий посетить цирк, когда-то заезжавший в город.

Рядом с дверью стояли полки, на которых лежали пачки сигарет. Поднявшись со стула, Ш. подошел к кассе, перегнулся через нее, вытянул правую руку и ухватил пачку сигарет. Возвращаясь к столу, он спрятал пачку в карман и сел на свое место.

Оперевшись локтями о крышку стола, Ш. наклонился вперед, как бы стараясь приблизиться к дому, который был виден через витрину кафе на противоположной стороне улицы.

Фасад дома был выполнен в полном соответствии с законами симметрии. Окно с одной стороны дополнялось таким же с другой. Ш. смотрел на окно справа. Это было окно столовой. Толстые занавески прикрывали внутреннее убранство, оставляя для наблюдения лишь небольшое пространство.

Дверь позади кассы открылась, и оттуда показался мужчина, неся в левой руке чашку с блюдцем. На блюдце лежала чайная ложечка. Мужчина обошел кассу, подошел к столу, где сидел Ш., и поставил чашечку с блюдцем и ложкой перед Ш. Стол был накрыт красно-белой клетчатой скатертью. Ш. взял в руки ложечку и, помешивая ею жидкость в чашке, взглянул на мужчину:

— Много работы?

— Что ты имеешь в виду?

— Много сегодня было посетителей?

— Да нет. Не очень. Я скоро закрываю. На автозаводе забастовка.

— Видел, что происходило там, через дорогу?

— Рабочие сказали, что не вернутся на места, пока не улучшат условия труда.

— Ты не видел ее?

— Я был занят. А ты зря теряешь с ней время.

— Мне все это говорят. Но он собирается сделать с ней что-то недоброе.

— Что касается меня, то я нисколько его не виню. Она...

— Ты видел ее после того, как она сюда заходила?

— Что ты имеешь в виду? Кстати, как кофе? Ты его еще и не пробовал.

— Ты не видел ее несколько минут назад?

— Послушай, ты зря теряешь с ней время. Ну видел я ее в столовой только что, если тебе от этого легче. Это все, что ты хотел узнать?

Ш. поднес к губам чашку и сделал глоток. Дж. Ф. Ватт, заложив руки за спину, смотрел через окно. Ш. вдруг обнаружил, что кофе

остыл, и выпил его одним глотком. Он поставил пустую чашку на блюдце.

— Кофе отличный. Ты собираешься закрывать?

— Сейчас быстро темнеет. Да... Это все, что ты хотел узнать?

— Не будь ребенком. Это все.

— Я не ребячусь. Я действительно видел ее только что в окне. Он сказал, что она чем-то расстроена.

— Это пройдет... А наш голубь погиб... Спасибо за кофе.

— Тебе понравилось? Он ничего не сказал про голубя. Он вообще говорит мало с тех пор, как умер ребенок.

Вечером, возвращаясь домой, где его ждала жена, Домоладосса неотступно думал о том, что происходит, пытаясь разобраться в нагромождении фактов, представленных Докладом. И еще ему не давала покоя мысль о том, в какой мере наблюдение, организованное им, могло повлиять или нарушить взаимосвязь этих событий.

Все остальные, казалось, тоже чувствовали атмосферу таинственности и загадочности событий, имевших место в доме мистера Мэри. Корлесс сидел на склоне холма, наблюдая за происходящим в другом мире, и находился в состоянии постоянного беспокойства, опасаясь, что видение исчезнет так же внезапно, как и появилось. Джо Гроулет, закончив работу, не прекращал думать об увиденном, хотя вечер, который Гроулет собирался провести в обществе двух своих жен — Пегги, очаровательной блондинки, и Софи, прелестнейшей брюнетки — при обычных обстоятельствах заставил бы забыть обо всем. Муж и жена, отправив ребенка домой, позвонили в полицию, затем, однако, задумались, правильно ли они поступили.

Все они были наблюдателями, изучающими чужие миры, но в то же время и за ними самими велось наблюдение, и так же пристально изучался каждый их шаг. И эта цепь продолжалась до бесконечности. Одни наблюдали за другими, третьи за четвертыми, и так далее...

Каждый наблюдатель имел свое собственное мнение по поводу увиденного, каждый мир давал свое объяснение происходящим в других мирах событиям.

Перебирая пальцами прядь волос, миссис Мэри сидела в своей комнате, спокойная и молчаливая, рассматривая на домашнем видеоэкране эту бесконечную цепь вселенных и принимая ее за обычное ночное шоу.

Весь гараж был окутан тьмой. Казалось, крыша автомобиля выдыхает эту темноту, обволакивая ею стены, предметы, пол. Только в самом дальнем углу гаража темнота расступалась перед слабой полоской света, проникавшего внутрь через маленькое окошко

в стене. Некоторое время Ш. стоял, прислушиваясь к темноте, затем двинулся вдоль машины. Он ступал осторожно, стараясь не попадать ногой в лужи. Ориентиром ему служили скелетообразные очертания деревянной лестницы, ведущей на чердак. Дойдя до нее, Ш. поднялся наверх и очутился в своем убежище.

Квадратное окошко располагалось точно над люком и лестницей, ведущей на чердак. Оно было разделено на четыре одинаковых части, из которых только три были застеклены. Сквозь незащищенную секцию врывался холодный ветер. Ш. подобрал с пола кусок фанеры и вставил вместо стекла. Фанера была сырой после прошедшего недавно дождя.

Сгорбившись, Ш. прошел на другой конец чердака. Там тоже имелось окошко, также состоящее из четырех частей, одна из которых была незастекленной. Окошко выходило на дорогу. Через незастекленную часть окна дул холодный ветер. Ш. опустился на колени, нащупал на полу кусок фанеры, и закрыл ею дырку. Фанера была сырой после прошедшего только что дождя.

Сгорбившись, Ш. прошел на другой конец чердака. Там тоже было окошко, также состоящее из четырех частей, одна из которых была незастекленной. Это окошко выходило на дорогу. Через пустую часть окна дул холодный ветер. Ш. опустился на колени, нащупал кусок фанеры и закрыл ею пустую секцию. Затем он выглянул наружу. Напротив через дорогу находилось кафе с двумя витринами. Свет, исходящий из окна через витрины, давал возможность рассмотреть улицу перед входом. В одном из окон можно было разглядеть квадратный стол, застеленный скатертью в красно-белый квадратик. Возле стола стоял стул с высокой спинкой. Возле стола, опершись руками о спинку стула, стоял мужчина и смотрел на дом напротив.

Ш. отвернулся от окна. Вдоль стены чердака стояла лодка. Ее корпус отражал тусклый свет, падающий из окон чердака. Лодка была накрыта куском просмоленной парусины. Ш. убрал парусину и забрался в лодку. Сиденья были достаточно удобные, а все внутреннее пространство утеплено древесными опилками и одеялами. Ш. уютно устроился сверху.

Пошарив правой рукой в кармане, он вытащил оттуда пачку сигарет. Он разорвал обертку, смял и бросил ее на пол. Открыв пачку, Ш. вытащил оттуда одну сигарету, размял ее и зажал в зубах. Отложив пачку в сторону, он раскрыл коробок спичек, достал оттуда спичку и зажег ее.

Пламя мгновенно осветило небольшой участок пространства. Не гася спички, Ш. поднял голову и осмотрелся вокруг. Прямо над ним висела цветная картинка из серии «Чудеса природы», на которой были изображены две змеи. Одна из них держала в пасти хвост другой — в то же время вторая своим раздвоенным языком обследова-

ла хвост первой. В своем движении змеи образовали кольцо; их глаза яростно блестели, казалось, они были готовы проглотить друг друга. Ш. выпустил в них струйку густого дыма.

Ш. опустил спичку. От колебания воздуха пламя задрожало, поблекло и угасло совсем. Еще секунду после этого красный глазок тлеющей спички светился возле пальцев Ш., пока не исчез. Ш. бросил спичку на пол. Вытянувшись на скомканных одеялах, он зевнул. Затягиваясь, он заставлял тлеющий кончик сигареты вспыхивать и потрескивать.

Маленькое квадратное окошко в задней стене гаража рассеивало собравшуюся вокруг него темноту. Ш. выглянул в сад. Он был сейчас бесформенным сгустком темноты, над которым возвышалась крыша старого здания, различимая на более светлом фоне затянутого облаками неба. Под самой крышей, сквозь маленькое окошко, пробивался маленький, очень слабый огонек.

Ш. продолжал курить сигарету до тех пор, пока окурок не обжег ему пальцы. Не торопясь, он наклонился к другому краю лодки и, перегнувшись через борт, затушил окурок о пол. Подув на пальцы, чтобы избавиться от пепла, он принял прежнее положение. Свободно откинув голову назад, Ш. продолжал бездумно смотреть в темноту окна.

По небу скользили тяжелые дождевые облака, постепенно исчезая в темноте, за крышей стоящей рядом старой конюшни. Ш. снова зевнул и опять уставился в темноту сада.

Забыв про свое стадо, молодой человек наклонился вперед, так что плечо девушки коснулось его груди и рук. Она сидела в пол-оборота к нему, и ее волосы щекотали его щеку. Молодой пастух ощущал исходящее от них тепло, вдыхал пьянящий запах молодого тела, томимого летним зноем.

Рядом не было ни души. Овцы могли позаботиться о себе сами. Сквозь сжатый кулак пробивалось слабое жужжание пойманной мухи. Ее рука остановилась на полпути в нерешительности.

Она ждала.

Он ждал.

Филип К. Дик

УБИК

ТОНИ БУШЕРУ

Я вижу залитый солнцем лес,
В зелени своих листьев.
Идемте туда все, уже пора
Идти на встречу лета.

Друзья, пришло время распродажи, и мы снижаем цены на все наши бесшумные электрические аппараты УБИК. Да, да, можете выкинуть старый ценник. И п о м н и т е: каждый из аппаратов УБИК, находящихся у нас на складе, использовался строго по инструкции.

1

Пятого июня 1992 года в три-тридцать утра ведущий телепат Солнечной системы исчез с карты в нью-йоркском бюро Корпорации Ранситера. В связи с этим неистово раззвонились видеофоны. За последние два месяца фирма Ранситера потеряла следы слишком многих людей Холлиса, чтобы смириться с очередным исчезновением.

— Мистер Ранситер? Мне очень неприятно беспокоить вас.— Техник, ответственный за работу ночной смены в зале карт, нервно откашлялся, когда массивная голова Глена Ранситера постепенно заполнила экран видеофона.— Мы получили сообщение от одного из наших инерциалов. Сейчас я его найду.— Он покопался в груде магнитофонных лент.— Это была мисс Дорн; как вы, наверное, помните, она отправилась за ним в Грин Ривер, штат Юта, где...

— За кем? — заспанным голосом буркнул Ранситер.— Не могу же я помнить, кто из инерциалов каким телепатом или ясновидцем занимается.— Он пригладил ладонью растрепанную массу седых щетинистых волос.— Короче, кто исчез на этот раз?

— С. Дойл Мелипон,— сказал техник.

— Что?! Мелипон исчез? Вы шутите.

— Ничуть,— заверил его техник.— Эди Дорн вместе с двумя другими инерциалами следовала за ним до мотеля «Башня Эротических Переживаний». Это подземная конструкция, состоящая из шестидесяти апартаментов и предназначенная для бизнесменов, которые приезжают туда со своими девками и не желают никаких особенных развлечений. Эди и ее коллеги не думали, что он может быть активен, но для контроля послали туда одного из наших собственных телепатов, мистера Дж. Дж. Эшвуда, чтобы он провел измерения. Эшвуд обнаружил пояс помех вокруг разума Мелипона и, поскольку в этой ситуации не мог ничего сделать, вернулся в То-

пеку, штат Канзас, где в настоящее время старается найти для нас нового работника.

Ранситер, окончательно проснувшись, закурил. Он сидел хмурый, подперев подбородок ладонью, и полосы дыма плыли через поле зрения визира видеофона.

— Вы уверены, что этим телепатом был именно Мелипон? Насколько мне известно, никто не знает, как он выглядит — кажется, он каждый месяц меняет физиономический шаблон. Каково было его поле?

— Мы направили туда Джо Чипа, чтобы замерить величину поля, создаваемого в районе мотеля «Башня Эротических Переживаний». Чип утверждает, что в максимуме отметил 68,2 блр единиц телепатической атмосферы. Из всех наших телепатов только Мелипон способен на такое. Поэтому в том месте,— закончил техник,— мы воткнули обозначающий его флажок. А теперь он... он исчез.

— Вы искали его на полу? Или за картой?

— Он исчез в электронном смысле. Человек, которого он означает, не находится более на поверхности Земли, а также, насколько мы можем судить, его нет и в пределах системы освоенных территорий.

— По этому делу я спрошу совета у моей умершей жены,— сказал Ранситер.

— Сейчас ночь. В это время все моритории закрыты.

— Но не в Швейцарии,— сказал Ранситер с гримасой вместо улыбки.— Спокойной ночи.

И отключил видеофон.

Герберт Шонхейт фон Фогельзанг, владелец Моритория Любимых Собратьев, приходил на работу раньше своих работников. В это время движение в прохладном гулком здании только начиналось: в регистратуре ждал с квитанцией в руке обеспокоенный, похожий на священника мужчина в темных очках. На нем была куртка из кошачьего меха и желтые остроносые ботинки. Наверняка он явился, чтобы, пользуясь свободным от работы днем, навестить кого-нибудь из родственников. Приближался Праздник Воскресения — день, официально посвященный наполовину живым персонам, и вскоре должна была начаться толкотня.

— Слушаю вас,— сказал Герберт с вежливой улыбкой.— Я лично приму ваш заказ.

— Это такая старая женщина,— объяснил клиент.— Очень маленькая и высохшая. Моя бабка.

— Минутку.— Герберт направился в сторону холодильников, чтобы найти номер 3054039-В.

Найдя требуемую личность, он проверил данные по контрольной

карточке. Из нее следовало, что она останется в состоянии полужизни еще пятнадцать дней. «Не много»,— машинально подумал он, воткнул переносной усилитель протофазонов в прозрачную оболочку гроба, установил нужную частоту и начал слушать, желая убедиться, что разум функционирует.

Из динамика донесся слабый голос:

— ...и именно тогда Тилли подвернула ногу. Мы думали, что она никогда не вылечится, а она хотела сразу начать ходить...

Удовлетворенный, он выключил усилитель и связался с одним из членов бригады, поручив ему привезти номер 3054039-В в переговорную, где клиент сможет пообщаться со старой дамой.

— Вы уже принимали ее, правда? — спросил клиент, внося надлежащую сумму.

— Лично сам,— ответил Герберт.— Все действует отлично. Он установил ряд переключателей, потом отошел в сторону.

— Желаю вам счастливого Праздника Воскресения, сэр.

— Спасибо.

Клиент уселся лицом к гробу; с его охлаждающей оболочки поднимался пар. Он прижал к уху трубку и начал громко говорить в микрофон:

— Флора, дорогая, ты меня слышишь? Кажется, твой голос уже доходит до меня...

«Когда умру,— подумал Герберт Шонхейт фон Фогельзанг,— потребую в завещании от своих потомков, чтобы оживляли меня на один день каждые сто лет. Буду следить за судьбами человечества». Однако это было бы довольно дорого для его потомков — он хорошо знал, что бы это означало. Раньше или позже они взбунтовались бы, велели вынуть его тело из холодильника и — не дай бог! — похоронить.

— Погребение тел — это варварский обычай,— буркнул он сам себе.— Реликт периода зарождения нашей культуры.

— Разумеется, сэр,— подтвердила секретарша, сидевшая за пишущей машинкой.

В переговорной многочисленные уже клиенты разговаривали со своими полуживыми родственниками. Другие сидели спокойно, ожидая, пока каждому из них доставят нужный гроб. Эти верные люди, регулярно приходящие сюда, чтобы навестить своих умерших, производили приятное впечатление. Они поддерживали полуживых в периоды их мыслительной активности и передавали им вести о том, что происходит в окружающем мире. И, разумеется, платили Герберту Шонхейту фон Фогельзангу. Мориторий был прибыльным предприятием.

— Мой отец кажется мне очень слабым,— сказал молодой человек, которому удалось привлечь внимание Герберта.— Я был бы

вам очень признателен, если бы вы уделили мне немного времени и осмотрели его.

— Разумеется,— ответил Герберт. Вместе с клиентом он пересек переговорную, направляясь к его блаженной памяти родственнику. Из контрольной карты следовало, что ему осталось всего несколько дней. Это объясняло не слишком хорошую работу мозга. И все же... он покрутил регуляторы усилителя протофазонов, и голос полуживого в трубке немного окреп. «Он уже почти на пределе»,— подумал Герберт. Ему казалось естественным, что сын не хочет смотреть на контрольную карту, не хочет уяснить, что контакт с отцом кончается. Герберт не сказал больше ничего, он просто ушел, оставив сына в духовном контакте с отцом. Зачем говорить, что, вероятно, это последний его визит сюда? Он и сам успеет узнать это.

У погрузочной платформы за зданием моритория появился грузовик, из которого выскочили двое мужчин в знакомой светло-голубой униформе. «Из транспортной фирмы «Атлас Интерплейн Ван энд Сторадж»,— подумал Герберт.— Привезли еще одного полуживого, ушедшего из этого мира, или же должны забрать отсюда кого-то, чье время кончилось». Он лениво направился туда, чтобы проверить, в чем дело, но в этот момент его секретарша воскликнула:

— Герр Шонхейт фон Фогельзанг, простите, что отрываю вас, но один из клиентов просит вас помочь разбудить его родственника.— Голос ее зазвучал как-то особенно, когда она добавила: — Это мистер Глен Ранситер; он приехал сюда из Североамериканской Федерации.

Высокий пожилой мужчина подошел к нему быстрым пружинящим шагом. На нем был разноцветный немнущийся костюм из искусственной ткани, вязаный жилет и тканый галстук. Слегка выдвинув вперед свою мощную голову, он смотрел вокруг себя; глаза его были немного навыкате, круглые, живые и необычайно чуткие. На лице Ранситера было выражение профессиональной сердечности и внимания, которые только что были сосредоточены на Герберте и почти тут же переместились куда-то, словно Ранситер сосредоточился на делах, которые могут произойти в будущем.

— Как поживает Элла? — загремел Ранситер; казалось, что голос его усиливается электронными устройствами.— Нельзя ли ее немного расшевелить и поговорить с ней? Ей всего двадцать лет — она должна быть в лучшей форме, нежели вы или я.

Он захохотал, но хохот его имел абстрактный характер; он всегда хохотал, всегда улыбался, всегда говорил гремящим голосом, но в сущности никого не замечал, и никто его не интересовал — это только его тело улыбалось, кланялось или подавало руку. Ничто не доходило до его разума, который всегда оставался как бы в стороне.

Он был вежлив, но холоден. Таща за собой Герберта, он большими шагами двинулся к холодильникам, в которых пребывали полуживые и среди них — его жена.

— Вы давно не были у нас, мистер Ранситер,— заметил Герберт. Он никак не мог припомнить данных с контрольной карты, из которой следовало, сколько еще полужизни оставалось Элле.

Ранситер, держа на плече Герберта свою широкую плоскую ладонь и принуждая его идти быстрее, сказал:

— Это очень важный момент, герр Фогельзанг. Мы, то есть я и мои компаньоны, имеем дело с областью, которая выходит за границы рационального понимания. Пока я не вправе разглашать факты, но мы считаем нынешнюю ситуацию грозной, хотя и не безнадежной. Однако ни в коем случае не следует впадать в отчаяние. Где Элла? — он остановился и энергично осмотрелся.

— Я доставлю ее в переговорную,— сказал Герберт. Клиентам нельзя было находиться в холодильниках.— У вас есть квитанция с номером?

— Нет, я давно ее потерял,— сказал Ранситер.— Но вы знаете мою жену и сможете ее найти. Элла Ранситер, около двадцати лет. Карие глаза и каштановые волосы.— Он нетерпеливо огляделся.— Где у вас переговорная? Раньше ее еще можно было найти.

— Проводите мистера Ранситера в переговорную,— поручил Герберт одному из своих работников, который неуверенно подошел, желая получше разглядеть известного во всем мире владельца фирмы анти-пси.

— Здесь полно людей. Я не могу разговаривать с Эллой в такой толпе,— недовольно сказал Ранситер, заглянув в переговорную. Быстрым шагом он направился за Гербертом, который пошел было в архив.— Мистер Фогельзанг,— обратился он к нему, вновь кладя на плечо свою большую лапу; Герберт почувствовал тяжесть этой ладони и заключенную в ней силу убеждения.— Нет ли у вас более спокойного святилища для конфиденциальных бесед? Я хочу поговорить со своей женой о делах, которые Корпорация Ранситера пока не собирается обнародовать.

— Я могу доставить миссис Ранситер в одно из наших конторских помещений, сэр,— не задумываясь ответил Герберт под влиянием убедительного тона Ранситера и его сильной личности. Ему было интересно, что случилось, какие проблемы заставили Ранситера среди ночи покинуть свой дом и совершить это паломничество в Мориторий Любимых Собратьев, чтобы расшевелить, как он сам выразился, свою полуживую жену. Какой-то кризис в делах, догадывался он. В последнее время тон крикливых реклам, помещавшихся в телевидении и газетах различными предохранительными организациями анти-пси, стал еще более назойливым. «Защищай свою частную жизнь!» — призывали рекламы в любое время дня

и ночи.— «Не принимает ли кто-то чужой твоих волн? Действительно ли ты один?» — Это о телепатах, а ведь был еще истерический страх перед ясновидцами.— «Не являются ли твои начинания заранее предвиденными кем-то, кого ты не знаешь? Кем-то, кого ты вовсе не хотел бы приглашать к себе домой? Избавься от неуверенности: ближайшая предохранительная организация, с которой ты свяжешься, проинформирует тебя, не являешься ли ты жертвой нежелательного вмешательства извне, а затем — если захочешь — нейтрализует результаты вмешательства — за умеренную плату».

Предохранительные организации. Название ему нравилось: оно было полно достоинства и при этом точно. Он знал об этом по собственному опыту: два года назад по причинам, которые так и не удалось выяснить, какой-то телепат подвергнул инфильтрации персонал его моритория. Вероятно, дело было в перехватывании доверительной информации, которой обменивались посетители и полуживые особы, а может, касалось всего одной конкретной особы, находящейся в моритории. Так или иначе, работник одной из фирм анти-пси обнаружил наличие телепатического поля и уведомил его об этом факте. Герберт подписал договор, и на территорию моритория был направлен специально подготовленный антителепат. Телепата не нашли, но влияние его было нейтрализовано, согласно обещаниям телевизионных реклам. В конце концов побежденный телепат убрался. Мориторий был теперь свободен от влияния пси, но чтобы иметь уверенность, что это не повторится, предохранительная организация ежемесячно проводила профилактический осмотр фирмы.

— Спасибо, мистер Фогельзанг,— сказал Ранситер, следуя за ним через комнату, полную работающих людей, в пустое помещение, где пахло запыленными и никому не нужными микродокументами.

«Разумеется,— думал Герберт,— я поверил им на слово, что сюда проник телепат — мне показали график, утверждая, что это и есть доказательство. Не исключено, что это был обман — может, они подготовили график в своих лабораториях. Также на слово поверил я тому, что телепат убрался. Он пришел и ушел, а я заплатил две тысячи поскредов. Возможно ли, чтобы предохранительные организации были просто бандой обманщиков, утверждающих, что их услуги необходимы, даже в ситуациях, когда потребности в них нет?»

Размышляя над этим вопросом, он вновь направился к архиву. На этот раз Ранситер не пошел за ним, а начал шумно крутиться, стараясь как можно удобнее устроить свою тушу на скромном стуле. При этом он вздохнул, и Герберту вдруг показалось, что крепко сложенный мужчина чувствует усталость, несмотря на энергию, которая так и била из него.

«Наверное, взобравшись на такую высокую ступень, человек должен вести себя определенным образом,— решил Герберт.— Он должен производить впечатление, что является чем-то большим, чем средний человек, наделенный обычными слабостями. В теле Ранситера не менее дюжины артифоргов — искусственных органов, установленных в определенных точках его физиологической системы, по мере того, как естественные его части переставали функционировать. Медицинская наука,— продолжал он размышлять,— предоставила основные элементы организма, а остальное Ранситер получает благодаря контролю над своим разумом. Интересно, сколько ему может быть лет? Сегодня уже нельзя определить возраст на глаз, особенно после девяноста».

— Мисс Бисон,— обратился он к секретарше,— прошу вас найти миссис Элду Ранситер и дать мне ее опознавательный номер. Саму ее нужно доставить в комнату 2А.— Он уселся напротив нее и взял щепотку табака продукции фирмы «Фрайбург и Трейер», а мисс Бисон занялась относительно легким делом — поисками жены Глена Ранситера.

Лучший способ заказать пиво — сказать: «УБИК!» Сваренное с использованием первоклассного хмеля и воды высокого качества, медленно дозревающее с целью достижения идеального вкуса, пиво УБИК является в этой стране пивом номер один. Производится только в Кливленде.

II

Элла Ранситер лежала в своем стеклянном гробу, окруженная холодным туманом; глаза ее были закрыты, а руки раз и навсегда подняты к лишенному выражения лицу. В последний раз Ранситер видел ее три года назад, и, конечно, за это время она ничуть не изменилась. Теперь с ней уже не могли произойти никакие изменения, во всяком случае, если говорить о внешнем виде. Но с каждым разом, когда ее вновь возвращали в состояние полужизни, активируя хотя бы ненадолго деятельность мозга, Элла приближалась к своей окончательной смерти. Постепенно уменьшался период времени, в течение которого она еще могла жить.

Осознание этого факта было причиной, по которой он не оживлял ее чаще. Он убеждал себя, что каждое оживление толкает ее в могилу, что это, в сущности, грех против нее. В памяти его затерлись ее собственные желания, выраженные еще перед кончиной и во время первых встреч в период ее полужизни. Так или иначе, он был вчетверо старше ее и должен был смотреть на эти вещи более рассудочно. Чего она хотела? Ни много, ни мало — функционировать на равных с ним правах как совладелица Корпорации Ранситера. Хорошо, он выполнял ее желание. Например, сейчас. А также шесть или семь раз в прошлом. Он консультировался с ней каждый раз, когда фирма оказывалась на грани кризиса. Так же поступил он и сейчас.

— Чтобы черти взяли эту трубку,— раздраженно буркнул он, прижимая к уху пластиковый кружок.— И этот микрофон; все, что затрудняет естественное общение.— Он нетерпеливо крутился на неудобном стуле, который подвинул ему Фогельзанг или как его там звали, и следил за постепенным возвращением жены в сознание, желая, чтобы она поторопилась. И вдруг он в панике подумал: а вдруг это ей вообще не удастся, может, ее силы уже исчерпаны,

а они ничего ему не сказали? Или же сами еще не подозревают об этом? Может, нужно вызвать сюда этого типа, Фогельзанга, и потребовать объяснений? Может, совершена какая-то страшная ошибка?

Элла была очень красива: у нее была светлая кожа, глаза же, когда она еще открывала их, были быстрые и ярко-голубые. Никогда больше это не повторится; можно говорить с ней и слышать ее голос, можно обсуждать с ней разные вопросы, но никогда уже она не откроет глаз и не шевельнет губами. Не улыбнется при виде его, не заплачет, прощаясь. «Окупается ли это? — спросил он себя.—Лучше ли эта система, чем прежняя, когда от кипучей жизни человек переходил к гробовому покою? В некотором смысле, я по-прежнему с нею рядом,— пришел он к выводу.— Приходится выбирать: либо это, либо ничего».

В трубке медленно и нечетко зазвучали какие-то слова, какие-то туманные, ничего не значащие мысли, фрагменты таинственного сна, в который была погружена Элла. «Что может чувствовать человек в состоянии полужизни?» — подумал он. На основании рассказов Эллы он никогда не мог полностью понять этого. Нельзя было передать чувства, какие испытываешь в этом состоянии, объяснить саму суть. Когда-то она сказала: «На человека перестает действовать земное притяжение, начинаешь все отчетливее плыть, подниматься. Думаю,— говорила она,— когда кончается период полужизни, человек выплывает за пределы Системы, к звездам». Но и она не знала наверняка, а только предполагала. Однако она не казалась от этого несчастной, и он был доволен.

— Привет, Элла,— он не знал, как начать разговор.

— О! — послышалось в ответ, и ему показалось, что она удивлена. Разумеется, лицо ее при этом было неподвижно. Он отвернулся.— Как поживаешь, Глен? — она говорила, как удивленный ребенок: визит был для нее неожиданным, ошеломляющим событием.— Что...— она заколебалась.— Сколько прошло времени?

— Два года,— ответил он.

— Скажи, что слышно?

— А, дьявол,— начал он,— все расползается, все предприятие. Поэтому я и пришел: ты хотела участвовать в принятии всех решений о новых методах действий. И бог свидетель, именно сейчас мы должны выработать новые методы или, по крайней мере, реорганизовать нашу систему.

— Я видела сон,— сказала Элла.— Я видела затуманенный красный огонек; он был ужасен, но, все равно, я двигалась к нему и никак не могла остановиться.

— Да,— кивнул Ранситер,— об этом говорит Тибетская книга мертвых. Ты вспоминаешь ее, врачи посоветовали тебе читать ее,

когда...— он заколебался, но все же закончил: — когда ты умирала.

— Затуманенный красный огонек — это плохо, правда? — спросила Элла.

— Да, и нужно его избегать.— Он откашлялся.— Слушай, Элла, у нас неприятности. Есть у тебя силы выслушать меня? Мне не хотелось бы тебя переутомлять. Если ты устала или хочешь поговорить о другом, скажи.

— Это так необычно. Мне кажется, что после нашего последнего разговора я все время смотрела сны. Это правда, что прошло два года? Знаешь, что мне кажется, Глен? Что все другие люди, которые меня окружают, что все мы все крепче объединяемся. Много моих снов вовсе не касаются меня самой. Иногда я бываю мужчиной или маленьким мальчиком, иногда старой женщиной, страдающей варикозом... оказываюсь в местах, которые никогда не видела, и делаю разные бессмысленные вещи.

— Ну что ж, это объясняют тем, что ты направляешься к новому лону, из которого должна родиться. А затуманенный красный огонек означает плохое лоно — к нему идти нельзя. Вероятно, ты предвидишь свою будущую жизнь, или как там это называется.— Он чувствовал себя глупо, говоря это: у него не было решительно никаких религиозных убеждений. Но явление полужизни было реальным фактом — и этот факт превратил всех в теологов.— Ну так вот,— сказал он, меняя тему,— послушай, что случилось и почему я беспокою тебя. С. Дойл Мелипон исчез из поля зрения.

На мгновенье воцарилась тишина, потом Элла рассмеялась.

— Кто или что этот С. Дойл Мелипон? Я не верю, чтобы нечто подобное существовало.

Так хорошо знакомый, необыкновенно теплый ее смех заставил его содрогнуться. Он уже лет десять не слышал смеха Эллы.

— Может, ты забыла,— сказал он.

— Нет, не забыла,— ответила она.— Я не смогла бы забыть такое, что называется С. Дойл Мелипон. Это что-то вроде гнома?

— Это главный телепат Реймонда Холлиса. Уже полтора года, то есть с момента, когда Дж. Дж. Эшвуд впервые обнаружил его, по крайней мере, один из наших инерциалов всегда держался рядом с ним. Мы никогда не теряли Мелипона из виду, мы просто не могли позволить себе этого. При необходимости он может создать поле пси в два раза сильнее, чем любой другой работник Холлиса. К тому же, Мелипон всего один из многих людей Холлиса, которые исчезли — во всяком случае, для нас. Ни одна из предохранительных организаций, принадлежащих к Объединению, ничего об этом не знает. И тогда я подумал: черт побери, пойду и спрошу Эллу, что, собственно, делается, и как мы должны поступить. Точно так, как ты написала в завещании, помнишь?

— Помню.— Ему показалось, что она говорит издалека.— Дайте больше реклам по телевидению. Предупредите людей. Скажите им...— голос ее постепенно затихал.

— Тебе скучно,— хмуро заметил Ранситер.

— Нет. Я...— она заколебалась, и он почувствовал, что она снова удаляется.— Все эти люди телепаты? — спросила она, чуть помолчав.

— В основном, телепаты и ясновидцы. Я знаю, что их наверняка нет нигде на поверхности Земли. У нас есть дюжина инерциалов, которые неактивны и не имеют занятий, потому что нигде нет людей со способностями пси, которых они должны бы нейтрализовать, и, что беспокоит меня гораздо больше, спрос на инерциалов уменьшился. Да и чего еще можно ожидать, когда исчезло так много пси. Однако я знаю, что они все вместе работают над каким-то одним делом — то есть, я так полагаю. Собственно, я уверен, что кто-то занял всю эту группу, но только Холлис знает, кто это и где все они находятся. И вообще, в чем тут дело.— Он замолчал. Как могла Элла помочь ему решить эту загадку? Запертая в своем гробу, отделенная от мира низкими температурами, она знала только то, что он ей говорил. И все же он всегда верил ее рассудку, той особой, характерной для женщин его разновидности: это была мудрость, основанная не на знании или опыте, а на чем-то врожденном. При ее жизни ему не удалось это углубить, и, наверняка, не было шансов сделать это сейчас, когда она лежала замороженная и неподвижная. Другие женщины, которых он знал после ее смерти — а их было довольно много — имели это в незначительной степени: может, только какой-то след, указывающий на большие потенциальные возможности, которые, однако, так никогда у них и не проявились.

— Скажи мне,— попросила Элла,— что за человек этот Мелипон?

— Чудак.

— Работает ради денег или по убеждению? Когда они начинают говорить о мистике пси, о чувстве цели и космической идентификации — это всегда вызывает у меня подозрения. Так было с этим ужасным Сараписом, помнишь его?

— Сараписа уже нет в живых. Полагают, что Холлис прикончил его за то, что тот пробовал втайне от него организовать собственное дело и стать его конкурентом. Один из ясновидцев Холлиса предупредил его об этом. Мелипон,— продолжал он,— гораздо опаснее для нас, чем Сарапис. Когда он в хорошей форме, нужны три инерциала, чтобы нейтрализовать его поле. При этом мы получаем, точнее, получали, такой же гонорар, как при использовании одного инерциала. Объединение ввело свой ценник, которого мы тоже должны придерживаться.— С каждым годом он все хуже относился к Объединению. Это уже стало у него манией: он считал, что оно не

приносит никакой выгоды и слишком многого требует. А также слишком уверено в себе.— Насколько нам известно, мотив поступков Мелипона — деньги. Это тебя устраивает? Ты считаешь это менее опасным? — Ответа не было.— Элла! — воскликнул он. Тишина. Он нервно заговорил: — Алло, Элла, ты меня слышишь? Что случилось?

Последовала пауза, потом до его правого уха дошла материализованная мысль:

— Меня зовут Джори.

Это не была мысль его жены: у нее был другой элан, она была живее и при этом менее собранна.

— Прошу отключиться,— сказал Ранситер, охваченный внезапным страхом.— Я разговаривал со своей женой Эллой. Откуда вы здесь взялись?

— Меня зовут Джори,— пришла следующая мысль,— и никто со мной не разговаривает. Я подключусь к вам на минутку, если вы ничего не имеете против. Кто вы такой?

— Я хочу говорить со своей женой, миссис Эллой Ранситер,— пробормотал Глен.— Я заплатил за разговор и хочу говорить с ней, а не с вами.

— Я знаю миссис Ранситер,— на этот раз мысли зазвучали в его ухе гораздо сильнее.— Она разговаривает со мной, но это не то, что разговаривать с кем-то вроде вас, с человеком снаружи. Миссис Ранситер находится здесь вместе с нами, но она знает не больше нас. Скажите, какой сейчас год? Уже послали тот большой корабль на Проксиму? Это меня очень интересует; может, вы сможете мне на это ответить. А я, если хотите, повторю это миссис Ранситер. Согласны?

Ранситер вырвал телефон из уха, торопливо положил микрофон и все другие приспособления, вышел из душной комнаты и пошел среди замороженных гробов, стоящих аккуратными рядами. Работники моритория то и дело преграждали ему дорогу, но поспешно отходили в сторону, когда он приближался большими шагами, оглядываясь в поисках владельца.

— Что-то случилось, мистер Ранситер? — спросил фон Фогельзанг, заметив, что клиент направляется к нему.— Чем могу служить?

— Со мной говорит кто-то другой вместо Эллы.— Ранситер остановился, тяжело дыша.— Черт бы побрал вас, господа, и ваши подозрительные способы ведения дел. Такие вещи не должны происходить. Что это вообще значит? — Теперь он шел за владельцем моритория, который спешил к комнате А2.— Если бы я так руководил своей фирмой...

— Эта особа представилась?

— Да, он сказал, что его зовут Джори.

— Это Джори Мюллер,— сказал фон Фогельзанг, явно обеспокоенный.— Кажется, в холодильнике он стоит рядом с вашей женой.

— Но я же вижу, что это Элла!

— При долгом нахождении рядом,— объяснил фон Фогельзанг,— начинается взаимный осмос, проникание разумов полуживых. Активность разума Джори исключительно высока, у вашей же жены — довольно низка. Поэтому началось перетекание протофазонов, к сожалению, только в одну сторону.

— Вы можете это исправить? — хрипло спросил Ранситер.— Уберите его из разума моей жены. Это ваша обязанность.

— Если такое состояние сохранится,— официальным тоном сказал фон Фогельзанг,— ваши деньги будут вам возвращены.

— Зачем мне деньги? К дьяволу деньги! — Они уже дошли до комнаты А2. Ранситер неуверенно сел на свое место, сердце его билось так сильно, что он едва мог говорить.— Если вы не уберете этого Джори,— рявкнул он,— я подам на вас в суд и доведу до разорения.

Повернувшись лицом к гробу, фон Фогельзанг сунул в ухо телефон и энергично сказал:

— Джори, будь вежливым мальчиком, отключись.— Взглянув на Ранситера, объяснил: — Джори умер в пятнадцать лет, поэтому в нем столько жизненной силы. Откровенно говоря, такое уже случалось: Джори уже много раз появлялся там, где не должен находиться.— Он еще раз произнес в микрофон: — Джори, ты ведешь себя нехорошо: мистер Ранситер приехал издалека, чтобы поговорить со своей женой. Не заглушай ее сигналов.— Он замолчал и выслушал ответ.— Я знаю, что ее сигналы очень слабые.

Послушав еще минуту, он вынул из уха телефон и поднялся.

— Что он говорит? — потребовал объяснений Ранситер.— Он уберется и позволит мне поговорить с Эллой?

— Это не в его силах,— сказал фон Фогельзанг.— Представьте себе два радиопередатчика, работающие на коротких, средних или длинных волнах: один из них расположен поблизости, но мощностью всего 500 ватт, другой же, мощностью 5000 ватт, далеко, но работает на той же или почти той же частоте. Когда настанет ночь...

— Ночь уже настала,— сказал Ранситер. По крайней мере, для Эллы. А может, и для него, если не удастся найти исчезнувших телепатов, паракинетиков, ясновидцев и аниматоров Холлиса. Он потерял свою жену и, в довершение всего, оказался лишен возможности последовать ее совету, поскольку Джори вытеснил Эллу прежде, чем она успевала его дать.

— Когда мы снова поместим ее в холодильник,— продолжал фон Фогельзанг,— Джори уже не будет рядом с ней. Если вы согласитесь на несколько большую месячную плату, мы можем поместить ее в старательно изолированную камеру, стены которой допол-

нительно выложены слоем тефлона-26, с целью исключить все возможные гетеропсихические воздействия, как со стороны Джори, так и кого-либо другого.

— Не слишком ли поздно? — спросил Ранситер, преодолев на минуту депрессию, в которую впал из-за этого события.

— Ее возвращение возможно. Как только уйдет Джори, а также другие особы, которые могли проникнуть в нее в связи с ее ослабленностью. Она доступна почти для любого.— Фон Фогельзанг закусил губу, размышляя над ситуацией.— Изоляция может ей не понравиться, мистер Ранситер. Мы не просто так помещаем контейнеры — или гробы, как их называют непрофессионалы,— так близко друг от друга. Взаимное проникновение в свои мысленные жизни дает полуживым единственную...

— Прошу немедленно поместить ее в отдельное помещение,— прервал его Ранситер.— Лучше пусть находится в изоляции, чем не существует вообще.

— Она существует,— поправил его фон Фогельзанг.— Только не может установить с вами контакта, а это большая разница.

— Эта разница метафизическая и не имеет для меня никакого значения,— заявил Ранситер.

— Я изолирую ее,— сказал фон Фогельзанг,— но думаю, что вы правы: уже слишком поздно. Джори проник в нее навсегда. Мне очень жаль.

— Мне тоже,— сухо ответил Ранситер.

«Молниеносный УБИК» сохраняет все достоинства свежезаваренного кофе «экспрессо». Твой муж скажет: «Дорогая, до сих пор я считал, что ты делаешь кофе так себе, но сегодня!..» Безвреден, если употреблять согласно инструкции.

III

Джо Чип, по-прежнему в своей полосатой пижаме, похожей на клоунский наряд, сел за кухонный стол, закурил сигарету и, бросив в прорезь десять центов, начал манипулировать рукоятками недавно взятого напрокат газетного аппарата. Из-за похмелья он пропустил «межпланетные новости», подумал немного над позицией «местные новости» и решительно установил рукоять на «сплетни».

— Прошу вас, сэр,— сердечно сказал аппарат.— Сплетни: Угадайте, к чему стремится Стэнтон Майк, любящий одиночество финансист и спекулянт с межпланетной славой.— Внутри аппарата что-то засвистело, и из щели высунулась полоса бумаги. Выброшенный машиной четырехцветный лист, покрытый жирными буквами, скользнул по поверхности неодубового стола и упал на пол. Чип, несмотря на головную боль, нагнулся, поднял его и положил перед собой.

МАЙК ОБРАЩАЕТСЯ В МИРОВОЙ БАНК ЗА ДВУМЯ ТРИЛЛИОНАМИ. «АП» из Лондона. «К чему стремится Стэнтон Майк, любящий одиночество финансист и спекулянт с межпланетной славой?» — такой вопрос задавали себе бизнесмены, когда сквозь стены Уайтхолла проникла весть, что энергичный, хотя и несколько эксцентричный промышленный магнат, который некогда взялся бесплатно построить флотилию кораблей, с помощью которых Израиль мог бы колонизировать планету Марс и оживить ее пустыни, ныне обратился с не лишенной шансов на успех просьбой о выделении ему невероятно высокого, беспрецедентного кредита в размере...

— Это не сплетни,— сказал в аппарат Джо Чип.— Это финансовые операции. Сегодня я хочу почитать о том, какая телезвезда с чьей женой спит.— Как обычно, он спал довольно плохо, и не принял возбуждающего средства, поскольку недельная норма, выданная ему районной аптекой, что располагалась в том же жилом

блоке, уже кончилась. Причиной было отсутствие у него уверенности, но факт оставался фактом: по действующим правилам он мог купить новую порцию только в ближайший вторник, то есть через два долгих дня.

— Прошу установить регулятор на «бульварные сплетни»,— сказал аппарат.

Он послушался, и немедленно перед ним появился новый лист. Сначала Джо сосредоточил внимание на отличной карикатуре на Лолу Хертсбург-Райт и даже облизнулся, увидев в каком неприличном виде было нарисовано ее правое ухо, затем принялся за текст:

«Вчера вечером Лола Хертсбург-Райт угостила ударом правой в челюсть одного негодяя, приставшего к ней в модном нью-йоркском ночном ресторане. Он отлетел и упал на стол, за которым сидел ШВЕДСКИЙ КОРОЛЬ ЭГОН ГРОТ в обществе неопознанной дамы с удивительно большим...»

В этот момент у входной двери зазвенел звонок. Удивленный Джо Чип оторвал взгляд от газеты, заметил, что его сигарета через секунду обожжет гладкую поверхность неодубового стола, и занялся спасением мебели. Затем он неуверенно направился в сторону микрофона, помещенного для удобства рядом с кнопкой, открывающей замок.

— Кто там? — буркнул он и, взглянув на свои ручные часы, увидел, что нет еще и восьми. «Наверное, робот за квартплатой или кредитор»,— подумал он, не торопясь открывать дверь.

Из динамика на двери раздался энергичный мужской голос:

— Я знаю, что еще рано, Джо, но я как раз добрался до города. Это я, Дж. Дж. Эшвуд, а со мной наш новый потенциальный работник, которого я нашел в Топеке. По-моему, это ошеломляющее открытие. Однако я хотел бы, чтобы ты подтвердил это, прежде чем я отведу добычу Ранситеру. Кстати, он сейчас в Швейцарии.

— У меня в квартире нет приборов,— сказал Чип.

— Я съезжу в мастерскую и привезу тебе все, что нужно.

— В мастерской их тоже нет,— неохотно признался Джо.— Они в моей машине. Я не выгрузил их вчера вечером.— На самом же деле он сожрал столько папайота, что был не в состоянии открыть багажник своего автомобиля.— Неужели нельзя уладить все после девяти? — раздраженно спросил он.

Маниакальные приступы энергии Дж. Дж. Эшвуда злили его даже в двенадцать дня, сейчас же, в семь сорок, все это казалось просто невыносимым, даже хуже, чем визит кредитора.

— Чип, дружище, это необычный номер, ходячее собрание чудес, которое повыламывает стрелки твоих циферблатов и к тому же будет для фирмы инъекцией свежей крови, она ведь так нужна нам сейчас. Более того...

— Что это такое? — спросил Джо Чип.— Антителепат?

— Я скажу тебе правду,— заявил Дж. Дж. Эшвуд.— Я сам понятия не имею. Послушай, Чип,— Эшвуд понизил голос,— все это строго секретно, особенно в данном случае. Не могу же я стоять здесь и орать на всю улицу. Кто-нибудь может меня подслушать. В самом деле, до меня уже доходят мысли какого-то осла, который сидит в комнате на первом этаже и...

— Ладно, уговорил,— сдался Джо Чип. Он знал, что ему не удастся прервать Дж. Дж. Эшвуда, раз уж тот начал свой монолог. Лучше было выслушать его.— Дай мне пять минут, чтобы одеться и найти кофе.— Он туманно помнил, что прошлым вечером покупал что-то в районном супермаркете, и особенно то, как вырывал из блокнота зеленый купон, а это означало, что он покупал кофе, чай, сигареты или какие-то импортные сладости.

— Ты наверняка ее полюбишь,— энергично заявил Дж. Дж. Эшвуд.— Хотя, как это часто бывает, она дочь...

— Ее? — со страхом спросил Джо Чип.— Моя квартира — неподходящее зрелище для женщины. Я просрочил оплату роботов-уборщиков; их не было у меня две недели.

— Я спрошу, помешает ли это ей.

— Не спрашивай. Это мешает МНЕ. Я обследую ее в мастерской, в рабочее время.

— Я прочел ее мысли, бардак ей не мешает.

— Сколько ей лет? — «Может, это еще ребенок?» — подумал он. Значительный процент новых и потенциальных инерциалов составляли дети, которые развили в себе эти способности, чтобы защищаться от родителей, имеющих способности пси.

— Сколько тебе лет, дорогая? — донесся из микрофона приглушенный голос Дж. Дж. Эшвуда, который повернулся к своей спутнице.— Девятнадцать,— произнес он через минуту.

Значит, не ребенок. Однако теперь в нем проснулся интерес. Безумная, сверхчеловеческая активность Дж. Дж. Эшвуда проявлялась обычно в связи с привлекательными женщинами, поэтому девушка могла относиться именно к этой категории.

— Дай мне пятнадцать минут,— сказал он Эшвуду, надеясь, что если он поспешит и откажется от завтрака и даже кофе, то успеет за это время навести в квартире хоть видимость порядка. Во всяком случае, можно было попробовать.

Он выключил микрофон и принялся искать в кухонных шкафчиках метлу (ручную или с собственным приводом) или пылесос (работающий от гелиевой батареи или от сети). Однако ничего не нашел. Наверняка, фирма, снабжающая здание, вообще не поставила их ему. «И я узнаю об этом в самый неподходящий момент,— подумал он.— А ведь живу здесь уже четыре года».

Он поднял трубку видеофона и набрал 214. Это был номер администрации здания.

— Прошу меня выслушать,— начал он, когда отозвалась гомеостатическая ячейка.— Я уже могу перевести часть моих средств на покрытие расходов за ваших роботов-уборщиков. Прошу прислать их немедленно; когда они закончат, я выплачу всю нужную сумму.

— Сэр, вы должны заплатить полную сумму, прежде чем они начнут что-либо делать.

Джо Чип взял бумажник и вынул из него несколько Магических Кредитных Карт, большинство из которых было уже аннулировано — вероятно, навсегда — из-за его материального положения и задержек с оплатой.

— Прошу выписать счет на мою Треугольную Магическую Кредитную Карту,— обратился он к своему собеседнику.— Таким образом долг исчезнет из ваших книг — вы сможете вписать, что он выплачен.

— В него входят еще штрафы за просрочку и проценты.

— Впишите их в мою кредитную Карту в Форме Сердца...

— Мистер Чип, Агентство «Феррис и Брокман», занимающееся контролем и анализом наличных в системе кредитной продажи, опубликовало о вас специальную карточку. Она поступила к нам еще вчера, и мы отлично помним ее. С июля вы исключены из категории ГТГ — если говорить о вашем кредите — и переведены в категорию ГТГТ. Наш отдел, то есть администрация всего здания, запрограммирован способом, исключающим оказание услуг или предоставление кредита таким жалким личностям, как вы, сэр. Что касается вас, то с этого момента все оплаты должны совершаться наличными. Боюсь, что в таком положении вы будете до конца жизни. Говоря откровенно...

Джо отключился, расставаясь с надеждой, что просьбами или угрозами ему удастся завлечь уборщиков в свою грязную квартиру, и поплелся в спальню, чтобы одеться,— это было единственное, что он мог сделать собственными силами.

Надев коричневую спортивную накидку, ботинки с блестящими загнутыми кверху носками и фетровую шапку с помпоном, он оглядел кухню в надежде найти кофе. Но напрасно. Тогда он решил поискать в гостиной и у двери, ведущей в ванную, нашел длинную голубую пелерину в горошек, в которой был прошлой ночью, и сумку, в которой была полуфунтовая банка настоящего кофе из Кении — деликатес, который он мог купить только в пьяном виде. Особенно, в нынешнем своем материальном положении.

Вернувшись в кухню, он вывернул карманы в поисках десятицентовика, потом с его помощью привел в действие кофеварку. Вдыхая необычный — по крайней мере, для него — аромат кофе, он взглянул на часы и увидел, что пятнадцать минут уже прошли. Энергично подойдя к входной двери, он повернул ручку и отодвинул засов.

— Попрошу пять центов,— сказала дверь, и не думая открываться.

Он обыскал карманы, но не нашел никаких монет — ни одного цента.

— Заплачу завтра,— сказал он двери и снова повернул ручку, но дверь осталась неподвижна.— Деньги, которые я тебе даю, это, в сущности, деньги на чай — я вовсе не обязан тебе платить!

— Я думаю по-другому,— ответила дверь.— Прошу прочесть контракт, который вы подписали, покупая эту квартиру.

Документ он нашел в ящике стола; со времени подписания он уже неоднократно к нему обращался. Действительно, он должен был платить за открывание и закрывание дверей.

— Как видите, я права,— удовлетворенно сказала дверь.

Из ящика у умывальника Джо вынул нож из нержавеющей стали и принялся откручивать винты в замке своей алчной двери.

— Я на вас пожалуюсь,— сказала дверь, когда выпал первый винт.

— На меня еще никогда не жаловалась дверь,— ответил Джо Чип.— Думаю, как-нибудь переживу это.

Раздался стук.

— Джо, старина, это я — Дж. Дж. Эшвуд. Я привел ее с собой. Открывай!

— Брось в щелку пять центов — с моей стороны механизм заело.

Раздался звон монеты, дверь открылась, и на пороге появился сияющий Дж. Дж. Эшвуд. Хитро улыбаясь, он пригласил девушку войти.

Некоторое время она стояла неподвижно, разглядывая Джо. Ей было максимум семнадцать лет. Кожа ее была с красноватым оттенком, а глаза — большие и темные. «Боже,— подумал Джо,— как она красива!». Одета она была в рабочую блузу, джинсы из искусственного полотна и тяжелые ботинки, заляпанные — как ему показалось — настоящей грязью. Спутанная масса волос была собрана сзади и перевязана красной косынкой. Подвернутые рукава блузы открывали сильные загорелые руки. К поясу из искусственной кожи был прикреплен нож, полевой телефон и железная коробка с продуктами и водой. На ее темном открытом предплечье он заметил татуировку: caveat emptor [1] и задумался, что бы это значило.

— Это Пат,— сказал Дж. Дж. Эшвуд, демонстративно обнимая девушку.— Фамилия не имеет значения.— Сияя, он подошел к Чипу.— Пат, это специалист по замерам электрического типа.

— Так это вы электрического типа или ваши замеры? — холодно спросила девушка.

---

[1] Берегись, покупатель *(лат.)*

— По очереди,— ответил Джо. Ему казалось, что вокруг него распространяется запах неубранного помещения, и он был уверен, что девушка уже обратила на это внимание.— Садитесь,— неуверенно сказал он.— Я дам вам по чашке настоящего кофе.

— Что за роскошь,— отозвалась Пат, садясь за кухонный стол и машинально укладывая поровнее пачку старых газет.— Вы можете позволить себе настоящий кофе, мистер Чип?

— У Джо дьявольски высокий оклад,— вставил Дж. Дж. Эшвуд.— Фирма не смогла бы работать без него.— Он взял со стола пачку и вынул из нее сигарету.

— Положи на место,— потребовал Джо Чип.— У меня уже почти нет сигарет, а последний зеленый купон я потратил на кофе.

— Я заплатил за дверь,— напомнил Дж. Дж. Эшвуд и подвинул пачку девушке.— Джо прикидывается, не обращай на него внимания. Заметь, в каком состоянии он держит свою квартиру. Этим он доказывает, что является творческой личностью: так живут все гениальные люди. Где твои приборы, Джо? Не будем терять времени.

— Вы довольно необычно одеты,— обратился Джо к девушке.

— Я работаю консерватором подземных кабелей видеофонов — в кибице только женщины могут занимать должности, требующие физической работы. Поэтому я отправилась именно туда, а не в кибиц Уайтхис Фэлс.— Ее серые глаза гордо заблестели.

— На каком языке надпись на вашем плече? — спросил Джо.

— На латыни.— Она прищурилась, чтобы скрыть веселье.— Я никогда еще не видела такой захламленной квартиры. У вас нет любовницы?

— Эти специалисты-электрики не имеют времени на личную жизнь,— раздраженно сказал Дж. Дж. Эшвуд.— Слушай, Чип, родители этой девушки работают у Роя Холлиса. Узнай они, что она была здесь, и ей сделают операцию мозга.

— Они знают, что вы имеете способности противоположного типа? — обратился Джо к девушке.

— Нет,— покачала она головой.— Я тоже не понимала этого до конца, пока ваш человек не подсел ко мне в кафе нашего кибица и не объяснил всего. Может, это и правда,— она пожала плечами.— А может, и нет. Он говорит, что вы в состоянии доказать мне это при помощи вашей контрольной аппаратуры.

— Что бы вы сделали, если бы пробы показали, что вы имеете эти способности? — спросил Джо.

— Мне они кажутся такими... негативными,— задумчиво сказала Пат.— Я не могу ничего: ни двигать предметы, ни превратить камень в хлеб, ни рожать детей без оплодотворения, ни повернуть вспять процесс болезни. Я не имею даже таких распространенных свойств, как способность читать чужие мысли или предсказывать

будущее. Я могу только свести до нуля способности кого-нибудь другого. Мне это кажется...— она махнула рукой,— гротескным.

— Как фактор, могущий иметь влияние на сохранение рода людского,— сказал Джо,— ваши способности так же важны, как и способности пси. Особенно для нас, нормов. Фактор анти-пси естественным образом восстанавливает экологическое равновесие. Одно насекомое умеет летать, поэтому другое ткет паутину, чтобы его поймать. У некоторых моллюсков развилась твердая раковина, но птицы научились поднимать их в воздух и бросать на камни. В некотором смысле вы — что-то вроде существа, паразитирующего на людях со способностями пси, так же, как они паразитируют на нас, нормах. Это делает вас другом людей, принадлежащих к классу нормов. Равновесие, полный цикл, хищник и жертва. Эта система кажется вечной и, откровенно говоря, я не вижу, как ее можно улучшить.

— Меня могут обвинить в предательстве,— сказала Пат.

— Это вас беспокоит?

— Меня беспокоит, что люди будут относиться ко мне враждебно. Но, думаю, нельзя прожить жизнь, не возбудив чьей-либо неприязни: нельзя удовлетворить всех, ведь люди жаждут самых разных вещей. Угождая одному, досаждаешь другому.

— Вы — противоталант? — спросил Джо.

— Это трудно объяснить.

— Я же говорил тебе,— вмешался Эшвуд,— это что-то необыкновенное. Я никогда прежде не слышал ни о чем подобном.

— Какого типа способности пси вы нейтрализуете?

— Способности ясновидения,— сказала Пат.— Так мне кажется.— Она указала на Дж. Дж. Эшвуда, который по-прежнему улыбался.— Ваш работник — мистер Эшвуд — объяснил мне это. Я знала, что делаю что-то странное, со мной частенько случались странные вещи, уже с шестого года жизни. Я никогда не признавалась в этом родителям, чувствуя, что их это обеспокоит.

— Они ясновидцы?

— Да.

— Вы правы, это их обеспокоило бы. Но если бы вы воспользовались своим талантом при них — хотя бы один раз — они поняли бы все. Вы не мешали их деятельности?

— Я...— Пат неопределенно шевельнула рукой.— Мне кажется, я создавала им помехи, но они не связывали их со мной.— На лице ее была растерянность.

— Я объясню вам, по какому принципу обычно действует антиясновидец,— начал Джо.— То есть, так было во всех известных мне случаях. Ясновидец видит большое количество разных вариантов будущего, уложенных рядами, как соты в улье. Один из них кажется ему ярче — именно его он и выбирает. Когда выбор уже сде-

лан, антиясновидец бессилен. Он должен присутствовать в тот, первый момент. Тогда ясновидец начинает видеть все варианты будущего одинаково ярко и теряет возможность выбора. Ясновидец немедленно понимает, что вблизи него находится антиясновидец, поскольку все его отношение к будущему изменяется. С телепатами такая же история...

— Она возвращается назад во времени,— сказал Дж. Дж. Эшвуд.

Джо воззрился на него.

— Во времени,— повторил Дж. Дж. Эшвуд, наслаждаясь минутой триумфа.— Ясновидец, на которого она воздействует, продолжает видеть один вариант будущего ярче и выбирает его. Но почему именно этот вариант имеет максимальную яркость? Потому, что эта девушка...— он указал на Пат,— воздействует на будущее: этот единственный вариант ярче других потому, что Пат вернулась в прошлое и изменила его. Изменяя его, она тем самым изменила и настоящее — вместе с личностью ясновидца. Ничего о том не зная, он подвергается ее воздействию и, хотя ему кажется, что он продолжает использовать свои способности, на самом деле он их уже не имеет. В этом смысле ее талант превышает способности других антиясновидцев. Второе преимущество — еще более важное,— что она может перечеркнуть выбор ясновидца, когда тот его уже сделал. Она может включиться в акцию позднее, а ты сам знаешь, что нас вечно мучила эта проблема: если мы не были в нужном месте с самого начала, то были бессильны. Можно сказать, что мы никогда не были в состоянии полностью заглушить способности ясновидцев, противодействовать им так же эффективно, как другим, верно? Разве это не было уязвимым местом всех наших услуг? — Он вопросительно посмотрел на Джо.

— Это интересно,— сказал Джо.

— Черт побери, что значит «интересно»? — Дж. Дж. Эшвуд нетерпеливо шевельнулся в кресле.— Это крупнейший противоталант, найденный до сих пор!

— Я не возвращаюсь назад во времени,— тихо сказала Пат. Она подняла голову и взглянула в глаза Джо виновато, но чуть-чуть вызывающе.— У меня есть кое-какие способности, но мистер Эшвуд преувеличил их до размеров, не имеющих ничего общего с действительностью.

— Я читаю твои мысли,— обиженно заявил Дж. Дж. Эшвуд,— и знаю, что ты можешь изменять прошлое — ты уже делала это.

— Я могу изменять прошлое,— признала Пат,— но не возвращаюсь в него: я не путешествую во времени, в чем вы хотите убедить вашего техника.

— Каким же образом вы изменяли прошлое? — спросил ее Джо.

— Я думала о нем. Об одном конкретном его аспекте, например, о каком-то событии, или о чем-то, что кто-то сказал, или о каком-нибудь небольшом эпизоде, который уже был, а я бы хотела, чтобы до него не дошло. Впервые я сделала это, когда была еще ребенком...

— Когда ей было шесть лет,— прервал Дж. Дж. Эшвуд,— и она жила в Детройте, разумеется, с родителями, она разбила старинную керамическую фигурку, к которой ее отец был очень привязан.

— Ваш отец не предвидел этого? — спросил Джо.— Если он ясновидец...

— Предвидел,— ответила Пат,— и наказал меня за неделю до того, как я разбила фигурку. Но он твердил, что это неизбежно: вы знаете, в чем заключаются способности ясновидцев — они могут предвидеть событие, но не могут его предотвратить. Потом, когда фигурка разбилась, или точнее, когда я ее разбила, это меня очень расстроило. Я вспомнила неделю перед этим событием, когда не получала сладкого и должна была ложиться в постель в пять часов дня. «Боже мой,— думала я,— неужели никак нельзя избежать таких ужасных случаев?» Способность ясновидения, которую имел мой отец, не производила на меня особого впечатления, поскольку он не мог воздействовать на ход событий. Кстати, я и сейчас отношусь к ним с легким презрением. Целый месяц я усилием воли старалась заставить эту проклятую фигурку снова стать целой: мысленно я возвращалась ко времени, когда она была цела, вспоминала, как она выглядела... это было ужасно. А потом, однажды утром, когда я встала с постели — даже ночью все это мне снилось — она стояла на своем месте, целая, как и прежде.— Она наклонилась в сторону Джо Чипа и решительно продолжала: — Но никто из моих родителей этого не заметил. Им казалось совершенно нормальным, что фигурка цела, они считали, что она никогда не разбивалась. Я была единственным человеком, который об этом помнил.— Она с улыбкой оперлась на подлокотник, взяла из пачки еще одну сигарету и закурила.

— Я пойду к машине за приборами,— сказал Джо, направляясь к двери.

— Прошу пять центов,— сказала дверь, когда он взялся за ручку.

— Заплати ей,— сказал Джо Дж. Дж. Эшвуду.

Притащив из машины комплект приборов, Джо потребовал от инерциала, чтобы он оставил их вдвоем.

— Как? — удивился Дж. Дж.— Ведь это я ее нашел, и мне положена премия. Я потерял десять дней, прежде чем установил, что поле принадлежит ей. Я...

— Ты же сам отлично знаешь, что я не могу проводить замеры при твоем поле,— сказал Джо.— Способности и антиспособности взаимно деформируются — будь это иначе, мы бы не занимались этим бизнесом.— Он вытянул руку, и Дж. Дж. Эшвуд нехотя поднялся со стула.— И оставь мне несколько пятицентовиков, чтобы мы могли отсюда выбраться.

— У меня есть мелочь,— сказала Пат.— Посмотрите в моей сумке.

— Ты же можешь установить силу ее воздействия, измеряя падение интенсивности моего поля,— сказал Дж. Дж. Эшвуд.— Я много раз видел, как ты это делал.

— На этот раз ситуация иная,— коротко заметил Джо.

— У меня больше нет пятицентовиков,— заявил Дж. Дж.,— и я не могу отсюда выйти.

— Возьмите один мой,— сказала Пат, взглянув поочередно на Джо и Дж. Дж. Она бросила Эшвуду монету, тот поймал ее с очумелым выражением на лице.

— Здорово вы меня уели,— сказал он, бросая монету в щель в дверях.— Вы оба...— буркнул он, выходя.— В этом бизнесе действительно жестокие методы, если...— Голос его постепенно затихал, по мере того как закрывалась дверь. Потом наступила тишина.

— Когда пройдет его энтузиазм, от него немного останется,— сказала Пат.

— С ним все в порядке,— заметил Джо. Как обычно, он чувствовал себя виноватым. Но не очень. Во всяком случае, он сделал свое дело. Теперь...

— Теперь ваша очередь,— сказала Пат.— Можно снять ботинки?

— Конечно.— Он начал проверять свою аппаратуру. Осмотрел барабаны и циферблаты, потом для пробы привел в действие все приборы, включая разные напряжения и записывая результаты.

— Где у вас душ? — спросила Пат, поставив ботинки в сторонку.

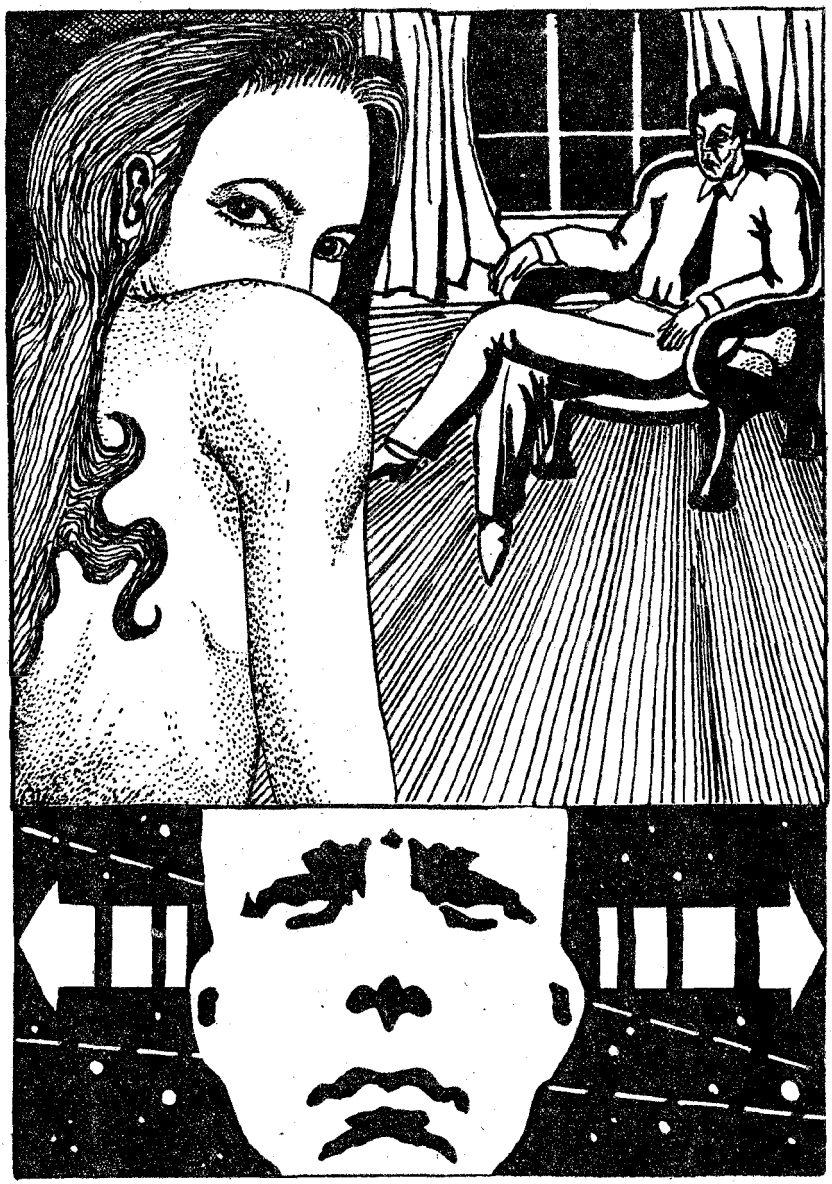
— Двадцать пять центов,— буркнул он.— Это стоит двадцать пять центов.— Подняв голову, он заметил, что она начала растегивать блузу.— У меня нет двадцати пяти центов.

— В кибице все бесплатно,— сказала Пат.

— Бесплатно! — он внимательно посмотрел на нее.— Это невозможно с точки зрения экономики. Как может что-либо работать по такому принципу и не вылететь в трубу через месяц?

Пат продолжала спокойно расстегивать пуговицы своей блузы.

— Наши заработки вносятся в кассу, а мы получаем подтверждение, что выполнили работу. Суммой наших доходов располагает кибиц. В сущности, он уже много лет получает доход: мы вносим

больше, чем используем.— Она сняла блузу и бросила на спинку стула. Под жесткой голубой тканью на ней не было ничего, и он увидел ее твердые высокие груди и сильные плечи.

— Ты уверена, что хочешь этого? — спросил Джо.— Я имею в виду этот стриптиз.

— Вы ничего не помните,— сказала Пат.

— Чего я не помню?

— Что я не разделась. Тогда, в другом настоящем. Вы изрядно разозлились, поэтому я вычеркнула этот эпизод.— Она ловко поднялась с места.

— Что я сделал, когда ты отказалась раздеться? — настороженно спросил он.— Отказался обследовать тебя?

— Вы пробормотали что-то вроде того, что Эшвуд переоценил мои антиспособности.

— Я не работаю на этом принципе,— сказал Джо,— и не делаю таких вещей.

— Тогда посмотрите.— Она наклонилась, при этом груди ее заколыхались, порылась в кармане блузы, вынула сложенный листок бумаги и подала его Джо.— Это предмет из предыдущего настоящего, из того, которое я убрала.

Он взглянул на листок и прочел свое окончательное решение: «Создает поле анти-пси — недостаточное. Гораздо ниже средних норм. Не пригодна к использованию против ясновидцев, с которыми мы имеем дело». После этого был нарисован условный знак: перечеркнутый кружок. «Не принимать»,— означал этот символ, понятный только ему и Глену Ранситеру. Даже инерциалы не смогли бы разгадать его, поэтому Эшвуд не мог объяснить ей его значения. Молча он вернул ей листок; она сложила его и сунула в карман.

— Вам так нужно меня обследовать? — спросила она.— После того, что я вам показала...

— Я следую установленной методике,— ответил Джо.— Эти шесть показателей...

— Вы просто мелкий, погрязший в долгах бюрократ, у которого нет даже нескольких монет, чтобы заплатить собственным дверям за выход из собственной квартиры,— сказала Пат. Голос ее был холоден, но слова разили без промаха. Джо замер и почувствовал, что краснеет.

— У меня просто полоса неудач,— сказал он.— Но со дня на день я встану на ноги. Я могу взять ссуду, если нужно, даже в своей фирме.— Он неуверенно встал, взял две чашки, два блюдца и налил кофе.— Хочешь сахару? Или сливок?

— Сливок,— сказала Пат. Она по-прежнему стояла босиком и без блузы.

Он потянулся к ручке холодильника, чтобы вынуть пакет молока.

— Попрошу десять центов,— сказал холодильник.— Пять за то, что откроюсь, пять за сливки.

— Это не сливки,— уточнил Джо.— Это обычное молоко.— Но все было напрасно.— Ну, еще один раз,— обратился он к девушке.— Клянусь, я все тебе верну. Сегодня же вечером.

— Пожалуйста,— сказала Пат, толкнув по столу десятицентовую монету.— Она должна быть богата,— добавила она, глядя, как Джо опускает монету в щель,— эта ваша любовница. Вы в самом деле на мели. Я поняла это, как только мистер Эшвуд...

— Не всегда бывает так, как сейчас,— буркнул Джо.

— Хотите, чтобы я помогла вам, мистер Чип? — С руками в карманах джинсов она равнодушно смотрела на него; на лице ее не отражалось никаких чувств, только настороженность.— Я могу это сделать. Садитесь и напишите рапорт о результатах обследования. Тесты ни к чему. Мой талант слишком необычен; вы не сможете измерить поле, которое я создаю. Оно находится в прошлом, а вы обследуете меня в настоящем, которое является следствием этого прошлого. Вы согласны?

— Покажите мне контрольный листок, который я вам дал. Я хочу еще раз взглянуть на него, прежде чем приму решение.

Она снова вынула из кармана свернутый листок бумаги и спокойно подала ему через стол.

— Это мой почерк,— медленно сказал он.— Значит, все правда.— Вернув ей документ, он вынул новый, чистый лист той же самой желтой бумаги.

На нем он написал ее имя, вписал вымышленные, необычайно высокие результаты обследования, затем свои выводы. Новые выводы. «Обладает невероятной силой воздействия. Необычайно широкий диапазон поля анти-пси. Похоже, может нейтрализовать влияние любого числа ясновидцев».

Внизу он нарисовал символ: на этот раз два подчеркнутых кружка. Пат, стоя за его спиной, читала через плечо — он чувствовал ее дыхание на затылке.

— Что значат эти два подчеркнутых кружка? — спросила она.

— Принять, невзирая на затраты,— ответил Джо.

— Спасибо.— Она залезла в сумку, достала пачку банкнот, выбрала одну из них и подала Джо. Это была значительная сумма.— Это поможет вам раздать долги. Я не могла дать их вам до того, как вы официально оцените мои способности. Вы бы написали все, что угодно, и до конца жизни были бы уверены, что я дала вам взятку. В конце концов, вы пришли бы к выводу, что я вообще не имею никаких антиспособностей.

Расстегнув джинсы, она принялась раздеваться дальше.

Джо Чип, не глядя на нее, проверил содержание своей записи. Подчеркнутые кружки имели совершенно иное значение. Они гово-

рили: «Будьте внимательны. Прием на работу этой особы опасен для фирмы».

Подписав результат исследований, он сложил листок и подал его Пат. Она сразу убрала его в сумку.

— Когда я могу перенести сюда свои вещи? — спросила девушка, направляясь к ванной.— С этой минуты я чувствую себя здесь как дома, ведь суммы, которую я вам дала, хватит на целый месяц.

— Когда хочешь.

— Попрошу пятьдесят центов,— сказала ванная.— Только тогда пущу воду.

Пат отправилась на кухню и полезла в сумку.

Новейший соус для салатов «УБИК». Не итальянский, не французский: совершенно новые вкусовые ощущения, которые начинают покорять мир. Попробуй УБИК! Б е з в р е д е н, если использовать по инструкции.

IV

Вернувшись из путешествия в Мориторий Любимых Собратьев, Ранситер вновь оказался в Нью-Йорке. Покинув бесшумный экипаж на крыше главного здания Корпорации Ранситера, он быстро съехал специальным лифтом на пятый этаж, где располагалась его контора. Сейчас — в девять тридцать утра по местному времени — он сидел за столом в своем тяжелом старомодном винтовом кресле из настоящего ореха и кожи, разговаривая по видеофону с отделом рекламы.

— Я как раз вернулся из Цюриха, Тэмиш. Совещался там с Эллой.— Ранситер со злостью уставился на секретаршу, которая осторожно вошла в его кабинет и закрыла за собой двери.

— Чего вы хотите, миссис Фрик? — спросил он.

Увядшая, пугливая миссис Фрик, старческую серость которой должны были скрыть нарисованные на лице цветные пятна, развела руками; это значило, что она вынуждена помешать ему.

— Ну хорошо, миссис Фрик,— терпеливо сказал он.— В чем дело?

— Новая клиентка, мистер Ранситер. Думаю, вы должны ее принять.

Она подошла к нему, одновременно отступая: это был трудный маневр, который только миссис Фрик могла исполнить. Овладение им заняло у нее лет сто.

— Через минуту после разговора,— заявил Ранситер и снова заговорил в трубку: — Как часто появляются наши рекламы в телевидении планетарного масштаба в те часы, когда телевизор смотрит максимум зрителей? Все еще каждые три часа?

— Не всегда, мистер Ранситер. В течение дня рекламы нашей фирмы появляются в среднем через три часа на каждом канале УХФ, но в часы максимального внимания цены так...

— Я хочу, чтобы их передавали через час,— заявил Ранситер.— Так советует Элла.— Во время дороги в западное полушарие он решил, которое из объявлений нравится ему больше всего.— Вы знаете о последнем решении Высшего Суда, по которому муж может безнаказанно убить свою жену, если докажет, что она ни за что не хотела дать ему развод?

— Да. Это так называемое...

— Это меня не интересует, главное, что у нас уже есть рекламный ролик на эту тему. Каково его содержание? Я никак не могу припомнить.

— На скамье подсудимых сидит мужчина, экс-муж,— начал Тэмиш.— Камера показывает присяжных, судью, потом прокурора, который допрашивает экс-мужа. Он говорит: «Мне кажется, сэр, что ваша жена...»

— Да, да,— удовлетворенно сказал Ранситер. Он сам был соавтором этого ролика и считал это очередным проявлением универсальности своего гения.

— Разве мы не решили,— сказал Тэмиш,— что исчезнувшие люди со способностями пси были привлечены на работу какой-то крупной инвестиционной компанией? Если же мы считаем, что все было именно так, то не лучше ли сделать упор на объявления для бизнесменов? Помните, например, это: муж возвращается домой после работы. На нем светло-желтая шаль, накидка в цветочек, трикотажные гольфы и военная фуражка. Утомленный, он садится на диван в гостиной и начинает снимать перчатки, потом вдруг горбится, хмурит лоб и говорит: «Черт побери, Джил, в последнее время со мной происходит что-то странное, понятия не имею, что. Иногда — и с каждым днем все сильнее — я начинаю подозревать, что кто-то читает мои мысли!» Тогда она говорит: «Если это тебя беспокоит, почему бы тебе не связаться с ближайшей предохранительной организацией? Они за умеренную плату направят к нам инерциала, и ты снова почувствуешь себя, как прежде!» Мужчина начинает улыбаться и говорит: «Знаешь, это несносное чувство начинает уже...»

— Мистер Ранситер, прошу прощения,— в дверях кабинета вновь появилась миссис Фрик. Очки дрожали у нее на носу.

Ранситер кивнул головой.

— Поговорим потом, Тэмиш. Во всяком случае, прошу связаться с телестанциями и начать передачу наших материалов через час. Так, как мы договорились.— Он прервал соединение и молча посмотрел на миссис Фрик.— Я поехал в Швейцарию,— сказал он через некоторое время,— и велел разбудить Эллу, чтобы получить эту информацию... этот совет...

— Мистер Ранситер уже свободен, мисс Вирт,— секретарша неуверенно отошла в сторону, и в кабинет вкатилась толстая женщина. Качая головой вверх и вниз, она направилась к стулу и немед-

ленно уселась, свесив худые ноги. На ней был немодный плащ из паутинной ткани, в котором она производила впечатление симпатичного насекомого, окруженного коконом, и казалась закрытой в футляр. Однако она улыбалась и, казалось, чувствовала себя совершенно спокойно.

«Далеко за сорок,— решил Ранситер.— Если и имела когда-то хорошую фигуру, то времена эти давно прошли».

— Приветствую вас, мисс Вирт,— сказал он.— Я не могу уделить вам много времени, поэтому сразу перейдем к делу. В чем заключается ваша проблема?

— У нас неприятности с телепатами,— начала мисс Вирт мягким и веселым тоном, который казался неуместным в данной обстановке.— Так, по крайней мере, мы думаем, хотя и не уверены. Мы наняли собственного телепата, о присутствии которого знаем. Его задание заключается в изучении наших работников. Если он встретит людей со способностями пси — телепатов, ясновидцев или каких других, он должен уведомить...— она внимательно посмотрела на Ранситера,— уведомить моего шефа. Такой доклад поступил на прошлой неделе. Мы поручили частной фирме произвести оценку возможностей различных предохранительных организаций. Ваша фирма была названа лучшей.

— Об этом я знаю,— сказал Ранситер. Действительно, у него был такой рапорт, хотя до сих пор это и не принесло ему важных поручений. Однако сейчас такое дело появилось.— Сколько телепатов открыл ваш человек? Более одного?

— По крайней мере — двух.

— Однако не исключено, что их больше?

— Верно,— кивнула мисс Вирт.

— Мы действуем следующим образом,— начал Ранситер.— Сначала объективно измеряем поле пси, чтобы узнать, с чем имеем дело. Это обычно длится от недели до десяти дней в зависимости от...

— Мой поручитель желает, чтобы вы прислали своих инерциалов немедленно,— прервала его мисс Вирт,— отказавшись от длительной и дорогой формальности, которой являются эти замеры.

— Мы не сможем установить количество и род инерциалов, которых нужно к вам направить. Не будем мы знать и того, как их разместить. Чтобы нейтрализовать поле пси, мы должны действовать систематически. Наша работа — не размахивание волшебной палочкой или распыление ядовитых газов в разных уголках. Мы должны нейтрализовать людей Холлиса одного за другим, противопоставляя способностям каждого из них соответствующие антиспособности. Если Холлис овладел вашей фирмой, то сделал он это таким же образом: вводя одного за другим людей со способностями пси. Первый проникает в отдел кадров и принимает следующего; этот в свою очередь подчиняет себе какой-нибудь из отделов или

основывает новый и подает требование на несколько новых работников... Иногда это тянется месяцами. Мы не можем ликвидировать за сутки структуру, которую они создавали гораздо дольше. Серьезные операции пси — это как мозаика: ни они, ни мы не можем действовать второпях.

— Но мой шеф,— мягко сказала мисс Вирт,— очень торопится.

— Я поговорю с ним,— сказал Ранситер, берясь за трубку видеофона.— Как его зовут и какой его номер?

— Переговоры должны вестись через меня.

— Я не уверен, возьмемся ли мы за это дело. Почему вы не хотите сказать, от чьего имени выступаете? — Он нажал кнопку, укрытую под столом, вызывая дежурную телепатку Нину Фрид в соседнюю комнату, откуда она могла бы следить за мыслительными процессами мисс Вирт. «Я не могу работать с этими людьми,— подумал он,— не зная, кто они. У меня даже нет уверенности, не Рой ли Холлис пытается поручить мне это дело».

— У вас есть какие-то предубеждения,— сказала мисс Вирт.— Единственное, что нас интересует, это скорость. Мы требуем этого, потому что для нас это жизненно важно. Я могу сказать вам только одно: наша деятельность, в которую им удалось проникнуть, ведется не на поверхности Земли. Мой шеф вложил в нее все капиталы, какие смог перевести в наличные. Все дело должно было происходить в строгой тайне, поэтому тем сильнее был шок, когда мы узнали, что к нам проникли телепаты...

— Извините,— сказал Ранситер, вставая и направляясь к двери кабинета.— Я узнаю, сколько у нас на месте людей, которых мы могли бы использовать для вашего дела.

Закрыв за собой дверь, он заглянул поочередно во все соседние конторы, пока в небольшой боковой комнатке не нашел Нину Фрид, которая сидела и курила сигарету.

— Узнай, от чьего имени она выступает,— велел он.— И установи размер суммы, которую они готовы заплатить. «У нас тридцать восемь бездействующих инерциалов,— подумал он.— Может, удастся в связи с этим делом найти занятие для большинства из них. Не исключено, что наконец я нашел, куда исчезли хитрецы Холлиса. Вся эта проклятая банда».

Вернувшись в кабинет, он вновь сел за стол.

— Если в вашу фирму проникли телепаты,— обратился он к мисс Вирт, сплетя пальцы на животе,— вы должны понять, что само предприятие перестало быть тайной.— Почему бы вам не сказать мне, что это за проект?

Мисс Вирт некоторое время колебалась.

— Я сама этого не знаю.

— А где он локализован?

— То же самое.

— Вы знаете, кто ваш хозяин? — спросил Ранситер.

— Я работаю в фирме, которую он контролирует, и знаю своего непосредственного начальника — это мистер Шеппард Говард, но мне никогда не говорили, кого представляет мистер Говард.

— Если мы выделим нужных вам инерциалов — узнаем ли мы, куда они будут отправлены?

— Вероятно, нет.

— А если они никогда к нам не вернутся?

— А почему бы им не вернуться? Как только они освободят нас от чужого влияния, мы отпустим их.

— Бывали случаи,— объяснил Ранситер,— что люди Холлиса убивали инерциалов, посланных для нейтрализации их деятельности. Моя обязанность — обеспечить работникам безопасность, но я не могу этого сделать, не зная, где они находятся.

В этот момент ожил микротелефон, укрытый в его ухе, и раздался тихий голос Нины Фрид, слышимый только ему.

— Шефа мисс Вирт зовут Стэнтон Майк. Она его доверенная ассистентка. Никакого Шеппарда Говарда не существует. Предприятие, о котором идет речь, локализовано в основном на Луне; руководит им фирма Техпрайз, принадлежащая Майку. Контрольный пакет акций номинально находится в руках мисс Вирт. Она не знает никаких технических деталей; Майк никогда не знакомит ее с результатами исследований, о чем она, кстати, весьма сожалеет. Однако, от работников Майка она узнала, в чем, собственно говоря, заключается вся акция. Если счесть эту информацию правдивой, то лунное предприятие связано с радикально новым, дешевым способом межзвездных путешествий, позволяющим достичь скорости, близкой к скорости света. Он может быть передан в распоряжение любой этнической или политической группы. Майк, похоже, считает, что благодаря этому способу станет возможной массовая колонизация. Таким образом, исчезнет монополия отдельных правительств.

Нина Фрид отключилась. Ранситер откинулся на спинку стула и задумался.

— О чем вы размышляете? — живо спросила мисс Вирт.

— Думаю, способны ли вы оплатить наши услуги. Не располагая результатами замеров, я могу только приблизительно оценить количество нужных вам инерциалов, однако, не исключено, что оно достигнет сорока человек,— сказал Ранситер, хорошо зная, что Стэнтон Майк может позволить себе нанять неограниченное количество инерциалов или же найти способ, чтобы за них заплатил кто-то другой.

— Сорока? — повторила мисс Вирт.— Это много.

— Чем больше их будет, тем быстрее мы справимся с задачей. Раз вас интересует скорость, мы направим туда всех одновре-

менно. Если вы уполномочены подписать договор от имени своего шефа,— он решительно ткнул в нее пальцем, что не произвело никакого впечатления,— и выплатите нам аванс, нам, вероятно, удастся провести всю акцию в течение семидесяти двух часов.— Ранситер выжидающе посмотрел на нее.

Микротелефон в его ухе вновь ожил:

— Как владелица фирмы Техпрайз, она имеет все полномочия. Может подписывать любые обязательства, формально составляющие сумму, равную сумме полной стоимости активов фирмы. В этот момент она считает, сколько составляет эта сумма по последним биржевым курсам.— Пауза.— Много миллиардов поскредов. Но она сомневается: не хочет сама принимать решения ни по вопросу самого договора, ни по вопросу задатка. Предпочла бы, чтобы это сделали юридические советники Майка, даже если это будет означать отсрочку на несколько дней.

«Но ведь их поджимает время,— подумал Ранситер.— По крайней мере, так они утверждают».

— Интуиция говорит ей,— продолжал голос в микротелефоне,— что вы знаете или догадываетесь, кто является ее хозяином. Она боится, что в связи с этим вы завысите гонорар. Майк знает, какую репутацию имеет, и считает, что все на свете пытаются его обмануть. Поэтому он ведет переговоры таким образом: через посредничество какой-нибудь особы или фирмы, которая выступает как возможный клиент. С другой стороны, им нужно как можно больше инерциалов. И они смирились с тем, что это будет дьявольски дорого.

— Сорок инерциалов,— лениво сказал Ранситер и начал писать на листке бумаги, который лежал на его столе именно для таких целей.— Посмотрим: шесть на пятьдесят и на три. Да еще умножить на сорок.

Мисс Вирт, несмотря на улыбку на лице, ждала его решения с видимым напряжением.

— Интересно,— буркнул он,— кто заплатил Холлису за размещение его людей в вашей фирме?

— Это не имеет значения,— сказала мисс Вирт.— Главное, что они там оказались.

— Иногда мы так и не можем установить этого,— сказал Ранситер.— Но вы правы: когда в кухне появляются муравьи, человек не спрашивает, откуда они там взялись, а старается изгнать их оттуда.— Он уже подсчитал общую сумму расходов. Она была колоссальна.

— Я должна... подумать над этим,— сказала мисс Вирт. Она отвела взгляд от его шокирующей сметы и начала подниматься со стула.— Есть здесь комната, где я могла бы остаться одна? И, если потребуется, позвонить мистеру Говарду?

— Редко случается, чтобы какая-нибудь предохранительная организация располагала одновременно таким количеством инерциалов,— сказал Ранситер, тоже вставая с кресла.— Если вы будете тянуть, ситуация может измениться. Если они вам нужны — лучше взять их сразу.

— И вы действительно думаете, что нужно столько инерциалов?

Ранситер взял мисс Вирт под руку и повел в зал карт.

— Эта карта показывает места пребывания наших инерциалов, а также тех, которые работают на другие предохранительные организации. Кроме того, на ней нанесено — по мере наших возможностей — местонахождение всех работников Холлиса.— Он сосчитал все флажки, которые поочередно снимались с карты, и под конец взял в руку последний из них, означавший С. Дойла Мелипона.— Теперь я знаю, где они находятся,— сказал он мисс Вирт, с лица которой исчезла улыбка, когда она поняла значение снятых с карты флажков. Он взял ее влажную ладонь и сунул ей флажок, обозначавший С. Дойла Мелипона.— Можете остаться в этой комнате и подумать. Вот видеофон. Никто не будет вам мешать. Я буду в своем кабинете.

«В сущности, я вовсе не уверен, что именно там находятся все исчезнувшие люди Холлиса — думал он.— Однако, такое возможно. Кроме того, Стэнтон Майк сам отказался от обычного порядка, то есть от объективных замеров. Если в результате этого он наймет инерциалов, которые ему вовсе не нужны — это будет его собственная вина».

Формально Корпорация Ранситера была обязана уведомить Объединение о том, что некоторые из людей Холлиса — а может, даже все — обнаружены. Однако у него было пять дней на составление такого рапорта, и Ранситер решил тянуть с ним до последнего момента. «Такой шанс заработать бывает только раз в жизни»,— подумал он.

— Миссис Фрик,— сказал он, войдя в секретариат перед своим кабинетом,— прошу вас написать проект договора на сорок...— он замолчал.

У противоположной стены комнаты сидели два человека. Мужчина, Джо Чип, мучился с сильнейшего похмелья и был еще более удручен, чем обычно. Рядом с ним сидела длинноногая девушка с черными блестящими глазами и черными блестящими волосами. Ее красота озаряла всю комнату, как бы освещая ее сильным мрачным пламенем.

«Похоже,— подумал Ранситер,— она только что встала с постели и еще не занималась утренним туалетом. Такое впечатление, что она неохотно относится к новому дню и, в сущности, ко всем дням».

— Догадываюсь, что Дж. Дж. вернулся из Топеки,— сказал Ранситер, подходя к ним.

— Это Пат,— представил ее Джо Чип.— Фамилии нет.— Он махнул рукой Ранситеру и вздохнул. Вокруг него была специфическая атмосфера неудачи, и все же — как казалось — он еще не сдался. По мнению Ранситера, Джо можно было обвинить в симулировании психической депрессии, которой он вовсе не переживал.

— Анти-что? — спросил Ранситер девушку, которая по-прежнему сидела на стуле, вытянув ноги.

— Антикетогенезис,— буркнула Пат.

— Что это значит?

— Предупреждение кетогенезиса,— сказала девушка, думая о чем-то другом.

— Объясни мне это,— обратился Ранситер к Джо.

— Покажи мистеру Ранситеру листок с результатами исследований,— сказал Джо девушке.

Она, не вставая с места, потянулась к сумке и вытащила желтый лист бумаги, на котором Джо записал свои выводы. Развернув листок, она подала его Ранситеру.

— Потрясающий результат,— сказал Ранситер.— Неужели она действительно так хороша? — спросил он Джо и только тут заметил два подчеркнутых кружка, означающие обвинение — по существу — в предательстве.

— Она лучшая из всех, с кем я до сих пор имел дело,— ответил Джо.

— Прошу вас в мой кабинет,— обратился Ранситер к девушке. Он пошел первым, они за ним следом.

Внезапно среди них оказалась толстая мисс Вирт.

— Я разговаривала по видеофону с мистером Говардом,— информировала она Ранситера,— и получила от него нужные инструкции.— Тут она заметила Джо Чипа и Пат, заколебалась на мгновение, но продолжала: — Мистер Говард хочет, чтобы мы сразу уладили все формальности. Может, мы займемся этим? Я уже говорила вам о срочности дела и о том, как поджимает нас время.— Со своей улыбкой фарфоровой фигурки она обратилась к остальным: — Господа могут немного подождать? Мое дело к мистеру Ранситеру совершенно безотлагательно.

Пат взглянула на нее и рассмеялась глухим, презрительным смехом.

— Вам придется немного задержаться, мисс Вирт,— сказал Ранситер. Ему было страшно. Он взглянул на Пат, потом на Джо, и страх его усилился.— Садитесь, мисс Вирт,— обратился он к ней, указывая на один из стульев, стоявших в секретариате.

— Я могу точно сказать вам, скольких инерциалов мы собираемся нанять,— сказала мисс Вирт.— Мистер Говард считает, что он сам в состоянии правильно оценить наши потребности.

— Сколько? — спросил Ранситер.

— Одиннадцать,— ответила мисс Вирт.

— Мы подпишем договор через несколько минут,— сказал Ранситер.— Как только я освобожусь.— Жестом своей большой, широкой ладони он указал Джо и Пат дорогу в кабинет, закрыл за ними дверь и сел на свое место.

— Им это никогда не удастся,— сказал он Джо.— Не хватит им одиннадцати людей. Да и пятнадцати тоже. И двадцати. Особенно, если на стороне противника будет С. Дойл Мелипон.— Он чувствовал беспокойство и усталость.— Итак, это и есть ваша новая потенциальная работница, которую Дж. Дж. открыл в Топике? Думаешь, мы должны ее принять? Вы с Дж. Дж. сошлись во мнениях? Тогда мы, конечно, примем ее. «Может быть, я передам ее Майку в числе тех одиннадцати человек»,— подумал он, а вслух сказал: — Однако еще никто не сказал мне, какого типа способности пси она нейтрализует.

— Миссис Фрик говорила, что ты был в Цюрихе,— сказал Джо.— Что советует Элла?

— Больше рекламы,— ответил Ранситер.— По телевидению. Через каждый час.

Он повернулся к внутреннему микрофону.

— Миссис Фрик, прошу вас подготовить договор между нами и особой без фамилии. Первый заработок прошу установить в размере, какой мы приняли в декабре на совещании Профессиональных союзов. Укажите еще...

— Каков будет первый заработок? — спросила Пат голосом, полным скептицизма и наивного детского недоверия.

Ранситер внимательно посмотрел на нее.

— Я даже не знаю, что вы умеете.

— Она ясновидец, Глен, но особого рода,— буркнул Джо Чип, не вдаваясь в подробные объяснения. Вообще он производил впечатление человека, который истощился, как батарейные часы старого типа.

— Она может начать работать сразу? — спросил у Джо Ранситер.— Или ее нужно будет учить, инструктировать и ждать, пока она будет готова? У нас почти сорок бездействующих инерциалов, и мы принимаем еще одного. То есть, сорок минус, как я надеюсь, одиннадцать. Другими словами, мы вынуждены платить тридцати инерциалам полный оклад, а они сидят и ковыряют в носу. Не знаю, Джо, право, не знаю. Может быть, нам следует уволить кое-кого из наших работников. Во всяком случае, мне кажется, что я нашел остальных людей Холлиса. Я расскажу тебе позднее.

— Укажите,— вновь обратился он к микрофону,— что мы имеем право уволить эту особу в любое время без всякой неустойки за разрыв договора и какой-либо компенсации. В течение первых девяноста дней она не имеет права на ренту, врачебную помощь и посо-

бие по болезни.— Он повернулся к Пат.— Я всегда устанавливаю первоначальный оклад в четыреста поскредов в месяц при двадцати часах работы еженедельно. Кроме того, вы должны вступить в Профессиональный Союз Работников Металлургии, Горной промышленности и Мукомольного производства: три года назад к нему были отнесены все работники предохранительных организаций.

— Я зарабатываю больше, консервируя провода видеофонов в Топике. Ваш человек — мистер Эшвуд — говорил...

— Наши люди лгут,— прервал ее Ранситер.— Кроме того, мы не обязаны выполнять их обещания. Ни мы, ни другая предохранительная организация.

Дверь открылась, и в кабинет неуверенно вошла миссис Фрик, держа в руке бланк договора.

— Спасибо, миссис Фрик,— сказал Ранситер, взял у нее бумаги и обратился к Джо и Пат.— Моя двадцатилетняя жена лежит в холодильнике. Это прекрасная женщина, но, когда я хочу с ней связаться, ее отталкивает какой-то отвратительный мальчишка по имени Джори, который начинает говорить со мною вместо нее. Элла, замороженная в состоянии полужизни, медленно угасает, а я должен целыми днями смотреть на эту старуху, которая является моей секретаршей.— Он взглянул на Пат, чувствуя, как в нем пробуждаются мрачные желания, не ведущие ни к чему.

— Я подпишу этот договор,— сказала Пат и взяла со стола ручку.

«На этот раз танцев не будет — желудок барахлит».— «Я приготовлю тебе УБИК! УБИК немедленно поставит тебя на ноги». Примененный по инструкции, УБИК принесет облегчение и голове, и желудку. П о м н и: приготовление УБИКА — вопрос секунд. Избегать продолжительного использования.

V

Во время долгих дней вынужденного безделья антителепатка Типпи Джексон спала обычно до полудня. Помещенный в ее мозгу электрод непрерывно действовал как стимулятор сна типа ЭРЭМ — во время которого происходят быстрые движения зрачков — и она проводила большую часть времени лежа в постели, завернувшись в перкалевую простыню.

В этот момент ее искусственный сон сосредоточился вокруг таинственного работника Холлиса, одаренного колоссальными способностями пси. Все инерциалы, находящиеся в пределах Солнечной системы, поочередно отказались от борьбы или потерпели поражение. И вот, наконец, задача нейтрализации поля, создаваемого этим сверхъестественным существом, была поручена именно ей.

— Я не могу нормально работать, когда ты находишься рядом,— сказал ей туманный соперник. У него было дикое, полное ненависти выражение лица, придававшее ему вид сумасшедшей белки.

— Быть может, ты ошибаешься в оценке своих способностей. Ты создал сомнительную концепцию своей личности, опираясь на подсознательные элементы, на которые не можешь воздействовать. Поэтому ты и ощущаешь страх передо мной,— ответила Типпи в своем сне.

— Ты работник какой-то предохранительной организации? — спросил телепат Холлиса, нервно поглядывая вокруг.

— Если твои способности так велики, как ты говоришь,— ответила Типпи,— можешь убедиться в этом — прочти в моих мыслях.

— Я не могу читать ничьих мыслей,— сказал телепат.— Мои силы истощились. Я хочу, чтобы ты поговорила с моим братом Биллом. Эй, Билл, поговори с этой дамой. Нравится она тебе?

— Нравится, потому что я — ясновидец, и она не имеет на меня влияния,— сказал Билл, выглядевший почти так же, как его брат-телепат. Переступая с ноги на ногу, он улыбался, обнажая большие белые зубы.— «Меня природа лживая согнула и обделила красотой и ростом»,— он замолчал, хмуря лоб.— Как там дальше, Мэт?

— «Уродлив, исковеркан и до срока я послан в мир живой; я недоделан...» — сказал Мэт, почесывая затылок.

— Ах, да,— кивнул ясновидец Билл.— Помню: «Такой убогий и хромой, что псы, когда пред ними ковыляю, лают...» — Это из «Ричарда III»,— пояснил он Типпи. Братья одновременно улыбнулись.

— Что это значит? — спросила Типпи.

— А значит это то,— хором объяснили Билл и Мэт,— что мы тебя хотим прикончить.

В этот момент ее разбудил звонок видеофона.

Полусонная, она направилась к аппарату; ей казалось, что вокруг танцуют разноцветные пузырьки.

— Алло,— сказала она, подняв трубку.— Боже, как поздно! Я совсем превратилась в растение.

На экране появилось лицо Глена Ранситера.

— Добрый день, мистер Ранситер,— сказала она, выходя из поля зрения камеры видеофона.— Нашлось какое-то занятие для меня?

— Я рад, что застал вас, миссис Джексон,— сказал Ранситер.— Мы с Джо Чипом как раз комплектуем оперативную группу, состоящую из одиннадцати человек. Речь идет о выполнении важного задания. Мы изучили все данные о деятельности всех работников, и Джо говорит, что ваше прошлое выглядит очень неплохо. Я склонен с ним согласиться. Сколько вам нужно времени, чтобы доехать до меня? — В его голосе звучала изрядная доза оптимизма, но лицо на экране было встревоженным.

— В связи с этим мне придется выехать...— начала Типпи.

— Да, вам придется собраться.— Он помолчал и продолжал: — Наши работники обязаны быть всегда готовыми к дороге; я хотел бы, чтобы принцип этот всегда точно выполнялся, особенно в таком случае, как этот, когда время дорого.

— Я готова. Чтобы доехать до Нью-Йорка и явиться в контору, мне нужно пятнадцать минут. Я только оставлю записку своему мужу, он сейчас на работе.

— Тогда отлично,— рассеянно сказал Ранситер; он явно уже читал в своем списке очередную фамилию.— До свидания, миссис Джексон,— и он отключился.

«Что за странный сон,— думала она, торопливо расстегивая пуговицы пижамы. Потом быстро вернулась в спальню, где находился ее гардероб.— Как это говорили Билл и Мэт? Что это были за стихи? «Ричард III»,— вспомнила она, снова увидев перед глазами их

большие плоские зубы и головы, покрытые пучками рыжих волос.— Я же не знаю «Ричарда III»,— сообразила вдруг она,— а если и читала его, то очень давно, в детстве. Как могут присниться человеку неизвестные ему цитаты? — спросила она себя.— Может, действительно, какой-то телепат воздействовал на меня во время сна? А может, это были работающие на пару телепат и ясновидец — так, как я видела во сне? Пожалуй, стоит узнать в нашем отделе информации, не работают ли у Холлиса два брата — Билл и Мэт?»

Обеспокоенная и встревоженная, она начала быстро одеваться.

Закурив зеленую гаванскую сигару «Квета Рей», Глен Ранситер удобно устроился в своем кресле, нажал кнопку и сказал:

— Миссис Фрик, прошу выписать чек на сто поскредов на имя Дж. Дж. Эшвуда в качестве премии.

— Да, мистер Ранситер.

Он разглядывал Дж. Дж. Эшвуда, который кружил по большому кабинету, раздраженно постукивая каблуками об пол, сделанный из настоящего паркета.

— Мне кажется, Джо Чип не в состоянии определить ее возможности,— сказал Ранситер.

— Джо Чип просто клоун,— ответил Дж. Дж. Эшвуд.

— Как происходит, что она, эта Пат, может возвращаться в прошлое, а никто другой этого не может? Готов поспорить, что эти способности не являются чем-то новым,— вы, вероятно, до сих пор просто не обращали на них внимания. Так или иначе, принимать ее на работу в предохранительную организацию нелогично: у нее имеются способности, а не антиспособности. Мы занимаемся...

— Я же объяснял, а Джо указал это в результатах исследования: ее способности сводят на нет деятельность ясновидцев.

— Но это побочное явление.— Ранситер мрачно задумался.— Джо считает, что она опасна. А почему — не знаю.

— Вы спрашивали его об этом?

— Он, как всегда, что-то пробормотал,— ответил Ранситер.— У Джо нет логичных аргументов, только чувства. С другой стороны, я хочу, чтобы она приняла участие в акции.— Он полистал лежащие перед ним документы.— Пригласите сюда Джо, поговорю с ним, пока собирается наша группа.— Он взглянул на часы.— Они должны быть здесь с минуты на минуту. Я хочу сказать Джо прямо в глаза, что использовать эту Пат — глупость, если она так опасна. Вы согласны со мной, Эшвуд?

— Джо с ней определенным образом связан,— сказал Дж. Дж. Эшвуд.

— Каким образом?

— У них роман.

— Никакого романа у них нет. Нина Фрид читала вчера в его мыслях; он слишком беден даже для...— тут он замолчал, потому что дверь кабинета открылась и вошла миссис Фрик, неся на подпись чек для Дж. Дж. Эшвуда.— Я знаю, почему он хочет, чтобы она приняла участие в акции,— продолжал Ранситер, расписываясь на чеке.— Чтобы следить за ней. Он сам тоже отправляется — хочет измерить поле пси, независимо от условий, поставленных клиентом. Мы должны знать, с чем имеем дело. Спасибо, миссис Фрик,— он отодвинул ее небрежным жестом и вручил чек Эшвуду.— Предположим, мы не измерим поля пси, а оно окажется слишком сильным для наших инерциалов. Кто будет в этом виноват?

— Мы,— ответил Дж. Дж.

— Я говорил им, что одиннадцать человек слишком мало. Мы выделяем наших лучших людей, делаем, что можем. В конце концов, нам очень нужен такой клиент, как Майк. Меня удивляет, что такой богатый и влиятельный человек, как он, может быть таким близоруким и таким скупым. Миссис Фрик, Джо пришел? Джо Чип?

— Мистер Чип в секретариате. С ним еще несколько человек.

— Сколько их? Десять? Одиннадцать?

— Примерно столько, мистер Ранситер. Я могу ошибиться на одного или двух.

— Вот и наша группа,— обратился Ранситер к Дж. Дж. Эшвуду.— Я хочу увидеть их всех вместе, прежде чем они отправятся на Луну.— Он повернулся к миссис Фрик.— Прошу пригласить их сюда.— Он энергично затянулся зеленой сигарой.

Миссис Фрик быстро выкатилась из кабинета.

— Мы знаем,— продолжал Ранситер,— что каждый из них в отдельности работает хорошо. Все это здесь записано.— Он потряс пачкой документов.— Но как они будут действовать вместе? Насколько мощным будет их общее антиполе? Подумайте над этим, Дж. Дж... Это важный вопрос.

— Думаю, со временем мы это узнаем,— ответил Дж. Дж. Эшвуд.

— Я занимаюсь этим делом уже давно,— сказал Ранситер. Из секретариата по одному начали входить инерциалы.— Это мой вклад в современную цивилизацию.

— Хорошо сказано,— заметил Дж. Дж.— Вы стоите на страже личной жизни.

— А знаете, что говорит об этом Рой Холлис? — спросил Ранситер.— Что мы стараемся повернуть стрелки часов вспять.— Он начал разглядывать людей, молча входивших в его кабинет. Они ждали, что он скажет.

«До чего неудачная группа,— подумал он.— Эта очкастая, худая как палка, девица с прямыми лимонно-желтыми волосами и в ковбойской шляпе — наверняка, Эди Дорн. Красивая темново-

лосая пожилая женщина с хитрыми бегающими глазками, одетая в шелковое сари, широкий нейлоновый пояс и толстые носки — это страдающая приступами шизофрении Френси Джекестем, время от времени она видит, как мыслящие существа с Бетельгейзе приземляются на крыше ее жилого блока». Кудрявого молодого человека в цветной накидке и коротких штанах, высокомерного и циничного, Ранситер никогда прежде не видел. И так далее. Он посчитал их: пять женщин и пять мужчин. Кого-то не хватало.

Джо Чип вошел последним, а перед ним в кабинет вошла задумчивая девушка с горящими глазами — Пат Конлей. Таким образом, группа была в полном составе — одиннадцать человек.

— Вы быстро добрались, миссис Джексон,— обратился Ранситер к бледной женщине лет тридцати, одетой в брюки из искусственной шерсти ламы и грубую рубашку с портретом лорда Бертрана Рассела, теперь уже изрядно поблекшим.— У вас было меньше времени, чем у других: я известил вас последней.

Типпи Джексон улыбнулась своей бледной невыразительной улыбкой.

— Некоторых из вас я знаю,— начал Ранситер, поднявшись из кресла и жестом приглашая всех садиться и закуривать.— Вас, мисс Дорн, мы с Джо Чипом выбрали первой, помня об отличных результатах вашей деятельности против С. Дойла Мелипона, с которым вы утратили контакт не по своей вине.

— Благодарю, мистер Ранситер,— слабым голосом пробормотала Эди Дорн. Покраснев, она широко открытыми глазами смотрела на противоположную стену.— Я рада, что приму участие в этом новом задании,— добавила она не слишком убедительно.

— Кто из вас Ал Хэммонд? — спросил Ранситер, заглянув в документы.

Высокий сутулый негр поднял руку.

— Мы никогда прежде не встречались,— сказал Ранситер, просматривая документы в досье Хэммонда.— У вас самые высокие показатели из всех наших антиясновидцев. Мне нужно было познакомиться с вами раньше. Кто еще из вас антиясновидцы? — Поднялись три руки.— Для вас четверых, несомненно, большой неожиданностью будет встреча и совместная работа с мисс Конлей. Она — новейшее открытие Дж. Дж. Эшвуда и нейтрализует воздействие ясновидцев совершенно новым методом. Лучше всего описать его сможет сама мисс Конлей.— Он кивнул головой в сторону Пат...

...и оказалось, что он стоит на Пятой Авеню перед витриной нумизматического магазина и вглядывается в экземпляр никогда не пущенной в обращение золотой американской монеты в один доллар, думая, может ли он позволить себе купить ее для коллекции.

«Какой коллекции? — удивленно спросил он сам себя.— Я же не собираю монет. Что я тут делаю? И давно ли брожу, разглядывая

витрины магазинов, хотя должен быть в своей конторе и руководить...— он никак не мог вспомнить, чем он, собственно, руководит: какой-то фирмой, где работали люди с особыми способностями. Закрыв глаза, он попытался сосредоточиться.— Нет, я ушел оттуда в прошлом году. Из-за атеросклероза. Я ушел на пенсию. Но ведь я только что был там,— вспомнил он,— всего несколько секунд назад. В моем кабинете. Я обращался к группе людей в связи с новой акцией.— Он закрыл глаза.— Все исчезло,— подумал он ошеломленно.— Все, что я создал».

Открыв глаза, он увидел, что снова находится в своем кабинете; перед ним были Дж. Дж. Эшвуд, Джо Чип и темноволосая привлекательная девушка, имени которой он не мог вспомнить. Кроме них никого в кабинете не было, и это по понятной причине показалось ему странным.

— Мистер Ранситер,— сказал Джо Чип,— я хотел бы представить вам Патрицию Конлей.

— Рада наконец с вами познакомиться, мистер Ранситер,— сказала девушка. Она улыбнулась, и в глазах ее он уловил торжество, причины которого не мог понять.

«Она сделала что-то странное»,— понял Джо Чип.

— Пат,— громко сказал он,— я не могу сказать точно, но что-то тут изменилось.— Он внимательно оглядел кабинет, но все казалось таким же, как всегда: слишком яркий ковер, слишком много не подходящих друг к другу произведений искусства, на стенах — картины, лишенные какой бы то ни было художественной ценности. Глен Ранситер тоже не изменился: у него по-прежнему были седые растрепанные волосы и задумчивое лицо. Взгляд его встретился со взглядом Джо — тот тоже казался встревоженным. Стоящий у окна Дж. Дж. Эшвуд, одетый в элегантные брюки из березовой коры, прозрачную куртку, подпоясанную цветным шнуром, и высокую шапку машиниста, равнодушно пожал плечами. Ему все казалось нормальным.

— Ничего не изменилось,— ответила Пат.

— Все изменилось,— сказал ей Джо.— Ты вернулась во времени и перевела нас на другой путь; правда, я не могу этого доказать и не могу определить характер перемен...

— Мне не нужны семейные ссоры в рабочее время,— раздраженно заметил Ранситер.

— Семейные ссоры? — удивленно спросил Джо и тут же заметил кольцо на руке Пат: кованое серебро и нефрит. Он вспомнил, что помогал ей его выбрать.

«Это было за два дня до нашей свадьбы, то есть более года назад, несмотря на мое паршивое финансовое положение в то время. Разумеется, и это изменилось: заработок Пат и ее умение распоряжаться деньгами выправили ситуацию. Раз и навсегда».

— Итак, идем дальше,— сказал Ранситер.— Мы должны задать себе вопрос, почему Стэнтон Майк доверил свои интересы другой предохранительной организации, а не нам. Рассуждая логически, контракт должны были получить мы: мы — лучшие в этом деле и имеем контору в Нью-Йорке, где Майк действует охотнее всего. У вас есть какая-нибудь теория, миссис Чип? — Он с надеждой посмотрел на Пат.

— Вы действительно хотите это знать, мистер Ранситер? — спросила она.

— Да,— он энергично кивнул головой,— я очень хотел бы знать причину.

— Это сделала я,— заявила Пат.

— Каким образом?

— С помощью своих способностей.

— Каких способностей? — спросил Ранситер.— У вас нет никаких способностей, вы просто жена Джо Чипа.

— Ты пришла сюда затем, чтобы пообедать с Джо и со мной,— вставил Дж. Дж. Эшвуд.

— У нее есть способности,— вмешался Джо Чип. Он старался что-то вспомнить, но все было как в тумане — память гасла в тот момент, когда он пытался ее оживить.

«Иной временной путь,— подумал он.— Прошлое.— Больше он ничего не мог вспомнить — в этом месте память кончалась.— Моя жена — необыкновенный человек,— думал он.— Умеет сделать такое, чего никто на Земле не может. Но в таком случае, почему она не работает в Корпорации Ранситера? ЧТО-ТО ТУТ НЕ ТАК».

— Ты измерил ее? — спрашивал Ранситер.— Ведь это твое дело. Ты говоришь так, как будто измерил — слишком уж уверен в себе.

— Я не уверен в себе,— ответил Джо.

«Зато я уверен в своей жене»,— подумал он.

— Пойду принесу аппаратуру, посмотрим, какое поле она создает.

— Оставь, Джо,— со злостью сказал Ранситер.— Если бы у твоей жены был какой-нибудь талант или противоталант, ты измерил бы его силу по крайней мере год назад.— Он нажал на столе кнопку селектора.— Отдел кадров? В наших делах есть что-нибудь о миссис Чип? Патриции Чип?

После паузы аппарат заговорил: «У нас нет дела миссис Чип. Может, она фигурирует под своей девичьей фамилией?»

— Конлей,— сказал Джо.— Патриция Конлей.

Снова пауза.

— Относительно мисс Конлей у нас есть два документа: рапорт мистера Эшвуда об ее открытии и результаты исследований, прове-

денных мистером Чипом.— Копии обоих документов медленно выползли из щели аппарата и упали на стол.

— Иди сюда и прочти это, Джо,— гневно сказал Ранситер, проглядев результаты исследований. Он постучал пальцем по листу бумаги; Джо, подойдя к нему, увидел два подчеркнутых кружка. Они с Ранситером переглянулись, потом посмотрели на Пат.

— Я знаю, что там написано,— спокойно сказала Пат.— «Обладает невероятной силой воздействия. Необычайно широкий диапазон поля анти-пси».— Она сосредоточилась, стараясь поточнее припомнить формулировку документа.— «Похоже, может...»

— Мы получили тогда этот заказ от Майка,— сказал Ранситер Джо Чипу.— Я собрал здесь группу из одиннадцати инерциалов и предложил ей...

— ...показать им, что она умеет,— закончил Джо.— И она это сделала. Она точно выполнила ваше задание. И значит, моя оценка была точна,— он указал пальцем на условный символ, означающий опасность.— Моя собственная жена...— добавил он.

— Я не твоя жена,— сказала Пат.— Это я тоже изменила. Хочешь, чтобы все стало по-прежнему? Без каких-либо изменений даже в мелочах? При этом способе ваши инерциалы много не увидят. Хотя, с другой стороны, они и так не отдают себе отчета... разве что некоторые из них сохранили, подобно Джо, какие-то воспоминания. Однако к этому времени и они должны исчезнуть.

— Я бы хотел, по крайней мере, получить этот заказ от Майка,— сказал Ранситер.

— Нужно признать, что, разыскивая новых работников, я обычно иду ва-банк,— заметил явно побледневший Дж. Дж. Эшвуд.

— Да, ты поставляешь нам действительно талантливых людей,— согласился Ранситер.

Снова зазвенел телефон, и в трубке захрипел дрожащий голос миссис Фрик:

— Мистер Ранситер, группа ваших инерциалов ждет, когда вы их примете. Они говорят, что вы вызвали их в связи с новым заданием. Вы их примете?

— Пропустите их ко мне,— приказал Ранситер.

— Я сохраню это,— заявила Пат, указывая на обручальное кольцо из серебра с нефритом, которое — на другом временном пути — они выбрали вместе с Джо.

Дверь в кабинет открылась, парами начали входить инерциалы; они на мгновение неуверенно замирали, потом занимали места вокруг стола Ранситера. Глен взглянул на них и начал просматривать лежавшую перед ним пачку документов: он явно пытался определить, не изменила ли Пат состава группы.

— Эди Дорн,— сказал он.— Да, это вы.— Он взглянул на нее

и на сидящего рядом мужчину.— Хэммонд. Порядок, Хэммонд. Типпи Джексон,— он испытующе посмотрел на нее.

— Я приехала так быстро, как могла,— сказала миссис Джексон.— Вы дали мне очень мало времени, мистер Ранситер.

— Джон Илд,— прочел Ранситер следующую фамилию.

Растрепанный, кудрявый парень что-то буркнул.

«Его самоуверенность поуменьшилась,— отметил Джо. Теперь он казался замкнутым и слегка ошеломленным.— Интересно бы узнать, много ли он помнит. Вообще, что сохранилось в их памяти — поодиночке и у всех вместе».

— Франциска Спаниш,— продолжал Ранситер.

Отозвалась красивая темноволосая женщина, похожая на цыганку; от нее исходило какое-то особое напряжение.

— В последние несколько минут, мистер Ранситер, когда мы ждали в вашем секретариате, я услышала таинственные голоса и узнала от них много интересного.

— Вы миссис Франциска Спаниш? — нетерпеливо спросил Ранситер. Он казался усталым более, чем обычно.

— Да, это я; меня всегда так звали и всегда будут так звать,— в голосе мисс Спаниш звучала глубокая убежденность.— Сказать вам, что сообщили мне эти голоса?

— Может, позднее? — предложил Ранситер, взяв досье очередного инерциала.

— Но я должна это сказать,— дрожащим голосом произнесла мисс Спаниш.

— Хорошо,— согласился Ранситер.— Сделаем перерыв.— Открыв ящик стола, он достал таблетку амфетамина и проглотил ее.— Расскажите нам, что поведали вам эти голоса.— Он взглянул на Джо и пожал плечами.

— Кто-то,— начала мисс Спаниш,— перенес нас всех в иной мир. Мы поселились в нем и жили там, как его жители, а потом с помощью какой-то всемогущей духовной силы вернулись в наш собственный мир.

— Это делала Пат,— объяснил Джо Чип.— Пат Конлей, которая только сегодня начала работать в нашей фирме.

— Здесь мистер Тото Апостос? — спросил Ранситер и оглядел всех сидящих в комнате.

Лысый мужчина, тряся козлиной бородкой, указал на себя пальцем. На нем были немодные, в обтяжку, брюки из золотой ламы, и все же он выглядел достаточно стильно. Может быть, этому способствовали большие, как яйца, пуговицы его зеленой кружевной блузы? Во всяком случае, он излучал достоинство и высокомерие. Джо признался себе, что этот человек произвел на него впечатление.

— Дон Денни,— прочел Ранситер.

— Здесь, сэр,— отозвался уверенным баритоном, похожим на

мурлыканье сиамского кота, худощавый серьезный мужчина, сидевший очень прямо. Ладони он держал на коленях. На нем была туника из искусственной ткани, кожаные ковбойские брюки, украшенные звездочками из фальшивого серебра, и сандалии. Длинные волосы были перевязаны лентой.

— Вы — антианиматор,— сказал Ранситер, заглянув в нужную бумагу.— Единственный, который у нас работает.— Он повернулся к Чипу.— Сомневаюсь, что он нам понадобится. Может, лучше взять на его место еще одного антителепата? Они нужны нам гораздо больше.

— Мы должны быть готовы ко всему,— сказал Джо.— Мы ведь не знаем, с чем там столкнемся.

— Пожалуй,— кивнул головой Ранситер.— Хорошо. Сэмми Мундо.

Молодой человек с маленькой головой, похожей на дыню, одетый в макси-юбку, поднял руку в нерешительном механическом жесте, словно его тело сделало это без участия мозга. Он знал этого человека. Мундо казался гораздо моложе, чем был на самом деле: процесс развития, физического и умственного, у него давно уже прекратился. В смысле разумности Мундо находился на уровне енота: умел ходить, есть, купаться и даже — по-своему — говорить. Однако его антителепатические способности были довольно велики. Однажды он в одиночку затмил С. Дойла Мелипона, и газета фирмы писала об этом много месяцев подряд.

— Ну вот,— сказал Ранситер,— мы дошли до Венди Райт.

Джо, как всегда, воспользовался случаем, чтобы внимательно разглядеть девушку, которую — если бы ему удалось — охотно сделал бы своей любовницей или — еще охотнее — женой. Казалось невозможным, чтобы Венди Райт, как и все остальные люди, состояла из крови и внутренних органов. Рядом с ней он чувствовал себя толстым, потным, необразованным обжорой с расстроенным желудком и хрипящими легкими. Тогда он начинал замечать работу механизмов, поддерживающих его жизнь: насосы, трубы, клапаны и компрессоры с шумом выполняли в его организме свою безнадежную работу. При виде ее лица ему казалось, что его собственное — просто крикливая маска, при виде ее тела он чувствовал себя дешевой заводной куклой. Ее глаза, напоминавшие зеленые полированные камни, смотрели вокруг бесстрастно, и ни разу он не замечал в них ни страха, ни отвращения, ни презрения. Она производила впечатление очень спокойного человека, было ей лет 25 или 26, но он не мог представить, что когда-то она выглядела еще моложе, и истово верил, что она никогда не состарится. Она слишком хорошо владела собой и окружающей действительностью, чтобы поддаться времени.

— Я здесь,— отозвалась Венди спокойным мягким голосом.

— О'кей,— кивнул Ранситер.— Остался еще Фред Зефски.— Он взглянул на мужчину средних лет. Тот выглядел довольно необычно: у него были большие ступни, зачесанные вперед волосы, нездоровая кожа и торчащий кадык. Одет он был в свободную тунику, цветом напоминавшую зад павиана.— Это, наверное, вы?

— Вы правы,— хихикая, ответил Зефски.— Ну и что?

— Боже мой,— Ранситер покачал головой.— Ну что ж, на всякий случай мы должны взять с собой одного паракинетика, и это как раз вы.— Он положил документы на стол и поискал свою зеленую сигару. Потом обратился к Джо: — Вот и вся группа, плюс ты и я. Хочешь ли внести изменения?

— Мне они нравятся,— ответил Джо.

— По-твоему, эта компания,— лучшая группа инерциалов, которую мы можем выставить? — Ранситер испытующе смотрел на него.

— Да,— ответил Джо.

Но он знал, что это неправда, хотя и не мог высказать этого словами. Уверенность его опиралась не на рациональные доводы. Возможности одиннадцати инерциалов в создании антиполя были колоссальны, и все же...

— Вы можете уделить мне минуту времени, мистер Чип? — лысый и бородатый Тито Апостос в блестящих брюках из золотой ламы взял Джо под руку.— Я хотел бы рассказать вам о том, что случилось со мной прошлой ночью. Во время сна я установил — как мне кажется — контакт с одним, а может, и двумя работниками Холлиса. Это был телепат, работающий в паре с ясновидцем. Как вы думаете, я должен сообщить об этом мистеру Ранситеру? Имеет ли это какое-то значение?

Джо Чип с сомнением посмотрел на Глена, который сидел в своем любимом кресле и пытался заново раскурить гаванскую сигару. Щеки его ввалились, он казался крайне усталым.

— Нет,— сказал Джо.— Не берите это в голову.

— Леди и джентльмены,— голос Ранситера перекрыл шум, царивший в кабинете.— Мы отправляемся на Луну: одиннадцать инерциалов, Джо Чип, я сам и представительница нашего клиента Зоя Вирт — всего четырнадцать человек. Мы воспользуемся нашим собственным кораблем.— Он достал старомодные карманные часы и проверил время.— Сейчас три-тридцать. «Претфалл II» стартует в четыре с крыши главного здания.— Он закрыл и убрал часы в карман своей шелковой перевязи.

— Ну что ж, Джо,— сказал он.— Мы вместе участвуем в деле, плохо это или хорошо. Хотел бы я иметь дежурного ясновидца, который мог бы предсказать наше будущее.— В его голосе чувствовалась усталость, вызванная хлопотами, беспокойством и тяжким бременем ответственности и возраста.

Мы хотим обеспечить тебе бритье, какого ты никогда не знал. Мы сказали себе: самое время немного поласкать мужское лицо.
С появлением автоматической бритвы «УБИК» с вечным лезвием из швейцарского хрома ушли в прошлое дни борьбы со щетиной. Итак, опробуй бритву «УБИК», дай себя поласкать. В н и м а н и е: использовать строго по инструкции. И осторожно.

VI

— Приветствуем вас на Луне,— весело сказала Зоя Вирт. Глаза ее казались больше благодаря треугольным очкам в красной оправе.— Мистер Говард через меня передает вам сердечный привет, а особенно выражает благодарность мистеру Глену Ранситеру, который позволил нам воспользоваться услугами своей фирмы, точнее — услугами собранных здесь особ. Номер укрытого под землей отеля, где мы сейчас находимся, расположен всего в трехстах ярдах от промышленных объектов, которые — как считает мистер Говард — подверглись инфильтрации. Ваше присутствие в этой комнате уже должно ограничить способности пси-агентов Холлиса, что, несомненно, радует нас всех.— Она замолчала и оглядела группу.— Есть вопросы?

Джо Чип, занятый своей аппаратурой, не обращал на нее внимания. Несмотря на нежелание клиента, он собирался измерить окружающее их поле пси. Это решение они с Ранситером приняли во время перелета с Земли.

— У меня вопрос,— сказал Фред Зефски, поднимая руку и хохоча.— Где ванная?

— Каждый из вас,— ответила мисс Вирт,— получит миниатюрную карту, на которой все будет указано.— Она кивнула в сторону своей ассистентки, и та начала раздавать цветные планы, отпечатанные на блестящей бумаге.— В каждом номере есть кухня, там всеми устройствами можно пользоваться бесплатно, без монет. Стоимость этого здания, где с удобствами могут разместиться двадцать человек, была, конечно, очень высока. Оно снабжено собственной автоматической системой вентиляции, системой обогрева, канализацией и богатым выбором продуктов. Кроме того, имеется закрытая телевизионная система и высококачественный полифонический проигрыватель с набором пластинок. В отличие от кухонных, два

последних аппарата требуют монеты. Чтобы облегчить вам пользование этими устройствами, в салоне игр расположена машина, разменивающая крупные деньги на мелкие.

— На моем плане показано только девять спален,— заметил Ал Хэммонд.

— В каждой спальне находятся по две кровати корабельного типа, то есть, их хватает на восемнадцать человек. Более того, пять из них — двуспальные, чтобы те, кто захочет, могли спать в них вместе.

— Я издал специальный указ,— раздраженно сказал Ранситер,— относительно совместного спанья моих работников.

— Вы за или против?

— Против.— Ранситер смял свою карту и бросил ее на теплый металлический пол.— Я не собираюсь слушать ничьих...

— Но вы же не будете вечно здесь жить, мистер Ранситер,— сказала мисс Вирт.— Разве вы не вернетесь на Землю, как только ваши сотрудники приступят к работе? — Она улыбнулась ему профессиональной улыбкой.

— У тебя уже есть данные о поле пси? — обратился Ранситер к Джо Чипу.

— Сначала я должен измерить антиполе, создаваемое нашими инерциалами,— объяснил Джо.

— Нужно было сделать это во время перелета,— заметил Ранситер.

— Вы делаете замеры? — обеспокоенно спросила мисс Вирт.— Я же говорила, что мистер Говард не хочет этого.

— Все же мы проверим состояние поля,— заявил Ранситер.

— Мистер Говард...

— Стэнтон Майк не авторитет в этом вопросе,— сказал Ранситер.

— Вы могли бы пригласить сюда мистера Майка? — обратилась мисс Вирт к своей ассистентке, которая немедленно направилась к лифтам.— Мистер Майк сам вам все объяснит. А пока я прошу вас прекратить замеры и подождать его.

— Я могу уже прочесть данные, касающиеся нашего собственного поля,— обратился Джо Чип к Ранситеру.— Оно очень сильно, вероятно, из-за присутствия Патриции. Гораздо сильнее, чем я ожидал.

«Почему они так протестуют против замеров? — терялся он в догадках.— И дело здесь не во времени — наши инерциалы уже здесь и начали действовать».

— Есть ли здесь шкафы, в которых мы могли бы разместить гардероб? — спросила Типпи Джексон.— Я хотела бы распаковать чемодан.

— В каждой спальне,— объяснила мисс Вирт,— есть большой

шкаф, работающий, если в него опустить монету. Я хочу вручить вам, господа,— тут она вынула большую пластиковую сумку,— этот запас монет в виде подарка. Не могли бы вы разделить их между всеми? — продолжала она, вручая Джону Илду рулоны пяти-, десяти- и двадцатипятицентовиков.— Это жест доброй воли со стороны мистера Майка.

— А есть здесь медсестра или врач? — спросила Эди Дорн.— Иногда во время интенсивной работы я страдаю психосоматическим раздражением кожи. Обычно мне помогает мазь на основе гидрокортизона, но в спешке я забыла ее.

— В промышленных помещениях, находящихся рядом с отелем, дежурят многочисленные врачи,— ответила мисс Вирт.— Кроме того, там есть небольшой медпункт с кроватями для больных.

— И он действует, только если опустить монету? — спросил Сэмми Мундо.

— Врачебная помощь у нас бесплатна,— заявила мисс Вирт.— Но кандидат в пациенты должен доказать, что он действительно болен. Однако автоматы, продающие лекарства, действуют только получив монету. В связи с этим я хотела бы добавить, что в здешнем салоне игр вы найдете автомат, продающий успокаивающие средства. Если захотите, можно доставить из соседних помещений автомат, продающий возбудающие средства.

— А как с галлюциногенами? — спросила Франциска Спаниш.— Я добиваюсь лучших результатов, употребляя препараты на базе спорыньи — под их действием я вижу своего противника. Я давно убедилась, что мне это помогает.

— Наш шеф, мистер Майк, против галлюциногенных препаратов на базе спорыньи. Он считает, что они вредят желудку. Если вы привезли их с собой, можете принимать, но от нас вы ничего не получите, хотя, по-моему, они у нас есть.

— С каких пор,— обратился к Франциске Дон Денни,— для галлюцинации тебе нужны лекарства? Вся твоя жизнь — это галлюцинация наяву.

— Два дня назад у меня было особенно волнующее видение,— спокойно ответила Франциска.

— Меня это не удивляет,— сказал Дон Денни.

— Группа телепатов и ясновидцев спустилась по лестнице из тонкого шнура на балкон рядом с моим окном. Они прошли сквозь стену и встали у моей кровати, разбудив меня своей болтовней. Они цитировали стихи и прозу из старых книг, и мне это очень понравилось. Мне они показались такими...— она поискала подходящее слово,— ...такими блестящими. Один из них, который представился как Билл...

— Минуточку,— прервал Тито Апостос,— я тоже видел этот

сон.— Он повернулся к Джо: — Помните, я говорил вам перед отлетом с Земли.— Он нервно сжал руки.— Вы помните?

— Мне тоже это снилось,— сказала Типпи Джексон.— Билл и Мэт. Они сказали, что собираются меня прикончить.

— Ты должен был сообщить об этом МНЕ,— обратился к Джо Ранситер. Лицо его исказила гримаса.

— Но ты тогда...— Джо помолчал,— казался усталым. У тебя были другие дела.

— Это был не сон,— резко сказала Франциска,— это было настоящее видение. Я могу их отличить.

— Конечно, можешь, Франциска,— сказал Дон Денни, подмигивая Джо.

— И у меня был сон,— сказал Джон Илд.— Но он касался экипажей на воздушной подушке. Я старался закрепить в памяти номера, записанные на их регистрационных таблицах. Я запомнил их 65 штук и могу хоть сейчас их повторить. Хотите, чтобы я это сделал?

— Мне очень жаль, Глен,— сказал Джо Чип.— Я подумал, что это случилось только с Апостосом, и ничего не знал о других... Я...— он замолчал, потому что раскрылась дверь лифта. Все посмотрели в том направлении.

Стэнтон Майк, невысокий, тучный мужчина, шел к ним на своих толстых ногах.

Одет он был в короткие цветастые брюки, розовые туфли из шерсти яка и жилет из змеиной шкуры. Длинные, до пояса, светлые волосы были перевязаны лентой.

«Его нос,— подумал Джо,— похож на резиновую грушу клаксона одного из такси, которые ездят в Нью-Дели. И такой же шумный. Самый шумный нос, какой я видел в своей жизни».

— Привет вам, передовые обладатели способностей анти-пси,— сказал Майк, разводя руки в приветственном жесте.— Вот и явились экспериментаторы; я имею в виду вас.— Голос у него был пронзительный, скрипящий, как у кастрата.

«Такой же неприятный звук мог бы идти от улья, полного металлических пчел»,— подумал Джо.

— И вот на спокойный, безобидный мир Стэнтона Майка обрушилось несчастье в виде банды людей со способностями пси. Что это был за день для нас, здесь в Майквилле — так мы называем это наше милое лунное поселение! Надеюсь, вы уже приступили к делу. Ведь вы — лучшие специалисты в своей области, это подтвердит каждый, кому знакома Корпорация Ранситера. Я сам восхищен вашей деятельностью — за одним исключением. Я вижу, что ваш контролер манипулирует у своих аппаратов. Не могли бы вы смотреть в мою сторону, когда я к вам обращаюсь?

Джо выключил свои приборы.

— Может, вы удостоите меня вниманием? — спросил его Стэнтон Майк.

— Да,— ответил Джо.

— Не выключай свои аппараты,— потребовал Ранситер.— Ты работаешь у меня и не подчиняешься мистеру Майку.

— Это не имеет значения. Я уже сделал замеры поля, создаваемого в этом районе.— Он выполнил свою задачу, Стэнтон Майк прибыл слишком поздно.

— Насколько сильно их поле? — спросил Ранситер.

— НЕТ НИКАКОГО ПОЛЯ,— ответил Джо.

— То есть, наши инерциалы нейтрализовали его? Наше антиполе сильнее?

— Нет,— сказал Джо.— В пределах действия моих приборов вообще нет поля пси. Я записал наше собственное поле, и все говорит о том, что приборы работают правильно. Мы создаем 2000 единиц блр; каждые несколько минут показатель доходит до 2100 единиц. В дальнейшем он будет еще больше расти: когда наши инерциалы проведут вместе, скажем, двенадцать часов, он может достичь даже...

— Не понимаю,— сказал Ранситер. Все инерциалы собрались вокруг Джо Чипа. Дон Денни взял в руки одну из лент, выброшенных детектором, взглянул на нее и показал ленту с прямой линией Типпи Джексон. Все инерциалы по очереди просмотрели ее, потом повернулись к Ранситеру, а тот обратился к Стэнтону Майку: — С чего вы взяли, что люди Холлиса внедрились в ваши предприятия на Луне? И почему вы протестовали против обычных замеров? Вы знали, каков будет результат?

— Наверняка знал,— вставил Джо Чип. Он был в этом совершенно уверен.

На лице Ранситера появилось вдруг выражение энергичного возбуждения. Он начал что-то говорить Майку, потом передумал и тихо сказал Джо: — Возвращаемся на Землю, забираем отсюда наших инерциалов.

Повысив голос, он обратился к остальным:

— Соберите свои вещи, мы летим обратно в Нью-Йорк. Я хочу, чтобы через пятнадцать минут все вы были на корабле. Тех, кто не явится, мы будем вынуждены оставить. Джо, собирай свое барахло; если не справишься сам, я тебе помогу.— Он снова повернул к Стэнтону Майку свое искаженное гневом лицо и начал что-то говорить...

Стэнтон Майк, разведя руки в стороны, поднялся вдруг под потолок комнаты и заговорил оттуда своим скрипучим голосом, похожим на жужжание металлического насекомого:

— Мистер Ранситер, не позволяйте своим чувствам возобладать над рассудком. Дело это требует осмотрительности, а не спешки.

Прошу вас, успокойте своих людей; мы соберемся все вместе, чтобы достичь взаимного соглашения.— Его разноцветная округлая фигура раскачивалась из стороны в сторону, и теперь к Ранситеру были обращены его ноги.

— Я слышал о чем-то подобном,— сказал Ранситер Джо Чипу.— Это самоуничтожающаяся бомба в виде человека. Помоги мне вывести всех отсюда. Ее только что перевели на самостоятельное действие — поэтому она и поднялась вверх.

И в этот момент произошел взрыв.

Клубы вонючего дыма медленно опускались к полу, закрывая вздрагивающую человеческую фигуру, лежащую лицом вниз у ног Джо Чипа.

— Убили Ранситера, мистер Чип! — крикнул Дон Денни на ухо Джо Чипу.— Это мистер Ранситер!

— Кого еще? — хрипло спросил Джо, задыхаясь. В голове у него звенело от взрыва. По шее текло что-то теплое; видимо, его задел один из осколков.

— Кажется, все остальные живы, хотя и ранены,— сказала стоявшая рядом, но едва видимая Венди Райт.

— Может, вызвать кого-нибудь из аниматоров Роя Холлиса? — спросила Эди Дорн, наклонившись над Ранситером. На ее бледном лице было отчаяние.

— Нет,— сказал Джо, тоже наклонившись.— Ты ошибся,— обратился он к Дону Денни.— Он жив.

Но Ранситер умирал, лежа на искривленном полу, и через несколько минут слова Дона Денни должны были стать истиной.

— Слушайте все,— громко сказал Джо.— Поскольку мистер Ранситер ранен, командовать буду я; по крайней мере, до возвращения на Землю.

— Если мы вообще туда вернемся — сказал Ал Хэммонд, прикладывая платок к глубокой царапине под правым глазом.

— У кого из вас есть оружие? — спросил Джо. Никто не ответил.— Я знаю, что это против правил Корпорации, но знаю и то, что у некоторых оно есть. Забудьте об этом запрете, забудьте вообще обо всем, что вам внушали об инерциалах, носящих оружие во время работы.

— У меня в багаже есть оружие. В соседней комнате,— сказала наконец Типпи Джексон.

— Мое здесь,— сказал Тито Апостос. Он уже держал в правой руке древний револьвер со свинцовыми пулями.

— Если ваши револьверы в багаже, идите и принесите их,— приказал Джо.

Шестеро инерциалов направились к дверям.

— Нам нужно поместить Ранситера в холодильник,— сказал Джо Алу Хэммонду и Венди Райт, которые остались в комнате.

— На корабле есть холодильная установка,— заметил Ал Хэммонд.

— Мы отнесем его туда. Хэммонд, берите его с одной стороны, я возьму с другой. Апостос, идите первым и стреляйте в любого человека Холлиса, который попытается нас задержать.

— Вы думаете, Холлис организовал это вместе с мистером Майком? — спросил Джон Илд, возвращаясь в комнату с лазерной трубкой в руке.

— Вместе с ним, а может, и сам,— ответил Джо.— Не исключено, что мы вообще не имели дела с Майком, что все устроил Холлис.

«Удивительно,— думал он,— что взрыв человекоподобной бомбы не убил нас всех. Интересно, что стало с Зоей Вирт? Кажется, она вышла до взрыва. Как она прореагировала, узнав, что работает вовсе не у Стэнтона Майка и что наняли ее с одной целью — убить нас? Вероятно, им придется и ее устранить. Просто ради своей безопасности. Им не нужны лишние свидетели».

Вернулись остальные инерциалы с оружием в руках и встали к стене, ожидая, что скажет Джо. Учитывая положение, в котором они оказались, все были довольно спокойны.

— Если нам удастся достаточно быстро поместить Ранситера в холодильник,— объяснил Джо, неся вместе с Алом Хэммондом умирающего шефа к лифту,— он сможет и дальше руководить фирмой. Так, как это делает его жена.— Он нажал локтем кнопку звонка.— Вряд ли лифт придет,— добавил он.— В момент взрыва энергию наверняка выключили.

Однако лифт подошел, и они торопливо внесли туда Ранситера.

— Три человека с оружием едут с нами. Остальные...

— Вздор! — сказал Сэмми Мундо.— Мы не собираемся торчать здесь и ждать возвращения лифта. Он может никогда не вернуться.— Сэмми сделал шаг вперед, лицо его было искажено страхом.

— Ранситер едет в первую очередь,— твердо сказал Джо. Он нажал кнопку, и двери лифта закрылись, запирая его, Ала Хэммонда, Тито Апостоса, Венди Райт, Дона Денни и Глена Ранситера.

— Мы должны были поступить так,— сказал он, когда лифт двинулся вверх.— Кстати, если люди Холлиса ждут нас, мы первые попадем к ним в руки. Однако вряд ли они предполагают, что мы можем быть вооружены.

— Это...— начал было Дон Денни, но Джо прервал его, обратившись к Тито Апостосу:

— Проверь, жив ли он.

— Пока дышит,— сказал тот через минуту.— Значит, у нас еще есть шанс.

— Да, шанс,— сказал Джо. С момента взрыва бомбы он чувствовал физическую и психическую заторможенность.

«Как только окажемся на корабле,— думал он,— и поместим

Ранситера в холодильник, нужно будет обратиться по радио ко всем работникам фирмы, оставшимся в Нью-Йорке, с просьбой о помощи. Может, даже ко всем предохранительным организациям. Если нам не удастся стартовать, они смогут прилететь и забрать нас.

В действительности же дело обстояло иначе. Прежде, чем кто-либо из Объединения добрался бы до Луны, все, запертые под поверхностью, в колодце лифта или на корабле, были бы мертвы. Короче говоря, шансов на спасение у них не было.

— Вы могли пустить в лифт больше людей,— обвиняюще заметил Тито Апостос.— Можно было затолкнуть сюда хотя бы женщин.— Руки у него дрожали от возбуждения.

— Мы рискуем больше, чем они,— сказал Джо.— Холлис ожидает, что те, кто переживет взрыв, воспользуются лифтом, что мы и сделали. Вероятно, потому они и не выключили ток. Они знают, что нам нужно попасть на корабль.

— Ты уже говорил это, Джо,— сказала Венди Райт.

— Я стараюсь логично мотивировать свои поступки,— ответил он.— То, что оставил остальных там, внизу.

— А способности той девушки? — спросила Венди.— Той мрачной темноволосой молодой особы, которая ведет себя так пренебрежительно,— Пат Как-Ее-Там. Ты мог сказать ей, чтобы она вернулась во времени назад перед моментом ранения Ранситера и все изменила. Или ты забыл о ее таланте?

— Да,— коротко ответил Джо. Действительно, это совсем вылетело у него из головы среди дыма и бессмысленной беготни.

— Вернемся вниз,— предложил Тито Апостос.— Ты сам говоришь, что люди Холлиса будут ждать нас на поверхности, и утверждаешь, что безопаснее...

— Мы уже на поверхности,— сказал Дон Денни.— Лифт остановился.— Бледный и напряженный, он нервно облизывал губы, глядя на раздвигающиеся двери.

Перед ними была движущаяся дорожка, ведущая к холлу, в конце которого, за воротами из воздушных мембран, виднелась корма их корабля. Точно так, как они его оставили. На пути к кораблю не было никого.

— Странно,— вслух подумал Джо.— Неужели они уверены, что взрыв убил нас всех? Планируя акцию, они совершили много ошибок: сам взрыв был недостаточно силен, не выключили ток, а теперь этот пустой коридор...

— Думаю,— говорил Дон Денни, пока Ал Хэммонд и Джо переносили Ранситера на движущуюся дорожку,— все произошло из-за того, что бомба поднялась под потолок. Вероятно, она была разрывного типа, и большинство осколков ударили в стену над нами. Они не думали, что кто-то из нас уцелеет, и потому не выключили ток.

— Ну что ж, слава богу, что она поднялась вверх,— заметила Венди Райт.— Боже, как здесь холодно. Наверное, бомба повредила систему отопления.

Движущаяся дорожка везла их вперед страшно медленно, и Джо показалось, что прошло не менее 5 минут, прежде чем они оказались у двойной воздушной мембраны. Эта улиточья скорость была хуже всего, что они пережили до сих пор,— можно было подумать, что Холлис сознательно организовал это.

— Подождите! — крикнул вдруг кто-то за их спиной. Послышались шаги. Тито Апостос обернулся, подняв свой револьвер, потом снова опустил его.

— Это остальные наши люди,— сказал Дон Денни, обращаясь к Джо, который не мог обернуться. Вместе с Алом Хэммондом они уже начали маневры, чтобы пронести тело Ранситера через сложный механизм воздушных мембран.— Все в сборе, и все в порядке.— Он махнул им рукой с револьвером.— Скорее!

Корабль был по-прежнему соединен с холлом переходным тунелем.

«Неужели,— думал Джо, вслушиваясь в звук своих шагов,— они позволят нам улететь? А может, нас ждут на корабле? Похоже, что с нами играет какая-то злобная сила, позволяющая нам бежать и дергаться из стороны в сторону. Но когда мы дойдем до некой точки, ее рука сомкнется вокруг нас и отбросит наши раздавленные останки, как раньше — тело Ранситера».

— Денни,— сказал он.— Войди в корабль первым и посмотри; может, нас там ждут.

— А если да? — спросил Денни.

— Тогда вернись,— язвительно сказал Джо,— и скажи нам об этом; мы сдадимся, а потом нас всех убьют.

— Попроси эту Пат, или как там ее зовут, чтобы воспользовалась своими способностями,— настойчиво сказала Венди Райт.— Прошу тебя, Джо.

— Попробуем попасть на корабль,— сказал Тито Апостос.— Не нравится мне эта девушка: я не верю ей.

— Ты не понимаешь ее и не можешь понять, в чем заключается ее талант,— ответил Джо, глядя на низенького и худого Дона Денни, который пробежал последний отрезок туннеля, повозился у входа, а потом исчез в корабле.— Он не вернется,— сказал Джо, тяжело дыша. Ему показалось, что Глен Ранситер стал тяжелее.— Положим его сюда,— обратился он к Алу Хэммонду. Они уложили Глена на пол туннеля.— Он слишком тяжел для старого человека,— продолжал Джо, распрямляясь.— Сейчас я поговорю с Пат,— обратился он к Венди.

Остальные члены группы уже присоединились к ним, и теперь стояли в туннеле тесной группой.

— Что за фиаско,— вздохнул Джо.— А мы-то надеялись, что это будет нашей крупной удачей. Да, на этот раз Холлис нас добил.

Он жестом подозвал к себе Пат. Лицо ее было черно от дыма, блузка из синтетического материала была разодрана, и под ней виднелась эластичная повязка, которая, согласно последней моде, маскировала бюст. Она была элегантно украшена бледно-розовыми королевскими лилиями.

Джо почему-то запомнилась эта деталь.

— Послушай,— обратился он к девушке, кладя руку ей на плечо и глядя в глаза.— Не могла бы ты вернуться к моменту перед взрывом бомбы? И вернуть жизнь Глену Ранситеру?

— Слишком поздно,— ответила Пат.

— Почему?

— Прошло уже слишком много времени. Нужно было действовать сразу.

— Почему же ты этого не сделала? — с явной враждебностью спросила Венди Райт.

— А ты об этом подумала? Если да, то почему молчала? Никто не сказал мне ни слова.

— Значит, ты не чувствуешь себя ответственной за смерть Ранситера? — спросила Венди.— Несмотря на то, что благодаря своим способностям могла бы ее предотвратить?

В ответ Пат рассмеялась.

— Корабль пуст,— сказал Дон Денни, выходя в туннель.

— Порядок.— Джо кивнул Алу Хэммонду.— Внесем его в корабль и положим в холодильник.— Оба вновь подняли тяжелое неуклюжее тело и двинулись к кораблю. Инерциалы толпились вокруг них, стремясь поскорее оказаться в безопасном месте. Джо почти физически ощущал исходящий от них страх, создававший вокруг особую атмосферу. Возможность безопасно покинуть планету не успокоила их, а только увеличила отчаяние.

— Где ключ? — пискливым голосом спросил над ухом Джо Джон Илд и схватил его за плечо.— Ключ, мистер Чип.

— Ключ от стартера двигателя,— пояснил Ал Хэммонд.— Он был у Глена. Поищем, пока он еще не в холодильнике, ведь потом его нельзя будет трогать.

Обыскав многочисленные карманы Ранситера, Джо нашел ключ и подал его Джону Илду.

— Может, теперь мы все же занесем его в холодильник? — со злостью спросил он.— Хэммонд, ради бога, давай доведем дело до конца.

Двигатели вспомогательных ракет заревели. Корабль задрожал. У приборной доски четверо инерциалов работали над программированием автопилота.

— Почему они позволили нам уйти? — спросил Джо, когда они

с Алом Хэммондом установили мертвое — как казалось — тело Ранситера в холодильник. Специальные захваты сомкнулись на бедрах и руках Глена, удерживая его в вертикальном положении. Кристаллы льда ослепительно искрились.— Я не могу понять.

— Они дали маху,— заметил Хэммонд.— У них не было плана на случай, если бомба подведет. Так же, как у покушавшихся на Гитлера: когда было объявлено о взрыве в бункере, все решили...

— Выйдем-ка из холодильника, пока сами не замерзли,— прервал его Джо. Он толкнул Хэммонда к выходу и двинулся за ним. Оказавшись снаружи, они повернули колесо, закрывающее дверь камеры.— Боже, что за чувство! Трудно представить, что это сохранит человеку жизнь, по крайней мере, в некотором смысле.

Он направился в нос корабля, но его остановила Френси Спаниш. Ее длинные волосы были опалены.

— Холодильник снабжен системой связи? — спросила она.— Можем ли мы поговорить с мистером Ранситером?

— Не можем,— Джо покачал головой.— Нет наушников, микрофона и усилителя протофазонов. Нет пока даже состояния полужизни. Все это будет, когда мы перевезем его на Землю и поместим в мориторий.

— Как же мы убедимся, что поместили его в холодильник вовремя? — спросил Дон Денни.

— Никак,— ответил Джо.

— Может, дошло уже до необратимых изменений в мозгу.— Сэмми Мундо скривился и захохотал.

— Верно,— согласился Джо.— Может, мы уже никогда не услышим голоса Глена. Может оказаться так, что нам придется без него руководить корпорацией. Может, придется перенести нашу дирекцию в Мориторий Любимых Собратьев в Цюрихе и управлять делами фирмы оттуда.

Он сел на одно из центральных мест, откуда мог следить за четырьмя инерциалами, спорящими насчет управления кораблем. Во всем теле он чувствовал неприятную, тупую боль — результат пережитого потрясения. Джо вытащил помятую сигарету и закурил. Высохшая сигарета рассыпалась у него в руках.

— Странно,— удивленно сказал он.

— Это от жары,— ответил Ал Хэммонд, заметивший, что случилось,— от взрыва бомбы.

— Постарели мы от этого? — спросила Венди, выходя из-за спины Ала Хэммонда и садясь рядом с Джо.— Я чувствую себя старой, я и ЕСТЬ старая — сегодня мы все постарели. Это был день, какого никто из нас еще не переживал.

Корабль с огромным трудом оторвался от поверхности Луны, таща за собой переходный туннель.

Освежи замутившиеся стенки кухонной посуды новым чудесным препаратом «УБИК» — легкой в обращении, дающей яркий блеск синтетической субстанцией. «УБИК» совершенно безопасен, если применяется согласно инструкции. Освобождает от непрерывного полирования; благодаря ему тебе не нужно все время торчать на кухне!

VII

— Мне кажется,— заметил Джо Чип,— что лучше всего приземлиться в Цюрихе.— Он взял в руки коротковолновый аудифон, входящий в комплект богатой обстановки корабля Ранситера, и набрал номер Швейцарии.— Если мы поместим его в тот же мориторий, где находится Элла, то сможем контактировать одновременно с обоими; можно будет соединить их, чтобы они принимали решения вместе. Кто-нибудь из вас знает фамилию директора Моритория Любимых Собратьев? — спросил Джо.

— Герберт Какой-то,— сказала Типпи Джексон.— Какая-то немецкая фамилия.

— Герберт Шонхейт фон Фогельзанг,— сказала, подумав, Венди Райт.— Я запомнила эту фамилию потому, что мистер Ранситер сказал однажды, что это значит: Герберт Красота Птичьей Песни. Я еще подумала тогда, что хотела бы иметь такое имя.

— Ты можешь выйти за него замуж,— сказал Тито Апостос.

— Я собираюсь выйти за Джо Чипа,— задумчиво сказала Венди.

— Ах так? — черные глаза Пат Конлей засверкали.— Ты действительно этого хочешь?

— Ты и это можешь изменить? — спросила Венди.

— Я живу с Джо, я — его любовница. У нас договор, на основании которого я покрываю все его расходы. Сегодня утром я заплатила дверям, чтобы он мог выйти. Если бы не я, он до сих пор сидел бы дома.

— И не было бы нашей экспедиции на Луну,— сказал Ал Хэммонд, глядя на Пат. Лицо его отражало самые различные чувства.

— Сегодня, может, и нет, но потом мы все равно бы полете-

ли,— заметила Типпи Джексон.— Какая разница? Так или иначе, я думаю, Джо приятно иметь любовницу, которая платит его дверям,— и она ткнула Джо локтем в бок.

— Дайте мне универсальную телефонную книгу корабля,— сказал он.— Я извещу мориторий о нашем приезде.— Он взглянул на часы.— Еще десять минут полета.

— Вот телефонная книга, мистер Чип,— сказал Джон Илд после недолгих поисков. Он вручил Джо тяжелый прямоугольный ящик с избирательным устройством и клавиатурой с буквами.

Джо отстучал на ней: «Швейц», потом «Цюр», и наконец, «Мор Люб Собр».

— Как по-еврейски,— сказала у него за спиной Пат.

Избирательное устройство двигалось то туда, то сюда, выбирая одни элементы и игнорируя другие. Наконец аппарат выбросил из себя перфорированную карту, которую Джо сунул в специальную щель видеофона.

— Сообщаю записанную информацию,— металлическим голосом сказал видеофон, и из него выскочила карта.— Номер, который мне дали, недействителен. Если нужна помощь, нужно поместить красную карточку в...

— Какого года эта телефонная книга? — спросил Чип Илда, который уже собирался вернуть ее на полку в стенном шкафу.

— Тысяча девятьсот девяностого, ей уже два года,— ответил Илд, проверив печать на задней стенке ящика.

— Это невозможно,— сказал Эди Дорн.— Этот корабль не существовал два года назад. Все оборудование должно быть новым.

— Может, Ранситер решил сэкономить? — вставил Тито Апостос.

— Ну вот еще,— воскликнул Эди.— Строя этот корабль, он не жалел денег. Все его работники прекрасно об этом знают. Этот корабль — его гордость.

— Был его гордостью,— поправила Френси Спаниш.

— Не согласен,— сказал Джо. Он сунул красную карточку в щель видеофона.— Прошу указать современный номер Мориторий Любимых Собратьев в Цюрихе, Швейцария.— Затем вновь обратился к Френси Спаниш: — Этот корабль и сейчас является гордостью Глена, поскольку Ранситер продолжает существовать.

Красная карта выскочила из щели видеофона, на ней был выбит нужный номер. Джо опустил ее в щель набора. На этот раз механизм прореагировал спокойно: на экране появилось бледное уверенное лицо человека, который руководил Мориторием Любимых Собратьев.

— Я — Герберт Шонхейт фон Фогельзанг. Вы решили обратиться ко мне со своей скорбью, сэр? Прошу сообщить мне свою

фамилию и адрес, на случай, если нас разъединят.— Владелец моритория производил впечатление совершенно спокойного человека.

— Произошел несчастный случай,— сказал Джо.

— То, что мы считаем несчастным случаем, на самом деле — божья воля. В некотором смысле, вся наша жизнь — несчастный случай. И все же...

— Я не собираюсь устраивать теологический диспут,— заявил Джо.— Во всяком случае, не сейчас.

— И все же именно в эту минуту — более, чем когда-либо — утешение, которое несет религия, приносит максимальное облегчение. Умерший был вашим родственником?

— Нашим шефом,— ответил Джо.— Это Глен Ранситер, председатель Корпорации Ранситера в Нью-Йорке. Его жена Элла уже у вас. Мы приземлимся через восемь-десять минут. Вы можете прислать один из ваших рефрижераторов?

— Умерший сейчас в холодильнике?

— Нет,— ответил Джо.— Загорает на пляже во Флориде.

— Догадываюсь, что ваш шутливый ответ означает подтверждение.

— Я прошу, чтобы ваша машина ждала нас в космопорте,— сказал Джо и отключился.

«Теперь нам придется вести дела при посредничестве этого человека»,— подумал он.

— Мы достанем Роя Холлиса,— сказал он собравшимся вокруг него инерциалам.

— Что, на место мистера Ранситера? — спросил Сэмми Мундо.

— Мы найдем его и уничтожим,— сказал Джо.— За то, что он сделал.

— Во всяком случае, теперь Глен будет ближе к Элле,— заметила Венди.

— В некотором смысле,— признал Джо.— Надеюсь, мы поместили его в холодильник не слишком...— он замолчал, не желая оглашать свои мысли.— Я не люблю ни мориториев, ни их владельцев. Почему Ранситер предпочитает швейцарские моритории? Почему ему не нравятся те, что находятся в Нью-Йорке?

— Это швейцарское изобретение,— сказала Эди Дорн.— И, согласно исследованиям, проведенным сторонними наблюдателями, средняя продолжительность полужизни в швейцарских мориториях на два часа превышает результаты, достигнутые у нас.

— ООН должна запретить содержание людей в состоянии полужизни,— сказал Джо.— Это нарушает естественный цикл рождений и смертей.

— Если бы бог был сторонником полужизни, каждый из нас рождался бы в гробу, заполненном сухим льдом,— насмешливо сказал Ал Хэммонд.

— Мы уже в пределах досягаемости коротковолнового передатчика Цюриха,— сказал Дон Денни, сидевший у пульта управления.— Он доведет нас до цели путешествия,— и с мрачным выражением на лице он отошел от пульта.

— Не беспокойся,— обратилась к нему Эди Дорн.— Я скажу прямо: подумай, как нам повезло, что мы еще живы. Мы могли бы погибнуть от бомбы или от ядерного оружия. Ты почувствуешь себя лучше, когда мы приземлимся и будем в безопасности.

— Факт, что нам нужно лететь на Луну, должен был возбудить наши подозрения,— сказал Джо, думая: «Подозрения Ранситера. Он всегда говорил нам: «Подозревайте каждого, кто поручает вам работу вне Земли». Будь он жив, он обязательно сказал бы это и сейчас. «Особую же осторожность соблюдайте тогда, когда хотят, чтобы вы отправились на Луну. Слишком много предохранительных организаций попались на этом». Если в моритории его вернут к жизни, это будет первое, что он скажет: «Я всегда с подозрением относился ко всему, что связано с Луной». И все же, бдительность изменила ему. Контракт был слишком выгоден, и он не смог его отклонить».

Взревели тормозные ракеты, включенные по радио из Цюриха. Корабль слегка задрожал.

— Джо,— сказал Тито Апостос,— тебе придется уведомить Эллу о том, что случилось с Ранситером. Ты это понимаешь?

— Я думаю об этом с тех пор, как мы стартовали с Луны,— ответил Джо.

Корабль явно тормозил и готовился к посадке, управляемый с помощью разных вспомогательных устройств.

— Кроме того,— продолжал Джо,— я должен уведомить о случившемся Объединение. Они будут дьявольски злы и сразу скажут, что мы, как бараны, полезли в ловушку.

— Но Объединение хорошо относится к нам,— сказал Сэмми Мундо.

— После такого фиаско никто не будет относиться к нам хорошо,— ответил Ал Хэммонд.

На краю летного поля в Цюрихе их ждал геликоптер, движимый энергией солнечных батарей. На нем виднелась надпись: «Мориторий Любимых Собратьев». Рядом стоял похожий на жука человек, одетый в европейский костюм, состоявший из твидовой тоги, удобных спортивных мокасин, пурпурного шарфа и шапки в виде самолетного винта. Как только Джо спустился на гладкую поверхность поля, хозяин моритория подбежал к нему, протягивая ладонь в перчатке.

— Я вижу, что путешествие ваше не изобиловало радостными событиями,— заговорил фон Фогельзанг, обменявшись с Джо рукопожатием.— Могут ли мои люди войти на борт вашего корабля и начать...

— Да,— сказал Джо.— Войдите и заберите его.

С руками в карманах, мрачный и подавленный, он направился к кафе.

«Сегодня начнется обычная рутина,— думал он.— Мы вернулись на Землю, Холлис не добил нас. Операция на Луне, ловушка, в которую мы попали, вообще все эти кошмарные, отвратительные вещи, которые мы пережили, уже позади. Начинается новая фаза, на развитие которой мы уже не можем воздействовать».

— Попрошу пять центов,— сказала дверь, ведущая в кафе.

Он подождал, пока его минует выходившая из кафе пара, потом ловко проскользнул за ней, подошел к свободному табурету и сел, опершись обеими руками о бар.

— Кофе,— заказал он, изучив меню.

— Со сливками и с сахаром? — спросил динамик, соединенный с башенкой центра управления кафе.

— Со сливками и с сахаром.

Из маленького окошечка выдвинулась чашка кофе, две маленькие пачки сахара и сосуд-пробирка со сливками. Все это остановилось на стойке бара, прямо перед Джо.

— Прошу один международный поскред,— сказал динамик.

— Запишите на счет Глена Ранситера, директора Корпорации Ранситера в Нью-Йорке,— ответил Джо.

— Тогда прошу вложить соответствующую кредитную карту,— сказал динамик.

— Вот уже пять лет мне не позволяют пользоваться кредитной картой,— сказал Джо.— Я еще расплачиваюсь за кредиты...

— Прошу один поскред,— перебил его динамик, из которого начало доноситься зловещее тиканье.— В противном случае через десять секунд вызову полицию.

Джо бросил монету, и тиканье прекратилось.

— Нам не нужны клиенты вроде вас,— заявил динамик.

— Однажды,— со злостью сказал Джо,— люди вроде меня восстанут, и ваша тирания кончится. Вернутся времена, когда в ходу были сердечность и сочувствие. И тогда человек, который, как я, пережил тяжелые минуты и нуждается в чашке горячего кофе, чтобы поддержать свои силы, получит этот кофе независимо от того, есть у него поскред или нет.— Он поднял сосудик со сливками, но тут же поставил его на стойку.— А кроме того, ваши сливки, или молоко, или что вы там подали, прокисли.

Динамик молчал.

—Вы что, ничего не собираетесь делать? — спросил Джо.— У вас было множество слов, когда речь шла о деньгах.

Платная дверь кафе открылась, вошел Ал Хэммонд. Он подошел к Джо и сел рядом с ним.

— Работники моритория уже перенесли Ранситера в вертолет. Они готовы к старту и спрашивают, полетишь ли ты с ними.

— Взгляни на эти сливки,— сказал Джо, поднимая сосудик вверх: жидкость оставалась на стенках в виде твердых комков.— Вот что получаешь за поскред в одном из современнейших и наиболее развитых городов мира. Я не выйду отсюда, пока мне не дадут новые сливки или не вернут деньги.

Ал Хэммонд положил руку на плечо Джо и внимательно посмотрел на него.

— В чем дело, Джо?

— Сначала моя сигарета,— считал Джо.— Потом устаревшая на два года телефонная книга на корабле. А теперь мне подают кислые сливки недельной давности. Я не понимаю этого, Ал.

— Выпей кофе без молока,— сказал Ал.— И иди к вертолету, чтобы они, наконец, отвезли Ранситера в мориторий. Остальные останутся на корабле до твоего возвращения. А потом мы поедем в ближайшее отделение Объединения и сочиним подробный рапорт.

Джо поднял чашку и увидел, что кофе холодный, густой и несвежий: поверхность его покрывала плесень. Он с отвращением отставил чашку. «В чем дело? — подумал он.— Что со мной происходит?» Отвращение вдруг превратилось в странный, необъяснимый страх.

— Идем же, Джо,— Ал тянул его к двери.— Забудь о кофе — это неважно. Сейчас главное — довезти Ранситера до...

— Ты знаешь, кто дал мне этот поскред? — спросил Джо.— Пат Конлей. И я сразу сделал с ним то, что всегда делаю с деньгами — выбросил его в грязь. Отдал за сваренный в прошлом году кофе.— Подчиняясь нажиму Ала Хэммонда, он слез с табурета.— Может, съездишь со мной в мориторий? Мне нужна будет помощь и поддержка, особенно при разговоре с Эллой. Что нам делать? Свалить вину на Ранситера? Сказать, что он сам все решил насчет нашего полета на Луну? Ведь это правда. А может, нужно сказать ей что-нибудь другое — например, что его корабль потерпел аварию или что он умер от естественных причин?

— Но ведь Ранситер в конце концов будет к ней подключен,— сказал Хэммонд.— И скажет ей правду. Значит, и ты должен сказать ей правду.

Они вышли из кафе и направились к вертолету.

— Может, сделать так, чтобы Ранситер сам ей все рассказал? — спросил Джо, залезая в вертолет.— А почему бы и нет? Это он решил, что мы полетим на Луну, пусть сам и говорит ей об этом. Он умеет с ней разговаривать.

— Вы готовы? — спросил фон Фогельзанг, сидевший за штурвалом.— Можем ли мы начать наше печальное путешествие к месту вечного покоя мистера Ранситера?

Джо застонал и выглянул в иллюминатор.

— Стартуем,— сказал Ал.

Кода они уже были в воздухе, фон Фогельзанг нажал кнопку на пульте. Из динамиков, размещенных по всей кабине, полились звуки «Торжественной Мессы» Бетховена.

— Ты знаешь, что Тосканини, дирижируя оперой, имел обычай петь вместе с исполнителями? — спросил Джо.— Что в записи «Травиаты» его можно услышать во время арии «Sempre Libera»?

— Я об этом не знал,— сказал Ал, глядя на проносящиеся под ними жилые здания Цюриха. Джо заметил, что сам тоже смотрит на эту величественную картину.

— Libera me Domine,— сказал он.

— Что это значит?

— «Боже, смилуйся надо мною». Ты этого не знал? Ведь все знают.

— Почему это пришло тебе в голову?

— Это из-за музыки. Прошу вас выключить ее,— обратился он к фон Фогельзангу.— Ранситер ее все равно не услышит. Ее слышу только я, а мне она не нравится. Тебе она тоже не нужна, верно? — обратился он к Алу Хэммонду.

— Успокойся, Джо,— сказал Ал.

— Мы везем нашего мертвого шефа в место, которое называется Мориторий Любимых Собратьев, а ты говоришь мне: «Успокойся»,— сказал Джо.— Знаешь, Ранситеру вовсе не нужно было лететь с нами на Луну, он мог послать туда нас, а сам остаться в Нью-Йорке. А теперь самый жизнелюбивый человек, которого я знал...

— Ваш темнокожий друг дал вам добрый совет,— вставил фон Фогельзанг.

— Какой совет?

— Успокоиться.— Фон Фогельзанг открыл ящичек, расположенный рядом с пультом управления, вынул картонную коробку и вручил Джо.— Угощайтесь, мистер Чип.

— Жевательная резинка с успокаивающим действием,— сказал Джо, беря у него коробку и задумчиво открывая ее.— Я должен ее принять? — спросил он у Ала.

— Должен,— ответил Хэммонд.

— Ранситер в подобной ситуации никогда бы не принял успокаивающее. Глен Ранситер вообще никогда не принимал успокаивающего. Знаешь, что я сейчас понял, Ал? Он отдал свою жизнь, чтобы спасти нас.

— Мы уже на месте,— сказал Ал. Геликоптер начал снижаться.— Сможешь ли ты взять себя в руки?

— Когда услышу голос Ранситера,— сказал Джо.— Когда увеpюсь, что он по-прежнему существует в какой-нибудь форме жизни или полужизни.

— Не беспокойтесь об этом, мистер Чип,— мягко сказал владелец моритория.— Обычно мы используем вполне достаточный поток протофазонов. По крайней мере, сначала. И только потом, когда период полужизни подходит к концу, приходят печальные минуты. Но при разумном планировании момент этот можно отодвинуть на много лет.— Он заглушил двигатель и открыл дверь кабины.— Приветствуем вас в Моритории Любимых Собратьев,— сказал он, пропуская их вперед, на крышу здания, где приземлился вертолет.— Моя секретарша, мисс Бисон, проводит вас в переговорную. Подождите там, а я доставлю вам мистера Ранситера, как только техники установят с ним контакт.

— Я хочу присутствовать при всей процедуре,— сказал Джо.— Я хочу видеть, как ваши техники будут его оживлять.

— Может, вы как друг сможете объяснить ему,— обратился владелец моритория к Алу.

— Мы должны ждать в переговорной, Джо,— сказал Ал.

— Ты ведешь себя, как Дядя Том,— с яростью сказал Джо.

— Все моритории работают таким образом,— ответил Ал.— Пойдем в переговорную.

— Как долго это продлится? — спросил Джо у владельца моритория.

— Это станет известно через пятнадцать минут. Если через это время мы не получим измеряемого сигнала...

— Вы хотите пробовать только пятнадцать минут? — спросил Джо и повернулся к Алу.— Всего пятнадцать минут будут они пытаться вернуть к жизни человека большего, чем все мы вместе взятые.— Ему хотелось плакать.— Идем, Ал,— сказал Джо.— Пойдем...

— Это ты иди со мной,— повторил Ал.— В переговорную.

Джо послушно последовал за ним.

— Хочешь сигарету? — спросил Ал, садясь на диван, из искусственной буйволовой кожи. Он протянул Джо пачку.

— Они лежалые,— сказал Джо. Ему не нужно было брать сигарету, он и так был в этом уверен.

— Верно.— Ал спрятал пачку.— Откуда ты это знаешь? — Он подождал ответа, потом продолжал: — Нам повезло, что мы живы: ведь это мы могли бы лежать сейчас в холодильнике. А Ранситер сидел бы в этой переговорной.— Он посмотрел на часы.

— Все сигареты на свете лежалые,— сказал Джо и тоже взглянул на часы. Прошло десять минут. Многочисленные мысли, мрачные и бессвязные, проплывали в его голове, как серебряные рыбки. Потом они сменились страхом.— Если бы Ранситер был жив и сидел в этой комнате, все было бы в порядке. Не знаю почему, но я в этом уверен.— Он задумался, что делают сейчас техники с телом Глена.

— Ты помнишь дантистов? — спросил он Ала.

— Не помню, но знаю, чем они занимались.

— Когда-то у людей портились зубы.

— Знаю,— сказал Ал.

— Отец рассказывал мне, как люди переживали, сидя в приемной у дантиста. Каждый раз, когда сестра открывала дверь, человек думал: вот оно, сейчас. Я боялся этого всю жизнь.

— И сейчас ты чувствуешь себя именно так? — спросил Ал.

— Сейчас я думаю: боже мой, почему этот олух директор не придет наконец и не скажет, что Ранситер жив. Или — что он умер. Одно из двух. Да или нет.

— Ответ почти всегда положителен. Как говорил Фогельзанг, статистически...

— На этот раз он будет отрицательным.

— Но ты же не можешь этого знать.

— Я вот думаю,— сказал Джо,— есть ли у Роя Холлиса филиал в Цюрихе.

— Конечно, есть. Но прежде вызови сюда ясновидца, и мы будем все знать.

— Я позвоню ясновидцу,— решил Джо.— Поговорю с кем-нибудь из них.— Он встал, думая, где может быть видеофон.— Дай мне 25 центов.

Ал отрицательно покачал головой.

— В некотором смысле,— сказал Джо,— ты — мой работник и должен делать то, что я скажу, иначе я тебя уволю. Сразу после смерти Ранситера я принял руководство фирмой. Я руковожу ею с момента взрыва бомбы: это я решил, что нужно привезти его сюда, я же решил нанять на несколько минут ясновидца. Пожалуйста, двадцать пять центов,— заключил он, протянув руку.

— Подумать только, что Корпорацией Ранситера руководит человек, у которого никогда нет при себе даже пятидесяти центов,— сказал Ал.— Держи.— Он вынул из кармана монету и бросил ее Джо.— Добавь эту сумму к моей ближайшей получке.

Джо вышел из переговорной и побрел по коридору, задумчиво потирая лоб. «Это неестественное место,— думал он,— расположено на середине пути между жизнью и смертью. А ведь я действительно теперь шеф Корпорации Ранситера, если не считать Эллы, которая мертва и может говорить только тогда, когда я посещу мориторий и прикажу разбудить ее. Я знаю подробности завещания Глена Ранситера, которое теперь автоматически определяет наши поступки: я должен руководить фирмой до момента, когда Элла или они оба не будут разбужены и не решат, кто займет место Глена. А может,— подумал он,— они решат, что я могу остаться на этом месте.

Но этого никогда не будет,— понял вдруг он.— Не может руко-

водить фирмой человек, который не способен навести порядок в своих собственных финансах. Ясновидец Холлиса должен знать и эти детали,— пришло ему в голову.— От него я узнаю, получу я место директора фирмы или нет. В таком деле хорошо иметь уверенность».

— Где тут у вас видеофон? — спросил он какого-то работника моритория.— Спасибо.— Он пошел дальше, пока, наконец, не нашел автоматический аппарат. Подняв трубку, он услышал сигнал и бросил в щель полученную от Ала монету.

— Мне очень жаль, сэр, но я не могу принять деньги, изъятые из обращения,— сказал аппарат. Монета выскочила из отверстия в его корпусе и приземлилась у ног Джо.

— В чем дело? — спросил он, неловко наклоняясь, чтобы поднять монету.— С каких это пор двадцатипятицентовки Североамериканской Федерации изъяты из обращения?

— Мне очень жаль, сэр, но то, что вы в меня бросили, было не двадцатипятицентовиком Североамериканской Федерации, а старой монетой Соединенных Штатов Америки, отчеканенной в Филадельфии. Сегодня она представляет ценность только для нумизматов.

Джо посмотрел на монету. На ее матовой поверхности виднелся профиль Джорджа Вашингтона и дата. Монете было более сорока лет. И, как утверждает телефон, она была давно изъята из обращения.

— У вас какие-то трудности, сэр? — вежливо спросил работник моритория, подходя к Джо.— Я видел, что автомат не принял вашу монету. Можно взглянуть на нее?

Он протянул руку, и Джо вручил ему двадцатипятицентовик Соединенных штатов.

— Я дам вам за нее современную монету, стоимостью в десять швейцарских франков, которой вы сможете заплатить за разговор.

— Хорошо,— сказал Джо. Обменяв монету, он опустил десятифранковик в отверстие аппарата и набрал номер международной централи фирмы Холлиса.

— Фирма «Таланты Холлиса»,— отозвался вежливый женский голос. На экране появилось лицо молодой девушки, слегка измененное новейшими косметическими средствами.— Ах, это вы, мистер Чип,— сказала девушка, узнав его.— Мистер Холлис предупредил нас, что вы будете звонить. Мы ждем уже полдня.

«Ясновидцы»,— подумал Джо.

— Мистер Холлис,— продолжала девушка,— поручил нам соединить вас с ним: он хочет лично заняться вашим делом. Через минуту, мистер Чип, если даст бог, вы услышите голос мистера Холлиса.

Ее лицо исчезло, и теперь перед ним был серый, мрачный экран. Потом на нем появилось голубоватое лицо с глубоко посаженными

глазами: таинственное лицо, лишенное шеи и тела. Глаза напоминали драгоценные камни, блестящие, но плохо отполированные.

— Хэлло, мистер Чип.

«Так вот как он выглядит»,— подумал Джо. Фотографии не передавали этого точно; они не показывали неровностей плоскостей и поверхностей. Казалось, что вся конструкция упала на землю, разбилась и была склеена заново, но небрежно.

— Объединение,— сказал Джо,— получит полный рапорт об убийстве, совершенном вами. У них много способных адвокатов, и вы проведете остаток жизни в тюрьме.

Никакой реакции.

— Мы знаем, что это ваших рук дело,— добавил он, чувствуя бессмысленность своих поступков.

— Если говорить о деле, с которым вы к нам обращаетесь,— сказал Холлис голосом, напомнившим Джо шелест ползущей змеи,— то мистер Ранситер не будет...

Джо дрожащей рукой повесил трубку.

Обратно он вернулся тем же коридором. В переговорной сидел мрачный Ал Хэммонд, ломая на части сухой предмет, который когда-то был сигаретой. Некоторое время он молчал, потом поднял взгляд на Джо.

— Ответ отрицательный,— сказал Джо.

— Приходил Фогельзанг и спрашивал о тебе,— ответил Ал.— Он вел себя очень странно, и по нему было видно, что там происходит. Ставлю восемь против шести, что он боится сказать прямо и будет долго ходить вокруг да около, но ответ будет — НЕТ. Что будем делать?

— Расправимся с Холлисом.

— Этого нам не осилить.

— Объединение...— начал было Джо, но тут в переговорную вошел владелец моритория. Видно было, что он взволнован, однако он старался казаться твердым человеком, который принимает свою судьбу спокойно и равнодушно.

— Мы сделали все, что в наших силах. При таких низких температурах ток течет практически без затруднений: при минус 150° С сопротивление практически равно нулю. Мы должны были получить ясный и четкий сигнал, но усилитель передал только шум частотой 60 герц. Однако обратите внимание на факт, что мы не можем отвечать за работу холодильной установки, в которой мистер Ранситер находился сначала. Прошу помнить об этом.

— Мы помним об этом,— сказал Ал, поднимаясь с места.— Пожалуй, это все,— обратился он к Джо.

— Я поговорю с Эллой,— заявил Джо.

— Сейчас? Лучше подожди; подумай, что хочешь ей сказать. Поговоришь с ней завтра. Езжай домой и выспись.

— Ехать домой — значит, ехать к Пат Конлей,— заметил Джо.— А в нынешнем состоянии у меня нет для этого сил.

— Тогда возьми комнату в отеле здесь, в Цюрихе,— посоветовал Ал.— Исчезни. Я вернусь на корабль, расскажу все остальным и доложу в Объединение. Можешь письменно уполномочить меня.— Он повернулся к фон Фогельзангу.— Вы можете дать нам бумагу и перо?

— Знаешь, с кем я хочу поговорить? — спросил Джо, когда владелец моритория удалился.— С Венди Райт. Она будет знать, что нужно делать. С ее мнением я считаюсь. Интересно, почему, ведь я ее почти не знаю.— Тут он заметил, что в переговорной звучит нежная, тихая мелодия. «Реквием» Верди,— узнал он и подумал, что фон Фогельзанг, наверное, лично включает музыку.

— Когда ты получишь номер,— сказал Ал,— думаю, мне удастся убедить Венди Райт навестить тебя в отеле.

— Это было бы аморально,— запротестовал Джо.

— Что? — Ал удивленно взглянул на него.— В такую минуту? Когда от всей организации не останется и следа, если ты не соберешься с силами? Все, что поможет тебе работать, есть вещь желаемая и даже обязательная. Иди к видеофону, позвони в отель, потом вернись сюда, скажи мне название отеля и...

— Все наши деньги ничего не стоят,— сказал Джо.— Я не могу пользоваться видеофоном, разве что найду нумизмата, который со мной поменяется.

— О боже! — воскликнул Ал, тяжело вздыхая и качая головой.

— Разве это моя вина? — спросил Джо.— Разве я сделал так, что твой двадцатипятицентовик постарел?

— Каким-то образом,— сказал Ал,— это действительно твоя вина. Но не знаю, каким. Может, когда-нибудь и пойму. Хорошо, тогда пойдем вместе на корабль. Можешь забрать оттуда Венди Райт и взять ее в отель.

— А чем я заплачу за отель? Они тоже не примут наших денег.

Ал выругался, вынул бумажник и осмотрел банкноты.

— Эти старые, но еще в обращении.— Он достал из кармана монеты.— А эти уже изъяты,— и он бросил монеты на ковер, с отвращением избавляясь от них, как раньше это сделал видеофон.

— Возьми эти деньги,— он вручил Джо пачку банкнот.— Их хватит на оплату одного дня в отеле, а также на ужин и выпивку для вас обоих. Завтра я вышлю корабль, он вас отсюда заберет.

— Я верну тебе эти деньги,— пообещал Джо.— Как исполняющий обязанности директора Корпорации Ранситера я получу большой оклад и смогу выплатить свои долги, вместе со штрафами, которые налоговое управление...

— Без Пат Конлей? Без ее помощи?

— Теперь я могу ее бросить,— заявил Джо.

— Не уверен,— сказал Ал.

— Теперь я могу начать новую жизнь.

«Я смогу руководить фирмой,— подумал Джо.— Наверняка я не повторю ошибки Ранситера: Холлис, подделывающийся под Стэнтона Майка не заманит ни меня, ни моих инерциалов за пределы Земли, не сможет напасть на нас».

— По-моему,— глухо сказал Ал,— в тебе есть жажда поражения. И никакие обстоятельства этого не изменят — даже нынешняя ситуация.

— В действительности я испытываю жажду успеха,— сказал Джо.— Это видел Глен Ранситер, потому и указал в своем завещании, что если он умрет, а Мориторий Любимых Собратьев не сможет вернуть его к состоянию полужизни, то я должен взять власть.— Его вера в собственные силы увеличилась. Он видел различные возможности, открывавшиеся перед ним, так четко, словно обладал способностями ясновидца. И вдруг он вспомнил о Пат и о том, что она может сделать с любым, кто попытается предсказать будущее.

— Ты не можешь бросить ее,— сказал Ал, словно читая его мысли.— С такими-то ее способностями.

— Я сниму комнату в отеле «Ритц» в Цюрихе,— решил Джо.— Так, как ты и планировал.

«Ал прав,— подумал он.— Ничего из этого не выйдет. Пат, или что-нибудь, еще более страшное, вмешается и уничтожит меня. Я заранее обречен на гибель, это мое предназначение — в классическом смысле этого слова».

В его возбужденном и усталом мозгу возникло вдруг видение бабочки, запутавшейся в паутине. Образ этот как-то был связан с вопросом времени, и это пугало его. Однако он не мог уяснить, почему. «Монеты,— подумал он.— Изъятые из обращения, отброшенные видеофоном. Нумизматические предметы, как те, что можно увидеть в музее. Может, все дело в этом? Трудно сказать».

У тебя денежные трудности? Навести ссудно-сберегательную кассу «УБИК». Она избавит тебя от хлопот. Скажем, ты возьмешь ссуду в размере 59 поскредов. Это составит...

VIII

В элегантный номер отеля, освещая предметы обстановки, вливался солнечный свет. Тяжелые шторы из неошелковой ткани были покрыты напечатанными вручную сценами, изображавшими развитие человечества от одноклеточных существ кембрийского периода до момента, когда в начале XX века состоялся первый полет машины тяжелее воздуха. Великолепный комод — имитация красного дерева, четыре разноцветных хромированных стула с подвижными спинками... Заспанный Джо удивленно разглядывал роскошь номера и вдруг испытал сильное разочарование: он осознал, что Венди так и не пришла к нему. А может, она стучала в дверь, но он спал слишком крепко, чтобы ее услышать?

Итак, добыча его исчезла, прежде чем он схватил ее.

Чувствуя деревенящую усталость — напоминание о вчерашнем дне — он слез с большого ложа, отыскал свой костюм и оделся. При этом он заметил, что в комнате царит необыкновенный холод, и некоторое время думал над этим явлением. Потом поднял трубку видеофона и набрал номер ресторана.

— ...отплатить ему, если это будет возможно,— говорил голос в трубке.— Прежде всего нужно, конечно, установить, участвовал ли в этом Стэнтон Майк, или же его участие в акции против нас было только фикцией. Если же все было иначе, тогда...

Голос звучал монотонно, как будто его владелец говорил сам с собой, а не с Джо. Могло показаться, что говорящий не знает, что его слушают.

— ...из наших предыдущих рапортов следует, что Майк действует безупречно и согласно с принятыми в пределах Системы юридическими и этическими принципами. В свете этого факта...

Джо положил трубку и стоял ошеломленный, стараясь собраться с мыслями. Это, несомненно, был ГОЛОС РАНСИТЕРА. Он еще раз поднял трубку и приложил ее к уху.

— ...процесс, начатый Майком, который привычен к подобным спорам и может это себе позволить. Нужно обязательно спросить

совета у наших юристов, прежде чем подать Объединению официальный рапорт. Если он будет оглашен публично, то будет иметь характер диффамации, а также может составить основу процесса, на котором мы будем отвечать за фальшивое обвинение и лишение свободы, если...

— Ранситер! — громко сказал Джо.

— ...в состоянии доказать хотя бы...

Джо положил трубку.

— Ничего не понимаю,— громко сказал он. Потом прошел в ванную, сполоснул лицо ледяной водой и причесался гигиеническим гребнем, которым отель бесплатно снабжал каждого гостя. Немного подумав, он побрился бесплатной гигиенической бритвой одноразового пользования, смазал подбородок, шею и щеки бесплатным гигиеническим кремом, затем распечатал бесплатный гигиенический стакан и напился воды.

«Неужели мориторию удалось наконец, вернуть его к полужизни? — подумал он.— Может, это они подключили его к моему телефону? Ранситер, придя в себя, первым делом захотел бы поговорить со мной. Но если это так, почему он меня не слышит? Почему соединение одностороннее? Или это только техническая неполадка, которую можно будет устранить?»

Он еще раз подошел к телефону и поднял трубку, собираясь соединиться с Мориторием Любимых Собратьев.

— ...он не лучший кандидат на место директора фирмы в связи с его сложной личной ситуацией, особенно...

«Я не могу позвонить,— понял Джо и положил трубку.— Нельзя даже ничего заказать».

В углу большой комнаты раздался звук сигнала, а потом механический голос:

— Я ваша домашняя газетная машина, бесплатно поставляемая в номера только сетью отелей «Ритц» на всей Земле и на колонизированных территориях. Прошу просто нажать кнопку рядом с родом новостей, которые вас интересуют, и в течение нескольких секунд вы получите газету, содержащую новейшую информацию, составленную согласно вашим индивидуальным запросам. Хочу напомнить, что это не будет стоить вам ни цента.

— О'кей,— сказал Джо и подошел к машине.

«Может, весть об убийстве Ранситера уже разошлась,— подумал он.— Средства массовой информации постоянно следят за списком лиц, помещенных в моритории».

Он нажал кнопку с надписью «Важнейшие межпланетные новости». Из машины немедленно пополз бумажный лист; когда он целиком оказался снаружи, Джо взял его в руки.

«Никакого упоминания о Ранситере. Неужели еще слишком рано? Может, Объединению удалось удержать этот факт в тайне?

Или, может, это Ал,— думал Джо,— может, он сунул владельцу моритория соответствующую сумму поскредов? Но ведь все деньги Ала у меня. Нет, Ал не мог никого подкупить».

В двери постучали.

Джо отложил лист из газетной машины и осторожно подошел к двери.

«Это, наверное, Пат Конлей,— думал он.— Ей удалось выследить меня здесь. С другой стороны, может, кто-то приехал из Нью-Йорка и хочет отвезти меня туда. Теоретически, это может быть даже Венди. Но вряд ли это она — Венди явилась бы раньше.

А может, это подосланный Холлисом убийца? Может, он убивает нас всех по очереди?»

Джо открыл дверь.

На пороге, потирая толстые ладони, стоял Герберт Шонхейт фон Фогельзанг.

— Я ничего не понимаю, мистер Чип,— пробормотал он.— Мы работали над ним всю ночь и не заметили ни одной искры жизни. Однако, когда мы воспользовались электроэнцефалографом, аппарат записал отчетливую, хотя и слабо различимую работу мозга. Выходит, что мы имеем дело с какой-то формой посмертной жизни, хотя и не можем уловить никаких сигналов. Мы уже поместили датчики во всех центрах коры его мозга. Я просто не знаю, что еще можно сделать, сэр.

— Аппараты регистрируют метаболизм мозга?

— Да. Мы вызывали на помощь эксперта из другого моритория, и он подтвердил наличие метаболизма. Совершается он естественным способом, таким, какого можно ожидать сразу после смерти.

— Как вы узнали, где меня искать? — спросил Джо.

— Я звонил в Нью-Йорк, мистеру Хэммонду. Потом пытался дозвониться до вас, но телефон все утро был занят. Поэтому я решил, что должен приехать лично.

— Видеофон испорчен,— сказал Джо.— Я тоже не могу никуда позвонить.

— Мистер Хэммонд тоже безуспешно пытался связаться с вами. Он просил меня, чтобы я передал вам кое-что. Речь идет о некоем деле, которое вы могли бы устроить перед выездом в Нью-Йорк.

— Наверное, он хотел напомнить, что я должен поговорить с Эллой,— сказал Джо.

— Что вы должны информировать ее о трагической смерти мужа.

— Не могли бы вы одолжить мне несколько поскредов, чтобы я мог позавтракать? — спросил Джо.

— Мистер Хэммонд предупреждал меня, что вы попытаетесь занять у меня денег. Он сказал также, что снабдил вас суммой, достаточной для оплаты номера, нескольких напитков, а также...

— Ал, считая деньги, полагал, что я сниму более скромный номер. Однако он не предвидел, что я просто не смогу получить ничего скромнее. Вы можете приплюсовать эту сумму к очередному счету, который пришлете Корпорации Ранситера в конце месяца. Ал, наверное, сказал вам, что я исполняю обязанности директора фирмы. Вы видите перед собой конструктивно мыслящего, твердого человека, который постепенно шел по ступеням карьеры, пока не достиг вершины. Я могу, как вы хорошо знаете, изменить политику нашей фирмы относительно мориториев, услугами которых мы собираемся воспользоваться. Мы, например, могли бы обратиться в один из тех, что расположены поближе к Нью-Йорку.

Фон Фогельзанг неохотно полез вглубь своей твидовой тоги, вынул бумажник из искусственной крокодиловой кожи и просмотрел его содержимое.

— Мы живем в жестоком мире,— сказал Джо, принимая деньги.— Человек человеку — волк, вот его главный принцип.

— Мистер Хэммонд просил меня передать вам еще кое-что. Корабль будет в Цюрихе примерно через два часа.

— Хорошо,— сказал Джо.

— Чтобы дать вам время поговорить с Эллой Ранситер, мистер Хэммонд договорился со мной, что корабль заберет вас прямо из моритория. В связи с этим мистер Хэммонд предложил, чтобы я сам вас отвез. Мой вертолет стоит на крыше отеля.

— Хэммонд так решил? Что я должен вернуться в мориторий вместе с вами?

— Да,— кивнул головой фон Фогельзанг.

— Высокий сутулый негр лет тридцати? Были ли у него на передних зубах золотые коронки с декоративными мотивами, изображающими карточные масти?

— Тот самый, которого мы забрали вчера с космодрома. Который вместе с вами ждал в моритории.

— А были на нем зеленые войлочные туфли, серые спортивные носки, блузка из шкуры барсука с вырезом на животе и брюки-гольф из искусственной лакированной ткани?

— Я не видел, как он был одет. Я видел на экране только его лицо.

— Полагаю, он употребил какой-то особый код, чтобы я не сомневался, что это он?

— Я не понимаю, чего вы хотите, мистер Чип,— раздраженно сказал владелец моритория.— Человек, который говорил со мной по видеофону из Нью-Йорка — это тот самый, с которым вы были у нас вчера.

— Я не могу рисковать,— заявил Джо,— отправиться с вами или сесть в ваш вертолет. А может, вас прислал Рой Холлис? Ведь это Холлис убил мистера Ранситера.

Фогельзанг с глазами, как стеклянные пуговицы, спросил:

— Вы уведомили Объединение?

— Мы сделаем это в нужный момент. А пока мы должны соблюдать осторожность, чтобы Холлис не расправился со всеми нами. Нас он тоже хотел убить.

— Вам нужна охрана,— сказал владелец моритория.— Я предлагаю позвонить в местную полицию, а они выделят человека, который будет вас опекать до момента вашего отлета. Как только вы прибудете в Нью-Йорк.

— Я уже говорил, что мой телефон испорчен. Я слышу в нем только голос Глена Ранситера. Именно поэтому никто не мог до меня дозвониться...

— Правда? Это неслыханно,— фон Фогельзанг прошел в глубь комнаты.— Можно послушать? — Он поднял трубку, вопросительно глядя на Джо.

— Один поскред,— сказал Джо.

Владелец моритория сунул руку в свою тогу и вынул из него горсть монет. Затем, подойдя к Джо, вручил ему три из них.

— Я беру у вас ровно столько, сколько стоит чашка кофе,— заявил Джо. «Наверняка это стоит столько»,— подумал он, и вдруг вспомнил, что еще не завтракал и что должен встретиться с Эллой. Он решил принять амфетамин; наверняка отель снабдил его им бесплатно, трактуя это как жест вежливости.

— Я ничего не слышу,— сказал фон Фогельзанг, прикладывая трубку к уху.— Нет даже сигнала. А теперь какие-то помехи. Очень плохо слышно.— Он протянул трубку. Джо взял ее и приложил к уху.

И услышал только далекие помехи.

«С расстояния в тысячу миль,— подумал он.— Это так же странно, как и голос Ранситера, если это был его голос».

— Я верну ваш поскред,— сказал он, кладя трубку.

— Это мелочи,— отмахнулся фон Фогельзанг.

— Но ведь вы не услышали его голоса.

— Вернемся в мориторий. Так хотел ваш коллега, Хэммонд.

— Ал Хэммонд — мой подчиненный,— заметил Джо.— Это я принимаю решения. Думаю, что вернусь в Нью-Йорк перед разговором с Эллой: по-моему, сейчас важнее составить официальное донесение Объединению. Хэммонд не говорил вам, что все инерциалы покинули Цюрих вместе с ним?

— Все, за исключением девушки, которая провела с вами ночь в этом отеле.— Удивленный владелец моритория огляделся, не понимая, где она может быть.— Разве ее здесь нет?

— Что это была за девушка? — спросил Джо, мучимый предчувствием беды.

— Мистер Хэммонд не сказал мне этого. Он думал, что вы

в курсе. В этих условиях сообщать ее фамилию было бы невежливо. Она...

— Никто сюда не приходил.

«Кто это мог быть? Пат Конлей? Или Венди? — Он начал ходить по комнате, стараясь пересилить свой страх.— Боже мой,— думал он,— надеюсь, что это была Пат».

— В шкафу,— сказал фон Фогельзанг.

— Что? — Джо остановился.

— Может быть, стоит туда заглянуть. В этих апартаментах огромные стенные шкафы.

Джо нажал кнопку на дверях шкафа, и пружинный механизм распахнул их.

На полу лежала небольшая кучка, состоявшая из распадающихся обрывков чего-то, что некогда было тканью. Казалось, то, что закрывал этот материал, постепенно сжалось до таких небольших размеров. Все высохло до предела, практически, мумифицировалось. Наклонившись, он перевернул ее на другую сторону. Она весила всего несколько фунтов. После его прикосновения согнутые до сих пор конечности разогнулись; они были тонкие и костлявые. Казалось, что спутанные волосы лежащей необыкновенно длинны: они закрывали ее лицо сплошной черной массой. Джо продолжал стоять, склонившись, боясь убедиться, кто это.

— Это старые останки,— сдавленным голосом сказал фон Фогельзанг. — Абсолютно сухие. Как будто лежали здесь лет сто. Я спущусь вниз и уведомлю директора отеля.

— Невозможно, чтобы это была взрослая женщина,— заметил Джо. Такими маленькими могли быть только останки ребенка.— Наверняка это не Пат и не Венди,— сказал он, убирая с ее лица пряди волос.— Она выглядит так, будто ее вынули из печи для обжига кирпичей.

«А может, это тот взрыв,— подумал он.— Волна жара после взрыва бомбы».

Он молча смотрел на маленькое, съежившееся, потемневшее от жара лицо, и вдруг понял, кто это. Он узнал ее, хотя и с трудом.

Это была Венди Райт.

«Ночью,— думал Джо,— она пришла ко мне в номер, и внезапно в ней — или вокруг нее — начался некий процесс. Она почувствовала это и тихо ушла, спрятавшись в шкафу, чтобы я ничего об этом не знал. Там и прошли последние часы, или — ему хотелось верить в это — только минуты ее жизни, но она не разбудила меня. А может, пыталась меня разбудить, но не смогла, не сумела обратить на себя моего внимания. Может, именно после неудачной

попытки разбудить меня, она направилась к шкафу? Боже, надеюсь, это длилось недолго».

— Вы ничего не можете сделать для нее в своем моритории? — спросил он фон Фогельзанга.

— Слишком поздно. При таком полном разложении в ней наверняка не осталось даже следа полужизни. Это та девушка?

— Да,— ответил Джо, кивнув головой.

— Вам лучше немедленно покинуть этот отель. Для вашей собственной безопасности. Холлис — ведь это Холлис? — сделает с вами то же самое.

— Мои сигареты,— сказал Джо,— совершенно высохли. Телефонная книга двухлетней давности на борту корабля. Прокисшие сливки и заплесневелый кофе. Изъятые из обращения деньги. Общий элемент: возраст. Она говорила это уже на Луне, когда мы добрались до корабля. «Я чувствую себя старой».

Он задумался, стараясь побороть свой страх, который начал уступать место паническому ужасу.

«Но этот голос в телефоне,— подумал он.— Голос Ранситера. Что это значило?»

— Излучение,— сказал фон Фогельзанг.— Недавно она оказалась в пределах сильного радиоактивного излучения, необыкновенно сильного.

— Я думаю, она умерла от того взрыва,— сказал Джо.— Взрыва, который убил Ранситера.

«Частички кобальта,— подумал он.— Горячая пыль, которая осела на нее и которой она дышала. Но если так, то всех нас ждет такая же смерть: ведь она осела на всех. Она есть у меня в легких, и у Ала, и у всех инерциалов. В таком случае уже нельзя ничего сделать. Слишком поздно. Об этом мы не подумали. Нам даже не пришло в голову, что взрыв имел характер цепной реакции. Ничего удивительного, что Холлис позволил нам улететь. И все же...»

Это могло объяснить смерть Венди и высохшие сигареты, но оставались необъясненными старая телефонная книга, монеты, испорченные сливки и кофе.

Неизвестно и то, откуда взялся в трубке телефона голос Ранситера. Монолог, который прекратился, когда трубку взял фон Фогельзанг.

«Когда его попытался услышать кто-то, кроме меня,— понял Джо.— Я должен вернуться в Нью-Йорк. Встретиться со всеми, кто был на Луне и при взрыве бомбы. Мы должны сообща обдумать это. Пожалуй, это единственный способ решить задачу. И нужно торопиться, пока мы все не умерли так же, как Венди. Или еще хуже, если это вообще возможно».

— Попросите дирекцию отеля прислать мне пластиковую сум-

ку,— обратился он к владельцу моритория.— Я положу в нее останки и заберу их с собой в Нью-Йорк.

— А не оставить ли это полиции? Такое ужасное убийство: нужно дать им знать.

— Вы только достаньте сумку,— попросил Джо.

— Хорошо. В конце концов, это ваша работница.— Владелец моритория двинулся в глубь коридора.

— Когда-то была ею,— сказал Джо,— но теперь уже нет.

«И надо же, чтобы она оказалась первой,— подумал он.— Но, может, это и к лучшему. Венди,— думал он,— я беру тебя с собой, забираю тебя домой».

Хотя и не совсем так, как планировал.

Все остальные инерциалы сидели вокруг массивного конференционного стола из настоящего дуба.

— Джо должен вернуться с минуты на минуту,— нарушил молчание Ал Хэммонд и пристально взглянул на часы, чтобы убедиться, что они идут. Ему вдруг показалось, что часы остановились.

— Предлагаю пока посмотреть по телевидению новости,— сказала Пат.— Посмотри, сообщил ли Холлис кому-нибудь о смерти Ранситера.

— В сегодняшней домашней газете об этом ничего не было,— сказала Эди Дорн.

— По телевизору сообщают самые свежие новости,— заметила Пат. Она вручила Алу пятидесятицентовую монету, с помощью которой можно было включить телевизор, стоявший за шторой в углу конференц-зала. Этот приемник типа З-Д, цветной и полифонический, всегда был гордостью Ранситера.

— Хотите, чтобы я бросил ее в аппарат? — спросил Сэмми Мундо.

— О'кей,— сказал Ал и бросил монету Сэмми, который поймал ее на лету и двинулся к телевизору.

Уолтер У. Уэлес, адвокат и юридический советник Ранситера, нетерпеливо заерзал на своем стуле. Его аристократические пальцы поигрывали молнией папки.

— Вы не должны были оставлять мистера Чипа в Цюрихе,— сказал он.— Мы не можем ничего сделать до его возвращения, а тем временем дела, связанные со смертью мистера Ранситера, требуют срочного решения.

— Вы читали завещание,— сказал Ал.— Читал его и Джо Чип. Мы знаем, кто по воле Ранситера должен руководить фирмой.

— Но с точки зрения закона...— начал Уэлес.

— Это не продлится долго,— жестко сказал Ал. Он взял ручку и начал рисовать кружки на полях листа бумаги, содержащего со-

ставленный им список. Некоторое время он рисовал этот орнамент, потом еще раз прочел свой список:

ВЫСОХШИЕ СИГАРЕТЫ,
СТАРАЯ ТЕЛЕФОННАЯ КНИГА,
ИЗЪЯТЫЕ ИЗ ОБРАЩЕНИЯ ДЕНЬГИ,
ИСПОРЧЕННЫЕ ПРОДУКТЫ,
ОБЪЯВЛЕНИЕ НА КОРОБКЕ СПИЧЕК.

— Я еще раз пошлю этот список вокруг стола,— громко сказал он.— Посмотрим, заметил ли кто-нибудь связь между этими пятью явлениями, или как их там назвать. Эти пять фактов, которые...— он сделал неопределенный жест рукой.

— Которые не имеют смысла,— закончил Джон Илд.

— Легко заметить связь между первыми четырьмя из них,— сказала Пат.— Другое дело со спичками. Они не подходят ко всему остальному.

— Покажи мне еще раз эту коробку,— попросил Ал, протянув руку. Пат подала ее, и он снова прочел объявление:

«Необыкновенный шанс выдвинуться для всех, кто соблюдает определенные условия!

Мистер Глен Ранситер, пребывающий в Моритории Любимых Собратьев в Цюрихе, Швейцария, удвоил свой доход в течение недели с момента получения нашего бесплатного набора ботинок вместе с подробной инструкцией, благодаря которым каждый из вас может продавать наши оригинальные мокасины из искусственной кожи среди друзей, родственников и коллег по конторе. Мистер Ранситер, хотя и пребывает в неподвижности, замороженный в холодильнике, заработал четыреста...»

Ал перестал читать и задумался, постукивая по зубам ногтем большого пальца.

«Да,— подумал он.— Это объявление — совсем другое дело. Остальные события заключаются в старении и порче. Но в этом случае все иначе».

— Я думаю,— громко сказал он,— что случилось бы, откликнись мы на это объявление. Здесь сообщается номер почтового ящика в Де-Мойне, штат Айова.

— Мы бы получили бесплатный набор образцов ботинок,— сказала Пат Конлей,— вместе с подробной инструкцией, благодаря которой, каждый из нас может...

— Возможно,— прервал Ал,— что таким образом мы установили бы контакт с Гленом Ранситером.— Все сидевшие за столом, вместе с Уолтером У. Уэлесом, внимательно посмотрели на него.— Я говорю серьезно,— сказал он.— Возьми и отправь им телеграмму.— Он вручил коробку Типпи Джексон.

— И что я должна написать? — спросила Типпи.

— Просто заполни купон.— Ал повернулся к Эди Дорн.— Ты

уверена, что носишь эту коробку в сумочке с прошлой недели? Или ты получила ее только сегодня?

— В среду я положила в сумку несколько коробок спичек,— ответила Эди Дорн.— Как я уже говорила, сегодня утром, закуривая сигарету, я заметила это объявление. Коробка наверняка была в моей сумке, когда мы отправлялись на Луну.

— Именно с этим объявлением? — спросил Джон Илд.

— Раньше я его не видела, заметила только сегодня. Откуда мне знать, что там было прежде? Кто еще в состоянии это подтвердить?

— Никто,— сказал Дон Денни.— Как думаешь, Ал? Может, это какая-то шутка Ранситера? Может, он велел отпечатать его еще перед смертью? А может, это Холлис? Гротескная шутка: ведь он знал, что собирается убить Ранситера и что, когда мы заметим это объявление, Ранситер будет уже в Цюрихе, в холодильнике, согласно с его содержанием.

— Откуда Холлис мог знать, что мы привезем Ранситера в Цюрих, а не в Нью-Йорк? — спросил Тито Апостос.

— Потому что там Элла,— ответил Дон Денни.

Сэмми Мундо молча стоял возле телевизора, разглядывая пятидесятицентовик, который вручил ему Ал. Лоб его был нахмурен.

— Что случилось, Сэмми? — спросил Ал, чувствуя, что его охватывает внутреннее напряжение: он предвидел очередной инцидент.

— Разве на пятидесятицентовике чеканят не голову Уолта Диснея? — спросил Сэмми.

— Диснея или Фиделя Кастро, если монета старая. Покажи ее.

— Еще одна монета, изъятая из обращения,— сказала Пат Конлей, пока Сэмми с монетой в руке шел к Алу.

— Нет,— сказал Ал, разглядывая монету.— Отчеканена в прошлом году, дата в полном порядке. Ее примет любой автомат. Этот телевизор тоже.

— Тогда в чем же дело? — робко спросила Эди Дорн.

— В том, о чем говорит Сэмми,— ответил Ал.— На монете отчеканен не тот портрет, что обычно.— Он встал, подошел к Эди и положил монету на ее открытую влажную ладонь.— Кого это тебе напоминает?

— Я... не знаю,— сказала Эди.

— Знаешь,— жестко заметил Ал.

— Ну хорошо,— резко сказала Эди, вынужденная отвечать против своей воли. Она сунула монету ему в руку, избавляясь от нее с явным отвращением.

— Это Ранситер,— объявил Ал, обращаясь ко всем, собравшимся вокруг большого стола.

— Включи это в свой список,— сказала Типпи Джексон после общей паузы. Голос ее был едва слышен.

— Мне кажется, что здесь происходят два процесса,— сказала Пат, когда Ал вернулся на свое место и принялся за список.— Один из них заключается в распаде — это, по-моему, очевидно, и с этим все мы согласны.

— А второй? — спросил Ал, подняв голову.

— Тут я не совсем уверена,— Пат заколебалась.— Это имеет какую-то связь с Ранситером. Думаю, мы должны осмотреть все наши остальные монеты.

Все собравшиеся за столом вынули свои бумажники и кошельки.

— У меня здесь банкнот в пять поскредов,— сказал Джон Илд,— с прекрасным портретом мистера Ранситера, выполненным металлографией. Остальные...— он внимательно изучил их,— остальные в полном порядке. Хотите взглянуть на этот банкнот, мистер Хэммонд?

— У меня два таких же. Пока,— ответил Ал.— У кого еще? — Поднялось шесть рук.— Восемь из нас имеют деньги Ранситера; пожалуй, так нужно их называть. Вероятно, к концу дня все наши наличные превратятся в деньги Ранситера. А может, в течение двух дней. Во всяком случае, мы можем ими пользоваться, приводить с их помощью в действие автоматы и приборы, а также платить свои долги.

— Не уверен,— сказал Дон Денни.— Почему ты так считаешь? Эти, как ты их называешь, деньги Ранситера...— он постучал пальцем по банкноту.— Есть ли какие-то причины, по которым банки должны их принимать? Они не были выпущены легально — в обращение их ввело не правительство. Это искусственные, ненастоящие деньги.

— О'кей,— трезво сказал Ал.— Может, они и не настоящие, может, банки откажутся их принимать. Но дело не в этом.

— Надо определить,— заметила Пат Конлей,— в чем заключается второй процесс, это появление Ранситера?

— Именно,— кивнул головой Дон Денни.— Появление Ранситера — это второй процесс, параллельный процессу распада. Некоторые монеты стареют, на других появляется портрет или бюст Ранситера. Знаете, что я думаю? Что процессы эти движутся в противоположных направлениях. Один заключается в уходе, исчезновении из мира существующих вещей. Это процесс номер один. Второй — это появление в мире существующих вещей чего-то, что никогда прежде не существовало.

— Исполнение желаний,— тихо сказала Эди Дорн.

— Что? — обратился к ней Ал.

— Может, это исполнение желания Ранситера,— сказала Эди.— Чтобы его портрет был на официальных средствах платежа, на всех наших деньгах до монет включительно. Это было бы внушительно.

— Но на коробке спичек? — спросил Тито Апостос.

— Пожалуй, нет,— признала Эди.— Это не слишком внушительно.

— Наша фирма и так дает объявления на коробках спичек,— сказал Дон Денни.— А также по телевидению, в домашних газетах и в иллюстрированных журналах. А еще мы рассылаем наши рекламы по почте. Всем этим занимается отдел контактов с клиентами. Ранситер в принципе не интересовался этой областью деятельности фирмы, и уж наверняка его не интересовали спичечные коробки. Если бы это была какая-то форма осуществления его скрытых желаний, следовало бы ожидать, что лицо его появится в телевидении, а не на деньгах или спичечных коробках.

— А может, появилось и в телевидении,— сказал Ал.

— Верно,— признала Пат Конлей.— Мы этого не проверяли. Ни у кого из нас не было времени смотреть телевизор.

— Сэмми,— сказал Ал, снова вручая ему пятидесятицентовик,— иди и включи телевизор.

— Я не уверена, что хочу смотреть его,— сказала Эди, когда Сэмми уже бросил монету в отверстие и, стоя рядом, крутил ручки.

Дверь конференц-зала открылась, появился Джо Чип.

— Выключи телевизор,— сказал Ал, увидев лицо Джо. Он встал и подошел к нему поближе, остальные внимательно следили за ним.— Что случилось, Джо? — спросил он, но Джо молчал.— В чем дело?

— Я нанял корабль, который меня сюда привез,— хрипло сказал Джо.

— Вместе с Венди?

— Выпишите чек, чтобы заплатить за корабль,— приказал Джо.— Он стоит на крыше. У меня нет таких денег.

— Вы можете распоряжаться средствами фирмы? — спросил Ал Уолтера У. Уэлеса.

— На такие цели — могу. Я пойду улажу дело.— Уэлес вышел из комнаты, забрав с собой папку. Джо все еще стоял в дверях и молчал. С того времени, как Ал видел его в последний раз, он постарел лет на сто.

— В моем кабинете...— Джо отвернулся от стола и заморгал, ягно колеблясь.— Я... думаю, что вы не должны этого видеть. Когда я нашел ее, со мной был тот человек из моритория. Он сказал, что не может ничего сделать, поскольку прошло слишком много времени. Годы.

— Годы? — спросил Ал, чувствуя холодное прикосновение страха.

— Пойдем ко мне,— решил Джо. Вместе с Алом они вышли конференц-зала и двинулись по коридору в сторону лифта.— Возвращаясь сюда, я получил на корабле успокоительное, его стои-

мость включена в цену билета. В сущности, я чувствую себя гораздо лучше. В некотором смысле, я не чувствую вообще ничего. Это, наверное, воздействие тех средств. Когда оно кончится, все вернется к прежнему состоянию.

Подъехал лифт.

Не обменявшись ни словом, они спустились на третий этаж, где находился кабинет Джо.

— Не советую тебе на это смотреть.— Джо открыл дверь и первый вошел внутрь.— Впрочем, как хочешь. Раз уж я пришел после этого в себя, с тобой тоже ничего не будет.— Он включил лампу под потолком.

— О боже...— пробормотал Ал.

— Не открывай сумки,— сказал Джо.

— И не собираюсь. Сегодня утром или вчера вечером?

— Скорее всего, это случилось раньше, до того, как она добралась до моего номера. Мы нашли кусочки материала перед моими дверями. Но, когда она проходила через холл, все должно было быть в порядке; во всяком случае, почти все. Так или иначе, никто ничего не заметил. В таком отеле всегда есть человек, который следит за входящими. Сам факт, что ей удалось дойти до моего номера...

— ...указывает на то, что она была в состоянии ходить. По крайней мере, так мне кажется.

— Я думаю о нас, об остальных,— сказал Джо.

— В каком смысле?

— Неужели и с нами случится то же самое?

— Как это может произойти?

— А как произошло в ее случае? Из-за взрыва. Мы будем умирать по очереди. Один за другим, пока в живых не останется никого. И после каждого из нас останется только десять фунтов кожи и волос в пластиковой сумке. И еще — несколько высохших костей.

— Ну хорошо,— сказал Ал.— Действует какая-то сила, вызывающая стремительный распад. Действует она с момента взрыва на Луне или была этим взрывом вызвана. Это мы уже знаем. Знаем мы и то, что имеется какая-то противосила, действующая в обратном направлении. Это имеет какую-то связь с Ранситером. На наших деньгах начинает появляться его портрет. Спичечная коробка...

— Ранситер появился в моем видеофоне.

— В видеофоне? Как это?

— Не знаю, он просто был там. Не на экране — я не видел его изображения, а только слышал голос.

— Что он говорил?

— Ничего конкретного.

Ал внимательно посмотрел на него.

— Он тебя слышал?

— Нет. Я пробовал сказать ему что-нибудь, но связь была односторонней: я мог только слушать — и все.

— Вот почему я не мог до тебя дозвониться.

— Именно,— Джо кивнул головой.

— Когда ты появился, мы как раз пробовали включить телевизор. Ты знаешь, что в газетах ничего нет о его смерти? Что за афера! — Алу не нравилось, как выглядит Джо. Он казался старым и утомленным. Может, с этого все и начинается?

«МЫ ДОЛЖНЫ УСТАНОВИТЬ КОНТАКТ С РАНСИТЕРОМ,— подумал он.— Услышать его голос мало; он явно пытается связаться с нами, но...»

— Если мы хотим это пережить, нужно добраться до него.

— Увидеть его по телевизору? Это ничего нам не даст,— сказал Джо.— Снова будет так, как с тем видеофоном. Разве что он скажет нам, как установить связь. Есть шанс, что он скажет нам это, что он правильно понимает случившееся.

— Сначала он должен понять, что случилось с ним самим. Мы этого не знаем.

«В некотором смысле, он должен быть живым,— думал Ал,— несмотря на то, что мориторий не смог вернуть его в состояние полужизни. Ясно, для такого важного клиента владелец моритория сделал все, что было в его силах».

— А фон Фогельзанг слышал его голос в видеофоне? — спросил он.

— Он пробовал, но в трубке была тишина, а потом появились какие-то разряды, идущие откуда-то издалека. Я тоже слышал это. Пустота, звук, означающий полную пустоту. Очень странный звук.

— Не нравится мне это,— заметил Ал, хотя и сам не знал, почему.— Было бы лучше, если бы фон Фогельзанг тоже его слышал. По крайней мере, мы были бы уверены, что там действительно был его голос, что это не было галлюцинацией.

Но некоторые события наверняка не были галлюцинацией: машины не принимали изъятые из обращения монеты — беспристрастные автоматы, устроенные так, чтобы реагировать только на физические свойства. Здесь не могло быть психологических элементов, поскольку у автоматов не было воображения.

— Пожалуй, я выйду на некоторое время из здания,— заявил Ал.— Выбери наугад какой-нибудь город, с которым никто из нас не имеет ничего общего, в который никто из нас никогда не ездит и вообще ни разу там не был.

— Балтимор,— сказал Джо.

— О'кей. Я еду в Балтимор. Хочу проверить, примут ли в случайно выбранном магазине деньги Ранситера.

— Купи мне свежих сигарет,— сказал Джо.

— Хорошо. Посмотрим, будут ли они высохшими. Еще я проверю другие продукты и отберу пробы. Хочешь поехать со мной или пойдешь наверх рассказать им о Венди?

— Поеду с тобой,— решил Джо.

— Может, мы вообще не должны говорить им о ней?

— Думаю, что должны,— сказал Джо.— Потому что это произойдет снова. Может, даже перед нашим возвращением. Может, это происходит именно сейчас.

— В таком случае, нужно немедленно ехать в Балтимор,— сказал Ал, направляясь к двери кабинета. Джо последовал за ним.

У тебя такие сухие ершистые волосы. Что тут можно сделать? Просто втирать специальный э л и к с и р для волос марки «УБИК». Уже через пять дней ты убедишься, что твои волосы приобрели шелковистость, заблестели по-новому. А э р о з о л ь для волос марки «УБИК», применяемый согласно инструкции, совершенно безопасен.

IX

Они выбрали Супермаркет Счастливцев, расположенный на окраине Балтимора.

— Пожалуйста, пачку сигарет «Пэл Мэл»,— обратился Ал к контрольному автомату.

— Сигареты «Вингз» дешевле,— сказал Джо.

— Сигареты «Вингз» сняты с производства,— раздраженно сказал Ал.— И уже не первый год.

— Нет, их еще выпускают,— заявил Джо,— только не рекламируют. Это порядочные сигареты, их производители просто не хвастают. Пожалуйста, сигареты «Вингз» вместо «Пэл Мэл»,— обратился он к автоматическому продавцу.

На прилавок сползла пачка сигарет.

— 95 центов,— сказал автомат.

— Вот банкнот в десять поскредов.— Ал сунул деньги в аппарат, и датчики, тихо жужжа, принялись обследовать его.

— Ваша сдача, сэр,— сказал автомат, высыпая перед Алом кучу денег и банкнот.— Прошу двигаться вперед.

«Значит, деньги Ранситера имеют ценность»,— подумал Ал, уступая место следующей клиентке — толстой старухе в пальто, державшей в руках плетеную из шнура мексиканскую сумку. Он осторожно открыл пачку.

Сигареты рассыпались в руках.

— Это доказывало бы что-то, будь это пачка «Пэл Мэл»,— сказал Ал.— Я вернусь в очередь.—Он снова направился к кассе и увидел, что толстая старая дама в темном пальто ругается с автоматическим продавцом.

— Она была уже мертва, когда я принесла ее домой. Можете забрать ее обратно.— Она поставила на прилавок горшок, в котором Ал заметил какое-то увядшее растение. Быть может, при жизни

это была азалия, но в таком состоянии ее трудно было узнать.

— Я не могу вернуть вам деньги,— сказал аппарат.— Мы продаем растения без гарантии. Наш принцип: «Покупатель, смотри в оба». Прошу двигаться вперед.

— А номер «Сатердей Ивнинг Пост»,— продолжала дама,— который я взяла из вашего киоска, оказался за прошлый год. Что у вас происходит? Обед из марсианских личинок...

— Прошу, следующий клиент,— сказало устройство, не обращая на нее внимания.

Ал вышел из очереди и начал ходить по магазину, пока не дошел до высокого штабеля коробок, содержавших сигареты всех марок.

— Выбери какую-нибудь,— попросил он Джо.

— «Домина»,— сказал Джо.— Они той же цены, что и «Вингз».

— О боже, не выбирай каких-то незнакомых марок, возьми «Уинстон», «Кул» или что-нибудь в этом роде.— Ал вытащил из штабеля одну коробку и потряс ее.— Пуста, я чувствую по весу.— И все же, что-то легкое и очень маленькое было внутри. Он разорвал бумагу и заглянул внутрь.

Это был кусок картона, исписанный почерком, который оба они знали. Ал вынул его из коробки, и оба начали читать.

«Я обязательно должен с вами связаться. Ситуация серьезна и по мере истечения времени будет становиться все более серьезной. Есть много возможностей объяснить ее, и я хочу обговорить это с вами. Во всяком случае, я не отказываюсь от этого. Мне очень жаль Венди Райт; мы сделали все, что могли, чтобы помочь ей».

— Значит, он знает о Венди,— констатировал Ал.— Ну что ж, может, это значит, что подобное больше ни с кем не произойдет.

— Случайная коробка сигарет,— сказал Джо,— в магазине, который мы выбрали в последний момент, по приезде в выбранный наугад город. И вот мы находим предназначенную нам записку от Глена Ранситера. А что в других коробках? Такие же записки? — Он снял со штабеля коробку сигарет «ЛМ», потряс ее, наконец разорвал упаковку. Десять пачек сигарет и еще десять под ними: совершенно нормальное содержание.

— Хватит ли? — подумал Ал и вынул еще одну коробку.

— Видишь ведь, что все в порядке,— сказал Джо. Он вытащил еще одну коробку.— Эта тоже полна.— Не открывая ее, он потянулся за следующей. И еще за одной. Во всех лежали пачки сигарет. И все рассыпáлись в пальцах Ала.

— Интересно, откуда он знал, что мы придем сюда,— сказал Ал.— И откуда мог предполагать, что мы заглянем именно в эту коробку?

Все это не имело смысла. Видимо, и тут действовали две противоположные силы.

«Процесс распада против Ранситера,— подумал Ал.— По всему свету одно и то же, может, даже по всей Вселенной. Возможно, солнце погаснет,— продолжал раздумывать Ал.— А Глен Ранситер поместит на его место какое-нибудь другое солнце. Конечно, если сможет это сделать».

«Именно,— подумал он.— Вот в чем вопрос. Сколько сможет сделать Ранситер?

Или другими словами: как далеко может зайти процесс распада?»

— Попробуем что-нибудь другое,— сказал Ал. Он двинулся по проходу среди банок, коробок и пачек и дошел до отдела радиотоваров. Там он наугад выбрал дорогой немецкий магнитофон.— Этот выглядит вполне прилично,— сказал он Джо, который шел за ним, и взял в руки другой, бывший еще в коробке.— Купим этот и возьмем его с собой в Нью-Йорк.

— Ты не хочешь его распаковать и опробовать перед покупкой? — спросил Джо.

— Я уже знаю, что окажется в случае пробы,— ответил Ал.— Мы не сможем исследовать его здесь, на месте.

С магнитофоном в руке он направился к кассе.

Вернувшись в Нью-Йорк, они передали магнитофон в лабораторию фирмы.

Через четверть часа начальник лаборатории, разобравший весь механизм, докладывал:

— Все подвижные части лентопротяжного механизма изношены. Резиновое кольцо местами стерлось; внутри обшивки полно кусочков каучука. Тормозное устройство, используемое при быстрой перемотке ленты, в сущности, полностью выведено из строя. Весь магнитофон требует чистки и смазки; вообще-то, следовало бы провести капитальный ремонт и поставить новые ремни.

— Из этого следует, что магнитофону уже несколько лет? — спросил Ал.

— Это возможно. Как давно он у вас?

— Я купил его сегодня,— ответил Ал.

— Это исключено,— сказал начальник лаборатории.— А если правда, то вам продали...

— Я знаю, что мне продали,— прервал его Ал.— И знал это еще до того, как вскрыл упаковку.— Он повернулся к Джо.— Новый магнитофон совершенно изношен и куплен за ненастоящие деньги, которые магазин принимает. За лишенные ценности деньги — ничего не стоящий предмет; в этом есть даже какая-то логика.

— У меня сегодня неудачный день,— сказал начальник лаборатории.— Когда я встал утром, то увидел, что мой попугай мертв.

— Почему он сдох? — спросил Джо.

— Не знаю. Просто сдох. Он был твердый, как дерево.— Начальник лаборатории ткнул в Ала пальцем.— Я скажу вам кое-что еще о вашем магнитофоне. Он не только изношен, но устарел на сорок лет. Теперь уже не применяют резиновых приводных колес и трансмиссионных ремней. Вы нигде не найдете запасных частей, разве что кто-нибудь сделает их для вас вручную. А эта игра не стоит свеч. Лучше выбросьте его и забудьте о нем.

— Вы правы,— сказал Ал.— Этого я не знал.— Следом за Джо он вышел из лаборатории в коридор.— Теперь мы имеем дело с чем-то большим, чем процесс распада; это уже другая проблема. У нас будут трудности с покупкой пригодных к употреблению продуктов. Какие продовольственные товары, продаваемые в супермаркетах, будут свежими по прошествии стольких лет?

— Консервы,— ответил Джо.— Я видел множество консервов в том магазине в Балтиморе.

— Теперь мы знаем, почему. Сорок лет назад в супермаркетах продавали гораздо больше продуктов в банках и меньше замороженных. Ты прав — это может оказаться единственным путем добывания продуктов.— Он задумался.— Но коль скоро за один день этот процесс продвинулся с двух до сорока лет — завтра в это время может быть уже сто. Никакой продукт не выдержит ста лет с момента упаковки — все равно, в банку или во что-то другое.

— Китайские яйца,— сказал Джо.— Тысячелетние яйца, которые там закапывают в землю...

— И это касается не только нас одних,— продолжал Ал.— Помнишь ту старую женщину в Балтиморе? Сила действовала и на ее покупку — на ту азалию. Неужели весь мир пострадает от взрыва бомбы на Луне? — задал он себе вопрос.— Почему это охватывает всех, а не только нас?

— Дело здесь...— начал Джо.

— Помолчи секунду и позволь мне кое-что обдумать, может, Балтимор существует только тогда, когда там находится один из нас? А этот Супермаркет Счастливцев — может, он исчез с поверхности Земли, как только мы из него вышли? Однако, возможно, что это происходит только с нами, с теми, кто был на Луне.

— Это философская проблема, лишенная значения и смысла,— заявил Джо.— К тому же, невозможно доказать, что это так, а не иначе.

— Это имело бы некоторое значение для той старой дамы в пальто,— язвительно заметил Ал.— И для всех остальных тоже.

— Сюда идет начальник лаборатории,— одернул его Джо.

— Я просмотрел инструкцию по эксплуатации, которая была в коробке вместе с вашим магнитофоном,— сказал механик. Со странным выражением на лице он вручил Алу небольшую книжеч-

ку, но тут же вновь вырвал ее.— Взгляните: я избавлю вас от ее изучения. На последней странице говорится о том, кто произвел это свинство и куда его нужно послать, чтобы фабрика произвела ремонт.

— Сделано в фирме Ранситера, в Цюрихе,— громко прочел Ал.— Есть еще адрес ремонтной мастерской на территории Североамериканской Федерации. В Де-Мойне. Так же, как на спичечной коробке.— Он подал книжечку Джо со словами: — Едем в Де-Мойн. Эта книжка — первое доказательство связи между обоими городами. Интересно, почему именно Де-Мойн? — задумался он, потом обратился к Джо: — Вспомни, что-нибудь связывало Ранситера с Де-Мойном?

— Он там родился,— сказал Джо,— и провел первые пятнадцать лет жизни. Время от времени он вспоминал об этом.

«Значит, он вернулся туда и теперь, после смерти. Таким или иным образом,— думал он.— Ранситер одновременно в Де-Мойне и в Цюрихе. В Цюрихе продолжается метаболизм его мозга, обнаруживаемый при помощи измерительной аппаратуры, тело в состоянии полужизни заперто в холодильнике Моритория Любимых Собратьев, и все же с ним невозможно установить контакт. А в Де-Мойне его нет в физическом смысле и, однако, именно там с ним можно связаться. В сущности, при помощи таких средств, как эта инструкция по эксплуатации, такой контакт уже установлен — по крайней мере, с одной стороны — от него к нам. Тем временем,— продолжал он рассуждать,— наш мир замирает, возвращается в собственное прошлое, демонстрируя реалии минувших этапов своего развития. Быть может, проснувшись в конце недели, мы увидим, что по Пятой авеню, позванивая, ездят старомодные трамваи. «Троллей Доджерс»,— подумал он, вспоминая, что значат эти слова. Название, явившееся из прошлого, всплыло в его сознании, как туманное воспоминание, вытесняющее реальную действительность. Под влиянием этого неясного субъективного чувства ему стало не по себе; явление, которого он никогда не пережил, стало вдруг реальностью.

— «Троллей Доджерс»,— сказал он вслух. По крайней мере, сто лет назад. Название это упрямо держалось в его сознании, и он не мог его забыть.

— Откуда вы знаете это название? — спросил начальник лаборатории.— Никто его уже не помнит. Так называли когда-то футбольную команду «Бруклин Доджерс».— Он подозрительно взглянул на Ала.

— Пойдем лучше наверх,— сказал Джо,— убедимся, что ни с кем ничего не случилось. А потом отправимся в Де-Мойн.

— Если мы не поедем туда немедленно,— сказал Ал,— может оказаться, что путешествие займет целый день или даже два.

«Транспорт будет становиться все более примитивным,— поду-

мал он.— Ракеты сменятся реактивными самолетами, которые в свою очередь уступят место поршневым самолетам. Потом будут поездки по земле: паровой поезд с углем в качестве горючего, конный экипаж... нет, все-таки невозможно, чтобы мы вернулись так далеко в прошлое,— одернул он сам себя.— Однако у меня уже есть магнитофон сорокалетней давности, значит, может дойти и до этого.

Оба они быстро двинулись к лифту. Джо нажал кнопку. Они ждали молча, взволнованные и задумавшиеся.

Лифт подъехал с шумом, под влиянием которого Ал прервал свои размышления и машинально открыл железные раздвижные двери.

Они стояли перед открытой кабиной, висевшей на стальном канате и украшенной фигурками из полированной латуни. Скучающий лифтер в ливрее сидел на табурете, держа руку на кнопке и равнодушно глядя на них. Но то, что чувствовал Ал, не было равнодушием.

— Не входи в нее,— сказал он, останавливая Джо.— Посмотри и подумай, попробуй вспомнить лифт, которым мы ехали сегодня, совсем недавно: на гидравлическом ходу, закрытый, автоматический, абсолютно бесшумный...

Вдруг он замолчал. Дребезжащая машина исчезла, а на ее месте появился знакомый им лифт. Однако он чувствовал присутствие той, старой кабины; она таилась где-то на краю его поля зрения, готовая вынырнуть, как только он и Джо займутся чем-нибудь другим. «Она хочет вернуться,— понял он.— Собирается снова появиться. Мы можем задержать этот момент, наверное, максимум на несколько часов. Процесс движения вспять во времени набирает силу; архаичные объекты врываются в наш мир быстрее, чем нам казалось. Теперь каждый скачок охватывает один век. Лифту, который мы видели, было не менее ста лет.

И все же,— думал он,— мы, кажется, можем в некоторой степени контролировать это явление. Сейчас мы заставили появиться вновь обычный, современный лифт. Если бы все мы держались вместе, если бы действовали как нечто, состоящее из двенадцати разумов вместо двух...»

— Что такое ты увидел? — спросил Джо.— Почему не позволил мне войти в лифт?

— Ты не видел старого лифта? Открытой кабины с латунными украшениями, примерно 1910 года. И лифтера, сидевшего на табурете?

— Нет,— ответил Джо.

— Но что-нибудь ты видел?

— Да,— сказал Джо.— Обычный лифт, который вижу каждый день. Я видел то, что всегда, то же самое, что в эту минуту.— Он вошел в кабину, повернулся и, стоя неподвижно, смотрел на Ала.

«Значит, наше видение действительно начинает отличаться друг от друга,— понял Ал.— Что бы это значило?»

Все это вовсе не нравилось ему. Каким-то странным, неопределенным образом это показалось ему самой катастрофической переменой из всех, что произошли после смерти Ранситера. Они уходили в прошлое с разными скоростями, и он интуитивно чувствовал, что именно это испытала перед смертью Венди Райт. Сколько времени осталось ему самому?

Он вдруг осознал, что ощущает предательский пронзительный холод, который еще раньше — он не помнил, когда точно — охватил его тело. Холод этот наполнял и его самого, и окружающий мир. Это напомнило ему последние минуты, проведенные на Луне. Холод искажал поверхности предметов, корежил, раздувал, превращал в пузыри, которые лопались с громким треском. Мороз врывался во все трещины, проникал к центру предметов, к сердцевине, которая была источником их жизни. Ал как будто видел теперь ледовую пустыню, среди которой торчали голые камни. Окружающая его действительность превратилась в плоскую равнину, обдуваемую ледяным ветром. Слой льда становился все толще — камни стали почти не видны. На краю его поля зрения появилась темнота.

«Но ведь все это существует только в моем воображении,— подумал он.— Мир вовсе не погребен под покровом льда и темноты: все это происходит во мне, но кажется, что я вижу это вокруг себя. Это странно. Может, весь мир как-то оказался внутри меня, окруженный моим телом? Когда это произошло? Видимо, эти явления сопутствуют смерти,— сказал он сам себе.— Эта неуверенность, которую я испытываю, заторможенность всех функций, ведущая к полной энтропии,— это сам процесс. А лед, который я вижу,— доказательство его развития. Когда я закрою глаза,— думал он дальше,— Вселенная исчезнет. Однако где те разные огни, которые я должен видеть — означающие дороги, ведущие к новым лонам? Где затуманенный красный огонек, символизирующий занимающееся блудом пары? А темно-красный огонь, означающий звериную алчность? Я чувствую только исчезновение тепла и вижу надвигающуюся тьму: замерзающую равнину, над которой погасло солнце. Это не может быть обычной смертью,— говорил он сам с собой.— Это что-то неестественное; истинный процесс умирания вытеснен каким-то фактором. Может, я смогу понять это,— подумал он,— если просто лягу и отдохну; если найду в себе силы подумать над этим».

— Что случилось? — спросил Джо. Они по-прежнему поднимались на лифте.

— Ничего,— коротко ответил Ал и подумал: «Им, может, и удастся, мне — уже нет».

Входя в конференц-зал, Джо вдруг заметил, что Ал не идет следом за ним. Повернувшись, он выглянул в коридор и увидел, что Ал одиноко стоит там, не двигаясь с места.

— Что случилось? — снова спросил он. Ал не шевельнулся.— Тебе плохо? — спросил он, двигаясь к нему.

— Я чувствую себя усталым,— ответил Ал.

— И выглядишь ты неважно,— сказал Джо, чувствуя растущее беспокойство.

— Я пойду в туалет, а ты иди к ним, убедись, все ли в порядке. Я скоро присоединюсь к вам.— Он неуверенно пошел вперед, как будто не знал, где находится.— Ничего со мной не будет.— Он двигался по коридору нерешительно, как человек, с трудом замечающий дорогу, по которой идет.

— Я пойду с тобой,— решил Джо.— Хочу убедиться, что ты туда дойдешь.

— Может, когда я умою лицо теплой водой...— сказал Ал. Он нашел бесплатные двери в туалет, открыл их с помощью Джо и исчез внутри. Джо остался в коридоре. «Что-то с ним случилось,— подумал он.— Он изменился, увидев этот старый лифт. В чем же здесь причина?»

Ал снова появился перед ним.

— В чем дело? — спросил Джо, увидев выражение его лица.

— Взгляни сюда,— сказал Ал, вводя Джо в туалет и указывая на противоположную стену.— Туалетные надписи. Знаешь, разные слова, которые всегда можно найти в мужских туалетах. Прочти.

Надпись, сделанная мелом или красной ручкой, гласила:

«ПРЫГНИТЕ В СОРТИР, ТОЛЬКО БЕЗ МЕНЯ.
Я ЖИВ, А ВЫ ВСЕ УМЕРЛИ, ДРУЗЬЯ».

— Это почерк Ранситера? — спросил Ал.

— Да,— кивнул головой Джо.— Это его почерк.

— Теперь мы знаем правду,— констатировал Ал.

— Но правда ли это?

— Конечно,— сказал Ал.— Это совершенно ясно.

— И мы узнаем об этом таким способом — со стены мужского туалета.

— Эта надпись на стене совершенно однозначна. Мы могли бы месяцами — может, и до конца света — смотреть телевизор, читать домашние газеты, слушать видеофоны и не узнать об этом.

— Но мы же не умерли. За исключением Венди,— сказал Джо.

— Мы находимся в состоянии полужизни. Вероятно, все еще на борту корабля, летим с Луны на Землю после взрыва, который нас убил. НАС, а не Ранситера. Он же пробует уловить от нас поток протофазонов. До сих пор это ему не удалось: из нашего мира туда, где живет он, не приходят никакие сигналы. Но ему удалось с нами связаться. Мы находим его следы везде, даже в местах, которые

выбираем наугад. На каждом шагу мы сталкиваемся с его присутствием, с им и только с им, поскольку он — единственная особа, которая пробует...

— С ним и только с ним,— прервал его Джо.— А не так, как ты сказал: «с им и только с им».

— Мне плохо,— сказал Ал. Он отвернул кран и начал умываться. Однако это была не теплая вода; Джо заметил в ней кусочки льда.— Возвращайся в конференц-зал. Я приду туда, когда почувствую себя лучше, если это вообще возможно.

— Думаю, я должен остаться с тобой,— заметил Джо.

— Нет, черт побери, убирайся! — Ал толкнул его к двери туалета и вывел в коридор. На его посеревшем лице был ужас.— Иди, посмотри, все ли в порядке! — Согнувшись, он вернулся в туалет, закрывая глаза руками. Дверь захлопнулась, скрыв его от Джо.

— Хорошо,— сказал Джо после некоторого колебания.— Я буду вместе с ними в конференц-зале.— Он постоял, прислушиваясь, но не услышал ни звука.— Ал! — крикнул он, думая: «О боже, это чудовищно. С ним действительно что-то происходит».

— Я хочу увидеть собственными глазами, что с тобой все в порядке,— сказал он, навалившись на дверь.

— Слишком поздно, Джо,— тихо и спокойно ответил Ал.— Не смотри на меня.

В туалете было темно; видно Алу удалось погасить свет.

— Ты ничем не можешь мне помочь,— говорил он слабым голосом.— Мы не должны были отделяться от остальных — именно поэтому погибла Венди. Тебе удастся сохранить жизнь — во всяком случае, на какое-то время — если ты пойдешь туда и ОСТАНЕШЬСЯ С НИМИ. Скажи им это; постарайся, чтобы все это поняли. Хорошо?

Джо вытянул руку в сторону выключателя.

Что-то слабо ударило его по руке, и он с ужасом убрал ее, потрясенный бессилием Ала. Теперь он знал все, и ему не нужно было смотреть.

— Пойду к остальным,— сказал он,— я понял. Это неприятное чувство?

Через минуту донесся тихий шепот:

— Нет, это не страшно... Я просто...— Голос умолк, и снова воцарилась тишина.

— Может, когда-нибудь я снова увижу тебя,— сказал Джо. Он знал, что не должен так говорить, но не смог придумать ничего лучшего.— Скажем иначе,— продолжал он, зная, что Ал его не слышит.— Надеюсь, тебе станет лучше. Я приду посмотреть, что с тобой, как только сообщу им о надписи на стене. Скажу им, чтобы не приходили сюда смотреть на тебя, ибо могли бы...— он задумался,

подыскивая подходящее слово, и закончил: — ...могли бы тебе помешать.

Ответом было молчание.

— До свидания,— сказал Джо, выходя из темного туалета и неуверенными шагами направляясь к конференц-залу. На мгновение он остановился, нервно вздохнул и энергичным пинком открыл дверь комнаты.

Телевизор, расположенный на противоположной стене, крикливо рекламировал какой-то стиральный порошок. На большом цветном экране типа З-Д какая-то женщина критически разглядывала полотенце из синтетического меха выдры, заявляя, что подобная вещь не имеет права находиться в ее ванной. Затем камера показала внутренность ванной, захватив одновременно и надпись на стене. Она была сделана тем самым знакомым почерком и гласила:

«ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ К ВАННЕ, БУДЬТЕ В НЕЙ, КАК ДЕТИ,
ВСЕ ВЫ ДАВНО УМЕРЛИ, Я ОДИН НА СВЕТЕ».

Но всего один человек смотрел на экран телевизора, расположенного в большом конференц-зале. Джо одиноко стоял в пустой комнате. Все остальные члены группы исчезли.

Он задумался, где они могут быть, и проживет ли он достаточно долго, чтобы их найти. Судя по всему, это было маловероятно.

Не мешает ли тебе запах пота? Обезвоживающий аэрозоль или мыло «УБИК» избавят тебя от опасений и позволяет вернуться туда, где происходят интересные вещи. Действует десять дней. Безопасен при употреблении по инструкции в рамках личной гигиены.

X

— А теперь,— сказал диктор,— вернемся к передаче новостей, которую ведет Джим Хантер.

На экране появилось гладко выбритое лицо журналиста.

— Глен Ранситер вновь оказался сегодня в своем родном городе. Однако это было безрадостное возвращение. Корпорация Ранситера, пожалуй, наиболее известная из всех предохранительных организаций, которые находятся на Земле, пережила вчера трагический удар. Во время террористического акта, который имел место в тайном промышленном центре, укрытом под поверхностью Луны, Глен Ранситер был смертельно ранен и умер, прежде чем тело его было помещено в холодильник. Тело Глена Ранситера было перевезено в Мораторий Любимых Собратьев в Цюрихе, где, несмотря на все усилия, не удалось вернуть его в состояние полужизни. Ввиду бессмысленности дальнейших попыток, тело было перевезено в Де-Мойн, где будет выставлено для обозрения в Предпохоронном Доме Истинного Пастыря.

Телевизионная камера показала старый деревянный, окрашенный в белый цвет дом, вокруг которого собралась большая толпа.

«Интересно, кто решил перевезти его в Де-Мойн?» — подумал Джо.

— Это печальное решение,— продолжал голос диктора,— в результате которого начался последний период жизни Глена Ранситера — тот, который мы теперь видим — было принято его женой. Миссис Элла Ранситер, находящаяся ныне в холодильнике (в котором должен был оказаться и ее муж), была приведена в сознание и проинформирована о трагическом происшествии. Узнав сегодня утром о состоянии своего мужа, она распорядилась прекратить бесплодные попытки вернуть его в состояние полужизни.— На экране появилась фотография Эллы, сделанная еще при жизни.— Погруженные в траур работники Корпорации Ранситера собрались в часовне Предпохоронного Дома Истинного Пастыря.

На экране была видна теперь крыша дома и стоящая на нем ракета, из нее выходила группа мужчин и женщин. Их остановил протянутый репортером микрофон.

— Скажите, сэр,— зазвучал типично журналистский голос репортера,— работая для Глена Ранситера, вы и ваши коллеги имели возможность узнать его поближе? Узнать не как шефа, а как человека?

Дон Денни, щуря глаза, как ослепленная светом сова, заговорил в протянутый микрофон:

— Все мы знали Глена Ранситера как человека. Как хорошего человека и гражданина, которому можно было доверять. Говоря так, я выражаю мнение и своих коллег.

— Мистер Денни, здесь все коллеги — точнее, бывшие коллеги — мистера Ранситера?

— Здесь многие из нас,— ответил Дон Денни.— Мистер Лен Ниггелман, председатель Объединения Предохранительных Организаций, обратился к нам еще в Нью-Йорке, сказав, что слышал о смерти Глена Ранситера. Он информировал нас, что тело умершего находится в дороге в Де-Мойн, и заявил, что мы должны сюда приехать. Мы согласились с ним и, в результате, оказались здесь с помощью его корабля. Вот этого,— Денни указал на ракету, из которой вышел он сам и остальные члены группы.— Он любезно известил нас, что местом пребывания мистера Ранситера является уже не мориторий в Цюрихе, а здешний предпохоронный дом. Однако здесь нет некоторых из нас, поскольку их не было тогда в нашей нью-йоркской конторе. Я имею в виду наших инерциалов — Ала Хэммонда, Венди Райт, и мистера Чипа, специалиста по измерению поля. Их местопребывание нам неизвестно, но, может быть...

— Да,— сказал репортер.— Может быть, они увидят эту телепрограмму, передаваемую по спутникам во все города Земли, и явятся в Де-Мойн, чтобы принять участие в этой грустной церемонии. Я уверен — полагаю, вы тоже,— что именно этого хотели бы от них мистер Ранситер и его жена. А теперь я передаю слово Джиму Хантеру в студии «Теледневника».

Вновь появившись на экране, Джим Хантер сказал:

— Рой Холлис, чьи служащие, обладающие психическими способностями, могут быть нейтрализованы инерциалами, в связи с чем являются объектами действия предохранительных организаций, в заявлении, сделанном для печати, выразил соболезнование по поводу случайной смерти Глена Ранситера и объявил, что если это будет возможно, примет участие в погребальной церемонии, проходящей в Де-Мойне. Однако не исключено, что Лен Ниггелман, представляющий, как мы уже сообщали, Объединение Предохранительных Организаций, будет требовать исключения мистера Холлиса из

числа участников похорон в свете того факта, что, как сообщили в своих заявлениях некоторые представители предохранительных организаций, Холлис принял известие о смерти Глена Ранситера с явным и плохо скрытым удовлетворением.— Ведущий «Дневник» Джим Хантер прервался, взял в руки лист бумаги и продолжал: — Переходим к другим сообщениям...

Джо Чип нажал на педаль выключателя телевизора. Экран погас, голос постепенно затих.

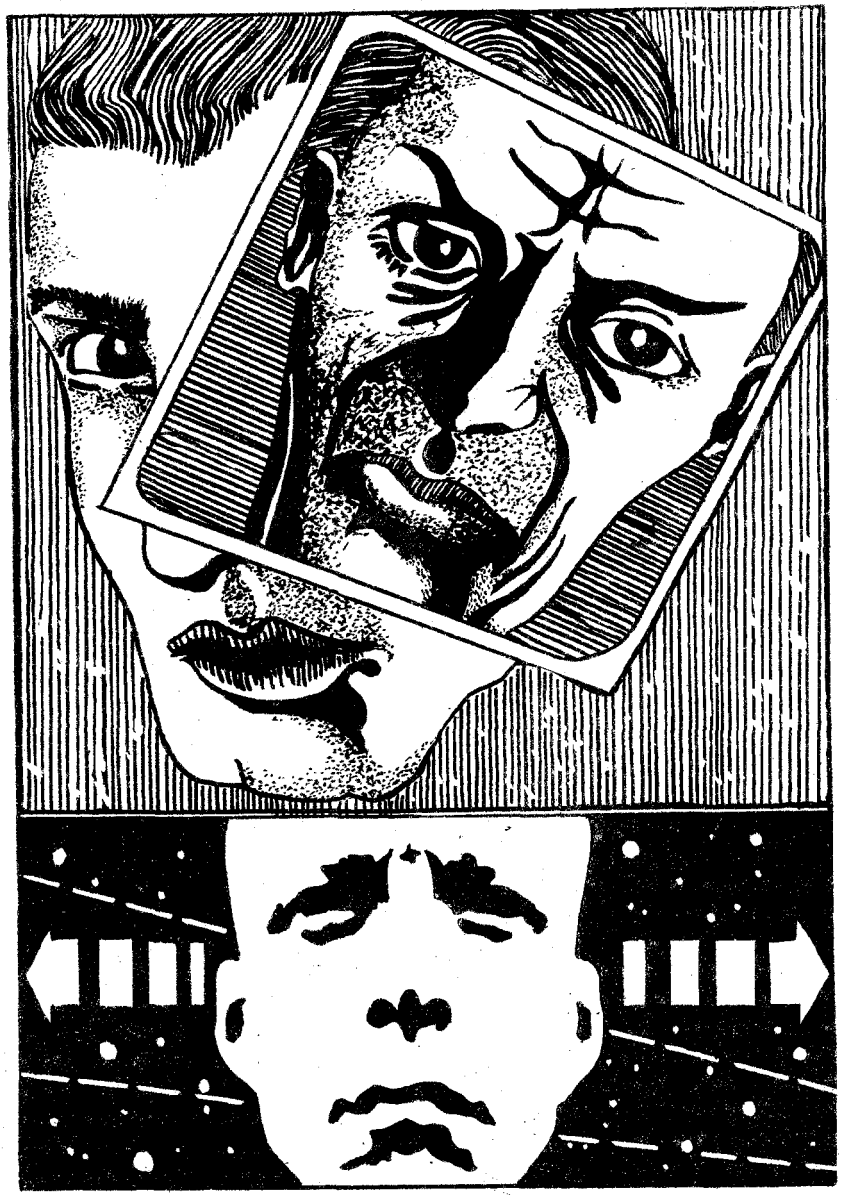
«Все это не согласуется с содержанием надписей на стенах ванной и туалета,— подумал Джо.— Может быть, однако, что Ранситер умер. Так утверждает телевидение. Этого же мнения держатся Рой Холлис и Лен Ниггелман. Все они считают его мертвым, а единственным контраргументом, на который мы можем опереться, являются два стишка, которые мог написать кто угодно».

Экран телевизора вновь засветился; это удивило Джо, ведь он не касался более педали выключателя. Более того, каналы начали меняться сами по себе; экран показывал то одно, то другое, пока, наконец, таинственное существо не нашло то, что искало. На экране теперь было только одно лицо, лицо Глена Ранситера.

— Ты недоволен вкусом? — спросил Ранситер своим характерным брюзгливым голосом.— Вареная капуста заполнила все твое меню? Тебя преследует все тот же запах, независимо от того, сколько десятицентовиков ты бросишь в свою кухню? «Убик» изменит все это. «Убик» восстановит вкусовые качества продуктов, вернет прекрасный аромат и вкус туда, где они должны быть.— На экране вместо лица Ранситера появился яркий баллончик с аэрозолью.— Одно дуновение невидимого потока частиц препарата «Убик», продаваемого по доступной цене, развеет ощущение, что весь мир заполняют бутылки с кислым молоком, изношенные магнитофоны и устаревшие железные кабины лифтов, не говоря уже о других, пока не замеченных признаках распада. Дело заключается в том, что этот распад окружающего мира — нормальное явление у многих особ, находящихся в состоянии полужизни, особенно на начальных стадиях, когда связи с действительностью еще очень сильны. Это происходит и в тех случаях, когда — так, как у вас,— мы имеем дело с несколькими системами памяти. Однако с появлением нового, более мощного препарата «Убик» все это изменилось!

Джо, совершенно ошеломленный, глядел на экран. На нем появилась ворожея из рисованного фильма, она распыляла вокруг себя «Убик».

Потом место ворожеи заняла серьезная домохозяйка с конскими челюстями и большими торчащими зубами. Она загремела металлическим голосом: — Я перешла на «Убик», опробовав все слабые, устаревшие подпорки действительности. Мои кастрюли и ско-

вородки превращались в кучки ржавчины. Полы моей квартиры проваливались, а Чарли, мой муж, ногой проткнул дверь в спальню. Но теперь я пользуюсь новым, экономичным, могучим препаратом «Убик», и результаты прямо чудесны. Взгляните на этот холодильник.— На экране появилась старая модель фирмы «Дженерал Электрик».— Ведь она устарела на восемьдесят лет!

— На шестьдесят два года,— машинально поправил ее Джо.

— А посмотрите на него теперь,— продолжала женщина, опрыскивая старый холодильник препаратом «Убик». Магические огоньки запрыгали вокруг старой модели, и на ее месте появился во всей красе современный шестидверный платный холодильник.

— Да, да,— снова раздался голос Ранситера,— благодаря использованию наиболее передовых методов современной науки, процесс перехода материи к более ранним формам может быть повернут вспять, и это за сумму, доступную любому владельцу квартиры. «Убик» продается в лучших магазинах товаров для дома по всему земному шару. Не принимать внутрь, держать вдали от огня. Строго следовать инструкции, напечатанной на этикетке. Итак, поищи его, Джо. Не сиди на месте, выйди из дома, купи баллон «Убика» и распыляй его вокруг днем и ночью.

— Ты знаешь, что я здесь,— сказал Джо, вставая с места.— Ты видишь меня и слышишь?

— Разумеется, я тебя не вижу и не слышу. Этот рекламный ролик записан на ленте магнитовида; я записал его две недели назад, за двенадцать дней до своей смерти. Я знал, что так случится,— воспользовался услугами ясновидцев.

— Значит, ты действительно мертв?

— Конечно, мертв. Разве ты не видел только что трансляции из Де-Мойна? Я знаю, что ты видел ее,— и об этом сказал мне мой ясновидец.

— А эта надпись на стене туалета?

— Еще одно проявление распада,— загремел голос Ранситера из динамика телевизора.— Иди, купи банку «Убика», и это перестанет тебя тревожить.

— Ал считает, что это мы умерли.

— Ал уже подвергся распаду.— Ранситер расхохотался глубоким вибрирующим смехом, от которого затрясся весь конференц-зал.— Слушай, Джо, я записал этот чертов ролик, чтобы вам помочь, указать вам дорогу, особенно тебе, ведь мы всегда были друзьями. Я знал, что ты будешь дезориентирован, так оно и случилось. Впрочем, это и не удивительно, принимая во внимание состояние твоих нервов. Так или иначе, держись; может, когда поедешь в Де-Мойн и увидишь мое тело, выставленное на всеобщее обозрение,— успокоишься.

— Что такое «Убик»? — спросил Джо.

— Боюсь, однако, что уже слишком поздно, чтобы помочь Алу.

— Каков состав «Убика»? Как он действует? — спрашивал Джо.

— Честно говоря, та надпись на стене туалета появилась, вероятно, из-за присутствия Ала. Если бы не он, ты бы вообще ее не увидел.

— Ты действительно записан на ленту магнитовида? — спросил Джо.— Ты не слышишь меня? Это точно?

— К тому же Ал...— начал Ранситер.

— К черту! — раздраженно выругался Джо. Все это не имело смысла.

На экране телевизора снова появилась женщина с лицом, напоминающим конскую морду.— Если в ближайшем к вам хозяйственном магазине еще нет «Убика», мистер Чип, вернитесь в свою квартиру, там вы найдете бесплатную рекламную упаковку препарата, присланную почтой. Ее хватит вам до тех пор, пока вы не сможете купить баллон нормальной величины.

Женщина исчезла, экран снова стал темен и нем.

«Итак, я должен во всем винить Ала,— подумал Джо. Мысль эта не вызвала у него восторга; он понимал странность такого способа рассуждения, его неправильность, может быть, запланированную.— Ал, как козел отпущения, как человек, на которого свалили ответственность: все из-за Ала. Это не имеет смысла,— подумал он.— Кроме того, действительно ли Ранситер меня не слышал? Может, он только делал вид, что говорит с ленты магнитовида? Какое-то время, пока показывали ролик, казалось, что Ранситер отвечает мне, и только под конец его ответы разошлись с моими вопросами».

Джо вдруг почувствовал себя, как беспомощная бабочка, которая бьется о стекло действительности и не может увидеть, что находится за ним.

И тут ему пришла в голову новая, необычайная концепция.

«Допустим,— подумал он,— что Ранситер записал этот ролик на ленту магнитовида, полагая, что взрыв бомбы убьет его, а все остальные останутся в живых. Лента была записана с благими намерениями, но идея была ошибочна. Ранситер не погиб: это мы потеряли жизнь, как гласила надпись на стене туалета, а Ранситер по-прежнему жив. Перед взрывом бомбы он распорядился, чтобы записанный на ленту ролик оказался на экране именно в этот момент, а поскольку он не отменил своих инструкций, телестудия выполнила его волю. Это объясняло бы расхождение слов Ранситера по телевизору с содержанием надписи, которую он сам сделал на стене туалета: по-другому невозможно объяснить оба эти явления».

Сколько Джо ни раздумывал, он не смог найти никакого другого объяснения, которое удовлетворяло бы всем условиям.

«Разве что Ранситер играет с нами, ведет то в одну, то в другую сторону. Словно какая-то необыкновенная могучая сила, преследующая их и действующая в мире существ живых или полуживых. Как бы там ни было, она имеет решающее влияние на их переживания и на большую часть того, что происходит. Может, не на сам процесс распада,— думал он.— Это независимо от нее. НО ПОЧЕМУ? Может, и этот процесс захвачен ее действием, хотя Ранситер и не хотел в этом признаться. Ранситер и «Убик». «Ubique» — значит вездесущность,— понял вдруг он.— Видимо, от этого слова произошло название распыляемого препарата в банках, о котором говорил Ранситер. Вероятно, его вовсе нет, и это очередной обман, имеющий целью еще больше усилить их дезориентацию. Более того,— думал он,— если Ранситер жив, то мы имеем дело не с одним, а с двумя Ранситерами. Один из них — настоящий — находится в реальном мире и старается с нами связаться, а второй — это фантасмагорийный Ранситер, который в своем мире полуживых является только телом, трупом, выставленным на всеобщее обозрение в Де-Мойне, штат Айова. И, продолжая рассуждать логически, мы приходим к выводу, что другие находящиеся здесь особы: Рой Холлис или Лен Ниггелман — тоже только продукты воображения, а их реальные двойники остаются в мире живых. Трудно во всем этом разобраться,— думал он.— Лучше я возьму эту бесплатную посылку с «Убиком» и отправлюсь в Де-Мойн. В конце концов, именно к этому призывал меня ролик. В типичной для себя шумной форме он дал мне понять, что я буду в безопасности, имея при себе баллон «Убика». Нужно обращать внимание на такие предостережения,— подумал он,— если я собираюсь остаться в живых или сохранить состояние полужизни».

Он вышел из такси на крыше своего дома и, спустившись вниз движущимся коридором, оказался перед своей дверью. С помощью монеты, полученной от кого-то — то ли от Пат, то ли от Ала — он открыл ее и вошел внутрь.

В столовой пахло подгоревшим жиром — запах, которого он не обонял со времени своего детства. Войдя в кухню, он понял причину этого явления. Кухня, отброшенная во времени, превратилась в древнюю газовую печь фирмы «Бак» с засоренными горелками и грязной, не закрывающейся до конца, дверцей духовки. Он тупо смотрел на старую плиту, потом заметил, что подобную метаморфозу претерпели и другие кухонные принадлежности. Аппарат, доставляющий на дом газеты, исчез совершенно. Тостер рассыпался в течение одного дня и превратился в странное, дешевое, неавтома-

тическое устройство, из которого, как он заметил, тосты даже не выскакивали сами. Холодильник был теперь огромным, с ременным приводом, словом, реликтом, вынырнувшим из бог весть какого прошлого. Эта модель была еще более старой, чем модель «Дженерал Электрик», которую он видел в телевизионной рекламе. Меньше всего изменилась кофеварка, причем, даже в лучшую сторону: теперь в ней не было щели для монет, и ею можно было пользоваться бесплатно. То же произошло и со всеми остальными приборами. Во всяком случае, с теми, что остались на своих местах. Подобно газетному аппарату, совершенно исчезло устройство для уборки мусора. Он попытался вспомнить, какие еще были приборы, но воспоминание о них стало уже туманным, поэтому он вернулся в столовую.

Телевизор тоже отступил далеко во времени, и теперь перед Джо стоял древний радиоприемник фирмы «Этвота-Кент», в корпусе из темного дерева, с диапазонами коротких, средних и длинных волн. У него была антенна и провод заземления.

— Боже милостивый,— содрогнулся Джо.

Но почему телевизор не превратился в бесформенную кучу пластиковых и металлических частей? Ведь это были его составные элементы, он был собран из них, а не из старого радиоприемника. Быть может, факт этот подтверждал каким-то удивительным способом давно забытую философскую гипотезу: платоновскую концепцию, по которой общие понятия вещей были — в каждой категории — реальны. Телевизор был формой, занявшей место других форм; очередные формы следовали одна за другой, как кадры на кинопленке.

«В каждом предмете,— размышлял Джо,— должны каким-то образом жить его предыдущие формы. Прошлое, хотя и скрытое под поверхностью, затаившееся, живет там по-прежнему и может вынырнуть на свет божий, как только поздние формы исчезнут каким-нибудь непредвиденным способом. Мужчина содержит в себе не молодого парня, а ранее живших мужчин,— думал Джо.— История началась очень давно. А обезвоженные останки Венди? Здесь прерывалась нормальная последовательность форм. Последняя форма дошла до предела, и ничто не явилось ей на смену: ни новая форма, ни следующая фаза того, что мы называем развитием. В этом, наверное, и заключается старость: отсутствие новых форм ведет к дегенерации и закоснению. Только вот в этом случае все произошло внезапно и было делом всего нескольких часов. Но, если говорить об этой старой доктрине, разве Платон не утверждал, что нечто должно прерывать распад, что какой-то внутренний элемент не подвластен ему? Дуализм, по которому тело и душа были отдельными элементами? Тело доходило до конца жизни — как в случае Венди, и душа вылетала, как птица из гнезда, направляясь куда подальше. Возможно, чтобы родиться вновь, как говорит Тибетская книга мертвых. Это действительно так. Великий боже,—

подумал он,— надеюсь, что это правда. В таком случае все мы сможем встретиться снова».

Из чистого любопытства он включил приемник. Желтая целлулоидная шкала осветилась, радио что-то буркнуло, а потом среди помех и свиста заговорила какая-то станция:

— Время программы «Семья Пеппи Юнга»,— сказал диктор. Раздалась органная музыка.— Подготовлена фирмой, производящей мыло «Камея» — мыло красавиц. Вчера Пеппи узнал, что его длившаяся много месяцев работа, подошла к концу, в связи с...— В этот момент Джо выключил радио.

«Мыльная опера периода перед второй мировой войной,— подумал он удивленно.— Ну что ж, это согласуется с временным возвращением явлений, происходящих в этом мире, в замирающем квазимире, или как там его можно назвать».

Оглядев комнату, он заметил кофейный столик со стеклянной крышкой. На нем лежал номер журнала «Либерти», также предвоенного периода. В нем печатался очередной отрывок фантастической повести «Ночная молния», в которой шла речь о будущей ядерной войне. Он бездумно перевернул несколько страниц журнала, потом вновь начал осматривать комнату, чтобы определить, какие изменения в ней произошли.

Вместо твердого бесцветного пола появились широкие доски из мягкого дерева. Посреди комнаты лежал выцветший турецкий ковер, полный многолетней пыли.

На стене осталась только одна картина: гравюра в рамке под стеклом, изображающая индейца, умирающего на спине лошади. Джо никогда прежде не видел ее. Картина не вызвала у него никаких воспоминаний и вовсе ему не нравилась.

Место видеофона занял черный телефон с висящей трубкой тех времен, когда еще не было цифрового диска для набора номера. Джо снял трубку с крючка, услышал женский голос: «Прошу назвать номер»,— и повесил ее обратно.

Исчезла также регулируемая термостатом система центрального отопления. В углу столовой Джо заметил газовую колонку с большой жестяной трубой, которая шла вдоль стены почти до самого потолка.

Он перешел в спальню, открыл шкаф и просмотрел его содержимое. Потом выбрал костюм, состоявший из черных туфель, шерстяных носок, брюк-гольф, голубой хлопчатобумажной рубашки, спортивного пиджака из верблюжей шерсти и шапки с козырьком. На постели он разложил комплект, приготовленный для более торжественных случаев: синий двубортный костюм в полоску, подтяжки, широкий галстук и белую рубашку со стоячим целлулоидным воротничком. Затем вернулся в гостиную.

На этот раз он взглянул туда, где раньше стоял набор полифо-

нической радиоаппаратуры: регулятор волн УКВ, высококачественный проигрыватель с невесомой иглой, колонки, трубы и многоканальный усилитель. Все эти вещи исчезли, а на их месте появился высокий предмет из темного дерева. Джо заметил заводную рукоять и понял, из чего состоит теперь его музыкальная аппаратура. Пачка бамбуковых игл лежала на полке рядом с граммофоном типа Виктрола. Был там и девятидюймовый диск фирмы «Виктор» на 78 оборотов. На нем была черная этикетка: «Оркестр Рэя Нобла играет «Турецкий деликатес». Вот и все, что осталось от его коллекции лент и долгоиграющих пластинок.

«Завтра,— подумал Джо,— я наверняка окажусь владельцем фонографа с зубчатым колесом и оловянным валиком, на котором будет записан «Отче наш».

Внимание его привлекла новая — как казалось,— газета, лежащая по другую сторону софы. Он взял ее и прочел дату: вторник, 12 сентября 1939 года. Заголовки гласили:

«ФРАНЦУЗЫ УТВЕРЖДАЮТ, ЧТО ВЗЛОМАЛИ ЛИНИЮ ЗИГФРИДА. СООБЩАЕТСЯ, ЧТО НАЧАЛОСЬ ПРОДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД В РАЙОНЕ СААРБРЮККЕНА.

«Интересно,— подумал он,— только что началась вторая мировая война, и французам кажется, что они побеждают».

Он читал дальше:

«ПОЛЬСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПЕРЕДАЮТ ОБ ОСТАНОВКЕ НЕМЕЦКОГО НАСТУПЛЕНИЯ. ПОЛЯКИ СООБЩАЮТ, ЧТО АГРЕССОР БРОСАЕТ В БОЙ НОВЫЕ СИЛЫ, НО НЕ ДВИГАЕТСЯ ВПЕРЕД».

Газета стоила три цента, и это тоже показалось ему странным.

«Что можно теперь купить за три цента? — задал он себе вопрос, отложил газету и вновь обратил внимание на ее свежий вид.— Ей может быть день или два,— подумал он,— не больше. Итак, я уже знаю дату и знаю точно, до какого момента дошел процесс возвращения во времени».

Расхаживая по квартире в поисках очередных изменений, он дошел до стоявшего в спальне комода. На нем стояла шеренга фотографий в застекленных рамках. Все изображали Ранситера. Но не того Ранситера, которого Джо знал. На них был ребенок, мальчик, наконец, молодой мужчина — Ранситер, каким он был годы назад.

Вынув бумажник, он нашел в нем только фотографию Ранситера — никаких снимков своих родственников или друзей. Везде был Ранситер! Он спрятал бумажник в карман и вдруг понял, что он сделан не из пластика, а из настоящей воловьей кожи. Ну что ж, все совпадало. В те времена кожа была доступна. «Что с того?» — задал он себе вопрос, еще раз вынул бумажник и мрачно осмотрел его. Потер пальцами воловью кожу; ее прикосновение было для него новым ощущением, весьма приятным. Лучше, чем пластик, решил он.

Вернувшись в гостиную, он осмотрелся вокруг, ища хорошо зна-

комую почтовую перегородку — нишу в стене, в которой должны находиться сегодняшние письма. Она исчезла. Джо задумался, пытаясь вспомнить прежний способ доставки писем. В щель под дверью квартиры? Нет. Почту клали в какую-то коробку; он вспомнил название: почтовый ящик. Хорошо, это может быть в ящике, но где он расположен? У главного входа в здание? У него было чувство, что именно там. Значит, нужно выйти из квартиры. Почта могла быть внизу, в двадцати этажах под ним.

— Попрошу пять центов,— сказала дверь, когда он попытался открыть ее. Можно было подумать, что врожденное упрямство дверей переживет все остальное, что они будут функционировать еще долгое время после того, как уйдет в прошлое весь город, а может, и весь мир.

Он бросил монету в щель и быстро пошел по холлу к движущемуся коридору, которым пользовался несколько минут назад. Однако коридор уже превратился в неподвижные бетонные ступени.

«Двадцать этажей вниз,— подумал Джо.— Ступенька за ступенькой. Это невозможно: никто не в состоянии спуститься по стольким ступеням. Тогда лифт.— Он направился к нему и вдруг вспомнил о том, что произошло с Алом.— А если на этот раз я увижу то, что увидел он? — задал он себе вопрос.— Старую железную кабину, висящую на стальном канате, и обслуживающего ее старца. Это было зрелище не 1939, а 1909 года; в этот раз процесс возвращения во времени зашел гораздо дальше, чем во всех предыдущих случаях».

Лучше бы не рисковать и воспользоваться лестницей.

Приняв решение, он начал спускаться и был уже на середине пути, как вдруг осознал некий зловещий факт. Он никоим образом не сможет вернуться наверх — ни в свою квартиру, ни в ждущее на крыше такси. Оказавшись внизу, он будет вынужден остаться там, быть может, навсегда. Разве что заключенный в аэрозольную упаковку «Убик» окажется достаточно мощным, чтобы вернуть к жизни лифт или движущийся коридор. «Наземные средства транспорта,— подумал он,— как они будут выглядеть в момент, когда я окажусь внизу? Поезд? Крытая конная повозка?»

Смирившись, он продолжал спуск, прыгая через две ступеньки. Было слишком поздно менять решение.

Дойдя до первого этажа, он оказался в обширном холле. Там стоял очень длинный стол с мраморной крышкой, на которой располагались две керамические вазы с цветами. Четыре широкие ступени вели вниз, к закрытым портьерой входным дверям. Джо повернул рифленую стеклянную ручку и открыл дверь.

Снова лестница. А с правой стороны тянулся ряд закрытых на ключ латунных почтовых ящиков, и на каждом была написана фамилия. Итак, он был прав: почту доставляли только до этого места.

Он опознал свой ящик, найдя полоску бумаги с надписью: «Джозеф Чип 2075», и кнопку звонка, проведенного в его квартиру.

А как быть с ключом? Осмотрев свои карманы, он нашел кольцо, на котором позвякивали многочисленные ключи разной формы. Замок почтового ящика казался очень маленьким, и ключ к нему должен был иметь такие же размеры. Выбрав самый маленький, Джо сунул его в замочную скважину и повернул. Латунная дверца открылась, и Джо заглянул внутрь.

В ящике лежали два письма и треугольный пакет в коричневой бумаге, заклеенный пленкой. Несколько секунд он разглядывал предметы прошлого: пурпурные трехцветные марки с изображением Джорджа Вашингтона, потом разорвал упаковку, удовлетворенно отметив, что пакет довольно тяжел.

«Но ведь,— понял он вдруг,— пакет такой формы не может содержать аэрозольного баллона, для этого он слишком короток.— Он почувствовал страх.— А если это не бесплатный образец «Убика»? Нет, это должен быть он, просто должен. Иначе повторится история Ала.— «Mors certa et hora certa»*,— сказал он сам себе, роняя на пол упаковку из коричневой бумаги и глядя на картонную коробку, которую держал в руках.

«УБИК — БАЛЬЗАМ ДЛЯ ПОЧЕК И ПЕЧЕНИ».

Внутри коробки оказался пузырек из голубого стекла с большой пробкой. На этикетке было написано: «СПОСОБ УПОТРЕБЛЕНИЯ. Мы гарантируем, что это необыкновенное противоболевое средство, над усовершенствованием которого доктор Эдвард Сондербар работал более 40 лет, раз и навсегда избавит вас от неприятной необходимости вставать среди ночи. Впервые вы будете спать спокойно, чувствуя себя прекрасно. Нужно просто растворить ложечку бальзама для почек и печени в стакане теплой воды и выпить за полчаса перед сном. Если боль или жжение сохранятся — следует увеличить дозу до одной столовой ложки. Не давать детям. Содержит вытяжку из листьев олеандра, селитру, масло мяты, фенацетин, окись цинка, древесный уголь, хлористый кобальт, кофеин, экстракт дигиталиса, незначительные количества стероидов, аскорбиновую кислоту, искусственные пахучие вещества и красители. «Убик» силен и эффективен, если принимать его согласно инструкции. Вызывает раздражение кожи, следует пользоваться резиновыми перчатками. Следить, чтобы препарат не попал в глаза и не капнул на кожу. Внимание: продолжительное употребление или передозировка ведет к зависимости от препарата».

«Это безумие,— подумал Джо и вновь прочел список составных частей, чувствуя, как в нем нарастает гнев и чувство бессилия.— Я пропал,— подумал он.— Этот препарат — вовсе не то средство,

---

[1] «Смерть бесспорна и час определен».

которое рекламировал по телевидению Ранситер; это какая-то таинственная микстура из давнишних лекарств, кожной мази, обезболивающих средств, ядов и нейтральных веществ с дополнением — ни много, ни мало — кортизона, которого не знали до второй мировой войны. Явно наступила регрессия «Убика», который описывал Ранситер в том рекламном ролике; во всяком случае, регрессия коснулась этого образца. Ирония здесь отчетливо видна: препарат, созданный для предотвращения регрессивного процесса, сам подвергся ему. Я мог догадаться, как только увидел эти старые марки».

Он огляделся и заметил стоящий у тротуара классический музейный автомобиль, передвигающийся на колесах.

«Удастся ли мне доехать до Де-Мойна автомобилем «ла салле» 1939 года? — задал он себе вопрос.— Если он не будет стареть, возможно, я доберусь туда примерно через неделю. Тогда мне будет уже все равно. Впрочем, машина не останется такой, какая есть. Все будет отступать во времени, может, за исключением двери моей квартиры».

Все же он подошел к машине, чтобы взглянуть на нее вблизи.

«Может, это моя машина? — подумал он.— Может, один из этих ключей подойдет к замку зажигания? Разве не так действовали эти колесные автомобили? С другой стороны — как на нем ехать? Я не умею водить машину, особенно такую, которая имеет — как это называлось? — ручную коробку скоростей».

Он открыл дверцу и сел за руль, пытаясь проанализировать ситуацию.

«А может, выпить столовую ложку бальзама «Убик»? — мрачно подумал он.— Содержа такие составные части, он должен умертвить меня довольно эффективно».

Но этот вид смерти показался ему не самым лучшим. Очень медленно и мучительно его прикончила бы окись кобальта, если бы раньше этого не сделал дигиталис. А ведь там были еще листья олеандра. Трудно было забыть о них. Вся эта смесь разложила бы его кости, превратив их в студень. Дюйм за дюймом.

«Минуточку,— подумал он.— В 1939 году уже существовало воздушное сообщение. Если бы мне удалось добраться до нью-йоркского аэропорта — может, именно этим автомобилем — я мог бы нанять специальный самолет. Трехмоторную машину марки «форд» вместе с пилотом».

Он опробовал поочередно разные ключи из своего комплекта, пока не наткнулся на такой, который завел двигатель. Джо понравился здоровый звук работающего мотора. Эта форма регрессии, так же, как и бумажник из настоящей воловьей кожи, показалась ему переменой к лучшему: современным средствам транспорта, совершенно беззвучным, не хватало этого ощутимого, реального проявления мощи.

«Теперь сцепление,— подумал он.— Слева, в глубине. Нажать педаль сцепления до пола, потом рычагом включить скорость». Он попытался проделать это и услышал жуткий скрежет металла по металлу. Видимо, он не до конца выжал сцепление. Он попытался еще, и на этот раз ему удалось включить скорость.

Машина неуверенно двинулась с места; она дергалась и дрожала, но все же ехала вперед. Медленно проезжая по улице, Джо почувствовал прилив оптимизма.

«Попробуем теперь найти этот чертов аэродром,— подумал он.— Прежде чем будет слишком поздно; прежде чем мы окажемся в эпохе двигателя типа «Гном», с цилиндрами, торчащими наружу».

Спустя час он оказался на аэродроме, поставил машину и принялся разглядывать ангары, рукав, указывающий направление ветра, и старые бипланы с деревянными винтами. «Что за зрелище!» — подумал он. Воскрешенные реликты минувшего тысячелетия, не имеющие связи со знакомым ему реальным миром. Фантастические видения, на мгновение заблудившиеся в поле зрения, скоро и они исчезнут — задержатся при жизни не дольше, чем продукты современной техники. Как и все другие, они будут сметены процессом дегенерации.

Он вылез из машины и, чувствуя тошноту, направился к главным зданиям аэропорта.

— Какой самолет я мог бы нанять на эту сумму? — спросил он первого попавшегося человека, раскладывая на столе перед ним всю свою наличность.— Мне нужно как можно быстрее попасть в Де-Мойн, и я хотел бы вылететь немедленно.

Лысый мужчина, с крашеными усами и в очках, молча посмотрел на банкноты.

— Эй, Сэм! — крикнул он, повернув свою круглую голову, похожую на яблоко.— Иди, взгляни на эти деньги!

К ним подошел другой мужчина, одетый в полосатую рубашку с просторным рукавами, хлопчатобумажные брюки и полотняные туфли.

— Фальшивые деньги,— сказал он, едва взглянув на них.—Банкноты для игры. На них нет ни Джорджа Вашингтона, ни Александра Гамильтона.— Оба мужчины внимательно разглядывали Джо.

— У меня есть «ла салле» 1939 года, она стоит на стоянке,—сказал Джо.— Я отдам ее, если меня доставят в Де-Мойн любым самолетом, который сможет туда долетать. Интересует вас такое предложение?

— Может, Огги Брент? — сказал после долгого раздумья лысый мужчина в очках.

— Брент? — спросил, подняв брови, работник в хлопчатобумажных брюках.— Ты имеешь в виду его «Дженни»? Этому самолету более 20 лет. Он не долетит даже до Филадельфии.

— Тогда, может, Макги?

— Но он сейчас в Ньюарке.

— В таком случае — Сэнди Джесперсен. Его «кюртисс-райт» способен долететь до штата Айова. Раньше или позже.— Он повернулся к Джо.— Идите к ангару номер три и поищите красно-белый биплан марки «кюртисс». Вы найдете там низенького толстого человека, который будет возиться с ним. Если он не отвезет вас, никто другой с нашего аэродрома не возьмется за это. Разве что вы подождете до завтра, пока не вернется Макги со своим трехмоторным «фоккером».

— Спасибо,— сказал Джо и вышел из здания. Быстрым шагом он направился к ангару номер три, уже издалека видя красно-белый самолет.

«По крайней мере, совершу это путешествие не на ДН — учебном самолете времен последней войны,— подумал он и тут же задал себе вопрос: — Откуда я знаю, что «Дженни» — это прозвище самолета ДН? Боже,— думал он,— в моем мозгу появляются эквиваленты разных понятий этого периода. Ничего удивительного, что я смог вести «ла салле»; я всерьез начинаю психически приспосабливаться к этому времени».

Рыжий низенький толстый мужчина протирал промасленной тряпкой колеса своего биплана. Заметив приближающегося Джо, он встал.

— Мистер Джесперсен? — спросил Джо.

— Точно.— Мужчина разглядывал его, явно заинтригованный его костюмом, который не прошел регрессивного преобразования.— Чем могу служить?

Джо объяснил, чего хочет.

— Вы хотите дать машину «ла салле», новую «ла салле», за перелет до Де-Мойна? — Джесперсен задумался.— Точнее, туда и обратно, ведь я должен буду вернуться. О'кей, я посмотрю эту машину. Но ничего не обещаю.

Они вышли на стоянку.

— Что-то я не вижу здесь никакой «ла салле» 1939 года,— подозрительно сказал Джесперсен.

И он был прав. «Ла салле» исчезла. Вместо нее Джо увидел маленький «форд» с брезентовым верхом. Машина была очень старой, как ему показалось, 1929 года. И почти ничего не стоила — он видел это по лицу Джесперсена.

Ситуация стала явно безнадежной. Он никогда не доберется до Де-Мойна. А это,— утверждал в своем рекламном ролике Ранситер,— означало смерть, такую же, как у Венди Райт и Ала.

Теперь это только вопрос времени.

«Лучше умереть иначе»,— подумал он. Потом вспомнил об «Убике», открыл дверцу «форда» и сел за руль.

На сиденье рядом с ним лежала бутылка, которую он получил по почте. Он взял ее в руки...

...и увидел нечто, что, в сущности, его не удивило. Бутылка, так же как и машина, отступила во времени. Теперь это была плоская, лишенная швов, фляжка — такие бутылки отливали в деревянных формах. Действительно, она была очень старой: пробка из мягкой жести казалась сделанной вручную, как пробки, производившиеся в конце XIX века. Изменилась и этикетка: подняв бутылку, он прочел отпечатанные на ней слова:

«ЭЛИКСИР «УБИК». ГАРАНТИРУЕТ ВОЗВРАЩЕНИЕ УТРАЧЕННОЙ МУЖЕСТВЕННОСТИ И ИЗГОНЯЕТ ИСПАРЕНИЯ ВСЕХ ВОЗМОЖНЫХ ВИДОВ. ТАКЖЕ ПОМОГАЕТ МУЖЧИНАМ И ЖЕНЩИНАМ, ЖАЛУЮЩИМСЯ НА ИСЧЕЗНОВЕНИЕ РЕПРОДУКТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ. УПОТРЕБЛЯЕМЫЙ ТОЧНО ПО ИНСТРУКЦИИ, СТАНОВИТСЯ БЛАГОТВОРНЫМ ЛЕКАРСТВОМ ДЛЯ РОДА ЛЮДСКОГО».

Дальше что-то было написано мелкими буквами, ему пришлось прищуриться, чтобы прочесть.

«Не делай этого, Джо. Есть другой способ. Пробуй дальше, и найдешь его».

«Это Ранситер,— понял он.— Он продолжает играть с нами, как кошка с мышью. Подталкивает нас к существованию еще какое-то время. Старается максимально оттянуть наш конец. Бог знает, почему. Может быть, Ранситера забавляют наши страдания? Но ведь это не в его стиле, это совсем непохоже на Глена Ранситера, которого я знал».

И все же он отложил в сторону бутылку эликсира «Убик», раздумал принимать его, и начал прикидывать, что это за «другой способ», о котором упомянул Ранситер.

Примененный согласно инструкции, «УБИК» обеспечивает глубокий сон без чувства тяжести на следующее утро. Ты проснешься свежий, готовый сразиться со всеми проблемами, которые тебя ждут. Не увеличивать рекомендованную дозу.

XI

— Что это за бутылка у вас в руках? — спросил Джесперсен странным голосом, заглядывая в машину.— Можно взглянуть на нее?

Джо Чип молча подал пилоту плоскую бутылку эликсира «Убик».

— Мне говорила об этом моя бабка,— сказал Джесперсен, поднимая бутылку и разглядывая ее на свет.— Где вы ее взяли?

— Я унаследовал ее,— сказал Джо.

— Это единственная возможность. Да, теперь уже не встретишь этих сделанных вручную бутылок. Впрочем, фирма сделала их не так уж много. Лекарство это изобрели в Сан-Франциско году в 1850-ом. Его никогда не продавали в магазинах, и делали только на заказ. Выпускали три вида, разной силы. У вас как раз самый сильный вид.— Он посмотрел на Джо.— Вы знаете, из чего оно состоит?

— Разумеется,— ответил Джо.— Мятное масло, окись цинка, древесный уголь...

— Впрочем, неважно,— прервал его Джесперсен. Нахмурив брови, он усиленно размышлял над чем-то. Потом выражение его лица изменилось: он принял решение.— Я отвезу вас в Де-Мойн в обмен на эту бутылку эликсира «Убик». Вылетаем немедленно; я хочу как можно больше пролететь при дневном свете.

С бутылкой в руке он отошел от «форда» выпуска 1929 года.

За десять минут они заправили биплан топливом, раскрутили винт вручную, и самолет с Джесперсеном и Джо Чипом на борту побежал по взлетной полосе, немилосердно трясясь. Джо, стиснув зубы, старался удержаться в кресле.

— Мы очень перегружены,— невозмутимо сказал Джесперсен; он не казался обеспокоенным. Наконец самолет оторвался от земли и полетел над крышами зданий, направляясь на запад.

— Когда мы будем на месте? — прокричал Джо.

— Это зависит от того, как долго мы будем лететь по ветру. Трудно сказать. Если все будет хорошо, то, наверное, завтра около полудня.

— Вы скажете мне теперь, что в этой бутылке? — крикнул Джо.

— Кусочки золота, как наполнитель жидкости, главным компонентом которой является минеральное масло.

— Сколько этого золота? Очень много?

Вместо ответа Джесперсен повернул к нему улыбающееся лицо. Слова были не нужны — все и так было ясно.

Старый биплан «кюртисс-райт» продолжал полет, направляясь к штату Айова.

На следующий день около трех часов они добрались до аэродрома в Де-Мойне. Сразу после приземления пилот куда-то ушел, унося с собой драгоценную бутылку. Одеревеневший Джо, с трудом преодолевая судорогу, вылез из самолета. Постояв около него, он растер занемевшие ноги, потом неуверенно пошел к зданию аэропорта.

— Можно позвонить? — спросил он старика, который сгорбившись сидел над метеокартой.

— Только, если у вас есть пять центов.— Кивком гладко причесанной головы он указал на телефон, предназначенный для клиентов.

Джо начал копаться в своих деньгах, откладывая в сторону все монеты с профилем Ранситера. Наконец нашел настоящий пятицентовик этого времени с изображением бизона и положил его перед служащим.

— Хорошо,— буркнул тот, не поднимая головы.

Джо нашел телефонную книгу и отыскал в ней номер Предпохоронного Дома Истинного Пастыря. Он назвал его телефонистке, и, после минутного ожидания, кто-то ответил:

— Предпохоронный Дом Истинного Пастыря. У телефона Блисс.

— Я прибыл сюда, чтобы принять участие в похоронах Глена Ранситера,— сказал Джо.— Я не опоздал? — Мысленно он молился, чтобы это было не так.

— Церемония похорон мистера Ранситера проходит как раз в эту минуту,— ответил Блисс.— Где вы находитесь, сэр? Выслать за вами машину? — В голосе его явно слышалось осуждение.

— Я в аэропорту,— ответил Джо.

— Вам нужно было прибыть раньше,— укоризненно сказал мистер Блисс.— Сомневаюсь, чтобы вы успели хотя бы на конец церемонии. Однако тело мистера Ранситера будет выставлено для прощания еще сегодня и завтра утром. Ждите нашу машину, мистер...

— Чип,— представился Джо.

— Да, мы ждали вас. Многие участники церемонии предупреждали нас, чтобы мы были готовы принять вас, мистера Хэммонда, а также — он сделал паузу — мисс Райт. Они прибыли вместе с вами?

— Нет,— ответил Джо. Он повесил трубку и сел на деревянную лавку, с которой мог видеть подъезжающие к аэропорту машины.

«Во всяком случае,— подумал он,— я явился достаточно рано, чтобы присоединиться к остальным членам группы. Они еще не уехали из города, а именно это мне и нужно».

— Можно вас попросить на минутку? — позвал его служащий.

Джо встал с лавки и перешел на другую сторону зала ожидания.

— В чем дело?

— В той монете, которую вы мне дали.— Служащий внимательно смотрел на него.

— Это пятицентовик с бизоном,— заметил Джо.— Разве такие монеты не в обращении?

— На ней дата: 1940,— служащий испытующе заглянул в глаза Джо.

Джо нетерпеливо вздохнул, вытащил остальные монеты и начал искать среди них; наконец нашел пятицентовик 1938 года и бросил его на стол перед служащим.

— Можете взять себе обе,— сказал он и снова сел на лавку.

— Время от времени к нам попадают фальшивые монеты,— сказал служащий.

Джо не ответил. Внимание его привлекло напоминающее комод радио марки «Аудиола», играющее в углу зала. Диктор рекламировал зубную пасту «Ипана».

«Интересно, сколько мне придется ждать,— подумал Джо. Теперь, когда он оказался так близко от своих инерциалов, его охватило нетерпение.— Раз уж я добрался сюда, за несколько миль от них, ужасно было бы...» — он прервал свою мысль и продолжал ждать.

Через полчаса на площадь перед аэродромом, дребезжа, выкатился «виллис- найт- 87», модель 1930 года. Из него вышел человек с волосами цвета конопли и в угольно-черном костюме. Приложив к глазам ладонь, он попытался заглянуть в зал ожидания.

— Мистер Блисс? — спросил Джо, подходя ближе.

— Верно.— Блисс, от которого сильно пахло одеколоном «Сенсен». обменялся с Джо рукопожатием и сразу сел в машину, запуская двигатель.— Садитесь, мистер Чип. И поторопитесь: может, нам удастся успеть на церемонию. В случае таких важных обрядов, как сегодня, отец Абернети обычно читает довольно длинную проповедь.

Джо уселся на переднее сиденье, рядом с мистером Блиссом. Минутой позже они уже выехали на шоссе, ведущее к центру Де-

Мойна, и помчались по нему со скоростью, доходящей иногда до сорока миль в час.

— Вы работали у мистера Ранситера, правда? — спросил Блисс.

— Да,— ответил Джо.

— Это необыкновенно — то, чем занимался мистер Ранситер. Я не могу до конца понять этого.— Блисс посигналил рыжему сеттеру, выбежавшему на дорогу.— Что такое «псионические способности»? Многие служащие мистера Ранситера пользовались этим термином.

— Парапсихические силы,— объяснил Джо.— Способность мысли действовать непосредственно, без вмешательства физических факторов.

— Вы имеете в виду мистические силы? Такие, как умение предвидеть будущее? Я спрашиваю потому, что многие из вас говорили о будущем так, будто оно — уже свершившийся факт. Не со мной — они говорили об этом между собой, но я слышал их разговоры; вы знаете, как это бывает... Так, значит, вы медиумы?

— Что-то в этом роде.

— А что вы предвидите в связи с войной в Европе?

— Немцы и японцы проиграют,— сказал Джо.— Соединенные Штаты вступят в войну седьмого декабря сорок первого года.— Он замолчал, не желая больше разговаривать на эту тему, его больше занимали собственные проблемы.

— Если говорить обо мне, то я — изоляционист,— сказал Блисс.

«Что происходит с остальными членами нашей группы,— думал Джо.— Живут ли они в этой же самой действительности? В Соединенных Штатах 1939 года? А может, когда я присоединюсь к ним, мое движение вспять обретет обратное направление, и я окажусь в более позднем периоде? Это существенный вопрос. Ведь нам нужно будет найти способ, который позволит вновь преодолеть эти 53 года и найти рациональные и настоящие элементы современной, не затронутой регрессивным процессом действительности. Если же группа в целом прошла тот же процесс, что и я сам, то, присоединяясь к ним, я не помогу ни им, ни себе. Разве что таким образом избегну неприятностей, связанных с дальнейшим уходом в прошлое окружающего меня мира. С другой стороны, эта действительность 1939 года кажется достаточно устойчивой: за последние 24 часа в ней практически не произошло изменений. Но, может, это связано с моим приближением к группе»,— думал он.

А ведь флакон бальзама для почек и печени «Убик» отступил во времени еще на восемьдесят лет. За несколько часов из аэрозольного баллона он превратился во фляжку, отлитую в деревянной форме. Так же, как кабина лифта 1908 года, которую видел только Ал.

Но в его случае все было иначе. Пилот, Сэнди Джесперсен, тоже

видел отлитую в деревянной форме фляжку с эликсиром «Убик» на последнем этапе ее преображения. Это не было его субъективным видением, ведь именно благодаря ей он и попал в Де-Мойн. Пилот видел и метаморфозу «ла салле». Значит, можно предположить, что болезнь, от которой умер Ал, имела совершенно иной характер. Джо очень хотелось, чтобы это было так.

«Допустим,— рассуждал он,— что мы не сможем повернуть процесс регрессии и останемся в этой действительности до конца жизни. А так ли это страшно, как кажется? Мы можем привыкнуть к девятиламповым приемникам «Филко» размером с комод, хотя это вовсе не обязательно: в это время уже были известны супергетеродины. Правда, до сих пор я не встретил ни одного из них. Мы сможем научиться водить машины марки «Американ Остин», которые можно купить за 445 долларов — цена эта пришла ему в голову, казалось бы, случайно, однако он чувствовал, что она точна.— Когда мы найдем себе должности и начнем зарабатывать современные деньги, нам не придется летать древними бипланами «кюртисс-райт», ведь уже четыре года назад, в 1935 году, начала действовать постоянная авиалиния через Атлантику, оснащенная четырехмоторными скоростными пассажирскими самолетами. Трехмоторному самолету «форд» уже одиннадцать лет, для современных людей это — реликт прошлого. А биплан, которым я сюда прилетел, даже для них — музейный экспонат. Моя «ла салле», до того как прошла преображение, была вполне приличной машиной, и вести ее было истинным удовольствием».

— А что будет с Россией? — спросил Блисс.— То есть, во время войны? Уничтожим мы этих красных? Можете вы заглянуть в будущее настолько далеко?

— Россия примет участие в войне как союзник Соединенных Штатов,— ответил Джо, продолжая рассуждать.

«А что будет со всеми другими предметами, существами и продуктами? А в области медицины мы сделаем серьезный шаг назад — кажется, они употребляют сульфамиды, и это будет для нас проблемой, если мы заболеем. Услуги дантистов тоже не сулят ничего хорошего: они все еще используют сверла и новокаин. Флюорированные пасты для зубов пока вообще не существуют, это вопрос еще двадцати лет».

— Как наш союзник? — забормотал Блисс.— Коммунисты? Это невозможно — ведь они заключили пакт с фашистами!

— Немцы нарушат этот пакт,— ответил Джо.— Гитлер атакует Советский Союз в июне сорок первого года.

— И уничтожит его, надеюсь?

Вырванный из своих мыслей, Джо повернул голову, чтобы взглянуть на Блисса, сидевшего за рулем своего десятилетнего «виллис-найта».

— Настоящая угроза идет от коммунистов, а не от немцев,— говорил Блисс.— Возьмем отношение к евреям. Знаете, кто на этом выигрывает? Евреи в нашей стране: многие из них не имеют гражданства, но все живут тут как беженцы, пользуясь государственными дотациями. По-моему, фашисты в некоторых случаях зашли слишком далеко в отношении к евреям, но нужно признать, что еврейский вопрос существует уже давно, и нужно было найти выход из ситуации, хотя, может, и не такой, как концентрационные лагеря. У нас здесь, в Соединенных Штатах, те же проблемы с евреями и черномазыми. Когда-нибудь нам придется решать вопрос и тех и других.

«Я никогда прежде ни от кого не слышал слова «черномазый»,— подумал Джо, и понял, что начинает оценивать этот период несколько иначе.— Я забыл обо всем этом».

— Линдберг, вот человек, у которого верный взгляд на немцев,— говорил Блисс.— Вы слышали, как он говорит? Его интересует не то, что о них пишут газеты, а настоящее...— Он притормозил и остановился перед сигналом СТОП в виде семафора.— Например, сенаторы Борах и Ней. Если бы не они, Рузвельт продавал бы оружие Англии и втянул бы нас в войну, с которой мы не имеем ничего общего. Рузвельту чертовски нужно снять эмбарго на оружие, составляющее часть договора о нейтралитете; он хочет, чтобы мы вступили в войну. Но американский народ не поддержит его. Американский народ не собирается драться за Англию или какую-нибудь другую страну.

Зазвенел звонок, выдвинулся зеленый рычаг семафора. Блисс включил первую скорость, и «виллис-найт», дребезжа, двинулся в гуще уличного движения.

— В ближайшие пять лет у вас будет немного поводов для радости.

— Это почему? Все жители штата Айова думают так же. Знаете, что я думаю о вас, работниках Ранситера? На основании ваших слов и того, что я слышал из раговоров других, я прихожу к выводу, что вы — профессиональные агитаторы.— Блисс бросил на Джо взгляд, полный невозмутимой уверенности в себе.

Джо не ответил. Он разглядывал старые здания из кирпича, дерева и бетона, странные машины, большинство из которых были черного цвета, и думал,— только ли ему одному среди членов группы объявился этот особый аспект жизни 1939 года.

«В Нью-Йорке будет иначе, а здесь страна Библии — Средний Запад, известный своим изоляционизмом. Мы не будем здесь жить, мы поселимся на восточном или западном побережье».

Однако инстинктивно он чувствовал, что наткнулся на вопрос, который будет для всех них важной проблемой.

«Мы слишком много знаем,— думал он,— чтобы спокойно жить

в этом времени. Если бы мы отступили на 20—30 лет, то были бы в состоянии преобразиться психически; повторное переживание программы «Джемини» и выходов в космос, или первых, примитивных полетов «Аполло», было бы не очень интересно, но возможно. Зато в этом периоде... Они все еще слушают «Две черные вороны» на пластинках со скоростью 78 оборотов в минуту. И Джо Пеннера. А также программу «Мерт и Мардж». Все еще не изжиты последствия великого кризиса. Люди нашей эпохи имеют колонии на Марсе и Луне, постоянно совершенствуют межзвездные полеты, а они все еще не могут справиться с пустынями Оклахомы. Эти люди живут в мире, законы которого определяют риторика Уильяма Дженнингса Бриана, а «обезьяний процесс» Скопса — дело живое и актуальное. Никоим образом мы не сможем приспособиться к их мировоззрению, морали, политическим взглядам,— думал он.— Для них мы — профессиональные агитаторы, понять которых еще труднее, чем фашистов. Мы представляем большую угрозу, чем партия коммунистов, вообще, мы самые опасные агитаторы, с которыми эта эпоха имела дело. Тут Блисс совершенно прав».

— Откуда вы взялись? — спросил Блисс.— Вы не из Соединенных Штатов. Или я ошибаюсь?

— Нет, вы не ошиблись,— ответил Джо.— Мы граждане Североамериканской Федерации.— Он вынул из кармана двадцатипятицентовик с портретом Ранситера и вручил его Блиссу.— Примите это от меня в подарок.

Взглянув на монету, Блисс даже задохнулся от удивления.

— Этот профиль на монете — ведь это умерший! Это мистер Ранситер,— сказал он дрожащим голосом. Потом еще раз взглянул на монету и сильно побледнел.— И эта дата! 1990 год...

— Надеюсь, вы не выдадите всего сразу,— сказал Джо.

Когда «виллис-найт» добрался до Предпохоронного Дома Истинного Пастыря, церемония уже кончилась. На широкой белой деревянной лестнице трехэтажного дома стояла группа людей; Джо сразу же узнал всех. Вот они и нашлись: Эди Дорн, Типпи Джексон, Джон Илд, Френси Спаниш, Тито Апостос, Дон Денни, Сэмми, Фред Зефски и... Пат.

«Моя жена»,— подумал он, вновь ошеломленный ее необыкновенной красотой.

— Нет,— сказал он вслух, вылезая из остановившейся машины.— Она — не моя жена, это она уже изменила.

«Однако,— вспомнил он,— она оставила кольцо. Оригинальное обручальное кольцо из кованого серебра с нефритом, которое мы вместе выбирали... Это все, что осталось».

Новая встреча с Пат не была для него шоком. Как будто на

мгновение вернулась видимость супружества, которое уже перестало существовать, которое вообще никогда не существовало, и все же кольцо было ощутимым его доказательством. Впрочем, оно может исчезнуть, если когда-нибудь Пат захочет убрать и этот последний след.

— Привет, Джо Чип,— сказала она своим холодным, почти насмешливым голосом, внимательно глядя на него.

— Привет,— неловко ответил он. Остальные тоже начали здороваться с ним, но это казалось несущественным: Пат привлекла все его внимание.

— А где Ал Хэммонд? — спросил Дон Денни.

— Ал умер. Венди Райт тоже,— сказал Джо.

— Мы уже знаем о Венди,— спокойно заметила Пат.

— Нет, мы не знали,— вставил Дон Денни.— Мы предполагали, но не были уверены. Во всяком случае я. Что с ними случилось? Кто их убил? — обратился он к Джо.

— Они умерли от истощения,— ответил Джо.

— Почему? — жестко спросил Тито Апостос, протискиваясь вперед.

— Последнее, что ты сказал, Джо, там, в Нью-Йорке, прежде чем вышел с Алом Хэммондом...— начала Пат Конлей.

— Я помню, что сказал,— прервал ее Джо, но она продолжала:

— Ты говорил что-то о времени. «Прошло слишком много времени», вот твои слова. Что это значит? Это имеет какую-то связь со временем?

— Мистер Чип,— сказала Эди Дорн,— с тех пор, как мы сюда прибыли, этот город радикально изменился. Никто из нас этого не понимает. Вы видите то же, что и мы? — Она обвела рукой окружающие их здания.

— Я не знаю, что видите вы,— сказал Джо.

— Не крути, Джо,— гневно вставил Тито Апостос.— Ради бога, скажи нам просто, какое впечатление производит на тебя этот город. Этот экипаж,— он указал на «виллис-найт»,— которым ты приехал. Скажи нам, что это за машина?

Все ждали, напряженно глядя на Джо.

— Мистер Чип,— пробормотал Сэмми Мундо,— ведь это настоящий старый автомобиль, верно? Сколько ему лет?

— Шестьдесят два,— ответил Джо, чуть подумав.

— Значит, тридцатого года,— сказала Типпи Джексон Дону Денни.— Примерно так мы и думали.

— Мы считали, что он тридцать девятого года,— спокойно заметил Дон Денни. В его серьезном, бесстрастном голосе не было и следа возбуждения. Даже в подобных обстоятельствах.

— Установить дату было довольно легко,— сказал Джо.— Будучи в своей нью-йоркской квартире, я заглянул в газету. Было две-

надцатое сентября. Значит, сегодня тринадцатое сентября тридцать девятого года. Французы думают, что преодолели линию Зигфрида.

— Это дьявольски интересно,— сказал Джон Илд.

— Я надеялся, что вы, как группа, существуете на более позднем этапе действительности,— заявил Джо.— Ну что ж, теперь вы знаете, что к чему.

— Если сейчас тридцать девятый год, то мы должны принять это к сведению,— сказал Фред Зефски высоким скрипучим голосом.— Конечно, все мы переживаем это так же, как и вы. Какая же здесь альтернатива? — Он энергично размахивал длинными руками, как бы желая склонить остальных на свою сторону.

— Успокойся, Зефски,— нетерпеливо сказал Тито Апостос.

Джо Чип повернулся к Пат.

— А что ты об этом думаешь?

Пат пожала плечами.

— Не пожимай плечами, а ответь мне.

— Мы отступили во времени,— сказала Пат.

— Не совсем так.

— Что же тогда с нами случилось? Мы продвинулись во времени вперед?

— Мы не двинулись с места,— сказал Джо,— и находимся там, где всегда. Но по какой-то причине действительность претерпела регрессивный процесс, утратила прежние точки опоры и вернулась назад, к предыдущему этапу. К этапу, на котором она находилась пятьдесят три года назад. Впрочем, может наступить и дальнейший регресс. Однако в этот момент меня больше интересует, не являлся ли вам Ранситер.

— Ранситер,— отозвался Дон Денни, на этот раз с ненужным возбуждением в голосе,— лежит внутри этого здания в своем гробу, мертвый, как камень. Это единственная форма, в которой он нам являлся, и мы уже не увидим его ни в какой другой форме.

— Скажите, мистер Чип, слово «Убик» ничего вам не напоминает? — спросила Френси Спаниш.

Ему пришлось сосредоточиться, чтобы понять смысл ее вопроса.

— Ради бога,— сказал он наконец,— неужели вы не можете отличить видения...

— У Френси бывают сны,— объяснила Типпи Джексон.— Они всегда у нее были. Расскажи ему свой сон об «Убике», Френси.— Она повернулась к Джо.— Сейчас она расскажет вам свой — как она его назвала — сон об «Убике». Он приснился ей прошлой ночью.

— Я называю его так, потому что это действительно был сон об «Убике»,— запальчиво сказала Франциска Спаниш, нервно сплетая пальцы.— Послушайте, мистер Чип, мой сон отличался от тех, что я видела раньше. С неба протянулась большая рука — как будто

рука бога. Она была огромна — величиной с гору. Я понимала, что это очень важно; ладонь была сжата в кулак, похожий на скалу, и я видела, что внутри него находится какая-то ценная вещь, от которой зависит моя жизнь и жизнь всех жителей Земли. Я ждала, когда ладонь раскроется, и, когда это произошло, увидела, что в ней было.

— Баллон с аэрозолем,— сухо заметил Дон Денни.

— На этом баллоне,— продолжала Френси Спаниш,— большими золотыми буквами, которые горели огнем, было написано одно только слово — УБИК. И ничего больше. Только это странное слово. А потом ладонь вновь сжалась, и рука исчезла за тучами. Сегодня, перед началом похоронной церемонии, я заглянула в словарь и позвонила в библиотеку. Однако никто не знает этого слова, не знает даже, на каком оно языке. В словаре его тоже нет. Работник библиотеки сказал, что это не английское слово. Есть одно латинское слово, очень на него похожее: ubigue. Оно значит...

— ...везде,— сказал Джо.

— Да, именно это,— кивнула Френси Спаниш.— Но слова УБИК нет, а именно так оно выглядело во сне.

— Оба слова имеют одно значение,— заметил Джо,— и различаются только написанием.

— Откуда ты знаешь? — спросила Пат Конлей.

— Вчера мне явился Ранситер,— объяснил Джо.— Он выступал в рекламном ролике, снятом перед его смертью.— Джо не вдавался в подробности: дело было слишком запутанным, чтобы его можно было объяснить, особенно в эту минуту.

— Ну и глупец же ты,— сказал Пат Конлей.

— Почему? — спросил он.

— И ты считаешь это явлением умершего человека? Точно так же можно счесть это явлением письма, написанного им перед смертью. Или рабочие заметки, сделанные много лет назад. Может, даже...

— Я иду в Дом, чтобы еще раз взглянуть на Ранситера,— сказал Джо. Он отошел от остальных членов группы, которые остались на месте, и по широкой деревянной лестнице вошел в темную тишину предпохоронного дома.

Там не было ни души. Он увидел только большой зал с многочисленными рядами кресел, напоминающими церковные лавки, и в противоположном углу — украшенный цветами гроб. В небольшой боковой комнате стояли старомодные органы и несколько складных деревянных стульев. Здесь пахло пылью и цветами; этот отвратительный запах был ужасен. Подумать только, сколько жителей штата Айова встретились с вечностью в этих четырех равнодушных стенах. Лакированные полы, носовые платки, толстые темные

шерстяные костюмы... и так далее, вплоть до медяков, которыми прикрывают глаза умерших. И органы, играющие короткие, ритмичные псалмы.

Он подошел к гробу, поколебался мгновение, потом заглянул внутрь.

В углу гроба лежала кучка обугленных высохших костей, а на ее вершине тонкий, как бумага, череп, искривленный в насмешливой гримасе. Запавшие глаза напоминали высохшие виноградины. Вокруг небольшой кучки останков Ранситера валялись обрывки материала с торчащими, как щетина, волокнами. Все было абсолютно неподвижно. Таинственный процесс изменений, уничтоживший Венди и Ала, завершился — и явно очень давно.

«Много лет назад»,— подумал Джо, вспомнив Венди.

Видели ли его остальные члены группы? Или это случилось уже после церемонии? Джо вытянул руку, поднял дубовую крышку гроба и закрыл его. Дерево ударило о дерево, в пустом зале родилось эхо, но никто не услышал его, и никто не пришел.

Ослепленный слезами, которые страх выжал из его глаз, он вышел из запыленного тихого зала и вновь оказался в слабом послеполуденном свете.

— Что случилось? — спросил Дон Денни, когда Джо вновь присоединился к группе.

— Ничего,— ответил Джо.

— Ты выглядишь, как смертельно испуганный глупец,— агрессивно сказала Пат Конлей.

— Ничего не случилось! — он враждебно посмотрел на нее.

— Ты не встретил там случайно Эди Дорн? — спросила Типпи Джексон.

— Она куда-то исчезла,— пояснил Джон Илд.

— Но ведь она только что была здесь,— возразил Джо.

— Она весь день говорила, что ей очень холодно и что она устала,— сказал Дон Денни.— Может, она вернулась в отель; сразу после церемонии она собиралась лечь отдохнуть. Ничего с ней не случилось.

— Наверное, она уже умерла,— сказал Джо и, обращаясь к остальным, продолжал: — Я думал, что вы уже поняли это. Если кто-то из нас отделится от группы — он должен будет умереть. Это произошло уже с Венди, Алом, Ранситером и... — он вдруг замолчал.

— Ранситер был убит во время взрыва,— заметил Дон Денни.

— Мы все погибли во время взрыва,— сказал Джо.— Я знаю это, мне сообщил Ранситер: он написал это на стене мужского туалета в нашей нью-йоркской конторе. А потом я видел эту надпись на...

— То, что ты рассказываешь,— безумие,— прервала его Пат Конлей.— Убит Ранситер или нет? И что с нами: погибли мы или

живы? Ты говоришь то так, то этак, а нельзя ли держаться одной версии?

— Старайся быть последовательным,— вставил Джон Илд. Остальные закивали головами, выражая немую солидарность. Лица их были искажены страхом.

— Я могу повторить вам надпись на стене,— заявил Джо.— Могу рассказать вам об изношенном магнитофоне и находящейся при нем инструкции по эксплуатации. Могу сообщить вам о рекламном ролике Ранситера, о записке, которую мы нашли в блоке сигарет в Балтиморе, и об этикетке бутылки с эликсиром «Убик». Но я не смогу объединить все это в логическое целое. Так или иначе, мы должны добраться до нашего отеля и постараться найти Эди Дорн, прежде чем она угаснет навсегда. Где можно найти такси?

— Владельцы предпохоронного дома предоставили нам машину, которой мы можем пользоваться во время пребывания в Де-Мойне,— сказал Дон Денни.— «Пирс-эрроу», вон он стоит,— он указал на машину пальцем.

Все поспешно направились к ней.

— Мы все не поместимся,— сказала Типпи Джексон. Дон Денни открыл тяжелую железную дверцу и сел в машину.

— Спросите Блисса, можно ли взять «виллис-найт»,— посоветовал Джо. Он запустил двигатель «пирс-эрроу» и, как только все, кто сумел сесть в машину, устроились, выехал на оживленную улицу Де-Мойна. «Виллис-найт» ехал за ним, клаксон его время от времени издавал зловещие трубные звуки.

Помести в свой тостер «УБИК», изготовленный исключительно из свежих плодов и животворного экстракта из овощей. «УБИК» превращает завтрак в пир, оживляет твое утро. Безопасен при использовании по инструкции.

XII

«Мы умираем один за другим,— думал Джо Чип, проезжая по улицам.— В моей теории есть какая-то ошибка. Эди, находясь в группе, должна быть в безопасности, зато я... Это я должен был умереть,— подумал он.— Во время перелета из Нью-Йорка».

— Нужно сделать так,— обратился он к Дону Денни,— если кто-нибудь почувствует усталость — а это первый тревожный сигнал — он должен сказать об этом остальным. Кроме того, никому нельзя удаляться.

— Все слышали? — Дон Денни повернулся к сидящим сзади.— Как только кто-то из вас почувствует усталость — даже не очень сильную — он должен уведомить об этом мистера Чипа или меня.— Он вновь повернулся к Джо и спросил: — А что дальше?

— Да, что дальше, Джо? — как эхо повторила Пат Конлей.— Что нам делать? Скажи, как мы должны поступать?

— Мне кажется странным,— обратился к ней Джо,— что ты вовсе не пользуешься своими способностями. Нынешняя ситуация как будто специально создана для тебя. Почему ты не можешь вернуться на четверть часа назад и убедить Эди Дорн не уходить? Почему ты не повторишь то, что сделала, когда я представлял тебя Ранситеру?

— Это Дж. Дж. Эшвуд представил меня Ранситеру,— поправила его Пат.

— Значит, ты ничего не собираешься делать? — спросил Джо.

— Мисс Конлей и мисс Дорн поссорились вчера за ужином,— смеясь, сказал Сэмми Мундо.— Мисс Конлей не любит ее и поэтому не хочет помочь.

— Я любила Эди,— заявила Пат.

— Есть ли причина, по которой ты не пользуешься своими способностями? — спросил ее Дон Денни.— Джо прав, это странно

и непонятно, по крайней мере для меня, что ты даже не пробуешь ей помочь.

— Я утратила свои способности,— сказала Пат после паузы.— С момента взрыва бомбы на Луне.

— А почему не сказала об этом нам? — спросил Джо.

— Черт возьми, просто не хотела! — сказала Пат.— Почему я должна была говорить вам, что стала бессильна? Я все время пробую, но без результата: ничего не происходит. Никогда раньше такого не было, я имела эти способности практически всю жизнь.

— Когда ты...— начал Джо.

— В связи с Ранситером,— сказала Пат.— На Луне, сразу после взрыва, еще до твоего вопроса.

— Значит, ты знаешь об этом давно,— констатировал Джо.

— Я пыталась снова в Нью-Йорке, после твоего возвращения из Цюриха, когда стало ясно, что с Венди случилось что-то страшное. Пробовала я что-то сделать и сейчас, после твоих слов, что Эди, наверное, умерла. Может, это потому, что мы ушли в эти архаические времена; может, в тридцать девятом году нет поля пси. Но это не объясняет того, что случилось на Луне. Разве что уже тогда мы вернулись в нынешнее время, только не отдавали себе в этом отчета.— Она замолчала, мрачно разглядывая улицы Де-Мойна, проносящиеся за окнами автомобиля.

«Это бы все объяснило,— подумал Джо.— Конечно, она уже потеряла способность передвижения во времени. В сущности, сейчас вовсе не 1939 год — мы находимся вне времени. Из этого следует, что Ал был прав, и надпись на стене не лгала. Мы находимся в состоянии полужизни, как утверждал автор стишков».

Однако он не сказал об этом остальным пассажирам автомобиля.

«Зачем говорить им, что ситуация безнадежна? — подумал он.— Они и сами скоро в этом убедятся. Самые умные из них, Денни, например, наверняка уже поняли это — на основании того, что я сказал, и того, что пережили они сами».

— Похоже, ты очень обеспокоен тем, что ее способности исчезли,— сказал Дон Денни.

— Конечно,— кивнул головой Джо.— Я надеялся, что с их помощью нам удастся изменить положение.

— Тут дело не только в этом,— сказал Денни, проявляя необыкновенную интуицию.— Я понял это по...— он махнул рукой,— по твоему голосу. Так или иначе, я знаю, что это имеет какое-то значение. Что это важно. Что тебе это что-то объясняет.

— Дальше тоже прямо? — спросил Джо, тормозя перед перекрестком.

— Поверни направо,— сказала Типпи Джексон.

— Увидишь кирпичное здание с неоновой надписью,— сказала Пат.— Отель «Мармонт» — так называется эта дыра. Одна ванная

на две комнаты, и ванна вместо душа. И эта еда... Единственный напиток, который есть у них на складе — это какая-то бурда под названием «Нехи».

— А мне еда понравилась,— сказал Дон Денни.— Настоящая говядина вместо синтетического протеина. Свежий лосось...

— У вас не было неприятностей с деньгами? — спросил Джо и вдруг услышал высокий воющий звук.— Что это такое? — спросил он.

— Не знаю,— нервно ответил Дон.

— Это полицейская сирена,— объяснил Сэмми Мундо.— Ты повернул, не дав никакого сигнала.

— А как я должен был это сделать? — спросил Джо.— Здесь нет рычажка указателя поворота.

— Нужно было показать рукой,— ответил Сэмми Мундо. Сирена выла совсем близко; повернув голову, Джо заметил мотоцикл, который поравнялся с машиной. Он притормозил, не зная, что делать.

— Остановись у тротуара,— посоветовал Сэмми.

Джо подъехал к тротуару и затормозил.

Полицейский слез с мотоцикла и быстрым шагом подошел к Джо. Это был молодой человек с худым красным лицом и большими глазами.

— Ваши права,— потребовал он, внимательно оглядев Джо.

— У меня их нет,— признался Джо.— Составьте протокол и позвольте мне ехать.— Он уже видел отель и потому обратился к Дону Денни: — Забери всех остальных и идите туда.

«Виллис-найт» продолжал ехать к отелю. Дон Денни, Пат, Сэмми Мундо и Типпи Джексон вылезли из машины и, оставив Джо один на один с полицейским, двинулись следом за первой машиной, которая как раз затормозила у отеля.

— А удостоверение личности? — спросил полицейский.

Джо подал ему свой бумажник. Пользуясь красным карандашом, полицейский заполнил формуляр, вырвал его из блокнота и подал Джо.

— Поворот без сигнала, езда без прав. На повестке написано, куда и когда вы должны явиться.— Он закрыл блокнот, отдал Джо бумажник и вернулся к мотоциклу.

Сам не зная, зачем делает это, Джо взглянул на повестку, прежде чем спрятать ее в карман. Потом прочел еще раз, медленно. Он узнал почерк.

«Вы в гораздо большей опасности, чем я считал раньше. Слова Пат Конлей были...».

На этом текст обрывался, посреди фразы. Джо задумался, каким должно быть продолжение. Нет ли на повестке другой надписи? На обороте он ничего не нашел, поэтому присмотрелся к лице-

вой стороне. От руки там ничего написано не было, но внизу был текст, отпечатанный мелкими буквами:

«Посети аптеку Арчера, продающую по доступным ценам средства для домашнего хозяйства и патентованные лечебные препараты».

«Это немного говорит мне»,— подумал Джо. Однако не этого следовало ожидать на повестке, врученной ему дорожной полицией Де-Мойна. Безусловно, это был очередной знак, так же, как и написанные карандашом слова.

Он вышел из машины и вошел в ближайший магазин, где продавали газеты, сладости и табачные изделия.

— Могу я воспользоваться телефонной книгой? — спросил он у владельца, толстого мужчины средних лет.

— Вон там,— указал хозяин.

Джо нашел телефонную книгу и в мрачном уголке темного магазинчика начал искать в ней адрес аптеки Арчера. Однако такой в городе не было.

Закрыв книжку, он подошел к хозяину, который продавал какому-то парню пачку вафель «Некко».

— Вы не знаете, где находится аптека Арчера?

— Нигде,— ответил торговец.— То есть, теперь уже нигде.

— Как это?

— Она была закрыта несколько лет назад.

— Все же скажите, где она находилась. Может, вы могли бы нарисовать план?

— Это ни к чему, я просто объясню вам, где она была.— Крепко сложенный мужчина наклонился вперед, вытянув руку в направлении двери магазина.— Видите тот столб с вывеской парикмахера? Дойдите до него и поверните на север. Север — там,— указал он рукой.— Увидите старое желтое здание с резными украшениями. Некоторые помещения наверху еще заняты, но первый этаж пустует. Однако вы еще сможете прочесть вывеску — «Аптека Арчера». А дело было так: старый Эд Арчер заболел раком горла и...

— Спасибо,— сказал Джо. Он вышел из магазина и вновь оказался на улице, в слабом свете вечернего солнца. Быстрым шагом он пересек проезжую часть и, дойдя до столба с рекламой, посмотрел на север.

Далеко в глубине улицы он увидел высокий дом, с которого местами уже отпадала желтая штукатурка. Дом выглядел как-то странно. Он постоянно дрожал, словно приобретал на мгновение реальную форму, а затем вновь становился нереальным. Каждая очередная фаза этой дрожи длилась несколько секунд, потом начинался обратный процесс. Изменения эти происходили регулярно, будто вызванные каким-то живым организмом.

«Как если бы дом был живым существом»,— подумал Джо.

«Быть может, пришел мой конец»,— мелькнуло потом у него в голове.

Он двинулся к покинутой аптеке, не отводя от нее взгляда, а подойдя ближе, начал различать характер изменений.

В моменты, когда здание казалось более реальным, оно становилось магазином товаров для дома из времени Джо. Это был магазин самообслуживания, управлявшийся гомеостатическими аппаратами, в котором можно было купить десять тысяч разных товаров, составляющих оборудование современной квартиры. С тех пор, как Джо вырос, он часто пользовался удобными магазинами этого типа.

Зато во время своей нереальности здание превращалось в маленькую древнюю аптеку. В ее небольших витринах Джо увидел противогрыжевые бандажи, ряды стекол для очков, ступки, пузырьки с различными пилюлями, сделанную от руки надпись: ПИЯВКИ, большие бутылки со стеклянными пробками, содержащие наследство Пандоры: эффективные препараты и лекарства, не имеющие никакой ценности. Заметил он и слова «АПТЕКА АРЧЕРА», написанные на гладком деревянном карнизе. От пустого покинутого магазина не было и следа, период 1939 года был каким-то образом исключен.

«Значит, входя в аптеку,— подумал Джо,— я либо еще более углублюсь в прошлое, либо окажусь в своем времени. Похоже, что я нахожусь в еще более раннем времени, чем 1939 год».

Несколько минут он стоял перед зданием, наблюдая за последовательными фазами изменений, напоминающими прилив и отлив. Он чувствовал, что какая-то сила толкает его то вперед, то назад. Проходившие мимо люди не обращали на него внимания, никто из них не замечал того, что видел Джо: ни аптеки Арчера, ни хозяйственного магазина 1992 года. Это казалось Джо самым загадочным.

Когда здание приобрело свой старый вид, Джо сделал шаг вперед, переступил порог и оказался в аптеке Арчера.

Справа от входа тянулся длинный прилавок с мраморной плитой. На полках стояли выцветшие коробки. Весь магазин казался покрытым чернью, не только из-за тусклого света, а более из-за темных красок. Как будто хозяева хотели, чтобы магазин сливался и гармонировал с мраком, чтобы в нем всегда было темно. Тяжелая, густая атмосфера магазина навалилась на Джо, он чувствовал ее бремя, как будто ему на плечи взвалили тяжелый груз. Дрожание прекратилось; во всяком случае, он перестал замечать его, оказавшись внутри. Он не был уверен, правильный ли сделал выбор; теперь, когда все кончилось, он задумался, что могла означать альтернативная возможность.

«Быть может, возвращение в мое время,— подумал он.— Освобождение из этого дегенерированного мира, в котором происходят непрерывные регрессивные изменения времени, может, даже на-

всегда. Ну что ж, уже поздно проверять».— Он прохаживался по аптеке, разглядывая мельхиоровые и деревянные — выполненные из итальянского ореха — элементы отделки, пока не дошел до находящегося в глубине окошечка, в котором принимали рецепты.

Худощавый молодой человек в пепельном костюме со множеством пуговиц появился в окошке и молча стал напротив Джо. Долгое время они молча смотрели друг на друга. Тишину нарушало только тиканье висевших на стене часов, на циферблате которых красовались римские цифры; их маятник равномерно раскачивался, как маятники всех часов во всем мире.

— Пожалуйста, флакон «Убика»,— сказал Джо.

— Мази? — спросил продавец. Казалось, что движения его губ не синхронизированы с голосом: сначала Джо увидел, как рот его открывается, потом заметил движение губ и только после паузы услышал голос.

— Так значит, это мазь,— сказал он.— Я думал, его принимают внутрь.

Аптекарь помолчал. Казалось, их разделяет пропасть — или целая эпоха. Потом рот его вновь раскрылся, губы шевельнулись, и Джо услышал слова:

— «Убик» испытал много преображений по мере того, как изготовитель совершенствовал его. Может, вы знаете предыдущий продукт, а не самый новый.— Продавец сделал полуоборот; его движения напоминали замедленный фильм. Кому-то это, может, и нравилось, но Джо действовало на нервы.— В последнее время у нас были трудности с получением «Убика»,— сказал аптекарь, вновь появляясь в поле зрения Джо; в правой руке он держал плоскую, со свинцовой пробкой, банку.— Этот препарат вырабатывается в виде порошка, который нужно смешать со смолой. Смола продается отдельно, и я предложу ее вам за весьма небольшую плату. Зато порошок «Убик» дорог: сорок долларов.

— Из чего он состоит? — спросил Джо.

— Это тайна изготовителя.

Джо взял в руки запломбированную банку и поднес ее к свету.

— Могу я прочесть надпись на этикетке?

— Конечно.

В слабом свете, попадающем с улицы, ему удалось прочесть текст, напечатанный на этикетке. Это было продолжение надписи, которую он прочел на повестке дорожной полиции,— и начиналось оно точно на том месте, где кончались слова, написанные рукой Ранситера.

«...абсолютной ложью. Она вовсе не пыталась, повторяю, не пыталась использовать свои способности сразу после взрыва бомбы. Не пыталась она и вернуть к жизни Венди Райт, Ала Хэммонда и Эди Дорн. Она обманывает тебя, Джо, и факт этот заставляет ме-

ня пересмотреть всю ситуацию. Я дам тебе знать, как только приду к какому-нибудь выводу. А пока будь очень осторожен. И еще одно: порошок «Убик» обладает универсальными лечебными свойствами, если точно следовать инструкции по его применению».

— Можно заплатить чеком? — спросил Джо аптекаря.— У меня нет с собой сорока долларов, а «Убик» мне очень нужен. Это буквально вопрос жизни и смерти.— Он полез в карман за чековой книжкой.

— Вы живете не в Де-Мойне, правда? — спросил продавец.— Я понял это по вашему акценту. Нет, я должен вас знать, чтобы принять чек на такую большую сумму. За последние несколько недель мы получили много чеков без обеспечения. И все от жителей других городов.

— Тогда, может быть, хватит кредитной карты?

— А что такое кредитная карта? — спросил аптекарь.

Джо положил банку с «Убиком», молча повернулся и вышел из аптеки на улицу. Перейдя на другую сторону улицы, он двинулся к отелю. Потом остановился и еще раз взглянул на аптеку.

Теперь это было просто старое желтое здание. Окна верхних этажей были закрыты шторами, на первом же, полностью покинутом — забиты досками. Заглядывая сквозь щели между ними, Джо увидел открывающуюся за разбитым стеклом черную пропасть помещения, совершенно лишенного жизни.

«Значит, вот так обстоят дела,— подумал он.— Я потерял шанс достать банку порошка «Убик». Даже если бы нашел лежащие на земле сорок долларов. Но все же до меня дошло продолжение предостережения Ранситера. Впрочем, неизвестно, чего оно стоит. Это может быть и неправдой. Не исключено, что это только ошибочная, деформированная мысль, родившаяся в умирающем мозгу. Или даже творение разума, уже переставшего жить — вроде того рекламного ролика. Боже! — мрачно подумал он.— А если это правда?»

Некоторые прохожие начали оглядывать небо. Заметив это, Джо тоже посмотрел на него и, заслонив глаза от солнца, увидел небольшую точку, оставлявшую за собой белую полосу дыма: какой-то высоко летящий самолет писал по небу. На глазах Джо и других пешеходов, раздуваемые ветром полосы сложились в слова:

ВЫШЕ ГОЛОВУ, ДЖО!

«Легко сказать,— подумал он.— Или даже написать подходящие слова».

Согнувшись под тяжестью болезненного огорчения и первых, еще слабых признаков возвращающегося страха, Джо направился к отелю «Мармонт».

В высоком холле с красным ковром он встретил Дона Денни.

— Мы нашли ее. Слишком поздно,— сказал Дон.— По крайней мере — для нее. Это было не самое приятное зрелище. А теперь исчез Фред Зефски. Я думал, что он во второй машине, а они считали, что он поехал с нами. Он же не сел ни в одну машину и должен быть сейчас в предпохоронном доме.

— Все идет теперь гораздо быстрее,— сказал Джо, задумавшись, сможет ли загадочный «Убик» как-то повлиять на ситуацию.— Пожалуй, мы никогда этого не узнаем.

— Можно ли тут чего-нибудь выпить? — спросил он Дона Денни.— Как с деньгами? Они могут ничего не стоить.

— За все платит предпохоронный дом. Такое распоряжение они получили от Ранситера.

— Вместе со счетом за отель? — Это показалось ему странным. Каким образом все это было организовано? — Я хочу показать тебе повестку,— продолжал Джо.— Пока мы одни.— Он подал ему листок бумаги.— Есть у меня и продолжение этой записки. Именно за ним я и ходил.

Денни прочел записку раз, потом еще раз. Наконец медленно вернул ее Джо.

— По мнению Ранситера, Пат обманывает нас.

— Да,— сказал Джо.

— Ты понимаешь, что это значит? — резко повысил голос Дон.— Из этого следует, что она могла прекратить все это. Все, что с нами произошло, начиная со смерти Ранситера.

— Может, это означает еще больше,— заметил Джо.

— Ты прав,— признал Дон, глядя ему в глаза.— Да, ты совершенно прав.— Сначала он ничего не понимал, потом до него дошел смысл слов Джо, и на лице появилось выражение понимания, смешанное с отчаянием и болью.

— Не очень-то мне хочется задумываться над этим,— сказал Джо.— Все это мне не нравится. Дело выглядит хуже, гораздо хуже, чем представлял себе, например, Ал Хэммонд. Хотя, по его мнению, ситуация была достаточно плоха.

— Но, быть может, дело выглядит именно так,— сказал Денни

— Все время, пока это происходило,— сказал Джо,— я пытался понять причину. Если бы я ее знал...

«Но Алу это ни разу не пришло в голову,— подумал он.— Оба мы сознательно обошли в своих рассуждениях эту возможность. И не без причины».

— Не говори ничего остальным,— сказал Дон.— Может, ситуация выглядит иначе. И даже если правда именно такова, сознание этого ничем им не поможет.

— Сознание чего? — раздался за ними голос Пат Конлей.—Что им не поможет? — Она обошла их и встала перед ними, ее быстрые

черные глаза были совершенно спокойны. Спокойны и серьезны.— Это ужасно... то, что случилось с Эди Дорн. И с Фредом Зефски. Я думаю, и он уже мертв. Немного уже нас осталось, верно? Интересно, кто будет следующим? — Она идеально владела собой.— Типпи легла в своей комнате. Она не говорила, что устала, но, думаю, это нужно понимать так. Вы согласны со мной?

— Да, ты права,— сказал Дон Денни.

— Что там с твоей повесткой, Джо? — спросила Пат, протягивая руку.— Ты можешь мне ее показать?

Джо подал ей листок.

«Вот и пришел этот момент,— подумал он.— Все происходит сейчас, все сжалось до настоящей минуты. До одной секунды».

— Откуда полицейский знал мою фамилию? — спросила Пат, взглянув на бланк.— Почему здесь говорится обо мне?

«Она не узнала почерка,— подумал Джо.— Это потому, что не знает его так хорошо, как мы».

— Это Ранситер,— сказал он.— Это ты все сделала, правда, Пат? Ты и твой талант. Мы находимся тут из-за тебя.

— И ты нас постепенно убиваешь,— обратился к ней Дон Денни.— Одного за другим. Но почему? — Теперь он говорил с Джо.— Какая у нее могла быть причина? Ведь, в сущности, она нас даже не знает.

— Не с этим ли намерением ты пришла в Корпорацию Ранситера? — спросил Джо, безуспешно стараясь сохранить спокойный тон, однако голос его дрожал, и он чувствовал презрение к себе.— Тебя нашел и привел Дж. Дж. Эшвуд. Он работал на Холлиса, правда? В сущности, несчастным случаем, постигшим нас, был не взрыв бомбы, а встреча с тобой.

Пат улыбнулась.

И холл отеля взорвался перед глазами Джо.

Подними плечи и стань красивее. Новый, чрезвычайно удобный бюстгалтер «УБИК» и специальный удлиненный бюстгалтер «УБИК» означают, что ты можешь поднять плечи и стать красивее. После подгонки согласно инструкции обеспечивает круглосуточную поддержку бюста.

XIII

Темнота клубилась вокруг, прилегая к его телу, как намокшая теплая шерсть. Страх, который он ощущал только как угрозу, в соединении с темнотой стал чем-то конкретным.

«Я был неосторожен,— понял он.— Я не послушал Ранситера и показал ей повестку».

— В чем дело, Джо? — в голосе Дона Денни звучало беспокойство.— Что с тобой?

— Ничего,— он уже начинал видеть окружающее. В темноте появились горизонтальные, более светлые, серые полосы, как будто тьма развеивалась.— Я просто устал,— сказал он и понял, насколько полно усталость завладела его телом. Никогда прежде он не испытывал ничего подобного.

— Я помогу тебе дойти до стула,— сказал Дон Денни. Джо почувствовал на плече его руку, понял, что Дон ведет его, и эта необходимость направлять его шаги вызвала в нем внезапный страх. Он освободился от руки Дона.

— Ничего со мной не случилось,— повторил он, пытаясь сосредоточиться на материализующейся фигуре Денни. Через минуту он разглядел холл отеля периода начала века, узорчатый хрустальный канделябр и сложную систему желтых ламп.— Позволь мне сесть,— сказал он, находя наощупь стул с плетеным сидением.

— Что ты сделала с ним? — резко спросил Дон Денни у Пат.

— Ничего она мне не сделала,— отозвался Джо, стараясь, чтобы голос его звучал решительно. Однако голос сорвался и зазвучал неестественно.

«Как будто он был записан, а потом воспроизведен с большой скоростью»,— подумал он.

— Это правда,— сказала Пат.— Я ничего не сделала ни ему, ни кому другому.

— Я хотел бы пойти наверх и лечь,— сказал Джо.

— Я сниму для тебя комнату,— быстро проговорил Дон Денни. Он кружил вокруг Джо, то появляясь, то исчезая в слабеющем свете висящих в холле ламп.— Посиди здесь, Джо. Я сейчас вернусь.

Денни направился к регистратуре, а Пат осталась на месте.

— Могу я что-нибудь сделать для тебя? — учтиво спросила она.

— Нет,— ответил он, произнося это слово с огромным трудом. Казалось, оно было заперто в находящейся на месте сердца пещере — пустоте, которая увеличивалась с каждой секундой.— Может быть, сигарету,— добавил он. Эта фраза исчерпала все его силы, он чувствовал, как яростно колотится его сердце.— У тебя есть сигарета? — с трудом спросил он, поднимая взгляд и смотря на нее в пульсирующем свете красных огней.

— Нет,— ответила Пат.— Мне очень жаль.

— Что... со мной? — спросил Джо.

— Может, это сердечный приступ? — предположила Пат.

— Есть тут у них в отеле врач?

— Сомневаюсь.

— А ты не могла бы узнать? Поискать его?

— Я думаю, что причина этого психосоматическая. В сущности, ты не болен, и это должно пройти.

— Ну вот, комната есть,— сказал, возвращаясь, Дон Денни.— На втором этаже, номер двести три.— Он замолчал, и Джо почувствовал, что Дон внимательно смотрит на него.— Джо, ты выглядишь ужасно и кажешься совсем слабым. Боже мой, знаешь, что это мне напоминает? Так выглядела Эди Дорн, когда мы ее нашли.

— Ничего подобного,— вмешалась Пат.— Эди умерла, а Джо жив. Правда, Джо?

— Я хотел бы пойти наверх и лечь,— сказал Джо. Каким-то образом ему удалось встать. Сердце стучало с перерывами: на мгновение оно затихало, потом вновь начинало работать, гремя, как стальной слиток, падающий на цементную плиту. Каждый удар сотрясал все его тело.— Где лифт? — спросил он.

— Я покажу тебе,— сказал Дон. Руки его снова опустились на плечо Джо.— Да ты слаб, как ребенок. Что с тобой творится, Джо? Ты можешь мне ответить?

— Он этого не знает,— заметила Пат.

— Думаю, нужно привести врача,— заявил Дон.— И немедленно.

— Нет,— сказал Джо, и подумал, что ему станет лучше, если он ляжет. Он чувствовал, что его тянет какая-то сила, равная силе приливов и отливов, двигающей океаны; она приказывала ему лечь. Под ее влиянием он чувствовал одну потребность: вытянуться на спину, оказаться одному в номере отеля. Там, где его никто не увидит.

«Я должен выбраться отсюда,— думал он.— Должен быть один».

Но почему? — ответа на этот вопрос он не знал. Просто его охватила иррациональная, инстинктивная жажда одиночества, которую он не мог ни понять, ни объяснить.

— Я пойду за врачом,— сказал Денни.— Пат, останься с ним и не спускай с него глаз. Я постараюсь вернуться поскорее.

Он направился к выходу; Джо, как в тумане, видел его удаляющуюся фигуру. Наконец Денни исчез, и осталась только Пат Конлей, но он не чувствовал себя менее одиноким. Несмотря на ее присутствие, у него было чувство полной изоляции.

— Итак, Джо,— сказала она,— что тебе нужно? Скажи, что я могу для тебя сделать?

— Лифт...— выдавил он.

— Ты хочешь, чтобы я отвела тебя к лифту? Охотно.— Она пошла вперед, а он, по мере своих возможностей, старался идти за ней. Ему казалось, что Пат движется необыкновенно быстро. Она не оглядывалась и не ждала его, и ему только с огромным трудом удавалось не терять ее из виду.

«Неужели она действительно движется так быстро?— задал он себе вопрос.— А может, мне это только кажется? Причины, наверное, нужно искать во мне, в моей необыкновенной медлительности».

Он ощущал себя только как предмет, подвергнутый силе земного тяготения. Это была его единственная черта, единственный атрибут. И единственное чувство.

— Не так быстро,— сказал он. Идя пружинистым шагом, Пат оказалась вне пределов его взгляда. Запыхавшись, он остановился не в силах двигаться дальше. Все лицо было мокрым, соленый пот заливал глаза.— Подожди,— сказал он.

Пат вновь появилась около него. Он узнал ее лицо, когда она наклонилась над ним, и отметил идеально спокойное выражение. А также то, что она занималась им без тени личной заинтересованности, с равнодушием ученого.

— Хочешь, чтобы я вытерла тебе лицо? — спросила она и вынула небольшой кружевной платочек. Улыбка ее была такая же, как и раньше.

— Доведи меня только до лифта,— он заставил свое тело двигаться вперед. Один шаг, потом другой. Он уже видел вход в лифт, очередь ждущих его людей, а также старомодный указатель в виде циферблата над раздвижными дверями. Старомодная стрелка дрожала между цифрами 3 и 4; задержалась на мгновение на тройке, снова задрожала между цифрами 2 и 3.

— Будет здесь через секунду,— сказала Пат, вытащила из сумочки зажигалку, сигареты и закурила, выпуская дым через нос.— Это очень старый лифт,— добавила она.— Мне кажется, что это одна из древних открытых железных клеток. Ты не боишься им пользоваться?

Стрелка миновала цифру 2, поколебалась перед единицей и решительно упала. Двери раскрылись.

Джо увидел решетчатую ажурную клетку и одетого в ливрею лифтера, который сидел на табуретке, держа руку на контрольной кнопке.

— Мы едем вверх,— сказал он.— Прошу войти в кабину.

— Я не сяду в нее,— заявил Джо.

— Почему? — спросила Пат.— Думаешь, оборвется канат? Ты этого боишься? Я же вижу, что ты испугался.

— То же самое видел Ал,— сказал Джо.

— Ну что ж,— сказала Пат,— единственный другой способ попасть в твою комнату наверху — это подняться по лестнице, но в таком состоянии тебе это не по силам.

— Я поднимусь.— Он шагнул вперед, отыскивая лестницу.

— Вот она,— сказала Пат, указывая ему дорогу.— Прямо перед тобой. Просто возьмись за перила и иди наверх, в постель. Ясно? — Пританцовывая, она начала подниматься по лестнице, легко преодолевая ступень за ступенью.— У тебя хватит сил?

— Я не хочу... чтобы ты... шла за мной,— сказал Джо.

— Ну и ну! — Она насмешливо причмокнула, изображая беспокойство, ее черные глаза заблестели.— Боишься, что я воспользуюсь твоим состоянием и причиню тебе какой-то вред?

— Нет,— покачал он головой.— Просто... я хочу... быть один.— Крепко держась за перила, он вскарабкался на первую ступеньку и, остановившись на ней, взглянул вверх, пытаясь разглядеть конец лестницы. Он пытался высчитать, сколько еще ступеней осталось преодолеть.

— Мистер Денни просил, чтобы я осталась при тебе. Я могу тебе читать, приносить разные вещи, заботиться о тебе.

Он поднялся на следующую ступеньку и прохрипел:

— Сам...

— Можно мне посмотреть, как ты поднимаешься? Интересно, сколько это займет времени? Конечно, если ты вообще сможешь подняться.

— Я дойду.— Он поставил ногу на очередную ступеньку, ухватился за перила и подтянулся. Отечное сердце подскакивало до горла, душило его. Он закрыл глаза и, хрипя, с трудом вдохнул воздух.

— Интересно,— сказала Пат,— так ли вела себя Венди? Она была первой, правда?

— Я любил ... ее,— выдавил Джо.

— О, я знаю. Мне говорил Дж. Дж. Эшвуд — он прочел это в твоих мыслях. Я очень подружилась с ним, мы проводили вместе много времени. Можно даже сказать, что у нас был роман. Да, это можно так назвать.

— Наша теория,— сказал Джо,— была...— он вздохнул глуб-

же,— верна.— Он преодолел еще одну ступеньку, потом, с огромным трудом, следующую.— Что ты и Дж. Дж.... договорились с Роем Холлисом. Чтобы заманить...

— Верно,— признала Пат.

— ...наших лучших инерциалов... и Ранситера. Прикончить нас всех.— Он поднялся еще на одну ступень.— Мы не находимся в состоянии полужизни. Мы не...

— О, вы можете умереть,— сказала Пат.— Вы еще цепляетесь за жизнь, например, ты, но вымираете один за другим. Но зачем об этом говорить? Зачем к этому возвращаться? Недавно ты уже сказал все это, и, честно говоря, мне скучно слушать это снова. В сущности, ты нудный педант, Джо. Почти такой же нудный, как Венди Райт. Вы составили бы отличную пару.

— Поэтому Венди умерла первой,— сказал он.— Не потому, что находилась вдали... от группы, а потому, что...— Он сжался, чувствуя в сердце резкую боль. Попытался нащупать следующую ступеньку, не нашел и споткнулся. Потом вдруг понял, что сидит, сжавшись, как... как Венди Райт в том шкафу, точно так же. Вытянув руку, он ухватился за рукав своего пиджака и дернул его.

Ткань разорвалась. Высохший, истлевший материал лопался, как дешевая серая бумага, как оболочка, которой осы покрывают свои гнезда. Дело было ясным. Скоро он начнет оставлять за собой следы — обрывки ткани. Дорога, ведущая в номер отеля, где его ждало одиночество, куда он стремился всеми своими силами, приведет к смерти, разложению и пустоте.

Он поднялся еще на одну ступеньку.

«Я дойду туда. Сила, которая меня толкает, пожирает мое тело; именно поэтому Венди, Ал, Эди, а теперь и Зефски, испытали в момент смерти такое физическое разложение, поэтому от них остались лишь невесомые оболочки, не содержащие ничего. Сила эта борется с многократно возросшей силой тяжести, пожирая взамен слабнущее тело, и все же в теле этом достаточно сил, чтобы я сумел подняться наверх; тут действует биологический процесс, и сейчас даже Пат, которая его начала, не в силах остановить его».

Он задумался, что она чувствует, наблюдая этот подъем. Восхищается им? А может, презирает его? Он поднял голову, чтобы поискать ее взглядом, и увидел — на лице ее были только интерес и лишенное враждебности нейтральное равнодушие. Это его не удивило. Пат не сделала ничего, чтобы ему помешать, и ничего, чтобы ему помочь. Непонятно, почему, но это показалось ему правильным.

— Тебе лучше? — спросила Пат.

— Нет,— ответил он. Подтянувшись до половины, он броском одолел следующую ступеньку.

— Ты выглядишь иначе: уже не похож на сломленного.

— Потому что знаю наверняка, что смогу дойти до верха,— сказал Джо.

— Это уже близко,— сказала она.

— Далеко,— поправил ее Джо.

— Ты невероятный экземпляр. Мелочный, поверхностный человек. Даже переживая агонию... точнее, то, что ты субъективно считаешь агонией,— поправилась она.— Я не должна была так говорить, это может отрицательно повлиять на тебя. Старайся сохранить оптимизм, хорошо?

— Скажи мне,— попросил Джо,— сколько еще ступенек... до конца.

— Шесть.— Она отошла от него, бесшумно двигаясь вверх.— Нет, прости: десять. Может, девять? Пожалуй, девять.

Он снова преодолел ступеньку. Потом следующую. И еще одну. Он молчал и не пытался даже смотреть перед собой. Как улитка, он полз с одной ступеньки на другую, чувствуя, что в нем развивается что-то вроде умения, благодаря которому он мог управлять своим телом, разумно используя остатки сил.

— Ты почти на месте,— сказала сверху Пат.— Что ты можешь сказать, Джо, о своем великолепном подъеме? Самом знаменитом подъеме в истории человечества? Хотя нет, это неправда. То же самое совершили до тебя Венди, Ал, Эди и Фред Зефски. Но только тебя я вижу собственными глазами.

— Почему именно меня? — спросил Джо.

— Я хочу видеть тебя, Джо, из-за той твоей примитивной интриги в Цюрихе. Когда ты устроил все так, чтобы Венди Райт провела с тобой ночь в отеле. Вот только сегодня все обстоит иначе. Ты будешь один.

— В ту... ночь... я тоже... был один.— Еще одна ступенька. Он конвульсивно закашлялся. С мокрого лица капал пот, и вместе с ним его покидали остатки энергии.

— Венди была там; не в твоей постели, но все же в номере. Ты проспал ее визит.— Пат рассмеялась.

— Я стараюсь... удержаться от кашля,— сказал Джо. Он преодолел еще две ступени и теперь чувствовал, что дошел уже почти до конца.

«Сколько времени я провел на этой лестнице?» — задумался он, и не смог ответить. Внезапно до него дошло, что кроме усталости он чувствует сильный холод. «Когда это началось?» — подумал он. Наверное не только что: холод постепенно проникал в его тело, но он почувствовал это только сейчас.— Боже! — сказал он себе, трясясь, как в лихорадке. Ему казалось, что дрожат даже его кости. Холод был даже хуже, чем на Луне, хуже, чем тогда, в его номере в Цюрихе. Тот холод был лишь провозвестником того, который воцарился сейчас. «Метаболизм,— подумал он,— заключается в про-

цессе горения, как в печи. Когда прекращается горение, жизнь кончается. Безусловно, все ошибаются относительно ада,— продолжал он рассуждать.— Ад должен быть холодным, все в нем мерзнет. Тело — это вес и тепло; теперь вес стал силой, которая меня убивает, а тепло, мое собственное тепло, покидает меня. И никогда не вернется, разве что я буду рожден вторично. Такова судьба всего мира. И значит, я, по крайней мере, не буду одинок.— И все же он чувствовал себя одиноким.— Чувство это охватывает меня слишком рано,— подумал он.— Нужный момент еще не наступил, что-то ускорило течение событий. Из интереса или упрямства это сделала какая-то внешняя сила. Какое-то инфантильное, недоразвитое существо, которое развлекают мои переживания. Оно раздавило меня, как ползающее насекомое, как обычного жука, который никогда не отрывается от земли и не может ни улететь, ни убежать. Он может только шаг за шагом двигаться к хаосу и разложению, к миру могил, среди которых живет, окруженное собственными нечистотами, это извращенное существо. То, которое мы называем Пат».

— У тебя есть ключ от номера? — спросила Пат.— Подумай только, что бы ты чувствовал, поднявшись на второй этаж и обнаружив, что забыл ключ и не можешь попасть в номер?

— Есть.— Он начал осматривать карманы.

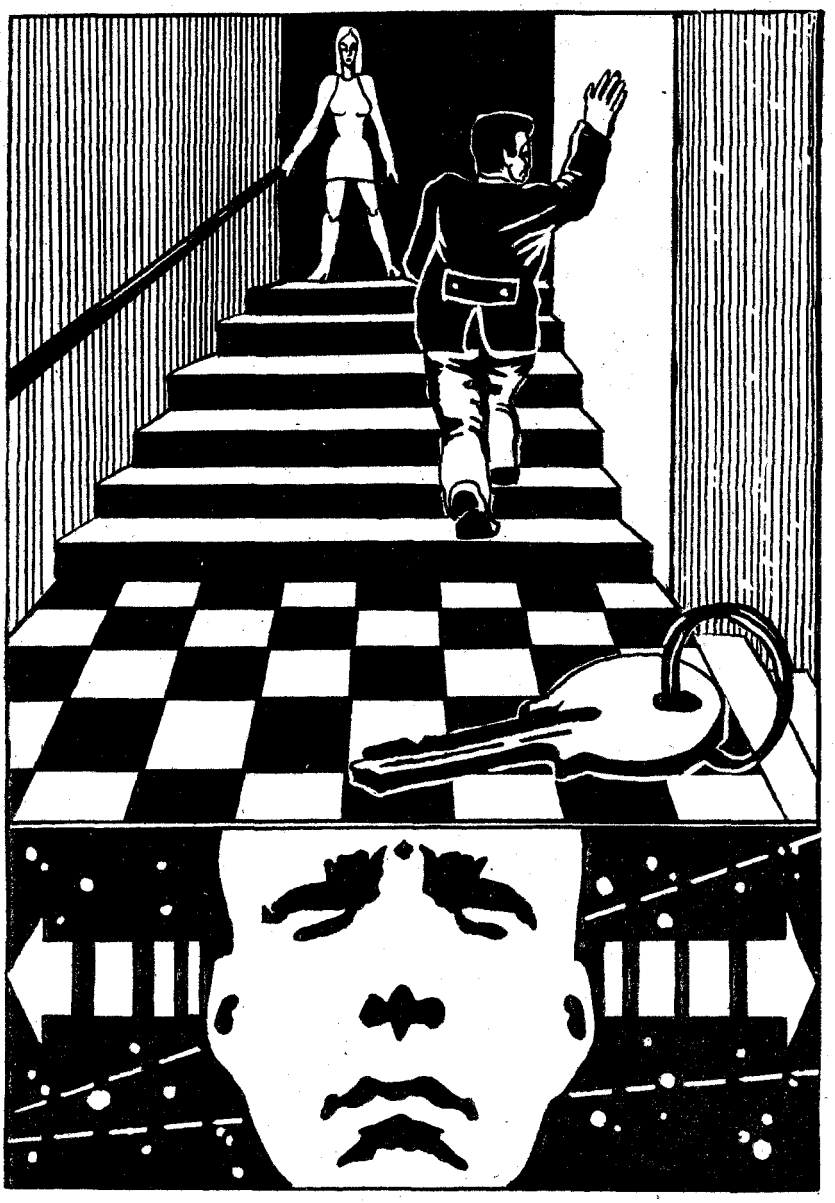
Дырявый, рваный пиджак полностью развалился и соскользнул с его плеч. Когда он падал на пол, из верхнего кармана вывалился ключ и приземлился на две ступеньки ниже, так что Джо не мог до него дотянуться.

— Я подниму его,— тут же сказала Пат. Скользнув мимо него, она взяла с пола ключ, поднесла к свету, осмотрела и положила на перила вверху лестницы.— Лежит здесь; ты сможешь его взять, когда закончишь подъем. Это будет твоя награда. По-моему, ты сможешь его взять. Кажется, номер находится слева, четвертая дверь. Ты будешь двигаться медленно, но это будет гораздо легче, чем подниматься по лестнице.

— Я уже вижу... ключ... и вершину,— сказал Джо.— Вижу конец лестницы.— Схватившись за перила обеими руками, он подтянулся вверх, отчаянным рывком преодолевая три ступени сразу. Это забрало последние силы: груз, давящий на плечи, стал еще тяжелее, холод — еще пронзительнее, а нить, соединяющая его с жизнью, еще тоньше. Но...

Он уже поднялся наверх.

— До свидания, Джо,— сказала Пат, наклонившись, чтобы он мог видеть ее лицо.— Полагаю, ты не хочешь, чтобы к тебе ворвался Дон Денни? Врач и так ничем тебе не поможет. Поэтому я скажу ему, что велела прислуге вызвать такси, и что ты уже едешь в боль-

ницу, на другой конец города. Так что можешь быть один. Ты согласен на это?

— Да,— ответил он.

— Держи свой ключ.— Она сунула Джо в руку холодный металлический предмет и сжала его пальцы.— Выше голову, как говорят сейчас, в тридцать девятом году. И не дай себя обмануть — так тоже говорят.— Она выпрямилась и отодвинулась от него. Постояла несколько мгновений, внимательно глядя на него, потом быстро пошла по коридору к лифту. Джо следил, как она нажимает кнопку и ждет. Наконец двери раздвинулись, и Пат исчезла за ними.

Сжимая в руке ключ, он с трудом поднялся и прислонился к стене коридора, потом повернул влево и шаг за шагом двинулся вперед, держась на ногах только благодаря стене.

«Темнота,— подумал он.— Свет не горит».

Он зажмурился и снова открыл глаза. Его по-прежнему ослеплял едкий пот, стекающий по лицу; он не был уверен, действительно ли коридор погружен в темноту или это глаза отказываются служить ему.

Когда он добрался до первых дверей, то уже полз на четвереньках. Задрав голову, чтобы посмотреть вверх, он прочел номер комнаты.

«Нет, еще не та»,— подумал он и пополз дальше.

Когда он нашел нужную дверь, ему пришлось встать, чтобы вставить ключ в замок. Усилие это поглотило остаток энергии. Сжимая в руке ключ, он упал, ударившись головой о дверь, и покатился по пыльному полу. Он лежал, вдыхая запах старости, разложения и ледяной смерти.

«Я не смогу войти в комнату,— понял он.— У меня нет сил подняться второй раз».

И все же он должен был это сделать. Здесь его мог кто-нибудь увидеть.

Стискивая ручку двери обеими руками, он еще раз поднялся. Навалившись всей тяжестью на дверь, дрожащей рукой протянул ключ к замку, зная, что как только повернет его, дверь откроется, и он упадет внутрь.

«А потом, если только мне удастся закрыть дверь и добраться до постели — все будет позади».

Замок заскрежетал, металлический засов скользнул в сторону. Дверь открылась, и Джо рухнул головой вперед, вытянув перед собой руки. Пол поднялся к нему, он увидел орнамент, украшающий ковер: красные с золотом зигзаги, фигуры и группы людей. Однако ковер был потерт и поблек от многолетнего использования.

«Какая старая комната,— подумал Джо в момент падения, почти не чувствуя боли.— Строя этот дом, они наверняка поставили

в нем лифт в виде открытой железной клетки. Значит, я видел настоящий лифт,— понял он,— подлинную, оригинальную кабину».

Он полежал там некоторое время, потом шевельнулся, как будто разбуженный каким-то голосом. Поднявшись на колени, он увидел свои вытянутые вперед руки...

«Боже! — подумал он.— Мои руки! Желтые и пятнистые, они похожи на пергамент. Моя кожа не похожа на человеческую. Как будто я вернулся в развитии на миллионы лет, превратившись в существо, которое взлетает вверх, а потом бросается вниз, пользуясь своей кожей, как парусом».

Открыв глаза, он осмотрелся, ища постель. В дальней стене было широкое окно, в которое сквозь паутину штор сочился серый свет. У стены стоял уродливый туалетный столик на тонких ножках, постель — рядом. По обеим ее сторонам высились спинки, украшенные по верху никелированными шарами. Они были смяты и неровны, как будто кроватью пользовались много лет. Прутья изогнулись, а полированные доски рассохлись.

«И все же я хотел бы лечь на нее»,— подумал он.

Вытянув перед собой руки, он вполз в комнату и тогда увидел человека, сидящего в кресле лицом к нему. Зрителя, который до этого момента не издал ни звука, однако теперь встал с места и подошел к нему. Глен Ранситер.

— Я не мог помочь тебе подняться по лестнице,— сказал Ранситер. Его широкое лицо было серьезно.— Не хотел, чтобы она меня видела. Честно говоря, я боялся, что она войдет за тобой в комнату; это создало бы осложнения...— Он замолчал, наклонился и поднял Джо на ноги так легко, словно тот ничего не весил.— Поговорим об этом позднее. А сейчас...— держа Джо под мышками, он перенес его через комнату и уложил не на кровать, а в кресло, в котором до этого сидел сам.— Ты выдержишь еще несколько секунд? Я хочу закрыть и запереть дверь на случай, если она передумает.

— Да,— ответил Джо.

Ранситер, сделав три больших шага, оказался у двери, захлопнул ее и немедленно вернулся к Джо. Из ящика туалетного столика он торопливо вынул аэрозольный баллон, корпус которого был украшен цветными полосами, кружками и буквами.

— «Убик»,— сказал Ранситер. Он сильно потряс баллон, потом, стоя перед Джо, направил выходное отверстие в его сторону.— Не благодари меня за это,— сказал он, распыляя «Убик» направо и налево. Воздух дрожал и сверкал, как будто в нем оказались свободные частицы света.— Тебе лучше? Это должно подействовать на тебе немедленно, уже сейчас ты должен чувствовать его влияние.— Он с беспокойством посмотрел на Джо.

Если хочешь, чтобы продукты сохранили вкус, тебе нужно нечто большее, чем обычная сумка: пластиковая упаковка «УБИК» поддерживает свежесть внутри, задерживает воздух и влагу. Предлагаем взглянуть на этот пробный экземпляр.

XIV

— У тебя есть сигарета? — спросил Джо. Голос его дрожал, но не от усталости или холода. Он уже не чувствовал ни того, ни другого.

«Я взволнован,— подумал он,— но уже не умираю. «Убик» прервал этот процесс. Так, как предсказывал Ранситер в своем рекламном ролике,— вспомнил он.— «Если тебе удастся его раздобыть, тебе ничто не грозит» — так обещал Ранситер. Но,— мрачно подумал Джо,— это заняло много времени. Мне удалось добраться до него в последнюю минуту».

— Без фильтра,— сказал Ранситер.— В этой эпохе не делают сигарет с фильтром.— Он протянул Джо пачку «Кэмел».

— Свежая сигарета,— заметил Джо.

— Да, черт побери, ведь я только что купил ее в киоске внизу. Мы вошли в это уже достаточно далеко и давно миновали этап прокисшего молока и высохших сигарет.— Он мрачно улыбнулся; его задумчивые, серьезные глаза вообще не отражали света.— Вошли в это, а не вышли из этого. В этом вся разница.— Он закурил и, усевшись поудобнее, вдыхал дым. На лице его была тревога. «И усталость»,— подумал Джо. Но это была усталость другого рода, нежели та, что владела им раньше.

— Ты можешь помочь остальным членам группы? — спросил Джо Ранситера.

— У меня только один баллон «Убика»,— ответил тот,—и большую его часть я израсходовал, спасая тебя.— Он резко махал руками, и пальцы его нервно сжимались от сдерживаемой ярости.—Мое влияние на эту действительность ограничено. Я сделал все, что мог.— Резко дернув головой, он посмотрел на Джо.— Я старался до вас добраться — до каждого из вас. Использовал любые возможности, любые способы. Сделал все, что в моих силах, то есть дьявольски мало. Почти ничего.— Он мрачно замолчал.

— Эти надписи на стене ванной...— сказал Джо.— Ты утверждал, что мы умерли, а ты жив.

— А я и жив,— сказал Ранситер.

— А мы, остальные, умерли?

— Да,— ответил Ранситер после долгой паузы.

— Но в том рекламном ролике...

— Мне нужно было заставить тебя бороться. Искать «Убик». Под влиянием ролика ты начал разыскивать его и делал это все время. Я пытался подсунуть его тебе, но ты сам знаешь, что происходило: она непрерывно переносила нас в прошлое, а на него действовала регрессивно, так что он становился никуда не годным. Мне только удавалось вместе с «Убиком» передавать тебе те короткие записки.— Энергичным решительным жестом он вытянул в сторону Джо большой палец, как бы желая подчеркнуть весомость своих слов.— Пойми, с чем я должен был бороться. С той самой силой, которая завладела вами, убивая вас одного за другим. Честно говоря, я удивлен, что мне удалось сделать так много.

— Когда ты понял, что происходит? — спросил Джо.— Или знал об этом с самого начала?

— С начала! — язвительно повторил Ранситер.— Что это значит? Все это длилось месяцами, может, даже годами. Один бог знает, как давно Холлис, Майк, Пат Конлей, С. Дойл Мелипон и Дж. Дж. Эшвуд замыслили все это, составляя свои планы. Вот что произошло: нас заманили на Луну. Мы согласились взять с собой Пат Конлей, незнакомую женщину, способностей которой не понимали (быть может, даже Холлис не знает, в чем они заключаются). Во всяком случае, они связаны с умением воскрешать прошлое — однако это не умение двигаться во времени... например, она не может уйти в будущее. В некотором смысле она не может и возвращаться в прошлое, ее функции, насколько я понял, заключаются в вызывании обратного процесса, который вскрывает минувшие этапы формирования действительности. Но это ты знаешь, вы с Алом сами до этого дошли.— Он яростно скрипнул зубами.— Ал Хэммонд... какая потеря! Но я не мог ничего сделать: тогда мне не удалось добраться до вас, как я сделал это сейчас.

— Почему же ты смог сделать это сейчас? — спросил Джо.

— Потому что она больше не может перемещать нас далее в прошлое. Теперь время идет нормально: мы снова движемся из прошлого к настоящему и дальше — в будущее. Она явно исчерпала свои возможности до конца. Тридцать девятый год — это граница. Теперь талант ее перестал действовать, и это понятно: она уже выполнила задание, с каким ее прислал к нам Рой Холлис.

— Сколько людей оказалось под ее влиянием?

— Только мы, то есть все те, что пребывали в том помещении, укрытом под поверхностью Луны. Уже Зоя Вирт не была им захва-

чена. Пат может регулировать границы создаваемого ею поля. Все остальные жители земного шара убеждены, что мы отправились на Луну и взлетели на воздух в результате случайного взрыва. Заботливый Стэнтон Майк поместил вас в холодильник, но установить с вами контакт не удалось — слишком поздно начали.

— Почему им не хватило самого взрыва? — спросил Джо.

Ранситер взглянул на него, подняв бровь.

— Зачем они вообще использовали Пат Конлей? — продолжал Джо. Даже в своем теперешнем состоянии он чувствовал тут неувязку.— Рассуждая логично, не было никакой необходимости в регрессивно действующих механизмах и в погружении нас до 1939 года. Это не ведет ни к какой цели.

— Интересное замечание,— сказал Ранситер, медленно кивая головой.— Нужно это обдумать. Дай мне минуту на размышление.— Он подошел к окну и стоял перед ним, глядя на магазины на другой стороне улицы.

— Мне кажется,— продолжал Джо,— что мы имеем дело не с какой-то силой, стремящейся к определенной цели, а с каким-то злобным существом... Этот кто-то не пытается нас убить или вывести из строя, нет, это какое-то невообразимое существо, которое забавляет то, что оно с нами делает. Это убивание нас по очереди... Оно вовсе не похоже на Холлиса. Он убивает хладнокровно, расчетливо. А из того, что я знаю о Стэнтоне Майке...

— Может, это дело самой Пат,— резко прервал его Ранситер, поворачиваясь от окна.— С точки зрения психологии — она садист. Именно такие люди обрывают мухам крылья. Она же играет с нами.— Он смотрел на Джо, ожидая его реакции.

— Мне это скорее напоминает действия ребенка,— сказал Джо.

— Ты только взгляни на Пат: она злопамятна и ревнива. Сначала прикончила Венди, к которой чувствовала особую неприязнь. Десять минут назад шла рядом с тобой по лестнице, наслаждаясь твоим беспомощным состоянием.

— Откуда ты знаешь? — спросил Джо.— Ведь ты ждал в этой комнате и не мог этого видеть.

«И еще одно,— подумал он,— каким чудом Ранситер знал, что я приду именно в эту комнату?»

Ранситер коротко фыркнул.

— Я не сказал тебе всего. В сущности...— Он замолчал, закусил нижнюю губу, потом быстро продолжал: — То, что я сказал, не было правдой sensu stricto*. Мои связи с этим регрессивным миром несколько отличаются от тех, которые связывают с ним тебя и всех остальных. Ты совершенно прав: я слишком много знаю. Это оттого, что я в этом мире — пришелец снаружи.

---

[1] Sensu stricto — в прямом смысле.

— Как дух...— буркнул Джо.

— Да. Я появляюсь тут и там. В ключевых моментах и в важнейших местах. Так было с повесткой дорожной полиции. Или с аптекой Арчера...

— Ты вовсе не записывал рекламный ролик,— сказал Джо.— Это была прямая передача.

Ранситер неохотно подтвердил, кивая головой.

— Чем же твое положение отличается от нашего? — спросил Джо.

— Ты хочешь, чтобы я это сказал?

— Да.— Он приготовился, хотя заранее знал, что услышит.

— Я не умер, Джо. Надпись на стене говорила правду. Вы все находитесь в холодильнике, а я...— Ранситер говорил с трудом, не глядя на Джо.— Я сижу в переговорной Моритория Любимых Собратьев. Я попросил, чтобы вас всех соединили проводами: таким образом вы функционируете как группа. Я же сижу здесь и пытаюсь установить с вами контакт. Именно это я имел в виду, говоря, что являюсь пришельцем извне, отсюда это мое появление — как духа, по твоему выражению. Уже неделю я стараюсь пробудить вас к состоянию активной полужизни, но... из этого ничего не выходит. Во всех вас жизнь постепенно угасает.

— А что происходит с Пат Конлей? — спросил Джо после паузы.

— Она лежит вместе с вами в состоянии полужизни и подключена проводами ко всей группе.

— Этот регрессивный процесс вызван ее способностями? Или это проявление распада, нормального для состояния полужизни?

Ранситер фыркнул, скривился и, наконец, сказал:

— Нормальное проявление распада. То же самое пережила Элла. Вообще, это переживает каждый, находящийся в состоянии полужизни.

— Ты обманываешь меня,— сказал Джо. Он чувствовал себя так, словно получил удар ножом.

— Джо, побойся бога, ведь я спас тебе жизнь,— сказал Ранситер, глядя на него.— Я прорвался к тебе, чтобы вернуть в состояние активной полужизни — вероятно, теперь ты сможешь функционировать бесконечно. Если бы я не ждал тебя в этом номере, когда ты вполз в дверь... черт побери, подумай сам: без моей помощи ты уже лежал бы на этой старой кровати мертвый, как мумия. Я, Глен Ранситер, твой шеф, человек, сражающийся за ваши жизни. Здесь, в реальном мире, я один стараюсь что-нибудь для вас сделать.— Он по-прежнему смотрел на Джо.— Эта девушка,— продолжал он,— эта Пат Конлей, убила бы тебя так же, как убила...— он замолчал.

— Как убила Венди, Ала, Эди Дорн, Фреда Зефски, а теперь, может быть, и Тито Апостоса,— закончил Джо.

— Нынешняя ситуация очень сложна,— тихо сказал Ранситер.— Ее нельзя объяснить несколькими простыми ответами.

— Да ты и не знаешь этих ответов,— заметил Джо.— И в этом все дело. Ты выдумал свои ответы, чтобы объяснить свое присутствие здесь. И все прочие твои визиты, твои так называемые «явления».

— Я этого так не называл. Это вы с Алом выдумали такой термин. Не обвиняй меня в том, что вы двое...

— Твои знания о том, что, собственно, происходит и кто выступает против нас, не больше моих, Глен,— ты не можешь сказать мне, кто наш противник, ПОТОМУ ЧТО НЕ ЗНАЕШЬ ЭТОГО.

— Я знаю, что живу,— сказал Ранситер.— Знаю, что сижу здесь, в переговорной моритория.

— Твое тело лежит в гробу,— говорил Джо.— Здесь, в Предпохоронном Доме Истинного Пастыря. Ты видел его?

— Нет,— ответил Ранситер.— Но это, в сущности...

— Оно совершенно высохло,— продолжал Джо,— и сжалось так же, как тела Венди, Ала, Эди, и как скоро сожмется мое.

— Для тебя я достал «Убик»...— Ранситер снова замолчал. На лице его появилось непонятное выражение: как бы смесь страха, озарения и... Джо сам не знал, чего.— Я достал для тебя «Убик»,—повторил Ранситер.

— Что такое «Убик»? — спросил Джо.

Ранситер не ответил.

— Этого ты тоже не знаешь,— констатировал Джо.— Ты понятия не имеешь, что это и как действует. Не знаешь даже, откуда это берется.

— Ты прав, Джо,— сказал Ранситер после долгой напряженной паузы.— Совершенно прав.— Дрожащими пальцами он зажег очередную сигарету.— Но я хотел спасти тебе жизнь — и тут я говорю правду. Черт побери, я хотел спасти вас всех.— Сигарета выпала у него из пальцев и покатилась по полу.

Ранситер с усилием наклонился и поднял ее. На лице у него была печаль, почти отчаяние.

— Все мы вляпались в это,— сказал Джо,— а ты сидишь там, в своей переговорной, и не можешь ничего сделать, не можешь прекратить этого процесса.

— Ты прав,— признал Ранситер.

— Мы лежим в холодильнике,— продолжал Джо,— но здесь происходит еще кое-что. Такое, что обычно не происходит с людьми в состоянии полужизни. Здесь действуют — как открыл Ал,— две силы: одна из них помогает нам, другая нас убивает. Ты сотрудничаешь с той силой, особой или существом, которое пытается нам помочь. Именно от нее ты и получил «Убик».

— Да.

— Таким образом,— сказал Джо,— никто из нас до сих пор не

знает, кто нас убивает и кто нас защищает. Ты — находясь снаружи,— не выяснил этого, а мы, будучи здесь, тоже не имели понятия. Это может быть Пат.

— Думаю, что это она,— заметил Ранситер.

— Это близко к правде,— сказал Джо.— Но мне кажется, ты ошибаешься.

«Мне кажется,— подумал он,— мы еще не столкнулись лицом к лицу ни с нашим врагом, ни с нашим другом. Но рано или поздно это произойдет, и мы узнаем их обоих».

— Ты уверен,— спросил он Ранситера,— ты абсолютно уверен, что был единственным человеком, пережившим тот взрыв? Подумай хорошенько, прежде чем ответить.

— Я же говорил тебе: Зоя Вирт...

— Нет, среди нас,— прервал его Джо.— Зоя Вирт не находится в том же временном сегменте, что и мы. А, к примеру, Пат Конлей?

— У нее была раздавлена грудная клетка. Причиной ее смерти было сотрясение мозга и повреждение одного легкого, а также многочисленные внутренние повреждения; кроме того, у нее был поврежден кишечник и в трех местах сломана нога. В физическом смысле она находится в четырех футах от тебя. То есть, ее тело.

— И то же постигло всех остальных? Все находятся здесь, в Моритории Любимых Собратьев?

— Есть одно исключение: Сэмми Мундо. Здесь его нет. У него серьезно поврежден мозг, и он лежит без сознания. Врачи говорят, что он никогда не придет в себя. Мозговая кора...

— Значит, он жив и не лежит в холодильнике?

— Я не назвал бы этого «жизнью». Его исследовали энцефалографом и констатировали полное прекращение деятельности мозговой коры. Теперь это растение, и ничего больше. Никакой личности, никакого движения, никакого сознания... В мозгу Сэмми Мундо не происходит ничего, совершенно ничего.

— Именно поэтому ты промолчал о нем? — спросил Джо.

— Я сказал тебе об этом сейчас.

— Но только, когда я тебя спросил.— Джо подумал.— Как далеко от нас он находится? Вообще, он в Цюрихе?

— Да, все мы остались в Цюрихе. Сэмми лежит в больнице Карла Юнга. В четверти мили от этого моритория.

— Найми телепата,— посоветовал Джо.— Или используй Дж. Дж. Эшвуда. Пусть изучит его мысли.

«Мальчик,— сказал он сам себе.— Неорганизованный и недозрелый. Жестокая, несформировавшаяся и странная личность. Это может быть то самое,— подумал он.— Это хорошо подходит к тому, что мы переживаем; к этим капризным, противоречивым событиям. К этому вырыванию наших крыльев и приставлению их на прежние места».

Ранситер вздохнул.

— Мы сделали это. В случаях такого повреждения мозга всегда делается попытка добраться до пациента телепатическим путем. Результат был нулевой. Не установлено ни следа подсознательной работы мозга. Мне очень жаль, Джо,— он покачал своей большой головой, как бы желая выразить Джо свою симпатию.

— Я еще свяжусь с тобой немного позднее,— сказал Глен Ранситер в микрофон, одновременно вынимая из своего уха пластиковый кружок. Он отложил всю аппаратуру, тяжело поднялся со стула и вздохнул, глядя на неподвижную фигуру Джо Чипа, лежащую в прозрачном пластиковом гробу. Джо стоял вертикально и должен был стоять так до конца света.

— Вы меня вызывали, сэр? — В переговорную вошел Герберт Шонхейт фон Фогельзанг.— Поместить мистера Чипа на место? Вы уже закончили?

— Закончил,— ответил Ранситер.

— А вам...

— Да, мне удалось установить с ним контакт. На этот раз мы хорошо слышали друг друга.— Он закурил сигарету, первую за много часов. Его утомили попытки установить контакт с Джо Чипом.— У вас есть поблизости автомат с амфетамином? — спросил он владельца моритория.

— В коридоре, рядом,— фон Фогельзанг с готовностью указал направление. Ранситер вышел из переговорной и подошел к автомату.

Бросив монету, он нажал рычаг, и знакомый предмет со звоном выпал в лоток. Приняв таблетку, он почувствовал себя лучше, но тут же вспомнил, что через два часа должен встретиться с Леном Ниггелманом, и засомневался, сможет ли до него добраться.

«У меня было слишком много дел,— подумал он.— Я еще не готов представить Объединению официальный рапорт; придется позвонить Ниггелману и перенести нашу встречу».

Пользуясь автоматическим видеофоном, он соединился с конторой Ниггелмана в Североамериканской Федерации.

— Лен,— сказал он,— я не могу сделать сегодня ничего больше. Последние двенадцать часов я провел, стараясь связаться с моими людьми, которые находятся в холодильнике, и совершенно вымотался. Что, если мы увидимся завтра утром?

— Чем скорее ты подашь нам официальный рапорт, тем раньше мы сможем начать процесс против Холлиса. Мои юрисконсульты утверждают, что дело верное, и выказывают нетерпение.

— Они полагают, что выиграют дело в гражданском суде?

— И в гражданском, и в уголовном. Они уже говорили с проку-

ром Нью-Йорка. Но до тех пор, пока ты не подашь нам официальный доказательный рапорт...

— Завтра,— пообещал Ранситер.— Как только высплюсь. Эта проклятая история совершенно вымотала меня.

«Я потерял своих лучших людей,— подумал он.— Особенно Джо Чипа. Моя фирма уничтожена, мы теперь не сможем работать несколько месяцев, а может, даже лет! О боже,— где я возьму инерциалов, способных заменить тех, кого потерял? И где найду второго такого специалиста по замерам, каким был Джо?»

— Разумеется, Глен,— сказал Нигелман.— Выспись сегодня, а завтра, скажем, в десять нашего времени мы встретимся в моей конторе.

— Спасибо,— поблагодарил Ранситер, положил трубку и тяжело уселся на розовый пластиковый диванчик, стоявший в коридоре напротив видеофона. «Мне нигде не найти такого специалиста, как Джо,— подумал он.— В сущности, это конец Корпорации Ранситера».

Как всегда не вовремя появился владелец моритория.

— Что-нибудь принести, мистер Ранситер? Чашечку кофе? Еще амфетамина? А может, дозу, которая действует двенадцать часов? В кабинете у меня есть таблетки, которые действуют целые сутки — приняв одну из них, вы сможете активно работать много часов, может, даже всю ночь.

— Всю ночь я собираюсь спать,— сказал Ранситер.

— Тогда, может...

— Убирайтесь! — рявкнул Ранситер, и владелец моритория исчез, оставив его одного. «И почему я выбрал именно эту фирму? — задал себе вопрос Ранситер.— Наверное, потому, что именно здесь находится Элла. В конце концов, это лучший мориторий; поэтому здесь оказалась она, а потом все остальные. Подумать только, столько людей, еще недавно стоявших по эту сторону гроба. Какая катастрофа!»

«Элла,— подумал он, вспомнив о жене.— Может, стоит поговорить с ней, сообщить, как выглядит ситуация. Ведь я обещал ей...»

Он поднялся с места и пошел искать владельца моритория.

«Неужели и на этот раз я услышу голос этого проклятого Джори? — подумал он.— Или же мне удастся привлечь внимание Эллы настолько, что я успею повторить ей слова Джо? Контакт с ней стал теперь так труден... Мориторий должен что-то сделать с этим Джори; он представляет угрозу для всех, кто лежит здесь. Почему они позволяют ему хулиганить? — задумался он и тут же нашел ответ.— Возможно, они не могут его удержать. Наверное среди полуживых никогда не было никого, подобного этому Джори».

Возможно ли, чтобы у тебя было несвежее дыхание? Что ж, если это тебя беспокоит, попробуй новейший пенистый «УБИК» — препарат с сильнейшим антибактериальным действием. Гарантия безопасности — при употреблении согласно инструкции.

XV

Двери старого номера стремительно распахнулись, и вошел Дон Денни.

Его сопровождал серьезный мужчина средних лет с коротко остриженными седыми волосами.

— Как ты себя чувствуешь, Джо? — спросил Денни с беспокойством.— Почему ты не лег? Ради бога, иди в постель.

— Прошу вас лечь, мистер Чип,— сказал врач, ставя на туалетный столик свою сумку с инструментами и открывая ее. Он подошел к кровати, держа в руках старомодный стетоскоп и неуклюжий тонометр.— Были у вас когда-нибудь неприятности с сердцем? А у ваших родных? Расстегните рубашку.— Он подвинул к кровати деревянный стул и сел на него, выжидательно глядя на Джо.

— Я чувствую себя хорошо,— сказал Джо.

— Дай доктору послушать твое сердце,— резко сказал Денни.

— Ну хорошо,— Джо вытянулся на кровати и расстегнул пуговицы рубашки.— Ранситеру удалось до меня добраться,— сказал он Дону Денни.— Мы находимся в холодильнике, а он пытается установить с нами контакт. Зато кто-то другой старается нас уничтожить, и это не Пат, во всяком случае, не она одна. Ни она, ни Ранситер понятия не имеют, что происходит. Когда ты открыл дверь, ты видел Ранситера?

— Нет,— ответил Денни.

— Он сидел там, напротив меня,— сказал Джо.— Еще две-три минуты назад. «Мне очень жаль, Джо»,— были его последние слова, а потом он прервал контакт, просто отключился. Посмотри на туалетный столик, не оставил ли он баллон с «Убиком».

Денни взглянул туда и через мгновение поднял вверх яркий флакон.

— Вот он. Но, кажется, пуст.— Он сильно встряхнул его.

— Почти пуст,— сказал Джо.— Распыли на себя то, что в нем осталось. Ну, давай,— нетерпеливо махнул он рукой.

— Прошу вас помолчать, мистер Чип,— сказал врач, прислушиваясь. Затем завернул рукав рубашки Джо и принялся обматывать его руку резиновой манжетой тонометра.

— Как мое сердце? — спросил Джо.

— Похоже, работает нормально,— ответил врач.— Его ритм лишь незначительно ускорен.

— Вот видишь,— обратился Джо к Дону Денни,— я выздоровел.

— Остальные умирают, Джо,— сказал Дон Денни.

— Все? — спросил Джо, садясь на постели.

— Все, кто еще был в живых.— Денни держал баллон в руке, но не спешил воспользоваться им.

— Пат тоже? — спросил Джо.

— Я нашел ее здесь, на втором этаже, когда выходил из лифта. Она как раз начинала ощущать действие этого процесса и выглядела здорово удивленной: никак не могла в это поверить.— Он поставил баллон.— Наверное, считала, что она вызывает этот процесс при помощи своих способностей.

— Да, именно так она и думала,— подтвердил Джо.— Почему ты не хочешь воспользоваться «Убиком»?

— Черт побери, Джо, мы должны умереть, и оба знаем об этом.— Он снял свои очки в роговой оправе и протер их.— Увидев, в каком состоянии Пат, я обошел комнаты и навестил остальных членов группы. Нашей группы. Потому мы и добирались сюда так долго: я попросил доктора Тейлора осмотреть их. Я не мог поверить, что они иссякнут так быстро. Наступило такое ускорение, что за последний час...

— Распыли на себя «Убик»,— сказал Джо,— или я сделаю это сам.

Дон Денни взял в руки баллон, вновь встряхнул его и направил на себя отверстие распылителя.

— Хорошо,— сказал он.— Если ты так хочешь... Нет никаких причин, чтобы не делать этого. Это уже конец, правда? То есть, они все умерли, остались только мы двое, а через несколько часов «Убик» перестанет действовать и на тебя. И ты не сможешь достать новой порции. Тогда останусь я один.

Денни принял решение.

Он нажал на кнопку. Мгновенно вокруг него образовалось туманное облако, заполненное вспышками металлического блеска, вращающимися в бешеном ритме. Дон Денни исчез, закрытый ярким облаком разрядов.

Оторвавшись от замеров давления, доктор Тейлор повернул голову и посмотрел в ту сторону. Туман начал конденсироваться; на

ковре сверкали мелкие лужицы жидкости, ручейки ее стекали по стене, находившейся за Денни.

Наконец облако исчезло.

Человек, стоявший в самом центре дымящегося пятна «Убика», который впитал старый потертый ковер, не был Доном Денни. На его месте появился молодой, удивительно стройный парень; его черные круглые глаза смотрели на них из-под нахмуренных бровей. Одет он был в нейлоновую рубашку, джинсы и кожаные мокасины. Наряд примерно середины века. Джо заметил улыбку на его вытянутом лице, но она тут же превратилась в издевательскую усмешку. Все элементы его внешности противоречили друг другу. Большие уши с многочисленными изгибами не подходили к глазам, похожим на хитиновые надкрылья насекомого. Прямые волосы контрастировали с бровями.

«И потом, его нос,— подумал Джо,— слишком узкий, слишком острый, слишком длинный.— Далее, подбородок не гармонировал с формой лица; в нем была видна глубокая щель, явно уходящая в глубину кости... — Как будто,— подумал Джо,— творец этого создания нанес ему удар, надеясь уничтожить. Но субстанция, из которой его сделали, была слишком вязкой; парень не лопнул и не распался на две части. Он продолжал существовать, наперекор даже своему творцу, насмешливо кривляясь перед всеми окружающими».

— Кто ты? — спросил Джо.

Парень нервно пошевелил пальцами: это явно помогало ему не заикаться.

— Иногда я пользуюсь именами Мэт и Билл,— сказал он.— Но чаще всего меня зовут Джори. Так звучит мое настоящее имя.— Открывая рот, он показывал серые запущенные зубы и язык, покрытый налетом.

— А где Денни? — спросил Джо после паузы.— Он вовсе не входил в эту комнату, правда?

«Он мертв,— подумал он.— Так же, как остальные...»

— Я сожрал Денни уже давно,— сказал Джори.— В самом начале, еще до того, как мы приехали сюда из Нью-Йорка. Сначала я съел Венди Райт. Денни был вторым.

— Что ты имеешь в виду, говоря «съел»? — спросил Джо. «Неужели буквально?» — подумал он, содрогнувшись от отвращения.

— Я сделал то, что всегда,— ответил Джори.— Это трудно объяснить, но я уже давно делаю это со многими особами, находящимися в состоянии полужизни. Я пожираю их жизни, точнее то, что от них осталось. Ее в них немного, поэтому я должен съедать их в большом количестве. Раньше я делал это только тогда, когда они уже пробыли в состоянии полужизни какое-то время, однако теперь должен приниматься за них сразу. Если хочу выжить сам. Если ты подойдешь ко мне и послушаешь — а я открою рот — ты

услышишь голоса этих людей. Не всех, но во всяком случае тех, кого я съел последними. Тех, которых ты знаешь.— Он начал ковырять ногтем в зубах, явно ожидая реакции Джо.— Ты не хочешь ничего мне сказать?

— Так это из-за тебя я начал умирать там внизу, в холле?

— Из-за меня, не из-за Пат. Ее я съел в коридоре, около лифта, а потом сожрал остальных. Я думал, что и ты уже мертв.— Он повертел в руках баллон «Убика».— Я не могу этого понять. Из чего состоит «Убик», и откуда Ранситер его берет? — Лицо его исказилось от гнева.— Но ты был прав: Ранситер его сделать не мог. Он находится во внешнем мире, а это исходит от кого-то, кто существует на нашем свете. Это должно быть так, поскольку извне сюда могут попадать только слова.

— Значит, ты ничего не можешь мне сделать,— сказал Джо.—Благодаря «Убику» ты не можешь меня сожрать.

— Пока не могу. Но со временем «Убик» перестанет действовать.

— Но ты в этом не уверен, ты даже не знаешь, из чего он состоит и откуда берется.

«Интересно, а мог бы я его убить? — подумал он. Джори казался довольно слабым.— Значит, это создание убило Венди,— думал он.— Я стою с ним лицом к лицу, как и предвидел. Он сожрал всех, сожрал даже труп Ранситера, лежавший в гробу. В нем, наверное, тлели остатки активных протофазонов, во всяком случае что-то, заинтересовавшее его».

— Мистер Чип,— сказал врач,— в таких условиях я не могу измерить ваше давление. Прошу вас лечь.

Джо внимательно посмотрел на него, потом обратился к Джори:

— Он что, не заметил твоего преображения, Джори? Не слышал того, что ты говорил?

— Доктор Тейлор — создание моего разума,— сказал Джори.— Впрочем, как и все остальные элементы этого псевдомира.

— Я тебе не верю,— ответил Джо и повернулся к врачу.— Вы слышали все, что он говорил, правда?

С легким треском врач исчез.

— Вот видишь,— удовлетворенно заметил Джори.

— Что ты думаешь делать после моей смерти? — спросил Джо.— Сохранишь этот мир тридцать девятого года, этот, как ты его называешь, псевдомир?

— Зачем? Он мне больше не будет нужен.

— Значит, он существует для меня и только для меня? Весь этот мир?

— Он не так уж и велик,— сказал Джори.— Один отель в Де-Мойне, улица за окном, а на ней — немного людей и несколько ма-

шин. Может, еще пара зданий и магазинов, которые ты можешь видеть, выглянув в окно.

— Значит, ты не сохранил никакого Нью-Йорка, Цюриха или...

— А зачем мне это? Там никого нет. Везде, куда отправлялся ты или остальные члены вашей группы, я создавал осязаемую действительность, отвечающую вашим ожиданиям. Когда ты летел сюда из Нью-Йорка, мне пришлось создать сотни миль пейзажа, один город за другим — это было очень утомительно. Мне пришлось много есть, чтобы восстановить силы. Честно говоря, именно поэтому я был вынужден покончить с остальными так быстро после твоего приезда.

— А почему тридцать девятый год? — спросил Джо.— Разве это не мог быть наш, современный мир девяносто второго года?

— Тут дело в усилии. Я не могу задержать регрессивный процесс. Для меня самого это было бы слишком трудно. Сначала я создал девяносто второй год, потом что-то стало портиться. Монеты, сливки, сигареты — все эти явления, которые вы замечали. К тому же, Ранситер постоянно врывался в этот мир снаружи, это еще более затрудняло мою задачу. В сущности, было бы лучше, если бы он не вмешивался.— Джори хитро улыбнулся.— Но меня не заботил процесс регрессии. Я знал, что вы будете подозревать в нем Пат Конлей. Казалось, что изменения вызваны ее способностями, поскольку все напоминало то, что она делает. Я думал, что вы убьете ее сообща. Это бы меня позабавило.— Улыбка его стала еще хитрее.

— Зачем ты сохраняешь для меня этот отель и улицу за окном? — спросил Джо.— Раз уж я и так все знаю?

— Но я всегда поступаю так,— глаза Джори расширились.

— Я убью тебя,— сказал Джо и неуверенно шагнул к Джори. Подняв руки с растопыренными пальцами, он бросился на парня, стараясь схватить его за горло.

Джори зарычал и укусил его. Большие плоские зубы глубоко вонзились в правую руку Джо. Не ослабляя их нажима, Джори рванул голову вверх, поднимая тем самым руку Джо. Глядя прямо в глаза Чипа, он мотал головой, стараясь сжать челюсти. Зубы его вонзались все глубже, и Джо чувствовал все более сильную боль. «Он пожирает меня»,— понял он.

— Ты не можешь,— громко сказал Джо и ударил Джори кулаком в лицо, а потом повторил свой удар еще несколько раз.— «Убик» защищает меня от тебя,— говорил он, нанося удары прямо по насмешливым глазам.— Ты не можешь мне ничего сделать.

— Грр...грр...— рычал Джори, двигая челюстями и дробя руку Джо. Боль стала невыносимой, и тогда Джо что было силы пнул

парня. Челюсти разжались и выпустили руку. Джо неуверенно сделал шаг назад, глядя на хлещущую кровь. «О боже!» — потрясенно подумал он.

— Ты не можешь сделать со мной того, что сделал с остальными,— сказал Джо.

Он нашел баллон «Убика» и направил отверстие распылителя на кровоточащую рану, в которую превратилась его рука. Из отверстия вырвался поток блестящих частичек и покрыл тонким слоем изгрызенную плоть. Боль немедленно исчезла, и рана зажила на глазах.

— И ты не можешь меня убить,— ответил Джори с кривой усмешкой.

— Я иду вниз,— заявил Джо. Он дошел до двери номера, открыл ее и выглянул в грязный коридор. Потом, осторожно ставя ноги, шаг за шагом двинулся вперед. Пол казался вполне прочным, он не был продуктом нереального псевдомира.

— Не уходи слишком далеко,— сказал за спиной Джори.— Я не могу контролировать слишком большое пространство. Если ты сядешь в одну из машин и проедешь много миль, то рано или поздно доедешь до места, в котором она разлетится. А это было бы для тебя так же неприятно, как и для меня.

— По-моему, мне нечего терять.— Джо подошел к лифту и нажал кнопку.

— У меня с ними постоянные хлопоты,— воскликнул Джори.— Они слишком сложны. Может, ты сойдешь по лестнице?

Джо подождал немного, потом, следуя совету Джори, начал спускаться по лестнице; это был тот самый ее отрезок, который он так недавно прошел, с отчаянным трудом преодолевая ступень за ступенью.

«Ну что ж,— подумал он,— вот одна из двух действующих сил. Джори уничтожает нас; он убил всех, кроме меня. За Джори не стоит уже никого, на нем все кончается. Встречу ли я его противника? Наверное, не так быстро, чтобы это имело еще какое-то значение»,— пришел он к выводу и еще раз взглянул на свою руку. Она была совершенно здорова.

Он оказался в холле и огляделся вокруг. Следовало признать, что результаты работы Джори импонировали ему во многих отношениях, несмотря на процесс возврата к предыдущим формам.

«У Джори, несомненно, есть опыт,— подумал он.— Наверняка он делал это уже много раз».

— Вы можете посоветовать мне какой-нибудь ресторан в этом городе? — спросил он портье.

— Вам нужно пойти вдоль улицы,— ответил портье, прервав разборку почты.— С правой стороны — «Матадор». Вы убедитесь, что это прекрасный ресторан.

— Я чувствую себя одиноким,— сказал Джо под влиянием внезапного импульса.— Мог бы отель устроить мне общество какой-нибудь девушки?

— Этот отель — нет, сэр,— резко ответил портье.— Мы не занимаемся сводничеством.

— У вас порядочный, пристойный отель,— заметил Джо.

— По крайней мере, мы хотели бы так думать, сэр.

— Я только проверял вас,— сказал Джо.— Хотел убедиться, что это за отель, в котором я живу.— Он отошел от конторки, пересек холл, преодолел широкую мраморную лестницу, вращающуюся дверь и оказался на улице перед отелем.

Приветствуй утро порцией х л о п ь е в «УБИК» — хлопьев для взрослых, хрустящих и вкусных,— любимым деликатесом. Порция хлопьев «Убик» поможет тебе сохранить бодрость весь день! Не превышать одноразовой дозы.

XVI

На него произвело впечатление разнообразие автомобилей. Модели были разных лет и марок. Среди них преобладали черные машины, но усмотреть в этом волю Джори было нельзя: эта деталь была подлинной.

Но откуда Джори об этом знал?

«Это странно,— подумал Джо,— это его знание деталей жизни в тридцать девятом году, во времени, когда никого из нас не было на свете, кроме Ранситера».

И вдруг он понял причину. Джори не лгал, называя себя творцом этой действительности, он создал мир периода их жизни — а точнее, его фантасмагорический заменитель. Распад этого мира, возвращение к прежним формам не было делом его рук; он даже сопротивлялся этому, правда, безрезультатно. Этот атавистический процесс начинался сам по себе по мере того, как Джори терял силы. Он сам говорил, что это требует огромных усилий. Видимо, он впервые создал такой обширный мир, для стольких людей одновременно. Редко случается, чтобы такое количество полуживых было взаимно соединено.

«Мы заставили Джори напрячь все свои силы и поплатились за это»,— подумал Джо.

Мимо него как раз проезжало старое, дребезжащее такси марки «додж». Джо махнул рукой, и машина с грохотом остановилась у тротуара.

«Посмотрим,— подумал он,— сколько правды в словах Джори, что границы его псевдомира сильно сжались».

— Провезите меня по городу: вы можете ездить везде, где захотите,— сказал он водителю.— Я хотел бы осмотреть как можно больше улиц, зданий и людей. Потом, когда мы объедем весь Де-Мойн, я попрошу вас отвезти меня в ближайший город, чтобы осмотреть и его.

— Я не езжу между городами,— заявил шофер, открывая Джо дверь.— Но я охотно провезу вас по Де-Мойну. Это милый город, сэр. Вы не из нашего штата, правда?

— Из Нью-Йорка,— сказал Джо, садясь в машину. Она влилась в уличное движение.

— Что думают люди в Нью-Йорке о войне? — спросил водитель.— Как по-вашему, примем мы в ней участие? Рузвельт хотел бы втянуть нас...

— Я не собираюсь говорить ни о политике, ни о войне,— ответил Джо.

Некоторое время они ехали молча. Разглядывая здания, людей и проезжающие автомобили, Джо вновь задумался, как может Джори поддерживать все это.

«Столько деталей,— удивленно думал он.— Пожалуй, вскоре я доберусь до края этого мира, это вот-вот должно произойти.

— Есть в Де-Мойне публичные дома? — спросил он водителя.

— Нет,— ответил тот.

«Быть может, Джори не может их создать,— подумал Джо,— потому что слишком молод. А может, он вообще против них? — Вдруг он почувствовал усталость.— Куда я еду? — спросил он самого себя.— И зачем? Чтобы убедиться, что Джори говорил правду? Ведь я же знаю, что это правда — я видел исчезновение врача. Я видел, как Джори вынырнул из фигуры Дона Денни, и этого мне должно хватить. То, что я делаю, только затруднит задачу Джори, отчего у него усилится аппетит. Лучше отказаться от этого,— думал он.— То, что я делаю, совершенно бессмысленно. Впрочем, как сказал Джори, действие «Убика» все равно когда-то кончится. Я не хочу провести последние минуты или часы своей жизни, разъезжая по Де-Мойну. Можно придумать что-нибудь другое».

По тротуару медленно шла красивая девушка со смешными светлыми косичками. На ней был свитер, блузка, ярко-красная юбка и туфли на высоком каблуке.

— Притормозите,— попросил Джо таксиста,— и остановитесь рядом с той девушкой.

— Она не захочет с вами говорить,— сказал водитель.— Позовет полицейского.

— Не беда,— сказал Джо. В его положении это не имело значения.

Старый «додж» притормозил и подъехал к краю тротуара; шины протестующе завизжали. Девушка посмотрела в их сторону.

— Добрый день,— сказал Джо.

Она с интересом разглядывала его. Ее быстрые голубые глаза слегка расширились, но в них не было ни недовольства, ни тревоги.

— Слушаю,— отозвалась она.

— Я умираю,— заявил Джо.

— Ничего с ним не случилось,— вмешался водитель.— Он спрашивал о девушках; просто хочет с вами познакомиться.

Девушка рассмеялась. Но без враждебности. И не ушла.

— Подходит время обеда,— сказал Джо.— Позвольте пригласить вас в «Матадор». Я слышал, это неплохой ресторан.

Усталость росла: он чувствовал на себе ее тяжесть. И вдруг с немым, тупым ужасом понял: это та же усталость, что охватила его в холле отеля, когда он показывал Пат повестку. И холод. В его тело вновь украдкой проник холод из окружающего его холодильника.

«Действие «Убика» кончается,— подумал он.— Мне осталось немного времени».

Видимо, эти чувства отразились на его лице, потому что девушка подошла ближе и заглянула в кабину.

— Что с вами? — спросила она.

— Я умираю,— с трудом сказал Джо. Он снова чувствовал пульсирующую боль в ране на руке: вновь появились следы зубов. Уже этого хватило бы, чтобы наполнить его ужасом.

— Пусть водитель отвезет вас в больницу,— посоветовала девушка.

— Можете вы пообедать со мной? — спросил Джо.

— Вам этого хочется? Сейчас, когда вы в таком состоянии? Вы больны? — Она открыла дверцу такси.— Хотите, я поеду с вами в больницу? Вам этого хочется?

— В «Матадор»,— сказал Джо.— Мы съедим тушеные зразы из марсианских медведок.— Тут он вспомнил, что в это время еще не было такого деликатеса, и поправился: — Говяжье жаркое. Вы любите говядину?

— Он хочет ехать в «Матадор»,— сказала девушка, садясь в кабину.

— О'кей, мисс,— сказал таксист, и машина тронулась. Доехав до ближайшего перекрестка, водитель повернул на 180 градусов.

«Теперь мы едем к ресторану,— подумал Джо.— Интересно, доеду ли я».

Усталость и холод полностью охватили его; он чувствовал, как постепенно замирают все функции организма. Его органы не имели перед собой будущего: печени не нужно было создавать красных кровяных телец, почкам ничего не нужно было удалять, кишки стали не нужны. Только сердце билось с трудом, и ему все труднее было дышать. Втягивая воздух в легкие, он чувствовал, что на груди у него лежит бетонная плита. «Мой гробовой камень»,— подумал он, заметив, что рука его снова кровоточит: густая жидкость сочилась из раны медленно, капля за каплей.

— Может, «Лаки Страйк»?— спросила девушка, протягивая ему пачку.— Хорошо высушены, как утверждает реклама.

— Меня зовут Джо Чип,— сказал Джо.

— Вы хотите, чтобы я представилась?

— Да,— сказал он сквозь сжатые зубы и закрыл глаза. Говорить дальше он не мог, по крайней мере, некоторое время.— Вы любите Де-Мойн? — спросил он, помолчав, пряча свою руку от ее глаз.— Вы давно здесь живете?

— Вы кажетесь очень усталым, мистер Чип,— сказала девушка.

— К черту,— махнул он рукой.— Это не имеет значения.

— Нет, имеет,— девушка открыла сумочку и торопливо начала рыться в ней.— Я не искаженное творение Джори, как, например, он,— указала она на таксиста.— Или как эти магазинчики и дома, эта грязная улица, все эти люди и их машины эпохи неолита. Пожалуйста, мистер Чип.— Она подала ему вынутый из сумочки конверт.— Это для вас. Вскройте сейчас же. Мы не должны были так долго тянуть.

Негнущимися пальцами он разорвал конверт.

Внутри лежал яркий разрисованный документ. Буквы дрожали перед глазами Джо: он был слишком утомлен, чтобы читать.

— Что здесь написано? — спросил он, кладя бумагу ей на колени.

— Это письмо от фирмы, производящей «Убик»,— сказала девушка.— Оно гарантирует вам пожизненное бесплатное снабжение этим препаратом. Бесплатно, потому что я знаю ваши проблемы с деньгами, вашу — назовем это так — идиосинкразию к ним. На обороте напечатан список всех аптек, где его продают. Есть в нем и две фирмы, расположенные в Де-Мойне и вовсе не ликвидированные. Я предлагаю посетить одну из них, прежде чем ехать на обед.— Она наклонилась вперед и показала водителю карточку с адресом.— Отвезите нас туда. И поторопитесь, скоро они закроются.

Джо откинулся на сиденье, с трудом втягивая воздух.

— Мы успеем доехать до аптеки,— сказала девушка, похлопав его по плечу, чтобы подбодрить.

— Кто вы? — спросил он.

— Меня зовут Элла. Элла Гайд Ранситер. Я жена вашего шефа.

— И вы здесь, вместе с нами,— сказал Джо.— По эту сторону: в холодильнике.

— Как вам известно, я здесь уже долгое время. Вскоре — как мне кажется,— я буду рождена вторично, из другого лона. По крайней мере, так утверждает Глен. Мне постоянно снится затуманенный красный огонек, а это плохо. Это символизирует слабоморальный тип лона.— Она свободно рассмеялась.

— Вы — тот второй элемент,— сказал Джо.— Джори нас уничтожает, а вы пробуете нам помочь. За вами, как и за Джори, не стоит никто. Вот я и добрался до существ, находящихся на обоих концах.

— Я не считаю себя «существом»,— язвительно сказала Элла.— Я — Элла Ранситер.

— Но это же правда,— заявил Джо.

— Да,— она кивнула.

— Почему вы действуете против Джори?

— Потому что он ворвался в меня,— ответила Элла.— Он угрожал мне так же, как угрожал вам. Мы оба знаем, в чем заключается его деятельность: он сам вам об этом сказал в отеле. Время от времени он получает большую силу: иногда ему удается изгнать меня, когда в состоянии активности я разговариваю с Гленом. Но похоже, я справляюсь с ним лучше большинства полуживых, и с помощью «Убика», и без него. Например, лучше чем вы все, даже когда вы действовали группой.

— Да,— сказал Джо. Наверняка, так оно и было, слишком убедительны были доказательства.

— Когда я буду рождена вторично,— продолжала Элла,— Глен уже не сможет со мной консультироваться. У меня очень практические, эгоистичные мотивы, по которым я вам помогаю, мистер Чип. Я хочу, чтобы вы меня заменили. Мне нужно, чтобы существовал кто-нибудь, у кого Глен сможет попросить совета, на кого он сможет положиться. Вы идеальный кандидат: в состоянии полужизни вы будете делать то же самое, чем занимались в реальной жизни. Итак, в некотором смысле мной руководят не благородные чувства; я спасла вас из чисто практических соображений. Кроме того, только бог знает, как я ненавижу Джори.

— А я не умру после вашего второго рождения? — спросил Джо.

— Вы будете пожизненно обеспечены «Убиком», это гарантирует документ, который я вам вручила.

— Может, мне удастся победить Джори? — сказал Джо.

— То есть уничтожить его? — Элла задумалась.— Нет, он непобедим. Может, со временем вы научитесь нейтрализовать его влияние. Пожалуй, это все, на что вы можете рассчитывать. Сомневаюсь, чтобы вы смогли действительно уничтожить его, то есть, другими словами, съесть его, как он делает это с другими людьми, помещенными в моритории недалеко от него.

— Черт побери! — сказал Джо.— Я сообщу об этом Глену Ранситеру и попрошу, чтобы он совсем убрал Джори из моритория.

— У Глена там нет власти.

— Но ведь Шонхейт фон Фогельзанг...

— Семья Джори ежегодно платит Герберту большие деньги за то, чтобы он держал его в моритории вместе с другими и выдумывал убедительные причины, по которым должен это делать. Кроме того, в каждом моритории есть свой Джори. Борьба эта идет везде, где находятся полуживые: это закон, основной принцип нашего сущес-

твования.— Она замолчала, и он впервые увидел на ее лице гнев.—Нужно бороться с этим по нашу сторону стекла,— продолжала Элла.— Это должны сделать те, кто находится в состоянии полужизни, те, на ком кормится Джори. После моего второго рождения вы должны будете возглавить их. Сможете ли вы? Это будет не просто. Джори будет непрерывно разбивать ваши силы, будет наваливать на вас бремя, тяжесть которого вы будете чувствовать как...— она заколебалась,— как приближение смерти. И это будет действительно так, ибо в состоянии полужизни мы и так непрерывно умираем. Джори только ускоряет этот процесс. Усталость и холод так или иначе приходят, правда, не так быстро.

«Я буду помнить о том, что он сделал с Венди,— подумал Джо.— Это заставит меня действовать. Это будет достаточным мотивом».

— Вот аптека, мисс,— сказал таксист. Старый, высокий, угловатый «додж» со скрипом остановился у тротуара.

— Я не буду входить с вами,— сказала Элла, когда Джо открыл дверцу машины и неловко вылез.— До свидания. И спасибо за вашу лояльность по отношению к Глену. За то, что вы будете делать для него в будущем.— Наклонившись к нему, она поцеловала его в щеку. Ему показалось, что губы ее полны жизни. И что часть этой жизни передалась ему.— Удачи вам в борьбе с Джори.— Она пересела в глубь машины, держа сумочку на коленях.

Джо захлопнул дверцу такси, немного постоял на месте, а потом, пошатываясь, пересек тротуар и вошел в аптеку. За его спиной «додж» тронулся с места и уехал.

В освещенном лампой помещении аптеки он увидел приближающегося лысого продавца в темном жилете и брюках из искусственного шелка с бритвенной «стрелкой».

— К сожалению, мы уже закрываем, сэр. Я как раз шел запереть дверь.

— Но я уже вошел,— сказал Джо,— и хочу, чтобы меня обслужили.— Он показал аптекарю полученный от Эллы документ. Глядя сквозь круглые очки без оправы, фармацевт с трудом читал готические буквы.— Вы собираетесь меня обслужить? — спросил Джо.

— «Убик»,— сказал продавец.— Кажется, я продал весь его запас. Пойду проверю,— и он начал удаляться.

— Джори,— сказал Джо.

— Вы что-то сказали, сэр? — спросил аптекарь, поворачивая голову.

— Ты — Джори,— сказал Джо.

«Я уже могу это определять,— подумал он.— Я учусь узнавать его при каждой встрече».

— Ты создал эту аптеку и все, что в ней находится, за исключе-

нием аэрозольных баллонов с «Убиком». «Убик» не подвластен тебе, он — творение Эллы.

Он заставил себя шаг за шагом обойти прилавок и подойти к шкафу с запасами лекарств. Осматривая полку за полкой, он пытался найти «Убик». Свет в аптеке постепенно гас; старинные элементы убранства становились все менее заметными.

— Я вызвал регресс всего запаса «Убика», находящегося в аптеке,— сказал продавец юношеским высоким голосом Джори.— Он стал бальзамом для почек и печени и уже не пригоден.

— Я пойду в другую аптеку, в которой он есть на складе.— Джо оперся о прилавок и с трудом дышал, чувствуя сильную боль.

— Она будет закрыта,— сказал Джори из тела лысеющего аптекаря.

— Тогда завтра,— сказал Джо.— До утра я выдержу.

— Не выдержишь. Впрочем, и в той аптеке «Убик» вернется к предыдущей форме.

— В другом городе...— начал Джо.

— Куда бы ты ни отправился, «Убик» везде подвергнется регрессии. Он вновь превратится в мазь, порошок, эликсир или бальзам. Ты никогда не увидишь баллона с аэрозолем, Джо Чип.— Джори, скрытый под личиной аптекаря, улыбнулся показывая искусственную челюсть, которая выглядела, как целлулоидная.

— Я могу...— он замолчал, чтобы собраться с силами, чтобы согреть собственной энергией деревенеющее от холода тело,— ...могу перенести его в современный мир. В девяносто второй год.

— Правда, мистер Чип? — Продавец вручил ему картонную коробку.— Пожалуйста. Откройте и вы увидите...

— Я знаю, что увижу,— сказал Джо и сосредоточил свое внимание на голубом пузырьке бальзама для почек и печени.

«Перейди в следующий этап развития,— говорил он мысленно, стараясь вдохнуть в пузырек всю свою оставшуюся энергию. Однако тот и не думал изменяться.— Мы находимся в реальном мире»,— продолжал Джо.

— Баллон с распылителем...— сказал он вслух и закрыл глаза, чтобы немного отдохнуть.

— Это не баллон с распылителем, мистер Чип,— сказал продавец. Расхаживая по аптеке, он гасил свет, потом нажал клавиши механической кассы, и из нее с треском выскочил ящик. Продавец переложил из него банкноты и монеты в металлический ящичек-сейф.

— Ты — баллон с распылителем,— сказал Джо, обращаясь к картонной коробке.— Сейчас тысяча девятьсот девяносто второй год,— добавил он, стараясь изо всех сил.

Последняя лампа погасла. В свете уличного фонаря Джо видел контуры предмета в своей руке, его прямоугольную форму.

— Ну что же, мистер Чип,— сказал аптекарь, открывая дверь.— Пора идти домой. Все-таки она ошиблась, правда? И вы уже никогда не увидите ее, она ушла слишком далеко к своему второму рождению. Сейчас она больше не думает ни о вас, ни обо мне, ни о Ранситере. Элла видит теперь разные туманные огни, может быть, даже ярко-оранжевые...

— То, что я держу в руке,— прервал его Джо,— это баллон с распылителем.

— Нет,— сказал аптекарь.— Мне очень жаль, мистер Чип, вы ошибаетесь.

Джо положил картонную коробку на прилавок рядом с собой, с достоинством повернулся и начал долгий, медленный поход через аптеку, направляясь к дверям, которые аптекарь придерживал рукой. Оба они молчали. Наконец Джо прошел сквозь дверь и оказался на темном тротуаре.

Продавец вышел следом за ним и, наклонившись, закрыл дверь на ключ.

— Я подам производителю жалобу на вашу...— Джо замолчал: что-то душило его, он не мог ни дышать, ни говорить. Потом судорога ослабла.— Аптеку, подвергшуюся регрессии,— закончил он.

— Спокойной ночи,— сказал аптекарь. Некоторое время он стоял, молча глядя на Джо, потом пожал плечами и пошел прочь.

Слева от себя Джо разглядел в темноте контуры скамьи, на которой сидели какие-то люди, ожидая трамвая. Ему удалось дойти до нее и сесть рядом. Он не смог разглядеть точно — с двумя или тремя людьми, которые отодвинулись от него то ли с отвращением, то ли для того, чтобы освободить место.

«Еще несколько минут,— подумал он,— если я хорошо все помню. Боже мой! Какие ужасы придется мне пережить. И это уже второй раз. Во всяком случае, мы пытались,— думал он, глядя на желтые мигающие огни, неоновые надписи и поток машин, проносившихся у него перед глазами.— Ранситер пинался и дергался, Элла все это время царапалась, кусалась и использовала разные хитрости. А я,— продолжал он думать,— едва не заставил пузырек с бальзамом для почек и печени фирмы «Убик» совершить путешествие в свое время. Это мне почти удалось». Почему-то он был уверен в этом; Джо отдавал себе отчет в своей силе, которая проявилась во время последней трансцендентной попытки.

Трамвай — дребезжащее, металлическое чудовище — со скрипом остановился перед скамьей. Окружавшие Джо люди встали с мест и торопливо начали подниматься на заднюю площадку.

— Эй, сэр! — крикнул Джо кондуктор.— Вы садитесь или нет?

Джо ничего не ответил. Кондуктор подождал немного, потом дернул сигнальный шнур. Трамвай тронулся с места и вскоре исчез за углом.

— Всего наилучшего,— буркнул себе под нос Джо, слушая удаляющийся перестук колес.— И до свидания.

Закрыв глаза, он откинулся на спинку скамьи.

— Простите,— сказала, склонившись над ним, какая-то девушка в плаще из страусиной кожи. Он взглянул на нее, мгновенно приходя в себя.— Вы мистер Чип? — Она была стройна и красива, на ней была шляпа, перчатки, костюм и туфли на высоких каблуках. В руке она держала какой-то предмет, он видел только его контуры.— Из Нью-Йорка? Из Корпорации Ранситера? Мне бы не хотелось по ошибке вручить это кому-то другому.

— Да, я Джо Чип,— сказал он. На мгновение ему показалось, что эта девушка — Элла Ранситер. Но нет: он никогда прежде ее не видел.

— Кто вас прислал?

— Доктор Сондербар,— ответила девушка.— Доктор Сондербар-младший, сын основателя фирмы.

— Кто он такой? — Фамилия эта ничего ему не говорила, потом он вспомнил, где ее видел.— Человек, создавший бальзам для почек и печени,— громко сказал он.— Вытяжка из листьев олеандра, мятное масло, древесный уголь, хлористый кобальт, окись цинка...— говорить становилось все труднее, и он замолчал.

— Благодаря использованию наиболее передовых методов современной науки, процесс перехода материи к более ранним формам может быть повернут вспять, и это за сумму, доступную любому владельцу квартиры. «Убик» продается в лучших магазинах товаров для дома по всему земному шару. Посмотрите вокруг, там, где вы обычно делаете покупки, мистер Чип.

— Где я должен его искать? — спросил Джо. Он с усилием встал и стоял, удерживая равновесие.— Вы из девяносто второго года: то, что вы сказали, цитата из рекламного ролика Ранситера.— Подул вечерний ветерок. Джо чувствовал себя так, будто должен был вот-вот улететь.

— Да, мистер Чип.— Девушка вручила ему пакет.— Вы вызвали меня из будущего тем, что недавно сделали в аптеке. Я прибыла прямо с завода. Мистер Чип, я могу распылить его вокруг вас, если вы слишком слабы. Хотите? Я — официальный представитель, а также технический советник фирмы и знаю, как им пользоваться.— Быстрыми движениями она вынула пакет из рук Джо, разорвала обертку и немедленно направила на него поток частиц «Убика».

— Спасибо,— сказал он, почувствовав себя лучше.

— На этот раз вам не нужно его так много, как тогда, в номере отеля,— заметила девушка.— Вы сейчас сильнее, чем прежде. Пожалуйста, возьмите баллон с «Убиком», он может вам понадобиться еще до конца ночи.

— Смогу я получить его еще? Когда этот кончится?

— Раз уж вы вызвали меня сюда, думаю, сможете сделать это еще раз. Таким же способом.— Она отдалялась от него, уходя в тень, падавшую от стены дома.

— Что такое «Убик»?— спросил он, желая, чтобы она осталась подольше.

— Баллон «Убика»,— ответила она,— это переносной отрицательный ионизатор, снабженный собственной системой высокого напряжения и малой интенсивности, работающий от гелиевой батареи с пиковым напряжением 25 киловольт. Ускорительная камера придает отрицательным ионам вращательное движение против часовой стрелки, в результате чего они обладают центробежной силой и не разлетаются, а держатся вместе. Отрицательное поле ионов уменьшает скорость находящихся обычно в воздухе антипротофазонов. Как только их скорость снизится, они перестают быть антипротофазонами и, согласно закону равновесия, не могут более соединяться с протофазонами, излучаемыми людьми, замороженными в холодильнике, то есть находящимися в состоянии полужизни. Конечный результат заключается в том, что увеличивается количество ненейтрализованных протофазонов, а это означает возрастание энергии поля протофазонной активности. В результате у данного человека, находящегося в состоянии полужизни, происходит увеличение энергии, и он в некоторой степени перестает замечать низкую температуру холодильника. Теперь вы понимаете, почему формы «Убика», прошедшие регрессивный процесс, не могли...

— Ни к чему говорить «отрицательные ионы»,— задумчиво заметил Джо.— Все ионы отрицательные.

— Может, мы еще когда-нибудь встретимся,— сказала девушка, снова удаляясь от него.— Мне было приятно доставить вам этот баллончик; может, в следующий раз...

— Мы могли бы вместе пообедать,— закончил за нее Джо.

— Я заранее благодарю вас.

— Кто изобрел «Убик»?— спросил он.

— Группа людей, находящихся в состоянии полужизни, которым угрожал Джори. Но прежде всего — Элла Ранситер. Вместе с ними она работала над этим долгое время. Несмотря на это, до сих пор он доступен только в небольших количествах.— Она все больше отдалялась от него, пока не исчезла совсем.

— В «Матадоре»,— крикнул ей вслед Джо.— Похоже, Джори создал там отличный ресторан. Или, точнее, вернул его к подходящему моменту. Я сам не знаю, в чем это заключается.— Он прислушался, но девушка ничего не ответила.

Осторожно неся баллон с «Убиком», Джо Чип направился к оживленной улице, стараясь поймать такси. Подойдя к фонарям, он поднял баллон и прочел слова, напечатанные на этикетке:

КАЖЕТСЯ, ЕЕ ЗОВУТ МИРА КАНИ. НА ОБОРОТЕ БАЛЛОНА ТЫ НАЙДЕШЬ ЕЕ АДРЕС И ТЕЛЕФОН.

— Спасибо,— сказал Джо.

«Нам помогают ду́хи,— подумал он,— которые умеют говорить и писать. Из всех них я больше всего благодарен Глену Ранситеру. Особенно ему. Ведь это он автор инструкций, этикеток и писем. Весьма ценных писем».

Он поднял руку, чтобы остановить такси, и «грехем» 1936 года остановился перед ним с гневным клекотом.

Я — «УБИК». Я был раньше, чем возник мир. Я создал звезды, миры, живых существ и места их обитания. Они идут туда, куда я скажу, делают то, что я пожелаю. Я — солнце, и никогда не произносится мое имя, имя, которого никто не знает. Меня называют «УБИК», но это не мое имя. Я есть, и я буду всегда.

XVII

Глен Ранситер безуспешно искал владельца моритория.

— Вы действительно не знаете, где он? — спросил он у мисс Бисон, секретарши фон Фогельзанга.— Я должен еще раз поговорить с Эллой, это очень важно.

— Я прикажу ее привезти,— сказала мисс Бисон.— Вы можете воспользоваться комнатой 4В. Подождите там, мистер Ранситер, а я немедленно доставлю вам вашу жену. Чувствуйте себя как дома.

Ранситер нашел комнату 4В и принялся беспокойно расхаживать по ней. Наконец появился служащий моритория; на ручной тележке он вез гроб Эллы.

— Простите, что заставил вас ждать,— сказал он Ранситеру и немедленно приступил к монтажу электронных устройств, позволяющих установить связь.

Вскоре работа была закончена. Служащий еще раз проверил все, довольно кивнул головой и направился к дверям.

— Это вам,— сказал Ранситер, вручая ему несколько пятидесятицентовых монет, которые собрал в своих многочисленных карманах.

— Спасибо, мистер Ранситер,— сказал служащий моритория. Он взглянул на монеты и вдруг нахмурился: — Что это за деньги? — спросил он.

Ранситер долго разглядывал монеты. Он сразу понял, что имел в виду техник: деньги явно отличались от монет, бывших в обращении. «Чей это профиль? — задал он себе вопрос.— Кто изображен на всех этих монетах? Наверняка это не тот портрет, который должен быть на монетах. И все же человек этот не чужой для меня. Я его знаю».

И вдруг он узнал этого человека.

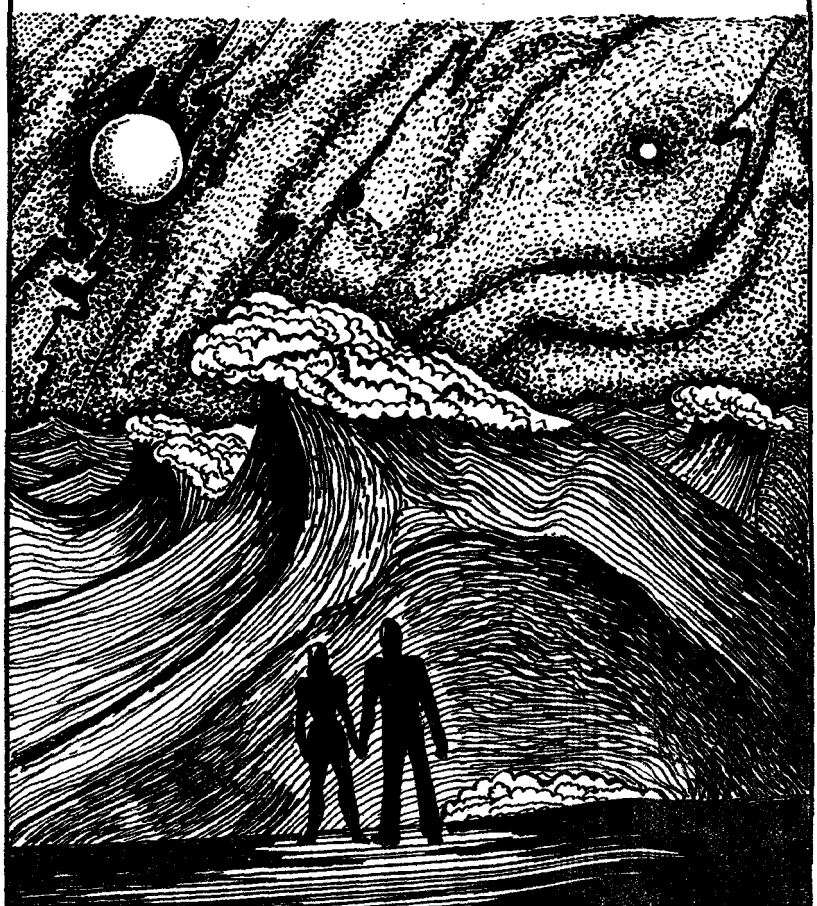
«Интересно, что это значит? — спросил он сам себя.— Это самая странная вещь, которую я когда-либо видел. Большинство событий рано или поздно можно объяснить. Но как объяснить портрет Джо Чипа на пятидесятицентовике?»

Это были первые в его жизни деньги Джо Чипа. И, странное дело, предчувствие говорило ему, что если он осмотрит свои карманы и бумажник, то найдет их гораздо больше.

Но это было только начало.

Ноэль Роже

НОВЫЙ ПОТОП

I

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Франсуа де Мирамар поднялся с места. Его преждевременно сгорбившаяся фигура отчетливо выделялась среди бенгальских роз и сверкающего хрусталя. Боковой свет, падающий из высоких окон, окаймлял его седые волосы серебряным сиянием.

Смех и говор сразу умолкли. Наклоняясь к маленьким девочкам и мальчику, только что приведенным к десерту, госпожа Андело, оделяя их конфетами, ласково заставляла их притихнуть.

Но де Мирамар не решался заговорить. Его взгляд по очереди останавливался на каждом из его внимательных слушателей: на жене, которая ему улыбалась, на его обеих дочерях, на сыне Губерте, на его брате — докторе Шарле-Анри де Мирамаре, на молодом враче Жане Лавореле, на Максе Денвилле — женихе Евы.

— Макс!.. Ева!.. Дорогие мои дети!..

Он сделал паузу и начал снова, с большой торжественностью:

— Заканчивая этот обручальный обед, я хотел бы сказать...

При виде белокурой головки дочери рядом с темной головой Макса, странное волнение невидимой рукой сдавило его горло. Как могло случиться, что здесь, в тесном кругу своей семьи, он, мастер слова, привыкший к почтительной аудитории Сорбонны и к капризным слушателям светских салонов, стоял с влажными глазами, блуждая слегка дрожащими руками по скатерти и не будучи в состоянии произнести ни звука? Его бледное, усталое лицо, сохранившее, несмотря на седые баки, свою юность, казалось застывшим. Он уловил разочарованный взгляд жены, приготовившейся ободрять жестом каждую его фразу. И, отказавшись от приготовленной речи, он закончил сдавленным голосом:

— Пью за здоровье Макса и Евы. Да будут они счастливы!

Все поднялись с мест. Кругом раздавались лишь звон бокалов и поздравления.

— Я боюсь, что Франсуа очень устает,— шепнула госпожа де Мирамар на ухо своему деверю, знаменитому врачу-психиатру, на прием к которому ездил весь Париж.

Он взглянул на нее. Из-под рыжеватых волос глядело гладкое, слегка оплывшее лицо, сбросившее на этот раз обычную маску улыбающегося спокойствия.

— Переутомление...— пробормотал Шарль-Анри.— Ему следовало бы немного отдохнуть.

— Теперь? — вздохнула она.— Когда его капитальный труд выходит из печати?.. Разве это возможно?

Госпожа Андело обратила к Франсуа де Мирамару свое худощавое, без возраста и цвета, лицо, озарившееся сдержанным выражением теплой симпатии.

— Ах, эта молодежь!.. Как бы хотелось скрепить их счастье...

Ученый улыбнулся своей секретарше, удивленный, что она так верно выразила его тайное волнение. Постоянно сверяя его заметки и приводя в порядок рукописи, она научилась угадывать его мысли.

Он взглянул на Макса: загорелое, открытое лицо, прямой взгляд, широкие плечи — образец дисциплинированной силы, душа, лишенная какой бы то ни было загадочности... Макс, сын его школьного товарища, вырос на его глазах... И, вспомнив о блестящей карьере, ожидающей молодого инженера, Франсуа де Мирамар мысленно поздравил себя с будущим зятем. Этот брак, представлявший столько гарантий, был, вместе с тем, и браком по любви.

Он оторвался от своих мыслей и перегнулся к жене, сидевшей против него:

— Дорогой друг,— сказал он.— Поторопите с десертом... Я жду сегодня своего норвежского коллегу.

Она вполголоса отдала приказание и с покорной улыбкой обратилась к деверю.

— Вы видите? Наука врывается даже в наш семейный круг!

Он повернул к ней свое бесстрастное лицо. Шарль-Анри был моложе брата. Элегантный, с выхоленной бородкой и проницательным взглядом, блестевшим из-под опущенных ресниц, он представлял собой тип светского исповедника. Он знал, что эта разумная женщина, эта безупречная жена и мать, председательница целого ряда благотворительных обществ, соразмерявшая свою жизнь с необычайно точным сознанием действительности, относилась к славе своего мужа, как к самой дорогой своей ценности, и превосходно направляла ее по нужному руслу.

Раздался хрупкий голосок Ивонны, обращавшейся к Жану Лаворелю, своему соседу.

— Значит, вы этим летом не поедете на море? Но ведь Ионпорт и наша Вилла Роз так красивы. Неужели вы предпочитаете швейцарские горы?

Он сослался на тоску по горным долинам, которых не видел с самой войны.

Ивонна подняла свое детское личико с еще неопределившимися чертами под светлой копной волос: — Война! Как давно это было!..— И она улыбнулась, вспоминая лазаретные койки, у изголовья которых они впервые встретились: он — как врач, она — она сестра милосердия. Несмотря на замкнутость Лавореля и ледяное обращение, она сейчас же разгадала его доброе сердце... Каким взглядом провожали его раненые!.. Одно его присутствие возвращало надежду самым безнадежным из них.

Лаворель повернулся, между тем, к де Мирамару. Его тонкое лицо и открытый лоб под белокурыми волосами, остриженными ежиком, покрылись румянцем.

— Мы чествуем сегодня двойное событие,— произнес он тихим прочувствованным голосом.— Я счастлив, что, проездом через Париж, могу принести вам свои поздравления по поводу окончания вашего великолепного труда «Гибель цивилизаций».

— Только первой части,— поправил де Мирамар.

Под шум перекрестного разговора Лаворель дал волю своему восхищению.

— Но и вторая часть будет скоро закончена,— сказал де Мирамар.— Да! Десять лет работы и усилий, доведенных наконец до конца! Попытка проникнуть во мрак нашего происхождения!.. Из всей кучи мелочей, оставшихся нам от доисторических времен, из всех этих последовательных открытий — вывести общий синтез... Какая задача! Вы правы. Сегодня я счастлив!

Его глаза искали взгляда госпожи Андело. Из всей его семьи она была единственным человеком, способным его понять, именно она, вдова гениального геолога, прозябавшего до самой смерти в неизвестности. В порыве братской солидарности он спас ее от нужды и в течение пяти лет она показала себя неоценимой помощницей и сделалась его ближайшим, хотя и безвестным для всех, сотрудником, непритязательным и скромным! Она никогда не говорила о своей печали, о своем прошлом, о своих нуждах: она жила среди них, трудолюбивая и замкнутая в себе...

Подставляя свои личики для поцелуев, Поль и Жермена обошли весь стол и скрылись за драпировкой...

В надвигавшихся сумерках угасал блеск хрусталя, и расплавлялась яркость роз, осыпавшихся от духоты...

Госпожа де Мирамар обратилась к мужу:

— Не забудьте, что вы ждете этого ученого норвежца, господина... Эльвинбьорга, если не ошибаюсь.

Он признательно улыбнулся. И, переходя в ярко освещенную гостиную, ответил на вопрос Жана Лавореля:

— Эльвинбьорг? Автор «Эпох упадка». Я его никогда не видел.

Он, по-видимому, довольно странный человек... Шумный успех его последнего труда оставляет его самого равнодушным... Он мне писал, что прошлое интересует его лишь постольку, поскольку оно может принести пользу настоящему... страшному настоящему. Он изучает людей, которым удавалось задерживать упадок, возвращать силу, восстановлять... Его следующая книга будет носить название: «Герои, мудрецы и святые»... В области истории он проводит на редкость прозорливую психологию...

— История!.. Вот наука, у которой почва потверже, чем у вашей! — сказал Макс, любивший подзадоривать ученого.

— Тверже, чем у моей? — возмутился де Мирамар.— История построена на людских страстях. Надо обладать гениальным ясновидением, чтобы установить границу их лжи. Для нас же Земля раскрывается, как книга: мы разбираем уцелевшие буквы листок за листком, слой за слоем... В наших руках — скромные, но неопровержимые свидетели человеческой жизни.

— Которые все же не открывают вам всей тайны,— промолвил Шарль-Анри.

Молодые девушки переходили от одного к другому, предлагая кофе. Шарль-Анри, Лаворель и Макс окружили де Мирамара, стоявшего около камина. Его жена сидела рядом. С внимательной улыбкой прислушиваясь для вида к разговору, она мысленно распределяла программу завтрашнего дня. Губерт бросился в кресло и вытянул свою негнущуюся ногу, тяжелую, как деревянный обрубок.

— Нет, нет, спасибо, сестренка, кофе не надо! — сказал он Ивонне.— Я плохо сплю. Мне хочется спать только днем...

Он пожал плечами, подавляя зевоту.

— К чему это?.. Весь этот труд, эти разговоры, это бесполезное напряжение сил?..

Он разочарованно рассмеялся, и лицо его приняло жесткое выражение. Двадцать шесть лет, плен, лазарет,— чего он мог ожидать от жизни?..

— Молчи, Губерт! Слушай! — возмущенно прошептала Ивонна.

Раздавался лишь голос де Мирамара.

— Гибель цивилизации! — говорил он.— Эти последовательные остановки в развитии человеческой мысли... Кто знает, на какой ступени цивилизации находился материк Атлантиды перед тем, как обрушиться? Почему эпохи каменного века отделены друг от друга такими громадными промежутками времени? Какие перевороты затормозили упорное трудолюбие человека? Что может быть трагичней этих внезапных исчезновений человеческого труда?

Он все более и более возбуждался. Подметив усталость его глаз, госпожа Андело бесшумно встала, чтобы погасить люстру. Канделябры исчезли. Позолота потускнела. При мягком свете абажуров гостиная стала уютней.

— Постоянно приниматься сызнова! Начинать с тех же нащупываний, побеждать те же трудности, не имея даже возможности применять достигнутый опыт!.. Кто может постичь ту бездну непроизводительных усилий мысли, труда, страданий, которые испытало человечество? А герои, помогавшие людям переживать эти потрясения? Сам Эльвинбьорг не мог бы отыскать их следа.

— К счастью, эпоха таких потрясений перешла в область преданий! — воскликнул Жан Лаворель.

— Вы думаете? — усмехнулся Губерт.— Если природа угомонилась, то люди сами умудряются вызывать новые бури...

— Обвал берегов Далмации произошел не так давно,— напомнил Шарль-Анри, только что закончивший морское путешествие.— Начиная от Каттаро и почти до самого Триеста побережье произвело на меня впечатление места, где только что разразилась катастрофа. Наше судно лавировало между пустынными островками, где не привилась никакая растительность, и которые были прежде вершинами гор... Это все, что осталось от целого затопленного края...

— Северо-западная часть Франции опускается, а Швеция поднимается все выше,— сказал де Мирамар.— Но успокойтесь! Это движение происходит очень медленно. Пройдут еще тысячелетия, прежде чем морские суда смогут подходить к Парижу!

Послышались протесты и смех.

— Современные теории позволяют предвидеть будущие изменения,— продолжал Франсуа де Мирамар.— Материки рассматриваются теперь как обыкновенные плоты, спущенные на первобытную материю. Они то приближаются, то отдаляются друг от друга.

— Увы! Нужны целые столетия, чтобы они сдвинулись на один метр! — насмешливо вздохнул Губерт.— У нас хватит времени умереть от скуки раньше, чем мы сольемся с Америкой!

Макс, помнивший еще кое-что из космографии, заявил:

— Небольшое замедление вращательного движения Земли или легкое ускорение — и вся неподвижная масса морей хлынет к полюсам или экватору...

— А люди? — спросила Ивонна.

— Все потонут! — воскликнул Губерт.— Не все ли равно! Появятся другие... Новый Адам... Новый питекантроп — не правда ли, отец?

Его шутка не имела успеха.

Все замолкли. Опустив глаза, госпожа Андело чуть слышно проговорила:

— Почему бы событиям, столько раз имевшим место в прошлом, не повториться снова?

— Отец! Ваша книга принесет миру несчастье! — воскликнул Губерт, пытаясь рассмеяться.

— Это предсказывали, однако, большие ученые...— продолжала госпожа Андело тихим голосом, от которого стены обширной гостиной как будто вздрогнули.

Присутствующие глядели на нее, не узнавая ее лица. На ней лежала печать какого-то неведомого величия. Госпожа Андело, которую привыкли встречать по четыре раза в день торопливо шагающей по коридорам, скромную, молчаливую, с лицом без всякого выражения,— смотрела на них теперь глубокими, лучистыми глазами, с неожиданно оживившимся лицом, как бы прислушиваясь к какому-то далекому голосу, который постепенно воскресал в ее душе.

Франсуа де Мирамар тихо проговорил:

— Я не могу не вспоминать Луи Андело и его великолепного исследования о переворотах третичной эпохи. И я счастлив, что этот случай позволяет мне воздать должное крупному ученому, великие заслуги которого недостаточно еще оценены...

Он замолчал, не решаясь продолжать. Никогда до сих пор она не упоминала о своем муже, память которого она, по-видимому, нежно и горестно чтила. Никто не помнил, почему Луи Андело был признан сумасшедшим некоторыми коллегами, завидовавшими его гению. Его смелый труд, почти забытый, все еще ждал должной оценки...

Госпожа Андело не слышала этих слов. Она, казалось, не видела никого из окружающих. Далекое воспоминание властно вставало перед ней, заставляя нарушить молчание и подыскивать слова, чтобы выразить то, что выразить было не под силу.

— Я его вижу... в то утро... в то последнее утро... Он никогда не проявлял большего ясновидения. Я переписала для него формулу Аристотеля: «Одни и те же места не всегда бывают землей или морем. Море приходит туда, где была твердая земля, и земля вернется туда, где мы видим сегодня море». Он комментировал теорию Сюэса, который объяснял потоп сейсмическим явлением, вызвавшим гигантское поднятие морского уровня. Я как сейчас вижу его стоящим перед окном, с устремленными вдаль глазами. Вдруг он мне сказал: «Возможно, что в недалеком будущем массы воды снова ринутся на сушу. Я этого не увижу... Но ты... может быть...»

Монотонный и как бы безразличный голос замолк. Наступило молчание. Никто не мог оторвать глаз от госпожи Андело, созерцающей чей-то невидимый образ.

— Поделился ли он с вами своими предположениями? — спросил наконец Шарль-Анри.

Госпожа Андело проговорила с трудом:

— Он скончался в следующую же ночь от кровоизлияния в мозг...

— Какая жалость! — необдуманно воскликнул Макс.

— Лучше не знать...— пробормотала госпожа де Мирамар,— мы не могли бы жить...

Все примолкли. Казалось, что гипотеза Луи Андело, это завещание его мысли, тотчас же опечатанное смертью, получило значение пророчества. Полуосвещенную гостиную сдавила минута мрачной жути. Воспоминания из книги Бытия осадили встревоженную мысль, вызывая чудовищные картины... Непомерно вздувшиеся воды, хлынувшие на землю и затопившие горы... Гибель всего живого, всех существ, двигающихся по земле, начиная с человека и кончая мелким скотом, пресмыкающимися и поднебесными птицами...

Им казалось, что вокруг них реет какая-то непостижимая угроза.

Шарль-Анри пришел наконец в себя и, наклонившись к своему юному коллеге, проговорил вполголоса:

— Этот дар убеждения, свойственный некоторым особенно нервным натурам, принадлежит к числу наиболее странных психических явлений. Обратите внимание на заразительное восприятие мысли Луи Андело его женой. И эта женщина, несомненно умная и приученная к научному мышлению, подпадает под влияние его смятенного ума, проявлявшего в других случаях такую проницательность!

Жан Лаворель ничего не ответил.

Шарль-Анри отошел от него и повернул выключатели.

Сноп света залил большую хрустальную люстру. Гостиная снова приняла свой торжественно-нарядный вид. И растерянность лиц вызвала общее удивление.

Губерт рассмеялся. Госпожа де Мирамар тихонько пожала плечами. Она еле сдержалась, чтобы не сделать госпоже Андело дружеского упрека. Ева чувствовала в своей руке ледяную руку Ивонны. Она подняла на своего жениха полные ужаса глаза.

— Ах, если бы можно было знать будущее,— прошептала она.

— Наше уже не так трудно себе представить,— ответил он, улыбаясь.

Он видел себя рядом с ней в уютной квартирке, в кругу друзей. Видел, как постепенно увеличивается его состояние, как он становится директором завода. Он замечтался...

Но его успокаивающие слова прошли мимо ее ушей. Ей казалось, что какая-то тень угрожала их счастью, которое еще недавно представлялось таким устойчивым и определенным. Раскрывалась неизвестность, населенная враждебными ей силами. Она почувствовала на себе словно какое-то дуновение и с внезапной ясностью ощутила присутствие смерти, бродящей вокруг непрочных радостей жизни.

— Ева! — прошептал ей вдруг на ухо Губерт...— Разве ты его не видишь? Он здесь!

Девушка открыла глаза и вздрогнула.

— Кто? — спросила она.

И внезапно увидела высокую фигуру новоприбывшего. Ни она ни Губерт не заметили, как он вошел. Казалось, что он всегда стоял там, против де Мирамара и Жана Лавореля, в том оконном простенке,— очень высокий и очень светлый.

— Как, ты говоришь, его зовут? — прошептала Ева.

— Фортинбрас.

— Фортинбрас? Что ты хочешь сказать, Губерт?

Она напряженно вспоминала этого шекспировского героя, норвежского короля, олицетворявшего собою двигающую силу. Того самого Фортинбраса, за которого подает свой голос умирающий Гамлет, и который появляется в самую решительную минуту, весь светясь энергией, единственный живой человек среди мертвых.

— Я отказался от всяких попыток произнести его имя,— пояснил Губерт.— К тому же, разве ты не находишь, что прозвище «Фортинбрас» подходит ему как нельзя лучше? Кругом него, над ним, в его глазах, в его голосе,— чувствуется движение... Он представляется мне шествующим среди громадного поля развертывающихся действий.

— Он производит очень симпатичное впечатление,— добавил Макс, приближаясь к своей невесте.— Каким он кажется молодым! Такой ученый человек, знаменитость...

— Молодым, да... И однако... Мне кажется, что у него нет возраста,— прошептала Ева.

Она не могла больше оторвать глаз от этого серьезного, бледного, гладко выбритого лица, с улыбкой склонившегося к ее отцу. Ясность этой улыбки разливала вокруг какую-то необъяснимую бодрость... Ева встала, чувствуя неудержимое желание подойти поближе.

Она услышала, как ее мать спрашивала:

— Не выпьете ли чашку чая, господин Эльвинбьорг?

Госпожа де Мирамар долила чашку кипятком и молоком. Склонившись над чайным столиком, она вновь нашла свои привычные слова и жесты. И казалось, что все окружающие предметы прояснились вместе с нею...

Исследователь доисторических времен говорил:

— Ожидание конца мира никогда не переставало волновать нервных людей... Это нечто вроде коллективной истерии... Явление это хорошо известно.

Ева не слышала дальнейших слов отца. Она все смотрела на Эльвинбьорга, и, вспоминая название подготовляемого им труда, унеслась в неясных думах.

Вдруг она вздрогнула. Эльвинбьорг снова заговорил, и звук его сдержанного голоса возбудил странное сожаление о каком-то ином мире, где бы перевернулись вверх дном все современные земные ценности...

— Этот ужас является, быть может, ни чем иным, как очень древним воспоминанием...

Между учеными разгорелся спор.

— Люди воображают, что катастрофические потрясения относятся лишь к прошлому, как будто будущее дает нам какую-то таинственную гарантию.

В голове Евы как молния пронеслась мысль: «Он тоже... Он верит, что подобная вещь возможна... И, однако, он улыбается, и с тех пор, как он здесь, я не ощущаю никакого страха».

Она заметила, что ее отец пристально взглянул на умолкнувшего Эльвинбьорга.

Нерешительно раздался тонкий голосок Ивонны, смущенной воцарившимся молчанием:

— Папа, но ведь Ной был предупрежден, не правда ли?

Возвращаясь мыслями к любимому предмету, ученый ответил:

— Да, моя крошка, Ной был предупрежден... И, несмотря на людские насмешки, он построил свой ковчег...

— Каким образом строится ковчег? — спросила Ева, снова охваченная зловещим видением и с тревогой думая о своей любви, о своем счастье, которое необходимо было спасать во что бы то ни стало...

— О! — решительно воскликнула Ивонна.— Ковчег, это символ!..

Франсуа де Мирамар повернулся к ней в радостном восхищении.

— Хорошо, очень хорошо, крошка! Я буду прибегать к твоей помощи для разъяснения древних мифов...

— Если бы я умела! — смущенно прошептала Ивонна.— Я очень люблю те мифы, которые вы нам рассказываете, папа.

— Нет ничего красивее их! — воскликнул ученый.

— Нет ничего красивее...— повторил Эльвинбьорг,— так как они являются выражением тех судорожных усилий, которые выпали на долю человеческой мысли. Есть события, память о которых совсем забыта, но зато их отражение сохранилось в людских мечтаниях. Сожаление о Золотом веке... ужас исчезновения Атлантиды... человеческий плач во время потопа...

И в тишине внезапно смолкнувшей гостиной его голос процитировал слова, которые халдейский эпос приписывает праматери людей, Истар, когда она в отчаянии присутствует при гибели мира:

> Неужели своих сыновей для того только я народила,
> Чтобы море они переполнили, точно детеныши рыбьи?

— А помните ли вы любопытное предостережение, полученное вавилонским Ноем? — спросил де Мирамар.

Эльвинбьорг ответил:

Житель Суриппака, построй корабль,
Оставь богатства, ищи только жизнь!
Ненавидь богатство и сохрани жизнь!..
Возьми внутрь корабля семена жизни во всех ее видах!

Де Мирамар улыбался, восхищенно слушая древний сказ, воскрешаемый его гостем.

— Я поражен, что вы знаете это наизусть... Что касается меня, то я помню лишь один отрывок и не вполне уверен, что смогу правильно его передать, так как перевод очень стар:

Трупы плывут тут и там,
подобно стволам деревьев.
Я взглянул по направлению к небу:
везде страшное море...

Де Мирамар прервал свою цитату.— Продолжайте, прошу вас, дорогой коллега!

Эльвинбьорг продолжал дальше. Все взгляды были устремлены на него. И чувствовалось, как сама собой довлела над всем и оживала в своем темном бытии эта людская скорбь, пережившая около пяти тысяч лет.

Я посмотрел, во что обратился день,
И меня охватил ужас...
...Я взглянул на море: голос его затих.
И все человечество было обращено в прах.
...Я открыл окно и, когда свет упал на мое лицо,
Я опустился на пол и сидел, плача.
Слезы текли по моему лицу...

II

УГРОЗА

Сезон в Ионпорте выдался блестящий.

Вилла Роз ютилась в стороне от прибрежных утесов, с которых глядели на рыбацкое селение отели. На светлом пляже, ослепительным поясом развернувшемся навстречу волнам, широкие бухты Виллы Роз казались часовыми, выдвинутыми к самому океану. Маленький садик с двумя клумбами под фиговым деревом мирно дремал под шум прибоя. Отблеск песков бросал на него свою позолоту, а беготня молодежи, лихорадочная веселость Евы, ожидающей своего жениха, и возгласы обоих малышей, занятых постройкой дворцов и крепостей, придавали ему жизнь. Сидя на террасе, госпожа де Мирамар с улыбкой наблюдала, как детские щечки покрывались загаром. Никогда до сих пор не наслаждалась она так полно блаженной истомой июля, беспечностью пролетающих часов, однообразных в своей равномерной смене и своем спокойствии. В голове ее не было никаких навязчивых мыслей, глаза бесцельно блуждали по простору. На этот раз лазурь моря не омрачалась даже той далекой

тучкой, которая до сих пор каждый вечер заволакивала ее легкой вуалью, но ни разу не разразилась дождем.

Приехала наконец и госпожа Андело. Появившись в одно прекрасное утро, она снова вошла в роль молчаливого секретаря, незаметная в своем костюме строгого покроя и озабоченная только тем, чтобы возобновить свою работу.

Де Мирамар тотчас же увел ее в приспособленную им для занятий комнату во втором этаже, сплошь заваленную книгами, бумагами и коллекциями кремнистых пород.

— Ах, госпожа Андело! Как вы мне были нужны! — воскликнул он.— Садитесь сюда... Мы все это перебелим начисто. Я вам продиктую то, что у меня готово уже две недели...

Даже не взглянув на сверкающий простор, в котором отражалось все великолепие летнего неба, госпожа Андело нагнулась над пишущей машинкой... Сухие и быстрые удары покрыли долгий, монотонный голос начинающегося прибоя.

Иногда ученый переставал диктовать. Откинувшись в кресле, он продолжал свою мысль вслух.

— Какой тайной покрыты все эти водовороты в истории раннего человечества!.. Как объяснить, например, исчезновение неандертальского человека?

Стук машинки останавливался. Госпожа Андело поднимала свое бесцветное лицо, и ее черные глаза зажигались.

— Вы представляете себе, госпожа Андело, этих людей, которым суждено было исчезнуть? Их несовершенный череп, сдавленный лоб, выпуклые глазные впадины, тяжелые челюсти? Может быть, они и сознавали, что их раса увядает и обречена на гибель?.. Ведь их потомство вымирало, последние женщины страдали бесплодием... Но почему?.. В силу какого проклятия?.. Не становилось ли само их существование настолько тяжелым, что они не могли к нему приспособиться? Я представляю себе последнего из них в момент появления людей нового времени...

Госпожа Андело, оставаясь неподвижной, улыбалась. В открытое окно врывался веселый смех Евы.

— Вечная тайна,— продолжал он.— Мы наталкиваемся все на одну и ту же тайну. Позже... через тысячи и тысячи лет достигает своего расцвета первичный человек каменного века. Он доводит искусство обтачивания камня до совершенства, выделывает статуэтки, высекает фризы, разукрашивает своды своих пещер живописью. Куда же он исчезает при появлении своего преемника, знаменующего новую эпоху «полированного» камня? А ведь вместе с ним исчезает и его искусство, его привычки, его верования: лучшие шедевры его творчества вычеркиваются из памяти... Почему?.. Вечный пробел в истории человеческого развития! И снова та же борьба и те же нащупывания!

Его глаза мечтательно устремлялись вдаль. Потом, возвращаясь к рукописи, он говорил:

— Давайте работать дальше!..

В это утро Ивонна встретила Губерта в саду.

— Губерт, не хочешь ли проехаться с нами в автомобиле?

— Нет... Я погуляю на берегу.

— Губерт, когда ты вернулся... оттуда, ты любил автомобиль!

— Тогда я чувствовал потребность мчаться во весь дух,— проговорил он,— хотелось все иметь, все объять, вернуть хоть что-нибудь из утраченных дней. Это уже прошло... Книги, любимые занятия, природу, радости — война отняла их у нас, как и все остальное...

Он умолк и взглянул на свою укороченную ногу.

— Ну до свидания, сестренка! Веселитесь!

Шагая по пляжу, он видел перед собой лишь песок, в который погружались его ноги. Его мозг скребла все та же мысль, которую он повторял про себя с болезненным смехом:

— Пройти через ад, чтобы жить среди такой скуки!.. Как это дико!.. Как дико!

Небольшое волнение покрывало море мелкой рябью, и пена волн взвивалась подобно легким клубам дыма, которые исчезали, не успевая даже соединиться друг с другом. Он взглянул на качающиеся барки и отвернулся, чтобы не поддаться странному ощущению морской болезни. Его взгляд машинально направился на берег, образовавший между крутившимися волнами целый ряд скалистых мысов. Волны издалека подбегали к камням, потряхивая своей пенистой гривой и бесконечно возобновляя свой тщетный набег, хлестали их белой пеной, которую тут же смывали обратно...

Губерт погрузился в созерцание этого движения, приостанавливавшего ход его мыслей.

Кончался прилив, и песчаный пляж, простиравшийся у подножья прибрежных скал, превратился в узкую золотую дорожку, омываемую волной. Губерт смотрел на открывшийся перед ним простор, сияющий таким невозмутимым спокойствием... Он растянулся на горячем песке.

Внутри себя и везде кругом он чувствовал какое-то качание, вызывавшее у него головокружение. Когда он закрывал глаза, ему казалось, что он находится на судне, подбрасываемом бушующим морем.

— Плохое пищеварение,— пробормотал он.

Он медленно перелег на другое место и увидел развевающееся белое платье, которое солнце заливало своим светом. К нему подбегала Ева.

— Макс приезжает сегодня! — весело объявила она.— Я еду его встречать.

Он улыбнулся ее счастью и внезапно ощутил ужас одиночества.

— Присядь ко мне!

Она послушно села, воскликнув:

— Смотри! Детишки!

Она показала рукой на своих маленьких братишку и сестренку, которые, утопая голыми ножками в песке, с разметавшимися прядями белокурых волос, упорно и настойчиво рыли канавки, под наблюдением гувернантки-ирландки.

— Как они счастливы! — вздохнул Губерт.

Склонившись над братом, Ева ласково его успокаивала. Эти последние недели он плохо выглядел... Это пройдет. Жизнерадостность придет сама собой... Он возобновит прерванные войной занятия. Он станет известным доктором, как Шарль-Анри, как...

Он перебил ее.

— Как странно! Прилив давно уже кончился. А море все тут, на том же месте...

Он смотрел на длинную волну, бороздившую море. Она медленно поднималась к ним, вздымая пенистый гребень, и распадалась у их ног.

— Как спокойно море! — прошептала Ева, следя за его взглядом.— Разве можно подумать, что за последние дни снова было несколько несчастных случаев!

— Несчастных случаев,— подскочил Губерт.— Еще бы! Целый ряд несчастных случаев!.. И ни в ком они не возбудили никакой тревоги...

— Так далеко от берега...— прошептала она.

Он порывисто встал.

— Это в самом деле невероятно!.. Уже два часа, как я здесь, а волна не уходит с этого места... Я не ошибаюсь... Она замочила мне ноги так же, как и два часа тому назад!

Ева рассмеялась.

— Море пренебрегает своими обязанностями... Оно забывает положенные часы... и я тоже... Надо возвращаться домой... Меня ждет портниха...

Она вскочила с места и побежала. Губерт последовал за нею своей неровной походкой. Она замедлила шаг, чтобы он ее догнал. Проходя вдоль ряда палаток, вынесенных к самому краю пляжа, они слышали, как мужские и женские голоса удивленно повторяли:

— Море не уходит!

Купание, однако, продолжалось. Дети шумно плескались. Рассеянные по морю цветные чепчики купальщиц мелькали, удалялись от берега и ныряли, точно яркие цветы, убаюкиваемые волной.

Губерт натолкнулся на группу рыбаков, которые удивленным взглядом всматривались в даль морского простора.

Завтрак прошел очень оживленно. Де Мирамар и госпожа Анделo обменивались разными догадками. Губерт не произнес ни слова, но никто не обратил на это внимания.

Радость Евы заразила молчаливую Ивонну.

Их забавляла «рассеянность океана, который задерживался на пляже».

— Океан бастует!

— Ба! — сказал внезапно Губерт.— Это не может долго продолжаться. Он скоро уйдет самым чинным образом. И ничего нового не произойдет под нашим солнцем.

Он говорил очень быстро, как будто желая себя успокоить. И его разочарованный смех осекся как-то сразу.

Де Мирамар заявил, что он спустится на пляж, чтобы удостовериться в этом явлении, которое находится, быть может, в связи с теми подъемами воды и ураганами в Тихом океане, о которых каждый день писалось в газетах, и которые оставляли публику совершенно равнодушной.

Госпожа де Мирамар посоветовала своим детям отказаться от послеобеденного купания.

— Мама, вы не знаете Макса,— воскликнула Ева.— Он первым же делом бросится в воду...

Веселое настроение возросло еще больше при виде разочарования игроков в теннис, пришедших с сетками и ракетками в расчете, что пляж уже свободен от воды. Ветер доносил на террасу их возмущенные возгласы:

— Это невероятно! Невиданная вещь!

Молоденькая графиня де Векк, страстная любительница тенниса, готова была плакать от досады. Она выпрямилась и погрозила океану кулаком.

— Это уж слишком! А наш матч? Что за глупая шутка! Пропал наш матч!

— Светопреставление! — крикнул кто-то.

Молодые девушки переглянулись. Светопреставление!? В яркий, ослепительный полдень, на берегу неподвижного моря, это слово прозвучало так дико, что они рассмеялись.

— Я еду встречать Макса! — сказала Ева.— Ты со мной, Ивонна?

Она пошла искать шофера. Губерт со снисходительной усмешкой глядел ей вслед.

— Она не идет... нет! Она летит!

Де Мирамар спустился на узкую полосу пляжа, заполненную купальщиками, устанавливавшими свои палатки. Не обращая никакого внимания на их пустую болтовню, он присоединился к группе

рыбаков, стоявших несколько в стороне. Он стал их методически расспрашивать, но они воздерживались от какого-либо мнения. Они качали головой, и их острые глаза со смутным беспокойством убегали вдаль.

— На нашей памяти никогда не случалось ничего подобного,— проговорил наконец один из них.

Их энергичные лица с обветренной кожей свидетельствовали о глубоком знании изменчивого и сурового моря.

Де Мирамар вернулся на виллу. Поднимаясь по ступенькам террасы, он заявил:

— Никто ничего не знает... Пойдемте работать, госпожа Андело.

Гувернантка увела обоих детей. Оставшись одна, госпожа де Мирамар расположила поудобнее подушки, вытянулась на кресле, улыбнулась обвевающей ее ветке и закрыла глаза под немолчный рокот волн.

Вдруг она вскочила. Горничная вносила чай.

— Который час? Пять часов? Уже?.. Барышни вернулись?..

Ей ответил автомобильный гудок. Послышались веселые голоса. Молодые девушки и Макс ворвались в сад. Все говорили сразу, и их белые наряды, их смех, их беготня разбудили этот дремлющий уголок, где смягчившийся свет уже бросал длинные лиловые тени.

На пороге появилась госпожа Андело. Де Мирамар просил извинить его: он не хотел прерывать работы.

— Но вы все-таки присядете к нам и выпьете чашку чая,— любезно сказала госпожа де Мирамар.— Я боюсь, что вы переутомитесь от этих занятий!

Госпожа Андело уселась среди молодежи. Сестры принялись за ней ухаживать. Они сменили свои автомобильные шапочки на большие тюлевые шляпы, которые трепетали вокруг их светлых личиков, точно крылья.

— Ивонна,— улыбнулась госпожа Андело.— Вы сегодня похожи на вашу сестру!

— Это потому, что я довольна,— таинственно ответила девушка.— Если бы вы знали, какое удовольствие проехаться на автомобиле по солончакам!

— А как море? — спросила Ева.

— Я не смотрела,— ответила госпожа де Мирамар, подливая в чайник кипятку.— Думаю, что оно на том же месте.

— Забастовка продолжается!

Отдаленный гул прервал их шутки. Все встали с мест, перегнувшись над решеткой.

Вдоль съежившегося пляжа, насколько охватывал взор, мелькали яркие пятна цветных нарядов и палаток. Какое-то внезапное смятение охватило купающихся. Видно было, как они поспешно сворачивали полосатые полотнища палаток и отбегали к подножию

скал, на ходу перекликаясь друг с другом. Получалась картина громадного разноцветного муравейника, в середину которого бросили палку...

— Они больше не смеются,— сказала Ева.— Они как будто чем-то напуганы...

— Разве вы не видите чем? — воскликнул внезапно побледневший Губерт.

Он протянул руку, указывая на белый край волны.

— Вода поднимается!

— Так значит, это не забастовка,— проговорил Макс.— Это — революция.

Однако это явление показалось им больше странным, чем тревожным, и смятение купающихся вызвало новые взрывы смеха.

— Тем не менее, это странно! — пробормотал Губерт.

Он стиснул голову обеими руками.

— Что же это будет? — спрашивала Ивонна.

— Госпожа Анделю! — воскликнула Ева, стремительно оборачиваясь.— Погадайте на картах!

Госпожа Анделю встала с места и выпрямилась.

— Да, да, да!.. Мадам Женевьева! — настаивали девушки.

Она побледнела и отвернулась. Ее глаза сделались неподвижными и далекими.

— Разве вы не понимаете, что предсказание начинает сбываться?

Они в недоумении замолкли. Автоматическим голосом она повторила давно сказанные слова:

— «Возможно, что в недалеком будущем массы воды снова ринутся на сушу. Я этого не увижу... Но ты... Может быть...»

Она ушла. Веселое настроение пропало. Макс и Ева переглянулись. Ивонна разразилась плачем. Даже госпожа де Мирамар, ласково гладя белокурую головку, припавшую к ее коленям, почувствовала на спине чье-то холодное дыхание.

— Ну, ну, Ивонна! — успокаивал Макс.— Посмотрите на море. Оно такое тихое и голубое. Завтра газеты разъяснят нам это явление. Поднимите же голову, прелестная сестренка!

— Нет, нет! — рыдала Ивонна.— Я не хочу на него смотреть! Я его теперь боюсь!

Океан незаметно поднимался. Косые лучи солнца трепетали на его волнах, которые медленно катились к берегу, лаская и точно играя, и бросали на него розовую пену, которая на минуту расцвечивала его песок... И каждая последующая волна заносила свой пенистый узор все дальше и дальше...

Ева увидела, как три старых рыбака прошли мимо них какой-то странной, развинченной походкой. Они качались, как пьяные. Она крикнула им:

— Что это значит?

Самый старый из рыбаков поднял голову и узнал девушку, которая каждое утро спрашивала его, хороша ли погода для улова.

Он остановился, машинально поднес руку к фуражке и ограничился лаконическим ответом:

— Никто не знает...

Ева заметила землистый цвет его лица. Скоро узкие тропинки береговых утесов покрылись людьми. Высыпало все население — женщины, мужчины, дети. Они молчали. Они стояли неподвижными, растерянными группами и медленно отступали по мере того, как продвигалась волна. Группа купающихся возрастала. Их пестрая и шумная масса присоединилась к темной группе рыбаков. Приезжие гости уже обрели свою беспечность. Изредка доносились взрывы смеха. Это событие, нарушавшее однообразие лета, приводило их в хорошее настроение. Они хохотали над растерянностью моряков. Женщин в особенности забавляла суета у моря и вид рыбаков, которые бросались в воду, подбегали к своим лодкам, снимали их с якоря и перетаскивали поближе к берегу, непрестанно уходившему все дальше и дальше. Переполох царил вдоль всей ярко синеющей необозримой глади, которая как бы охватывала умирающий багрянец заходящего солнца в своей укачивающей ласке.

Ученый лихорадочно писал, не отрываясь от бумаги, и был очень удивлен, когда Губерт вошел в его рабочий кабинет.

— Отец, вода поднимается!

Де Мирамар поднял глаза. Он с трудом оторвался от листа, который для него был реальней всякой действительности.

— Как ты говоришь?

— Вода поднимается.

— А!.. Любопытное явление... Очень любопытное...

Он с сожалением взглянул на начатую страницу.

— У госпожи Андело мигрень,— сказал он со вздохом.— Работа плохо подвигается.

Тон, которым были сказаны эти слова, предупреждал сына, чтобы он его не очень долго беспокоил.

— Отец,— продолжал Губерт резким и дрожащим голосом,— не думаете ли вы, что лучше уехать?

— Уехать? — перепуганно воскликнул де Мирамар.— А моя работа?..— Он взглянул на сына, желая убедиться, что тот не шутит.— И это ты предлагаешь уехать? Ты боишься?.. Ты? Боишься чего?..

— Я не знаю,— прошептал молодой человек.— Все это так странно...

— Куда же ехать? — продолжал старик.— Вернуться в Париж, когда мы так хорошо тут устроились? Зачем создавать осложнения? К тому же, вода спадет... и тогда...

Он остановился, заметив перекошенное лицо сына.

— Что с тобой, Губерт?

— Я не знаю,— повторил тот, не будучи в состоянии выразить возрастающую в душе тревогу.

Де Мирамар окинул огорченным взглядом груды книг, разбросанные бумаги, рукопись, разложенные выписки...

— Это не к спеху,— проговорил он.— Мы успеем еще завтра принять решение.

— Завтра? — повторил Губерт.— Хорошо... Пусть это будет завтра...

Он замолк и вышел из комнаты.

Де Мирамар склонился над столом, покачал головой и подавил вздох.

— Каким он сделался странным... после войны...

И, продолжая начатую фразу, принялся писать:

«На заре неолитических времен замечается внезапное и полное исчезновение...»

Он остановился, чтобы найти дальнейший ход мысли, прерванной стремительным вторжением сына.

«...внезапное и полное исчезновение всей сложной работы...»

И все остальное перестало для него существовать!..

В гостиной, освещенной мягким светом ламп, Ева и Макс стряхнули с себя недавнюю тревогу.

— Впоследствии мы будем рады, что были очевидцами такого явления,— заявил Макс.— Люди станут подыскивать всевозможные научные объяснения... Это займет все газеты...

— Но завтра... все сады будут под водой,— проговорила Ева.

— Ну что ж,— пошутил Макс.— Выкупаемся в саду. Морское купанье на дому! Море в каждой квартире! Какая реклама для Ионпорта!

— Дети мои! Раз вы все в сборе, я хотела бы поговорить о серьезных вещах,— сказала госпожа де Мирамар, садясь за стол, заваленный бумагами.

— Моя теща принимается тоже за выписки! — воскликнул Макс.

— Я работаю для вашей же свадьбы,— возразила госпожа де Мирамар.— Сегодня уже второе августа... До свадьбы осталось с небольшим шесть недель... А Макс приехал совсем ненадолго!

— Увы! Безжалостный завод! — вздохнул жених.

Госпожа де Мирамар продолжала своим спокойным, слегка торжественным голосом.

— Мы намерены дать несколько обедов и вечер. Надо же, наконец, вернуться к своим довоенным привычкам! Я подготовляю список приглашенных. Кого вы приглашаете? Мы запишем всех вместе.

Она говорила тем серьезным тоном, которым генерал излагает план кампании. Ее супруг приоткрыл дверь, требуя лампу. Она его окликнула:

— Франсуа!.. Придите помочь нам!.. Это для вас очень важно... Послушайте, что я надумала... Во-первых, обед...

Она записывала имена, перечисляла титулы, развивала самые замысловатые комбинации. Виртуозно играя своими светскими знакомствами, она добивалась только одной цели, в которой никогда бы не созналась, но которую ее муж отлично знал и всегда поощрял снисходительной улыбкой. Он слишком хорошо сознавал, что ценность ученых трудов не является сама по себе достаточным основанием, чтобы достичь официального признания, если не добавить к ней еще кое-что... Ему следовало занять кресло в Академии, не так ли? Но обычай требовал, чтобы он сделал сам по направлению к этому креслу несколько предварительных шагов... Эта необходимая процедура, говорил он своим друзьям, придаст его трудам больший вес... Он не отрицал, что многие великие умы обходились без всякой Академии... но все же!..

— Разве это так уж весело — быть академиком? — бормотал с желчной разочарованностью Губерт.

Сидя около окна, он не сводил глаз с моря. Сгустившиеся сумерки окрасили воду в пепельный цвет, в котором утонули последние отблески света.

Подали обед. Сославшись на головную боль, госпожа Анделo просила ее извинить и удалилась в свою комнату. Сели за стол. Молодежь принялась оживленно обсуждать свадебные туалеты. Макс оказался тонким знатоком моды, и Ева весело смеялась над каждым его замечанием.

Никто не говорил об отъезде. Успокоившись на этот счет, де Мирамар потребовал бутылку шампанского, будто бы для того, чтобы обрести душевное равновесие, утраченное при наблюдении за любопытнейшим явлением природы, носящим, без сомнения, временный характер, крайне редкостным, может быть, даже единственным в своем роде...

Стоя рядом, Ева и Макс подняли свои бокалы. В незначительных фразах, которыми они обменивались, проскальзывало какое-то волнение. Ева смущенными глазами смотрела на того, кто должен был стать спутником всей ее жизни. Обстоятельства и светский круг знакомств незаметно свели их друг с другом. Убеждаясь в своих одинаковых вкусах и в соответствии характеров, они почувствовали друг к другу как бы взаимную привязанность. А теперь в них пробуждалось неведомое до сих пор волнение.

Губерт, все время подходивший к окну, объявил:

— Вода, кажется, остановилась.

— А я как раз собиралась предложить провести эту ночь в гос-

тинице,— сказала госпожа де Мирамар,— чтобы не очутиться завтра на острове. Но раз все кончилось...

Кофе подали в гостиной. Через каждые четверть часа Губерт подтверждал свои успокоительные наблюдения. Море не двигалось дальше. Темная громада с плавающими в ней отражениями звезд остановилась в нескольких метрах от сада.

Ева села за рояль. Переполняющая ее нега счастья передалась ее игре, и горькая жалоба шопеновского ноктюрна казалась детской болтовней. Де Мирамар вернулся в свой кабинет, а его жена удалилась к себе, оставив жениха и невесту с Губертом и Ивонной.

Губерт уселся за рояль на место сестры. Ивонна замечталась рядом с ним. Сидя в простенке между окнами, жених и невеста разговаривали вполголоса.

— Мне кажется,— говорил Макс,— что поздравления наших друзей, подарки, приготовления к роскошной свадьбе,— все это окружающее нас счастье — ничтожны по сравнению с тем, что мне представилось сегодня...

Ева подняла на него свои доверчивые глаза.

— Скажите же, Макс, что вам представилось.

Внезапно смущенный прикосновением детской ручки, опиравшейся на его руку, он подыскивал слова, стараясь избежать чересчур сильных выражений.

— Ева, я хотел бы, чтобы вы были маленькой девочкой, которую я должен был бы защищать и оберегать с опасностью для жизни, вдали от всей этой излишней роскоши, которую, однако, мы так любим.

— Покорно благодарю,— рассмеялась она...

Смех ее осекся. Лицо Макса исказилось. Широко открытые глаза были устремлены на дверь. Он стоял бледный, разинув рот, не будучи в состоянии произнести ни слова. Ева взглянула по тому же направлению и вскрикнула. Все обернулись. Из-под закрытой двери показалась лужа воды... Она постепенно разрасталась, как бы облизывая паркет своим жадным языком. И этот черный язык каждую секунду все приближался и приближался, захватывая пол все шире и шире...

Губерт бросился к окну, оттолкнул ставни, нагнулся... Взгляд его машинально искал террасу, сад, дорогу и ту часть пляжа, которая покрывалась водой лишь в периоды равноденствия. Все исчезло. Под светлым небом черный безграничный простор терялся в пространстве, и волны ударяли о стену дома.

Губерт перебежал комнату и кинулся к противоположному окну. Но и тут темная движущаяся масса занимала весь горизонт: у подножья прибрежных скал огни вилл казались расположенными прямо на темной воде... Ева бросилась в переднюю с криком:

— Надо всех разбудить!

Губерт увидал своего отца, стоящего у порога.

— Не могли бы мы попытаться бежать? — спросила Ивонна.

— Волна нас настигнет,— ответил Макс, к которому возвратилось его хладнокровие.— Посмотрите, как она быстро движется вперед!

Вода уже покрывала весь паркет, переливаясь через плинтусы. Она поднималась исподтишка, терпеливо, с настойчивостью стихии, и казалось, что комната медленно куда-то проваливается.

— Поднимайтесь скорей во второй этаж! — крикнула госпожа де Мирамар, показавшаяся на лестнице.

— Хорошо, что мой рабочий кабинет наверху! — пробормотал ученый.

Перейдя затопленную прихожую, он присоединился к жене.

— Надо все-таки закрыть окно,— сказал Губерт.

Он высунул голову и услышал со стороны селения отчаянный колокольный звон, унылый и настойчивый. Окна вилл открывались одно за другим, и на их светлом фоне вырисовывались силуэты метавшихся людей.

— Колокол...— прошептала оставшаяся с братом Ивонна.— Что это за колокол?

Губерт тщательно задвинул ставни и, повернувшись, ответил:

— Набат!

III

БЕГСТВО

— Госпожа Андело, госпожа Андело, проснитесь! Вставайте! Наводнение!.. Вода!.. Столовая вся в воде!

Госпожа Андело открыла глаза. Жестокие тиски мигрени не ослаблялись. Стук пишущей машинки продолжал ее преследовать даже в полусне. Чья-то фигура припала к изголовью. При мигающем мерцании свечи она увидала лицо, которое сразу не могла узнать. Неужели это растерянное, взывающее о помощи существо была госпожа де Мирамар? В своем шелковом платье, с бриллиантами и жемчугами в ушах и на корсаже, она казалась более жалкой, чем самая ничтожная из обитательниц Земли.

— Я подняла детей, гувернантку... Мало ли что может быть... Что нам делать? Что делать?..

Госпожа Андело села в своей постели, сжимая руками голову. Что пронеслось перед ее глазами в смятении настоящей минуты? Чей далекий образ промелькнул перед ней?

— Иду... Я помогу господину де Мирамару. Это главное,— не правда ли? Надо все приготовить к бегству...

— Но как бежать? — застонала госпожа де Мирамар.

— Поезда, вероятно, ходят,— ответила секретарша, покорно одеваясь,— самое спешное, это спасти рукописи!

— Спасти нас всех! — рыдала госпожа де Мирамар.— Моих детей, моих двух маленьких детей...

— Все спасутся, сударыня... Не отчаивайтесь... Надо быть спокойной... Пойдемте со мной...

Она вышла из комнаты, даже не позаботясь собрать свои вещи. Через несколько минут она уже переступала порог рабочего кабинета, где господин де Мирамар суетился среди своих бумаг и коллекций кремней и костей.

— Я пришла вам помочь...

Тревога разрасталась. Всю легкую мебель, посуду и белье перенесли в верхний этаж. Повсюду хлопали двери. Слуги толкались на лестнице и перекликались убитыми голосами, сообщая друг другу о движении воды. Еще ступень, две ступени, три...

Макс говорил всем и каждому:

— Не может же она вечно подниматься! Вот увидите! Она начнет спадать!

Губерту удалось отыскать расписание поездов, которое он стал тут же лихорадочно изучать. Первый поезд отправлялся в семь часов... Как на него попасть? На автомобиле? Но шофер ушел в гараж. Кто-то видел, как он вошел по пояс в воду и исчез в темноте. После этого он больше не возвращался...

— Багаж? К чему? Как вы будете перевозить вещи? — повторял Губерт, видя, как сестры укладывали свои наряды, а мисс Мод методично складывала платья малышей, игравших в углу в куклы и очень удивленных, что им разрешают играть ночью. Госпожа де Мирамар устала от беготни. Эта бесполезная суетня как-то облегчала давившую всех тоску. Шум кошмарного потока продолжал между тем наполнять ночь своим зловещим плеском, на который отвечал испуганный трезвон колоколов.

Поднялась заря. Окутывающий горизонт туман отягощал воздух.

Высунувшись из окна второго этажа, Губерт наблюдал, как постепенно вырисовывались контуры предметов, полных потрясающей иронии. Виднелись только крыши вилл,— странные крыши, возвышавшиеся прямо над серой водой. У отверстий кровли теснились какие-то головы; чьи-то руки мелькали в порывистых отчаянных взмахах. Поток катил на себе самые причудливые предметы: башмаки для тенниса, казавшиеся сбитыми ветром чайками, ракетки, длинную сеть, извивавшуюся вместе с волной, купальные костюмы, разорванные палатки — точно какие-то обломки гигантского кораблекрушения.

Перегнувшись на подоконнике, Губерт старался разглядеть крыши рыбацкой деревни. Но он ничего не увидел, кроме воды, омывав-

шей уже подножье скал, да жалкой церковной колокольни, стоявшей среди волн в каком-то странном ракурсе и замолкнувшей, как будто она лишилась всех своих колоколов.

Между тем, небо прояснялось, покрываясь синевой. Появившееся солнце как будто впитывало в себя блуждающие пары. Океан утратил обычное спокойствие. С угрюмо-зеленого горизонта катились бурливые волны, и пена их, рассыпавшаяся от ветра во все стороны, извивалась, словно грива лошадей, пущенных бешеным галопом. Теперь, когда наступивший день озарил катастрофу, должны были появиться лодки... Губерт снова открыл окно и услышал отчаянные крики. Он не смел присоединить к ним своего голоса из боязни увеличить ужас своих близких. Он ограничился тем, что сделал знак Максу, и оба стали молча сторожить у окна. Не бросят же их на произвол судьбы! Там, на прибрежной скале, находились отели, еще не покрытые водой, и населявшая их толпа космополитов — офицеры, доктора, депутаты — должна же была что-нибудь предпринять. Эти люди обязаны были взять на себя инициативу спасения... Макс перебирал все возможности. Губерт нервно подергивал плечами.

— А солидарность? — шепнул Макс.

— А эгоизм перед лицом опасности? — ворчал Губерт.

— Если никто не придет,— решительно сказал Макс,— мы снимем двери, привяжем к ним женщин и детей и пустимся вплавь. Мы с тобой хорошие пловцы, мой друг!

Они взглянули на волнующееся море, на грязный поток, переливавшийся уже через первый этаж, и замолчали. Макс отправился на свой пост у противоположного окна. Они больше ни о чем не думали, исполненные одним чувством напряженного ожидания.

Им пришлось потом не раз вспоминать об этом часе.

Подозвав вполголоса Губерта, Макс указал ему на три баркаса, которые, огибая мыс, медленно следовали один за другим. В первом из них они узнали старого рыбака, с которым перекинулись накануне несколькими словами. Они его окликнули.

Старик поднял свое посиневшее лицо и, увидев их, стал грести в их сторону. Судно опускалось, поднималось, подплывая все ближе и ближе.

— Не можете ли вы позвать другую лодку? — крикнул Макс.— Нас много!

Он указал на дрожащих людей, теснившихся около него.

— И с багажом...

— Багажа не надо! — решительно заявил рыбак.

Он сделал жест, чтобы оттолкнуть чемоданы, сложенные у соседнего окна.— Успеем ли мы вообще объехать все виллы? Время не терпит!..

Какой уж тут багаж! Все мысли устремились на качавшуюся лодку, которая стала у стены, на два метра ниже окна, и в которую сейчас надо будет прыгать...

Макс бросился туда одним прыжком, и протянул руки женщинам.

— Смелее! Я вас удержу!

Он смеялся, пытаясь шутить.

— Скорей! — командовал рыбак.

Ева прыгнула первая. Она думала, что ее подхватит волна, но сейчас же почувствовала себя в сильных объятиях своего жениха. Это небольшое утешение облегчило ее сердце. Он посадил ее на скамейку и позвал:

— Ивонна!

Закрыв глаза, девушка повиновалась и очутилась около своей сестры.

После Ивонны Макс принял двух малышей, которые громко смеялись. Госпожа де Мирамар прыгнула в лодку совершенно машинально. Растерявшуюся гувернантку и почти лишившуюся чувств старую няньку Губерту пришлось передать Максу с рук на руки. Госпожа Андело отказалась расстаться с объемистым пакетом, который она держала под мышкой. Долго уговаривали де Мирамара, чтобы он согласился оставить свой набитый книгами чемодан.

— Они нужны мне для работ,— стонал он.

И, указывая рыбаку на кипу вырезок, пытался его умолить:

— Постарайтесь взять хоть это!

— Отец,— решительно вступился Губерт,— книги можно заменить другими! Ваш портфель с рукописями мы возьмем! Он у вас под мышкой. Но чемодан слишком тяжел! Баркас перегружен...

Ученый махнул рукой, отказавшись доверить сыну драгоценный сафьяновый портфель, и прыгнул без всякой помощи. Макс принял его в свои сильные объятия и усадил около госпожи Андело. Она сочувственно улыбнулась.

— Я разложил кремниевые вещицы по карманам...— сообщил он ей.

Рыбак и Макс схватились за весла, и лодка, тяжело поднимаясь на волнах, удалилась от Виллы Роз.

Море ударялось о прибрежные скалы, вершины которых еще возвышались над водой. Другие лодки, нагруженные женщинами и детьми, следовали по тому же направлению. Слышался детский плач и умоляющие возгласы.

— Скорей, скорей! — повторял рыбак.— Еще многие ждут на побережье...

— Кто же взялся руководить спасением? — спросил вдруг Губерт.

Не понимая вопроса, старый матрос повернул к нему свое исху-

далое лицо, на котором со вчерашнего дня резко обрисовались морщины.

— Кто вас послал к нам? — переспросил Губерт.— Кто поручил вам спасать людей?

— Спасать людей? — проговорил старик, и немая усмешка скользнула по его лицу.— Да разве там наверху этим занимаются?

Его рука указала на фасады отелей, за которыми тянулись службы, гаражи и зеленые сады.

Он добавил вполголоса:

— Селение исчезло под водой незадолго до зари. Это надо было предвидеть. Тогда же, ночью, мы перевезли женщин и детей. Виллы расположены на большей высоте и должны были удержаться дольше. И вот мы приехали. Другие лодки работают за мысом... Разве можно бросить людей без помощи?

И он продолжал сильно грести.

Приближались к подножию белой береговой скалы. Надо было причалить к какой-нибудь выемке. Они вскоре нашли овраг, в котором рос папоротник и куда волна беспорядочно выбрасывала всякие обломки.

— Берегись! — скомандовал рыбак.

Лодка стала на мель среди папоротника, теннисных ракеток и шляпных картонок.

Макс схватил свою невесту, поставил ее на траву и вернулся за двумя малышами, которые радостно кричали и тут же, подбежав к воде, стали разбираться в выброшенных морем игрушках.

— Спасибо! Вы спасли нас! — сказал де Мирамар, протягивая рыбаку деньги.

Но старик, уже сидя на веслах, покачал головой.

— В следующий раз! — сказал он.— Счастливо оставаться!

Слегка помутившиеся глаза его остановились на двух белокурых малютках, которые торжественно размахивали крокетными молотками.

В следующий раз!.. Лодка опять закачалась по волнующемуся морю. Эти слова, брошенные стариком, возвращавшимся для оказания помощи жертвам наводнения, прозвучали как-то странно и жутко.

— Мы его больше не увидим! Он утонет! — воскликнула Ивонна со слезами на глазах. И, напрягая голос, она прокричала изо всех сил:

— Спасибо!.. Спасибо!..

— Мне следовало бы ехать с ним,— прошептал Макс, борясь между долгом человеколюбия, которому старый моряк отдавал себя так просто, и инстинктом, требовавшим от него спасения этих женщин, старика, детей, своей семьи.

— Не покидайте нас, Макс! — молила Ева.

Губерт их торопил. Они побежали к ближайшему отелю в неудержимом стремлении встретить других людей и поделиться с ними своими переживаниями.

— Поезд идет в семь часов. У нас еще час времени,— говорил Губерт.— Может быть, удастся достать немного горячего кофе для мамы и детей...

При самом входе они натолкнулись на растерянную толпу посетителей курорта. Мужчины и женщины в дорожных костюмах суетились, наталкивались друг на друга, поднимались по огромной лестнице и снова спускались, точно листья, разбрасываемые грозовым ветром. Некоторые из них тащили за собой чемоданы и звали невидимых носильщиков. Багаж наполнял весь зал. Другие роптали на управляющего, который исчез тотчас же после счетов.

Среди криков, стенаний и самых разноязычных проклятий кое-кто из женщин читал молитвы. Резкие звонки не переставали раздаваться по всему зданию, но никто из слуг не показывался. Надменная графиня де Векк рыдала, опустившись на свои вещи, которые некому было переносить.

Увеличивая смятение, начали прибывать обитатели вилл. Их можно было узнать по дико блуждающим глазам, которые целую ночь глядели на приближающуюся смерть.

Наконец по залу пробежал один из носильщиков. Какой-то человек с орденом в петличке задержал его на ходу и крикнул властным голосом:

— Остановитесь! Разве вы не видите, что с вами говорят? Потрудитесь снести мой багаж на вокзал!

— Автомобиль и экипажи уехали ночью... Это невозможно!

— Все равно. Отыщите двуколку или какую-нибудь повозку!..

Он указал на узкие чемоданы, шляпные картонки, кожаные саквояжи. Его жена в шелковом костюме и большой задернутой вуалью шляпе нервно пересчитывала багаж, дрожа от холода в своих мехах.

— Я — депутат,— настаивал он.— Я вас вознагражу... заведование табачным магазином... орден,— все, что хотите...

— Нет,— ответил носильщик.— Я иду за женой в другой отель. Плевать мне на ваши магазины!

Он уже бежал, проталкиваясь через толпу.

— Дурак, идиот! — кричал в отчаянии депутат.

Вернувшись к своей жене, он сказал:

— Милый друг, возьмем те вещи, которые тебе дороже всего, и пойдем пешком... Ничего не поделаешь!

Он указал на других путешественников, склонившихся над рас-

крытыми чемоданами и обшаривавших их с видом лиц, грабящих собственное имущество.

— Но у нас украдут остальное... Море уйдет... Эта нелепая история не может же продолжаться! — повторяла она с упорством женщин, которые не верят в очевидность катастрофы, раз она нарушает их виды или благополучие.

Протянув руку, она призывала в свидетели небо и море, которые, выйдя из рамок приличия, были ответственны в этой нелепой истории — в потере ее платьев и краже ее багажа.

— А если завтра не будет поезда?

— Да покажите же пример храбрости! — крикнула она с неожиданным желанием его оскорбить.

В толпе на всех языках поднимались такие же разговоры.

Страх перед опасностью взял верх. Вещи наспех увязывались в узлы. Толпа элегантных курортных гостей напоминала теперь партию эмигрантов, нагруженных уродливыми мешками.

Вокзал находился от отелей на расстоянии двух километров. Макс и Губерт бежали впереди, неся детей на плечах. По дороге им приходилось перегонять других беглецов, которые шли медленно, согнувшись под ношей, и женщин, несших поочереди на руках своих детей.

Поезд пришлось брать приступом. Семьи рыбаков провели остаток ночи в вагонах и не желали уступать свои места. Служащие растерянно бегали по платформе. Начальник станции поднимал руки к небу.

Максу удалось втиснуть свою семью в вагон третьего класса.

— Какое счастье! Боже мой, какое счастье! — повторяла госпожа де Мирамар, с умилением взирая на грязные скамейки.

Все переглянулись, охваченные неожиданным волнением. Бледные, измученные целой ночью ужаса, они все-таки находились все вместе, уверенные в дальнейшей безопасности. В этот же вечер они будут в Париже. И тут только они заметили отсутствие кухарки.

— Она пошла на поиски шофера,— уклончиво сказала старая няня.

— Если бы мы только взяли с собой хлеб, вино... остатки нашего ужина...— проговорил Макс.

— Не успели спастись, как уже думают о еде,— проворчал ученый, с горечью вспоминая о книгах, оставленных в Вилле Роз. Среди них находились старые номера «Антропологического Обозрения», и он положительно не знал, где можно было их достать.

Мисс Мод требовала чай и плакала о забытом зонтике. Госпожа Андело решилась выпустить из рук пакет заметок и выписок, которые она держала под мышкой. Это были материалы для второй час-

ти «Гибели цивилизаций», сама же рукопись — весьма объемистая,— находилась у де Мирамара.

С каждой минутой новая толпа путешественников врывалась на платформу. Вагоны были переполнены. Прибывшие первыми стояли на подножках и никого не пропускали в вагоны. Ева видела, как элегантные партнеры по теннису отгоняли плачущих женщин палками.

Напрасно уверял начальник станции, что составляется второй поезд, что он уже телефонировал, что локомотив сейчас прибудет. Никто не хотел ждать.

Вдруг страшный вопль покрыл шум голосов. На эспланаде, выходившей на океан, толпа внезапно отхлынула назад. Губерт высунулся из вагона.

Волна залила прибрежную скалу и шла вперед, необъятная, неодолимая, перекатываясь через террасы отелей и сады. Она уже достигла дороги, где толпились опоздавшие на поезд. Они пытались бежать, но волна догоняла их. Люди кружились, взмахивали руками, падали... О! Эти крики отчаяния, эти предсмертные вопли, этот неумолчный призыв агонии!..

Поток уже уносил людей... одного за другим... взрослых, детей...

Зловещая масса воды двигалась по земле, наступая на равнину бесконечных полей. Она катилась вперед, победоносно захватывая все пространство.

Высунувшись из вагона, Ивонна расширенными от ужаса глазами глядела на это потрясающее зрелище, воспринимая в нем другую картину, которая не переставала ее преследовать.

«Трупы плавали тут и там, подобно стволам деревьев...» — бессознательно шептали ее губы.

У поезда произошла невероятная свалка. На подножках происходили настоящие рукопашные бои. Люди с лицами, красными от напряжения, опьяненные страхом и гневом, яростно наступали друг на друга. Губерт увидал депутата, цеплявшегося за перила; его жена сзади него держала под мышкой смятые ткани легких блестящих платьев.

— Я говорю вам, что я хочу войти! — вопил он.— Я представитель государства!

Но тут существовал только закон сильного. Двадцать рук поднялись, чтобы оттолкнуть его.

Неожиданно он выхватил револьвер.

— Кто шевельнется — застрелю на месте!

Он воспользовался минутным замешательством, чтобы вскочить на подножку и втащить за собой жену, выронившую свои платья. Видя, что волнение разрастается, начальник станции решил подать сигнал раньше времени. На его свисток ответили крики отчаяния.

Поезд медленно отошел. Люди висели на дверцах вагона. Какая-то женщина сорвалась и упала под колеса...

— Это ужасно!..— шептала госпожа де Мирамар, подхватывая обессиленную Ивонну.

— Наконец-то! Париж! — вздохнула госпожа де Мирамар.

Возбужденная толпа окружала Орлеанский вокзал, вырывая друг у друга вечерние газеты и обсуждая невероятные новости.

Первое, что сделал де Мирамар, войдя в пустую, пахнувшую камфорой и сушеной лавандой квартиру, это протелефонировал брату.

Доктор приехал почти сейчас же. Путешественники доканчивали импровизированный ужин. Они уже успели освежиться и отдохнуть. Подчиняясь нервной реакции, молодые девушки возбужденно смеялись.

— Какой у вас мрачный вид, дядя! — воскликнула Ивонна.— Можно подумать, что не мы, а вы путешествовали двенадцать часов, не имея ни кусочка во рту, в третьем классе, причем в купе набилось четырнадцать человек!

— И что не я, а ты потерял самые нужные книги! — проворчал де Мирамар.

Доктор не скрывал своих опасений. Каждый час приходили тревожные вести. Сена поднималась с угрожающей быстротой. Говорили о наводнении в направлении Берси. Это необычайное движение моря, эти ужасающие депеши, которые прибывали со всех приморских пунктов...

Губерт встал.

— Надо сейчас же уезжать отсюда...

— Опять ехать! — вскричала госпожа де Мирамар, застыв в своем кресле.

— Губерт прав,— подтвердил доктор.

— Но чего ты боишься, в конце концов? — спросил ученый, пристально глядя на брата.

— Разве можно что-либо предвидеть? — ответил доктор.— Где остановится море? Определенно известно, что Сена невероятно поднимается. Передвижение сильно затруднится. Все захотят ехать сразу. Вы же предупреждены...

— О! Да... предупреждены...— прошептала Ивонна.

— Постарайтесь избежать новой паники... Уезжайте завтра...

— Ты едешь с нами? — спросил его Франсуа де Мирамар.

— Я не свободен,— серьезно ответил тот.— Меня удерживают мои больные. Если Париж эвакуируется, то я присоединюсь к вам... Одинокий человек всегда вывернется...

— Куда же ехать? — простонала госпожа де Мирамар.

— В Швейцарию... в Швейцарию! — повторял Губерт.

— Я думаю,— сказал доктор,— что это самое лучшее, что можно сделать... Предположим даже, что движение моря приостановится завтра. Все равно, никто не захочет вернуться на пляж. Произойдет повальное переселение в горы. Если вы двинетесь немедленно, то, по крайней мере, успеете найти номера в гостиницах.

— Мы совсем не знаем Швейцарии, гор,— прошептала госпожа де Мирамар.

— Мама,— вскричала Ивонна,— а Шампери, где Жан Лаворель проводит лето? Он нам поможет найти гостиницу... виллу!..

— Шампери? Что ж, можно и туда,— проговорил ученый.

— Надо ехать завтра же утром,— произнесла госпожа Анделю.

Она еще ничего не говорила и не обнаруживала никакого ужаса. Казалось, что она находится среди обстоятельств, давно предвиденных логикой, которые она встречала поэтому без всякого удивления.

— Макс! — шепнула Ева.— Вы поедете с нами?

Он колебался с минуту. Его родители находились в безопасности в Пиренеях, а у него был двухнедельный отпуск. Да, он поедет устроить свою будущую семью на горных высотах...

Ева с облегчением вздохнула... Что ей было до гор и до моря: пусть только около нее будет тот, кто ее любит и чьи горячие объятия доставили ей даже среди страшных волн такую неизведанную до сих пор отраду!

— В нашем распоряжении только ночь, чтобы приготовиться к отъезду,— вздохнула госпожа де Мирамар.— Это не очень-то много. Мы ведь оставили там все наши платья,— сказала она Шарлю-Анри,— все вещи, даже... автомобиль! Смотрите, вот все, что я спасла! — Она открыла свою сумку: в ней болталась связка ключей, несколько открыток и список приглашенных...

— Благодаря госпоже Анделю, у меня сохранились мои рукописи, заметки и выписки,— сказал ученый.

— А у меня — моя любовь,— прошептала Ева, склоняясь к Максу.

Когда таксомотор отвозил их на Лионский вокзал, солнце величественно вставало над городом. Госпожа де Мирамар смотрела в окно на улицы, залитые розовым светом. Проезжая по набережной, она вскрикнула: выбитая из русла чудовищным подъемом воды, Сена катила свои бушующие волны в обратном направлении. Грязные взбунтовавшиеся массы воды уже ударялись о верхние настилы мостов. Кругом толпились растерянные люди.

— Я не могу больше видеть этой воды, мама! — шептала Ивонна...

Все радостно приветствовали Энские горы: прочные стены, монументальные и несокрушимые.

— В безопасности! Мы в безопасности!..

Бельгард...

Выехав из туннеля, они увидели перед собой Женевскую долину, раскинувшуюся зеленеющей чашей среди раздвинувшихся гор.

Из окон гостиницы виднелось озеро, казавшееся огромным ясным зеркалом. У всех вырвалось одно и то же восклицание:

— Как оно спокойно!

Они не могли надышаться свежим воздухом, глаза жадно воспринимали ласковые изгибы берегов.

На розовом небе, склонившемся к воде, появились звезды. Беглецы чувствовали, как тревога их постепенно стихала.

— Наводнение, должно быть, уже приостановилось,— сказала госпожа де Мирамар.— Все опять придет в нормальное состояние...

Неожиданный крик нарушил тишину сумерек: какой-то мальчуган выкрикивал под самым окном:

— Добавление в Женевской газете... Последние телеграммы... Движение моря...

Прохожие толпились около мальчугана, вырывали друг у друга листки и тут же жадно пробегали их под светом электрических фонарей.

Макс одним прыжком очутился внизу, перебежал улицу и вернулся, неся еще сырую газету. Он начал громко читать заголовок, написанный таким крупным шрифтом, что у него зарябило в глазах:

— Париж под угрозой... В различных пунктах сообщение прервано... Новые кораблекрушения... Суда выброшены на скалы... Волны в пятьдесят метров...

Ряд имен, хаотическое перечисление несчастных случаев. В чистом воздухе августовского вечера пробежала дрожь...

— Надо во что бы то ни стало добраться до Вале,— прошептал Губерт.— Ехать завтра же, с первым поездом...

Изнемогая от усталости, они легли, пытаясь хотя бы во сне найти забвение. Губерт продолжал наблюдать у окна за неподвижным озером.

— Волны в пятьдесят метров,— размышлял он, как в кошмаре.— Кто знает, что происходит этой ночью... что произойдет завтра...

Паника... Поезда, взятые с бою... Люди, неистово размахивающие оружием... Его мать и сестры, предоставленные случайностям...

Нет!.. Тогда — что? Автомобиль? Савойя? Перейти горы?

Склоняясь над картой, Губерт всю ночь искал на ней дороги... Названия путались в голове, стол содрогался под напором локтей... Губерту беспрестанно представлялись чудовищные волны, разбивавшие океанские пароходы, как детские игрушки.

На заре он был уже на ногах. Он бегал по пустынным улицам, обошел все гаражи и, вернувшись, объявил наспех закусывавшей семье:

— Лучше всего ехать горными проходами. Я нашел автомобиль; шофер плохо знает местность, но с помощью карты...

Произошло короткое совещание. Да... Оставить чемоданы... Взять только необходимые предметы, саквояжи...

В вестибюле путешественники уже обсуждали новости и пожимали плечами.

Волны в пятьдесят метров! Как можно верить подобным сказкам? Внезапно совершенно исключительное поднятие морского уровня — это так. Но размеры этого явления несомненно преувеличены какими-нибудь капитанами, застигнутыми в открытом море!

Губерт не переставал торопить семью.

— Они не верят, но мы-то знаем! Живо... Живо! А то шофер раздумает!..

Они смотрели, как мелькали мимо них: порт, город, предместья.

От города, стоящего на горе, от его садов и парков, в которых расцветали августовские розы, веяло таинственной красотой. Он имел вид приговоренного к смерти, который глядит в глаза надвигающемуся року и — улыбается.

Дорога долгое время возвышалась над голубой пеленой озера. Подъехали к границе. Таможенники беспрепятственно пропустили машину. Она миновала Тонон и покатила по широкой зеленой долине.

Путешествие казалось бесконечным продолжением какого-то кошмара. Все молчали. Только жених с невестой изредка тихо переговаривались друг с другом.

Одну за другой проезжали они долины. Мелькали высокие горы. Леса раскидывались вдоль дороги глубокими извилинами. Спокойный ландшафт действовал умиротворяюще. Наконец-то перед ними не было больше воды!

Дорога сузилась. На склонах, перерезанных тропинками, виллы показывались все реже и реже. Автомобиль остановился. Взволнованные путешественники посмотрели друг на друга.

Перед ними поднималась пирамида скалистых гор, соединенных широким ступенчатым склоном, покрытым зеленью.

— Перевал Ку,— объяснил шофер.— Я не могу ехать дальше. Дороги нет. Но вы можете взобраться на перевал. Он не слишком высок... С другой стороны вы найдете долину Иллиэц!

Взбираться по каменистым тропинкам оказалось не так-то легко.

Губерт и Макс несли детей на плечах и вели поочереди то мисс

Мод, терявшую всякое присутствие духа, то утомившуюся госпожу де Мирамар.

Гостиница перевала была расположена у самого подножья остроконечной цепи Белых Зубов, как раз против двух долин. Когда они добрались до нее, уже темнело.

Высокие горы почти касались золотого неба своими лиловыми контурами, которые на горизонте бледнели и становились почти серыми.

В низкой комнате, куда таможенники швейцарского поста зашли выпить кофе, де Мирамар попросил дать кровати.

Хозяин, высокий горец с суровым лицом, удивленно смотрел на группу до смерти уставших парижан, пришедших через перевалы почти без багажа, в слишком легких костюмах и городских ботинках.

— У нас есть только сено...

В первый раз после наводнения беглецы крепко заснули.

— Как хорошо спать на сене,— прошептала Ивонна, открывая глаза...

— Как бы умыться? — спросила Ева, вспомнив о привычках цивилизованной женщины.

Ей ответил вздох гувернантки.

— Тут есть источник! — весело сказал Губерт.— Вода в нем ледяная!

— Как прекрасны горы! — восклицал Макс, с наслаждением вдыхая свежий воздух.

Ева взглянула на энергичное лицо, раскрасневшееся от холодной воды, на влажные волосы, развевавшиеся от ветра, и ей показалось, что она видит нового Макса, более мужественного и бодрого.

— Где Шампери? — спросил де Мирамар у мрачного горца, разливавшего кофе в чашки на столе без скатерти.

— Там! Вы сойдете сначала с Бармаца к подножью Белых Зубов.

Он открыл дверь. В комнату словно проникло все великолепие долины: длинный ряд бархатистых горных вершин, окутанных лазурью прозрачного воздуха, тишина, едва нарушаемая звуками далеких колокольчиков, поток, извивавшийся светлой нитью среди зеленых лугов.

Хозяин указал на какую-то точку внизу, видневшуюся у гигантских уступов горы. Все семь остриев Белых Зубов, тонкие и ясные, ярко выступали на солнце, но нижняя долина была еще окутана тенью.

— Шампери еще ниже... Есть хорошая дорога...

Хорошая дорога? Высокие женские каблучки подворачивались на булыжниках. Неподбитые гвоздями подошвы скользили... Потре-

бовалось целое утро, чтобы достичь Бармаца. Это был ровный луг, окруженный соснами и примыкающий непосредственно к хребту Белых Зубов. Здесь виднелось несколько разбросанных вилл, и — одна против другой — стояли две деревенские гостиницы. Макс пошел вперед и заказал завтрак на галерее. Комнаты и кровати были безукоризненно чисты, и путешественники решили отдохнуть в Бармаце дня два или три.

Это был действительно отдых. В мирной долине, озаренной солнцем и загороженной спокойными горами, было так чудно! Люди, жившие здесь, были тихи, косили траву и пасли коров, а их дети играли рядом. Не было ли сном это странное наводнение, эта лихорадочность событий, эта перепуганная толпа, это бесконечное путешествие?..

Де Мирамар расположился в узкой комнате, пахнувшей луговыми травами, и развернул свою рукопись. Он тщательно перебрал вместе с госпожою Анделю свои заметки, желая удостовериться, что все было цело. Она не обнаруживала никакой усталости и, склонившись над бумагами, спрашивала самым обыкновенным голосом:

— Располагать ли эти заметки в хронологическом порядке?

Он прислонился к деревянной перегородке и прошептал:

— А все-таки мне сегодня трудно работать!

Госпожа де Мирамар и мисс Мод отдыхали на кровати. Дети бегали вокруг виллы и, видя скачущих на свободе кроликов, воображали, что преследуют живые игрушки, выпущенные на свободу специально для их забавы. Лежа на одеяле, Ивонна следила за ними глазами. Прошло стадо коз, звеня легкими бубенцами. Медленно надвигались сумерки, принося с собою тишину, такую глубокую, что она казалась вечной. Небо было ясно, и на крутых склонах Белых Зубов еще переливались отблески угасающего дня. Возвышаясь над массивом своим острым треугольником, еще алым от заката, высокая вершина Южного Зуба казалась гигантским факелом.

Бубенцы пасущихся на воле лошадей всю ночь укачивали спящую Ивонну, отгоняя от нее дурные сны...

Завтракали на галерее. Гуляли на солнце. Наблюдали за паническим бегством кроликов, преследуемых Полем и Жерменой. Уверяли себя, что наводнение приостановилось. Конечно! Вода должна была спадать...

Молодежь перешла перевал и поднялась на скалы, с которых виднелся Шампери. Городок лежал в зеленой долине среди живописных построек, уменьшенных расстоянием и расположенных вокруг тонкого силуэта колокольни.

Макс предложил спуститься для поисков Жана Лавореля. Но так же, как в ту ужасную ночь, Ева умоляюще прошептала:

— Не оставляйте нас, Макс!

— Мы ведь не подвергаемся никакой опасности! — уверял он.

Но он не настаивал, растроганный ее тревогой.

Созерцая мирную долину, где сверкали удаляющиеся колокольни Иллиэца и Трех Потоков, они с содроганием сердца представляли себе города и побережья Франции, залитые водой.

На другой день, спустившись рано утром в Шампери, хозяин гостиницы вернулся с пасмурным лицом. Ходили тревожные слухи. Говорили о бедствии, угрожающем Нижнему Валэ. Подъем воды принимал невиданные размеры... Озеро поднялось до виноградников Эгля. Рона вышла из своего русла и залила долину Сен-Морис... Никто не помнит такой высокой воды...

— Виноградники пропадут! — вздыхал хозяин.— Бог знает, что придется платить за вино!

Говорили еще,— но этому уж нельзя было верить! — что прошлой ночью рассвирепевшие волны подняли на озере бурю, топили пароходы и разбивали их о берега...

— У вас есть газета? — спросил де Мирамар, стараясь говорить твердым голосом.

— Газета?.. Да...

Это был листок из Валэ, помеченный вчерашним числом.

Де Мирамар развернул его дрожащей рукой, ища новостей из Франции.

Весь берег Антлантического океана был под водой, от Бреста до Байонны, также весь берег Ламанша, от Дюнкерка до Морлекса!.. Сетт, Бордо — исчезли! Марсельцы искали спасения на своих холмах; жители Перигэ молили о помощи. В Париже целые кварталы были затоплены... Такие же известия прибывали из Англии, Бельгии, Италии, Германии, Скандинавии.

Пораженный де Мирамар читал вслух:

— В Лондоне бедствие... Страшная паника... Город частично под водой... Антверпен исчез... Венеция...

Что же это? Значит, вся Европа находится под угрозой? Весь мир разрушается на части?

Он проверил даты.

— Три дня тому назад! — прошептал он.— Что-то происходит сегодня?

И снова началась смертельная тоска...

Вечером какой-то человек, поднявшийся из Шампери, сидел в зале гостиницы. Парижане заканчивали свой ужин на галерее. Через открытое окно они слышали его отрывистый голос. Из Монтэ люди бежали в долину Трех Потоков и Иллиэц, спасаясь от наводнения. Всю ночь от Вильнева до Сен-Мориса звонили колокола.

Вода поднималась так быстро, что люди не успевали бежать. Много, много трупов...

Парижане перестали есть. Они в оцепенении смотрели друг на друга.

— Мы-то, по крайней мере, ничем не рискуем! — повторял де Мирамар.— Мы здесь на высоте полутора тысяч метров. Полутора тысяч!

— Трупы... Эти трупы...— повторяла побледневшая Ивонна.

— Неслыханное явление! — сказал задумчиво ученый.— Ничем не объяснимое...

На пороге показалась хозяйка. Лицо ее было расстроено. Багровые пятна покрывали щеки. Она обратилась к де Мирамару, так как слышала, что он — профессор из Парижа.

— Сударь... сударь?! Разве это возможно? Что же нам делать?

Де Мирамар повторял, как обыкновенно:

— Надо успокоиться, мадам Виржини. Здесь, на высоте полутора тысяч метров, вы совершенно ничем не рискуете!

— Мои родители там — внизу,— застонала она.— Немного выше Монтэ. Надо пойти их предупредить...

— Я спущусь завтра с мулом,— отрывисто сказал ее муж, высокий силуэт которого обрисовался сзади.— Они уже в безопасности... к ним известия дошли раньше, чем до нас... Но надо спасти провизию... вино...

Виржини бросилась к нему. Ничего не говоря, они посмотрели друг на друга. Потом он обернулся, взял свою маленькую девочку и посадил к себе на плечо. Ева почувствовала, как у нее на глазах навернулись слезы.

Он уехал на заре, таща за собой мула, нагруженного пустыми бочками...

Бесшумно одевшись, Макс вышел на воздух. Он шел большими шагами по направлению к малому перевалу и повернувшись увидел Губерта, следовавшего той же дорогой. Одна и та же смертельная тоска заставила их покинуть постели. Макс подождал его. Они вышли на террасу, откуда видна была вся долина, и безмолвно смотрели, как пробуждается Шампери, окутанный как всегда туманными тенями и ожидающий солнечной ласки. Со сланцевых крыш, расплываясь в воздухе, тянулся тонкий дымок... Брызнуло солнце. Стекла заблистали.

— Смотри, смотри! — шептал Макс, растянувшись на скале и защищая рукой глаза от солнца.

На залитой солнцем дороге Губерт увидел толпы людей, двигающихся взад и вперед, как кучки обезумевших муравьев. Одни спускались вниз, другие поднимались, беспрестанно встречаясь друг с другом. Иногда они останавливались, образовывали темную группу, которая вскоре распадалась, распыляясь в разные стороны.

— Начинается паника! — прошептал Губерт.— Слушай!

Утренний воздух доносил отдаленный звон колоколов из долины Трех Потоков, из Иллиэца, из Шампери... Колокола соединялись в неясную, отчаянную мольбу, которая тянулась, настаивала, смолкала, опять начиналась...

— Набатный колокол! Опять! — вскричал Макс.— Так он нас будет всюду преследовать!

— Значит... горы тоже? Значит — не стоило? — вырвалось у Губерта.

Выпрямившись, он взглянул прямо в лицо опасности и попробовал пошутить:

— Ну, дружище! Надо приводить в порядок наши дела. К тому же это не займет много времени!

Внезапно голос его оборвался.

— Сестры!.. Малютки!.. Мама!..

— Не все еще потеряно! — бодрил его Макс, беря за руку.

— Да, да... Ведь на высоте полутора тысяч метров, как говорит папа, мы ничем не рискуем,— посмеивался Губерт...

Рыдание, тотчас же заглушенное, прервало его голос.

Макс выпрямился.

— Идем, брат! И постараемся не слишком рано их напугать!

Они спустились вниз. Перед гостиницей толпа женщин и двое стариков окружали какого-то юношу с вьющимися волосами. Он смотрел перед собой безумными глазами, протягивал руки, пытался говорить и, задыхаясь, произносил все одни и те же отрывистые звуки:

— Вода... там... Вода... Вода... Спасайтесь... Вода идет!

Де Мирамар появился на пороге как раз в ту минуту, когда Макс и Губерт присоединились к толпе.

— Это пастух,— объясняла отрывистым голосом белокурая хозяйка гостиницы.— Он пришел сверху...

Она показывала рукой на тощие пастбища, расположенные вдоль крутого хребта Белых Зубов.

Пастух неожиданно заговорил.

Утром, при восходе солнца, он видел... Долина Роны наполнилась водой. Вода поднималась вдоль гор... Все горы окунались в воду... А она все поднималась... надвигалась все ближе... Тогда он решил бежать в Бармац... предупредить...

— Спасайтесь! Спасайтесь! — повторял он.

— Бьют в набат по всей долине Иллиэца...— прошептал Макс.

Виржини расплакалась. Женщины переглянулись. Их мужья спустились на заре в долину, чтобы попробовать спасти из домов часть имущества. Они все еще не верили в угрожавшую опасность. Рона заливала долину Иллиэц? Да разве это возможно? Оба старика качали головой... К ним обратился Губерт:

— Куда идти? Вы же знаете край!

Старый Ганс произнес:

— В долину Сюзанф...

Да!.. Долина Сюзанф! На высоте двух тысяч метров, за Южным Зубом. С женщинами и детьми можно было бы дойти туда в три часа через Па д'Ансель.

— Идти... идти...— повторял пастух.— Скорей! Вы не знаете, как поднимается вода...

Утро прошло в приготовлениях.

Готовили мешки с провизией. Собирали одежду. Дети бегали за курами и кроликами, которых они перевязывали за лапки и укладывали в корзины. Кругом раздавались крики и стоны обезумевших животных, бросавшихся из стороны в сторону. Неудержимый вихрь паники пробежал над пастбищем, казавшимся еще недавно таким спокойным и находившимся, казалось бы, вне всяких угроз. Приходилось оставлять на произвол судьбы лошадей и коров, которые не могли пройти по скользким скалам Па д'Анселя. Большинство женщин решили вести своих животных по склонам перевала Ку.

Виржини не хотела идти без мужа.

— Селестэн придет,— повторяла она, как безумная.— Он сейчас придет...

Макс решительно заявил ей:

— Надо увести в безопасное место ваших детей. Мужчина всегда найдет выход.

Она решилась наконец, заливаясь слезами.

За пастухами пошли: два старика, Виржини, Роза, ее конкурентка — хозяйка гостиницы, ее мать и несколько женщин и детей. Они привязали самого маленького ребенка к корзине, которую несли за спиной.

Госпожа де Мирамар шла с трудом, задыхаясь и опираясь на палку. Она задерживала всю колонну.

Они взбирались по зеленым и крутым скалам. Дойдя до первой террасы, они остановились.

— Оставьте меня здесь! — умоляла госпожа де Мирамар, падая на траву.— Я мешаю вам спастись!

Макс, Губерт и молодые девушки последовали за пастухом на край скалы, возвышавшейся над долиной. Они остановились в полном изумлении, не будучи в состоянии произнести ни слова. Де Мирамар присоединился к ним; он шатался и должен был опереться на плечо сына.

Долина Иллиэц сохраняла свой обычный вид спокойного величия. Но там, в глубине Ронской долины, где тянулись зеленые луга, появилась темно-серая масса воды, расширяясь между скал и набухая с каждой минутой. Четкая и ясная линия зеленых лугов стала постепенно исчезать. Черное покрывало расползалось, покрывая лу-

га, надвигалось на деревни, затопляло дорогу. А темная масса на горизонте стояла неподвижно, победоносно катя широкий поток, увеличивавшийся с неумолимой постепенностью.

Склонившись на скале, люди глядели вниз, не обмениваясь ни единым словом. Вода должна была уже миновать долину Трех Потоков. Она извивалась на плоской дороге Иллиэца, наполняла русло Виэзы и поднималась по скалам. Улыбающийся и залитый солнцем Шампери как будто не сознавал угрожающей ему опасности. Но всмотревшись с напряженным вниманием в деревню, беглецы увидели черные точки, которые выбегали из домов, бросались к скалам и бежали куда придется, во все стороны. Более быстрые из них неслись вперед в безумном галопе. Это был скот, который вырвался из хлевов и бежал врассыпную.

— Это ужасно! — шептала Ивонна, закрывая лицо.— Они все погибнут!..

Ее дрожащий голос вывел людей из оцепенения.

— Надо идти, идти,— умолял пастух, подняв перекошенное лицо.— Сюзанф еще далеко, а вода идет быстро...

Он указал на перевал Бунаво, возвышающийся над соснами. Никто не мог оторвать от Шампери расширившихся от ужаса глаз.

Так вот в какое состояние приходят люди и предметы, когда нарушается тот порядок, который считался до сих пор вековечным!..

Вода залила широкую низменность Шампери. С предательским терпением она преодолевала каждое препятствие, окружая постепенно каждую кочку. Она катилась по дороге между домами, которых становилось все меньше и меньше.

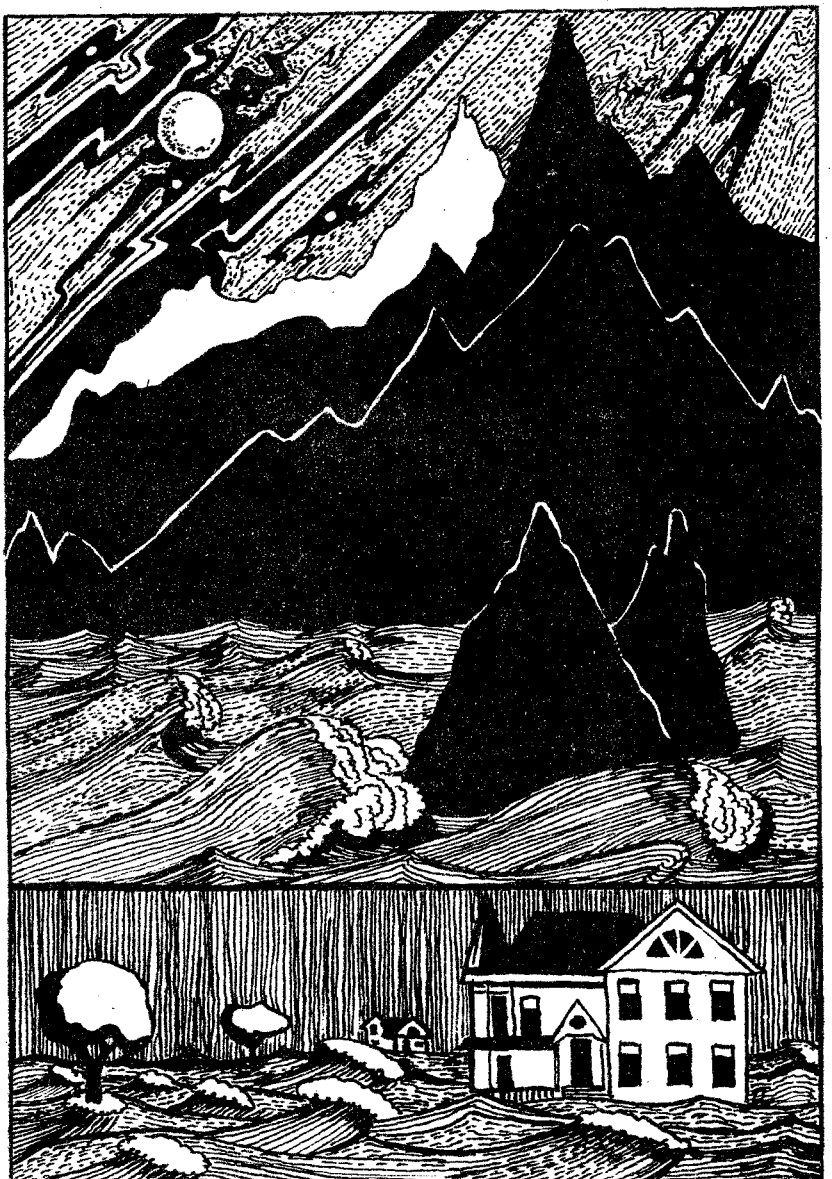
Отовсюду надвигались бесчисленные черные языки, которые соприкасались друг с другом, сливались и, не задерживаясь ни минуты, с математической отчетливостью совершали свой захват.

На выступе, перед обрывом, возвышалась вилла. Вода осторожно приближалась к ней, разделившись на два потока. Они слились, обхватили холм цепкими щупальцами и с мерными усилиями стали подниматься по склонам. Вытянувшись перед порогом, смутно шевелилась какая-то черная фигура. Казалось, что ее приковали к скале. И вдруг ветер донес крик агонии. Человеческий голос звал на помощь. И со всех сторон ответили ему другие голоса, поднимаясь жалобным стоном из затопленной деревни.

— Слушайте! — шептала Ивонна.

Ветер дул им в лицо. Неясная многоголосая жалоба становилась отчетливой. Можно было различить пронзительные рыдающие голоса женщин, отчаянные крики бешенства и мрачные возгласы мужчин, напрасно старавшихся найти защиту. Выли собаки, и среди задыхающегося вопля слышался глухой рев бегущих стад.

У несчастных существ, рассеянных по скалам и чувствовавших, что за ними идет призрак смерти, вырывались слова молитв, про-

клятия, богохульства. Стоящие на скале мужчины и женщины были потрясены не столько видом надвигавшейся воды, сколько отчаянием этого общего гула. Раздались нервные рыдания.

— Но вода должна же остановиться! — вскричал де Мирамар.

— Остановиться? — повторил Макс.— Почему? Где она остановится? Разве вы не видите, что она поднимается все быстрее и быстрее?

Они поднялись, ноги их дрожали. Бежать!.. Они могли еще бежать!.. Только эта мысль и занимала их мозг. Они бросились к отвесным скалам Бонаво.

Понадобилось три четверти часа, чтобы их достичь. Иногда кто-нибудь из мужчин оборачивался, не замедляя шага.

Сначала виднелись только сланцевые крыши вилл, которые, казалось, витали над водой среди белых, еще незатопленных фасадов.

Затем остались лишь крыши отелей, выступавшие как неподвижные плоты, разбитые волной... Среди волн высилась верхушка колокольни.

Потом все исчезло...

Когда беглецы достигли перевала, долина в последний раз предстала их взорам: от одного конца до другого она представляла собой чудовищную реку, уровень которой все продолжал подниматься. Виллы первых террас уже стояли под угрозой. Нижние леса тонули один за другим. Толпы бегущих людей и животных беспрестанно мелькали на зеленых склонах. Успеют ли они перейти через верхние пастбища к крутым изгибам, которые возвышались над долиной Иллиэц?.. А что дальше?..

Тропинка спускалась к Бунаво. Глубокое ущелье, зажатое между массивами темных скал, выходило в темный треугольник ледника.

— Невозможно пройти! — воскликнул де Мирамар.

Оба старика молча указали на еле заметную тропинку, поднимавшуюся по крутым скатам. Чтобы добраться до нее, надо было пройти ряд откосов, покрытых травой.

Несмотря на сильную руку Макса, госпожа де Мирамар спотыкалась на каждом шагу. Губерт нес свою маленькую сестру и должен был ежеминутно возвращаться, чтобы помогать гувернантке и двум молодым девушкам. Госпожа Анделю шла, как лунатик, а де Мирамар вел за руку маленького Поля.

Толпа крестьянок, подгоняемая страхом, вскоре опередила их и исчезла из вида.

Когда они достигли опасных проходов, пастух схватил руку Ивонны и повел ее, почти неся на руках, по выдолбленным над пропастью ступеням.

— Не смотрите назад, барышня, и не смотрите налево,— повторял он.— Смотрите вперед,— туда, куда вы ставите ноги.

Она повиновалась.

Пришлось поднять на руки гувернантку, у которой сделалось головокружение. Один из двух стариков предложил Губерту нести его маленькую сестру. Сидя верхом на сильных плечах, ребенок весело смеялся, поворачивая во все стороны свое розовое, цветущее личико. Губерт и Макс спустились обратно за госпожей де Мирамар, упавшей на тропинку. Госпожа Андело стояла рядом, стараясь ее приободрить. Старые горцы карабкались бодрым шагом. Их ноги крепко цеплялись за скользкий камень. Они переходили со скалы на скалу с уверенной смелостью людей, привыкших с детства ходить по краю пропасти.

Старый Ганс внезапно остановился и глухо вскрикнул. Его спутник, несший за ним маленькую Жермену, оцепенел на месте. Оба склонились над пропастью, ужас парализовал их лица, и глаза, вылезшие из орбит, казались безумными...

Вода бушевала на дне узкого ущелья, катясь с грохотом, который отражался высоким массивом гор и оглушал людей, застывших на краю головокружительной пропасти. Послышался пронзительный женский крик и звонкий голос Поля, который спрашивал:

— Папа, это опять море?

Губерт, пораженный, прошептал:

— Это волна... Большая волна...

Вода клокотала на дне ущелья. Ее пенистые волны перемещались с каждой секундой, поднимаясь и наступая на крутые склоны. Грохоту воды вторил рев стада, погибавшего у подножья крутой скалы по ту сторону ее. Животные чувствовали приближение потока и напрасно искали выхода. Обезумевшие коровы кружились и скакали по террасе, суживавшейся каждую минуту. Вода уже захлестывала их ноги. Наклонив голову, они бросились на скалу, с отчаянием стараясь преодолеть препятствие. Когда вода дошла им до брюха, они перестали бороться и, одна за другой, стали падать в воду.

Старый горец, несший Жермену, внезапно пошатнулся и протянул руки, ища опоры. Один миг его лицо, подергиваемое судорогой, молило о помощи. Потом он качнулся, руки его ловили пустоту, и он рухнул в пропасть вместе с девочкой, смех которой внезапно оборвался. Раздались крики. Госпожа Андело схватила за руки мать, которая, обезумев, хотела броситься вниз. Макс цеплялся за стену, нащупывая извилины, пытаясь спуститься. Но пастух, не отпуская терявшую сознание Ивонну, остановил его задыхающимся голосом, указывая жестом на бушующую воду, которая пенилась под ними.

— Это бесполезно! Вы же видите?

Бесполезно!.. Белокурая головка, пухленькое тельце,— все это лежало теперь разбитое на какой-нибудь окровавленной скале, под угрозой потока...

— Оставьте меня!.. Оставьте меня умереть здесь! — стонал де Мирамар.

— Если вы хотите спасти других, то надо идти!.. Идти быстрей! — шептал пастух.— Еще немного, и мы не сможем перейти вброд.

Он указал рукой на точку, где между сближающимися скалами прорывался водный поток. Его порывистые струи вырисовывались белой нитью на черной скале.

Макс выпрямился. Его энергичный голос прозвучал резко и отчетливо.

— Будем пытаться спасти тех, которые остаются... Вода поднимается!

Старый Ганс схватил ученого за руку и толкнул его вперед.

— Скорей!.. Надо идти!

На крутизне отвесных скал началась страшная борьба, исполненная ужаса и мук, от которых ныли все суставы.

Над людьми, казалось, навис непроницаемый мрак. Они шли, ничего не видя перед собой, кроме камней, которые им надо было перейти; ничего не слыша, кроме рокота бушующей воды. Они не чувствовали больше боли ни в истерзанных ногах, ни в руках, из которых сочилась кровь. Сколько времени шли они таким образом? Сколько времени Макс и Губерт тащили неподвижное тело матери? Неужели соседние предметы уже окутывались сумерками? Пастух не переставал высчитывать расстояние, которое отделяло их от брода. И каждую минуту его отрывистый голос молил:

— Скорей!.. Скорей!.. Идемте!..

Тропинка начала спускаться к ручью, стекавшему на нижние затопленные террасы.

Узкая полоса неба, видневшаяся между скалами, исчезала в сумерках, придавая ущелью еще более мрачный вид.

— Наконец-то поток! — прошептал пастух.

Снизу поднималась какая-то черная пелена, разделяя оба склона. Беглецы миновали их один за другим, поддерживая женщин и погружаясь по колено в воду. Наконец они перебрались на другую сторону. Ужас дня казался бесконечным...

Над их головой открылось небо и замерцали звезды. Значит, на обреченной Земле свет еще не угас. Направо поднимался высокий ледник, блестевший тусклой белизной. Они почувствовали под ногами более отлогий скат и поднялись еще выше, спотыкаясь и еле волоча разбитые ноги. Внезапно покрытый травою склон исчез. Между молочно-белыми вершинами, под звездами снова показавшегося неба, раскинулась зеленая долина.

— Долина Сюзанф! — объявил пастух.

Вскоре они услышали, как он закричал:

— Это вы, Инносанта? О! Вы хорошо сделали, что вышли нам навстречу.

Ему ответили неясные возгласы. Ивонна почувствовала, как ее схватили чьи-то сильные руки, женский голос, громкий и ласковый, говорил:

— Идите ко мне, моя бедняжка...

Прежде, чем отдаться этой воле, захватывавшей ее измученное тело, Ивонна обернулась и увидела, как какие-то люди склонились над ее матерью и понесли ее на руках. Тогда Ивонна закрыла глаза. Она открыла их только на одно мгновение, когда ее опускали на жесткую землю. При свете мерцающего пламени она увидела странную женщину, одетую по-мужски, узкое пространство, заключенное между каменных стен и совсем близко бледные лица своей матери и Евы. Ивонна опустила веки и потеряла сознание...

IV

ДОЛИНА СЮЗАНФ

«Есть еще высоты, куда можно бежать...»

Такова была мысль Макса, когда он открыл глаза, разбуженный ледяным холодом зари. Он лежал на каменистой почве, закутанный в пальто. В двух шагах от него стояла хижина пастуха, сложенная из дикого камня. В ней спали женщины. В неясном свете вздымался кверху высокий острый треугольник Южного Зуба, длинный хребет которого соединялся на горизонте с извилистой лентой перевала.

С трудом повернувшись на твердом ложе, Макс взглянул на ледник. У подножия снежных куполов его гигантские ступени отливали при отблеске зари зелеными пятнами.

Он чувствовал на своем лице какое-то легкое дуновение, которое пробуждало его энергию.

— Можно укрыться на высоте трех тысяч метров,— раздумывал он.— А затем, если вода будет подниматься еще выше, наступит конец всему... Но пока что бороться еще можно...

— А стоит ли? — прошептал Губерт. Он тоже не спал и подметил взгляд Макса, исчислявшего высоту гор.

Они молча посмотрели друг на друга. И глаза их перенеслись на край долины, где они ожидали увидеть появление воды.

Долина раскинулась между ледником, снежными вершинами и высокими горами, окруженная отлогими скатами и похожая по форме на удлиненную чашу. Ни один лесок не прерывал сухой линии скал и не смягчал их величественной бесплодности. Среди полированных камней и скал, разбросанных на всем видимом про-

странстве, редели лишь пучки трав, исчезая по мере того, как поднимались по склону. На верхних скалах двигались неясные очертания овец. И камни и зелень окрашивались пурпуровым небом. Их приветливое спокойствие поразило молодых людей.

— Там... еще нет ничего...— прошептал Макс.

Небо медленно светало... Мир находился в агонии. Что принесет ему этот день, начинающийся переливом таких нежных и таинственных красок?

Макс увидел, что пастух осматривал свою палку, намереваясь двинуться в путь.

— Вы идете туда? — спросил он.— Я иду с вами.

И оба крупными шагами спустились в долину.

Вскоре и остальные беглецы очнулись от тяжелого сна.

— Макс? Где Макс? — спросила Ева, стоя на пороге хижины и прислонясь к стене. Она чувствовала себя настолько измученной, что еле держалась на ногах.

Губерт ответил ей с непривычной заботливостью. Они подошли к изголовью матери, опасаясь ее отчаяния при пробуждении. Госпожа де Мирамар открыла глаза, но взгляд ее уже не узнавал детей. Неподвижная и безмолвная, она не различала даже голоса своего мужа... Она позволила отвести себя на скалу перед входом.

Ивонна очнулась от тяжелого сна последней, как бы пробуждаясь от летаргии.

— О госпожа Андело! Госпожа Андело! — молила она, простирая руки.

Склоняясь над ней, госпожа Андело тихо ее успокаивала.

— Я не хочу умирать, госпожа Андело... Я не хочу, чтобы мы утонули.

— Вы не умрете, Ивонночка,— обещала госпожа Андело.

— Вы сказали: все спасутся! — отвечала Ивонна.— А вот видите... моя сестренка...

Рыдания заглушили ее голос.

— Госпожа Андело... Вы помните тот вечер, в Париже?.. Вечер обручения Евы?.. Вы сказали: «Массы воды... массы воды снова ринутся на сушу»... Вы уже тогда об этом знали, госпожа Женевьева, уже тогда?..

Ее полные слез глаза смотрели на госпожу Андело, ширясь от неведомого ужаса.

Госпожа Андело прижалась головой к ее плечу.

— Да, нет же, малютка... Я не знала... Иногда, правда, мне чудилось что-то такое, что внушал мне другой... Но все-таки я думала, что этого никогда не будет...

Наступило долгое молчание.

Приподнявшись на своем ложе, Ивонна смотрела, как бледное утреннее солнце золотило снежные вершины.

— Если надо будет еще взбираться наверх,— я не смогу...— прошептала она.— Никогда не смогу... Когда же можно будет успокоиться, госпожа Андело?

В отверстии хижины показалась высокая фигура: мужские штаны, красный платок, закрывавший волосы, улыбающееся обветренное лицо, покрытое рубцеватыми морщинами. Загоревшие руки протягивали крынку с молоком. В оцепеневшей памяти молодой девушки пробудился неясный образ.

— Это вас зовут Инносантой? — спросила она тихо...

Инносанта Дефаго уже полвека как принимала в хижине Бунаво туристов Южного Зуба. Она их угощала, подкрепляла едой и услуживала, а иногда даже сопровождала их в горы. К ней шли инстинктивно, как к силе, которая умела за себя постоять. Она привыкла отдавать приказания и отвечать за свои поступки.

— У меня нет кофе,— сказала она своим резким голосом.— Но это козье молоко еще совсем теплое. Пейте, малютка.

Ивонна осушила крынку. Вскоре она смогла уже двинуться с места и присоединилась к сестре, сидевшей на камне возле своей матери. В нескольких шагах от них Франсуа, работник Инносанты, доил козу и наполнял молоком чашки и стаканы, вынутые из саквояжей. Несколько женщин и детей разбрелось по окрестностям, чтобы собрать обезумевших животных, разбежавшихся по всем направлениям.

— Ну, сударыня, надо взять себя в руки! — сказала Инносанта, предлагая госпоже де Мирамар лучшую из своих чашек. Та схватила ее и машинально выпила до дна.

Но когда ее муж увидел, что маленький Поль чуть не подавился, слишком быстро глотая молоко, он отвернулся, заглушая свои рыдания. Образ Жермены предстал пред ним слишком ясно.

— То, что осталось,— объявил Поль,— для Жермены! Она скоро вернется? — добавил он слабым, умоляющим голосом.

Мать подняла свое бесчувственное лицо. Госпожа Андело поторопилась увести ребенка.

Солнце заливало ледник, скалистую землю, высокие сланцевые стены. Госпожа де Мирамар лежала в хижине. Остальные расположились на нагретых камнях, обмениваясь редкими словами. Глаза их, следуя по склону долины Сюзанф, возвращались к предельной линии тощего пастбища, круто обрывавшейся вдали. Они с тревогой ожидали появления черной ужасающей зыби...

Наконец вдали появились две фигуры. Макс и пастух приближались быстрыми шагами...

— Вода, кажется, остановилась,— кричал Макс.

Он присоединился к ним. Вода поднялась до вершины ущелья

Бунаво, затопив перевал д'Ансель. Горе тем, которые искали спасения после них! Она почти дошла до Новых Ворот, которые выходят на долину Сюзанф.

— Склоны, по которым мы прошли вчера ночью, находятся под водой,— объяснял Макс.— Немного этой травяной полосы, вон там...

У них вырвался глубокий вздох облегчения...

В течение часа Макс и пастух лежали, склонившись над пропастью. Вода не поднималась. Была ли это окончательная остановка? Не сделает ли она новый скачок? Они решили наблюдать по очереди. Старый Ганс, не говоря ни слова встал и медленно направился к Новым Воротам.

— Она, несомненно, достигла своего кульминационного пункта,— сказал де Мирамар.— Она начнет спадать...

— Не забудьте,— ответил Макс,— что наводнение уже несколько раз замедлялось, а потом двигалось дальше с еще большей скоростью.

Они стояли, как люди, спасшиеся от кораблекрушения, прижавшись друг к другу, еще дрожа от пережитых ужасов. Они были так разбиты усталостью, что малейший жест вырывал у них крик боли. Они удивленно смотрели друг на друга, оглядывая свои рваные одежды, изодранную в клочья обувь, израненные руки. Теперь, когда чувство близкой опасности миновало, к ним вернулась способность вспоминать. Мысли, которые неясно шевелились в голове во время бегства, захватили их целиком. Им представилась картина всеобщего бедствия: весь мир под водой, исчезнувшие города... Париж! Лондон!.. Рим!.. Флоренция!.. Женева!.. Ах, Париж! А люди?.. Несколько оставшихся в живых существ, затерянных на вершинах, зовущих о помощи и лишенных возможности сообщаться друг с другом... Раздирающий душу образ любимых лиц обрисовывался с отчетливой ясностью... Что с ними сталось?..

— Мой брат...— прошептал задыхающимся голосом де Мирамар.

И жалобно продолжал:

— Моя маленькая Жермена...

— Мои родители...— простонал Макс.

— Наши друзья...

Ева думала о Жане Лавореле. Она вспомнила, что он хотел взобраться на Южный Зуб. Остался ли он жив? Ютится ли он где-нибудь на одной из этих вершин?

Они хранили тяжелое молчание, и каждую минуту перед ними раскрывались новые картины бедствия.

— Спасены... Но на сколько времени? — произнес вдруг Губерт.

Эти слова поставили их лицом к лицу с действительностью, и взгляды их устремились на долину, служившую им убежищем.

Зажатая между пустынными рядами Южного Зуба и цепью снежных вершин с прилегающим к ним величественно сверкающим ледником, долина Сюзанф поднималась отлогим скатом к перевалу, высокая стена которого закрывала горизонт. При ярком солнце она открывалась целиком: без единого деревца, сверкающая и голая, с хмурой скалистой почвой, на которой среди жидкой травы виднелись редкие пучки ярких цветов. Поток, падающий с ледника по отвесным стенам, наполнял тишину однообразным шумом. Насколько охватывал взгляд, нигде не виднелось человеческого жилья, если не считать убогой хижины, затерянной между скал в пустыне сланца и льда.

Все молчали, охваченные тяжелым унынием. Они не заметили, как подошла к ним своим крупным бодрым шагом Инносанта, крепкая и сильная, несмотря на свой возраст. Она подумала, что они любуются горами, к которым она питала особую привязанность.

— Большой Рюан, Малый Рюан и Башня Сальэр,— перечисляла она машинально, возвращаясь к своим привычкам проводника.— Иностранцы говорили, что это одно из прекраснейших мест на Земле...

— На нашей бедной Земле, которая поглощена водой,— прошептала Ивонна.

Инносанта остановилась на полуслове. Среди этой группы измученных людей ее высокая фигура выделялась с особенной резкостью. Ее суровое лицо застыло. По щекам скатились две медленные слезинки. Она окинула мысленным взглядом Иллиэц, его деревню, церковь и маленькое кладбище на террасе, склоненной к долине, где она рассчитывала когда-нибудь упокоиться.

— Мы здесь не при чем,— отрывисто сказала она.— Это великое несчастье...

Наступило молчание.

Ивонна встала и положила руку на плечо сестры:

— Идем к маме,— сказала она.

После полудня старый Ганс сообщил, что вода стоит неподвижно.

— Надо здесь устроиться возможно лучше, чтобы прожить несколько дней до спадения воды,— сказал Макс, уже занятый мыслью о существовании.

Коснулись вопроса о пропитании.

— Скот-то есть: взгляните на всех этих овец!

Инносанта указала на большие желтые массы, двигавшиеся на верхних террасах. Стада коз рассеялись по всем склонам Южного Зуба. А выше мелькали более легкие силуэты, убегавшие к высотам.

— Серны тоже,— сказал пастух.

— И птицы,— воскликнула Ивонна.

Они взлетали над скалами целыми стаями, и шорох их крыльев казался шелестом шелка. Воробьи усеивали каменистую почву чер-

ными точками, летало множество голубей, и медленно кружились хищники.

— Их-то всех кто предупредил? — шептала Ивонна.

— А кроме этого, у меня есть куры, которых я принесла с собой,— сказала Инносанта с широкой улыбкой.

— Ну! — откликнулся Макс,— значит, мы не умрем с голода.

— Зато можем умереть с горя,— тихо сказала маленькая Ивонна.

Мужчины вытащили из карманов коробки со спичками. Но как поддерживать огонь в этой долине, где росло только несколько пучков рододендрона?

— Вот что, дети,— приказала Инносанта,— идите к Новым Воротам и соберите все сухие рододендроны, какие только найдете!

Бармацские ребятишки сняли сапоги, чтобы чувствовать себя свободней, и побежали взапуски...

Сумерки надвигались медленно, как бы спускаясь с высоких гор, которые исчезали одна за другой. На мужчин и женщин, сидевших около хижины, напала бесконечная грусть. Ни костер из хвороста, ни крики детей вокруг Инносанты, жарившей козленка, не могли рассеять их уныния. Одни молчали, другие переговаривались вполголоса. Де Мирамар снова взял свой портфель и крепко прижал его к себе. Гувернантка, исчезнувшая было на весь день, требовала свой зонтик, который она никогда не сможет заменить другим... Роза и Виржини, наплакавшись вдоволь, неподвижно сидели около госпожи де Мирамар, находившейся в бессознательном состоянии. Ивонна отказалась от кружки молока. Ева с ужасом ожидала наступления ночи, которую нужно было провести в тесной хижине. Мать, сестра, гувернантка и несколько крестьянок... Все окажутся так прижатыми друг к другу, что нельзя будет даже вытянуть ноги. И тут же дети... Накануне большинство крестьянок провели ночь, сидя на своих мешках около хижины, защищавшей их от ветра. Но сегодняшняя ночь обещала быть более холодной...

Губерт тоже вздрагивал при мысли провести эту ночь под открытым небом. Указывая на меркнувшее пламя догоравшего хвороста, он вздохнул:

— Наш первый и последний огонь...

— Я хорошо знаю, где есть дерево! — отозвался пастух Игнац.— Завтра я пойду его искать.

Эти слова, казалось, пробудили энергию Макса:

— Я тоже знаю... Я пойду с вами...

Оба мысленно видели перед собой пространство серой воды, где плавали стволы деревьев, доски, бесчисленные обломки...

— Надо будет пилить...— добавил пастух.— У меня только нож...

— Смелей, Ева! Мы завтра улучшим наше жилье,— прошептал Макс на ухо своей невесте.

Она попыталась улыбнуться. Но тоска сжимала ей грудь, и остальные были удручены не меньше. Горы давили их своим безмолвием. А недалеко от них простиралось другое неизмеримое безлюдье — пустыня неподвижной воды с плавающими по ней мертвецами.

— Внезапное поднятие морского уровня! — сказал неожиданно де Мирамар, выйдя из оцепенения.— Ужасное поднятие морского уровня! Еще ужаснее, чем при Ное!

Его слова были встречены молчанием.

— Да,— добавил ученый своим обыкновенным ровным и авторитетным голосом,— симптомы сейсмического наводнения очевидны: море вышло из своих берегов на громадных пространствах и в своем сильном порыве унесло за собой все... Этому явлению несомненно предшествовало землетрясение, которое мы не могли наблюдать...

Они сгруппировались вокруг него и слушали с таким напряженным вниманием, какого никогда не проявляла аудитория Сорбонны. Послышался почтительный голос госпожи Андело:

— Значит, вы думаете, что вода спадет, и что море вернется в прежние границы?

— Через сколько же времени? — воскликнул Макс.

— В Библии сказано — через сто пятьдесят дней,— решилась сказать Ева.

— Рассказы о потопе в этом пункте противоречивы... Разве дни библейского сказания были действительно днями? Известно одно: при поднятии морского уровня после движения воды вперед, всегда следует движение назад... Это странно,— добавил он,— но я не думал, что теория Сюэса подтвердится с такой очевидностью. Я считал серию катаклизмов, прерывавших нить цивилизаций, законченной. Луи Андело судил правильно...

— О! Отец, не говорите, что мы проведем здесь сто пятьдесят дней! — взмолилась Ева.

— Нас может утешить то,— вмешался Губерт,— что этот потоп можно, по крайней мере, наблюдать и, как говорят философы, изучать методически и научно. Работа будет лучше выполнена, чем во времена Ноя! Делайте заметки, госпожа Женевьева!

Смех его умолк, не вызвав никакого сочувствия.

— Это медленное скопление вековых ценностей, весь людской гений... вся наука... погибшая цивилизация... смерть цивилизаций...— шептал ученый, охваченный своими мыслями.

Голос его дрогнул и умолк. Никто не нарушал молчания... Над

их головами сверкало небо, усеянное звездами. А горный поток тянул свою вечную жалобу...

С самой зари Макс работал не покладая рук. Вместе с пастухом Игнацем, Инносантой и ее работником Франсуа, они целыми часами нагибались над водой, выуживая обломки, которые прибивало к скалам слабое движение воды. Всю эту тяжелую ношу надо было затем тащить по крутому спуску. Руки Макса были в крови. Но он работал для той, которую любил. Он думал о том, что среди всемирного крушения его любовь уцелела. И эта мысль его бодрила, возбуждая желание жизни. Днем, разбитый усталостью, он выпил молока из манерки Игнаца и сейчас же снова взялся за работу.

Когда он в сумерках вернулся к своим, то победоносно объявил:

— Вода опустилась на пятьдесят сантиметров!

Произошло общее движение. Новость тотчас же разнеслась. Крестьянки, Инносанта, все дети столпились вокруг Макса, и даже Виржини и Роза, конкурентки — хозяйки гостиниц, которые забыли свою ненависть и не покидали друг друга, сближенные общим горем.

— Начинается спадение воды! — объявил де Мирамар.

Спадение воды обозначало избавление дрожавших людей от угрозы, неотступность которой их преследовала. Спадение воды!.. Тюрьма, которая открывалась настежь!.. Виржини и Роза плакали одна подле другой, и их грубые пальцы вытирали на загоревших щеках катившиеся слезы. Спадение воды! Значит, можно будет добраться до перевала Ку, где, несомненно, укрылись их мужья вместе с мулами!.. Убыль воды!.. Значит, они их увидят... встретятся!

Собравшись вокруг огня, они лихорадочно разговаривали.

— Не надо делать себе иллюзий,— говорил де Мирамар.— Вода пойдет на убыль очень медленно...

Не все ли равно, раз в будущем была уверенность покинуть эту пустыню?

— Но ведь вся Земля будет такой же пустыней! — тихо сказала Ивонна.

Они не слышали ее, опьяненные надеждой. Де Мирамар принялся высчитывать количество земли, которую вода должна была ежедневно возвращать.

Повернувшись к леднику, Макс наблюдал на нем световые переливы невидимой луны. Таинственный свет разливался откуда-то по всей долине; она, казалось, раздалась вширь, развернулась перед лаской неба и в истоме отдавалась нежности, падающей на нее с далеких звезд.

— Какая красота! — воскликнул Макс. Теперь, когда он был уверен в своем спасении, великолепие их тюрьмы его захватывало.

Послышался робкий голос Ивонны:

— Куда мы пойдем?

— Ах... куда угодно! — сказал Губерт.

Никто не поддержал разговора. Им представлялась картина вновь обретенного мира. Они мысленно спускались в разоренную долину Иллиэц, где были смыты все жилища и разрушены колокольни, где поля покрылись зловонной тиной, в которой вязли ноги. Дальше,— долина Роны, илистая и беспорядочная в хаосе своих разрушенных городов...

К ним присоединились несколько жалких существ, оставшихся в живых,— ничтожная горсточка, с трудом передвигавшаяся по глубокой грязи! Где найти руки, чтобы привести все в порядок и обстроиться заново? Как переходить с места на место? Каким способом перебираться через эти полужидкие пространства? Каким образом, в этом огромном и пустом мире, покрытом развалинами, на лоне полной нищеты и одиночества,— строить новую жизнь?..

— Что нас ожидает? — прошептал Губерт.— Стоит ли радоваться?

Раздались протесты. Ил затвердеет. Люди объединятся. В сохранившихся домах уцелеют остатки цивилизации.

— Хоть бы немного прежнего комфорта! Деревянные кровати, матрацы!..— вздохнул Губерт.

— Возможно, что книги в библиотеках не очень пострадали,— мечтал де Мирамар.

— У мисс Мод будет столько зонтиков, сколько она захочет, а я заберу все игрушки! — кричал маленький Поль.

Жених и невеста мечтали о домике, который они выберут среди развалин, чтоб основать в нем свое счастье...

Над зубчатой поверхностью Сальэрской Башни поднялась луна. Снежные купола озарилась мягким блеском, и долина Сюзанф со своими уступами и полированными плитами залилась лунным светом. Она расстилалась подобно широкой дороге, выложенной мрамором, и, поднимаясь к бледному небу, терялась в нависшем своде. Когда засыпала животная жизнь и кругом воцарялось человеческое молчание, долина переполнялась чем-то бо́льшим, чем обыкновенное спокойствие ночного безмолвия, и по зеленым склонам ее разливалась какая-то неизъяснимая нежность, которой люди, занятые праздными мечтаниями, не улавливали...

На другой день Макс объявил, что вода вернулась к тому уровню, на котором она стояла накануне. Он не мог ошибиться. Куском угля они провели с Игнацом черную черту на скале. Вечером вода опустилась, чтобы снова подняться на следующий день.

Дни шли за днями. Переходя от страха к надежде и стараясь

заглушать гнетущие мысли, беглецы по мере своих сил помогали Франсуа, Гансу и крестьянкам, принявшимся складывать из дикого камня вторую хижину.

— Вода будет убывать очень медленно,— говорил де Мирамар, царапая о камни свои неловкие руки.

— Зима здесь начинается рано,— добавила Инносанта.

Зима? Но они же не будут зимовать в Сюзанфе?

И каждый раз, когда на фоне золотого неба обрисовывались приближавшиеся фигуры Макса и Игнаца, склоненные под тяжестью их ноши, они бросались к ним навстречу с неизменным возгласом, в котором сосредоточивалась вся надежда, поддерживавшая их среди напряженного утомления и тоски:

— Ну, что? Вода опустилась?

Казалось, что вода, залившая ущелье, наполняла его с незапамятных времен. Каждый день в определенный час она незаметно поднималась и через известный промежуток времени возвращалась обратно. Постоянно всматриваясь в двигающееся под ними пространство, Макс вскоре уловил, что вода подчинялась определенному закону, и что регулярное колебание ее уровня соответствовало отливу и приливу. Образовалось внутреннее море...

Вечером десятого дня это перешло у него в твердую уверенность. Он знал теперь, что вода никогда не уйдет...

Взглянув на стоявшего рядом с ним пастуха, Макс прочел на неподвижном лице юноши ту же самую мысль.

— Ты так же как и я хорошо знаешь, что она здесь устроилась навсегда? — спросил он.

Пастух молча кивнул головой.

— Зачем ей уходить? — шептал Макс.— Куда?

Игнац лаконически ответил:

— Ее слишком много, сударь...

— Не зови меня «сударь»... Называй меня на «ты», товарищ! — отрывисто сказал Макс.— Мы переживаем сотворение мира... Разве ты не видишь?

Они вернулись, не произнеся ни слова, забыв на месте собранные сучья.

Увидев, что они возвращаются без обычной ноши, остальные выбежали к ним навстречу, ожидая хорошей вести. Смущенный их волнением, Макс молчал...

— Все то же...

Но вечером, когда они собрались вокруг огня, он сказал де Мирамару:

— Не случалось ли раньше, что материк, заполненный водой, погружался в море?

— Несомненно,— ответил ученый.— Примером может служить материк Атлантиды, поглощенный без всякого следа...

— Вы как раз говорили об Атлантиде в Париже, в тот день, когда к вам пришел Эльвинбьорг,— медленно проговорил Макс.— А госпожа Андело даже процитировала слова... Аристотеля, кажется...

Госпожа Андело прошептала:

— Одни и те же места не всегда бывают землею или всегда морем. Море приходит туда, где была некогда суша; а суша придет туда, где теперь мы видим море...

Наступило молчание. Макс добавил:

— Вот что! Я больше не верю в вашу гипотезу о поднятии морского уровня... о сейсмическом наводнении.. Я думаю, что мы подверглись участи Атлантиды...

Старик выпрямился во весь рост.

— Атлантиды?.. Атлантиды? — бормотал он.

Он старался совладать с беспорядочностью своих мыслей. Затем с упорством людей гипотезы, он проговорил:

— Но... эти обвалы, эти подъемы происходят с медленной постепенностью. В геологии миллионы лет протекают как дни. Если только... да, вулканические извержения... Неожиданные разрушения, происходящие от движения рычага...

Макс спокойно излагал логические доводы: начав подниматься, вода не опустится; создалось море, которое повинуется закону далеких океанов.

— Значит, мы обречены находиться здесь всю нашу жизнь! — произнес старик.

Макс прошептал:

— Лучше не обманываться иллюзиями...

Послышались возгласы и плач... Крестьянки, сгруппировавшиеся сзади них и прислушивавшиеся к непонятному для них разговору, уловили последние слова: «здесь всю нашу жизнь!» и разразились глухими рыданиями.

— Тогда... Зачем же? — шептал ученый, у которого, казалось, закружилась голова.

— Зачем мы убежали? Лучше было бы умереть сразу,— стонал Губерт.

— Не говори глупостей! — воскликнул Макс.

И он указал на молодых девушек, глотавших слезы, и на маленького Поля, который пользуясь тем, что всеобщее внимание было отвлечено, усердно подбрасывал в огонь большие дерева.

— У нас осталась только наша жизнь,— закончил он.— Но наша жизнь не имеет цены.

Они замолкли и невольно взглянули вокруг себя. При восходящем полумесяце долина Сюзанф показалась им такой, как будто они видели ее в первый раз. Каменные глыбы у подножья ледника, отвесный пролет, зажатый между гребнями вершин, скалистый пе-

ревал, отсвечивающий слабым блеском... И в этом пространстве — их жизнь, вся их жизнь!... Им придется прозябать, как животным, напрягая все усилия, чтобы питаться, зарываться в норы, бороться с беспощадной стихией, с холодом, снегом, бурей, от которых единственной защитой служила жалкая хижина из плохо сложенных камней... Смогут ли они уцелеть без всякого орудия, без одежды, а когда сгорит последняя спичка, то и без огня?.. Как они проживут, — более нагие, чем первобытное человечество, с бесполезным сокровищем своей культуры, своих воспоминаний, своих привычек «высшей цивилизации?»... Самая счастливая перспектива, какая только их ожидала, заключалась в том, чтобы не умереть с голода! Потрясающая картина уничтожения мира, угнетавшая их до сих пор, стала сразу посторонней, чуждой. Они прониклись лишь одним сознанием: возможностью уничтожения своего собственного существования. Каждый переживал это по-своему. Де Мирамар приходил в отчаяние при мысли о погибшем деле и об ужасной судьбе, выпавшей на долю его детей... Окопы, лазарет, концентрационные лагеря представились Губерту в виде потерянного рая. Ева совсем по-детски думала о своем замужестве, о снятой квартире, о своем приданом, о шаферицах на ее свадьбе... Ивонна плакала, не зная в точности о чем, изливая в слезах непосильное для нее горе. Когда она поднимала глаза на мать, сидевшую подле нее, безразличную, не высказывавшую больше ни слова утешения, — слезы катились градом. И, видя их слабость, Макс начинал сомневаться в собственной силе.

Душераздирающие рыдания заставили его обернуться. Роза и Виржини — обе плакали навзрыд. Инносанта тщетно старалась их успокоить. Склонившись к Еве, Макс шепнул:

— Это единственные из нас, чье несчастье, действительно, непоправимо... Ева, не хотите ли вместе со мной набраться храбрости?

Она молча вложила свои замерзшие пальчики в руку Макса. Он нежно ее обнял, и губы его потянулись к ее устам...

Разбуженная воспоминанием пылающих губ, которые как будто вдохнули в себя ее горе, Ева уже не могла заснуть. Такая сильная радость в такой печальный вечер... Макс! Ее Макс!..

Она услышала, как кто-то горячо шептал обрывки фраз, в которых повторялись все одни и те же слова. Она угадала навязчивую мысль Виржини, твердившую все одно и то же:

— На перевале Ку... Я говорю тебе, что они на перевале Ку.. Они пошли туда... Они думали нас найти... На перевале Ку...

Голос Розы подтверждал:

— На первале Ку... Наверное...

И Виржини опять принималась еще настойчивее твердить:

— Я пойду... Я возьму самую маленькую на спину... Через перевал Сажеру и ла Голет де л'Улаз, за Белыми Зубами... Он часто ходил туда...

А Роза обещала:

— Я тоже... Я пойду с тобой... Мои малыши хорошо ходят...

Послышался жалкий хриплый голос, который умолял:

— Не веди малышей... Оставь мне малышей, Роза... Ты хочешь вести малышей... Тогда и я пойду с ними...

В полусне до Евы еще долго доносились отрывочные слова спорящих женщин... Потом она перестала их слышать и заснула, унося во сне мысль о Максе и воспоминание о горячем прикосновении его губ...

В тревоге унылого утра никто не заметил отсутствия Виржини, Розы и ее старой матери. Франсуа видел, как они на заре спускались в долину, но подумал, что они пошли за сучьями рододендрона. Виржини несла свою крошку на плечах, а ее остальные дети скакали впереди. Роза держала своего младшего мальчика за руку, а старший держался за ее юбку. Старая мать шла последней, потупив голову, и плакала.

К вечеру Инносанта забеспокоилась. Ушедшие женщины не пришли за своей порцией жареного мяса и маиса. Ева вспомнила о слышанных ею словах: перевал Ку... Они там... Мы пойдем...

— Это безумие,— воскликнула Инносанта.— Перевал Сажеру? А оттуда на Белые Зубы? Трудный подъем вдоль длинных скалистых стен... Одни женщины... с детьми!

Игнац лаконически заявил, что он отправится на поиски. Макс хотел его сопровождать, но пастух отказался. В одиночку он подвергался меньшей опасности.

Игнац отправился еще до зари. День казался необычайно длинным. Никто не выражал определенно своих опасений, но каждый мысленно представлял себе эту жалкую группу — двух безумных женщин, старуху мать и детей, идущих навстречу смерти.

Настала ночь, Игнац не возвращался. Все запрятались в хижины.

Макс ждал пастуха, расхаживая при свете луны между скалами. Он весь дрожал, и сердце его сжималось от разраставшейся тревоги. Быть может, желая спасти других, Игнац поскользнулся и упал в пропасть? Быть может, он лежал где-нибудь внизу, ожидая ужасной смерти? Макс почувствовал, что любит как брата этого угрюмого смелого юношу, в котором угадывал мягкую и скрытную душу.

Луна исчезла за горами. Темная ночь окутала вершины. Макс все ждал.

Уже светало, когда он увидел быстро шагавшую фигуру Игнаца. Вздрогнув всем телом, он побежал ему навстречу. Но Игнац еще издалека закачал своей кудрявой головой:

— Ничего!..

Они шли бок о бок по наклонным плитам. Показались хижины, точно бесформенные груды камней, затерянные между укрывавшими их скалами.

— Как-никак,— пробормотал Игнац.— Пять маленьких детей!..

Он отвернулся от Макса, но тот успел заметить медленно ползущие по его лицу слезы...

— Какой опасности ты подвергался сегодня ночью на скалах!

Игнац пожал плечом.

— О!.. Скалы!..

— А перевал Ку? — спросил Макс.

— Никого... Гостиница стоит одиноко среди воды. Я вошел, взял табаку, кофе и этот топор.

Он с веселой улыбкой открыл свой мешок. Несомненно, таможенники, так же как и мужчины Бармаца, спустились, чтобы спасти свое имущество... И поток захватил их так же, как женщин и стада.

— И ты не видел никаких следов в этих горах?

— Насколько охватывал глаз,— ответил медленно пастух,—была вода, всюду вода.

Макс больше ни о чем не спрашивал. Он потащил своего друга к их норе в скале, и они оба забились туда.

Лежа рядом со спящим пастухом, Макс почувствовал, как грудь его сдавливают рыдания. Он хотел удержать слезы, но против его воли они катились безостановочно. Он плакал по этим безумным женщинам и их детям, и по всем тем жизням, которые были связаны с его собственной неведомыми нитями. Он плакал о пустынном перевале Ку, о безлюдных вершинах и о бедной хижине, где отдыхали его близкие. Он плакал потому, что слишком долго ждал и задыхался от тоски. Он плакал от отчаяния, счастливый тем, что никто не был свидетелем его слез, и находя неведомую сладость в том, чтобы выплакаться под ровное дыхание своего друга, около его теплой груди...

V

ВОЗВРАТ К ПЕРВОБЫТНОЙ ЖИЗНИ

В течение первых дней беглецы находились в полусознательном состоянии, как существа, не вполне пробудившиеся от кошмара. Напряженность ожидания прошла. Они больше не надеялись. Нервная сила их покидала. Они лежали распростертыми на теплых плитах в полудремоте, погруженные в скорбное отупление. Временами кто-нибудь из них восклицал:

— Разбудите меня! Сжальтесь и разбудите! Этот нелепый ужасный сон длится слишком долго...

Первыми очнулись Макс и пастух, сильные своей молодостью, потом Инносанта и старый Ганс, которых тяжелая жизнь приучила к покорности. Вопрос шел о том, чтобы жить.

Жить!.. Это слово стало лозунгом долины Сюзанф!

Робинзон на своем острове имел, по крайней мере, в своем распоряжении орудия и оружие, которые он перетаскивал из корпуса погибшего корабля. У беглецов не было ничего, кроме карманных ножей, ножниц из дорожного несессера и нескольких бокалов, кружек и кубков из алюминия, если не считать одного серпа и топора, принесенного Игнацом... Робинзон располагал всем богатством тропической природы, деревьями, плодами, фруктами. Долина Сюзанф представляла собой одни скалы, поросшие до того редкой травой, что Инносанта с ужасом спрашивала себя, как ей удастся поддержать существование своих немногих коз и овец во время суровой зимы. Она посылала за травой детей и молодых девушек в низкие части долины. Пучок за пучком высушивали они этот тощий корм на солнце. Сколько трудов было потрачено, чтобы получить ничтожную кучку сена! Крестьянки с унынием следили за тощими запасами, которые сваливались в новой хижине, построенной Гансом и Франсуа и прозванной Губертом «продовольственным складом». Он все еще старался вызывать улыбку у своих сотоварищей по несчастью, чтобы не потерять этой привычки.

Ложем им служили сучья сломанных елей, которые Макс и Игнац выуживали у Новых Ворот. Питались они молочными продуктами и мясом, жареным на прутьях, а соль получали путем испарения морской воды, которую Игнац каждый вечер приносил в своем бачке.

С тех пор, как маисовая мука, спасенная Игнацом, была уничтожена, самым большим лишением являлось отсутствие хлеба.

Последний кусок мыла был израсходован... Приходилось умываться у самой воды на берегу ручья, пробегавшего между плитами недалеко от хижины. Иногда молодые люди спускались к подножью ледника и купались в самом потоке.

Инносанта каждый день придумывала новые работы. Она коптила и солила к зиме по местному способу козье и баранье мясо, заготовляла сыры, собирала камни, чтобы строить новые хижины для прикрытия скота и хранения дров... Она говорила:

— Надо торопиться, скоро настанет зима...

Все ей повиновались. Молодые люди находили даже в этой работе какой-то отдых... Усыплялось на время сознание, и картина суровой действительности отодвигалась на задний план.

Де Мирамар чувствовал себя самым несчастным из всех. Каждая мысль причиняла ему страдание, но от назойливости этих мыслей он не мог освободиться. Неспособный к физическому труду, не

умея даже поддерживать огонь, который теперь не гасили за отсутствием спичек, де Мирамар проводил долгие часы возле своей неподвижной жены, следя глазами за веселыми играми Поля. В новой обстановке, предоставленный полной свободе, ребенок расцветал. Он убегал от гувернантки, и ни о каких уроках не могло быть и речи. Как можно учиться читать, когда не было даже книг! Его больше не заставляли «прилично» есть... Все теперь ели пальцами. Он мог в свое удовольствие мочить себе ноги, ходил босиком и становился таким же ловким и смелым, как и его новые друзья — мальчуганы из Бармаца. Его гувернантка уже не бранила его, когда он разрывал свою матросскую куртку; она была слишком занята с госпожой Андело собиранием растений, которые они сушили для приготовления «горного чая». Как и другие мальчуганы, Поль бегал теперь с обнаженным торсом.

Отец смотрел на него, подавляя вздох. Ребенку, пользовавшемуся среди гор свободой выпущенных на волю зверенышей, не надо было прежних игрушек... Но будущее? Будущее этого ребенка?.. Их будущее?.. Де Мирамар замечал, что остальные уже перестали об этом задумываться. Они существовали изо дня в день, уступая необходимости, работали и к ночи валились с ног, разбитые от усталости. Он чувствовал, что и его личная тревога уменьшалась. Он отдавался каждодневным неприятностям и хлопотливым беспокойствам, которых был вполне достаточно, чтобы занять его мысли: ничтожное огорчение данной минуты отдаляло ужас безысходности...

Горячее солнце помогало им переносить суровую жизнь. Но с первых дней сентября появился туман. Плотная вата затемняла свет, обволакивала фигуры, окутывала хижины, точно сырая тюрьма. Дрожа в своих легких одеждах, окоченевшие горожане прятались в глубине хижин, ощущая впервые весь трагизм своего положения. Представляя себе перспективу осени и зимы, они молча смотрели друг на друга, не смея обмолвиться о своих гнетущих мыслях...

Возвращаясь от Новых Ворот, Макс увидел Еву, сидевшую у входа хижины. Склонившись над голубой саржевой жакеткой, она внимательно рассматривала разодранные места и дыры. Увидя ее позу, низко склоненный золотистый затылок и неподвижные руки, застывшие на складках материи, он улыбнулся...

— Ева! — крикнул он.

Она вскочила, удивленная, что не слышала, как он подошел. Макс увидел, что ее глаза были полны слез.

— О! Макс, я сломала последнюю иголку! Что мы будем делать?..

Он уселся рядом с ней и она показала ему многочисленные заплаты.

— Успокойтесь, Ева... Придется найти другой способ одеваться...

Он думал о звериных шкурах, которые старый Ганс складывал под скалой.

— Я видел плавающие куски каштанового дерева,— проговорил он задумчиво.— Может быть, нам удастся выдубить эти шкуры корой...

— Мы будем похожи на дикарей! — воскликнула она.

— Неважно!.. Неужели вы думаете, что наша одежда будет вечно держаться?

Вечерний ветер прорвал туман. Снова показались вершины с застывшим на них выражением мрачной угрозы. Вокруг них, как хищные звери, бесшумно скользили тучи...

— Эти горы пугают меня,— шептала Ивона.

Ночью разразился ураган. Сначала послышался один голос, грозный, ревущий... Ему откликнулись другие. Казалось, что пустынная долина Сюзанф сразу ожила. Завывание поднималось со всех сторон, сгущалось, перекликалось, разрасталось все больше и больше, точно вокруг долины бродили и стонали ужасные призраки. Крестьянки крестились, думая о бесчисленных мертвецах, брошенных на произвол судьбы. Ветер бушевал в долине с такой силой, что беглецы содрогались при мысли, что ураган может разнести их хижины и сорвать камни над их головами. Они чувствовали себя во власти сговорившихся против них стихий, от которых ничто больше не могло их защитить.

Начался дождь. Он безостановочно бил по скалам, и ураган хлестал их по всем направлениям. Сквозь плохо сложенные камни вода протекала в хижины и лилась на еловые подстилки.

Макс хотел выйти из хижины, чтобы взглянуть на огонь, тлевший под пеплом, под прикрытием двух, соединявшихся вместе, карнизов. Но не успел он перешагнуть порог, как был сбит с ног. Цепляясь о скалу, он еле смог выкарабкаться из бушующей воды и принужден был ползком добраться до жилища.

Бледный свет зари показался наконец на прояснившемся небе. Шел мелкий дождь. Встревоженный Макс снова вышел. Его отчаянный крик разбудил остальных.

— Огонь потух!

Склонившись над остывшим костром, Макс тщетно искал какую-нибудь тлеющую головню.

Окоченевшие беглецы, укрывшиеся в более просторной хижине женщин, хранили унылое молчание. Поль дрожал в своей рваной матросской курточке. Ивонна подняла жалкое съежившееся лицо, казавшееся еще более бледным, чем обрывок платка, который она нервно сжимала в своих ручках. Старый Ганс вполголоса ругался.

— У нас больше не будет горного чая,— простонала мисс Мод.

Губерт и Макс взглянули на Инносанту. На ее неподвижном побледневшем лице они прочли свою судьбу: зима на двух тысячах метров высоты без огня — это была неизбежная смерть.

— А как поступали в таких случаях первобытные люди? — спросил вдруг Макс.

Де Мирамар пожал плечами. Этот вопрос звучал какой-то иронией. Какое ему дело до первобытных людей, раз он не мог больше строить пламенных гипотез, раз заметки его были бесполезны, а рукопись никогда не будет напечатана!

Подняв свою удрученную голову, госпожа Андело машинально ответила за него:

— Они употребляли кремень...

Прервав фразу, она в радостном порыве добавила:

— Но у нас же есть кремни!

И так как де Мирамар, казалось, не понимал ее, она воскликнула:

— Вы же их спасли, господин де Мирамар!

— Несколько штук! — вздохнул он.

Порывшись в карманах, он вытащил топор каменного века, продолговатый с широкими краями, и несколько заостренных к концу тонких пластинок кремня.

— Не эти,— сказал он с сожалением.— Этих жаль!

— Но мы их вам вернем! — вскричал Губерт.— Вопрос только в том, чтобы высечь искру...

— Но чем? — спросил Макс.— Как заменить трут?

Госпожа Андело уже начала щипать обтрепавшийся край своей батистовой блузы... Таким образом, получилось немного корпии, которую положили у входа в хижину. Игнац нарезал тонких веток. Губерт ударял своим ножом по кремню, а остальные с тревогой неподвижно смотрели, как сверкали и тотчас же потухали искры. Вдруг все вскрикнули. Нитки вспыхнули. Но пламя тотчас же заглохло, слишком слабое, чтобы восторжествовать над сырым деревом.

— Надо бы бумаги,— воскликнул Макс.— Только бы достаточно огня,— и ельник загорится...

Губерт снова обратился к ученому.

— Только у вас и есть бумага, отец! Только у вас!

— Моя рукопись! — запротестовал де Мирамар.— Никогда...

— К чему она вам? — безжалостно продолжал Губерт.— Вы ведь не напечатаете ее здесь, не правда ли?

— Разве можно знать, что нас ждет впереди?..— бормотал ученый, обнаруживая проблеск несокрушимой надежды когда-нибудь уйти отсюда, найти где-нибудь остаток цивилизации...

— Труд всей моей жизни,— добавил он с отчаянием человека, который видит, что вся его прошлая жизнь — ничто... тщетная попытка, работа, лишенная какой-либо пользы...

— О нет! Только не рукопись! — воскликнула госпожа Андело,

одна из всех способная понять его горе.— Быть может, заметки, выписки, документы? Я думаю, что продолжения мы писать не будем!

Она уже снова заготовила корпии. Опустив голову, Де Мирамар колебался. Руки его дрожали над пачкой бумаг, вынутых из сафьянового портфеля. Инстинктивным движением он повернулся к своей жене, как бы ища поддержки. Разве не она всегда защищала его и его работу от притязаний светской и семейной жизни? Но на него смотрели равнодушные глаза, спокойное лицо сумасшедшей. И старый ученый почувствовал себя чужим среди своих.

— Посмотрите, какой идет дождь! — вмешался Макс.— Возможно, что он будет продолжаться много дней. Мы не можем обойтись без огня. Ради ваших дочерей! Ради маленького Поля!..

— Этого хватит? — спросил де Мирамар, уже больше не защищаясь.

— А вот мы посмотрим! — свирепо сказал Губерт.— Не думаете ли вы, что теперь излишне разъяснять, как вымирают цивилизации?

Он уже завладел одним листком и мял его в своих пальцах. Взял второй, третий. Удрученный де Мирамар совершенно перестал сопротивляться. Вступился Игнац:

— Этого довольно,— заявил он.

Без сомнения, он инстинктом угадал горе, которое не мог объяснить себе разумом. И де Мирамар не мог дать себе отчета в том, что единственным человеком, понявшим его горе, было это грубое существо, этот пастух баранов, который едва умел читать.

Вспыхнула искра. Бумага запылала. Затрещали еловые сучья. И среди мрачного тумана и дождливого дня взвились огненные языки. Их приветствовали общие возгласы. Послышался смех. Все руки потянулись к огню. Как и тысячи лет тому назад, так и теперь радость охватила окоченевшие тела, склонившиеся вокруг пылающего очага. Губерт спрашивал себя, почему исстрадавшееся тело так упорно стремится жить...

— Мы приготовим чай,— сказала мисс Мод.

Инносанта завладела кремниевым топором и пробовала на своем большом пальце лезвие. Показалась кровь. Она воскликнула:

— Отлично режет... Не найдем ли мы здесь таких же камней и не сможем ли мы их отточить?

— Да,— сказал пастух, подняв радостное лицо.— Я часто думаю о наших ножах, которые зазубриваются... Я думаю об этом по ночам... Я говорю себе: когда у нас останутся только руки для работы,— мы погибнем... Но таких камней я не знаю...

— Весной,— сказал Макс,— когда снег растает, мы пойдем искать твердые камни, змеевики, горный хрусталь...

Весной!.. Он строил планы!..

Между тем Макс и Игнац с помощью коры каштанового дерева сумели выдубить бараньи и козьи шкуры. После некоторых попы-

ток, скручивая кишки животных, им удалось получить тонкие и прочные бечевки. Госпожа Андело принялась за дело. Она прокалывала шкуры перочинным ножом и, пользуясь вместо нитки бечевкой, крепко их соединяла.

Вскоре она организовала настоящую мастерскую: гувернантка, молодые девушки, крестьянки работали вместе с ней. Сшили несколько одеял и мешков, которые наполнили бараньей шерстью. Сделав, таким образом, матрацы, госпожа Андело стала более предприимчивой. Она скроила нечто вроде одежды, которая надевалась через голову и стягивалась у талии узким и длинным ремнем. Ей удалось даже пришить рукава.

Когда Ева в первый раз примерила эту тунику из козьей шерсти, она глубоко вздохнула.

— Именно то, что я думала,— прошептала она.— Дикарка...

И она с грустью взглянула на свое старое платье последнего модного фасона.

— По крайней мере, тепло! — воскликнула Ивонна.

— Мы улучшим покрой,— обещала госпожа Андело.— Ко дню вашей свадьбы у вас будет воротник из кроличьего меха!

Ее свадьба... Ева ничего не отвечала. В глухом местечке, где ничто не могло заменить ни церковь, ни мэрию, это слово звучало странной иронией. Перед ее глазами мелькнуло платье из белого крепа, кружевная фата, шелковые туфельки. Свадебная процессия!.. Список приглашенных...

Ева отвернулась. День клонился к вечеру. Несмотря на дождь, она, как всегда, пошла навстречу Максу. Как только она приближалась, Игнац скромно отходил в сторону. Опустив свою ношу дров, Макс обнимал свою невесту и искал ее губ. Она отдавалась его сильным объятиям, ловя себя на мысли, что в гостиной отца, во время светского ухаживания Макса, она не знала бы возбуждающей прелести подобных поцелуев. Любовь Макса бодрила ее, давая силу переносить тяжелые дни непосильной работы, лишения.

В сумерках, возвращаясь обратно, он говорил о хижине, которую он строил с помощью Игнаца несколько вдали от других построек, и которая должна была принадлежать им одним. Когда она будет закончена, чего им еще нужно?

— Это правда,— говорила она.— Мы должны были пожениться осенью... Квартира была готова... мебель...

Она мысленно представляла себе обои,— черные с золотом, ширмы китайского лака, диваны, выбранные ею самой, тонкое белье, посуду... ее комнату, светлую и в то же время таинственную, обитую усеянным цветочками кретоном... Она заглушила невольный вздох. Ах! Ласка свежего батиста, мягкие платья, радость наряжаться для того, кого любишь, желание, чтобы все окружающие предметы увеличивали красоту, как гармонирующие звуки...

Макс продолжал говорить об их хижине. Госпожа Андело должна была ее меблировать матрацем из шкур. Там будет очаг из плоских камней с отверстием наверху. В слишком холодные ночи можно будет разжигать огонь...

Ева слушала, слегка краснея, тронутая его заботами. Она чувствовала какие-то смутные угрызения совести. Она не могла совладать с мучившим ее сожалением... И, сравнивая убогое счастье, которое он ей предлагал, с элегантной роскошью ожидавшей ее жизни, она обвиняла разрушившее мир событие в том, что оно испортило также и ее счастье.

Настал день, когда Макс укрепил крышу из молодых стволов, обтесанных Игнацем, покрытых листами сланца и поддерживаемых большими камнями. В этот день он не пошел к Новым Воротам, а работал до вечера, не выходя из хижины. Он вышел, когда было еще светло, и пошел за Евой, чтобы показать ей законченную работу. Он заставил ее сначала полюбоваться дверью, одна половина которой открывалась вовнутрь: это была доска, выуженная Игнацем и снабженная старыми гвоздями. Они сняли с них ржавчину и переделали их в петли. На доске Макс вырезал их инициалы. Он ввел свою невесту в хижину. На вымощенном булыжником полу он постелил две козьи шкуры. Несколько шкур было прибито к стенам. Перед матрацем, набитым шерстью, доска на двух пнях служила скамейкой. Макс устроил даже полку, вставив в промежутки между камнями изогнутый кусок дерева. Букет цветов баранника распространял среди запаха кож свой свежий аромат и казался солнечным лучом в полумраке.

— О Макс! — прошептала Ева,— Макс!..

То, что она увидела, представляло для нее уже не убогое убежище, убранное грубыми шкурами, где должна была протекать ее суровая и монотонная жизнь... Это было проявление бесчисленных забот любящих рук. Каждый предмет являлся живым свидетелем любви, которую несчастье возвеличило, а трудности делали предприимчивой для осуществления скромных чудес...

— Макс!..

Слезы заглушили ее голос.

— О! Макс, ваши руки...

Она держала их в своих руках, не будучи в силах оторвать от них глаз. Ладони, покрытые царапинами и жесткие от мозолей, распухшие пальцы, сломанные ногти... сколько они перестрадали!.. Эти руки, которые она помнила такими тонкими и выхоленными, сколько они перестрадали, работая для нее! И, склонив голову, она прильнула к ним губами, и слезы смочили их потрескавшуюся кожу.

— Они привыкнут,— сказал Макс.— Они уже не так неловки...

— Я нахожу их прекрасными,— прошептала Ева.— Я люблю ваши руки...

— Посмотрите,— сказал он, совладав с волнением,— я приготовил эту полку для вещиц из вашего нессера.

Она посмотрела на полку и сквозь слезы улыбнулась. Миниатюрные предметы из слоновой кости и серебра, щетки, маленькое зеркало были ей дороги, как последние остатки прежней жизни...

— О, благодарю вас,— воскликнула она.

Они обменялись незначительными словами, чтобы побороть то волнение, которое неудержимо влекло их друг к другу...

— Ева, Ева,— промолвил Макс,— вы меня еще любите?.. Ведь я теперь простой оборванец. Пастух баранов стоит гораздо больше моего!

Он взял в руки ее тяжелые косы, спадавшие на тунику из козьей шерсти, и стал их ласкать, покрывая нежными поцелуями.

— А я?..— повторила она.— Что я такое?

И добавила:

— Но не все ли равно?.. Не все ли равно?

Любовь,— такая же живая и юная, как в первые дни сотворения мира, отрешившаяся от условностей и рутины, от стеснения роскоши и светских приличий,— предстала перед ними во всей своей чистоте, свободная от всякого тщеславия.

Они узрели наконец ее настоящий лик; и уже это одно было лучшей компенсацией за все то, что они потеряли.

— Я больше ни о чем не жалею, потому что ты меня любишь,— прошептала она.

Он подвел ее к порогу и приоткрыл дверь. В косых лучах пылали горные купола, и между голубых стен высоких утесов ледник громоздил одну на другую свои четкие ступени. Заходящее солнце венчало неподвижные вершины золотом и пурпуром, и от них веяло какой-то ликующей нежностью.

— Все неприглядные стороны жизни сгладились,— сказал Макс вполголоса.

— Я не воображала, что все это так прекрасно! Я никогда не видела... Не понимала...

Она чувствовала, что мысль Макса становилась ее собственной, как будто в один и тот же момент ими овладело одно и то же волнующее чувство.

— Макс... Мы начнем теперь настоящую жизнь...

И, склонившись над ней, он шепнул совсем тихо, с трепетом сдерживаемого пыла:

— Завтра!

Макс подошел к де Мирамару. Ученый медленно водил под руку свою безумную жену. Он предупреждал ее о каждом выступе, попадавшемся на том подобии дороги, которая служила им местом

прогулки. Она покорно повиновалась его голосу, следуя за мужем своей неуверенной походкой. С длинной бородой, в изодранном костюме, он казался старым бродягой, подерживающим даму с белыми руками и спокойными чертами неподвижного лица. Несмотря на душевное волнение, Макса охватил прилив бесконечной жалости. Мысль его перенеслась в Пиренеи, к его родителям, которые, быть может, спаслись и представляли собой такие же обломки. Он подошел к ученому.

— Отец,— промолвил он.

Макс впервые называл его так. Де Мирамар остановился. Безумная прислонилась к его плечу.

— Отец,— повторил Макс,— хижина закончена... Она готова принять мою жену...

Де Мирамар стоял неподвижно, в раздумьи склонив свою седую голову.

— Вы имеете в виду женитьбу,— пробормотал он.— Да... Я об этом думал... Следовало бы... я не знаю... подыскать обряд, который мог бы хоть отчасти заменить...

— Зачем? — сказал Макс.

Мужчины смущенно стояли друг против друга.

Де Мирамар прервал наконец неловкое молчание.

— Вы же не имеете намерения похитить мою дочь так... совсем просто?..

Макс не решился ответить прямо.

Де Мирамар объяснялся с трудом, колеблясь, подыскивая слова.

— Так как гражданской регистрации больше не существует, то Ева не будет замужем... в общественном смысле этого слова. Но... следовало бы, по крайней мере, объявить об этом... акте перед свидетелями... закрепить подписями. Надо же все-таки предупредить людей...

—. Предупредить! — невольно повторил Макс.

Они замолчали.

— Я никогда не думал об условностях,— сказал наконец Макс.— Я не стал бы, конечно, и восставать против обычаев своей среды... Но с этого момента, как эта среда больше не существует...

Де Мирамар покачал головой.

— Я подозреваю, что вы слегка анархист, Макс! Я не замечал этого раньше...

И добавил очень серьезно:

— Ваше бракосочетание будет первое, которое мы совершим в Сюзанфе. Мы создадим прецедент. Мы должны обставить его гарантиями и придать ему возможную торжественность. Мы должны спасти понятие семьи, сын мой.

Подняв свои прозревшие глаза к потемневшим вершинам, Макс

мысленно ответил: «Мы сохраним семью не установлением обрядности, а примером верной и преданной любви...»

— Мы сделаем то, что вы решите,— проговорил он вслух.

Де Мирамар крепче прижал к себе руку жены и продолжал свою медленную прогулку. Макс шел за ним, опустив голову.

На пороге хижины, которую ученый занимал со своей женой и дочерьми, де Мирамар обернулся к Максу:

— Я слышал о бракосочетании, совершенном Элизе Реклю в своем доме, без священника и мэра. Я разрешу себе дать вам мое благословение в самом тесном, интимном кругу.

Сам того не замечая, он употреблял прежние формулы.

— Хотите... завтра? — спросил молодой человек.

— Я никогда не слышал, чтобы назначали такое близкое число,— вздохнул историк.— Правда, вы уже давно обручены...

На следующий день де Мирамар собрал в хижине свою семью, госпожу Андело, гувернантку, Инносанту и старого Ганса. А Макс привел пастуха, которого он насильно удерживал за плечи.

Ученый открыл свою рукопись на первой странице. Под заглавием «Гибель цивилизаций», которое казалось теперь жалкой иронией, он написал карандашом: «Восьмого октября Макс Денвилль сочетался браком с Евой де Мирамар».

И подписал: «Франсуа де Мирамар, профессор Сорбонны, член Французского Института».

Госпожа де Мирамар послушно поставила свою подпись, не сознавая, что собственно она делает. Ученый протянул карандаш молодым людям. Губерт и госпожа Андело подписались в свою очередь.

Де Мирамар встал очень взволнованный и хотел произнести несколько слов:

— Даю вам мое благословение... И объявляю вас сочетавшимися браком...

Он остановился и добавил:

— Увы! У вас нет даже обручальных колец!..

День выдался теплый, и новобрачные были в своих прежних костюмах. В старой, не раз уже чиненной одежде, они имели вид бедняков. Из рваных сапог высовывались голые пальцы. Вопрос о чулках не поднимался уже давно...

Они ушли рука об руку. Пройдя мимо хижин, они поднялись по направлению к перевалу, и тени их постепенно сливались в одну. Губерт провожал их взглядом. Их силуэты, уменьшенные расстоянием, неожиданно выросли перед его глазами, и ему стало казаться, что их присутствие наполняет всю пустынную долину.

Отвернувшись от медленно удалявшейся молодой четы, Губерт решил взобраться на отвесный сланцевый склон, расположенный

над хижинами. Он надеялся, что это усилие отвлечет его от нелепой тоски, которая вдруг сдавливала ему грудь. Но он только напрасно выбился из сил...

Задыхаясь, он упал на жесткую землю...

Число!.. Роковое число вонзилось как острие в его измученное тело.

Восьмое октября!.. Только два месяца!

Он пытался больше не думать. И из души его вырвался болезненный крик:

— Обходиться без необходимых вещей — это еще нетрудно... А вот без ненужных и лишних — это невозможно!

Он ощущал непреодолимое желание выкурить папиросу...— О! Этот дым, благодаря которому предметы кажутся не такими скучными...: Газета!.. Рюмка все равно чего на столике в кафе... Только бы это было на улице, где толпятся живые существа...

Он закрыл глаза. Перед его взором предстал двойной бульвар, вереница автомобилей, мчащихся сквозь толпу. Сумерки, блеск огней, яркие снопы света, быстрые тени, голоса, крики... Ах! Все, что торопится, что шумит, что трепещет!.. и автомобиль, который мчит вас куда-то! Вы принимаете участие в общем трепете жизни! Жизнь!.. Цивилизованная жизнь!.. За час этой жизни он готов был отдать всю вереницу грядущих дней! Один час! Один час этой жизни, которая так недавно утомляла его до отвращения!.. Безжалостное, неотступное видение продолжалось... Ночные рестораны. Столы, уставленные цветами. Загадочный облик входящих женщин. Из-под меховых манто виднеются их светлые платья. Изысканные блюда, которые подаются на блестящем и тонком фарфоре, бургундское вино, которое превращает бокал в темный цветок на хрустальном стебле... И легкое возбуждение, и улыбки, и вскользь брошенные слова, и безобидная философия за десертом... И меланхоличная веселость, очарование окружающей обстановки, и эта любовь на один вечер, которую покидаешь, зная, что из-за нее не будешь страдать... которую забываешь, как розу, аромат которой ты мимоходом вдохнул. И вот без всего этого обходиться всю жизнь!!..

Распростертый на своем сланцевом ложе, лицом к лицу с вершинами, которые давили его величием своего одиночества, Губерт ощущал одно желание — покончить с собой.

Шум скатывающихся камней заставил его вздрогнуть. Он услышал за собой быстрые шаги. Поднявшись, провел рукой по лицу... Да, да! Оно было в слезах...

Не успел он вернуть ему равнодушное выражение, как около него оказался Игнац.

— Человек! — кричал он вне себя.— Я видел человека на Круа де Кюлэ!

— Где? — переспросил Губерт, вскочив на ноги.

— На горе, с другой стороны долины Иллиэц, на Айернской скале... Человек стоит на маленькой площадке скалы, совсем один...

Губерт хотел в свою очередь взобраться наверх и, несмотря на предупреждение пастуха, стал карабкаться по бесплодному склону, усеянному мелким булыжником...

— Вы ничего не увидите... Это всего лишь точка среди камней...

Действительно, когда Губерт добрался до хребта Шо д'Антемоз и оглядел тот фиорд, которым стала долина Иллиэц, обрамленная цепью миниатюрных островков,— он ничего не мог разобрать. Напрасно вопрошал он один за другим эти островки, казавшиеся плавающими скалами. Только проницательный взгляд Игнаца, привыкший обшаривать склоны гор, мог различить черную фигуру, двигавшуюся на одной из этих треугольных скал.

— Он один? — повторял Губерт.— Несчастный! Это ужасно! Вы уверены, что он один?

— Уверен,— ответил Игнац.

— И мы не можем прийти к нему на помощь...

Губерт напряженно всматривался в пустыню зеленовато-синего водяного пространства. От высокой преграды Белых Зубов, скрывавших поток, до отдаленных вершин, замыкавших Ронскую Долину, вокруг этого невидимого существа зияла огромная сплошная пустота. Унылый пейзаж оживился новой трагедией человеческой жизни...

— Я приду сюда сегодня ночью и разведу большой огонь, чтобы он его видел,— сказал пастух.

— Для чего? — прошептал Губерт,— раз он не может добраться до нас?..

Он с трудом спустился обратно, опираясь на палку; Игнац быстро побежал вперед.

Окутывая вершины гор, спускались сумерки. Долина как будто сжалась вокруг огней, пылавших перед хижинами. Приближаясь, Губерт услышал детские возгласы. Содрогаясь от ночного холода, он думал о жилище, к которому шел, о горячей похлебке, о своем матраце, об одеялах из козьей шерсти, и — больше всего о человеческих голосах, которые будут переговариваться друг с другом. Образ другого человека, одиноко стоящего на своей скале, без огня и крова, заставил дрогнуть его сердце. Приближаясь к убогим хижинам, он почувствовал непривычное облегчение и радость, которую он не ощущал с самого детства — с того времени, когда, возвращаясь из дальних деревень, он испытывал страх перед пустынной дорогой и мраком надвигающейся ночи...

VI

ЛЮДИ

С этих пор мысль о человеке, обреченном на гибель на узкой скале, омываемой со всех сторон волнами, неотступно преследовала жителей долины Сюзанф. Каждый вечер они спрашивали себя: — Жив ли он еще? — Игнац взбирался на склоны Шо д'Антемоз, и когда он объявлял, возвращаясь: — Он все еще там! Я видел, как он двигается,— у всех вырывался вздох облегчения.

Иногда пастух говорил дрожащим от ужаса голосом:

— Он больше не двигается... Возможно, что он спит... или...

Он не заканчивал фразы. Но при закате солнца он бегом взбирался на крутой склон. Вскоре он уже прыгал по камням, уходящим из-под его ног, и оживленно кричал:

— Я видел, как он ходит на скале!

Губерт спрашивал себя, как могло случиться, что жизнь или смерть этого незнакомца интересовала их до такой степени, после того, как они видели гибель стольких человеческих жизней! Но эта невидимая фигура, появившаяся в долине, вселяла в них какую-то смутную надежду.

Был воскресный день.

Де Мирамар с точностью заносил на гладкую скалистую стену протекшие дни. И молодые люди, безмолвно подражая крестьянам, не работали по воскресеньям!

Макс довел свою жену до перевала Сюзанф. Он любил унылое величие этого сланцевого пейзажа, бесконечную даль, открывавшуюся с Южного Зуба, вертикальную пустыню длинных монотонных склонов, сливавшихся у перевала. Хотя уже был конец октября, но погода стояла теплая. Снег запаздывал, чему Инносанта и старый Ганс крайне удивлялись.

Макс и Ева сели на теплый камень. Они смотрели на пучки травы, усеявшей скаты красными и золотистыми пятнами, которые казались запоздалой тенью солнечных лучей. Они безмолвно мечтали, и их мечты уносились в тишину. Смотря на небо, более голубое, чем небо Адриатики, они думали о давно прошедшем времени летних вакаций, которые они проводили на пляже или в горах в поисках иллюзии свободы, той суровой свободы, прелесть которой они только теперь начинали понимать...

Ева взглянула на Макса и улыбнулась. От легкомысленной, избалованной судьбой девушки ничего не осталось. Она знала теперь, что настоящая любовь требует одиночества и тишины: только тогда она открывает свой таинственный лик и наполняет душу звуками, которые разрастаются в бесконечную гармонию. И этой гармонии было достаточно, чтобы переполнить сердце неиссякаемым блажен-

ством. В их обездоленную жизнь влился чудесный свет, ярче которого не могло быть ничего, ибо он был единственный из всех...

Опасаясь нарушить словами цельность своих переживаний, Ева молчала. Лишь изредка решалась она произнести вполголоса какую-нибудь незначительную фразу, прерывавшую их молчание:

— Я хотела бы подняться с тобой на эти горы, Макс.

Он улыбнулся, разделяя то волнение, которое делало ее такой нежной и трепещущей. И, думая о бесконечном трауре, облекшем весь мир, он удивлялся, что ощущает столько счастья.

— Я всегда любил взбираться на горы, еще будучи школьником,— проговорил он в свою очередь.

Вспоминая в этот расцвет мужества свое далекое отрочество, он испытывал какую-то особенную прелесть. День за днем воскресал в его памяти. Он улавливал все подробности. Вот он спускается по каменистому склону Дофинэ. Воскресный вечер. Вышли на рассвете... Ослепительные вершины гор пробуждают в самых тайниках души какое-то большое и смутное желание. Жаль возвращаться в город. Прыгаешь в обрывы, упоенный силой своих мышц и свежестью своего юного тела, такого же гибкого и так же легко переносящего усталость — как у того, кто спускается там так уверенно и быстро.

— У того, кто...

Макс порывисто приподнялся. Он не понимал, действительно ли это, или продолжение его сна. Он широко открыл глаза, отказываясь верить... Над его ухом раздался задыхающийся шепот Евы:

— Макс!.. Человек!..

Одним движением они вскочили на ноги. Несколько мгновений они стояли неподвижно, устремив глаза на человеческую фигуру, темневшую на залитом солнцем склоне. Инстинктивным движением они бросились ей навстречу. Ноги их подкашивались, и колени тряслись так сильно, что они принуждены были опуститься на плиты. Ева с плачем упала на грудь Макса... Он был и сам не уверен, что сможет сдержать слезы. Но нет! Слезы затуманивают зрение! А он хочет видеть, видеть того, кто подходит к ним все ближе и ближе... Его уже можно разглядеть. За спиной у него рюкзак, в руках палка. Он тоже заметил их. Машет шляпой. Останавливается, как будто тоже не может идти...

Подавив волнение, Макс поднимается на ноги... Ева видит, как он бросается на склон и пробегает его большими шагами. Тот бежит ему навстречу. Оба обнимаются. Они стоят на месте. Незнакомец выше Макса. На нем костюм туриста: стянутые у колен штаны, наколенники, грубые башмаки... Ева различает светлые волосы... Вот они начинают спускаться, не разнимая своих объятий. Они кажутся старыми друзьями... Они приближаются... Но ведь эта поход-

ка ей знакома! Она уже видела Макса рядом с этой высокой стройной фигурой...

Ева вскакивает... Кричит...

— Жан Лаворель! Боже мой! Это Жан Лаворель!

Это он... Что-то сдавливает ее горло, она задыхается... Они бегут рядом. Они совсем близко... Вот, добежали...

— Вы?.. Как? Это вы?..— говорит тихий, надорванный голос, который она с трудом узнает.

Они садятся все трое, Ева — посередине. Она смотрит на Жана Лавореля. Она еще не может произнести ни слова. Его лицо истощено, глаза провалились... Платье порвано во многих местах.

Она рада, что и Макс и она не надели сегодня туник из шкур...

Они молчат... Им слишком много надо сказать друг другу. И вдруг сильное, неудержимое рыдание потрясает Жана Лавореля.

— Лаворель...— говорит ласково Макс.— Ну, Лаворель!

Лаворель овладевает собой. Он смотрит на них глазами, полными слез.

— Как вы исстрадались! — шепчет Ева.

Он тихо говорит:

— Больше, чем вы можете себе представить...

При одном воспоминании его лицо болезненно передергивается...

— Мне хочется встать перед вами на колени и благодарить вас за то, что вы здесь...

Помолчав, он снова говорит, как бы не веря своим глазам:

— Люди, люди! Очутиться снова среди людей!..

— Так вы были один? — прошептала Ева.— Вы тоже!..

В голове ее пронеслась мысль о человеке, затерянном на Айернской скале, такой близкой от них и такой недоступной...

Лаворель провел рукой по лбу, как бы отгоняя от себя кошмар.

— Я расскажу потом,— прошептал он.

— Я уверен, что вы голодны, Лаворель,— сказал Макс.— Идем домой!

Лаворель повторил тихо, как во сне:

— Идем домой...

Они стали спускаться со ската, скользя между плитами.

Ева говорила:

— Это отчасти благодаря вам мы смогли спастись. Когда мы решили бежать в горы, то вспомнили деревню Шамери, которую вы упоминали... в тот вечер... вы помните?..

— В тот вечер,— повторил Лаворель.— Вспоминал ли я его? «Я не увижу этого... Но ты — может быть»...— прошептал он, произнося слова Луи Андело.

— Эльвинбьорг приезжал в Шампери,— добавил он вдруг.— Я видел его много раз... до этого... раньше... Мне кажется невероятным, чтобы такой человек, как он, не мог спастись!

— А вы знаете! — продолжал он с возрастающим возбуждением.— Есть еще люди, которые спаслись... Я видел людей в долине Суа. Но я не мог к ним подойти... Это ряд отвесных стен... Я спускался в Сюзанф, имея в виду их встретить, когда обойду горы через Шо д'Антемоз. Мы пойдем их искать вместе, Дэнвилль!

— Да,— сказал Макс.— Мы пойдем...

Ева вздрогнула, но у нее не нашлось силы их удержать.

Они спускались большими шагами в долину, освещенную косыми лучами заходящего солнца. Вдруг Лаворель остановился. Он заметил хижины, уже окутанные тенью и выделявшиеся на фоне скал. Их заволакивал дым. Кое-где мелькал огонь. Раздавались крики детей.

— Хижины! — прошептал он.— Дети!

Навстречу приближалась энергичная фигура: широкие мужские штаны, красный платок, а под ним пожилое женское лицо.

— Инносанта Дефаго!.. Ах! Инносанта, мы возвращаемся к Южному Зубу!

Он смеялся, пытаясь справиться со своим волнением.

— Один из моих иностранцев! — воскликнула она в изумлении.

— Ах,— промолвил Жан,— жить вместе с другими людьми — ведь это же земной рай!

Вечером, сидя у огня вместе с Максом, Губертом и госпожей Андело, Лаворель вдруг сказал:

— Я был с моим другом... Морисом Колоньи... на самых вершинах... около План-Нэвэ... Он погиб... Вот уже три дня...

Наступило молчание. Жан добавил вполголоса:

— Он покончил с собой...

— Лаворель,— сказал Макс едва слышно,— вы расскажете нам об этом потом... Идите отдыхать.

Но Жан покачал головой.

— Нет,— сказал он,— я больше не сплю... И вы мне сегодня так близки...

Госпожа Андело глядела на него с состраданием.

— Мы вышли вместе, как мы это часто делали. Морис и я, с веревкой, провизией, одеялами...

Это было в начале августа. Газеты пестрели сообщениями о катастрофах, ураганах, кораблекрушениях, землетрясениях... Но они не обратили на это никакого внимания.

— С неделю мы жили на бивуаке в скалах. Только взойдя на Желтый Зуб, мы увидели... Да, именно там, на этой головокружительной высоте, которая парит над зияющей пустотой, мы увидели прорвавшуюся воду, ползущую к деревням, и постепенно исчезающие города... Мы представляли себе беглецов, настигнутых волной... поглощенных одним ее взмахом... Я помню стадо овец, стол-

пившееся на скалистом островке, падавших одна за другой, как дозревшие фрукты...

Он замолчал. Никто не шевельнулся. Ужасы прежних картин снова вставали перед ними.

Жан тихо продолжал:

— Мы хотели добраться до перевала. Мы были перевязаны веревкой и перебирались, вися на стене. С вершины оторвался камень... Толчок... Мне удалось удержаться на своей привязи. Морис крикнул: — Я ранен! Я подошел к нему по узкому карнизу. Берцовая кость была переломлена у него в двух местах. Я развернул свои обмотки, вытянул его ногу вдоль моей палки и перевязал как можно туже.

Вы представляете себе дальнейший спуск? Он тащит за собой ногу, я его несу, а иногда оставляю висеть на конце веревки... Да еще в том состоянии ошеломленности, в котором мы находились...

— Это ужасно,— прошептала госпожа Андело.

— Мы оставались там наверху... Сколько дней? Считайте сами... Морис не поправлялся. У меня почти ничего не было, чтобы его лечить!

— Как вы не умерли с голода? — воскликнул Макс.

— Мы были на краю гибели,— ответил Лаворель.— Запасы истощились... На второй день мы увидели заблудившуюся козу, которая, отстав от своего стада, не знаю каким образом забрела туда. Она спала посередине между нами. Я отнес Мориса под Восточную Вершину, у ледника План-Нэвэ. Огромная скала защищала нас от ветра. Утром коза спускалась в поисках мха для жвачки. И мы каждый раз боялись, что она не вернется; но она слишком плохо питалась, молоко ее делалось все более и более жидким. Морис беспрестанно повторял: — Оставь меня! — Ах! Какое мужество он выказал в своих страданиях! У него был сложный перелом... Мы приходили в отчаяние...

Голос Лавореля оборвался. Он докончил одним духом:

— Однажды вечером, в его последний вечер, он мне сказал: «Надо жить... Надо, чтобы ты жил... Непременно...» — Он, как всегда, пожал мне руку, и мы заснули друг возле друга. Мне показалось во сне, что он ходит. Когда я проснулся — я был один...

Наступило молчание. Жан добавил:

— Должно быть, он дотащился до перевала... Этот перевал возвышается совсем отвесной стеной, а внизу вода...

— Что же вы делали дальше? — спросил Макс.

— В течение двух дней я лежал неподвижно. Я не мог сделать ни шага... Потом я решил последовать желанию Мориса и спастись. Его воля служила мне приказом, который я все время ощущал... Надо было прежде всего обогнуть острый склон, прозванный Перстом, и следовать по краю до Верхней Вершины. Я бросил веревку... Как

я перебрался через всю цепь опасных переходов, я не помню. Я шел в каком-то кошмаре... Даже коза не рискнула следовать за мной. Она остановилась у стены, за которую я цеплялся, и грустно блеяла. Потом она повернула назад и скрылась с моих глаз... А я... я заплакал.

Наступило молчание.

— Это неслыханно,— прошептал Губерт.— Что только может вытерпеть человек!

Жан ничего не ответил.

Они забыли подложить дров в потухающий огонь, и их охватил режущий холод осенней ночи. Подняв глаза, они увидели, как на небе, черном и холодном, как неподвижная вода, сверкали звезды.

— Я не дам вам спать одному сегодня, старина,— сказал Губерт, хватая Лавореля за плечи.— Вы разделите со мной мой матрац...

— Как вы его любили, вашего друга! — прошептала госпожа Андело.

Жан ответил.

— Как брата...

Что-то в его интонации заставило их замолчать.

Они встали, окружая Жана Лавореля. Его высокая фигура ярко освещалась отблеском горящих угольев.

Он поднял голову и воскликнул:

— Там наверху — люди. Надо идти им на помощь! Завтра же... Хорошо?

— Вы еще слишком измучены,— тихо проговорил Макс.— Это очень длинный переход. Подождем день или два...

— Тогда послезавтра,— ответил Жан.

Жан, Макс и пастух шли с самой зари. Поднявшись на Шо д'Антемоз, они спустились по другому его склону, чтобы обогнуть массив Южного Зуба. Над ними возвышались сплошные стены. Надо было взбираться на каждый уступ и двигаться по отвесным краям, которые терялись в зияющей бездне. У их ног спокойным морем расстилалась долина Иллиэц, пересеченная длинными правильными бороздами.

Они перешли наконец Суасский хребет, опирающийся на последнюю вершину, «Крепость», и представляющий собой редут из скал, возвышающихся к самому небу. Достигнув вершины, они сделали привал. Взоры их обратились к долине, где тесные потоки мелких камней казались окаменевшими реками. Они увидели узкий ледник, висевший над выступами «Крепости», а ниже — голубое озеро, которое трепетно блестело, как живое око на неподвижном лике лунного пейзажа. Лучи солнца угасли на склонах. Воздух приобрел ту холодную ясность, которая предшествует сумеркам.

— Игнац!.. Ты их не видишь? — спрашивал Макс, склонясь над пропастью.

Пастух качал головой... Набравшись духу, он изо всех сил испустил крик, который когда-то собирал его баранов, рассеянных у подножия Белых Зубов. Это была пронзительная и меланхолическая модуляция, бесконечная призывная песнь. Эхо подхватило ее и разбросало во все стороны. По всему массиву гор слышался только этот человеческий голос, который спрашивал, настаивал...

Игнац, задыхаясь, остановился. И из долины послышался в ответ подобный же призыв, ослабленный расстоянием и постепенно замиравший вдали.

— Один из здешних! — воскликнул пастух.

Он повторил свой клич. И оба голоса, окрепнув, шли друг к другу в трепетном ожидании встречи...

Почти тотчас же на белой земле показались три темные фигуры. Они, казалось, ползли среди скал, взбираясь на Суасский хребет.

— Скорей! — крикнул Жан.

Они начали сбегать по склону и подошли к пологому склону долины. Обе группы приближались друг к другу. Чей-то голос внезапно крикнул по- французски:

— Добро пожаловать!

Один из людей опередил своих двух спутников и бросился к ним с распростертыми руками.

Маленького роста, плечистый, с длинной седеющей бородой и растрепанными серебристыми волосами, он был в разодранном пиджаке, с розеткой Почетного Легиона в петлице. Он был бледен, как полотно, и его истощенное лицо было искажено волнением.

— Ах! Господа, господа,— повторял он, пожимая руки Максу и доктору Лаворелю.— Господа...

Потом, обернувшись к белокурому пастуху, проговорил:

— Спасибо!.. Спасибо!..

Целый поток вопросов полился из его уст: Откуда они? Спасся ли кроме них еще кто-нибудь?..

Его два спутника присоединились к группе: лысый человек, рваная одежда которого болталась на исхудавшем теле, и рыжий рослый горец с могучими плечами, худой и крепкий, которого Игнац весело окликнул:

— А, это ты, Жоррис Эмиль?!

— Это ты, Игнац? — ответил Жоррис.

И невольным движением он прижал юношу к своей широкой груди.

Остальные с удивлением смотрели друг на друга. Спасшиеся на Суасском хребте оглядывали людей Сюзанфа и изумлялись меховой одежде, огрубелой коже, энергичной походке дикарей. Они сами были истощены и в лохмотьях. Вся внешность их говорила о ли-

шениях и страшной нужде. Лысый человек повернулся к Жану Лаворелю, стараясь улыбнуться, и вдруг опустился на колени и заплакал, закрыв лицо руками.

Человек с орденом в петлице мог еще говорить.

— Разрешите представиться и представить вам своих товарищей.

Старая формула, произнесенная этим взлохмаченным стариком, у которого из-под рваных брюк виднелись голые колени, странно прозвучала в этой пустыне.

— Фриц Шмидели, из Базеля, страстный ботаник, жалеющий растения еще больше, чем людей... Наш проводник из Шампери — Эмиль Жоррис, которому мы обязаны тем, что осталось от нашей жизни.

Непринужденность, вернувшаяся к старику, поражала своей неожиданностью и передалась остальным. Произнесенные им слова вызвали на их устах подобные же ответы. И Макс, протягивая руку ботанику, чуть не сказал:

— Очень рад с вами познакомиться.

Поймав себя на этом, он рассмеялся. По полному, добродушному лицу базельца катились слезы. Он молча пожимал руки.

— А я... Жорж Гризоль... из Парижа.

— Жорж Гризоль? Писатель? — воскликнул Жан Лаворель.

— Он самый,— громко ответил Гризоль.

И добавил меланхолично:

— Ваше удивление будет, несомненно, моим последним удовлетворением в этой области...

Гризоль, член Французской Академии! Модный писатель, произведения которого, выдержав большое число изданий, были переведены на все языки! Художник, рисующий великосветскую жизнь и умеющий сочетать скандальную хронику с вековыми идеалами! Искуснейший усыпитель робкой совести!..

— Как это странно! — прошептал Жан.— Встретиться здесь!

— Да,— повторил Гризоль,— Много странного и... ужасного...

Они замолкли. Страшные картины снова заполнили тишину.

— Вы лучше приспособились, чем мы,— сказал писатель.

Тогда Макс, как бы очнувшись от сна, подошел к ним и в свою очередь представил своих друзей.

Он добавил:

— Вы увидите в Сюзанфе моего тестя,— Франсуа де Мирамара, имя которого вы, вероятно, знаете.

— Знаю ли я его! Еще бы! — воскликнул романист.— Мне часто приходилось справляться по его превосходным трудам!

Игнац повернулся к Жоррису.

— Сколько у вас там коз? — спросил он. Без сомнения он ду-

мал, что эти городские жители все еще не излечились от мании пустословия.

Они направились в глубь котловины. Спотыкаясь о камни, романист продолжал говорить.

— Какую жизнь, какую жизнь мы ведем! Это невероятно!.. Мы уж было приготовились к смерти, совершенно просто, без всякого смирения... Ваше присутствие пробудило жизнь... У вас есть хижины? Огонь? Вы можете варить пищу, греться?

Он все еще не мог прийти в себя. Послышался смех Жорриса. Огонь?

— Нас целая компания,— продолжал Гризоль,— больной англичанин, русский князь и еврей-финансист... один из крупнейших капиталистов Европы. Добреман! Тот самый, который похитил красавицу Моро-Дельваль, жену бывшего министра. В Париже только об этом и говорили!

Макс кивнул головой. Названные имена пробудили в нем отголосок далекого скандала. Только два месяца тому назад! А между тем, целое столетие вычеркнуло все это из его памяти...

Романист понизил голос.

— Он похитил ее на празднестве, устроенном специально для нее. Оно стоило целое состояние... Каждая женщина представляла собой какой-нибудь драгоценный камень. Салоны были обиты различными шелками и изображали гигантские футляры для драгоценностей... Госпожа Моро-Дельваль была чудесным опалом... В разгаре празднества она исчезла с Добреманом. Муж смотрел на их связь сквозь пальцы, так как Добреман финансировал строительные работы в разоренных войной департаментах, работы, в которых министр был сильно заинтересован. Но эта терпимость перестала их удовлетворять... Это была прекрасная страсть.

Романист наткнулся на камень и, неловко схватившись за скалу, до крови ободрал себе руку.

— Каждый день так! — простонал он.— И подумать только, что дорог больше не существует!

Он виновато улыбнулся и вернулся к рассказу:

— Они приехали в Шампери на автомобиле в ту самую ночь, которая предшествовала потопу. Мы жили в одном отеле, потом бежали куда глаза глядят и очутились здесь...

— Как могла дама добраться до этих скал? — прошептал ботаник из Базеля.— Это неслыханно! Сколько подвигов заставило совершить это несчастье!

— Так она здесь? — спросил Макс.

— Несчастная женщина умерла через месяц,— ответил романист...— Изнемогая от болезни, лишившись своей красоты, с лишенными блеска волосами, она видела, как на ее же глазах таяла да таяла его великая любовь... Разве такой тип, как Добреман, мог по-

прежнему любить женщину, которая вечно стонет, одета в лохмотья и кашляет день и ночь? Я только один раз видел ее улыбку. Это было, когда она почувствовала, что наступает конец... Мы отнесли ее тело в сторону и опустили его в воду. Но прилив прибивал его обратно... Каждый день во время прилива появлялась страшная посетительница. Вечером ли, ночью ли,— я знал, что она колышется там — вон под теми скалами...

Остановившись, он указал рукой на гладкую стену, выступавшую из серой воды...

— Кончилось это тем, что Жоррис привязал камни к ее юбкам...

Они приближались к площадке, расположенной на склоне котловины. Булыжники, несколько жидких пучков травы, бесплодная почва и — море.

— А вот и Добреман,— сказал ботаник из Базеля.

К ним навстречу поднялся высокий молодой человек. Со своими черными удлиненными глазами, орлиным носом и неподвижными чертами матового лица, он похож был на свергнутого и униженного языческого бога.

— Ах, господа!.. Если бы вы знали, до какой степени мы исстрадались! — повторял он, сжимая в своих все еще белых и тонких руках огрубелые руки пришельцев.

Отвесная скала едва защищала их от дождя. Паника в Шампери наступила так неожиданно, что они бежали, не захватив с собой ничего... У них не было даже спичек. Присоединившийся к ним проводник, убедившись в невозможности развести огонь на скалах «Крепости», прикончил свои спички, разжигая трубку. Кругом не было ни куска дерева. Они питались козьим молоком и с тоской наблюдали за погодой, сознавая, что первый же снег принесет им неминуемую гибель.

— Как мы уже сто раз не погибли? — вздохнул Добреман...

На его лице Макс прочел лишь ужас холода, голодовки, тысячи мучений, угрожавших телу... Несколько поодаль лежала длинная человеческая фигура. Лаворель подошел ближе и увидел худое лицо кирпичного цвета и тело гиганта, свалившегося на камни и казавшегося совсем разбитым.

— How do yo do? — проговорил англичанин, не выражая никакого удивления.

— Вы больны? — спросил доктор. Англичанин покачал головой и ничего не ответил.

— Я думаю, что у него болен мозг,— сказал проводник.— О! Он не понимает ни одного слова по-французски! — добавил он, отвечая на жест Лавореля.— А, между тем, это здоровый парень. Он поднимался вместе со мной на «Собор» и на «Крепость». Катастрофа произошла на третий день после того, как мы тронулись в путь. Нам бы-

ло легко спастись... Мы заметили ее приближение... Но англичанин впал в уныние. Он лег на землю и плакал, повторяя: «England! England!». С тех пор он почти ничего не говорил. Он не хотел ни вставать, ни ходить...

Макс смотрел на эту отвесную террасу и котловину, зажатую между ледником и водой.

— Почему вы не искали лучшего убежища? Не подумали о долине Сюзанф?

— Стоило мне отойти от них на двадцать шагов, как они уже считали себя погибшими,— ответил проводник.— Как же вы хотите, чтобы я пустился с ними в путь по отвесным обрывам?

Он указал на распростертого англичанина, Гризоля и Добремана.

— Есть еще русский! — вздохнул Жоррис...— Но он... он не знает гор... Что ж было делать?

К ним приближался ленивым шагом высокий юноша с мягкими чертами бледного лица, славянским носом и светло-голубыми глазами. Вся его фигура носила отпечаток преждевременного увядания.

— Мой шофер,— небрежно проговорил Добреман.

— Князь Орлинский,— докончил тот, с любезной улыбкой протягивая руку.

— Удивительно,— сказал Лаворель,— что с вами не спасся никто из поселян.

— У них у всех есть в долине свои дома,— ответил Жоррис.— Они спустились, чтобы спасти свое имущество. Я, наверное, сделал бы то же самое...

И поднявшись на ноги, он пошел собирать овец, бесцельно искавших среди сланца какой-нибудь травы.

Романист посмотрел ему вслед и сказал вполголоса:

— Этот человек был нашим провидением...

Он увлек Макса и Жана на берег небольшого прозрачного озера, окруженного со всех сторон камнями, и продолжал не переставая ходить взад и вперед.

— Без него мы давно погибли бы... Какая преданность у этих проводников!.. Я часто сожалел, что не могу делать заметок... У меня нет бумаги... Можно было бы написать прекрасный психологический этюд!

— В котором оказался бы даже отрывок скандала,— невольно проговорил Лаворель.

— Подумайте! — заговорил, внезапно возбуждаясь, романист.— Англичанин, умирающий от одной мысли, что исчез его родной остров, русский, считающий себя счастливым уже потому, что больше никому не подчинен и может ежедневно пить молоко... И тут же на просторе — угасание великой любви, которое мы наблюдали изо дня в день... Ужасное разочарование женщины и мужчины, вообразивших, что они любят друг друга, тогда как они люби-

ли лишь свою светскую оболочку... Но рамки! Рамки слишком невероятны! Критика осыпала бы меня насмешками! Что же касается публики...

И с неожиданной горечью добавил:

— Публики больше нет!..

По его пергаментному лицу скатились две крупные слезы.

Он думал о своих верных читателях, которые следовали за ним от одной книги к другой, о толпе незнакомцев, которые были ему дороже близких, так как давали ему славу, о той толпе, которой он служил в течение тридцати лет и которая погибла в один день, унося с собой весь смысл его жизни.

— Какой антипатичный человек этот Добреман, не правда ли? — прошептал он вдруг, пытаясь скрыть свое горе.

Решили тронуться в путь на следующий день, выпили овечьего молока и разделили между собой сушеное мясо, которое Игнац вытащил из своей кожаной сумки. Гризоль заставил растолковать ему дорогу, по которой придется идти. Он с удивлением смотрел на головокружительные края отвесных скал. Когда его кратковременное возбуждение улеглось, он превратился снова в жалкого истощенного человека с неловкими движениями, боящегося обрывов и послушного малейшему внушению Жорриса. От его прежних привычек осталась только застенчивая вежливость, которая трогала его спутников.

— Как мы вас стесним! — повторял он тихо.

Добреман больше не выходил из своей апатии. Англичанин лежал неподвижно, погруженный в свою печаль.

Дрожа всем телом, они прижались друг к другу, пытаясь заснуть. Октябрьская ночь пронизывала их своим холодом. Иногда кто-нибудь из них вставал и принимался с ожесточением притопывать по земле. Потом продрогшее тело снова опускалось рядом с другими.

Наконец небо приняло зеленоватый оттенок. При усилившемся свете ломаные очертания вершин обрисовывались с большей отчетливостью.

Проводник встал, размял свои окостеневшие члены и, позвав коз и баранов, стал заготовлять сумки. Послышался радостный возглас Игнаца:

— У тебя сохранилась веревка, Жоррис?

Англичанин заставил их потерять полчаса. С вежливым упрямством он отказывался идти с ними. Лаворель и Макс напрасно пытались его убедить.

Он качал головой и медленно пожимал плечами. Его жест означал:

— Для чего?.. Оставьте меня здесь...

Проводник жестом попросил их отойти и, став на колени перед лежащим великаном, долго говорил с ним вполголоса на скверном и никому не понятном английском языке. Что говорил он ему с тем выражением суровой нежности, которую проводники проявляют к своим путешественникам?

Молодой человек поднялся наконец на ноги. Его большое исхудавшее тело выпрямилось во весь рост.

— Как вам угодно,— проговорил он покорно.

— Опирайтесь на меня,— сказал Жоррис своим ворчливым голосом, в котором звучали необычные нотки волнения.

Макс взял под руку Добремана, Игнац — Орлинского.

Академик шел спотыкаясь, задыхаясь на каждом шагу, останавливался... На лице ботаника застыло выражение мрачного восторга. Уверенность найти в долине Сюзанф какую-нибудь растительность взвинтила его нервную систему.

Потребовалось немало времени, чтобы перейти Суасский хребет. Жоррис перевязал своих спутников веревкой одного за другим, и пока Макс и Игнац подтягивали их наверх, проводник закреплял в петли их неловкие трясущиеся ноги.

— Какая трата усилий для одного только передвижения! — вздыхал романист...— И впереди — такая же перспектива...

Когда они поднялись на вершину, он обернулся, чтобы еще раз взглянуть на бесплодную долину, свидетельницу стольких страданий. Обернулся и Лаворель. Перед его глазами промелькнула улыбка прекрасной женщины, умиравшей около своего равнодушного друга и улыбнувшейся лишь Смерти...

Они продолжали свой путь и спустились по склону. Перед ними поднимался другой выступ...

Когда группа стонущих изможденных людей приблизилась к обрывам Шо д'Антемоз, время близилось к сумеркам.

— Еще одно усилие,— говорил Макс.— Еще несколько шагов!

Наконец и эти несколько шагов были пройдены, и они увидели в глубине долины красное пламя костра. Послышался радостный крик:

— Огонь!

Гризоль нашел в себе силы спуститься без посторонней помощи. Уже можно было различить фигуры, ходившие взад и вперед около хижин. Макс передал Добремана Лаворелю и бросился вперед, перепрыгивая через осыпавшиеся камни. Они добрались наконец до подножия склона, и Гризоль напряженно вглядывался в спешившего к ним навстречу человека, который запахивался в шерстяное одеяло, еле прикрывавшее рваные остатки одежды. Эти жидкие волосы, эта борода, не потерявшая еще своей удлиненной формы, этот

широкий лоб, приобретший благодаря иллюстрированным журналам такую популярность...

— Франсуа де Мирамар! Вы? Вы? — воскликнул Гризоль.

— Кто меня здесь знает? — спросил пораженный ученый, всматриваясь в человека, бежавшего к нему с распростертыми объятиями.

— Это я, Жорж Гризоль!

— Вы?

Историк выронил свой факел и раскрыл объятия. Оба старика, никогда не видевшие друг друга, с тихим плачем обнялись, как братья.

VII

ФОРТИНБРАС

— Аконит... горчанка, альпийская полынь... исландский мох...— громко повторял доктор Лаворель, сортируя растения, рассыпанные у него на коленях.

Он поднял глаза. Долина Сюзанф пылала в лучах осеннего солнца, превращавшего скалы в глыбы розового мрамора и покрывавшего позолотой сухие травы и красные цветы камнеломки. Ползучий кустарник походил на брызги огня у подножья надвинувшихся снегов.

Лаворель окликнул Губерта, который проходил недалеко от него, волоча свою изувеченную ногу.

— Губерт!

Губерт медленно поднялся по склону и сел около своего друга.

— Что вы тут делаете? — спросил он.— Собираете травы, как этот бравый ботаник, который, обнаружив здесь какие-то былинки, забыл об уничтожении мира?

— Я хочу найти растение, имеющее антисептические свойства. Подумайте о несчастных случаях... Вчера Игнац разодрал себе руку...

Жан вздохнул.

— Страшно подумать, что все может случиться...

Губерт горько усмехнулся.

— Ба! Не пытайтесь спасать людей.. Жалкие горсточки оставшихся в живых и зацепившихся за скалу людишек умрут одни за другими, и Земля, превратившись в мертвый мир, перестанет страдать,— точь в точь, как эта счастливая Луна, которая портит наши ночи.

Жан хотел возразить. Но Губерт находил сильное облегчение в том, чтобы изливать свою горечь.

— Так вы мечтали о пустыне, Жан Лаворель? Вы хотели быть

врачом в затерявшейся деревушке? Вы презирали свет и деньги? Смотрите, до какой степени судьба вам благоволит! Есть желания, выражать которые по меньшей мере неосторожно!

Вытянувшись на шерстяном одеяле, Губерт склонил к Лаворелю свое огрубевшее лицо и злостно издевался:

— Лаворель! Не скажете ли вы мне, почему вы мечтали о пустыне?

— Для того, чтобы работать! — ответил Жан.— Представьте себе, что перед самой катастрофой я почти что открыл новую сыворотку, убивающую микробы в организме... Излечение туберкулеза! Вы себе представляете?

Голос его дрогнул.

— Имей я в своем распоряжении еще несколько месяцев... Увидеть своими глазами, как излечивается человек, обреченный на смерть!

— Ну и что же? — возразил Губерт.— Ваша сыворотка все равно погибла бы со всем прочим!

— Иметь комнату, лабораторию и простых людей, за которыми ухаживать...— пробормотал Жан.

— Но были же в городах лаборатории, книги, учителя! — возразил Губерт.— Почему вы мечтали о пустыне?

— Города! Современные города! — воскликнул Лаворель.— Эта бешеная погоня за деньгами! Сумбур нечистоплотностей!.. Наши учителя сами поголовно охвачены безумием города...

— Вот оно что,— прошептал Губерт.— Значит, вы тоже разочаровались!

Наступило молчание. Губерт тихо спросил:

— А любовь?

— Любовь? — повторил Жан.

Он закрыл глаза. Перед ним промелькнула его юность, задушенная в работе, перегруженная чрезмерной ответственностью. Он видит себя ассистентом в больших хирургических клиниках... Война... Лазарет Красного Креста во Франции. Он — старший врач... У него двести кроватей. Потом он возвращается в Женеву. Дача в предместье, где умирает его мать, и окна которой в порыве отчаяния он наглухо забивает... Затем одинокое убежище... Работа — еще более упорная...

Любовь?

Он тихо проговорил:

— Моя душа представляет собою нечто вроде комнаты, замкнутой и запечатанной, в которой я хранил свои надежды и мечты о любви... Однажды я заметил, что эта комната опустела... или, вернее, что в ней обитало нечто иное... если хотите, страдание людей, которых я хотел вылечить, а, может быть, еще и страсть к научным открытиям.

Он снова замолчал. Как объяснить Губерту испытываемый им страх очутиться в плену своей любви?

— Я не мог...— сказал он наконец — не успел еще подумать о своем счастье... Возможно, что позднее...

Он умолк и, поднявшись на ноги, неожиданно воскликнул:

— Солнце садится. Надо спускаться, Губерт.

Они медленно шли по голубой скале, сохранившей еще отблеск потухшей иллюминации. На вершине склонов косые лучи солнца томились и умирали один за другим, и похолодевшая долина окутывалась тенью.

— Подумать только, что вокруг нас живут, может быть, люди, не имеющие ни крова, ни огня...— шептал Жан Лаворель.

Стоя на краю побелевшего обрыва Шо д'Антемоз, он вглядывался в пространство, где вырисовывались вершины гор, все более и более далеких,— удивительный архипелаг утесов и льдов!

Накануне выпал первый снег.

Лаворель не смог отделаться от мысли, что эти крутящиеся в воздухе хлопья служили исполнителями несчетного числа смертных приговоров...

— Игнац, взгляни! Он все еще там?

Молодой пастух остановился, защищая обеими руками свои зоркие глаза.

— Да,— произнес он наконец.— Он двигается.

— Надолго ли его хватит? — вздохнул Лаворель.

Вместе с Максом они пробовали соорудить плот, перевязав толстые стволы деревьев веревкой. Жан отважился даже пуститься на нем в путь, но тут же попал в водоворот. Ему стоило больших трудов посадить свой изломанный плот на мель. Пришлось отказаться от всякой попытки...

— Идем работать! — сказал Лаворель.

Они спустились к Новым Воротам, где работали их товарищи. Надо было торопиться. Через некоторое время склоны обледенеют, и по ним нельзя будет поднимать тяжести. Между тем, в ожидании суровой зимы, надо было заготовить возможно больше дров. Когда они приближались к Новым Воротам, Жан остановился, прислушиваясь к смеху Орлинского.

— Этот, по крайней мере, не унывает! — сказал он Игнацу.

— Я никогда не был так счастлив...— говорил Орлинский.— Я на своей шкуре узнал, что такое цивилизованное общество; я не сожалею о нем... Оно было беспощадно...

После долгого молчания Игнац ответил доктору:

— Он охотно работает... не то, что Добреман...

— Что же ты хочешь? Добреман не привык...

— А ты? — неожиданно возразил пастух.— Разве ты привык к такой работе?

Жан засмеялся.

— Я всегда любил горы: для меня это не так трудно...

Взгляд его окинул долину Сюзанф, покрытую белой пеленой и испещренную короткими голубыми тенями скал. Бледное солнце блуждало по леднику, разукрашенному узорами первого снега.

Ах, если бы все люди могли спастись, как они, достичь подножья высоких вершин, найти долину, подобную долине Сюзанф!!!

Когда Лаворель взбирался на перевал, эта назойливая мысль становилась невыносимой.

За этим заливом, раскинувшимся у его ног между склонами Саланф, открывалась от выступа Ганьери и до скалистой глыбы Луизина длинная расселина. Отсюда тянулась бесконечная вереница гор, вздымая к неподвижному небу свои острые силуэты, свои плечи, свои снежные головы.

Бернские Альпы... Валлийские Альпы!.. Там, у их подножья, должны были ютиться люди, нашедшие спасение в роскошных отелях горных курортов.

Иногда море исчезало в сплошном тумане, из-за которого резко выделялись на солнце отдельные вершины. Над светлыми слоями перистых облаков обрисовывался далекий материк — неровный, весь в ямах, изрезанный острыми мысами. Подернутые туманом фиорды извивались на нем вычурными узорами.

— Эмиль! — спросил Лаворель сопровождавшего их Жоррис.— Не кажутся ли тебе сегодня эти горы особенно близкими?

— А все-таки,— ответил валлиец,— мы не сможем до них добраться.

— Эх, лодку бы,— крикнул в каком-то отчаянии Жан.— Неужели мы не сумеем построить лодку, которая будет держаться на воде?

— У нас нет инструментов,— проговорил Жоррис, изумленный интонацией Лавореля.— Да и море больно скверное,— добавил он.

Наступило молчание. Они думали о непроходимых пропастях, усеянных скалами, где даже в спокойные дни чувствовался неумолимый закон моря с его противоречивыми течениями, которые приносили и уносили всевозможные обломки, а с ними и полунагие, изуродованные трупы...

В течение первых недель Макс часами наблюдал, как эти мертвые тела подплывали совсем близко и снова уносились в неведомую даль.

Жан смотрел на золотящуюся зыбь белого тумана, отделявшего от него затерянную в горах мечту, и тяжело вздыхал...

В тот же вечер, поднимаясь со своей ношей от Новых Ворот, Жан Лаворель и Игнац встретили Добремана. Он беспечно прогуливался по узкой тропинке, которую, шагая по ней изо дня в день, протоптали их ноги.

С видом полного разочарования, ежась от холода и кутаясь в одеяло из шкур, он, казалось, чувствовал себя в своем костюме крайне неловко. Игнац шел последним и, проходя, нечаянно его задел. Тем самым тоном, который он когда-то усвоил по отношению к маленьким людям, Добреман произнес:

— Будьте осторожней, мой друг.

Игнац выронил из рук дерево и рванулся вперед:

— Я вам не друг,— сказал он и добавил сквозь зубы: — Молодой и сильный мужчина, а не работает...

Добреман вытянул свои тонкие руки с гибкими пальцами, не знавшими другого труда, как перебирать банковые билеты да подписывать чеки.

— Я? Я работаю мозгом!

Вызывающий тон, презрительные глаза, меривщие своего собеседника с ног до головы! Игнац грозно выпрямился. Юношеское лицо, окаймленное вьющимися волосами, стало суровым. В звуке голоса послышалась властная сила предков, грудью отстаивавших свои горы и свои права.

— Ваша очередь! Несите!

Он указал на тяжелый ствол, упавший на снег. Добреман хотел было отделаться шуткой. Но железная рука горца чуть не раздавила ему плечо. Он увидел над собою крепко сжатый кулак и почувствовал себя заранее побежденным. Побледнев, он наклонился к земле, поднял ствол, но тут же выронил его.

— Несите! — приказал Игнац.

Вернувшийся обратно Лаворель успел вмешаться.

— Возьми мою ношу,— сказал он пастуху.— Он не может... Я ему помогу...

И, схватив ель за обломанные корни, он жестом кивнул на верхушку дерева.

— На плечо,— посоветовал он.

Согнув голову, Добреман неловко поднял тяжесть и, сгорбившись, медленными шагами последовал за Игнацем. Капли пота стекали на его баранью шкуру.

Добреман, спавший в одной хижине с Жоррисом, старым Гансом и Игнацем, проснулся раньше других... Брр! Храп этих людей, это совместное житье,— все это наводило на него ужас. Он с трудом поднялся и приоткрыл дверь. Проникнувшая в хижину полоса тусклого света позволила различить тела, сжавшиеся против него на матраце. Он ждал пробуждения пастуха. Игнац вскочил одним прыжком и вышел, мимоходом толкнув его. Добреман последовал

за ним и дружеским тоном, почти просительно, спросил: — Не сложите ли вы мне хижину, как у Дэнвилля? Я дам вам все, что захотите!

Пастух пожал плечами:

— Здесь нечем платить...

Добреман показал на крупный бриллиант, который он носил на пальце.

— Хотите это?

— Он мог бы, пожалуй, служить для пометки камней,— сказал задумчиво пастух.— Но мне мой нож больше нравится.

И добавил без всякой злобы:

— Я, впрочем, охотно помогу вам, потому что вы такой неловкий.

Добреману пришлось самому отнести несколько булыжников на выбранное место. Он сразу оцарапал себе руку и принужден был обвернуть ее обрывком платка.

— Вы никогда не научитесь,— разочарованно сказал пастух и продолжал работать один.

Англичанин все лежал на земле, не произнося ни слова.

— Самый благоразумный из нас,— говорил про него романист.— Он не пытается жить...

И Жорж Гризоль подавлял вздох. После того, как призрак смерти отошел, наличие надежного жилища и огня его больше не удовлетворяло. Новое существование представлялось ему во всем своем страшном однообразии и животной грубости. Вереница безрадостных дней, влекущих за собой одни и те же работы, мелкие и утомительные: вместе с детьми ежедневно срезать траву, расстилать и сушить звериные шкуры и сортировать камни, которые женщины ходили собирать в долине для постройки хижин. Нескончаемая работа, которая причиняла рукам мучительную боль!.. Есть одну и ту же пищу, страдать от холода, сырости, снега... В его возрасте, с его привычками! И причиной всему этому служила жажда жизни, неразлучная с их телом и обрекавшая их на такие страдания... Когда они вместе с историком поднимались медленными шагами по склонам, они с горьким отчаянием постоянно возвращались к прошлому. Они перечисляли все свои ежедневные мелочные удовольствия, все подробности своего минувшего благоденствия. А что они не высказывали, то угадывалось в их обоюдных речах. Это была тоска по фимиаму, который воскуривался их зрелому возрасту, по славе и поклонению, являвшимся законной наградой их трудов...

Романист шептал вполголоса слова, которые принимали в этой пустыне выражение безжалостной иронии. Слава!.. Ах, его слава!.. Он, руководитель современной французской мысли, доведен до существования дикаря, и власть его таланта обесценена... Власть

оживлять действующие лица и идеи; всемогущество слова, приобретенное с таким трудом и теперь такое бесполезное...

— На что мы нужны? — говорил он.

А де Мирамар добавлял:

— Человечество будет делать свои первые шаги ощупью. Оно нуждается только в людях сильных и простых... Мы — анахронизм, мой друг...

Они входили в хижину, опускались на землю и замолкали. Твердые камни причиняли боль в пояснице. Сидя в углу, безумная качала головой и глядела на них своими бессмысленными глазами. Как далеко еще до сумерек! А после них настанет бесконечный вечер, а после вечера — ужасная ночь, во время которой сон слишком часто отказывает в нескольких минутах забвения... А потом начнется такой же день...

Ими овладело глубокое отчаяние...

— Не кричи так громко... Постарайся сказать мне, где у тебя болит,— повторял доктор Лаворель, склонившись над ребенком.

Мальчуган катался по полу хижины. Его побагровевшее лицо, облитое потом и слезами, исказилось от криков.

Женщины молча стояли вокруг него.

Мать пыталась объяснить:

— Его захватило как-то вдруг, сегодня утром. Вы только что ушли... Он стал кричать... Он уже вчера не бегал... Он что-то съел...

И тихим голосом, с мольбой, она твердила:

— Это очень серьезно, господин доктор?

— Ну, бодрей, мой мальчик! — повторял Лаворель.— Успокойся хоть на минуту.

Отодвинув тунику из шерсти, его пальцы осторожно ощупывали живот.

— Здесь? Или здесь?

В ответ раздался пронзительный рев.

— Плачь, если тебе от этого легче, но только не вырывайся... Чем больше ты будешь двигаться, тем будет больнее...

Он ощупал холодные ноги, замерзшие ладони и, взяв руку, стал считать слабое биение пульса. Он попросил меха и покрыл ими ребенка.

— Ничего нельзя сделать... Абсолютно ничего...— ответил он на молчаливый вопрос побледневшей от горя матери.

Он гладил густые волосы, окаймлявшие полное детское лицо, которое он знал таким живым и розовым.

— Сколько ему лет?

— Десять лет, господин доктор... Он сильный, он никогда не болел...

Приподнявшись, Жан увидел мальчуганов, столпившихся у порога и просовывавших в хижину любопытные лица.

— Бегите-ка к моренам за льдом. Принесите, сколько можете. Живо!

Он сел в углу, не переставая глядеть на ребенка, предоставленного всем ужасам страдания. Все тело мальчика корчилось, ноги его судорожно бились, кулачки отчаянно размахивали в воздухе.

И перед глазами Лавореля пронеслась другая картина: белая комната, залитая дневным светом, блестящие инструменты, расставленные на стеклянном подносе, и он сам, с напряженным вниманием склонившийся над детской фигуркой, ловкими руками спокойно и уверенно работающий над этим телом...

Четверть часа, двадцать минут... и ребенок спасен!..

Вошел Макс, привлеченный детскими криками, и увлек Лавореля из хижины.

— Зайди на минуту что-нибудь перекусить. Тебя ждут...

Госпожа Андело спешила им навстречу.

— Бедная Рейн,— шептала она.— Это ее сынишка... Плохо дело?

Она никогда не была матерью, и это было ее большим горем. Волнение Рейн, ухаживавшей за своим ребенком, казалось ей все-таки меньшим несчастьем. Жан ничего не ответил. Она заметила его бледность и вздрогнула.

— Какой вы ставите диагноз? — спросил де Мирамар.

— Острое воспаление кишок... Это тот случай, когда может спасти только операция...

Он развел руками с жестом полной беспомощности.

— Я считаю его погибшим...

— Это ужасно, эти крики!.. Они будут еще долго продолжаться? — спросил Добреман.

— К вашим услугам вся долина Сюзанф,— грубо ответил Лаворель.

И, отойдя от него, вернулся к больному.

Три, четыре дня агонии. Крики умолкали и возобновлялись с новой силой... Все удивлялись, как мог этот тщедушный организм так долго сопротивляться... Затем крики перешли в жалкое всхлипывание ребенка, который, не находя сна, теряет терпение. Наконец, наступила тишина... У матери уже воскресала надежда: мальчик улыбался и говорил: — «Мне хорошо...» — Успокоившись, он заснул. Его лицо с заострившимся носом как-то сразу постарело.

Под шапкой жестких темных волос выступила необычайная бледность... И в течение всей ночи другой крик надрывал тишину, ужасный вой самки, у которой отняли ее детеныша.

Подымая один за другим тяжелые камни, старый Ганс, Жоррис и Франсуа вырыли у подножья сланцевого склона глубокую яму. Все жители долины Сюзанф собрались вокруг могилы. Ребенка положили на ложе из рододендронов, и мелкая листва покрыла его восковое лицо. Могилу засыпали булыжником и заложили большими камнями. Жалобный плач матери казался каждому из присутствующих собственным стоном. Они стояли неподвижно, в глубоком молчании, и никто из них не решился вымолвить слово. Даже дети были охвачены жутким оцепенением.

В долине дул ледяной ветер, погоняя, точно стаю злых зверей, тяжелые облака. Низкое небо свинцом нависло на скалы, казавшиеся в сумрачной полутьме еще более мрачными и суровыми.

Все чувствовали себя беззащитными и ощущали над собой вечную угрозу болезней и физических страданий, которые они больше не умели облегчать, и смерти, которую ничто не могло предотвратить. На них надвигались вражеские силы зимы и все ужасы горной жизни. Они чувствовали вокруг себя присутствие целого ряда темных сил, упорно старавшихся их уничтожить. До мозга костей ощущали они беспомощность своего существования. Жалкое, осажденное со всех сторон человечество содрогалось от страха перед первым же трупом. И, считая себя обреченными на проклятие, они готовы были завидовать тем, кто был захвачен в расцвете жизни и покоился теперь на дне нового моря.

— Пойдем,— сказал Макс.

Он взял под руку плачущую Еву, и они стали медленными шагами спускаться в долину. Несчастная мать была в полусознательном состоянии и не могла оторваться от могилы. Госпожа Андело помогла ей подняться, и, поддерживая ее за талию, увела с собою. Остальные машинально последовали за ними. Они шли, низко опустив головы, с невидимой тяжестью в груди.

В этот день Франсуа де Мирамар и Жорж Гризоль спустились к Новым Воротам навстречу молодежи.

Первый снег растаял. Серое небо предвещало буран. Снова дул ледяной ветер. Они увидели издали ботаника из Базеля, собиравшего растения.

— Он, по крайней мере, нашел применение своим знаниям,— вздохнул романист.

Они подошли к подножию склона, выступавшего над самой водой, и стали наблюдать за кучкой людей, вылавливавших обломки.

По воде беспорядочно плыло множество стволов. Окружающие леса опустели без своих столетних хозяев — мертвых деревьев, валявшихся во мху, и гигантских елей с черными следами от ударов молнии. Подхваченные волной, они двигались теперь по долине Ил-

лиэц,— единственные путники, проходившие мимо немых берегов. Каждый прилив заносил их в темный фьорд, бывший когда-то ущельем Бунаво. Сплетаясь своими сухими ветвями, они образовывали плавучие острова, задерживая доски, столбы, снесенные ветром, и запасы дров, смытые волнами из разрушенных сараев. Согнувшись над водой, Жоррис длинным шестом останавливал плывшие мимо деревья и зацеплял их веревкой. Остальные перехватывали их от него и крепко обвязывали. Общими усилиями выловленные стволы вытаскивались на берег и нагромождались вдоль склона, откуда их поднимали и переносили в более удобное место.

— Нечего оберегать их от воров! — восклицал Орлинский.— Нет больше воров!

Раздался его юношеский смех.

— Он еще весел! — пробормотал Гризоль.

Макс и Лаворель, которые возвращались к вновь прибывшим, ответили в один голос:

— Нет... Веселиться не приходится.

У обоих были бледные лица. Макс добавил:

— Человек с Айернской скалы — исчез...

Наступило молчание. Жорж Гризоль заметил:

— Этого надо было ожидать... не сегодня, так завтра. При таком холоде...

— Мы к нему так привыкли! — воскликнул Макс.— Это был необыкновенный человек! Выдержать почти три месяца... совсем одному...

— Да,— подтвердил Лаворель,— это был необыкновенный человек.

Испытанное им чувство тяжелого одиночества усилилось. Опустошение казалось еще полней... Айернская скала, представлявшаяся ему живой крепостью, превратилась в могилу. И эта бесконечная вереница вершин, поднимавшихся над морем и сверкавших под первым снегом, была, конечно, такими же могилами...

Они спустились к берегу и вновь принялись за работу.

Игнац и Жан неожиданно подняли глаза и, привстав, застыли на месте.

— Смотрите! Туда!.. Туда!..— пробормотал Игнац сдавленным голосом.

Все наклонились вперед. Глаза с беспокойством следили по направлению его протянутой руки.

У входа в ущелье, на обломке, который медленно относило от того берега, показалась человеческая фигура.

— Он! — крикнул Жан.

— Это он! — шептал Макс.— Он сумел уйти со скалы!

Безмолвно, задыхаясь от волнения и не будучи в силах двинуться с места, они уставили глаза на этого человека.

Он стоял на ногах, держа в руках вместо весла длинный шест. Прилив, поднимаясь, толкал его вперед. Доплывет ли до берега его утлая ладья, дававшая, по-видимому, течь со всех сторон? Удастся ли ему уцелеть и, не разбившись о скалы, причалить к травянистому склону Новых Ворот, единственному доступному для причала месту?

— Наклонитесь! — шептал Жан.— Не привлекайте его внимания. Это может его погубить...

А лодка, между тем, приближалась. На носу ее виднелась черная собака и белая коза. Человек ловко отпихивался от выступающих скал. Уже можно было различить его лицо. Он вошел в пространство, заполненное плавающими стволами деревьев.

Подняв глаза, он внезапно увидел над собой ряд лиц, искаженных мучительной тревогой. Сбросив обувь, Лаворель готовился уже броситься вплавь. Улыбнувшись, незнакомец сделал рукой успокоительный жест. Стараясь избегать водоворотов, которые кружили ели, он искал прохода, предупреждая шестом толчки крутившихся вокруг него обломков. Течение волны открыло узкий проход между стволами. Тяжелая лодка осторожно вошла в него, лавируя, выжидая каждое препятствие, пользуясь всякой минутой попутного волнения, которое удаляло пни, загромождавшие ее путь. Последним усилием, от которого окончательно развалились еле державшиеся планки, челн садится наконец на травянистую мель. Раздается общее восклицание. Волнение сдавливает голоса.

Мужчины бегут навстречу незнакомцу, который в сопровождении козы и собаки спокойно взбирается на крутой берег. Макс и Жан останавливаются. У обоих вырывается изумленный крик:

— Эльвинбьорг!..

VIII

СТРОИТЕЛИ

— Посмотрите,— говорил академик, указывая на жалкую группу людей, собравшихся на пороге хижины: Джон Фарлэн лежал неподвижно и едва приподнялся, чтобы бросить на вновь прибывшего безразличный взгляд; госпожа Андело нагнулась над безумной; Ивонна повернула свое худенькое личико, которое бледнело с каждым днем, а в стороне стоял злобно сумрачный Добреман.

— Вы думаете найти здесь людей?.. Не стройте себе иллюзий. Мы спасли только наше тело... Но и это было тяжело... Только тело...

Эльвинбьорг обвел всех своими задумчивыми глазами.

— Надо спасти и души...— сказал он.

И в его глубоком и мягком голосе звучала уверенность.

Послышался насмешливый голос Добремана:

— О! Наши души!..

Склонившись к госпоже Андело, Ивонна повторила с нежной улыбкой, от которой ее исхудалое лицо сразу расцвело:

— Наши души!..

Инносанта, приготовлявшая на некотором расстоянии обед, поднялась и подошла к огню, чтобы бросить в него охапку еловых дров. Колеблющееся пламя затрепетало и весело взвилось среди серых сумерек, бросая яркий отблеск на безмолвные лица, обращенные к огню.

Они собрались в центральной хижине, самой просторной из всех. Ряд пней, уставленных вдоль стен, служил скамейками. На очаге из плоских камней все время поддерживался огонь. Кожух, слепленный из глины старым Гансом и Жоррисом, вытягивал дым наружу.

Эльвинбьорг отказался от жареного мяса и удовольствовался кружкой козьего молока.

Все взоры были устремлены на него.

Его лишь слегка похудевшее лицо сохранило обычное выражение ясного спокойствия. Во время своего долгого одиночества он привык к молчанию и говорил отрывисто.

— Я не могу понять, чем вы кормили свою собаку и козу,— удивлялся де Мирамар.— Ведь на этой скале вы были лишены решительно всего...

— Разве вы не заметили,— тихо сказал Эльвинбьорг,— что, спасаясь от воды, маленькие грызуны чрезвычайно быстро размножаются на новых местах? Моя собака охотилась за ними... А в первые дни она еще ловила рыбу. Вокруг нас плавало множество рыбы, отравленной соленой водой. Иногда, впрочем, бедному псу приходилось довольно туго!

— А коза?

— Айернская скала, разделяющая две долины, омывается несколькими течениями, и расположение ее крайне благоприятно в смысле прибиваемых к ней обломков,— сказал Эльвинбьорг.— Груды сена, уже связанного в снопы и оставленного на произвол судьбы, выбрасывались на мель у самой скалы. Таким же путем сегодня утром мне была доставлена моя жалкая ладья.

— Как вы должны были страдать! — воскликнула Ева.— Совсем один!.. Так долго! Как вы могли это перенести?..

Наступило молчание. Перед ними пронеслась бесконечная вереница дней и ночей, где только биение волн отмечало час за часом, да озлобленный вой голодной собаки.

— Вот у кого крепкое сердце,— пробормотал Жоррис, наклоняясь к Гансу.

Молодой пастух кивнул головой.

В голове смотревшего на Эльвинбьорга Лавореля пронеслось:

— Настоящее одиночество — это то, от которого страдают среди людей...

— Да,— сказал романист, отвечая собственным мыслям.— Остаться одному, когда собираешься творить, это — превосходно!.. Но, там, наверху, у вас тоже нечем было писать...

Лицо Эльвинбьорга озарилось улыбкой, но улыбка эта не относилась к его собеседникам и казалась отблеском какого-то глубокого переживания.

— Нет,— повторил он,— мне нечем было писать...

Не отрывая от него глаз, Лаворель невольно прошептал:

— Есть подвиги, которые и не нуждаются в словах.

Эльвинбьорг решил спать в хижине Игнаца вместе со старым Гансом, Жоррисом и Франсуа.

На заре он пошел с ними к Новым Воротам и, не сказав ни слова, впрягся в веревку между Максом и пастухом.

Дни были коротки, а дело неотложно. Они ели тут же и возвращались лишь к концу дня. Их трапеза оживилась неожиданным появлением солнца. Молодые люди растянулись на траве вокруг Эльвинбьорга. Жан Лаворель чувствовал, как неведомая бодрость расширяла его грудь.

— Как благотворно действует физический труд после целых годов бездействия! — воскликнул он.

— Вы ведь перенесли самое тяжелое испытание! — тихо сказал Эльвинбьорг.

Жан оставался некоторое время безмолвным.

— Мне кажется — проговорил он вполголоса,— что я сегодня возрождаюсь... Никогда я не испытывал такого удовольствия вытянуться на солнце, на этом последнем перед зимой солнце... вновь увидеть землю...

Собрав щепотку черной рыхлой земли, он нюхал ее, как цветок.

— Мы прилагаем много труда,— воскликнул Макс,— но зато у нас есть все, что нужно...

— Все, что нужно,— повторил Жан.— Друзья... дети... природа... спасшие нас горы...

Он поднялся одним прыжком и схватил веревку, лежавшую у его ног. Он испытывал непонятное чувство, которое его воодушевляло, порыв всего существа к бесконечным возможностям,— как прежде, когда он еще школьником мечтал изгнать из мира болезнь и страдание.

— Мы их всех излечим! — воскликнул он.

В течение двух недель не переставал идти снег. Затемняя свет, он падал густыми хлопьями. И этот белесый мрак давил еще сильнее, чем полная тьма. Существовал ли еще там, за беспрестанно

крутившимися хлопьями, какой-либо внешний мир? Исчезли вершины гор, ледник, долина Сюзанф. Все заполнили белые волны, которые без отдыха сменяли одна другую, превращая дни в однообразные сумерки.

Люди, дрожа, укрывались в своих хижинах. Старики дремали или с открытыми глазами тоскливо вспоминали о прошлом. Госпожа Андело работала. Под ее руководством крестьянки сортировали кожи, прокалывали их, соединяли, изготовляли туники, обувь, мешки. Молодежь выбегала из хижин, чтобы разместить снег, расчистить дороги, принести воды, возобновить запас дров, которые складывали в глубине хижин. Эльвинбьорг всегда их сопровождал. Иногда он удалялся один, отсутствовал целый день и возвращался к вечеру с хлопьями снега в волосах.

— Он не страдает, как мы! Он любит снег,— вздыхал де Мирамар.

Спускалась ранняя ночь. Люди собирались вокруг огня в центральной хижине. Наступал час, когда вспоминалось былое...

Кто-нибудь говорил:

— Прошлой зимой...

Какой казалась она далекой, эта «прошлая зима»! Освещенные и теплые дома, шумные улицы, автомобиль, поезд, соединяющий вас со всей Землей... книга... газета... все, что знали, чем обладали и что оживало в воспоминаниях, как отблеск утерянного рая...

Но среди молодежи кто-нибудь всегда бросал с бодрой надеждой:

— Мы — здесь!.. Мы еще живем!.. Мы будем жить!..

Они оглядывали теплую хижину, устланную мехами, и огонь в углу, освещавший трепетным светом склоненные лица. Было хорошо. Снаружи доносился свист ветра, а здесь напевала свою песенку кипящая в котелке вода. Пробуждалось новое чувство, которое они еще не совсем ясно сознавали: инстинкт племени, какой-то более широкой семьи объединял вокруг этого очага всех этих людей.

Сидя рядом друг с другом на шерстяном матраце, оба старика удивлялись, до какой степени облегчилось их страдание. В первое время они даже возмущались таким быстрым примирением со своей судьбой.

— Подумать только...— сказал однажды вечером романист.— От целого мира идей, витавших вокруг нас, от сокровенных тайн мировой лаборатории, работавшей с таким совершенством, от всей сокровищницы нашего разума, от всего искусства не осталось ничего!.. Когда мы исчезнем, то не останется даже образа того, что мы видели, что мы трогали нашими руками... Н-и-ч-е-г-о!... Мы не передадим н-и-ч-е-г-о!

Лаворель ответил:

— Передают не только путем книг. Дети являются живыми страницами хроники. Запечатлим в них нашу неистребимую надежду.

Де Мирамар склонил голову и, устремив глаза вниз, тихо сказал:

— Мы можем дать им лишь неясную уверенность в существовании золотого века, точное воспоминание о котором погибло... Они, в свою очередь, передадут ее дальше, и из поколения в поколение уверенность эта будет становиться все более и более бледной и туманной... Сожаление о золотом веке — вот все, что пережило тысячелетние катастрофы, что переживет и завтрашний день...

— Но это сожаление не есть ли уже бессознательная надежда? — воскликнул Лаворель.— Надежда на прогресс, который может снова начаться?

— На что надеяться? — спросил де Мирамар.— Людям понадобятся тысячи и тысячи лет, чтобы исправить то, что уничтожено... Даже предположив, что где-нибудь, на другом конце света, очаги цивилизации остались невредимыми, подумайте о времени, которое потребуется, чтобы снова вспыхнуло пламя, чтобы прогресс огня передался по всей Земле, чтобы люди, живущие на скалах, столкнулись со своими собратьями...

— Что значит время? — тихо сказал Эльвинбьорг. И тут же спросил:

— Почему цивилизации вымирают периодически?

— Почему? —повторил де Мирамар.— Это вопрос, который я себе задаю вот уже тридцать лет!

— Не получили ли вы теперь на него ответа? — задумчиво заметил Эльвинбьорг.

Он с минуту помолчал и добавил вполголоса:

— Столетний дуб сломился... Но желудь еще живет... Желудь, это — тот же могучий дуб... еще прекрасней, быть может... Надо, чтоб он уцелел... И именно нам надлежит внести в мир развеянные идеалы умершего общества...

— Общества, которое продало свою душу...— совсем тихо сказал Жан Лаворель.

— Как Содом и Гоморра. Они тоже предали свою душу,—прошептала госпожа Анделo.

— Так вы думаете, что это — божья кара? — усмехнулся Добреман.

Все обернулись к нему. Он лежал у огня, и на его лице играла недобрая усмешка.

— Нет! — сказал Эльвинбьорг.— Это — начало новой жизни!..

— Как же вы хотите их учить? — спросила гувернантка, видя, что Эльвинбьорг собирает детей.— У нас нет книг!

— На что нам книги! — ответил он.

Начинающийся день понемногу становился светлей, и сквозь движущуюся завесу снега можно было различить бледные тени гор.

Послушные мальчуганы Бармаца и маленький Поль уже бежали на зов Эльвинбьорга. Девочки следовали за ними. Старшая из них, Аделина, шла первой. Ее веселая рожица, окаймленная каштановыми локонами, была усеяна веснушками.

Дети были одеты в туники из шерсти, а ноги были тепло закутаны в высокую и мягкую обувь, подбитую козьей шерстью и перевязанную у икр длинными узкими ремешками. При бледном свете, скупо проникавшем из отверстия, оставленного между слоями сланца, на лицах их заиграла целая гамма розовых оттенков. Темная хижина как будто озарилась. Дети уселись вдоль стен на еловых пнях.

— Доктор Лаворель расскажет вам интересные вещи! — сказал Эльвинбьорг.— Он объяснит вам, из чего состоит ваше тело, и научит вас, как сделать его сильным.

Фигуры мальчиков и девочек, ставшие такими похожими друг на друга, замерли. Стоя возле своего друга, Жан начал:

— Дети!.. В долине Сюзанф надо быть сильными.

На следующее утро Жан заметил, что его аудитория увеличивается. Пришли: Игнац, Инносанта, Макс, Губерт, а скоро и сам де Мирамар и романист.

После лекции Лавореля ботаник стал описывать жизнь растений.

— А вы, господин де Мирамар, могли бы напомнить нам примеры первых людей! — предложил Эльвинбьорг.

Де Мирамар улыбнулся, соблазненный открывавшейся перед ним перспективой.

В течение нескольких дней он собирался с мыслями, отгоняя назойливые воспоминания о своих докладах в Сорбонне, упрощая свою науку и доводя ее до степени понимания новой аудитории. Он сам удивлялся, как этот мыслительный процесс постепенно выводил его из апатии.

Дрогнувшим голосом он вызывал из мрака веков картины скалистых убежищ, где первобытная человеческая жизнь вела свою однообразную борьбу. Прошло тысячелетие, еще тысячелетие... десять тысяч лет... И ничего не изменилось, кроме насечки кремневого орудия... Еще десять тысяч лет... Люди становились культурнее, видоизменяли свои инструменты, стали пользоваться золотом и слоновой костью, научились высекать изображения, лепили тела животных, покрывали живописью стены пещер... Как они умели здраво смотреть на жизнь! Как они любили ее! Малейший оставленный ими рисунок говорит об их любви ко всему живому... А потом... больше ничего... Молчание...

Пришли другие... Это было то время, когда люди селились на озерах, вбивали в их дно, для поддержания помостов, бесчисленные сваи, а на помостах строили свои хижины и защищались в них, крепко держась друг за друга. Они уже не умели ни рисовать,

ни лепить. Но они обжигали глиняную посуду, возделывали злаки, приручали животных, строили челноки...

Позднее они научились плавить металл. Еще позднее стали выделывать бронзовые орудия, ковать браслеты и ожерелья... Проходит еще пять тысяч лет...

Загоревшие лица крестьян выражали непомерное удивление. Прошлое отходило от них в бесконечность... Уничтожение призрачной цивилизации становилось естественным событием. В неизмеримой цепи людей, скал и воды люди снова заняли свое исконное место, борясь за свое жалкое существование и переступая одну за другой суровые ступени жизни под мерное течение равнодушных тысячелетий...

Временами голос де Мирамара дрожал. Никогда он не чувствовал свою далекую науку такой близкой. Ему казалось, что в этой строгой рамке убогих хижин и суровых скал она впервые открылась ему во всех своих живых и мучительных переживаниях, перегруженная человеческими страданиями и обилием наглядных уроков. Ученый догматизм, который раньше его прельщал, казался ему теперь бессмысленной игрой. Первые люди! Но он знает теперь, как они живут; он их видел, он приобщился к распыленным тайникам их души, не прекращавшей своего существования...

Он удивился, когда его собственный голос заключил лекцию словами:

— Люди, жившие на скалах, не могли защищаться от диких зверей, а люди озер, со своими убогими орудиями, не могли строить городов, не объединившись в упорном терпении и усилиях,— в усилиях всей коммуны... И они подают нам пример...

Он остановился и встретил глаза Женевьевы. И эти глаза, расширенные от изумления, были полны слез.

Иногда Эльвинбьорг говорил сам. Он вызывал образ какого-нибудь героя или ученого.

Дети сидели, затаив дыхание. И все поддавались обаянию его проникновенных слов.

— Ах, Фортинбрас! — шептал Губерт.— Фортинбрас, появляющийся среди мертвых тел... и приносящий с собою жизнь, надежду, свет... Фортинбрас! В чем твой секрет?

Лаворель молчал. Перед ним проносился лучезарный образ норвежского героя, сопровождаемого светлой толпой воинов в блестящих туниках и склоняющегося над скорбными останками Гамлета.

— Я представляю себе его именно таким...— прошептал он.— Мне кажется, что этот человек, самый молчаливый из нас и самый одинокий,— никогда не бывает один.

— У нас нет музыкальных инструментов,— сказал Эльвинбьорг.— Но нельзя забывать музыку!

Он застал как-то Орлинского распевающим русские песни. Благодаря своему приятному тенору, тот пользовался в Петрограде большим успехом. Эльвинбьорг подал ему мысль обучить этим мелодиям детвору. Вскоре к детям присоединились Игнац и крестьяне со своими пастушьими напевами.

По вечерам Орлинский управлял хором. Комната освещалась капризным пламенем, и тени певцов беспорядочно плясали по стенам. Странную картину представляли собой эти детские личики рядом с суровыми лицами крестьян в хижине, устланной шкурами и напоминавшей Орлинскому избы его родины!

Мало-помалу песни перестали выражать тоску русской души, разрываемой смутными и волнующими желаниями. Они становились сильными и бодрыми. Юные, энергичные голоса придавали жалобным напевам веселый ритм. Жан Лаворель переложил для них слова, воспевавшие долину Сюзанф, свободу гор, работу, повседневные мелкие радости. Затем Орлинский принялся сочинять новые мелодии. Даже старики, слушая хор, чувствовали, что поддаются какой-то смутной надежде...

Снова заиграло солнце. Снова показались ряды вершин, отливавших блеском нового снега. Они сияли на голубом небе, которое даже в июне не могло бы быть таким ярким.

Из заостренных дощечек Эльвинбьорг и Лаворель соорудили себе лыжи. Быстро и легко скользили они по склонам, вытянув вперед руки, и казались бесплотными существами, которые владели всем пространством.

— Завтра мы пойдем дальше,— заявил Эльвинбьорг.

Лаворель следовал за Эльвинбьоргом через перевал Сюзанф. Свежий морозный воздух щипал ему лицо. В этом пространстве, то золотившемся на солнце, то отливавшем лазурью, он ощущал опьянение от окружавшей его белизны и света. Достигнув вершины, они увидели перед собой тенистый скат противоположной долины, на дне которой сверкало неподвижное озеро. Высоко вздымались цепи соседних гор, грозная Башня Саллиэр прорезала небо своими сверкающими зубцами. В радостном возбуждении Лаворелю хотелось кричать, но он мог только произнести:

— Какая красота!.. Как хорошо!.. Каким себя чувствуешь свободным!

Они начали спускаться по склону Саланф, описывая длинные зигзаги. Лыжи поднимали снежную пыль. Жан следил за тем, как бежал Эльвинбьорг. Его фигура изгибалась, следуя выступам склонов, задерживалась на плоскостях и снова продолжала свой головокружительный бег... В этом безмолвном скольжении Жан терял сознание быстроты и времени и думал, что пробегает огромные пе-

бесные пространства, огибая белые округленные облака. Ему хотелось бесконечно скользить по легким следам того, кто вел его с такой спокойной уверенностью.

Когда он увидал, что снег между расширяющимися тенями алеет, он подумал:

— Уже?.. Неужели день подходит к концу?..

В солнечные дни историк и романист прогуливались осторожными шагами по тропинке, расчищенной Максом. Они опирались на палки и нащупывали ими снег, боясь провалиться. Они улыбались солнцу, так быстро угасавшему среди длинных холодных теней. Проходя мимо центральной хижины, они услышали голоса женщин, выделывавших и собиравших шкуры. Иногда до них доносились возгласы или смех Игнаца, Макса и маленького Поля, упражнявшихся на лыжах.

— Можно подумать, что они уже забывают... Так скоро...— шептал Гризоль.

— Что же вы хотите, мой друг! — вздыхал Франсуа де Мирамар.— Надо же, чтобы они начинали все сначала!

Они продвигались друг за другом между стенами розовеющего снега. Иногда шедший впереди Жорж Гризоль останавливался, оборачивался к своему спутнику и обменивался с ним меланхолическими словами. Они не могли без горечи оторваться от прошлого и чувствовали себя одинокими.

— Раньше создавалось впечатление,— сказал Гризоль,— что мы жили среди тайны, которая постепенно раскрывалась. Говорили: через двадцать лет... через пятьдесят... люди, может быть, начнут сообщаться с планетами, найдут средство от всех болезней, продлят существование, разрешат такую-то проблему... Здесь, среди льда и скал, нет больше тайн!

— Да,— ответил ученый,— люди уже достигли той точки, когда открытия шли одно за другим и становились все многочисленней. Можно подумать, что какая-то завистливая сила останавливает человеческий разум: больше ни шагу!..

Романист поскользнулся на блестящем льду, и его спутник удержал его за руку.

— Осторожно! Не сломать бы ногу!

Они подошли к концу расчищенной дороги и остановились перед горами нетронутого снега, на которых постепенно умирали последние лучи солнца.

— Вы заметили, как теперь трудно найти выражение для отвлеченной мысли? — спросил Гризоль.— Не хватает слов. Это тоже у нас отнимется!

— Наша последняя роскошь,— вздохнул де Мирамар.

— Ах! — воскликнул романист после долгого молчания.— Моя белокурая внучка, которая входила тихими шагами в мой рабочий кабинет... Я отсылал ее к игрушкам... Ради бесполезного марания бумаги я лишал себя ее поцелуев, ее рук, обвивавших мою шею. Моя внучка! Этому горю нельзя помочь!

— Да...— прошептал Франсуа де Мирамар, думая о любимом ребенке, упавшем в пропасть.

Они замолчали. Подул резкий вечерний ветер. Они вернулись медленными шагами к своим хижинам, боязливо переставляя по скользкому снегу свои старческие ноги. Временами они подымали глаза к пылающим вокруг голубоватой чаши Сюзанфа вершинам. Романист заговорил изменившимся голосом:

— С тех пор как я не ищу новых психологических проблем и не анализирую каких-либо исключительных чувств, способных потрясти нервы моих читателей,— люди в своей сложной реальности представляются мне совсем иными. Они интересуют меня уже не с точки зрения произведения, которое надо написать, а ради самих себя. Я наблюдаю за ними с нежным беспокойством. Я ловлю себя на том, что люблю их... Ваш Губерт, измученный горечью, Макс, Ева, пастух, такой невежественный и чуткий; Инносанта, вмещающая в себе столько нежности, и этот странный Лаворель, весь поглощенный другими, и этот загадочный Эльвинбьорг, о котором мы так мало знаем, но без которого мы не могли бы жить....

Гризоль остановился и, повернувшись, посмотрел в лицо своему другу:

— Я жаловался, что эти скалы лишены тайны. Я был неправ. Тайна всюду. Тайна начинается там, где существует живое человеческое существо.

Историк размышлял, опустив голову и уже не чувствуя холода.

— Эльвинбьорг помогает нам жить, потому что он сохранил свою надежду,— сказал он наконец.

— Больше, чем надежду,— уверенность. Чудо в том, что он сохранил эту уверенность! — откликнулся Гризоль.

Он смотрел на белые холодные дали, в которых тонули скалы.

— Каким убогим кажется мне сегодня это так называемое знание человеческой души, которое восхваляли в моих романах... Мне кажется, что открывается новый порядок... Я смутно вижу глубины, о которых никогда не помышлял...

Они продолжали ходить, не говоря больше ни слова. Под их ногами скрипел снег.

Между тем доктору Лаворелю не удавалось излечить ни англичанина, ни безумную.

Когда в устремленных на него бессмысленных глазах госпожи де Мирамар пробегала искра сознания, ее муж восклицал:

— Если бы вы могли вернуть нам ее,— и тотчас же спохватывался:

— Для чего? Вылечить ее, это значит — вернуть ее к страданию...

— Разве у ней не остается ничего, чтобы создать себе счастье? — спросил Жан.

Он указал на Еву, которая, склонившись на плечо Макса, прогуливалась на солнышке.

— Но сколько тревоги! — вздохнул господин де Мирамар.

Он повернулся к Ивонне, лежавшей на своих шкурах. Она не поправлялась от острого бронхита, кашляла, худея с каждым днем. Лаворель лечил ее настойками горных трав и всячески старался пробудить в ней энергию.

Она смотрела на него и улыбалась.

— Я хорошо знаю, что вы правы, доктор... Но у меня нет сил, нет мужества.

Однажды он застал ее совсем одну. Закрыв лицо руками, она плакала потихоньку, как ребенок, который таит свое горе. При шуме его шагов она вздрогнула.

— Почему вы плачете?

Она дала неожиданный ответ:

— Потому что никогда больше не будет роз...

Задумавшись, он на минуту замолчал, потом тихо возразил:

— Вы еще не представляете себе красоту гор, когда они в цвету. Нельзя думать о розах, когда видишь поле рододендронов!

Тяжеловатый, но полный добродушия голос подходившего ботаника добавил:

— Самая прекрасная из роз привита от альпийской розы, у которой нет шипов.

Но Ивонна покачала головой.

— Я не могу удержаться...— шептала она.— Как только я подумаю об этих словах: «букет роз»... слезы льются сами собой...

Жан молча смотрел на нее. Он хорошо знал, что она плакала не только о розах.

С каждым днем жажда жизни уходила от нее.

— Здесь слишком сурово, слишком холодно... Я никогда не смогу...

Эльвинбьорг сказал Игнацу, следовавшему за ним в его длинных переходах:

— Эту девушку спасти должен ты!..

Игнац круто остановился, взглянул на того, который произносил только правду, и промолчал...

Оттепель подошла как-то сразу. Южный ветер наполнял долину своими теплыми порывами. Снег таял. Все горы, казалось, истекали ручьями. Слышался нескончаемый гул лавин. Со снежных склонов поднимался пар, устремляясь к какой-нибудь невидимой пропасти, откуда раздавались громовые удары, разносившиеся по окрестным скалам. На глазах людей буйно наступала весна.

Снова показалась трава. Видно было, как с каждым днем расширялись пожелтевшие пласты, тотчас же покрываясь круглолистниками.

— Никогда еще не было такой ранней весны! — удивленно говорил Жоррис.

— После такой легкой зимы! — отозвался старый Ганс.

— Будущая зима будет еще мягче,— утверждал Эльвинбьорг.— Присутствие моря, скопляющего тепло, постепенно изменит климат Альп. Леднику суждено исчезнуть...

— Если так,— воскликнул Жоррис,— то, имея зерно, мы могли бы засеять хлебом долину Сюзанф?

— Хлеб среди сланцевых слоев! На высоте двух тысяч метров!

Ганс подумал, что это была шутка. Безмолвная улыбка приоткрыла беззубый рот и скользнула по его суровому, точно высеченному из дерева лицу.

— Почему же нет? — прошептал Эльвинбьорг...

Жоррис наклонился и, набрав земли, стал разминать ее на ладони. Земля была рассыпчатая и жирная, образовавшаяся от медленного гниения растений и в течение многих веков отдыхавшая во впадинах между скалами.

— Хорошо! — воскликнул он.— Я охотно возьмусь перетаскивать ее мешок за мешком, как это делают... как это делали в долине Саас... Я буду вываливать ее вот сюда, на эту защищенную террасу!

Лицо его озарилось улыбкой. Можно было подумать, что он улыбается при мысли о будущем урожае, вырастающем между стенами скал.

— Если бы у нас были семена...— повторил он.

— Кто знает? — добавил, в свою очередь, Жан Лаворель.— Мы тоже сколотим челны и поплывем к высоким долинам... На высоте двух тысяч метров есть отели с запасами хлеба и картофеля.

— Почему же нет? — еще раз сказал Эльвинбьорг.

Они обменялись взглядом, и в душе их загорелась новая надежда.

— Надо выйти сегодня на воздух, мадемуазель Ивонна! — сказал пастух, проходя мимо хижины, где девушка мерзла под бараньими шкурами.— Солнце уже греет. Я знаю местечко, защищенное со всех сторон. Там растут цветы...

Она качала головой, слишком усталая, чтобы отвечать. Он поднял ее своими сильными руками и отнес на плоскую скалу, согре-

тую лучами весеннего солнца. С проворной заботливостью он разложил одеяло и старательно закутал ее.

— Разве не хорошо здесь? — спросил он.

Он стоял перед ней, глядя на бледную ручку, которая тянулась к круглолистникам с лиловыми, тонко очерченными колокольчиками.

— Я не видала таких цветов,— сказала Ивонна.

Прыжок... другой... Игнац вернулся, рассыпая вокруг нее целую охапку голубых горчанок.

— А таких?

Ивонна с усилием улыбнулась.

Он смотрел на нее... И внезапно увидел ее всю и не мог больше от нее оторваться. Ее длинные распущенные волосы падали на овечью шкуру, и золото их казалось еще светлее, чем шелковистое руно. Какая она хрупкая, белая!.. Эльвинбьорг был прав... Бледная маленькая девочка, увядающая при ярком свете!

С тех пор Игнац каждый день относил ее на согретую солнцем плиту. Он рассыпал около нее пучки незабудок, большие желтоголовники с чашечками, похожими на светло-золотые шары, и пурпурно-лиловые анемоны с пушистыми стеблями.

Он ловил ее улыбку и молчал. Они молчали оба, взаимно наслаждаясь своим молчанием...

Вскоре Игнац осмелился на большее. Он предлагал ей кружку молока и говорил:

— Пейте!

И она повиновалась.

Вытянувшись на мехах, Ивонна наблюдала за деловитой возней муравьев, исполнявших свои непонятные работы. Она затаила дыхание, чтобы не испугать ящерицу, которая останавливала на минуту свой бег, озиралась и исчезала в скале. Осторожными пальцами играла она с блестящими жучками, сверкавшими ярче драгоценных камней. Обманутые ее неподвижностью кролики совсем рядом с ней старательно щипали травку. Сидя на задних лапках и насторожив ушки, они совершали на солнце свой туалет, проводя мягкими лапками по подвижной мордочке. Белая самка выводила восьмерку своих белоснежных детенышей. Они прыгали взад и вперед, собираясь вместе вокруг одного и того же пучка тимьяна, и их крошечные тельца казались одной шелковистой трепещущей кучкой.

— Как они счастливы, эти животные,— смутно думала Ивонна.— Их никто не мучает, как прежде...

Она наблюдала, как на высоких террасах бегали альпийские зайцы в своих белых зимних шубках. Иногда мелькала вдали серна. Стаи птиц опускались на каменистые скалы. Их было так много, что их можно было принять за крутящиеся в вихре черные хлопья.

Ивонна улыбалась, чувствуя трепет бесчисленных животных жизней. Ей казалось, что частица их радости доходила и до нее.

К полудню тени теряли свою окраску. Солнце начинало печь затылок. Она ждала Игнаца. Сейчас он появится между скалами, со своей молчаливой улыбкой, и она поддастся очарованию странного довольства, не нуждающегося в словах.

Каждый день, когда солнце начинало опускаться за Белые Зубы, а лиловые тени, удлиняясь, следовали за ним по крутым выпуклостям земли, появлялся Игнац. Иногда он садился подле Ивонны.

Однажды она спросила:

— Вам здесь не скучно?

Игнац повернулся к ней, напрягая все усилия, чтобы выразить свою мысль. Затем его серые глаза под дрогнувшими ресницами быстро поднялись к высоким вершинам, прорезывавшим небо огромными световыми ступенями.

— Я люблю горы...— сказал он наконец.

Она взглянула на него с воскресшей надеждой. Быть может, он научит и ее любить их...

Они вместе глядели на долину. Ивонна не узнавала ее. Светлая, ясная, освеженная долгим покоем, долина Сюзанф расстилалась под ярко-голубым небом, сверкая белыми бликами снегов. Она вся трепетала радостью быстрой горной весны, и жизнь, казалось, била ключом в каждом обломке скалы... На каждом куске сланца красовался пучок цветущей камнеломки. Перекатные валуны казались гигантскими букетами. И даже камни, полированные плиты и зернистый известняк, воспринимали чудодейственную теплоту и становились словно живыми.

Ивонна стояла неподвижно около Игнаца и смотрела...

Эти купола и острые вершины, представлявшиеся ей раньше суровыми и жестокими распорядителями ее судьбы, перестали ее угнетать. Озаренные потоками солнечных лучей, они становились живыми существами, исполненными нежности и излучающими счастье. С каким восторгом золотил ледник свои холодные глыбы, отдаваясь всеобъемлющей радости! Недоступные горы принимали участие в ее новой жизни, забившейся в долине Сюзанф... От самого перевала до Новых Ворот, на всем протяжении горного массива, лежал на них отпечаток какой-то суровой нежности, уходившей в тумане далеких вершин в бесконечную даль...

— Я тоже... теперь... люблю горы,— прошептала Ивонна.

Ее щеки снова порозовели. Тело перестало казаться ей каким-то бременем.

— Игнац творит чудеса,— говорил Жан Лаворель де Мирамару.

Полный смутной тревоги, ученый молчал.

— Никогда раньше я не ощущала этого удовольствия — дышать,— пыталась она объяснить.

И с жадностью вдыхала легкий воздух, содержавший в себе всю рассеянную в свете и благоуханиях силу.

— Мне хорошо,— говорила она Игнацу.— Спасибо!

Он удалялся. Она провожала его взглядом, гладя рукою козлят, прибегавших играть около нее. Его упругая походка, его вьющиеся волосы, принимавшие на солнце медный оттенок... Глядя на него, она испытывала какую-то радость, которую она совсем не анализировала. Это ощущение отождествлялось у нее со всем, чем она теперь так восхищалась: с цветами, сернами, вершинами, студеным родником, с этим чудесным светом, который скрашивал суровое величие гор...

Когда он приближался, она вспомнила, что он был существом, в котором кипела иная жизнь, и была благодарна ему за его молчание... Она удивлялась, что его редкие слова совпадали с ее тайными мыслями. В охватывавшем ее взгляде безмолвного обожания Ивонна угадывала безграничную преданность и заботу, которая являлась как бы защитным покровом для его сердца.

Дальше этого она не думала...

Однажды утром, покидая ее, он наклонился и мимолетным поцелуем коснулся ее белокурых волос. Она вздрогнула и подняла глаза, но он уже скрылся за скалами...

До самого вечера она находилась в смущении. Когда на следующий день он опустил ее на скалу, она сама протянула ему лоб. Тогда Игнац порывисто сжал ее в своих объятиях. Она не защищалась.

Ей казалось, что она таяла в нем, что эта могучая грудь передавала ей свою силу, что в ней распустилась вся чудесная роскошь весны, вдыхаемая день за днем... Что это: зов, обещание, победа жизни?.. Она не могла понять. По всему ее телу разлилась невыразимая нега.

— Игнац, останьтесь со мной,— умоляла она.

Он стоял перед ней, смущенный и в то же время сияя от счастья.

— Макс у Новых Ворот,— пробормотал он и убежал.

Ивонна отдавалась своим неясным думам. Любовь?.. Неужели это была любовь? Одно это слово смущало ее раньше, как мысль о посвящении в какое-то страшное таинство! Значит, это так просто? Присутствие существа, которое без всяких слов открывает перед вами всю красоту, всю силу, всю жизнь... Жить... О! Жить!..

Де Мирамар подошел и сел возле нее. Он посмотрел на ее раскрасневшееся лицо, объятое немым восторгом и, вздохнув, спросил:

— Ивонна... Почему ты полюбила не доктора Лавореля?

Он остановился, боясь оскорбить ее робкое сердце.

Она удивленно взглянула на отца.

— Но я люблю доктора Лавореля... Очень люблю... Так же, как Еву и Макса...

Наступило молчание. Ивонна сделала попытку объяснить свою мысль.

— Доктор Лаворель... Он любит всех... Он любит госпожу Анделo, и Еву, и Губерта, и всех детей, и всех, всех... У него слишком обширное сердце, чтобы любить одну маленькую девочку...

Помолчав, она проговорила совсем тихо:

— Мне хочется иметь около себя человека, который занимался бы только мной... Который принадлежал бы только мне... и не думал бы только о моей душе... Который пожалел бы мои руки... мои ноги... и мое тело, такое усталое... Который помог бы мне вылечиться и... жить!..

Никогда она не говорила так долго. Де Мирамар, улыбаясь, смотрел на румянец, покрывавший ее щеки.

Он, однако, не мог подавить горького вздоха. Пастух баранов — какая ирония! Но вдруг он увидел, как лицо Ивонны озарилось. Глаза ее заблестели, губы раскрылись. Отец взглянул по направлению ее взгляда. Он увидел мужской силуэт, легкий и смелый, быстро перескакивавший со ступени на ступень. С обнаженным торсом, с развевавшимися по ветру волосами, крепкий и смуглый Игнац казался как бы высеченным из камня. Для его гибкой грации этот горный пейзаж служил необходимой рамкой.

— Это он вылечил меня,— прошептала Ивонна.— С ним я и хочу жить...

Она протянула к нему руки. Их худоба тронула де Мирамара. Еще так недавно он думал, что потеряет и эту дочь...

Игнац молча сел около нее. Ученый смотрел на этих детей склоненных друг к другу. Он опустил голову и раскрыл руки, как будто выронил что-то бесполезное, но очень ценное и бережно охраняемое.

Он прошептал:

— Раз вы любите друг друга...

Ни о каком подобии свадебного обряда уже не говорилось. Пастух построил хижину, и, когда она была закончена, увел к себе Ивонну.

— Мы опростились,— сказал Губерт.

Эльвинбьорг остановил на юной чете свою серьезную улыбку...

Июнь... Волны ветра, колеблющие зеленеющий овес... Наливающиеся колосья... небольшие перелески, бросающие тень на луга... косари, согнувшиеся в высокой траве...

Макс вздрогнул и очнулся от своих мечтаний. Он спускался большими шагами с вершины Шо д'Антемоз, где он рассчитывал встретить Эльвинбьорга, отсутствовавшего уже три дня. Макс остановился. Он уже приближался к хижинам. Их теперь было около десяти. Низкие, такого же цвета, и такие же крепкие и прочные, как скалы, они переносили и снег, и буйные порывы горячего и сухого юго-западного ветра. Хижины купались в красном свете захо-

дящего солнца, и над ними стояло облако дыма. Женщины ходили взад и вперед и перекликались между собою. Некоторые из них, склонившись над ручьем, наполняли грубые глиняные кувшины. Игнац нашел в себе уменье предков лепить горшки и обжигать глину. Сидя на пне, Инносанта доила коз. Около нее теснилось все стадо, освещенное красноватым отблеском косых лучей. В нескольких шагах от нее старый Ганс колол дрова. Его темный силуэт мерно сгибался и выпрямлялся. Макс увидел де Мирамара и романиста, принявшихся вместе за сортировку шкур. Они раскладывали их на плитах с такой же кропотливостью, с какой разбирали когда-то свои заметки, подумал он. Увлекшись работой, они не поднимали глаз... С каким пренебрежением отнеслись бы они в свое время к этому делу, которое их теперь до такой степени поглощало!

Макс улыбнулся. Накануне он видел, как они встали на колени, путая свои седые бороды, чтобы лучше рассмотреть былинку дикого овса, которую нашел ботаник, оглашая воздух восторженными криками. Зерно, занесенное в горы?.. Каким же чудом? Может быть, оно зацепилось за шерсть баранов... И романист с волнением, изменившим его голос, говорил ученому:

— Какое событие, дорогой друг!.. Какое событие!

Да — событие!.. И все же окружающие их простолюдины трепетали, объятые той же надеждой.

Макс глядел на убогую каменную постройку, отведенную под службы. Шум голосов, блеянье овец, удары топора соединялись в единую гармонию, простую и смутную, которая трогала его до глубины души. Он отыскал глазами свою хижину, где ждала его Ева и где скоро должен был появиться на свет первый новорожденный долины Сюзанф... Его сын...

Ускорив шаг, он продолжал свой путь. Навстречу бегом поднимался Жан Лаворель. Макс обратил внимание на его бледность.

— Ты не видал Джона Фарлеэна? — кричал он.

— Нет... Я иду сверху.

— Никто его не видел.

— Когда я покинул его сегодня утром, он мне улыбнулся,— прошептал Жан.— Как будто ему было лучше... Я так верил в это возбуждающее средство...

На днях Ганс и Жоррис с великим торжеством притащили маленький бочонок вишневой наливки, выуженный с риском для жизни среди обломков. С общего согласия было решено держать этот запас для больных. Доктор Лаворель выдал немного спиртного англичанину. Глаза мужчин разгорелись от желания. А Добреман накануне вырвал из рук доктора наполненный шкалик и осушил его одним глотком, заявив, что он тоже болен.

— Я его искал и звал повсюду,— говорил Лаворель.— Я беспокоюсь. Я вернусь к Новым Воротам.

Они спустились. Макс и Жоррис взяли смолистые факелы, и они втроем углубились в ночную тьму.

На узкой площадке, выступавшей над водой, они нашли плед англичанина и при свете факелов увидели два слова, начертанные углем на скале: «good bye!»...

Жан упал на землю, закрыв лицо руками и осыпая себя упреками:

— Я не сумел его вылечить... защитить...

— Ничего не сделаешь,— говорил Макс.— Этот бедный малый страдал сплином, который доводит до сумасшествия. Он был неизлечим...

Страдая бессонницей, старый Ганс вышел из хижины.

Слабый луч молодого месяца сверкал на скале, еще более оттеняя окружающую темноту. Охваченный какой-то непонятной тревогой, Ганс бродил около хижины, где хранилось продовольствие. Он думал об англичанине, о трех трупах, которые покоились в долине, и о том блаженстве, которое разлилось бы в его теле от одного глотка алкоголя. Он вспоминал гостиницу при перевале Ку, звенящие на столе стаканы, медленно зажигаемую трубку и поглощаемый маленькими глотками ликер, от которого все вокруг принимало радужный и веселый вид...

Не самое ли это большое лишение среди всех прочих? И вот тут, так сказать,— под рукой... Одним шкаликом меньше или больше,— разве это причинит кому-нибудь вред?..

Ведь они могли вместе с Жоррисом спрятать этот бочонок в скалах и оставить его для самих себя... Но нет! Проводники так не поступают, а он когда-то был тоже проводником. Проснулся старый инстинкт солидарности: для больных!.. Он тоже когда-нибудь будет болеть... Нет, он не будет красть того, что составляет общее достояние... Он не опорочит свою долгую честную жизнь, в течение которой он только и делал, что защищал и спасал доверившиеся ему человеческие жизни. Он представил себя на леднике, направляющим свой караван, отыскивающим в хаосе высоких вершин заблудившихся туристов, спускающимся на веревке на дно расселины, чтобы вернуть жертву, которая, быть может, еще дышала. Эти образы давали ему скромное удовлетворение. Он думал: «Я исполнял свой долг как можно лучше».

Старый Ганс удалялся медленными шагами, губы его были сухи, кровь прилила к лицу. Легкий шум пригвоздил его к месту. Зоркие глаза впились в темноту. Он не ошибается. Осторожная фигура ползет по скале, скользит к хижине. Осторожно приоткрывает дверь, тонет во мраке... Заглушая шаги, Ганс следит за ней. Он сразу узнал человека, который склонился над бочонком,

держа уже руку над краном. Он бросается на Добремана и хватает его за плечи. Короткое заглушенное восклицание, и оба сцепившиеся тела молча борются во мраке. Добреман делает движение, как бы поднимая с земли какой-то предмет. В узкой полоске лунного света что-то блеснуло. Ганс угадывает тонкое лезвие поднятого ножа. Он усмехается. Его грубые руки обвиваются вокруг шеи Добремана, и оружие с легким стуком падает на камень. Ганс сжимает свои пальцы, ставшие стальными. В нем пробуждается жестокость предков, она жжет его кровь, стягивает его мускулы. Он снова чувствует ту мрачную радость, которая когда-то удесятеряла его силу, когда он топором рубил деревья в лесу. Страшные руки сжимаются все сильнее. Узкая шея тонет в его пальцах. Ганс ворчит:

— Как бы не так! Дадут тебе вишневки! Бездельник, который смотрит, как работают другие!..

Подергивание тела прекратилось. Его сопротивление сломлено. Он будет просить пощады... Хватит с тебя? И неумолимые тиски сжимаются еще раз. Вдруг Ганс раздвигает пальцы. Добреман валится к его ногам, как сломанная кукла. Неожиданный холод пробегает по плечам старого проводника. Он стоит, ничего не соображая, как будто пробудившись от сна. Он ждет, что тот пошевельнется... Но нет!.. Ничего! Добреман лежит в углу, как тряпка. Дыханья нет... Неужели он?.. Нет, это невозможно!.. Так... так скоро! Ганс хватает своего врага в охапку, вытаскивает его из хижины, осматривает при лунном свете... Проходят минуты. Добреман не двигается. Пораженный проводник повторяет:

— Какое несчастье случилось со мной!..

Небо проясняется. Уже рассвет? Сейчас придут другие... И это страшное лицо, на которое нельзя смотреть, это мертвое лицо возвестит всей долине Сюзанф, что старый честный Ганс — убийца!...

— Что делать? — спрашивал де Мирамар.— Этот человек совершил преступление...

Все собрались в центральной хижине и обсуждали событие. Через полуоткрытую дверь виднелась сгорбленная фигура старого Ганса, который молча блуждал, ничего не видя перед собою...

— Если исчезли людские законы, то остался закон высший: не убий!..— сказал академик, невольно цитируя страницу одного из своих романов, в котором он пытался анализировать душу убийцы.

— Поведение виновного поразительно,— сказал Орлинский.— Он не сказал ни слова в свою защиту... У него, кажется, даже нет угрызений совести...

— Сегодня утром он хотел покончить с собой...— пролепетал Игнац.

— Он не решается больше приближаться к нам,— добавил Жоррис.

— Этот старик имеет за собой долгие годы безупречной жизни! — воскликнул Лаворель.— Он отдавал ее нам. Он построил нам хижины, он рисковал жизнью у Новых Ворот... Тогда как Добреман...

Жан замолчал. Он заметил на скале фигуру Эльвинбьорга.

Романист возвысил свой размеренный голос, выбирая слова, точь в точь как в салонах, когда вокруг него восстанавливалась почтительная тишина.

— Мы не должны создавать опасного прецедента... Мы должны обезопасить наше нарождающееся общество от насилия... Время, когда мы будем жить в мире, связанные ужасом катастрофы, близостью смерти, нуждой друг в друге,— не всегда будет длиться... Возродится ненависть!..

— О! — сказал Жан Лаворель.— Пока мы не заведем денег...

— Вопрос не только в деньгах,— сказал Жорж Гризоль.— Есть еще любовь...

Он смотрел на стоявшую перед ним группу крестьян, с руками, подобными рычагам, находящимся в покое, с широкими обнаженными торсами и длинными волосами. Он представил себе, как они будут бродить по вечерам вокруг женских хижин, и думал о той минуте, когда инстинкт бросит этих дикарей одного на другого...

Де Мирамар важно добавил:

— Случай, который произошел сегодня ночью, показывает нам, что надо установить закон, которому все должны подчиняться. Забота о правосудии не должна быть предоставлена личной мести... Будь у нас закон, мы были бы вынуждены применять его во всей его строгости.

— А так как у нас его нет,— вступился Жан,— то предоставим этого человека решению разума...

Следуя взгляду Жана, все обернулись...

Эльвинбьорг обнял старого Ганса за плечи и медленно пошел с ним рядом. Сгорбившиеся плечи проводника конвульсивно дрожали... Когда он повернули обратно, все заметили лицо Эльвинбьорга. И всем показалось, что они видят его в первый раз...

Ева проснулась одна в своей хижине. Она вспомнила, что Макс ушел накануне с Эльвинбьоргом, Игнацом и Жаном. Они пошли искать кремень в окресностях Сальэрской Башни.

Под доской, освещая окно, пробивался бледный луч. Еве хотелось спать, но она внезапно ощутила новый приступ той неопределенной боли, которая беспокоила ее еще во сне. Она поднялась, понимая, что испытание началось. Накинув свою широкую тунику из козьего меха, она спокойно уселась на своем ложе. Но ведь доктор Лаворель сказал: «Недели через две». Как хорошо, что все было готово. Она посмотрела на узкую колыбель, выдолбленную

в стволе и выложенную мягкими мехами, на всевозможные миниатюрные предметы, на одеяла из овечьих шкурок, старательно сложенные на полке. Она удивилась, что не чувствует страха. Казалось, что природа вдохнула в нее свой облик, простой и сильный. Она принимала неизбежное со спокойным смирением.

Время шло. Она вышла на воздух, сделала несколько шагов, посмотрела на солнце, пронизывающее туман. И этот день, такой же как все остальные... Она вернулась к себе. Боль регулярно возобновлялась, усиливаясь с каждой схваткой. Ева подозвала проходившую мимо Аделину и попросила сбегать за Инносантой. Но Инносанта долго не шла, и Ева почувствовала страх. Всем своим существом она молила о помощи. В этой безжалостной борьбе, которая происходила внутри нее, она чувствовала себя беспомощной. Ей придется неизбежно пройти все ступени неведомой голгофы. Она повторяла: «Выдержать до конца... до конца!..»

В припадке ужаса ей показалось, что она умирает. Умереть? Когда так хорошо жить?.. Когда любовь Макса наполняет для нее всю долину Сюзанф?.. Нет! Жить!.. Жить подле него и как можно дольше! По щекам катились слезы. Она подумала, что может причинить этим вред ребенку, что надо быть спокойной, и вытянулась на матраце из шкур.

В дверях показалось доброе морщинистое лицо Инносанты. Она протянула к Еве руки, крепкие и верные руки, которые никогда ничего не портили. Ева тотчас же успокоилась и отдалась ее заботам.

Один за другим, все жители Сюзанф приходили смотреть на крошечную темную головку с шелковистым пушком, и на побледневшее и восхищенное лицо родильницы. Инносанта принимала всех на пороге и через минуту выпроваживала. Она сделала исключение только для Губерта, которому позволила присесть у изголовья сестры.

Губерт молчал. Иногда он дотрагивался до свисавшей с мехов руки Евы или с любопытством склонялся над новорожденным. В хижине было темно и свежо. Полуоткрытая дверь пропускала узкую полосу яркого дневного света. Губерт смотрел на похудевшее лицо дремавшей сестры, окаймленное прекрасными волосами, заплетенными Инносантой в косы. Он думал: «Она счастлива... Стоит только взглянуть на нее... Счастье так и написано на ее лице... Она так же счастлива, как могла бы быть и раньше... Даже, может быть, еще счастливее, несмотря на эти звериные шкуры, на это убогое пристанище...»

Он изумлялся:

— Внешний мир для нее больше не существует... Она не боится... Будущее уже не страшит ее...

Перед ним промелькнула черная растрепанная головка Аделины, ее розовое личико. Мелькнувший луч солнца окружил ее золотой рамкой!..

— Счастье!..

И губы его уже не кривились в иронической усмешке.

Когда Ева проснулась, он сидел около нее такой же неподвижный и серьезный, продолжая любоваться ею. Она приподнялась, вглядываясь в пустую колыбель.

— А где ребенок? — спросила она, сразу обеспокоенная.

Губерт показал ей жестом на Инносанту: усевшись на пороге, она укачивала ребенка.

— Как могла научиться этому женщина, которая никогда не была матерью?

Они смотрели на Инносанту, склонившую свое суровое загоревшее лицо над драгоценной ношей, которую она держала своими большими руками на коленях. Она как будто выросла.

Губерт и Ева молчали. Они видели, как двигались губы Инносанты. Она что-то шептала, и они уловили звук ее голоса, исполненного такой нежности, что каждое слово казалось лаской, обращенной к новорожденному.

— Что она говорит? — спросила Ева.

— Слушай!

Склонив голову, почти касаясь губами шелковистой головки, Инносанта с восторженной интонацией повторяла:

— Дитя долины Сюзанф!.. Ты узнаешь ее, нашу долину Сюзанф!.. Ты полюбишь ее... Твои маленькие ножки научатся ходить по нашей долине Сюзанф!

И Губерт подумал, что о своей деревне Иллиэц она, конечно, никогда не говорила с таким проникновением.

На следующий день послышался веселый клич Игнаца, перебрасываемый эхом от одного конца долины на другой.

— Они! — воскликнул Губерт.— Их можно узнать издалека...

Приподнявшись на своем матраце, Ева попросила Инносанту положить ребенка возле нее и настежь открыть дверь, чтобы слышать приближавшиеся голоса. Можно было различить имена, которые они всегда выкликали, возвращаясь из дальних переходов. Переступив перевал, они заранее приветствовали дорогие им существа, притягивали их к себе, наполняли всю долину своим присутствием.

— Ева! Ивонна! Губерт! Женевьева!.. Аделина!.. Инносанта!.. Ау, Инносанта!..

— Они веселы,— сказала Ева.— Они нашли кремень!..

Она увидела стариков, шедших им навстречу, госпожу Анджело и женщин. Поль, подпрыгивая, опередил их. Губерт ожидал на пороге, устремив глаза на длинную вереницу скал, которые, казалось, впитывали в себя падающие тени сумерек.

— Я их вижу! — говорил он.— Макс бежит первым... Они несут большие мешки, очень тяжелые... Игнац совсем согнулся...

— Зажги факел,— прошептала Ева.— Здесь недостаточно светло.

Макс, запыхавшись, вбежал в хижину, с обветренным от свежего воздуха лицом, и опустился возле матраца, чтобы лучше рассмотреть жену и сына. Она ждала его слов. Но он молчал: у него пропал голос. Она чувствовала на своем лбу его губы и улыбалась, без слов. Она знала, что он любовался ребенком и что, поднимая его осторожными руками, он находил его прекрасным и здоровым. Она угадывала мысль, которая шла навстречу ее мысли. Это было как бы условием, которое они заключили друг с другом: «Мы будем воспитывать его. Он будет жить. Он станет сильным». Она не замечала, что по ее лицу катились крупные слезы. У него мелькнула мысль, что она, быть может, страшится сурового будущего. Тогда речь вернулась к нему веселым потоком, который он уже не мог сдержать:

— Мы нашли кремень, Ева, целые залежи кремня! У подножия Сальэрской Башни! На другом склоне. У нас будут всякого рода орудия! Жизнь наладится, станет легкой... Ему не придется страдать! Клянусь тебе в этом!

— Кремень...— шептал дрожащим голосом де Мирамар.— Действительно, это — настоящий кремень...

Он держал в обеих руках надломленный Максом камень, гладкий и скользкий на ощупь. Он приблизил его к факелу Игнаца и любовался сизыми отблесками кремня. Вокруг него толпились люди.

— Все! Теперь у нас будет все! — восклицал он с юношеским пылом.— Лезвия, топоры, бритвы, скоблильные ножи, резцы, хирургические инструменты... Мы сможем резать! Мы сможем обрабатывать землю! Плуг из кремня. Ах, дети мои!

И вдруг, сняв свою меховую шапку, он произнес с жаром:

— Возношу свою благодарность неведомому гению, который более пятидесяти тысяч лет тому назад придумал точить кремень и спас людей своего времени, а через них — и нас...

— На воздухе хорошо, тепло... Надо вынести ребенка,— сказала Инносанта.

У Евы сжалось сердце. Расстаться с ребенком, даже на час, в первый раз...

— Я его хорошенько закутаю,— уговаривала Инносанта.

Ева улыбнулась старухе:

— Я вам его доверяю... Не уходите надолго!

Старательно закутав ребенка в самые мягкие бараньи шкуры, Инносанта осторожно положила его на руку и вынесла на воздух.

Возвращаясь с Инносантой, Ивонна увидела своего мужа, который шел ей навстречу. Они остановились друг перед другом и улыбнулись, не говоря ни слова. Он взял ее за руку. Не разнимая рук, они вернулись в свою хижину. На пороге Игнац ласково сказал:

— Мы уезжаем завтра на несколько дней с Эльвинбьоргом.

— На несколько дней! — вздохнула она.— Но вы не будете подниматься на слишком высокие горы? Вы не пойдете по опасным местам?

Игнац, серьезный и возбужденный, ответил:

— Мы пойдем далеко отсюда... На поиски людей!

IX

СВЕТ!.. МИР!.. ЖИЗНЬ!..

Уже восемь дней, как они были в пути. Поднимаясь по ледяному хребту, отделявшему Руан от Сальэрской Башни, они иногда останавливались, и взоры их устремлялись назад, к оставшейся позади долине Сюзанф. Глаза, привыкшие к нагромождению сланцевых слоев, искали тонкие струи дыма, подымавшегося от их хижин к небу, как легкий туман. Этот дымок казался дыханием их скромной жизни, пустившей корни среди скал.

Они взбирались вшестером, перевязанные веревкой, с Жоррисом во главе, осторожно выбивая во льду ступени. Иногда длинная расселина открывала перед ними узкую, бездонную, голубую пропасть, которую пересекал снежный мост. Жоррис концом своего шеста тщательно нащупывал хрупкий свод и покачивал головой. Они переходили по очереди, натягивая веревку, готовые на каждом шагу удержать друг друга.

Наконец они спустились на край обрыва и сделали привал. Вокруг них царила тишина, присущая большим высотам. Отрывистый свист сурков давно перестал нестись им вслед. Шум потока исчез. Вся жизнь замерла. Кругом были только лед и скалы.

Достигнув перевала, они увидели вдали, за извилинами хребтов, массив Монблана. Его белая глава покоилась среди ледников, окруженная неприступными бастионами, защищенная целой цепью часовых.

Они начали спускаться через морены, вдоль ледника, продвигаясь по карнизу под отвесными скалами над долиной Барберины, залитой водой. При наступлении сумерек они перешли перевал Танневерж и, склонившись над долиной Сикста, тщетно всматривались в темноту. При свете утренней зари они увидели только море, охваченное широким поясом скал.

Миновав ледник Фенива и, цепляясь за скользкие стены крутых

уступов, они долго шли по желтым скалам, похожим на окаменевшие губки, и по курчавому гнейсу, испещренному длинными полосами. Они очутились наконец над незатопленной долиной, закругленной в виде чаши. Среди унылых склонов, бугорков наносной земли и каменистых колодцев, заросших цветами, ее болотистое дно казалось ярко-зеленым.

— Это пастбище Старого Эмоссона,— объявил Жоррис.— Здесь была пастушья хижина.

С какой тревогой глаза осматривали луг! Несомненно, в этом закрытом убежище, так хорошо защищенном от воды, должны были укрыться люди. Лаворель различил передвигавшихся в траве баранов, которые жались друг к другу, и коз, стоявших вдоль оград.

— Игнац, смотри! — повторял он.

Вид зелени и живых существ наполнял его сердце надеждой.

— Мы проведем ночь в этой хижине, если только...

Он не докончил фразы. Без всяких колебаний он направился к скалам, и его проницательные глаза усмотрели жалкое нагромождение камней среди гнейса.

— Быть может,— шептал Лаворель...

Он бросился вперед, перескакивая через скалы. Сердце его учащенно билось и причиняло боль. Он вошел в отверстие.

Все последовали за ним. Не проронив ни слова, они автоматическим жестом сняли свои меховые шапки. Перед ними лежала груда тел, прижавшихся друг к другу, как будто в попытке согреться. Женская юбка, бумазейные куртки... У них не было лиц; из рукавов грубого сукна высовывались руки скелетов...

— Замерзли,— прошептал Лаворель.

— Они не могли развести огня,— сказал Жоррис.— У них не было кремня.

Ганс и Жоррис вытащили тела из хижины, отнесли в яму и завалили ее булыжником.

Три дня они прожили в этой долине. Эльвинбьорг хотел исследовать каждую полоску земли, каждое плато. Вечером они вытаскивали из своих мешков кусок сушеного мяса и возвращались к хижине.

Козы, снова одичавшие и неизвестно как перенесшие зиму, разбегались перед ними. Игнац подзывал их, прибегая к целой гамме пастушеских кликов. Капризные животные подходили к нему, быстро пугались, и неожиданно, по старой привычке, подставляли ему свое вспухшее вымя. Вдоль обвалов, покрытых незабудками, стада серн и альпийских зайцев наблюдали за людьми, удивляясь, что кроме них нашлись и другие хозяева этой пустыни...

— Продолжим поиски...— промолвил наконец Эльвинбьорг.

Они миновали перевал Вьэ и подошли к долине значительно более унылой, чем долина Сюзанф.

Это была продолговатая арена под стенами Бюэ, где зернистые фирны чередовались с конусами снежных лавин.

— Убежище серн,— сказал Жоррис.— Я помню, как здесь охотился... Очень давно...

Он рылся в своих воспоминаниях, созерцая эти крутые склоны, эту скалистую пустыню, где когда-то прыгало легкое стадо.

— Мы спали тогда в пещере.

Недолго пришлось ее разыскивать. Пещера была расположена на склоне известняковой стены. Узкий проход вел в обширное помещение, куда не проникал воздух. От низких сводов веяло тяжелой сыростью. Слышно было, как на плиты капала вода.

Лежа среди своих уснувших спутников, Лаворель отдался своим думам. Никогда еще жизнь первобытных людей не вставала перед ним с такой ясностью. Ему казалось, что он наблюдает ее на месте, осязает, держит в руках. Как могли люди жить во мраке этих пещер? Ценой каких страданий, какого жестокого отбора? Мрак пещеры наполнялся маленькими умирающими детьми... Сколько предсмертных агоний убаюкала эта струйка неугомонно капающей воды? И в течение тысячелетий люди не знали другого убежища, если не считать приюта под скалами, незащищенного от непогоды.

Чье-то беспрестанное царапание не давало Лаворелю уснуть. Какое-то животное исполняло свою обычную работу... Может быть, лисица? Он мысленно перенесся к страшным пещерным медведям, которые оспаривали у человека его убежище. И эту драгоценную жизнь, с таким трудом сохраненную, так болезненно передававшуюся из века в век,— торжествующие потомки испакостили и расточили рабством, нагрузили бесполезными страданиями!

Соединялись ли первые люди против своих общих врагов: холода, голода, страшных зверей?.. Не пытались ли они уничтожать друг друга? Это объяснило бы медленность тысячелетнего прогресса...

Его захватила любимая мечта: найти других людей, пойти к ним с распростертыми объятиями, создать между группами спасшихся существ тесные взаимоотношения, бороться сообща, чтобы победить неслыханные трудности, обогатить жалкую общую сокровищницу...

Охваченный внезапной лихорадкой, Лаворель встал, ощупью подошел к порогу и отдался созерцанию ночи, раскинувшей среди высоких скалистых пирамид свое голубое, усеянное звездами, покрывало. Вдали слабо вырисовывался край ледника. Узкая полоска неба, зажатого между вершинами, обдавала их такой нежностью, что Жан не нашел в себе решимости вернуться в темноту. Он сделал несколько шагов вперед; увидел стоявшего на террасе Эльвинбьорга и присоединился к нему... Не произнеся ни слова, они проходили всю ночь взад и вперед, пока заря не расцветила нежного купола Бюэ зеленоватым узором.

Одинокие вершины оживлялись перед ним в своеобразной фантастике. Сумрачные, изрезанные вдоль и поперек, изрытые узкими проходами лавин, обуреваемые буйным ветром,— они носили на себе отпечаток неописуемого трагизма. Среди сваленных плит и неподвижных потоков камней, сброшенных в день катастрофы, они казались единственными живыми свидетелями разрушения. Дополняя друг друга, как удары одного и того же ритма, они как бы переговорились через пространство и в таинственном диалоге соединялись в лазури. Они окрашивались соответственно временам года, принимая то черные, то красноватые, то голубые оттенки, покрываясь снегом или льдом. Одни из них были надтреснуты и торчали тонкими шпилями, другие — возвышались закругленными куполами. Все они были членами одной семьи. И этот титанический пейзаж, это собрание гигантских выступов, арен, ледников и скалистых кряжей, имел одну цель: показать свое торжество над монотонной громадой земли.

Каприз туч ежечасно менял картину. Иногда горы выходили из тумана и казались тенями с острыми контурами, неестественными, как привидения. В другой раз они грузно чернели на бледном небе и давили атмосферу надвинувшейся угрозой. Тогда Жоррис хмурился, останавливал караван и искал приюта в скалах. Но поднимался северный ветер, очищая горы своим дыханием. И снова на снегах играл блеск солнца...

Они прошли вершину Ореб и на дне долины Черной Воды увидели море. Они добрались до перевала Салентон: затопляя долину Диоза, кругом опять расстилалось море.

Море!.. Одно море!.. Теплый и как бы насыщенный водою ветер обдавал их приятными морскими запахами. Они почувствовали утомление и опустились на скалу; глаза их блуждали по зыбкому пространству.

Лаворель отчаивался. Две тысячи пятьсот метров... Это означало теперь только пятьсот! Ледники растают один за другим; снега иссякнут. Солнце станет более знойным, сожжет горчанку, прогонит серн. Весь горный массив слонялся над водой. Да... но люди будут жить! Он вскочил, встряхнулся и громко крикнул:

— Идем дальше!..

В этот день они шли с самой зари по краю Красных Игл, высокие зубцы которых закрывали весь горизонт. Они шли медленно, перевязанные веревками, с трудом поднимаясь по скалам. Ближняя вершина самой высокой иглы уже вырисовывалась черной пирамидой обезображенных скал, как вдруг дорога оборвалась. Под их ногами зияла огромная пропасть.

Склонившись над ней, Жоррис спокойно говорил:

— На двадцать пять или двадцать семь метров под нами я вижу обратный склон. Это, должно быть, проход.

— Проход! — повторил Макс, всматриваясь в далекий карниз, возвышавшийся над страшной бездной.

— Я вижу на твердой скале целый слой известняка. Это большая складка, которая, вероятно, продолжается дальше,— заявил Жоррис.

Один за другим они обвязали себя веревкой, повисли над бездной и стали спускаться к карнизу. Они шли теперь над самой пропастью по узкой тропинке, испещренной зеленым сланцем. К вершине они подошли лишь к закату солнца.

Игнац взошел первым. Невольный возглас застрял у него в горле.

Над небольшой затопленной долиной нависла чудовищная громада Монблана с его бесконечными шпилями и куполами. Горный массив подпирался гигантскими стенами с бесчисленными выступами. Вершина Монблана, увенчанная розовым сиянием, величественно царила над грудой исчезающих в сумерках пиков... Подобно огромным рекам скатывались извилистые ледники. Они медленно спускались вниз и терялись в море.

Взор следил за ними до лона вод. В этой морской могиле покоилась деревушка Шамони, ее веселые домики и виллы, целый городок отелей и пансионов и весь пояс ее лесов...

Вытянувшись на плитах, Жан Лаворель и Макс смотрели, как в глубине, под крутыми стенами, извивались склоны, образуя узкую арену, вдоль которой нагромождало свои льдины Белое Озеро. Еще ниже терялась в сумерках длинная терраса...

Вдруг из их груди вырвался крик. Не сон ли это? Не продолжали ли они галлюцинировать исчезнувшей жизнью? На террасе, возвышавшейся над мрачной водой, зажглись огни. Четыре ряда огоньков в равномерных друг от друга промежутках обрисовывали фасад невидимого дома... Четыре ряда огней, которые повелительно притягивали к себе глаза, безраздельно властвовали над всем окружающим, наполняли собой все пространство.

Путники молча взглянули друг на друга. Жоррис пришел в себя первым.

— Это можно было предвидеть! — пробормотал он.

— Отель!.. Люди!.. Неслыханное счастье найти людей!

— Спустимся вниз! Вниз! — прошептал Лаворель.

Его охватила дрожь, и подогнулись колени.

Тропинка стала непроходимой. Они должны были идти по узкому проходу лавины и цепляться за стену. Но Лаворель уже не заботился о том, чтобы удержаться, и два раза чуть не упал. Жоррис грубо его окликнул...

Уже можно было различить освещенный треугольник, выделявшийся среди ночной темноты. Вдали зажигались другие огни, рассеянные по всей равнине. Но оттуда не доносилось никакого шума. Эта странная деревушка была покинута жителями или спала...

Делая зигзаги, они спускались все ниже и ниже. Вот они уже совсем близко. Освещенный многочисленными окнами, перед ними широко раскинулся фасад отеля. Можно было подумать, что на нем сосредоточились все огни мира. Он сверкал во мраке, как ослепительный маяк. Они ощупали руками штукатурку стен, касались дверей. Жан схватился за ручку. Она не поддавалась. Он вспомнил старинные обычаи: стучать, просить разрешения войти. Над их головами пронеслись раскаты гамм. Они в недоумении переглянулись. Рояль?.. Перед этой закрытой дверью их внезапно охватил какой-то ужас. Им наглядно представился собственный их облик дикарей, в туниках из козьих шкур, с обнаженными руками и коленями, с ногами, обутыми в кожи, перевязанными ремнями, с их длинными волосами... Жоррис и Ганс сплошь обросли бородой, а волосы Игнаца курчавыми прядями спускались ему на плечи...

Жоррис постучал концом шеста.

Игра на рояле оборвалась. Послышался стук отворяемой двери, сдавленные голоса. Чьи-то тени показались у окон и исчезли.

В замке повернули ключ. Отодвинулся засов. Половинка двери приоткрылась, и надменный голос с сильным американским акцентом объявил:

— Если вы ищете здесь убежища и пищи, то мы предупреждаем, что нас полный комплект, и мы дать вам ничего не можем!

Ошеломленные, они в первый момент не могли вымолить слова. Но вот спокойный голос Эльвинбьорга произнес:

— Мы ничего не просим. Продовольствие у нас есть. Мы пришли издалека, через ледники и перевалы, в поисках других спасшихся людей.

Дверь наконец открылась. Как бы защищая порог, в дверях показалась массивная фигура. Незнакомец был в смокинге. В освещенном вестибюле обрисовался профиль его крупного и внешне безупречного силуэта.

— Кто вы? Откуда? — спросил он с недоверчивым удивлением.

Неожиданно для себя Макс вспомнил забытые формулы. Он назвал себя, рассказал в коротких словах свои приключения, назвал своих спутников и закончил:

— Мой зять, Игнац Депар... Эмиль Жоррис и Ганс Антемоз из Шампери...

Американец, осмотрев всех с ног до головы, ответил:

— Томас Аткинс, банкир, из Нью-Йорка.— И, грузно посторонившись, пропустил их вперед.

— Что касается вас, мои друзья,— добавил он, обращаясь к Жоррису и Гансу,— то пожалуйте сюда,— вы найдете там кухню для проводников.

— Позвольте! — вступился Эльвинбьорг тоном, не допускавшим возражений.— Мы не расстаемся...

Американец сделал жест пренебрежительного согласия и повел пришельцев через вестибюль. Свет огней обнаружил сплошные заплаты, покрывавшие его смокинг.

Галлюцинация продолжалась!.. Их веки закрывались от ослепительного света. За стеклянной перегородкой какой-то человек, склоненный над большой книгой, проводил их усталым взглядом. Через настежь открытую дверь, под яркими люстрами, виднелся ряд столов, беспорядочно расставленные приборы, хрусталь. Они вошли в большой зал, переполненный людьми. Их появление вызвало переполох. Женщины, занимавшие кресла-качалки, вскочили с мест. Кружок собеседников распался. В один миг опустели карточные столы. Пришельцы почувствовали на себе взоры множества изумленных глаз.

Все мужчины были в смокингах и свежевыбриты, а женщины — в светлых декольтированных туалетах. В первую минуту можно было подумать, что это — элегантная толпа. Но затем бросалось в глаза странное несоответствие. Каждый из этих туалетов состоял из различных частей, как будто из нескольких разноцветных платьев сделали одно целое. На шелковых туниках выделялись яркие разноцветные куски, бальные туфли имели вид стоптанных башмаков. Белые манишки мужчин и их потертые костюмы пестрели многочисленными починками. Среди присутствующих можно было легко отличить вдовствующих англичанок с их спокойными лицами, под кружевными наколками, чопорных мисс, хорошеньких француженок с крашеными губами, евреек, увешанных драгоценностями. Несколько женщин в темных платьях держались в стороне.

После первого минутного изумления все присутствующие подошли к этим неслыханным существам, одетым в звериные шкуры. Пронесся шопот: «Они из долины Сюзанф... Между ними есть доктор... доктор!..»

Послышались вопросы:

— Много ли людей спаслось в долине Сюзанф? Есть ли там отель, продовольствие?

Пронзительный голос, резко выделившийся среди других, спросил:

— А много ли вас умерло в долине Сюзанф?

Томас Аткинс жестом заставил говорившего замолчать.

Жан Лаворель с удивлением заметил, что их все время окружает несколько человек, как бы не допуская остальных подходить к ним слишком близко. Аткинс проклонял целый ряд космополитических имен, которые смущенный Жан плохо расслышал. Рядом с добродушным лицом какого-то немца он увидел японца с прищуренными глазами и обратил внимание на два типично француз-

ских лица: одно — массивное и точно застывшее в важном молчании, другое — тонкое, умное, насмешливое. Он услышал имена бывшего министра Латронкьэра и писателя Рабюто. Рабюто? Тот самый Рабюто, который когда-то проповедовал кровавую революцию? Рядом с ним — сэр Роберт Кройдон, совсем седая высокомерная голова, упрямый властный лоб.

До слуха Лавореля несколько раз доносились слова: совет, директора... Директора чего? У него кружилась голова. Ему казалось, что он барахтается в хаосе времен. Эти прежние слова! Эти жесты!.. Этот призрак цивилизации. Эта позолота, зеркала, рваные смокинги!.. Эта элегантная, безмолвная и так странно пассивная толпа, смотревшая на него!..

Он ощущал неприятное чувство, как будто все эти устремленные на него издали глаза преследовали его, молча спрашивали, умоляли. И вдруг все эти лица показались ему бледными, унылыми, с застывшим выражением какого-то животного отупения. Ему захотелось приблизиться к ним, поговорить, ответить!.. Но друзья Аткинса сжимали его сплошным кольцом.

Нарушив таинственное предписание, какая-то женщина дотронулась до руки Лавореля. Ее посиневшее лицо, окаймленное темными волосами, казалось оцепеневшим от ужаса. Изношенное платье из тафты имело вид изрезанных ремешков, которые развевались вокруг нее при каждом движении.

— Сударь,— сказала она тихо,— у вас в долине Сюзанф тоже умирают?

Жан не успел ответить.

Кто-то, державший его под руку, увлек его за собой...

Их посадили всех вместе за табль-д'от. Они осматривались с робким удивлением. Скатерть, хлеб, прежние блюда, закупоренные бутылки, которые приносили лакеи во фраках, повинуясь приказаниям Аткинса!..

Немец с грубым смехом наполнял рюмки, повторяя:

— За наши маленькие директорские доходы!

Жан посмотрел на него, и это добродушие показалось ему плохо надетой маской. В хаосе его мыслей вырисовывались истинные черты этих лиц, странно освещенных люстрой. В потоке их слов скрывалась какая-то тревога. Воловья шея Латронкьэра, его неподвижное повелительное лицо, привыкшее отдавать приказания... О чем он говорил? Он произносил слова с непринужденностью политического деятеля, и Лаворель слышал повторение одних и тех же фраз:

— Отель был вполне снабжен продовольствием,— вероятно, в предвидении забастовок... Наш инвентарь... Наше право первого

приобретателя... Год! Мы можем продержаться год... уменьшая порции... Год цивилизованной жизни...

А голос Эльвинбьорга спрашивал:

— А потом?

Потом? Они не знали. Старались не думать об истечении этого срока. Год... Может быть, море уйдет...

— Год... Может быть, и дольше,— прошептал японец, и загадочная улыбка его стала колкой.

— Как знать? Бесполезные рты могут до того времени исчезнуть...

Это говорил немец, глядя в сторону. Жан вздрогнул.

— При условии, что эта куча пастухов и проводников, требующая раздела, будет держаться на почтительном расстоянии.

— У нас есть огнестрельное оружие,— подтвердил ледяным тоном сэр Роберт Кройдон.

— Нам необходимо поддерживать порядок! — утвердительно сказал Латронкьэр.

— К тому же эти люди привыкли жить молочными продуктами. У них есть бараны! — воскликнул с жестким смехом Рабюто.— Пусть они оставят нам нашу муку и простыни!

Он вытянул перед собой холеные руки и продолжал смеяться. Между тем, Макс рассказывал им о жизни в долине Сюзанф, о выуживании обломков, о доставке дров, о выделке шкур. Раздался общий возглас:

— Трудиться, как рабочие? Это хорошо для горных жителей!

Они наливали друг другу полные стаканы, чокались, требовали у лакеев новые бутылки.

Жан Лаворель чувствовал возрастающее беспокойство: он испытывал физическое ощущение вечной ненависти, заставляющей тех, кто требует, набрасываться на тех, кто обладает. Точно во сне он слышал, как Макс просил снабдить их несколькими картофелинами и горстью хлебных семян. Аткинс тут же любезно исполнил его просьбу.

— Я приду взглянуть на ваши поля,— усмехнулся он.

Жоррис уложил драгоценные предметы в свой карман.

— Те, которые терпят, и те, которые властвуют!..

Несмотря на усталость, Жан продолжал мечтать... Слова еле доходили до его сознания. Немецкий акцент, американский, французская говорливость — все смешивалось в один неприятный гул. Он едва заметил, что его спутники встали из-за стола. Кто-то презрительно сказал:

— Они опустились до уровня проводников...

Шум громких голосов и опрокидываемых стульев заставил его вздрогнуть. Латронкьэр поднял свое красное с вздувшимися жилами лицо.

Лакей докладывал:

— Да... мешок с рисом... Мы только что поймали вора в погребе... Это один из этих жалких пастухов...

— Ага! — произнес немец, у которого сразу прилила кровь к голове.— Мы ему покажем...

— Нужен пример! — решил сэр Роберт Кройдон.

Они поспешно выходили один за другим. Жан хотел последовать за ними, но, покидая зал, Латронкьэр сделал знак какому-то белокурому юноше, и тот с дружеской улыбкой положил руку на плечо Лавореля.

— Мне приказано показать вам библиотеку...

Несколько бесшумно вошедших женщин окружили Лавореля. Среди них была и та, которая держалась в стороне, бедно одетая, седая, вся в черном.

— Сударь,— тихо сказала она.— Сколько у вас умирает людей в долине Сюзанф?

Снова тот же вопрос! Жан удивленно взглянул на нее. Им овладевало непонятное беспокойство.

— Я потеряла свою сестру две недели тому назад,— прошептала она и добавила:

— Я жила вместе с приятельницей в скромном пансионе. Он был затоплен... Мы укрылись сюда... Трое уже умерли...

— Сударь,— произнес другой голос.

Обернувшись, Жан увидел даму в черной тафте.

— Не могли ли бы вы увести нас в долину Сюзанф?

— Это трудно,— пробормотал он.

— По крайней мере, возьмите моего сына! Спасите моего сына! — молила она, подталкивая к Лаворелю миловидного ребенка.— Мой последний сын... Я потеряла двоих три недели тому назад!

Белокурый юноша увлекал Жана, не давая ему времени ответить. У Лавореля было опеределенное ощущение, будто у него отняли свободу.

Снова зал. Молчаливые игроки склонились над шахматной доской. Группы людей тихо разговаривали друг с другом. У рояля пела какая-то женщина. В отдалении сидел за книгой английский священник. Две старые английские мисс отвернулись с шокированным видом. Жан вспомнил о своих голых ногах.

Проводник увлек его дальше.

В вестибюле им поклонился портье, обшитый галунами.

Жан схватил своего спутника за руку.

— Объясните мне, почему все задают один и тот же вопрос?

Не говоря ни слова, молодой человек ввел его в галерею.

Несколько полок, уставленных книгами, кожаные кресла,

маленькие столики, на которые лампы бросали светлые круги.

Книги... В этой тихой, интимной комнате Лоторель почувствовал, как утихла его тревога. Подозрительная атмосфера как будто рассеялась. Несомненно, он был игрушкой возбужденных нервов... Он переходил от одной полки к другой, трогал переплеты, читал заглавия журналов, как будто находил своих лучших друзей.

— «Иллюстрасион», «Универсальная Библиотека», «Ревю де Монд», «Словарь Альпийской флоры»...

Он заметил, что они были не одни. За двумя столиками читали двое мужчин.

Короткий поклон издали... Красное лицо снова погрузилось в чтение. Жан узнал англичанина. Другой встал с места, подошел... Улыбка, полускрытая седой бородой, проницательные глаза, пенсне...

— Что касается меня, то я не жалуюсь,— говорил он.— Наконец-то у меня есть время для чтения! Я начал работу об интеллектуальном образовании вашего Тепфера, о котором я ничего не знал...

— Работу! — повторил изумленный Жан.

— Развлекаться восемь или девять часов в сутки... Это единственное благоразумное занятие, доступное среди безрассудства всего окружающего... Если бы только это могло продолжаться... продолжаться... В этой комнате не особенно мешают...

Правда, звуки рояля доносились и сюда. Он никогда не смолкал, и его беспрестанно терзали неопытные руки. Это было очень досадно.

— Этот рояль наш крест! — вздохнул профессор.

Жан в изумлении смотрит на него. Полная отвлеченность. Какая ирония!... Сон продолжался. Точно на экране кинематографа, сменялись картины самого разнообразного содержания.

— Свернуться калачиком на скале, что ли?.. Каждый делает, что умеет,— говорил его собеседник.— Вы заметили управляющего? Он продолжает заготовлять отчеты... У него любовь к порядку. Вот кто создаст себе капитал, если вернутся прежние времена... Вы увидите завтра двух английских мисс, которые будут методично завтракать. Какое им дело до исчезнувшего мира? Они получают в девять часов свой утренний кофе, сворачивают пледы в ремни и идут совершать гигиеническую прогулку.

— Они пьют только молоко... У них есть некоторый шанс продлить свое существование,— добавил со своего места англичанин.

Жан вздрогнул и поднялся с кресла. Англичанин неожиданно встал, оказавшись очень высокого роста.

It is not fair play!* — сказал он вдруг, повернув свое неподвижное

* Это не джентльменская игра.

лицо.— Мне вовсе не нравится, что здесь происходит... Я пытался закрыть глаза, читать историю Маколея, но мне это больше не удается... Я присоединюсь к горным жителям.

Жан шагнул к нему. Но профессор удержал его жестом и пробормотал, пожимая плечами:

— Есть люди, которые видят дурные сны... Да... Есть такие, у которых бывают кошмары...

Он замолчал и обычным голосом спросил:

— Конечно, у вас в долине Сюзанф тоже умирает много народа?

Наступило тяжелое молчание.

— Ох, уж эти смертельные болезни, не поддающиеся лечению,— продолжал профессор,— а затем несчастные случаи! Неосторожные люди уходят в горы, а потом их находят у подножия карниза с разбитыми черепами.

Бледный, с выступившим на лбу потом, Жан смотрел на него во все глаза. Как будто не слыша последних слов, вмешался его спутник:

— Самый несчастный — это я! Я художник, и у меня нет больше ни красок, ни кистей. А между тем, я никогда не чувствовал природу так, как теперь... среди этого горя, тревоги, при той любви к единственной роскоши, которая у нас осталась...

Он взял Жана под руку и стал его водить взад и вперед.

— Единственная роскошь... Когда я думаю о Фра-Анжелико, о Ван Дэйке, о Рембрандте...

Жан его больше не слушал. Стеклянная дверь в конце галереи осветилась и приоткрылась чьей-то невидимой рукой.

— Видите ли, оставшиеся в живых...

Они были совсем близко от стеклянной двери. В смежной, ярко освещенной гостиной, знакомые Лаворелю лица склонились над круглым столом: Рабюто писал, Латронкьэр, подняв свои широкие плечи, диктовал, по-видимому, цифры. Аткинс и немец справлялись с записной книжкой. А позади стоял неподвижно сэр Роберт Кройдон со своим тонким, загадочным лицом.

— Они каждый вечер записывают все, что было израсходовано в течение дня,— шепнул художник.

Перед освещенным отверстием, выходившим на эспланаду, обрисовалась тень.

Ловкие пальцы японца проверяли связку ключей. Вдруг они скрючились над ней с лихорадочной поспешностью, и связка исчезла. Перестав диктовать, Латронкьэр что-то сказал. Все переглянулись. С лица немца исчезло добродушное выражение. Американец скривил рот. Латронкьэр поднял свое властное жестокое лицо, Рабюто отвел глаза в сторону... Жан подумал о том, как они вдруг все стали похожи друг на друга.

Художник увлекал его в противоположную сторону от стеклянной двери. Жана охватило безграничное уныние.

— Что же осталось от человеческой души? — подумал он.

С шумом распахнулась дверь. Вбежала задыхающаяся женщина.

— Доктор? Где доктор?

— Это я...— сказал Лаворель.

— О сударь, идите скорей!

— Еще один,— прошептал художник.— Не ходите,— добавил он тихо, оглядываясь.— Это, вероятно, бесполезно!

Он пытался его удержать. Но Жан вырвался, и художник покорно последовал за ним.

Узкая кровать. Тело бесчувственной молодой девушки. Бледные щеки, глаза, наполовину вышедшие из орбит... Нервный пульс грозил каждую минуту прекращением своей напрасной работы.

Лаворель взглядом отыскал мать и стал тихо расспрашивать.

— Да! Сегодня утром... Через час после завтрака... Сразу... Она была совсем здорова!

— Всегда в один и тот же час,— как бы невольно прошептал художник.

— Тошнота? Сильные боли? Головные боли?

— Да... Да... Страшные боли... Крики... О, доктор, постарайтесь ее спасти.

— Что она ела? — спросил Лаворель.— Не могла ли она случайно отравиться?

Его слова раздались среди мертвого молчания. Через полуоткрытую дверь Жан увидел внимательные, грустные лица. Кто-то около него шепнул:

— Берегитесь!

— Мне здесь нечего делать,— тихо сказал Лаворель.—Через час или два она перестанет дышать...

Машинально он наклонился к матери, желая ее приободрить.

Распростертая перед кроватью, она его не слышала. Жан почувствовал, как его взяли за руку и силой втащили в коридор.

— Уходите сегодня же ночью! — шепнул ему на ухо художник.

— Вы произнесли слово, которое не следовало говорить...

— Что это значит? — поразился Жан, охваченный возрастающим ужасом.— Если у вас есть подозрение, надо уличать, защищаться...

— Молчите! Здесь у стен есть уши! Обличать?! Кого? Никто ничего не знает...

— Разве здесь нет честных людей? — повторил с отчаянием Лаворель.— Вы, англичанин, профессор, священник!

Его собеседник пожал плечами.

— Профессор ничего не видит... Он работает. Священник читает

Туманный день осветил хижину. Лицо Жана стало еще бледнее. Круги вокруг век, заострившийся нос, внезапная худоба, медленные слезы, изливавшие какое-то чрезмерное горе, которое спутникам не придется узнать...

— Жан! — шептал Макс.— Жан!.. Мы здесь... Возле тебя...

Глаза Жана, эти голубые глаза, смотревшие когда-то с такой нежностью на весь мир и преисполненные такого света, открылись, расширились, скользнули на минуту по взволнованному лицу Макса и остановились на Эльвинбьорге, который стоял, не спуская с него глаз. И в полной тишине, где, казалось, слышно было трепетание их душ, глаза Жана о чем-то спрашивали, полные тревоги и мольбы. Понемногу слезы его прекратились. Голубые зрачки озарились улыбкой.

Его умирающие губы прошептали:

— Ах! Фортинбрас!..

Веки опустились. Дыхание остановилось. Наступило великое молчание. Никто не дышал. Макс и Игнац опустились на колени.

Они услышали властный и тихий голос Эльвинбьорга:

— Сейчас же в путь!

Они вздрогнули, очнувшись от оцепенения, и повернулись.

— Надо возвращаться в долину Сюзанф,— говорил Эльвинбьорг.— Подумайте о ваших женах, о детях... Эти безумцы убивают кого попало.

— Но как же с ним? — рыдал Игнац.— Мы его не оставим здесь!

Эльвинбьорг жестом показал на Жорриса и Ганса, которые, согнувшись на пороге, при помощи палок и веревок сооружали носилки.

— На берег Белого Озера,— прошептал он.

Они пустились в путь. Макс и Игнац подняли тело на плечи и последовали за Эльвинбьоргом. Ганс и Жоррис шли за ними с шестами в руках, готовые к защите. Они едва замечали рывшихся в обломках людей. Они удалились, унося с собой такое тяжелое горе, что их шаги замедлялись и они не могли выпрямить плеч.

Они поднимались по косой линии между скалами и обвалами. Жоррис иногда оглядывался назад, чтобы убедиться, что их не преследовали. Тело Жана, освещенное утренним солнцем, казалось прекрасным мраморным изваянием.

Они дошли до арены, прилегавшей к выступам Красных Игл. Среди неподвижных каменных потоков прозрачное озеро казалось хрустальным. Шестами и ногтями они вырыли могилу у подножия валуна. Они хотели вырыть ее возможно глубже и сделать недоступной для диких зверей.

Ганс и Жоррис подняли на руки длинное неподвижное тело.

Эльвинбьорг, склонившись, поцеловал его в лоб. Они молча опустили свою ношу в могилу, и Игнац разбросал на ней цветы.

Когда все было кончено, он поднялись на ноги и перевязали свои мешки. Они взглянули на замершее озеро, на волны фьорда. Мелкая рябь ложилась на поверхности воды длинными, ровными складками.

— Вот направление долины Сюзанф,— указал Эльвинбьорг.

Он показал им острый барьер Красных Игл, который надо было перейти. За ним один за другим шли другие перевалы, простиравшие к небу скалистый профиль. Перед ним вырисовывались острия Белых Зубов. Несмотря на грусть, перед глазами Макса мелькало лицо молодой женщины с ребенком на руках. Игнац мысленно созерцал образ Ивонны, а Жоррис — будущие поля, засеянные между скал Сюзанфа. Они видели, как увеличивается число их хижин, как к ним присоединяются новые руки.

— Прощайте,— сказал Эльвинбьорг...— Возвращайтесь к себе... Я иду дальше... Я еще вернусь...

Но как вернуться без Лавореля? Принести с собою это горе? Снова пережить те мрачные дни, когда они думали, что над ними тяготеет проклятие?

Припав к могиле, Игнац тихо плакал. Жоррис ворчал, сжимая кулаки, старый Ганс закрыл лицо потрескавшимися руками. Макс ходил взад и вперед, подавляя негодование. Там — убивали друг друга. И ради них они потеряли лучшего из всех — их товарища, брата, учителя...

Иногда он взглядывал на Красные Иглы. Могут ли его товарищи и он сам, с дрожащими ногами и ослабевшими мышцами, перейти опасные проходы?..

Игнац перестал рыдать. Когда он поднялся, глаза его как будто отражали взгляд Лавореля.

— Они нас ждут,— проговорил он тихо.

Но остальные не двигались и не отвечали ни слова.

— Надо идти к ним, потому что они нас ждут!

Снова бодрый и гибкий, он поднялся одним прыжком и внезапно бросил, перебирая на все лады, свой прежний клич, тот самый клич, который он бросал вечером в долине Сюзанф, возвращаясь после далеких переходов.

— Ивонна! Женевьева!.. Инносанта! Инносанта!

Его звучный голос взвился к солнцу, как птица. Потом несколько тише, но с большим волнением, он стал повторять имя Ивонны, баюкал, ласкал его и — замолк.

Очнувшись от оцепенения, все напрягали слух, невольно ожидая знакомый отклик.

Из лабиринта Красных Игл до них донесся тот же голос, несколько ослабленный, вытягивавший те же ноты, перечисляя те же имена.

— Слышите? — воскликнул Игнац. — Они там!

Он остановился. Голос поднялся с другого конца ледника, колебался с минуту, подбирая слоги, и, повторяя их, погнал дальше, как бы жалея с ними расстаться... Их перехватил громкий и неясный голос эха. Перемешивая еле различаемые имена, оно перебрасывало их со скалы на скалу, пробуждая один за другим гигантские органные трубы гор...

Макс остановился. Жоррис поднялся на ноги. Старый Ганс опустил руки и улыбнулся Игнацу...

Они стояли, готовые пуститься в путь. Жоррис размотал веревку и перевязал своих спутников. Игнац пошел последним. Он снял свою тунику. Жаркое солнце покрыло испариной его обнаженный торс.

Медленно поднимались они по горячему склону, по гнейсу, отполированному ледником. Приближаясь к обрыву, они в последний раз взглянули на арену, которая углублялась под ними, сжимаясь вокруг озера.

Макс искал глазами валун, укрывавший могилу. Повернувшись на восток, Игнац повторил свой клич.

Жоррис их окликнул:

— Идем! Сумерки не должны застигнуть нас на скале.— Они перешли обрыв...

Послушные голосу Жорриса, тела их боролись со скалами, и мышцы побеждали препятствия. Но их мысли были далеко... Они чувствовали, как опрокидывалось вокруг них прежнее миросозерцание. Они больше не узнавали своих мыслей.

Свет!.. Мир!.. Все было просто и ясно. На людей налагаются очевидные обязанности. Но эти обязанности перестают обязывать. Они превращаются в радость. Весь смысл существования с его мрачными и трудными часами приобретает надежную окраску. Жизнь раскрывается перед ними, ясная, как вечернее небо, и исполненная кротостью. Самые тусклые часы, каждая минута являются чудесным даром. Работать!.. Трудиться на крутых склонах! Носить тяжести, подготовлять благополучие других!.. Служить им!.. Какая милость и какая награда! Неужели до этой минуты они не сознавали своего счастья?

А те люди — там? Они не знают... Они убивают друг друга, чтобы продлить свою жалкую жизнь. Они, убийцы Лавореля, заслуживают только жалости в своем заблуждении, в своем слепом эгоизме...

Знакомые образы воскресают в новом освещении. Прозревшие глаза видят оттенки, о которых раньше и не думалось, улавливают таинственную связь между живыми существами. Долина Сюзанф озаряется двойным светом своих вершин и цветущих скал: это уже не бесплодная арена, безвозвратно поглощающая приносимые жертвы. Долина Сюзанф — обретенный рай...

Дым из хижин витает в воздухе, насыщенном утренней свежестью. Покрытая золотистой арникой, скала горит, как факел. Кролики играют в траве. Бережно неся ребенка, ходит взад и вперед Инносанта... Смех Евы... Улыбка белокурой Ивонны, ожидающей на пороге хижины... Женевьева Андело, спешащая на работу... Сколько скромных, здоровых дерзновений!..

Весь мир представляется им в ином свете. Раскрываются поступки, смысл которых был им неясен. В их памяти оживают неуловимые движения. И когда они вспоминают Лавореля, вся жизнь которого являлась неутомимым и радостным подвигом преданности, они не чувствуют горечи и думают только о том, чтобы следовать по его пути...

Прошлое перестает их угнетать. Отчаяние не заставит их обернуться к утерянной цивилизации. Свет сияет впереди, и они — на пути к этому свету.

По временам кто-нибудь из них произносит слово, и все улыбаются, чувствуя, какими тонкими нитями они связаны друг с другом.

— Лилии Новых Ворот,— шепчет старый Ганс.

Розовато-лиловые лепестки... Перенести луковицы... Развести сады вокруг хижин...

— Научиться точить кремень,— говорит Игнац.

— Наши поля,— продолжает Жоррис.

Макс и Игнац чувствуют, как любовь, заполнявшая их душу, поглощается огромной нежностью, которая влечет их в Сюзанф.

«Раньше мы не умели любить»,— думает Макс.

Они дошли до расселины в скале... И прежде, чем затянуть веревку, они, не говоря ни слова, крепко обнялись. Друг за другом вступили они на узкий карниз. И, прижавшись к стене, вися над бездной, они отдавались своей осознанной радости, и мысли их уносились к долине Сюзанф...

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕД ОЛИВЕР

НЕЗЕМНЫЕ СОСЕДИ
Перевод с английского Х. Иванова 5

БРАЙАН ОЛДИСС

ДОКЛАД О ВЕРОЯТНОСТИ А
Перевод с английского П. Зотова 121

ФИЛИПП ДИК

УБИК
Перевод с английского И. Невструева 213

НОЭЛЬ РОЖЕ

НОВЫЙ ПОТОП
Перевод с французского Б. Рыпды-Алексеева 389

Литературно-художественное издание

НЕЗЕМНЫЕ СОСЕДИ

Сборник фантастических романов

Составитель
БАРСОВ Сергей Борисович

Редакторы *И. Мудрова, Н. Резанова*
Художник *П. Засухин*
Худож. редактор *В. Кременецкий*
Техн. редакторы *И. Иорданская, Г. Стачева*
Корректоры *И. Пигулевская, Е. Карельская*

Сдано в набор 23.09.91. Подписано в печать 14.02.92. Формат 60×84 1/16. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,69. Уч.-изд. л. 34,43. Усл.-кр. отт. 32,09. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3579. Цена договорная.

Издательство «Флокс». Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

Типография издательства «Горьковская правда» 603006, Н. Новгород, ул. Фигнер, 32.

НЕЗЕМНЫЕ СОСЕДИ